СБОРНИКЪ

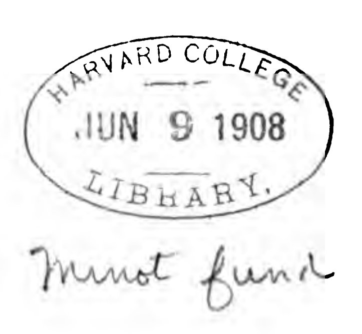
ХАРЬКОВСКАГО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Томъ 14-й.

ИЗДАНЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

проф. Е. К. Рѣдина.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія „Печатное Дѣло“ кн. К. Н. Гагарина, Клочковская ул., № 5.
1905.



Четырнадцатый томъ Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества печатается и издается въ свѣтъ на основаніи § 37 Устава Ист.-Фил. Общ. (10 окт. 1901 г.).

Предсѣдатель проф. *Н. Сумцовъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

II.

III.

Памяти проф. И. Н. Миклашевскаго.

IV.

Памяти проф. А. И. Кирпичникова.

V.

VI.

Двадцатипятилѣтіе Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ.

(1877—1902 г.).

Торжественное засѣданіе 28 февраля 1902 года.

28-го февраля 1902 года исполнилось двадцатипятилѣтіе Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ. Вечеромъ состоялось въ актовомъ залѣ университета торжественное засѣданіе, на которомъ присутствовали члены Общества, педагогическаго отдѣла, г. ректоръ университета Н. О. Куплеваскій, представители Харьковскихъ ученыхъ Обществъ и много гостей изъ мѣстнаго общества.

Предсѣдатель Общества, проф. *Н. Ѳ. Сумцовъ* открылъ засѣданіе рѣчью, посвященною общему очерку дѣятельности Общества за двадцать пять лѣтъ его существованія. *(Прилож. I)*.

Секретарь Общества, проф. *Е. К. Рѣдинъ*, прочелъ очеркъ ученой дѣятельности Общества за двадцать пять лѣтъ его существованія. *(Прилож. II)*.

Проф. *Д. И. Багалѣй*, завѣдующій историческимъ архивомъ Общества, сказалъ рѣчь, посвященную исторіи этого архива. *(Прилож. III)*.

А. В. Ветуховъ, секретарь педагогическаго отдѣла, сказалъ рѣчь, посвященную дѣятельности отдѣла за первое десятилѣтіе его существованія. *(Прилож. IV)*.

Проф. *Д. Н. Овсянико-Куликовскій*, сказалъ рѣчь, посвященную памяти проф. *А. А. Потебни*. Въ этой рѣчи ораторъ охарактеризовалъ А. А. Потебню какъ мыслителя, указалъ на связь его научно-философскихъ идей и точекъ зрѣнія съ критическою философіею, идущею отъ Канта. Открытія Потебни въ области эволюціи языка и его мысли о связи высшаго, научно-философскаго и художественнаго мышленія съ этою эволюціею языка лекторъ считаетъ важнымъ вкладомъ въ психологію мышленія и въ теорію познанія, вкладомъ, которымъ европейская наука еще не воспользовалась.

Всѣ рѣчи были выслушаны съ большимъ вниманіемъ и покрыты единодушными рукоплесканіями присутствовавшихъ въ засѣданіи гостей.

За рѣчами послѣдовало принесеніе привѣтствій.

Отъ имени Харьковскаго Университета сказалъ привѣтствіе ректоръ университета проф. Н. О. Куплеваскій:

«*Глубокоуважаемый Николай Федоровичъ!*

Позвольте мнѣ, какъ представителю Императорскаго Харьковскаго Университета, отъ имени этого учрежденія, принести Историко-Филологическому Обществу искреннее поздравленіе съ исполнившимся 25-лѣтіемъ дѣятельности Общества. Плодотворная дѣятельность Историко-Филологическаго Общества, выразившаяся въ изданіи многочисленныхъ трудовъ членовъ Общества, въ изданіи многочисленныхъ матеріаловъ, особенно въ области произведеній народнаго творчества, какъ напр. малороссійскихъ сказокъ, собранныхъ Манжурой, малорусскихъ пѣсенъ, собранныхъ Новицкимъ, трудовъ извѣстнаго украинскаго философа Гр. Сав. Сковороды, въ организаціи Педагогическаго отдѣла и историческаго архива—все это даетъ право университету считать состоящее при немъ Историко-Филологическое Общество однимъ изъ лучшихъ украшеній университета и ожидать отъ этого Общества весьма многаго на пользу исторической и филологической науки. Пожелаемъ же Обществу дальнѣйшей этой плодотворной дѣятельности и провозгласимъ ему: Vivat, cresceat et floreat».

Отъ имени Юридическаго Общества при Университетѣ сказалъ привѣтствіе проф. Н. О. Куплеваскій:

«Харьковское Юридическое Общество поручило мнѣ также принести историко-филологическому Обществу свое поздравленіе и свои наилучшія пожеланія. Плодотворная 25-лѣтняя дѣятельность историко-филологическаго Общества, направленная на безкорыстное исканіе научной истины можетъ служить ободряющимъ примѣромъ недавно возникшему Юридическому Обществу. Работая въ сопредѣльныхъ историко-филологическому Обществу областяхъ знанія юридическому Обществу придется не разъ пользоваться трудами Общества историко-филологическаго. Въ веденіи дѣлъ Общества, въ изданіи трудовъ, въ организаціи архива историко-филологическое Общество имѣетъ уже большую опытность, пріобрѣтенную 25-лѣтней практикой и Юридическому Обществу и съ этой стороны придется имѣть у историко-

филологическаго Общества примѣры и поученія. Да процвѣтаетъ филологическое Общество!

Какъ членъ историко-филологическаго Общества съ 1883 года, я былъ свидѣтелемъ его успѣшной дѣятельности въ предсѣдательство незабвеннаго Александра Аоанасьевича Потебни, въ теченіе шестилѣтняго плодотворнаго предсѣдательства проф. Марина Степановича Дринова и настоящаго предсѣдателя проф. Н. Ф. Сумцова и я прошу принять также мои личныя поздравленія и пожелать Обществу въ составѣ его всѣхъ членовъ, а въ особенности почтеннымъ предсѣдателямъ этого Общества М. С. Дринову и Н. Ф. Сумцову пожеланія добра, здоровья для продолженія плодотворной дѣятельности на развитіе науки и на пользу Общества».

Отъ имени *историко-филологическаго* факультета сказалъ привѣтствіе деканъ факультета, проф. В. П. Бузескулъ:

«*Глубокоуважаемый Николай Өеодоровичъ!*

Историко-Филологическій факультетъ горячо привѣтствуетъ Историко-Филологическое Общество въ день исполнившагося 25-лѣтія его дѣятельности. Для факультета Общество является особенно близкимъ, роднымъ, дорогимъ учрежденіемъ. Вашъ праздникъ есть въ тоже время праздникъ факультетскій: факультетъ нашъ составляетъ въ извѣстномъ смыслѣ какъ-бы часть Общества, какъ-бы сливается съ нимъ; оба работаютъ въ одной и той же области знаній, оба преслѣдуютъ въ сущности тѣ же научныя и просвѣтительныя цѣли, и развитіе и процвѣтаніе Общества не можетъ не отражаться такъ или иначе на процвѣтаніи факультета, не можетъ не радовать его, не быть ему особенно дорого... Отъ имени Историко-Филологическаго факультета выражаю сердечное пожеланіе, чтобы въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ—и даже вѣковъ—дѣятельность Общества все расширялась и развивалась и чтобы Общество всегда находило въ Университетѣ ту опору, какую оно имѣло въ немъ до сихъ поръ».

Отъ имени *Общества испытателей природы* сказалъ привѣтствіе проф. Л. Рейнгардъ·

«*Глубокоуважаемый Николай Өеодоровичъ!*

Позвольте мнѣ отъ имени Харьковскаго Общества испытателей природы, представителемъ котораго я здѣсь являюсь, принести Историко-

Филологическому Обществу искреннее поздравленіе по случаю исполнившагося 25-лѣтія его существованія.

Четверть вѣка непрестанной научной работы,—это достаточно длинный періодъ времени для отдѣльнаго человѣка, но—какъ Вы совершенно вѣрно изволили замѣтить въ своей рѣчи—время слишкомъ короткое, слишкомъ ничтожное для цѣлаго учрежденія, для ученаго Общества. Такимъ образомъ, Харьковское историко-филологическое Общество представляется Обществомъ молодымъ, юнымъ. Но и въ короткій періодъ своего существованія оно успѣло развить такую энергію, проявить такую плодотворную дѣятельность, обнаружить такіе симпатичные направленія, что успѣло пріобрѣсть сочувствіе всѣхъ слѣдившихъ за его развитіемъ и дѣятельностію. Вотъ почему я съ особеннымъ удовольствіемъ исполняю пріятную обязанность принести поздравленіе этому молодому Обществу и отъ глубины души выражаю горячее пожеланіе, чтобы оно и впредь развивалось и процвѣтало на пользу науки и дорогого всѣмъ намъ отечества.

Да здравствуетъ наука, да процвѣтаетъ историко-филологическое Общество».

Отъ имени *Харьковскаго Медицинскаго Общества* сказалъ привѣтствіе проф. А. Х. Кузнецовъ:

«Харьковское Медицинское Общество, старѣйшее изъ ученыхъ Харьковскихъ Обществъ—привѣтствуетъ своего юного собрата—Историко-Филологическое, съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ его плодотворной дѣятельности.—Задачи, легшія въ основу этой дѣятельности, на столько затрагиваютъ интересы не только спеціалистовъ, но и каждаго образованнаго человѣка, любящаго свою родину, что историко-филологическое Общество въ рядахъ своихъ членовъ видѣло и юристовъ, и естествоиспытателей, и врачей. Такъ, сегодня мы слышали, что покойный товарищъ предсѣдателя Харьковскаго Медицинскаго Общества, проф. Лашкевичъ, состоялъ его членомъ, а нынѣ состоитъ д-ръ Германъ. Отчетъ секретаря обрисовалъ намъ яркую картину прогрессирующей дѣятельности Общества и предначертанные проекты въ будущемъ. Харьковское Медицинское Общество присоединяетъ и свои искреннія и горячія пожеланія, чтобы эти предначертанія по возможности скорѣе исполнились; чтобы историко-филологическое Общество и на будущее время продолжало свою плодотворную научно-просвѣтительную дѣятельность, пока существуетъ знаніе и представитель его Харьковскій Университетъ, подъ сѣнью котораго оно и родилось, и росло, и развивается».

От имени *Математическаго Общества* привѣтствовалъ проф. А. М. Ляпуновъ:

«Я позволяю себѣ привѣтствовать историко-филологическое Общество отъ имени Харьковскаго Математическаго Общества и отъ имени этого Общества позволяю себѣ высказать пожеланіе, чтобы дѣятельность историко-филологическаго Общества продолжала расширяться и развиваться съ прежнимъ успѣхомъ на пользу науки и просвѣщенія».

Проф. М. А. Масловъ привѣтствовалъ отъ имени *Харьковской Общественной Библіотеки:*

«Мы знаемъ, какъ широка и плодотворна была дѣятельность историко-филологическаго Общества,—она вся протекла у насъ на виду; мы знаемъ, что она касалась многихъ сторонъ научной и общественной жизни и нашего города и всего края, и въ эту минуту я хочу отмѣтить еще одну область, въ которой принимало участіе и Общество, какъ цѣлое, и отдѣльные его члены. Я имѣю въ виду Харьковскую Общественную Библіотеку, въ основаніи и руководствѣ которой принимали и принимаютъ участіе многіе члены историко-филологическаго Общества. Созданіе этого учрежденія было правильно понятою потребностью всего образованнаго нашего общества; угадана также была необходимость такой библіотеки, которая дѣйствительно была бы «исходящей истины, рѣкою, наполняющею вселенную», гдѣ могъ бы найти нужное для себя и малый, и большой, и ученый, и простецъ; всѣ пріидите, всѣ насладитеся. И Общественная Библіотека становится въ настоящее время дѣйствительнымъ помощникомъ историко-филологическаго Общества въ дѣлѣ «развитія и распространенія историко-филологическихъ знаній», составляющемъ, по уставу, главную цѣль Общества. Харьковская Общественная Библіотека привѣтствуетъ историко-филологическое Общество съ днемъ 25-лѣтія его ученой и просвѣтительной дѣятельности, благодаритъ Общество за ту поддержку, которую оно оказывало Библіотекѣ во все время ея существованія и желаетъ многіе и многіе годы хранить въ себѣ, какъ неугасимый огонь, какъ дорогое сокровище, научную объективность, безпристрастіе, неподдающееся никакимъ вѣяніямъ, недѣлающее безразсудныхъ скачковъ въ неизвѣстное, неидущее со страхомъ назадъ, но шагъ за шагомъ двигающееся все впередъ и впередъ, по трудной и медленной, по вѣрной и прямой дорогѣ, по пути къ отысканію истины».

Проф. Д. И. Багалѣй привѣтствовалъ Общество отъ имени Правленія *Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности.* Въ этомъ привѣтствіи была отмѣчена одна сторона въ дѣятельности Общества, совпадающая съ дѣятельностью и Общества Грамотности—распространеніе историко-филологическихъ знаній на пользу учащихся въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, и было выражено пожеланіе дальнѣйшаго расширенія и развитія его просвѣтительной дѣятельности.

Проф. Осиповъ прислалъ привѣтствіе отъ имени *Общества физико-химическихъ наукъ* при университетѣ:

«Общество физико-химическихъ наукъ при Харьковскомъ университетѣ въ день исполнившагося XXV-лѣтія жизни и дѣятельности историко-филологическаго Общества приноситъ своему высоко-чтимому собрату вмѣстѣ съ поздравленіемъ самыя искреннія пожеланія дальнѣйшаго преуспѣянія и еще болѣе пышнаго разцвѣта научной и просвѣтительной дѣятельности историко-филологическаго Общества, которое, не довольствуясь виднымъ положеніемъ, занятымъ среди многихъ другихъ ученыхъ корпорацій, съумѣло поставить и прекрасно разрѣшить задачу совмѣщенія дѣятельности строго-академической съ дѣятельностью культурно-просвѣтительною.»

Далѣе были прочитаны многочисленныя привѣтствія и телеграммы отъ различныхъ ученыхъ Обществъ русскихъ и заграничныхъ, членовъ Общества и отдѣльныхъ лицъ.

Теплое привѣтствіе было получено отъ попечителя учебнаго округа М. М. Алексѣенко.

В. Ивановъ прислалъ привѣтствіе отъ *Харьковскаго Губернскаго Статистическаго Комитета*:

«Историко-филологическому Обществу Императорскаго Харьковскаго университета. Меньшій братъ по изученію края шлетъ свой поклонъ и привѣтъ старшему брату, четверть вѣка работающему усердно и талантливо на нивѣ народной. Да умножатся его благородныя силы, да разрастутся его безкорыстные труды, да разсѣется мракъ и ярче возсіяетъ свѣтъ знанія родного края».

Отъ Императорской Академіи Наукъ:

«Императорская Академія Наукъ привѣтствуетъ Общество съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ дѣятельности. Желаемъ процвѣтанія на многія лѣта. Непремѣнный секретарь Дубровинъ».

Отъ 2-го отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ:

«Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ привѣтствуетъ историко-филологическое Общество, состоящее при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ съ исполнившимся двадцатипятилѣтіемъ его плодотворной научной дѣятельности и желаетъ ему дальнѣйшаго преуспѣянія. Предсѣдательствующій А. Веселовскій».

Отъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества:

«Императорское Русское Историческое Общество, привѣтствуя историко-филологическое Общество при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ съ исполнившимся нынѣ двадцатипятилѣтіемъ его плодотворной дѣятельности на пользу развитія русской науки и литературы, искренно желаетъ Обществу дальнѣйшаго преуспѣянія на многіе годы. Совѣтъ Общества».

Отъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества:

«Императорское Русское Археологическое Общество, привѣтствуя историко-филологическое Общество въ день исполнившагося двадцатипятилѣтія плодотворной дѣятельности, выражаетъ Обществу свои искреннія пожеланія дальнѣйшаго многолѣтняго служенія на пользу русской науки. Помощникъ предсѣдателя графъ Толстой. Секретарь Общества Василій Дружининъ».

Отъ С.-Петербургскаго Археологическаго Института:

«Въ день двадцатипятилѣтія научной плодотворной дѣятельности Харьковскаго историко-филологическаго Общества Петербургскій Археологическій институтъ считаетъ непремѣннымъ долгомъ выразить Обществу сердечный привѣтъ и наилучшія пожеланія. Директоръ Покровскій».

Отъ Комитета Историческаго Общества при С.-Петербургскомъ университетѣ:

«Комитетъ Историческаго Общества при С.-Петербургскомъ университетѣ искренно привѣтствуетъ историко-филологическое Общество, желая ему дальнѣйшаго процвѣтанія. Предсѣдатель Карѣевъ».

Отъ Русскаго Библіологическаго Общества:

«Русское Библіологическое Общество шлетъ привѣтъ и поздравленіе къ двадцатипятилѣтію плодотворной дѣятельности историко-филологическаго Общества. Президентъ Ловягинъ. Секретарь Городецкій».

Отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ:

«Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ съ теплымъ привѣтомъ и свѣтлыми пожеланіями поздравляетъ молодого собрата, четверть вѣка бодро и плодоносно работающаго на родной нивѣ южно-русскихъ древностей и живой старины. Предсѣдатель Василій Ключевскій, Секретарь Елпидифоръ Барсовъ».

Отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества:

«Московское Археологическое Общество привѣтствуетъ двадцатипятилѣтіе дѣятельности историко-филологическаго Общества при Харьковскомъ университетѣ съ пожеланіемъ еще большаго развитія въ будущемъ».

Отъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца при университетѣ св. Владиміра:

«Историческое Общество Нестора Лѣтописца шлетъ привѣтствіе съ двадцатипятилѣтіемъ плодотворной дѣятельности. Предсѣдатель Дашкевичъ».

Отъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей:

«Старѣйшее историческое и археологическое Общество на югѣ Россіи Императорское Одесское Общество исторіи и древностей, привѣтствуя историко-филологическое Общество столь много потрудившееся уже на пользу исторической и филологической науки и для распространенія образованія, желаетъ Обществу дальнѣйшаго процвѣтанія и развитія.

Питаемъ увѣренность, что высокая культурная работа Общества, обусловленная неустаннымъ просвѣщеннымъ трудомъ его дѣятелей и сочувствіемъ чуткаго города, и впредь будетъ оказывать благотворное вліяніе на духовную жизнь южно-русскаго края и тѣмъ оставитъ глубокій слѣдъ въ исторіи русской мысли.

Предсѣдательствующій Совѣта *Э. фонъ-Штернъ.*

Секретарь *А. Маркевичъ*».

Отъ Общества Исторіи, Филологіи и Права при Варшавскомъ университетѣ:

«Общество исторіи, филологіи и права при Варшавскомъ университетѣ шлетъ свое искреннее поздравленіе и наилучшія пожеланія Харьковскому историко-филологическому Обществу блестяще работавшему четверть вѣка на научномъ и педагогическомъ поприщахъ. Товарищъ предсѣдателя Любовичъ».

Отъ Общества Исторіи и Древностей Прибалтійскихъ губерній:

«Общество исторіи и древностей Прибалтійскихъ губерній проситъ принять искреннія поздравленія къ юбилею. За предсѣдателя докторъ Шварцъ».

Отъ Уральскаго Областного Статистическаго Комитета:

«Уральскій Областной Статистическій Комитетъ поздравляетъ историко-филологическое Общество съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ, шлетъ пожеланія Обществу еще много лѣтъ приносить своею плодотворною дѣятельностью пользу дорогому отечеству. И. д. предсѣдателя Иславинъ».

Отъ Подольскаго Епархіальнаго Историко-Статистическаго Комитета:

«Подольскій Епархіальный историко-статистическій комитетъ честь имѣетъ привѣтствовать историко-филологическое Общество съ двадцатипятилѣтіемъ его дѣятельности и пожелать дальнѣйшаго преуспѣянія въ изученіи и просвѣщеніи родного края. Завѣдующій дѣлами комитета Яворовскій. Секретарь священникъ Сѣцинскій.

Отъ Таврической губернской ученой Архивной Коммиссіи:

«Таврическая Губернская Ученая Архивная Коммиссія имѣетъ честь привѣтствовать историко-филологическое Общество при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ по случаю исполнившагося нынѣ двадцатипятилѣтія его ученой и просвѣтительной дѣятельности и пожелать ему дальнѣйшаго процвѣтанія».

Отъ Нижегородской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи.

«Нижегородская Губернская Ученая Архивная Коммиссія, высоко цѣня научно-просвѣтительные труды Историко-Филологическаго Общества, шлетъ ему свое привѣтствіе съ исполняющимся 25-лѣтіемъ его существованія и выражаетъ искреннѣйшее пожеланіе дальнѣйшаго процвѣтанія его славной и многоплодной дѣятельности».

Отъ Тамбовской Ученой Архивной Коммиссіи:

«Тамбовская Ученая Архивная Коммиссія имѣетъ честь сердечно привѣтствовать глубокочтимое Общество съ двадцатипятилѣтіемъ на пользу родной науки».

Отъ Учено-Литературнаго Общества при Юрьевскомъ Университетѣ:

«Привѣтствуя Харьковское Общество по случаю двадцатипятилѣтія его плодотворной дѣятельности на пользу русской науки, Учено-Литературное Общество желаетъ собрату долгихъ успѣховъ и процвѣтанія. Ясинскій».

Отъ Одесской Публичной Библіотеки:

«Одесская Публичная Библіотека шлетъ сердечный привѣтъ, поздравленія съ юбилеемъ. Попруженко».

Отъ Комитета Воронежской Публичной Библіотеки.

«Комитетъ Воронежской Публичной библіотеки считаетъ своимъ долгомъ принести поздравленія съ исполнившимся двадцатипятилѣтіемъ благотворной и разнообразной дѣятельности историко-филологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ. Въ трудахъ Общества много цѣнныхъ данныхъ по исторіи и культурѣ Воронежской губерніи. Изслѣдователи старины и этнографіи нашей губерніи находятъ много полезныхъ свѣдѣній, разсѣянныхъ по тысячамъ страницъ 12 томовъ Сборниковъ Харьковскаго историко-филологическаго Общества. Но историко-филологическое Общество не замыкаетъ свою дѣятельность въ тѣсный кругъ архивныхъ и филологическихъ изысканій, оно выноситъ свѣтъ науки и знанія въ широкую публику и тѣмъ развиваетъ и укрѣпляетъ культурныя зачатки народной массы. Его педагогическій отдѣлъ, женскіе курсы, публичныя чтенія заложили крѣпкую связь между людьми науки и обществомъ. Комитетъ Воронежской Публичной библіотеки шлетъ горячія пожеланія продолженія и развитія просвѣтительной дѣятельности общества. Предсѣдатель Комитета Колюбакинъ».

Отъ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ:

«Русскій Археологическій Институтъ въ Константинополѣ привѣтствуетъ Общество съ двадцатипятилѣтіемъ научно-просвѣтительной дѣятельности. Директоръ Успенскій».

Отъ Русской Высшей школы Общественныхъ наукъ въ Парижѣ:

«Русская Высшая школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ съ удовольствіемъ привѣтствуетъ Харьковское историко-филологическое Общество въ день двадцатипятилѣтія его почтенной научной и педагогической дѣятельности, сердечно желая ему дальнѣйшихъ успѣховъ и процвѣтанія на пользу южно-русской науки и образованности. Ил. Мечниковъ, Ю. Гамбаровъ, Ѳ. Волковъ, Е. Аничковъ».

Отъ Югославянской Академіи Наукъ и Искусства (Загребъ):

Slavnomu historicko-filologickomu drustvu u imperatorskom universitetu u Harkovu.

«Jugovslavenska akademija znanosti i umjetnosti s velikom je radoscu razabrala, da ce se skorih dana navrsiti 25 godina, sto je u slavnom imperatorskom universitetu harkovskom osnovano historicko-filologicko drustvo. U to vrijeme slavno je drustvo toliko privcijedilo nauci i prosvjeti, da moze sponosom pogledati na prvu cetvrt stoljeca u svojem zivotu. Golemi napredak ruske nauke na polju historije i filologije, kojemu dicno pomaze slavno historicko-filologicko drustvo harkovsko, poznat je i priznat po svemu obrazovanom svijetu, a jugoslavenskoj se akademiji namece jos i duznost, da se u ovoj svecanoj zgodi sa zahvalnoscu sjeti velikih zasluga, koje je ruska nauka stekla i oko ispitivanja historije, literature i jezika juznih Slavena. Usrdno se pridruzujuci slavi uglednoga harkovskoga historiko-filologickoga drustva jugoslavenska akademija iskreno zeli, da bi buducnost ovjencata rad slavnoga drustva novim lovorikama na korist nauke i na slavu svega slavenskoga plemena».

U Zagrebu dne 3. ozujka 1902

Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti.

Predsjednik: Tadi Smiciklas. Tajnik: Fr au Vrbanic.

Переводъ:

Славному историко-филологическому Обществу при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ.

Юго-славянская Академія Наукъ и Искусствъ съ большой радостью узнала, что вскорѣ исполнится 25 лѣтъ со времени основанія при слав-

номъ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ историко-филологическаго Общества. За это время Общество столько принесло пользы для науки и образованія, что съ гордостью можетъ смотрѣть на первую четверть столѣтія въ своей жизни. Русская наука обнаруживаетъ большой успѣхъ на полѣ исторіи и филологіи, и этому успѣху прекрасно способствуетъ славное Харьковское историко-филологическое Общество, заслуги котораго признаны всѣмъ образованнымъ міромъ. Юго-Славянская академія, привѣтствуя Общество съ этимъ праздникомъ, съ благодарностью вспоминаетъ о великихъ заслугахъ, которая пріобрѣла русская наука въ области изслѣдованій исторіи, литературы и языка южныхъ Славянъ. Горячо присоединяясь къ празднику Харьковскаго историко-филологическаго Общества, Юго-Славянская академія наукъ искренно желаетъ, чтобы будущность увѣнчала трудъ славнаго Общества новыми лаврами на пользу науки и на славу всего славянскаго племени.

Загребъ, 3 Марта 1902 г.

Юго-Слав. Акад. Наукъ и Искусствъ.

Предсѣдатель *Смичиклясъ*. Секретарь *Врбаничъ*.

Отъ Научнаго Товарищества имени Шевченки, въ Львовѣ:

«До хвального Историко-филологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ».

З приводу двайцать пять лiтнього ювилею Вашого Товариства засшляемо Вам щирий привіт і бажане дальшого им найуспішнійшого розвою і пісканя науки на рiднiм українськiм грунтi. Нехай огнище свобідноі і нiякими регуляміпами нескованої працi наукової, яким доси було Ваше Товариство, разгоряеть ся чим раз сильнiйше i несе в найширшi круги тiе сьвiтло науки, яке идно тiльки може з'єднати роз'єднаних.

Д-ръ *Јван Франко.* ***Володимир Гнатюк***

Отъ Товарищества «Просвѣта» въ Львовѣ:

Сьвiтлому «Iсторико-Филологическому Обществу» при Iмператорскiм унiверзитетi в Харковi

Українсько-руське Товариство «Просьвiта» у Львовi, цiнуючи високо наукову дiяльнiсть Хвального «Iсторико-Филологического Общества» в

Харькові на поли історії, етнографії і фільольогії України-Руси, пересилає з нагоди 25-літнього ювилею привіт з щирим бажапем довголітної та успішної праці для добра відродженя України!

За Головний Видїл українсько-руського Товариства «Просьвіта» у Львові.

Отъ Галицкой Русской Матицы въ Львовѣ:

«Галицко-Русская Матица искренно привѣтствуетъ многозаслуженное Общество съ двадцатипятилѣтіемъ полезной научной дѣятельности. Дмедицкій, Яворскій».

Отъ Болгарскаго Книжнаго Дружества (Софія):

«Примите искреннее привѣтствіе и благопожеланіе отъ Болгарскаго Книжнаго Дружества. Предсѣдатель Гешовъ».

Отъ Историко-филологическаго факультета Высшей школы въ Софіи:

«Братскій привѣтъ отъ Историко-филологическаго факультета. Деканъ Шишмановъ».

Отъ почетнаго члена Императорскаго Харьковскаго университета академика Ѳ. Е. Корша.

«Историко-филологическое Общество при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ за 25-лѣтіе своего существованія обнаружило такую обширную, разностороннюю и плодотворную дѣятельность, какая была-бы въ пору подобному учрежденію въ столицѣ или даже на Западѣ, гдѣ сама тамошняя культура даетъ для своего поддержанія, усиленія и распространенія обильныя средства, представляющіяся нашимъ скромнымъ провинціальнымъ насадителямъ знанія только въ видѣ пріятныхъ, но чрезмѣрно смѣлыхъ мечтаній. Какъ и всѣ учрежденія этого рода, Харьковское историко-филологическое Общество поставило себѣ ближайшей, непосредственной задачей научныя изслѣдованія, но при этомъ неизмѣнно принимало въ расчетъ потребности русскаго просвѣщенія вообще и не мало сдѣлало въ этомъ направленіи. Будучи составлено по большей части изъ мѣстныхъ дѣятелей въ области высшаго и средняго образованія, оно является вполнѣ достойнымъ дѣтищемъ родного города, одного изъ крупнѣйшихъ и оживленнѣйшихъ просвѣтительныхъ центровъ Россіи. Съ удовольствіемъ и гордостью могу сказать, что, имѣя честь состоять уже около десяти лѣтъ членомъ Харьковскаго

историко-филологическаго Общества, я знакомъ съ его дѣятельностью не только издали, по его изданіямъ, но и на мѣстѣ, воочію, такъ какъ неоднократно принималъ личное участіе въ его засѣданіяхъ, и съ тѣми-же чувствами помышляю о томъ, что, какъ только снова попаду въ Харьковъ, буду снова присутствовать по праву въ собраніи Общества. Отъ всей души желаю ему постоянно возрастающаго процвѣтанія и безпрепятственнаго дальнѣйшаго развитія на пользу историко-филологическихъ наукъ и отечественнаго просвѣщенія».

Отъ Секретаря Славянской Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества Ивана Евсѣева:

«Двадцатипятилѣтняя самоотверженная научная дѣятельность Харьковскаго историко-филологическаго Общества является безспорнымъ торжествомъ науки, и нынѣшняя годовщина этой почтенной дѣятельности—праздникомъ для друзей науки. Да процвѣтаетъ Харьковское Историко-Филологическое Общество и да окрылятся сердца его нынѣшнихъ почтенныхъ дѣятелей новой силой и новой энергіей—при сознаніи выполненнаго долга—на дальнѣйшее плодотворное служеніе русской наукѣ».

Отъ Бориса Гринченко (изъ Чернигова):

«До Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ».

Вéлико шануючи діяльність «Общества» на користь науки й просвіти, засилаю йому своє щире привітання на день його 25-річного ювилею. Своіми высоко-коштовними працями на полі вкраінських історіі й етнографіі «Общество» заробило великоі подяки від усіх, кому дорого знати минуле й сьогочасне нашого народу.—Хай же пишає й процвітає діяльність «Общества» на добро науки, на добро того народу, серед якого воно зросло і вбилося в силу!»

Отъ Θ. Волкова (изъ Парижа):

«Съ чувствомъ глубокаго уваженія и особенной благодарности прошу Харьковское Историко-Филологическое Общество принять и мое личное почтительное привѣтствіе по поводу двадцатипятилѣтія его плодотворной дѣятельности. Пользуясь постоянно его изданіями и слѣдя съ живѣйшимъ интересомъ за работами по осуществленію этнографическаго Музея, позволяю себѣ отъ всей души пожелать Обществу дальнѣйшаго преуспѣянія и безпрепятственныхъ успѣховъ во славу и утѣшеніе нашей дорогой родины».

Отъ проф. Смирнова (Варшава):

«Поздравляю Общество съ его двадцатипятилѣтнею плодотворною дѣятельностью».

Отъ П. В. Иванова (изъ Купянска):

«Лишенный возможности, вслѣдствіе болѣзни, лично присутствовать въ памятный день 28 Февраля въ засѣданіи, имѣю честь принести Историко-Филологическому Обществу мое искреннѣйшее поздравленіе съ исполнившимся 25-тилѣтіемъ его многосторонней просвѣтительной дѣятельности. Осмѣливаюсь присоединить къ своему привѣтствію сердечное пожеланіе съ полною увѣренностію, что и впредь Общество будетъ итти по тому же пути изслѣдованія и развитія мѣстной народной жизни, внося при этомъ въ нее элементы просвѣщенія, неразрывно связаннаго съ началами гуманности.

Требованія моего ума и горячія желанія сердца состоятъ въ томъ, чтобы и въ дальнѣйшей своей дѣятельности Историко-Филологическое Общество встрѣчало постоянное сочувствіе окружающей среды, чтобы интересъ къ Обществу съ годами въ окружающей его средѣ не изсякалъ, а усиливался, возрасталъ, и чтобы, расширяя кругъ своего вліянія умноженіемъ числа своихъ членовъ, изданіемъ своихъ „Трудовъ" и основаніемъ новыхъ просвѣтительныхъ учрежденій, Историко-Филологическое Общество содѣйствовало подъему умственныхъ и нравственныхъ силъ мѣстнаго населенія.

Чѣмъ глубже, шире и выше фундаментъ, тѣмъ прочнѣе и выше воздвигнутое на немъ зданіе. И зданіе науки, представители которой составляютъ главную силу Историко-Филологическаго Общества, только тогда будетъ стоять прочно и высоко возвышаться, когда оно будетъ покоиться на широкомъ и высокомъ фундаментѣ просвѣщенной народной массы,—массы, сознающей необходимость научнаго авторитета въ жизни для закономѣрнаго пользованія каждымъ всѣми ея благами.

Пусть же ширится, крѣпнетъ и растетъ въ этомъ направленіи въ даль вѣковъ дѣятельность Историко-Филологическаго Общества при Харьковскомъ Университетѣ, освѣщая прошедшее и раскрывая будущее».

Отъ проф. Мищенко (Москва):

«Почтительно привѣтствую высокоуважаемое Общество, горячо желаю ему многолѣтняго процвѣтанія ко благу русской науки».

Отъ проф. Бережкова (Нѣжинъ):

«Отъ члена Нѣжинскаго историко-филологическаго Общества привѣтствую Харьковское ученое Общество въ двадцатипятилѣтнюю годовщину его. Предсѣдатель Общества Бережковъ».

Отъ проф. Сперанскаго, Мандеса, Рѣзанова. (Нѣжинъ).

«Привѣтствуемъ Общество, желаемъ долголѣтняго процвѣтанія».

Отъ Д. И. Эварницкаго (Москва):

«Горячо сочувствуя полезной дѣятельности Общества, отъ души поздравляю и желаю дальнѣйшихъ успѣховъ».

Отъ Якова Новицкаго (Александровскъ).

«Шлю горячее привѣтствіе Обществу по случаю истеченія первой четверти вѣка его плодотворной дѣятельности на полѣ отечественной исторіи, археологіи, этнографіи и общепросвѣтительныхъ учрежденій».

Отъ преподавателя Красноярской гимназіи Бакая:

«Изъ далекой окраины шлю Обществу сердечное поздравленіе съ юбилеемъ».

Отъ К. Шульгина, Лопатинскаго, С. Шульгина, Гехтмана (Тифлисъ):

«Свѣтъ лучезарный трудами своими вѣка проливайте; мракъ заблужденія истины словомъ живымъ вы разсѣйте».

Отъ Бориса Ляпунова (Одесса):

«Привѣтствую Филологическое Общество съ двадцатипятилѣтіемъ его плодотворной научной дѣятельности».

Отъ Лапина (Курскъ):

«Прошу Васъ принять мои искреннія пожеланія процвѣтанія Обществу на многія лѣта».

Отъ Ѳ. А. Павловскаго (Самара) [1]):

«Не откажите передать въ этотъ день и мой привѣтъ Обществу, вмѣстѣ съ искреннимъ пожеланіемъ, чтобы въ послѣдующей дѣятельности оно твердо держалось завѣтовъ своего славнаго Предсѣдателя (А. А. Потебни) этого «могучаго и прозорливаго мыслителя», неутомимаго изслѣдователя, работы котораго составляютъ настоящія открытія въ области языкознанія; этого борца за свободу университетскаго преподаванія, вполнѣ независимаго, ничѣмъ не подкупаемаго друга правды, которую при всѣхъ обстоятельствахъ онъ высказывалъ хладнокровно и мужественно, прямо и просто, безъ компромиссовъ и колебаній».

[1]) Въ письмѣ на имя М. С. Дринова.

ПРИЛОЖЕНІЯ

I

Рѣчь Н. Ѳ. Сумцова

Двадцатипятилѣтіе Историко-филологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ.

Ровно 25 лѣтъ тому назадъ, 28 февраля 1877 года, состоялось первое засѣданіе историко-филологическаго Общества, и теперь на меня, какъ предсѣдателя этого учрежденія, выпадаетъ обязанность дать общую характеристику научной его дѣятельности за истекшее двадцатипятилѣтіе и отмѣтить наиболѣе крупныя явленія въ его внутренней жизни.

Если подъ наукой въ широкомъ значеніи этого слова разумѣть не только группы знаній, систематизированныхъ и объективно-достовѣрныхъ, но и самое стремленіе къ знанію, понимаемая въ такомъ широкомъ значеніи наука представляетъ въ основѣ своей явленіе личное и субъективное. Она зарождается и живетъ въ отдѣльныхъ лицахъ, какъ страстное стремленіе къ истинѣ, и развивается, главнымъ образомъ, въ тиши кабинетовъ и лабораторій. Но въ самомъ процессѣ разысканія истины всегда лежитъ столько увлеченія и скрывается такая живительная сила, что индивидуальная наука стремится пріобрѣсти соціальное значеніе. Ученый, подобно поэту, музыканту, драматическому артисту, нуждается въ общественности и въ сочувствіи. Даже аскеты науки, крайніе спеціалисты и кабинетные ученые ищутъ возможности выразить свои мысли въ печати или въ аудиторіи.

Уже на первыхъ стадіяхъ науки, въ туманной дали сѣдой древности, обнаруживается стремленіе людей спеціальныхъ знаній къ сплоченію, стремленіе, выливавшееся большей частью въ узкія кастовыя и жреческія формы. Къ концу среднихъ вѣковъ возникаютъ свободныя университетскія корпораціи. Рядомъ съ университетами въ эпоху Возрожденія, преимущественно въ XV вѣкѣ, возникаютъ въ Италіи многочисленные частные кружки свободныхъ мыслителей и художниковъ. Одни кружки съ теченіемъ времени обращаются въ академіи наукъ и искусствъ, прочныя учрежденія, съ опредѣленными уставами и штатами; другіе остаются на положеніи частныхъ учрежденій. Съ теченіемъ времени весь западноевропейскій культурный міръ покрывается густой сѣтью ученыхъ об-

ществъ, создается громадная ученая литература и возникаетъ та колоссальная коллективная ученая сила, которая даетъ себя чувствовать въ самыхъ удаленныхъ и глухихъ уголкахъ земного шара. Опираясь на эту силу, Германія выдвигается на первый планъ міровой исторіи и заставляетъ всѣхъ спѣшить въ усвоеніи и распространеніи наукъ, потому что для всѣхъ дѣлается очевиднымъ, что сильно отставшіе въ наукахъ будутъ побѣждены въ конкурренціи народовъ и что горе будетъ побѣжденнымъ.

Въ нашемъ отечествѣ исторію ученыхъ обществъ можно начинать съ малорусскихъ церковныхъ братствъ XV ст. Эти скромныя учрежденія, состоявшія изъ мѣщанъ и казацкой старшины, уже прекрасно поняли могучую силу науки, и потому они устраивали школы, посылали заграницу учиться, издавали книги и всѣми возможными тогда способами стремились поднять и распространить науки, прежде всего науку богословскую, которая, по условіямъ того времени, болѣе всего была нужна.

Старѣйшія изъ ученыхъ обществъ въ Россіи — Вольно-экономическое, возникшее въ 1769 г. въ Петербургѣ, и „Вольное Россійское собраніе", возникшее въ Москвѣ въ 1771 г. Первое общество оказалось очень долговѣчнымъ и весьма плодотворнымъ. Второе продержалось всего 12 лѣтъ и закрылось въ 1783 году, выпустивъ въ свѣтъ 6 книжекъ „Опыта трудовъ"

Въ исторіи развитія русскихъ ученыхъ и просвѣтительныхъ обществъ огромное значеніе имѣютъ университеты, особенно старѣйшій, московскій

Въ значительной степени подъ вліяніемъ Московскаго университета точнѣе, подъ вліяніемъ и по иниціативѣ профессора Московскаго университета Шварца, возникло въ 1779 г. въ Москвѣ Дружеское ученое Общество, душой котораго вскорѣ сталъ славный журналистъ, филантропъ и ученый Новиковъ. Общество продержалось до 1791 г., всего 12 лѣтъ; но оно оставило послѣ себя глубокій нравственный слѣдъ, по нравственной чистотѣ положенныхъ въ него принциповъ и по нравственной высотѣ своихъ главныхъ дѣятелей. Вліяніе этого Общества отразилось позднѣе въ 1801 г. на Московскомъ дружескомъ литературномъ Обществѣ и, черезъ посредство послѣдняго, еще позднѣе, въ 1815 г., на Петербургскомъ Арзамасѣ.

Въ 1804 году, по иниціативѣ Михаила Никитича Муравьева, при Московскомъ университетѣ возникло Общество исторіи и древностей россійскихъ, которое нынѣ является старѣйшимъ русскимъ историческимъ Обществомъ. Это общество оказало очень большія услуги русской исторіи. Въ «Чтеніяхъ» Общества издано множество драгоцѣнныхъ изслѣдованій и матеріаловъ по исторіи и этнографіи Россіи.

Харьковскій университетъ сыгралъ для мѣстнаго края большую и благотворную роль въ значеніи патрона ученыхъ обществъ. Въ 1812 г. при немъ возникло «Общество наукъ», съ цѣлью «распространенія наукъ и знаній, какъ черезъ ученыя изысканія, такъ и черезъ изданіе въ свѣтъ общественныхъ сочиненій». Общество состояло изъ двухъ отдѣленій—естественныхъ наукъ и словесности. Въ 1817 году Общество издало первый томъ своихъ «Трудовъ», который остался единственнымъ. Слаба была тогда наука, еще слабѣе общественность; неудивительно, что дѣятельность Общества была очень слабой и къ началу 1830 г. прекратилась окончательно.

Прошло болѣе тридцати лѣтъ, глухихъ и мрачныхъ, когда наука едва просачивалась изъ подъ цензурнаго пресса, а общественность казалась убитой и погребенной; прошли эти годы, и вотъ въ 1869 году при Харьковскомъ университетѣ возникаетъ Общество испытателей природы, а въ 1876 году—общество историко-филологическое, и каждое изъ нихъ выростаетъ въ самостоятельное учрежденіе, устойчивое и прочное, каждое изъ нихъ благополучно празднуетъ 25-лѣтіе и имѣетъ всѣ задатки на долголѣтіе и плодотворную дѣятельность на пользу общественнаго и научнаго прогресса.

Харьковское историко-филологическое общество по характеру своему примыкаетъ къ возникшимъ ранѣе его Московскому Обществу исторіи и древностей Россійскихъ, которое функціонируетъ съ 1804 года, Одесскому Обществу исторіи и древностей, дѣйствующему съ 1841 г., и Кіевскому Обществу Нестора лѣтописца, которое возникло на пять лѣтъ ранѣе Харьковскаго. Всѣ эти три Общества прислали сегодня Харьковскому историко-филологическому обществу теплыя привѣтствія, и Харьковскому историко-фолологическому обществу чрезвычайно лестно примкнуть къ своимъ старѣйшимъ товарищамъ и работать совмѣстно съ ними на почвѣ изученія отечественной исторіи.

Возникновеніе историко-филологическаго общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ въ концѣ семидесятыхъ годовъ совпало съ оживленіемъ провинціальной исторіографіи, съ тѣмъ стремленіемъ къ изученію русской старины и народности, которое обнаружилось какъ продуктъ происходившаго въ самомъ обществѣ стремленія къ развитію національнаго самосознанія на почвѣ изученія отечественной исторіи. Интересъ къ историческимъ изученіямъ въ разныхъ городахъ проявился различно, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Въ однихъ мѣстахъ возникли архивныя коммиссіи; въ другихъ—главными работниками выступили церковно-археологическіе комитеты, въ третьихъ—Общества изученія

родного края. Кое-гдѣ оживились и занялись мѣстной исторіей такія учрежденія, какъ статистическіе комитеты. Мѣстами возникли музеи археологическіе или историческіе, вокругъ которыхъ группировались мѣстные любители исторіи.

Харьковскому историко-филологическому обществу выпала трудная задача совмѣстить въ своей дѣятельности разные научные интересы, выдвинутые современнымъ быстрымъ прогрессомъ историко-филологическихъ изученій, позаботиться о собираніи архивныхъ матеріаловъ, описи ихъ, изданіи и разработкѣ, позаботиться о собираніи этнографическихъ матеріаловъ, о развитіи въ Обществѣ научныхъ и педагогическихъ интересовъ, о сохраненіи памятниковъ старины, о чествованіи памяти славныхъ дѣятелей науки и литературы. Въ Обществѣ находили выходъ спеціальные научные интересы въ сферѣ исторіи языка и словесности, исторіи развитія правовыхъ отношеній и институтовъ, исторіи церкви, исторіи искусства, по археологіи и этнографіи. Здѣсь, въ Обществѣ, давались отчеты и сообщенія по разнымъ текущимъ научнымъ новостямъ, какъ радостнымъ при открытіи новыхъ важныхъ памятниковъ старины, напр. трактата Аристотеля о политикѣ, такъ и печальныя, напр., некрологи о почившихъ дѣятеляхъ науки.

Двадцатипятилѣтіе въ жизни ученаго Общества срокъ небольшой, въ сравненіи съ вѣчной жизнью науки срокъ ничтожный, но намъ, кратковременнымъ участникамъ учрежденія, нужно съ нимъ считаться, нужно дорожить такими сроками, по хрупкости и мимолетности каждой человѣческой жизни въ отдѣльности. Въ 25 лѣтъ складывается уже обстановка общественной жизни, возникаетъ самостоятельное привычное ученое жилье, накапливается опытъ, вырабатываются традиціи, хорошія преданія, хорошія воспоминанія, устойчивыя личныя отношенія и привязанности. Отдѣльные дѣятели сходятъ съ жизненной сцены, но послѣ нихъ остаются проведенныя ими въ предѣлахъ Общества борозды ихъ умственнаго труда и ихъ нравственныхъ стремленій.

...На жизненныхъ браздахъ
Мгновенной жатвой поколѣнья,
По тайной волѣ Провидѣнья,
Восходятъ, зрѣютъ и падутъ,
Другіе имъ во слѣдъ идутъ....

Многовѣковая человѣческая культура и ея главная выразительница—историческая наука—всегда стремились къ тому, чтобы роковое вытѣсненіе предковъ потомками не было механическимъ движеніемъ природныхъ силъ, чтобы на каждомъ слоѣ потомства ложился отпечатокъ куль-

турнаго труда ближайшаго старшаго поколѣнія. Вѣрная, преданная память и теплая благодарность тому прошлому, которое, сходя въ могилу, сдало намъ на охрану и развитіе стремленіе къ высокимъ идеаламъ истины, добра и красоты, которое завѣщало потомству свой умственный трудъ и свои лучшія моральныя стремленія. Въ такомъ завѣщаніи скрывается нѣкоторая побѣда жизни надъ смертью.

Какъ отдѣльному ученому дѣятелю, такъ и ученому Обществу, въ интересахъ чисто практическихъ, по временамъ, въ такіе обязывающіе моменты, какъ обычные юбилейные сроки, полезно сдѣлать общій осмотръ пройденнаго пути, произвести подсчеты и провѣрки, что сдѣлано, какъ сдѣлано, что отложено, что не приведено въ исполненіе и почему, по случайному ли недосмотру, или потому, что задача превышала средства и силы.

Харьковское историко-филологическое общество въ теченіе 25 лѣтъ выросло въ крупное и сложное ученое учрежденіе. При Обществѣ въ настоящее время состоятъ слѣдующія учрежденія: Историческій архивъ (съ 1880 г.), Педагогическій отдѣлъ (съ 1892 г.) и 2 библіотеки. Въ текущемъ году учреждается Этнографическій музей. Въ 1895 г. отъ имени историко-филологическаго общества устроены были женскіе курсы. Съ 1897 г. устраиваются общедоступныя публичныя научныя чтенія съ туманными картинами. Издано 12 томовъ «Сборника» изслѣдованій и матеріаловъ (архивныхъ и этнографическихъ), 7 выпусковъ «Трудовъ» членовъ педагогическаго отдѣла и Пособіе для устройства научныхъ и литературныхъ чтеній. При Обществѣ учреждена премія имени А. А. Потебни за лучшія студенческія сочиненія по исторіи русскаго языка и литературы.

Что содѣйствовало росту Общества?

Прежде всего нужно отмѣтить то важное обстоятельство, что Общество состоитъ при Университетѣ. Опора капитальная! Университетъ предоставляетъ помѣщеніе для засѣданій Общества и Педагогическаго отдѣла, для публичныхъ лекцій, устраиваемыхъ отъ имени этихъ учрежденій, и для Историческаго архива. Около десяти лѣтъ Общество получаетъ отъ Университета ежегодныя субсидіи—600 руб. на архиваріуса и 400 руб. на изданіе трудовъ и матеріаловъ Общества. Но самое важное—личное участіе профессоровъ и преподавателей Университета въ дѣятельности Общества и Педагогическаго отдѣла. Историко-филологическій факультетъ почти въ полномъ составѣ входитъ въ Общество. Далѣе, въ засѣданіяхъ Общества дѣятельное участіе всегда принимали многіе профессора и преподаватели юридическаго факультета. И среди профессо-

ровъ другихъ факультетовъ Общество находило сочувствующихъ людей или полезныхъ членовъ. Любопытно, что съ такой, на первый взглядъ, далекой и чуждой стороны, какъ физико-математическій факультетъ, пришло нѣсколько лицъ съ интересными и цѣнными докладами по археологіи и исторіи Харьковскаго Университета. Въ день своего 25-ти-лѣтія историко-филологическое общество съ чувствомъ живѣйшей признательности подчеркиваетъ высокій и благотворный научный патронатъ Императорскаго Харьковскаго Университета и я, какъ его оффиціальный представитель, долженъ добавить, что, при всѣхъ перемѣнахъ въ личномъ составѣ университета, Историко-филологическое Общество всегда находило поддержку въ лицѣ ректора, въ правленіи и въ университетской корпораціи.

Самымъ важнымъ условіемъ роста Общества было усердіе его членовъ. Общество всегда представляло крѣпкое цѣлое съ значительнымъ контингентомъ постоянныхъ и неустанныхъ работниковъ. Достаточно упомянуть здѣсь, напримѣръ, члена учредителя А. И. Кирпичникова, инниціатора учрежденія, принимавшаго участіе въ составленіи устава и въ первоначальной дѣятельности Общества, членовъ учредителей А. С. Лебедева и М. С. Дринова, въ теченіе всего двадцатипятилѣтія неизмѣнно трудившихся для Общества, затѣмъ вошедшихъ позднѣе, но много поработавшихъ Д. И. Багалѣя, В. П. Бузескула, М. Е. Халанскаго, Е. К. Рѣдина и мн. др.[1]).

Въ теченіе многихъ лѣтъ во главѣ Общества стояли послѣдовательно, одинъ за другимъ, два вождя, имена которыхъ пользуются почетной извѣстностью въ ученомъ мірѣ. Съ 1878 по 1890 г., въ теченіе 12 лѣтъ, предсѣдателемъ Общества былъ знаменитый лингвистъ Ал. Аѳ. Потебня, съ 1890 по 1895 г., т. е. въ теченіе 5 лѣтъ дѣлами Общества руководилъ мой многоуважаемый старшій товарищъ, общепризнанный знатокъ славянскихъ нарѣчій проф. М. С. Дриновъ. Предсѣдательство этихъ ученыхъ оставило послѣ себя много отрадныхъ и дорогихъ воспоминаній, которыя могутъ служить путеводными свѣточами въ дальнѣйшей дѣятельности Общества. Каждый изъ этихъ вождей содѣйствовалъ преуспѣянію Общества не только усиленнымъ участіемъ въ его трудахъ и постоянными заботами о его процвѣтаніи, но и своимъ личнымъ привлекательнымъ нравственнымъ образомъ.

Значеніе дѣятельности А. А. Потебни и М. С. Дринова, въ положеніи предсѣдателей Общества, съ точностью выяснено и формулировано въ тѣхъ адресахъ, которые были поднесены имъ отъ имени Общества, по оставленіи ими обязанностей предсѣдателя.

---

[1]) Болѣе подробныя указанія даны въ рѣчи секретаря Общества проф. Е. К. Рѣдина.

Много почтенныхъ дѣятелей Общества отошло уже въ вѣчность, и память о нихъ хранится на страницахъ изданій Общества, или въ ихъ трудахъ и докладахъ, или въ некрологахъ.

Въ 1891 г. скончался А. А. Потебня. Его высоко-плодотворной ученой дѣятельности посвященъ особый докладъ проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго Здѣсь достаточно сказать, что личное участіе Потебни въ засѣданіяхъ Общества, всегда живое и поучительное, пробуждало научную пытливость и открывало новыя оригинальныя точки зрѣнія.

Однимъ изъ учредителей историко-филологическаго общества былъ Ник. Алексѣев. Лавровскій († 1899), оставившій послѣ себя прочную память, какъ солидный ученый и отличный преподаватель. Лавровскій рано оставилъ Харьковскій университетъ, рано вышелъ изъ состава историко-филологическаго Общества, но добрая о немъ память неизмѣнно хранилась среди его университетскихъ товарищей и учениковъ и его живые педагогическіе интересы нашли впослѣдствіи выраженіе и продолженіе въ дѣятельности Историко-филологическаго общества и Педагогическаго его отдѣла.

Съ 1880 по 1887 г. въ дѣлахъ Общества принималъ участіе Ив. Ив. Дитятинъ, въ то время весьма популярный профессоръ по каѳедрѣ исторіи русскаго права. Строго-серьезный и требовательный, человѣкъ независимаго ума и стойкаго характера, Дитятинъ пользовался въ университетской средѣ большимъ уваженіемъ. Онъ посѣщалъ засѣданія историко-филологическаго общества, дѣлалъ доклады, принималъ участіе въ первоначальной разборкѣ историческаго архива. Этотъ несчастный ученый скончался въ 1892 г. на 45 г. жизни.

Отъ 1890 по 1896 г. въ числѣ самыхъ дѣятельныхъ и доброжелательныхъ членовъ Историко-Филологическаго Общества былъ священникъ Николай Алексѣевичъ Лащенко. Онъ регулярно посѣщалъ засѣданія Общества, помѣщалъ въ его изданіяхъ цѣнныя историческія изслѣдованія, внимательно выслушивалъ доклады, дѣлалъ подчасъ свои замѣчанія и принималъ дѣятельное участіе въ разныхъ предпріятіяхъ Общества, напримѣръ, въ дѣлѣ устройства надгробнаго памятника украинскому философу Г. С. Сковородѣ.

Еще такъ недавно члены историко-филологическаго общества видѣли въ своей средѣ профессора Ивана Ник. Миклашевскаго, молодого, энергичнаго, человѣка пытливой научной мысли, отзывчиваго на всѣ интересы Общества. Доклады Миклашевскаго затрогивали весьма любопытныя бытовыя стороны старой Руси и всегда были предметомъ самаго живого обсужденія. Во всякомъ трудномъ общемъ дѣлѣ всегда можно было раз-

считывать на участіе Ивана Николаевича. Въ лицѣ И. Н. Миклашевскаго Общество потеряло большую нравственно-отзывчивую и научную силу.

Съ 1889 по 1896 г. въ составъ Общества входилъ профессоръ Ив. Мих. Собѣстіанскій, скончавшійся въ 1896 г. 39 лѣтъ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ историко-филологическаго и педагогическаго отдѣла, дѣлалъ доклады, вызывавшіе оживленныя пренія, прочиталъ учительницамъ 8 лекцій по исторіи русскаго права.

Въ началѣ существованія историко-филологическаго общества въ составъ его входилъ Юр. Ив. Морозовъ, который былъ почти единственнымъ представителемъ научныхъ археологическихъ интересовъ и сдѣлалъ нѣсколько сообщеній по археологіи края, сообщеній, столь цѣнныхъ, что недавно они собраны и снова напечатаны въ трудахъ предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ.

Въ первые годы въ число членовъ Общества входили покойный проф. В. К. Надлеръ, несшій обязанности предсѣдателя въ 1877—1878 г., покойные профессора Г. М. Цѣхановецкій, И. П. Сокальскій, О. И. Пѣховскій, Л. З. Колмачевскій и приватъ-доцентъ Н. А. Андреевскій, несшій въ первые три года, до своей кончины въ 1880 г., обязанности секретаря.

Изъ выдающихся сотрудниковъ и доброжелателей Общества, оказавшихъ услуги пожертвованіями, должны быть помянуты покойный этнографъ, талантливый малорусскій поэтъ, Ив. Ив. Манжура, предоставившій въ распоряженіе Общества весьма цѣнные этнографическіе матеріалы, и А. С. Геевскій, сдѣлавшій много пожертвованій книгами и рукописями.

За этими умершими встаютъ ряды другихъ, имѣвшихъ отношеніе къ Обществу, или въ положеніи членовъ, посѣщавшихъ засѣданія, или въ положеніи жертвователей книгъ, рукописей, брошюръ. Загробныя тѣни протянулись длиннымъ рядомъ, и ко всѣмъ имъ можно примѣнить молитвенныя слова покойнаго малорусскаго поэта Я. И. Щеголева:

О помьяны, мій Боже, ихъ
У житлахъ праведныхъ Твоихъ.

Доклады и сообщенія шли отъ мѣстныхъ членовъ Общества, отъ членовъ иногороднихъ и отъ выдающихся ученыхъ, приходившихъ съ Обществомъ въ случайное соприкосновеніе, напримѣръ, В. В. Латышева, Фед. Евг. Корша. Въ первые годы, когда у Общества не было своего изданія, рефераты печатались въ иногороднихъ научныхъ изданіяхъ, большей частью въ «Кіевской Старинѣ» и въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ». Съ 1890 г. большая часть рефератовъ находитъ мѣсто въ

издаваемомъ Обществомъ «Сборникѣ». Ежегодно бываетъ около 8 засѣданій Общества и почти такое же число засѣданій Педагогическаго отдѣла. Въ зависимости отъ временныхъ условій въ одни годы преобладали доклады по филологіи, въ другіе—доклады по мѣстной исторіи; но при всемъ томъ всегда обнаруживалась разносторонность, разныя темы, разные методы изслѣдованія, въ зависимости отъ научной дисциплины и отъ личныхъ точекъ зрѣнія.

Среди изданій Общества выдающееся мѣсто занимаютъ «Собраніе сочиненій Г. С. Сковороды» и «Пособіе для устройства научныхъ и литературныхъ чтеній». Оба изданія получили большое распространеніе и вызвали много одобрительныхъ рецензій.

Дружными усиліями своихъ членовъ Историко-Филологическое Общество и Педагогическій Отдѣлъ неуклонно шли къ выполненію постановленнаго въ 1 параграфѣ высокой задачи— изученію и распространенію историко-филологическихъ знаній.

Сознавая свою связь съ мѣстнымъ образованнымъ обществомъ и дорожа вниманіемъ и сочувствіемъ мѣстныхъ руководящихъ общественныхъ силъ, Историко-Филологическое Общество всегда стремилось къ распространенію и популяризаціи научныхъ знаній. Отъ имени Общества и Педагогическаго Отдѣла устраивались публичныя лекціи, общедоступныя научныя чтенія съ туманными картинами, научные курсы. По поводу наиболѣе крупныхъ литературныхъ событій устраивались публичныя засѣданія. Такія засѣданія были по поводу кончины Достоевскаго, Тургенева, Потебни, по случаю столѣтней годовщины со дня рожденія Жуковскаго, пятидесятилѣтій со дни кончины Пушкина и Гоголя, десятилѣтія со дня кончины Потебни [1]).

Въ лицѣ предсѣдателя или депутатовъ, Общество принимало участіе въ археологическихъ съѣздахъ, въ празднованіи 25-тилѣтія Московскаго археологическаго Общества, въ чествованіи Рудольфа Вирхова по случаю его восьмидесятилѣтія, въ празднованіи десятилѣтія Харьковской общественной библіотеки и въ другихъ случаяхъ, требовавшихъ общественнаго вниманія.

Какъ ни разнообразна была дѣятельность Общества, на ней лежитъ одинъ общій и объединяющій отпечатокъ стремленія къ исторической истинѣ и къ прогрессу въ широкомъ значеніи развитія всѣхъ гуманитарныхъ знаній и любовнаго приложенія ихъ къ дѣйствительной жизни.

---

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія даны въ рѣчи секретаря Общества проф. Е. К. Рѣдина. Примѣчаніе автора.

Въ теченіе многихъ лѣтъ И. Ф. Общество трудилось при весьма неблагопріятныхъ условіяхъ. Въ 80-хъ годахъ Историко-Филологическій факультетъ, служившій всегда научной базой для Общества, страдалъ отъ крайней малочисленности. Многія каѳедры были вакантны. Одно время совсѣмъ не было представителей по всеобщей литературѣ и по исторіи искусства. Одно время даже по Русской исторіи не было штатныхъ преподавателей.

Къ числу неблагопріятныхъ условій нужно отнести историческую бѣдность края, почти полное отсутствіе историческихъ памятниковъ и крайнюю скудость преданій. Въ условіяхъ мѣстной жизни очень мало такого, что могло бы развивать историческіе интересы. Общія космополитическія теченія въ значительной степени разрушили и стерли даже ту скромную бытовую или этнографическую старину, которая въ недавнемъ прошломъ придавала мѣстному населенію нѣкоторый оттѣнокъ своеобразности. Мѣстный историческій факторъ получилъ такое крошечное значеніе, что, за исключеніемъ немногихъ лицъ, онъ, можно сказать, совсѣмъ сошелъ со сцены живыхъ интересовъ интеллигентной среды. Правда, слабость мѣстныхъ историческихъ интересовъ не замѣтна въ дѣятельности И. Ф. Общества, незамѣтна въ его изданіяхъ, гдѣ она затушевана усердіемъ отдѣльныхъ лицъ, но она замѣтна на численномъ составѣ Общества, которое всегда было слишкомъ малымъ для большого университетскаго города и культурнаго центра обширнаго края.

Около 12 лѣтъ Историко-Филологическое Общество не имѣло никакихъ матеріальныхъ средствъ, кромѣ членскихъ взносовъ, дававшихъ ежегодно около 70 рублей, которые уходили на мелкіе расходы. Остатки получались очень малые, такъ что въ концѣ пятаго года существованія общества накоплена была очень скромная сумма въ 239 рублей.

Такъ продолжалось до выдачи университетомъ ежегодной субсидіи въ 900 руб., позднѣе увеличенной на 100 руб. Къ университетской субсидіи присоединились доходы отъ продажи изданій Историко-Филологическаго Общества, отъ платы за входъ на популярныя научныя лекціи, единовременная субсидія отъ Полтавскаго губернскаго земства въ 300 руб., единовременная субсидія изъ суммъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ 400 рублей и нѣкоторыя другія мелкія статьи прихода.

Несмотря на слабость своихъ матеріальныхъ средствъ, Историко-Филологическое Общество обнаружило большую жизнеспособность и вошло въ живую и дѣятельную связь со многими русскими и инославянскими учеными обществами. Путемъ безкорыстнаго и неизмѣнно настойчиваго труда своихъ членовъ, и при бѣдныхъ средствахъ Общество собрало

богатый научный инвентарь, массу архивнаго и этнографическаго матеріала, цѣнную библіотеку, собраніе рукописей, значительную коллекцію свѣтовыхъ картинъ, превосходный фонарь, шкафы, витрины, собраніе фотографій университетскихъ дѣятелей. Подсчета всѣхъ пріобрѣтеній и накопленій не сдѣлано, да и мудрено сдѣлать такой подсчетъ въ приложеніи, напримѣръ, къ архивному матеріалу. Если ограничиться одной библіотекой, то можно сказать, что въ лицѣ Историко-Филологическаго Общества университетъ пріобрѣлъ цѣнное ученое подспорье.

Историко-Филологическое Общество, оглядываясь въ юбилейный день на свое прошлое, можетъ почерпнуть изъ него не мало нравственнаго удовлетворенія и имѣетъ достаточно основанія усматривать въ своемъ прошломъ залогъ и предвѣстіе свѣтлаго будущаго.

Эта надежда въ настоящее время представляется тѣмъ болѣе умѣстной и возможной, что Общество въ новое 25-ти-лѣтіе вступаетъ съ новымъ уставомъ, выработаннымъ послѣ тщательнаго обсужденія, примѣнительно къ современнымъ нуждамъ и потребностямъ Общества.

25 лѣтъ Общество прожило при старомъ уставѣ, и о немъ теперь, съ переходомъ къ новому уставу, нужно помянуть добрымъ словомъ. Старый уставъ былъ очень кратокъ и простъ. Въ немъ не было какихъ-либо дѣленій членовъ; почти не было администраціи. Председатель, секретарь и только: никакого правленія. Такая простота имѣла свои удобства и преимущества. А. А. Потебня дорожилъ этимъ уставомъ за его, такъ сказать, строгій дорическій архитектурный стиль. Но съ внутреннимъ и внѣшнимъ ростомъ Общества, съ расширеніемъ его дѣятельности, уставъ 1876 г. оказался слишкомъ недостаточнымъ и тѣснымъ. Обсужденіе текущихъ дѣлъ стѣсняло доклады. Возникла большая потребность въ усиленіи администраціи, въ добавленіи товарища председателя, казначея и библіотекаря. Спеціальная коммиссія въ составѣ профессоровъ М. С. Дринова, Н. Ѳ. Сумцова, И. Н. Миклашевскаго, Д. И. Багалѣя, Н. О. Куплеваскаго и Е. К. Рѣдина составила проектъ новаго устава, который, по разсмотрѣніи въ Обществѣ, препровожденъ былъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія для утвержденія, 10-го октября 1901 г. Министръ Народнаго Просвѣщенія утвердилъ уставъ. Этотъ уставъ выдѣляетъ, какъ особое учрежденіе, Совѣтъ Общества для завѣдыванія хозяйственной и распорядительной частью, составленія отчетовъ и редактированія трудовъ Общества. Къ существовавшимъ уже ранѣе должностнымъ лицамъ новымъ уставомъ добавлены товарищъ председателя, завѣдующій архивомъ, казначей и библіотекарь. Члены подраздѣлены на почетныхъ, дѣйствительныхъ и сотрудниковъ. Во 2 § добавленъ важный

пунктъ о предоставленіи Обществу права устраивать публичныя чтенія и лекціи. Вообще, новый уставъ даетъ для дѣятельности Обществу гораздо болѣе широкія рамки. Остается только пожелать, чтобы Историко-Филологическое Общество росло и процвѣтало, чтобы оно въ скоромъ времени переросло и рамки новаго устава. Пусть оно расширяется подъ гостепріимнымъ кровомъ Императорскаго Харьковскаго университета на пользу самого университета, на пользу науки и мѣстнаго образованнаго общества.

II.

Рѣчь Е. К. Рѣдина.

Ученая дѣятельность Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ за первыя двадцать пять лѣтъ его существованія

(1877—1902).

Черезъ три года Императорскій Харьковскій университетъ будетъ праздновать столѣтіе своего существованія, своей просвѣтительной дѣятельности. Тогда въ свое время будетъ отмѣчено и уяснено то вліяніе, которое оказалъ университетъ, какъ культурное учрежденіе, объединяющее въ своей дѣятельности различныя отрасли наукъ — на развитіе этихъ наукъ въ общемъ движеніи ихъ трудами своихъ дѣятелей—профессоровъ и ихъ учениковъ, на распространеніе тѣхъ же наукъ среди своихъ питомцевъ, и на распространеніе ихъ въ мѣстномъ краѣ, въ широкихъ слояхъ общества, равно на изученіе спеціально этого края въ различныхъ отношеніяхъ.

Каждому изъ факультетовъ, составляющихъ университетъ, конечно, будетъ отведена въ общей исторіи соотвѣтствующая исторія этого вліянія, его значенія.

На долю одного изъ факультетовъ — историко-филологическаго — пришлось ранѣе указаннаго торжества столѣтія университета принять участіе въ торжествѣ одного изъ ученыхъ обществъ, тѣсно связанныхъ съ университетомъ, пріютившимъ его среди другихъ подъ своимъ кровомъ, дающимъ ему нѣкоторыя средства на существованіе, и заинтересованнымъ въ его ростѣ, развитіи, успѣхахъ. Это—Историко-Филологическое Общество при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ. Это Общество состоитъ въ тѣсной связи съ историко-филологическомъ факультетомъ, который создалъ его, явившись учредителемъ его, который поддерживалъ его въ ростѣ трудами своихъ членовъ и который привлекъ въ составъ его членовъ какъ воспитанниковъ университета, такъ и вообще интеллигентныхъ дѣятелей края. Въ такомъ взаимодѣйствіи, въ такомъ

союзѣ дѣятелей университета съ интеллигентными дѣятелями изъ общества, которому столь же дороги интересы науки, какъ и первымъ— заключается залогъ преуспѣнія, развитія самой науки, а также вообще культурнаго развитія нашей родины.

Въ томъ же взаимодѣйствіи и ростъ самихъ научныхъ обществъ при университетѣ. А ростъ этихъ обществъ весьма важенъ и существенъ въ отношеніи выполненія ими своихъ задачъ, изъ которыхъ одной изъ главнѣйшихъ должна являться, конечно, изученіе того края, въ которомъ эти общества существуютъ: для этого края они своего рода культурные центры, какъ и ихъ добрая мать—университетъ.

Еще и для настоящаго времени остается истиной то положеніе, высказывавшееся въ началѣ прошлаго вѣка, что мы мало знаемъ свою родину, ея прошлое, мало знаемъ свои природныя богатства, мало знаемъ народъ, его духовный обликъ, мало знаемъ вообще его культуру, мало вообще дорожимъ своимъ роднымъ.

Ученыя общества, имѣющія своей цѣлью разработку науки въ различныхъ ея вѣтвяхъ и областяхъ, должны включать въ свои задачи и изученіе своего родного, своего края, области. И они изучаютъ это родное; ростъ же этого изученія, конечно, стоитъ въ полной зависимости отъ роста самой науки.

Въ настоящемъ краткомъ очеркѣ, посвященномъ подведенію итоговъ 25-лѣтней дѣятельности Историко-Филологическаго Общества при Харьковскомъ университетѣ, являющемся культурнымъ центромъ юго-восточной Россіи, интересно отмѣтить, вкратцѣ указать, что же сдѣлало Общество въ выполненіи своей задачи. Мы укажемъ только въ общихъ чертахъ на труды Общества, его членовъ, на его предпріятія. Успѣхъ этихъ трудовъ, этихъ предпріятій, конечно, стоитъ въ зависимости отъ общихъ условій нашей научно-общественной дѣятельности, но нужно, однако, прибавить, что эти условія иногда измѣняются самодѣятельностью членовъ общества, любовью къ наукѣ и къ родинѣ, воодушевляющей ихъ для работы.

Въ нашу задачу не входитъ въ настоящее время говорить ни объ этихъ условіяхъ, ни объ отдѣльныхъ лицахъ, такъ или иначе способствовавшихъ успѣху развитію дѣятельности Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества.

Уставъ Общества былъ утвержденъ 24 декабря 1876 г. [1]). Открытіе Общества послѣдовало 28 февраля 1877 г., каковая дата, согласно поста-

[1]) См. 3-е приложеніе. Съ внутреннимъ и внѣшнимъ ростомъ Общества, съ расширеніемъ его дѣятельности, уставъ 1876 г. оказался недостаточнымъ и на двадцать четвер-

новленію засѣданія Общества въ указанный день и считается началомъ существованія Общества.

Цѣль Общества—по уставу его, способствовать посильными трудами, собраніями и изданіями развитію и распространенію историческихъ и филологическихъ знаній (§ 1). «Для достиженія указанной цѣли Общество устраиваетъ публичныя и частныя засѣданія, входитъ въ сношенія съ русскими и иностранными учрежденіями, по мѣрѣ возможности заботится о пріобрѣтеніи предметовъ археологическихъ, рукописей или ихъ копій, инкунабулъ и рѣдкихъ спеціальныхъ изданій, снаряжаетъ ученыя экскурсіи для собиранія памятниковъ и издаетъ ученныя изслѣдованія, памятники, университетскіе учебники и пособія и др.»

Дѣятельность Общества—согласно указанной въ уставѣ задачѣ его, и направилась на посильное развитіе и распространеніе историко-филологическихъ знаній. Она состояла главнымъ образомъ въ разработкѣ различныхъ вопросовъ и темъ, согласно съ запросами развивающейся впередъ науки—изъ различныхъ областей историко-филологическихъ знаній: философіи, психологіи, логики, исторіи всеобщей и русской, литературы всеобщей и русской, въ связи съ народной поэзіей, классической филологіи, археологіи и исторіи искусствъ.

Многочисленный рядъ докладовъ, обширныхъ изслѣдованій по указаннымъ отдѣламъ наукъ былъ въ засѣданіяхъ Общества заслушанъ, обсужденъ.

Характерно и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма важно, что уже въ первомъ засѣданіи Общества послѣ учредительнаго, съ котораго начинается его дѣятельность, былъ заслушанъ докладъ, посвященный вопросу объ изученіи мѣстнаго края. Мы разумѣемъ докладъ покойнаго проф. Морозова о рукописяхъ исторіи Харьковской епархіи Филарета, бывшаго здѣшняго архіепископа, въ которомъ онъ отмѣтилъ интересъ указанныхъ рукописей сравнительно съ печатаннымъ текстомъ той же исторіи, вышедшей въ свѣтъ въ пяти томахъ.

Интересъ къ изученію вопросовъ тѣсно связанныхъ съ культурной исторіей мѣстнаго края въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. Харьковской губерніи и прилегающихъ къ ней, входящихъ въ составъ Лѣвобережной Украйны, Запорожья и т. п., былъ, можно сказать, всегда гла-

томъ году существованія Общества, былъ составленъ новый, (См. 4-е прилож.) утвержденный г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 10 ноября 1901 г. Къ своему юбилею Общество еще не воспользовалось этимъ уставомъ: нѣкоторые §§ его оказались не согласованными съ уставомъ существующаго при Обществѣ съ 1892 г. Педагогическаго отдѣла (см. 5-е прилож.) и потому они были исправлены, равно измѣнены, дополнены нѣкоторые другіе и такимъ образомъ измѣненный новый уставъ, вмѣстѣ съ составленнымъ новымъ уставомъ Педагогическаго отдѣла посланъ на утвержденіе Министерства Народнаго Просвѣщенія.

венствующимъ среди другихъ научныхъ интересовъ и запросовъ въ дѣятельности Общества. Наибольшее число рефератовъ, докладовъ, цѣлыхъ научныхъ монографій, докладывавшихся по частямъ—было посвящено именно исторіи мѣстнаго края, ея культурѣ: политической исторіи, исторіи права, литературѣ, народной поэзіи, этнографіи. Мы могли бы представить длиннѣйшій списокъ этихъ докладовъ, трудовъ, но въ настоящее время укажемъ только въ видѣ примѣра на нѣкоторые, какъ изъ начальной дѣятельности Общества, такъ и послѣднихъ годовъ предъ настоящимъ юбилейнымъ (самый списокъ всѣхъ докладовъ см. въ 1-мъ приложеніи къ настоящему очерку).

Такъ, по различнымъ отдѣламъ исторіи и археологіи края назовемъ доклады: *М. С. Дринова:* „Нѣсколько новыхъ данныхъ объ участіи малорусскихъ казаковъ въ дѣлахъ Румыніи и о вторженіи ихъ на Балканскій полуостровъ въ XVI в. по неизвѣстнымъ документамъ, извлеченнымъ изъ италіанскихъ архивовъ“ (Х. К. 1883)[1]; его же „Объ одной румынской надписи на иконѣ Богоматери, находящейся въ селѣ Рогани Харьковской губерніи“ (XII, XI).

П. С. Ефименко: Шпитали въ Малороссіи; Архивъ Малороссійской коллегіи; ссыльные малороссіяне въ Архангельской губерніи (1708—1802); судъ надъ вѣдьмами въ Малороссіи (Х. К., 1883).

Г-жи *А. Я. Ефименко:* Церковныя братства въ южной Россіи (Х. К. 1883); о дворищномъ землевладѣніи въ южной Россіи (II, IV).

Ю. И. Морозова: О раскопкахъ Хорошева монастыря; преданія о бывшемъ Зміевскомъ Николаевскомъ монастырѣ, о городищахъ (Х. К. 1883).

Д. И. Эварницкаго: поѣздка на Запорожье; жизнь запорожцевъ по разсказу очевидца (Х. К. 1883).

А. С. Лебедева: Бракоразводныя дѣла Бѣлгородской епархіи, по архивнымъ документамъ XVIII в.; Архіереи изъ Молдаванъ на Бѣлгородской епархіи; о Троицкой или Ельпиновской пустынѣ Курской губерніи (Х. К., 1883); о духоборцахъ въ бывшей Слободской Украйнѣ (II, III); о вотчинномъ бытѣ Бѣлгородскаго Николаевскаго и Курскаго Знаменскаго монастырей по архивнымъ документамъ (IV, XIV), объ архіереѣ Бѣлгородской епархіи Петрѣ Смѣличѣ (V, II); о Бѣлгородскомъ епископѣ Порфиріи Крайскомъ (V, IV); о низшихъ школахъ въ Бѣлгородской епархіи въ XVIII в. (VI, XIV), и рядъ другихъ многочисленныхъ докладовъ его же, посвященныхъ быту духовенства, исторіи просвѣщенія и т. д.

---

[1]) Ссылка въ скобкахъ—на „Харьковскій Календарь“; тамъ гдѣ только однѣ цыфры—на „Сборникъ“ Общества, при чемъ первая цыфра означаетъ томъ, вторая—страницу.

Рядъ многочисленныхъ докладовъ по культурной исторіи мѣстнаго края былъ сдѣланъ *Д. И. Багалѣемъ*: о Румянцевской описи Малороссіи (Х. К., 1883), объ атласѣ Слободско-Украинской губерніи 1802 г. Императорской Публичной Библіотеки (II, III), объ описаніи Харьковской губ. 1831 г. по рукописи Духовной Консисторіи (II, III), о Магдебурскомъ правѣ въ городахъ Лѣвобережной Малороссіи при польскомъ владычествѣ (III, VI); о чумѣ въ Харьковской губ. въ 1738—1739 года (V, III), объ отношеніи Г. С. Сковороды къ мѣстному обществу (VIII, 8) и т. д., равно рядъ докладовъ по исторіи Харьковскаго Университета.

Къ докладамъ Д. И. Багалѣя тѣсно примыкаютъ труды другихъ членовъ Общества: М. М. Плохинскаго, В. И. Саввы, Д. П. Миллера, А. А. Руссова, П. П. Короленко, П. В. Иванова, Г. В. Левицкаго, Е. П. Трифильева, Ѳ. А. Зеленогорскаго, и др.

Не менѣе обширный отдѣлъ по своимъ докладамъ заключаетъ изученіе литературы, народной поэзіи и этнографіи мѣстнаго края.

Сюда относятся многочисленные доклады покойнаго незабвеннаго члена и предсѣдателя Общества *А. А. Потебни*, изъ которыхъ для примѣра назовемъ: нѣсколько иностранныхъ словъ въ малорусскомъ языкѣ; о сборникѣ пѣсенъ крестьянъ Щигровскаго уѣзда Курской губ., составленномъ М. Е. Халанскимъ; Выдержки изъ неизданнаго сочиненія Г. С. Сковороды „Израильскій Змій", въ память Шевченка; о сборникѣ донскихъ пѣсенъ, составленномъ г. Абрамовымъ (Х. К. 1883) и др.

Къ трудамъ Потебни примыкаетъ рядъ рефератовъ и статей, доложенныхъ въ засѣданіяхъ Общества и посвященныхъ тѣмъ же вопросамъ: М. Г. Халанскаго, Н. Ѳ. Сумцова, М. П. Савинова, В. И. Харціева, М. С. Дринова и др.

Наряду съ трудами, посвященными изученію различныхъ вопросовъ, связанныхъ съ мѣстнымъ краемъ, члены Общества посвящали свои труды и другимъ вопросамъ изъ всѣхъ областей историко-филологическихъ знаній. Такъ въ области изученія русскаго и славянскаго языка и литературы идетъ цѣлый рядъ докладовъ членовъ: А. А. Потебни, А. И. Кирпичникова, М. С. Дринова, М. Г. Халанскаго, Н. Ѳ. Сумцова, М. П. Савинова, А. В. Ветухова, Б. М. Ляпунова, П. М. Собѣстіанскаго, Н. И. Алякритскаго, Н. К. Грунскаго, В. И. Харціева, А. П. Кадлубовскаго и др.

Въ области изученіи *всеобщей литературы* рефераты: А. И. Кирпичникова, Л. Ю. Шепелевича, С. В. Соловьева, и др., въ области *всеобщей исторіи*: А. С. Лебедева (историческія воспоминанія о Цареградскомъ патріархѣ Фотіи по поводу исполнившагося тысячелѣтія со дня его кончины III, XIV), В. П. Бузескула (о трудахъ Зибеля по

новой исторіи, IX, V), А. С. Вязигина, М. А. Остроумова, Ризникова и др., въ области *русской исторіи*—Д. И. Багалѣя, В. И. Саввы, А. С. Вязигина, Ф. Л. Германа, В. П. Бузескула, И. Н. Миклашевскаго, Н. А. Максимейко, В. В. Лапина, И. П. Хрущева, В. А. Уляницкаго, и др. Въ области *классической филологіи*: В. П. Бузескула: рядъ рефератовъ о трактатѣ Аристотеля, М. А. Маслова —по латинскому языку; Ѳ. Е. Корша, В. В. Латышева, Я. А. Денисова и др.; въ области *философскихъ наукъ*: Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, П. Э. Лейкфельда, А. С. Лебедева, Ѳ. А. Зеленогорскаго, В. В. Лесевича; въ области *археологіи и исторіи искусствъ:* Д. И. Багалѣя—о трудахъ VIII археологическаго съѣзда (II, VIII), Св. Спѣсивцева (о находкахъ вблизи с. Райгородка Изюмскаго уѣзда, IV, XIX, VI, III), В. П. Бузескула (о жизни и научныхъ трудахъ Шлимана III, XIII), А, Н. Деревицкаго (труды Тэна по философіи и исторіи искусствъ IV, IX), Н. Ѳ. Сумцова (о трудахъ Д. И. Каченовскаго по исторіи искусства, о картинахъ XVI в.) и др.

Общество, какъ ученое учрежденіе, въ своей дѣятельности естественно отзывалось на различные вопросы текущей жизни, имѣющіе отношеніе къ сферѣ этой ея дѣятельности.

Такимъ образомъ, кромѣ выше указанныхъ трудовъ, члены Общества отзывались цѣлымъ рядомъ докладовъ—некрологовъ по поводу смерти своихъ членовъ, или дѣятелей въ области историко-филологическихъ знаній, напр. Даунса, Лашкевича, Колмачевскаго, Либрехта, Миклошича, Леонида Кавелина, Исидора Коперницкаго, А. А. Потебни, Манжуры, Ролле, Рачкого, Огоновскаго, Лѣскова, Собѣстьянскаго, Геевскаго, Незеленова, Яковлева, Облака, Каперенинова, Матова, Курціуса, Трейчке, Бестужева-Рюмина, Карелина, Бычкова, Васильевскаго, Коваржа, Добберта, Гинкина, Шеина, Шеффера, Вл. Соловьева, Ад. Гольма и друг.

Общество отзывалось на юбилеи ученыхъ русскихъ и иностранныхъ, ученыхъ Обществъ, принимало участіе въ торжественныхъ празднествахъ, связанныхъ съ чествованіемъ учено-литературныхъ дѣятелей: А Ѳ. Бычкова, Сухомлинова, А. И. Кирпичникова, Д. А. Равинскаго, Яновскаго, Н. П. Кондакова, Пыпина, Карѣева, Неболсина, А. С. Лебедева, М. М. Стасюлевича, Вл. Миллера, Д. И. Анучина, Ягича, Петрушевича, Миличевича, Караджича, Палацкаго, Рачкаго, Шаффарика, Вирхова, въ чествованіи памяти Кольцова, Котляревскаго, Сквороды, Бѣлинскаго, Пушкина, Полонскаго, Гоголя, Тургенева; въ юбилеѣ пятидесятилѣтней дѣятельности Кіевской Археографической Коммиссіи, тридцатилѣтней—Московскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, двадцатипятилѣтней—Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и др.

Общество принимало участіе посылкой своихъ депутатовъ въ трудахъ Предварительныхъ Комитетовъ археологическихъ съѣздовъ, и самихъ съѣздовъ; въ антропологическомъ отдѣлѣ выставки въ Чикаго, посылкой изданій по антропологіи и этнографіи и др.

Общество на первыхъ порахъ своей дѣятельности, при отсутствіи средствъ, не могло издавать ученыхъ трудовъ своихъ членовъ и матеріаловъ. Годовые отчеты о своей дѣятельности оно помѣщало ежегодно въ Харковскомъ календарѣ (съ 1884 г.) [1]), и съ 1889 г. въ своемъ «Сборникѣ», который начало издавать съ 1886 года. Въ этомъ году вышелъ первый томъ „Сборника", и въ 1890 г. второй; послѣдующіе томы выходили почти ежегодно; по настоящій годъ вышло всего XII томовъ, и къ августу—ко времени открытія XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ выйдетъ XIII-й томъ.

Согласно общему направленію своей дѣятельности, въ которой на ряду съ изученіемъ всѣхъ областей историко-филологическихъ знаній отводится первенствующее мѣсто вопросамъ изъ тѣхъ же областей знаній въ примѣненіи къ мѣстному краю—и въ „Сборникахъ" своихъ Общество отводитъ такое же мѣсто статьямъ и матеріаламъ и именно по мѣстной исторіи, этнографіи и археологіи. Но въ тоже время оно даетъ охотно мѣсто и всякому другому труду, входящему въ кругъ его дѣятельности.

Въ двѣнадцати томахъ «Сборника», такимъ образомъ, помѣщены кромѣ трудовъ и матеріаловъ, имѣющихъ отношеніе къ мѣстному краю— статьи по русской исторіи: *В. П. Саввы*, О времени и мѣстѣ крещенія русской великой княгини Ольги (III, 1—28); по классической филологіи: *А. Н. Деревицкаго*, Литература по вопросу о заговорахъ и заклинаніяхъ въ древней Греціи (VI, 291—292), *Германа*, Врачебное сословіе древняго Рима (VI, 198—243), *Ѳ. Корша*, Нѣсколько замѣчаній къ греческой фонетикѣ Бругмана; по археологіи и исторіи искусствъ: *Е. К. Рѣдина*, Ѳ. И. Буслаевъ. Обзоръ трудовъ его по исторіи искусства (XI, 1—39). *Н. Ѳ. Сумцова*, Леонардо-да Винчи (XII, 84—281); по новѣйшей русской литературѣ: *М. Е. Халанскаго:* Пушкинъ и г-жа Ризничъ (IX, 246—252), Полонскій въ его поэзіи (XII, 1—51) и нѣкот. др.

Большая же часть напечатаннаго въ «Сборникахъ», какъ сказали, заключаетъ въ себѣ статьи и матеріалы по мѣстной исторіи, этнографіи, и отчасти археологіи.

[1]) Отчетъ дѣятельности съ 1878 по 1883 г. помѣщенъ въ томъ же Календарѣ за 1883 г. Помѣщались они и въ «Кіевской Старинѣ» и въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ».

Это—обширный матеріалъ, касающійся различныхъ сторонъ культурной исторіи края, основанный или на изученіи архивныхъ документовъ, или на изученіи народнаго быта по его поэтическимъ литературнымъ произведеніямъ, обрядамъ и т. п. Это въ то же время обширный матеріалъ, изданный непосредственно, безъ обработки его—въ видѣ документовъ, народныхъ пѣсенъ, сказокъ, легендъ и т. п.

Этотъ матеріалъ входитъ и введенъ въ общую сокровищницу народовѣдѣнія, изученія нашей родины, и представляетъ собою ту лепту въ общую науку исторіи-филологіи, которую внесло Общество. Мы не будемъ оцѣнивать эту лепту, укажемъ только для примѣра на нѣкоторые элементы, вошедшіе въ составъ этой лепты.

Изъ *отдѣла матеріаловъ* назовемъ изданные Д. И. Багалѣемъ: а) Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) въ XVI—XVIII ст. (т. I и т. II): издателемъ собранъ матеріалъ въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи, въ Харьковскихъ хранилищахъ, изъ Церковно-Археологическаго Музея при Кіевской Духовной Академіи и отъ разныхъ часныхъ лицъ; этотъ матеріалъ по своему содержанію касается: исторіи колонизаціи, землевладѣнія, управленія, сословныхъ отношеній. *Имъ-же:* О новыхъ матеріалахъ для исторіи Слободской украины (V, 167—280).

М. М. Плохинскимъ: Матеріалы для исторіи внутренней жизни Лѣвобережной Украины. (III, 29—155).

Имъ-же и Д. П. Миллеромъ: Стародубскаго магистрата книга справъ поточныхъ (1690—1722 г.) (VI—259—279).

В. А. Мякотинымъ, Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Переяславскаго полка (VIII 244—288); *И. П. Короленко*—Матеріалы по исторіи Войска Запорожскаго(IX, 140—182).

Изъ изслѣдованій по исторіи края назовемъ: *Н. Бакая*: Къ исторіи колонизаціи Лѣвобережной украйны въ XV—XVI в. (IV, 1—25), *М. М. Плохинскаго*, Гетманъ Мазепа въ роли великорусскаго помѣщика (IV, 22—53), Поселеніе грузинъ въ Малороссіи въ XVIII в. (V, 1 22), *А. С. Лебедева*, Вотчинный бытъ монастырей Курско-Знаменскаго и Бѣлгородско-Николаевскаго, по архивнымъ документамъ (IV, 113—238), Къ исторіи низшихъ духовныхъ и общественныхъ школъ въ Бѣлгородской епархіи въ XVIII в. (VI, 244—258), Θеоктистъ Мочульскій (IX, 1—54), Іоасафъ Горленко (XII, 52—72) и др.; *Д. П. Миллера*, Очерки изъ исторіи и юридическаго быта старой Малороссіи (VIII, 6—243) и др.

Изъ народно-поэтическихъ матеріаловъ, изданныхъ въ „Сборникахъ" Общества, укажемъ на: Сказки, пословицы..., записанныя въ Екатеринославской и Харьковской губ. *И. И. Манжурой* (II, 1—194), на собранныя имъ-же малорусскія сказки, преданія и повѣрья въ Екатеринославской губерніи (VI, 161—197), на малорусскія пѣсни, преимущественно историческія, собранныя въ Екатеринославской губ. въ 1874—1894 *Я. П. Новицкимъ* (VI 49—160); на Сборникъ малорусскихъ пѣсенъ Лубянскаго уѣзда Полтавской губ. В. П. Милорадовича (X, 1—223); на собраніе *П. В. Иванова* народныхъ разсказовъ о долѣ (IV, 54—89), о домовыхъ, лѣшихъ, водяныхъ, русалкахъ (V, 23—74) и др.

Изъ изслѣдованій по народной поэзіи укажемъ на труды *Н. Ѳ. Сумцова* о заговорахъ, о провалившихся городахъ, о малорусскихъ пословицахъ, объ анекдотахъ о глупцахъ и др., *Ѳ. Ю. Зелинскаго* о заговорахъ; *А. П. Пельтцера* „о происхожденіи анекдотовъ" и др.

Изъ изслѣдованій по этнографіи, помѣщенныхъ въ „Сборникѣ" Общества, укажемъ на труды *Иванова*—Игры крестьянскихъ дѣтей въ Купянскомъ уѣздѣ, *Н. Ѳ. Сумцова*, Личные обереги отъ сглаза (IX, 93—112) и др.

Къ столѣтнему юбилею со дня смерти украинскаго философа Г. С. Сковороды Обществомъ было издано собраніе его сочиненій, первое полное, сдѣланное на основаніи всѣхъ извѣстныхъ рукописей, съ біографіей философа, составленной его другомъ Ковалинскимъ, и съ обширной критико-библіографической статьей Д. И. Багалѣя (томъ 7-й). Изслѣдованію ученія Сководы были кромѣ того посвящены статьи А. С. Лебедева, Ѳ. А. Зеленогорскаго, Д. И. Багалѣя, прочитанныя въ торжественномъ собраніи чествованія памяти философа и напечатанныя также въ „Сборникѣ" Общества (VIII, 35—67).

Совершенно незначительно представленъ въ „Сборникахъ" Общества отдѣлъ изслѣдованій по вещественной этнографіи (т. е. предметовъ, быта, обстановки, костюма и др.), памятниковъ археологическихъ и чисто художественныхъ.

Памятникамъ археологическимъ посвящена небольшая замѣтка о находкахъ Бичъ-Лубенскаго и статьи Св. Спѣсивцева, Е. Рѣдина и П. Федоровскаго. Для изслѣдованія памятниковъ археологическихъ необходимо предварительное изысканіе ихъ самихъ, производство раскопокъ, совершеніе спеціальныхъ экскурсій. При отсутствіи у Общества спеціальныхъ средствъ, естественно ему невозможно было и принять на себя совершеніе такихъ предпріятій, какъ организація производства раскопокъ, экспедицій для изученія на мѣстѣ тѣхъ или иныхъ памятниковъ старины,

искусства. Общество отлично сознавало необходимость такого изученія, понимало, что на его обязанности лежитъ сдѣлать что-нибудь по изученію, сохраненію памятниковъ мѣстной старины, но, повторяемъ, при отсутствіи средствъ—оно ничего обширнаго предпринять не могло. Оно организовало единственную экскурсію Д. И. Эварницкаго (въ 1884 г.), ассигновавъ ему 75 руб. на снятіе плановъ съ укрѣпленій на мѣстахъ бывшихъ запорожскихъ сѣчей. Оно напечатало воззванія и программы о собираніи свѣдѣній о памятникахъ писанныхъ и вещественныхъ, относящихся къ мѣстному краю, а равно о присылкѣ самихъ памятниковъ, и нѣкоторыя свѣдѣнія, напр. объ архивахъ старыхъ дѣлъ Харьковской губ. Обществомъ были собраны при посредствѣ Губернскаго Статистическаго Комитета. Собраны Обществомъ и старыя дѣла, документы, рукописи, какъ благодаря пожертвованіямъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и благодаря покупкѣ, передачѣ правительствомъ цѣлыхъ архивовъ. У Общества образовался свой *историческій архивъ*. Этотъ архивъ,—какъ и библіотека при немъ, возросшая до громадныхъ размѣровъ, обогатившаяся цѣнными изданіями Академіи Наукъ, различныхъ ученыхъ Обществъ, ученыхъ Архивовъ и Статистическихъ Комитетовъ—сокровище Историко-Филологическаго Общества, сохраненіемъ котораго, ростомъ и посильной разработкой котораго оно принесло и принесетъ существенную пользу исторической наукѣ.

Не такъ счастливо было Общество въ собираніи памятниковъ старины, искусства и памятниковъ этнографическихъ.

Незначительные по количеству предметы въ этомъ отношеніи, случайныя находки и только двѣ цѣнныя коллекціи доисторическихъ памятниковъ Бичъ-Лубенскаго и Св. Спѣсивцева—поступили въ распоряженіе Общества и были переданы, согласно уставу Общества, въ Музей Изящныхъ Искусствъ при Университетѣ, гдѣ они до послѣдняго времени являлись почти единственными представителями его отдѣла—*древностей*.

Мы уже сказали, что Общество при отсутствіи средствъ, не могло само организовать раскопокъ, экскурсій. Имъ, однако, былъ выработанъ планъ ежегодныхъ раскопокъ кургановъ и городищъ Харьковской губ., по предложенію члена проф. Г. В. Левицкаго; была образована коммиссія, рѣшено было ходатайствовать предъ Правленіемъ Университета объ ежегодной субсидіи на раскопки; но планъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе.

Изъ другихъ плановъ, предпріятій Общества укажемъ: на организацію лекцій для женщинъ, лекцій общедоступныхъ отъ Педагогическаго Отдѣла Общества, изъ коихъ первыя устраивались въ теченіе двухъ по-

угодій, пользуясь успѣхомъ, вторыя устраиваются уже болѣе четырехъ лѣтъ и продолжаютъ устраиваться до настоящаго времени, пользуясь постоянно успѣхомъ.

Укажемъ еще на нѣкоторые планы, предпріятія Общества, изъ которыхъ одни были приведены въ исполненіе, другіе нѣтъ. Къ числу первыхъ относятся: составленіе альбома портретовъ дѣятелей Харьковскаго Университета и Общества, учрежденіе преміи А. А. Потебни для студенческихъ сочиненій (см. прилож. 6-е), образованіе при Историческомъ Архивѣ отдѣла для храненія писемъ и бумагъ профессоровъ Харьковскаго Университета, какъ матеріалъ для мѣстной исторіи Университета (III, VII), выработка новаго устава Общества.. Къ числу вторыхъ: составленіе біографій профессоровъ по каѳедрамъ (IX, IX), изданіе полнаго собранія сочиненій В. П. Гулакъ-Артемовскаго (IX, I)), охраненіе Донецкаго городища при посредствѣ Московскаго Археологическаго Общества (VI, VI), собираніе матеріаловъ къ біографіи Г. Ѳ. Квитки (V, XI), исходатайствованіе правъ государственной службы архиваріусу Историческаго Архива Общества (IV, XVII), собираніе средствъ для фонда на медаль имени А. Н. Аѳанасьева (IV, I), полученіе части библіотеки упраздненной Краснослободской прогимназіи (IV, II), исходатайствованіе средствъ у Министерства Народнаго Просвѣщенія на постройку зданія и содержаніе Историческаго Архива [1]) (VI, VIII), исходатайствованіе ежегодной субсидіи у того же Министерства, въ дополненіе къ ассигнуемой Императорскимъ Харьковскимъ Университетомъ, на изданіе имѣющихся въ распоряженіи Общества научныхъ матеріаловъ [2]), регистрація и возстановленіе памятниковъ на могилахъ университетскихъ дѣятелей, изданіе сочиненій, проектовъ В. Н. Каразина.

Мы, можетъ быть, далеко еще не всѣ перечислили проекты, планы Общества, невыполненные, по своей тѣсной связи съ денежными средствами Общества. Ростъ этихъ средствъ не шелъ пропорціонально съ ростомъ Общества, его предпріятій; хотя, конечно, эти средства значительно увеличились сравнительно съ тѣми, что оно имѣло въ первые годы своей дѣятельности. Главный источникъ ихъ—остался почти тотъ же—членскіе взносы, но къ нему присоединился еще теперь новый, когда изданія Общества въ связи съ трудами Педагогическаго Отдѣла насчитываютъ болѣе 20 томовъ—доходъ съ продажи изданій Общества. Но понятно само собою, что этихъ средствъ, безъ помощи университета

[1]) Общество обращалось съ подобнымъ ходатайствомъ, но получило отказъ.

[2]) Общество обращалось съ такимъ ходатайствомъ, но получило только единовременное пособіе.

на содержаніе архива (600 р.) и на изданіе трудовъ Общества (400 р.), было бы совершенно недостаточно. И съ этой помощью Общество съ трудомъ сводитъ свои денежныя дѣла и, если бываютъ годовые остатки, то только лишь потому, что Общество принуждено всегда напередъ, во избѣжаніе задолженности, сокращать свои предпріятія по изданію того цѣннаго научнаго матеріала, въ которомъ у него никогда не бываетъ недостатка и который, лишь въ виду отсутствія средствъ, лежитъ въ ожиданіи своей очереди въ портфелѣ и архивѣ Общества.

Не смотря на это, Общество смѣло и бодро смотритъ въ будущее, вступая въ начало новаго двадцатипятилѣтія своей дѣятельности. Пробѣгая въ своихъ воспоминаніяхъ дѣятельность за истекшія первыя двадцать-пять лѣтъ своего существованія—оно находитъ въ нихъ для себя залогъ успѣха въ будущемъ. То малое, что сдѣлано Обществомъ за это время, невозможно было бы совершить и съ большими средствами —при отсутствіи лицъ, искренно преданныхъ дѣлу, любящихъ его, вѣрящихъ въ его плодотворное значеніе, дорожащихъ культурными интересами своей родины, ея культурнымъ настоящимъ и прошлымъ.

Двадцатипятилѣтіе нашего Общества совпало со временемъ ближайшаго открытія въ Харьковѣ XII археологическаго съѣзда. Черезъ пять мѣсяцевъ въ стѣнахъ университета археологическій съѣздъ откроетъ свои дѣйствія. Харьковское Историко-Филологическое Общество болѣе двухъ лѣтъ энергично приготовляется къ этому съѣзду, которому несомнѣнно суждено будетъ сыграть большую роль въ ростѣ его, развитіи его ученопросвѣтительной дѣятельности. Оно принимаетъ ближайшее участіе въ дѣятельности мѣстнаго Предварительнаго Комитета, какъ въ обсужденіи различныхъ мѣропріятій по подготовкѣ съѣзда, такъ въ подготовкѣ матеріала для выставокъ при съѣздѣ, научнаго матеріала. Исполняются мечты Общества: происходитъ изученіе края не только по архивнымъ документамъ, но и по вещественнымъ памятникамъ, археологическимъ, художественнымъ, этнографическимъ. Въ различныхъ мѣстахъ губерніи производятся раскопки кургановъ; изъ нѣдръ земли добываются матеріалы, которые должны дать отвѣтъ на вопросы о культурѣ народа, населявшаго край въ доисторическую эпоху; изъ селъ, городовъ губерніи присылаются памятники искусства, быта, которые дадутъ отвѣтъ на вопросы о культурѣ края въ его историческую эпоху, и въ настоящій моментъ. При Обществѣ будетъ устроенъ этнографическій музей, при музеѣ Изящныхъ Искусствъ - отдѣлъ мѣсныхъ древностей. И для перваго и второго уже имѣется достаточно матеріала и онъ будетъ въ распоряженіи Общества, въ стѣнахъ нашего университета—для всеобщаго изученія. Это-ли не блестящая

переспектива для будущаго Общества, это-ли не лучшая награда юбиляру?

Заканчивая свой краткій обзоръ ученой дѣятельности Общества, преклоняясь предъ памятью почившихъ его членовъ, мы не можемъ не выразить въ заключеніе пожеланія, чтобы Харьковское Историко-Филологическое Общество и впредь развивалось и процвѣтало, служа развитію историко-филологическихъ знаній, распространенію этихъ знаній о культурномъ прошломъ того края, въ которомъ оно существуетъ, чтобы это прошлое при посредствѣ его нашло должное научное освѣщеніе, чтобы средства его для этой цѣли росли и пріумножались во всѣхъ отношеніяхъ, и чтобы его учрежденія, какъ Историческій архивъ, библіотека, этнографическій музей, и Музей Древностей университета—и послѣ археологическаго съѣзда пріумножались, росли—какъ и отъ лепты культурныхъ слоевъ общества, такъ и его собственными, Историко-Филологическаго Общества, изысканіями, изслѣдованіями.

Е. Рѣдинъ.

Приложенія къ рѣчи

Е. К. Рѣдина.

I.

СПИСОКЪ

рефератовъ, читанныхъ на засѣданіяхъ историко-филологическаго общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ за первое двадцатипятилѣтіе его существованія[1]) (1876—1902).

1. Философія.

Д. И. Багалѣй, Г. С. Сковорода. Его ученіе, жизнь значеніе * (VIII, 52 и сл.).

С. И. Барановскій, „Идеографія—общій языкъ для всѣхъ народовъ“. (Х. К. 1886).

Ѳ. А. Зеленогорскій, Памяти Г. С. Сковороды * (VIII, 43 и сл.)

Его-же, По поводу доклада В. В. Лесевича (XI, XVII).

А. С. Лебедевъ, Г. С. Сковорода, какъ богословъ * (VIII, 37 и др.).

П. Э. Лейкфельдъ, Объ ученіи Аристотеля объ индукціи (VI, VI).

— Ученіе Бекона Веруламскаго объ индукціи (VI, XV).

В. В. Лесевичъ, Теорія познанія съ эмпиріо-критической точки зрѣнія (XI, XIV).

Д. Н. Овсянико-Куликовскій, Къ вопросу о происхожденіи нѣкоторыхъ философско-космологическихъ идей древности (Х. К. 1890).

— Къ исторіи мысли (II, I).

— О сынахъ Адити (IV, XIV)

— О философскомъ элементѣ въ трудахъ А. А. Потебни (V, VI).

А. А. Потебня, Выдержки изъ неизданнаго сочиненія Г. С. Сковороды „Израильскій змій“ (Х. К. 1884).

2. Всеобщая исторія.

В. П. Бузескулъ, О новыхъ книгахъ по всеобщей исторіи (Х. К. 1887)

— О трудахъ Зибеля по новой исторіи (IX, V).

А. С. Вязигинъ, О книгѣ барона Таубе „Принципы мира и права въ международныхъ столкновеніяхъ среднихъ вѣковъ“.

1) * Означаетъ, что рефератъ напечатанъ въ »Сборникѣ« Общества.

А. С. Вязигинъ, Къ исторіи развитія средневѣковаго аскетизма (V, VII).

— О трудахъ Зибеля по средневѣковой исторіи (IX, V).

— О распаденіи преобразовательной партіи при папѣ Александрѣ II (X, III).

Г. А. Ласкинъ, О сочиненіяхъ Константина Багрепороднаго „о Ѳемахъ и объ управленіи Имперіей“ (II, IV).

А. С. Лебедевъ, Историческія воспоминанія о цареградскомъ патріархѣ Фотіи по поводу исполнившагося тысячелѣтія со дня его кончины (III, XIV)

М. А. Остроумовъ, О происхожденіи и значеніи синопсиса (IX, XII—XII).

С. А. Ризниковъ, О времени избранія на рижскую епископскую каѳедру магдебургскаго каноника Николая (X, VIII).

3. Русская исторія.

Д. И. Багалѣй, О просвѣтительной дѣятельности Министерства Народнаго Просвѣщенія въ 1815—35 г. г.

— „Память о Н. В. Калачевѣ“ (Х. К. 1887).

— О статьѣ Бильбасова, Имп. Екатер. II (X, XI).

В. П. Бузескулъ, О книгѣ Чечулина, Первые годы царствованія имп. Екатерины II (X, II).

А. С. Вязигинъ, Объ убіеніи царевича Дмитрія (IV, III).

Ф. Л. Германъ, Врачебный бытъ въ Россіи въ первой половинѣ XVII вѣка.

Ф. Л. Германъ, О врачѣ путешественникѣ и писателѣ XVII в. Рингуберѣ (V, XII—XIII).

А. Я. Ефименко, О происхожденіи сѣверно-русской сельской общины (напечатано въ „Руск. Мысли“ 1882—1883 г.).

В. В. Лапинъ, Описаніе лѣтъ Петра Великаго (XI, XX).

А. С. Лебедевъ, Къ вопросу о крѣпостномъ владѣніи приходскихъ церквей (напеч. въ „Чтеніяхъ общ. люб. дух. просвѣщ.“ за 1879 г. V).

— Историческая записка объ архивѣ Курскаго Знаменскаго Монастыря (1878/9).

— Отставные военные на монашескихъ порціяхъ въ монастыряхъ отъ Петра Великаго до секуляризаціи монастырск. имуществъ при Екатеринѣ II (напеч. въ „Чтеніяхъ общ. люб. дух. просв.“ за 1881 г.).

— Изъ воспоминаній о путешествіи въ Константинополь и на о. Халки въ 1873 г. (напеч. въ Правосл. обозрѣніи 1882 г.).

— Изъ исторіи монастырскихъ нравовъ XVIII ст. (X. К. 1884).

— Эпизодъ изъ исторіи борьбы духовной власти съ суевѣріями въ XVIII в. (X. К. 1884).

— Монастырскія записи XVIII в. о презентахъ архіереямъ (напеч. въ «Мірѣ» I).

— Два новыхъ памятника (конца XVII в.) русской полемики противъ иновѣрцевъ (X. К. 1884)

А. С. Лебедевъ, Синодальное рѣшеніе (1766) по обвиненію двухъ архимандритовъ – одного—въ запрещеніи дьякону говорить на молебнѣ многолѣтія, а другого въ непринятіи имъ въ консисторіи доноса по этому предмету (X. К. 1884).

— Синодальный указъ 1735 о временномъ удержаніи вологодскаго епископа Аѳанасія отъ архіепископскаго іерейскаго священнослуженія (X К. 1884).

Н. А. Максимейко, Проектъ новаго уложенія законодательной Коммиссіи 1754—1766 г.г., ч. III. О состояніи подданныхъ вообще (XI, 15)

И. Н. Миклашевскій, Сводная вѣдомость городовъ Россіи—въ рукописи общаго архива Министерскаго двора.

— О бортничествѣ въ древней Руси (XI, XIV).

С. А. Ризниковъ, Объ исторіи составленія договора Мстислава Давидовича съ нѣмцами (IX, VI).

В. П. Савва, О времени и мѣстѣ крещенія в. кн. Ольги * (III, VII).

— Объ исторіи чина царскаго вѣнчанія (IX, XI).

— О посольскомъ обрядѣ Московскаго государства (XI, XIII).

— О путешествіи патріарха Макарія въ Москву около половины XVII в. (XII, XIX).

Е. П. Трифильевъ, О письмахъ А. Д. Меньшикова.

В. А. Уляницкій, Къ исторіи возникновенія русскаго консульскаго института.

Н. П. Хрущовъ, Сборникъ XVI в. Кирилло - Бѣлоозерскаго монастыря (XII, XXI).

4. Исторія мѣстнаго края.

Д. И. Багалѣй, «Объ архивѣ малороссійской Коллегіи.» (X. К.. 1886).

— «Харьковъ двѣсти лѣтъ тому назадъ» (X. К., 1886).

— «О матеріалахъ для исторіи Слободской Украины, хранящихся въ московскихъ архивахъ.» (X. К., 1886).

— «О сборникѣ матеріаловъ для исторіи Слободской Украины»* (X. К., 1887).

— «Къ вопросу о перевозкѣ Черниговскаго Архива.» (X. К. 1887).

— «Къ вопросу о колонизаціи окраинъ (X. К. 1887).

— Объ изданіи сборника матеріаловъ по исторіи Харьковской и сосѣднихъ губерній (X. К. 1888).

— Исторія торговли въ Харьковскомъ краѣ въ XVIII вѣкѣ (X. К. 1889).

— О новыхъ матеріалахъ для исторіи Харьковской губ. (X. К. 1890).

— О Румянцевской описи Малороссіи (нап. въ „Кіев. старинѣ" 1883, XI).

— О новыхъ матеріалахъ для исторіи мѣстнаго края, пріобрѣтенныхъ правленіемъ университета отъ наслѣдницы Головинскаго для историческаго архива (II, II).

Д. И. Багалѣй, Объ атласѣ Слободско-Украинской губерніи 1802 г. Императорской публичной Библіотеки (II, III).

— Объ описаніи Харьковской губ. 1831 г. по рукописи Духовной Консисторіи (II, III).

— О магдебурскомъ правѣ въ городахъ Лѣвобережной Малороссіи при польскомъ владычествѣ (III, V).

— Объ организаціи магистратскаго самоуправленія въ городахъ Лѣвобережной Малороссіи (III, IX).

— О своемъ археографическомъ путешествіи въ Кіевъ (III, XIV).

— Къ біографіи Наз. Алек. Каразина * (IV, XIX).

— О чумѣ въ Харьковской губерніи въ 1738—1739 г. (V, III).

— Объ участіи общества въ дѣлѣ основанія Харьковскаго Университета (V, XIV)

— О сборникѣ рукописномъ фамиліи князей Куракиныхъ (VI, III).

— О рукописяхъ Г. С. Сковороды (VI, VIII).

— Объ отношеніи Г. С. Сковороды къ мѣстному обществу (VIII, V).

— Гулакъ-Артемовскій. (IX, I).

— Изъ исторіи Харьковскаго Университета (X, V).

— проф. Ѳ. В. Пильгеръ (XI, XX).

— Изъ исторіи Харьковскаго Университета (XI, XX).

— Планъ исторіи г. Харькова

— Изъ исторіи Харьковскаго Университета.

Д. И. Багалѣй, О значеніи будущаго археологическаго съѣзда для археологіи мѣстнаго края.

Н. И. Бакай, «О старинномъ сборникѣ, находящемся въ Гадячѣ». (Х. К. 1886).

— Къ вопросу о колонизаціи Лѣвобережной Украины въ XV и XVI вѣкѣ (Х. К. 1889).

Н. П. Баллинъ. Къ статистикѣ г. Харькова. (Х. К. 1884).

М. С. Дриновъ, Нѣсколько новыхъ данныхъ объ участіи малорусскихъ казаковъ въ дѣлахъ Румыніи и о вторженіи ихъ на Балканскій полуостровъ въ XVI в., по неизвѣстнымъ документамъ, извлеченнымъ изъ италіанскихъ архивовъ (Х. К. 1884).

А. Я. Ефименко, О копныхъ судахъ въ лѣвобережной Украйнѣ (Х. К. 1887).

— О дворянскомъ землевладѣніи въ южной Россіи (II, IV).

— Церковныя братства въ южной Руси (напеч. въ «Словѣ» 1880 IX, X и XI).

П. С. Ефименко, Архивъ Малороссійской коллегіи (напеч. въ 1 кн. «Кіевск. Стар.» 1882).

— Образцы старой обличительной литературы въ Малороссіи (напеч. въ 3 кн. «Кіевск. Стар.» 1882 г.).

— Ссыльные малороссіяне въ Архангельской губерніи (1708—1802) напеч. въ IX кн. «Кіевск. Ст»., 1882 года.

— Шпитали въ Малороссіи (напеч. въ 2. кн. «Кіевск. Стар». 1883 г.).

П. С. Ефименко, Судъ надъ вѣдьмами въ Малороссіи (напеч. въ XI кн. «Кіевск. Стар». 1883 г.).

— Свѣдѣнія о малороссіянахъ на дальнемъ сѣверѣ въ XVIII в.

— «Судъ надъ вѣдьмами въ Малороссіи» (Х. К. 1885).

—, «Объ архивахъ въ Харьковской губерніи» (Х. К., 1886 г.).

— «Харьковъ въ XVIII вѣкѣ». (Х. К. 1886).

— О составленіи біографическаго словаря южно-русскихъ дѣятелей (Х. К. 1887).

— О В. Н. Каразинѣ, записка свящ. Н. А. Лащенко (Х. К. 1888).

— Изъ записокъ Ярославскаго (Х. К. 1888).

Ѳ. А. Зеленогорскій, Философія Г. С. Сковороды, «украинскаго философа XVIII вѣка» (VI, VIII, X—XII).

П. В. Ивановъ, О путяхъ Игоря Сѣверскаго въ землю Половецкую 1185 г. (IV, XVII).

П. П. Короленко, Объ Азовцахъ (III, XVIII).

А. С. Лебедевъ, Архіереи изъ молдаванъ на Бѣлгородской епархіи (напеч. въ «Древн. и нов. Россіи» 1880 г. Сент.).

— О Троицкой или Яльпиновской пустыни Курской губ. (Х. К. 1884).

— Бракоразводныя дѣла Бѣлгородской епархіи, по архивнымъ документамъ XVIII ст. (Х. К. 1884).

— Распоряженіе Курскаго епископа (1804) о встрѣчѣ въ Курскомъ Духовномъ Училищѣ Попечителя Харьковскаго унив. графа Потоцкаго (Х. К. 1884).

— О борьбѣ духовенства въ Бѣлгородской епархіи съ суевѣріями (Х. К. 1889).

— О духоборцахъ въ Слободской Украйнѣ (Х. К. 1890).

— О тѣлесныхъ наказаніяхъ и цѣпяхъ въ приходскихъ церквахъ Бѣлгородской епархіи (Х. К. 1890).

— О духоборцахъ въ б. Слободской украинѣ (II, III).

— О нѣкоторыхъ способахъ церковнаго наказанія (II, III).

— О вотчинномъ бытѣ Бѣлгородскаго Николаевскаго и Курско-Знаменскаго монастырей по архивнымъ документамъ * (IV, XIV).

— Объ архіереѣ Бѣлгородской епархіи Петрѣ Смѣличѣ (V, II).

— О Бѣлгородскомъ епископѣ Порфиріѣ Крайскомъ по архивнымъ документамъ * (V, IV).

— О низшихъ школахъ въ Бѣлгородской епархіи въ XVIII в. (VI, XIV).

— О Бѣлгородскомъ архіепископѣ Феоктистѣ Мочульскомъ * (VIII, 2).

— Поѣздки Бѣлгородскихъ архіереевъ по епархіи * (XI, XVII).

— Къ исторіи земледѣлія (XI, XVIII).

Г. В. Левицкій, Астрономы и астрономическія обсерваторіи Харьковскаго университета съ 1809 по 1834 (V, XI).

— Объ ученой экспедиціи въ 1847—1849 г. четырехъ Харьковскихъ

профессоровъ въ предѣлахъ Харьковской и Воронежской губ. (VI, XII).

М. Д. Линда, Біографія Н. В. Тихоновича (II, IX, и XI).

Д. П. Миллеръ, О гомитинскихъ наборахъ въ Малороссіи (IV, XVI).

— О судахъ старой Малороссіи * (VI, III).

— Къ біографіи В. Н. Каразина.

— Новыя данныя къ біографіи В. Н. Каразина.

Ю. И. Морозовъ, О раскопкахъ Хорошева монастыря (X. К. 1884).

— Преданія о бывшемъ Зміевскомъ Николаевскомъ монастырѣ (X. К. 1884).

— О городищахъ (напеч. «въ Харьк. Вѣд.» за 1881 г., перепеч. въ I т. «Трудовъ Харьковскаго предварительнаго комитета по устройству XII археол. съѣзда»).

М. М. Плохинскій, О цыганахъ въ Гетманщинѣ и въ Слободской Украинѣ (X. К. 1890).

— О грузинахъ въ Малороссіи * (X. К. 1890).

— О грузинахъ въ Малороссіи въ XVIII ст. по документамъ мѣстнаго историческаго архива * (II, I).

— О бобровникахъ въ Малороссіи* (III, V).

— Мазепа какъ великороссійскій помѣщикъ * (IV, XII).

— О бумагахъ Чирикова, поступившихъ въ Историческій архивъ (IV, XII).

— О стрѣльцахъ въ лѣвобережной Украйнѣ (VII, VII).

М. М. Плохинскій, О почетныхъ членахъ Харьковскаго университета за первое десятилѣтіе его существованія (VIII, 3).

— О нѣжинскомъ греческомъ братствѣ (VIII, 5).

— О торговлѣ нѣжинскихъ грековъ въ XVIII в. (VIII 9).

— О хожденіи Коплонскаго въ Италію (въ концѣ XVII в.) * (IX, V).

А. А. Русовъ, О неизданныхъ документахъ Густынскаго монастыря * (III, XIII).

— Къ исторіи заселенія Херсонской губ. (III, XV).

Е. К. Рѣдинъ, А. М. Матушинскій (къ исторіи университета (VI, V).

— И. Е. Бецкій и музей изящныхъ искусствъ и древностей Харьковскаго университета.

— Памятники церковныхъ древностей Харьковской губ.

В. И. Савва, О духоборцахъ въ Малороссіи по архивнымъ документамъ * (II, IV).

М. Н. Салтыкова, О путевыхъ запискахъ по Харьковской губерніи Гильденштедта (III, XV).

Н. Ѳ. Сумцовъ, О письмахъ В. Н. Каразина къ Г. И. Колтуновскому (напеч. въ 34 № «Харьковск. Вѣд. 1880 г.).

— Къ исторіи попытокъ католиковъ ввести въ южную и западную Россію григоріанскій календарь (X. К. 1889).

— Культурный уголокъ Харьковской губерніи (Поповская академія) (X. К. 1889).

Н. Ѳ. Сумцовъ, Автобіографія и бытовыя воспоминанія Е. С. Гордѣенки (VIII, 9).

— Памяти Калнышевскаго (XII, XV).

— Новые матеріалы для біографіи И. Е. Бецкаго.

— Къ двадцатипятилѣтію историко филологическаго Общества.

Е. П. Трифильевъ, О селитровареніи въ Слободской Украинѣ въ XVII в. * (VI, V)

— Къ біографіи В. Н. Каразина. Попытка бѣгства его заграницу.

Н. А. Федоровскій, О древностяхъ, находимыхъ близь села Райгородка.

М. Г. Халанскій, О нѣкоторыхъ предметахъ древности, на которые желательно обратить вниманіе археологическаго съѣзда въ Харьковѣ.

А. Л. Шимановъ, Къ исторіи правовъ Слободско-Украинскаго общества XVIII вѣка (Х. К. 1888)

Д. И. Эварницкій, Поѣздка на Запорожье, (Х. К. 1884)

— Жизнь запорожцевъ по разсказу очевидца (Х. К. 1884)

— „О домашней жизни запорожцевъ“ (Х. К., 1889)

— „О числѣ и порядкѣ запорожскихъ сѣчей“ (Х. К., 1885)

— „Отчетъ о поѣздкѣ въ Запорожье“ (Х. К. 1886).

5. Всеобщая литература.

В. П. Бузескулъ, «О вліяніи Виклефа на Гуса» (Х. К. 1887).

И. И. Дитятинъ, «О неизданномъ сочиненіи Спафарія о Китаѣ» (Х. К., 1885).

А. И. Кирпичниковъ, Новые матеріалы для біографіи Гейне (напеч. въ «Мірѣ». 1881 г.).

— О «сочиненіи студента Шепелевича «Dialadus miracularum Цезарія Гейстербахскаго». (Х. К., 1885).

С. В. Соловьевъ, Легенды о мученіяхъ Іуды предателя (VI, XII).

— Апокрифы и легенды о преданіи Христа Іудою (VI, XIV).

Л. Ю. Шепелевичъ, О западно-европейской демонологіи по «Откровенію» Рахальма, житію Агнесы и др. (II, VII).

— О нѣкоторыхъ эпизодахъ видѣнія ап. Павла (III, XV) (IV, XVI).

— Донъ-Кихотъ Авелляneды. (XI, XX).

О первомъ критическомъ изданіи «Донъ-Кихота» Сервантеса.

— Кто былъ авторомъ «Донъ-Кихота» Авелляneды.

— О разныхъ переводахъ Донъ-Кихота Сервантеса.

6. Русскій языкъ и литература.

Н. И. Алякритскій, О жизни и научной дѣятельности Н. С. Тихонравова до полученія профессуры * (VIII, 5).

— О научныхъ трудахъ Н. С. Тихонравова * (X, VIII).

— Воспоминанія о Ѳ. И. Буслаевѣ, какъ профессорѣ (XI, VII—VIII).

Д. И. Багалѣй, О новооткрытомъ литературномъ произведеніи начала 19 вѣка (XII, IX).

А. В. Ветуховъ, О научныхъ трудахъ А. А. Потебни (VI, V).

Н. К. Грунскій, О литературныхъ образахъ дьявола (VIII, 8).

М. С. Дриновъ, О коллекціи рукописей Верковича (X. К. 1884).

— Названія Дажьбогъ Хорсъ въ современной Болгаріи (X. К. 1884).

— Новыя свѣдѣнія о Димитріи Кантакузенѣ, южно-славянскомъ писателѣ XVI в. (X. К. 1884).

— Новыя данныя для славянской миѳологіи. (X. К. 1884).

— «Къ исторіи чествованія славянскихъ первоучителей». (X. К. 1886).

— О сборникѣ Святослава 1076 года (V, VIII).

— О церковно-славянской статьѣ, заключающей символическія толкованія церковныхъ предметовъ, каноническія и апокрифическія (V, X).

— О недавно изданныхъ по мюнхенскому списку трудахъ болгарскаго архіепископа Димитрія Хоматіана (VI, XII—XIII).

— О второмъ изданіи «Сборника Святослава» 1076 г. (VIII, 7).

— Шестодневъ Іоанна экзарха болгарскаго въ рукописи П. А. Овчинникова.

А. П. Кадлубовскій, Легенда о чудѣ съ еретикомъ священникомъ въ житіи Іосифа Волоцкаго.

А. И. Кирпичниковъ, О сходствѣ нѣкоторыхъ литературныхъ лицъ въ «Иванѣ Выжигинѣ» Булгарина и въ «Мертвыхъ душахъ» Гоголя (X. К. 1884).

— О «И. С. Тургеневѣ» (X. К., 1885).

Б. М. Ляпуновъ, О языкѣ первой новгородской лѣтописи (IV, X, XII).

— О славянской христоматіи Пѣнинскаго (VI, VI).

— О рецензіи А. А. Потебни на докторскую диссертацію проф. Соболевскаго (X, VI).

С. А. Новицкій, Жизнь и труды Бѣлинскаго (XII, XI).

Д. Н. Овсянико-Куликовскій, Памяти Лермонтова (IV, IX).

А. А. Потебня, Начальныя сочетанія лы, ры, лу, ру=основнымъ ал, ар. (напеч. въ Рус. Фил. Вѣст. 1879, и въ «Къ исторіи звуковъ» II).

— О заимствованіяхъ изъ нѣмецкаго въ малорусскомъ языкѣ (напеч. тамъ же).

— Нѣсколько иностранныхъ словъ въ малор. яз., объясненіе старинныхъ русскихъ юридическихъ словъ (напеч. тамъ же, III).

—, Слѣпородъ, slepj, masur, Сучичь (напеч. тамъ же, IV).

— Село, деревня и т. п. слова (къ исторіи быта), (напеч. тамъ же, IV).

— Объясненіе словъ дъна, усовь, гостець и др. (напеч. тамъ же).

— О значеніи слова «Русь» въ связи съ нѣкоторыми явленіями русскаго полногласія (187⁸/₉).

А. А. Потебня, Темныя слова въ думѣ о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова (напеч. въ Русс. Филол. Вѣстн. 1879; вошло во II т. «Къ исторіи звуковъ русскаго языка)».

— О словѣ «молитва», по поводу свѣдѣній, сообщенныхъ М. Е. Халанскимъ. (Х. К. 1884).

— Нѣм. этимологій (Х. К. 1884).

— О «дневникѣ» Ѳ. М. Достоевскаго (Х. К. 1884).

— «Къ исторіи литературнаго общенія южныхъ славянъ и Руси». (Х. К. 1886).

— О значеніи множественнаго числа, преимущественно въ русскомъ языкѣ (Х. К. 1888).

М. П. Савиновъ, О чинѣ пещнаго дѣйствія въ Вологодскомъ Софійскомъ соборѣ (II, V).

И. М. Собѣстіанскій, Критическій обзоръ мнѣній ученыхъ о характерѣ и бытѣ древнихъ славянъ (II, VI).

— Къ исторіи ученій о древнеславянскомъ юридическомъ бытѣ (III, X, XVIII—XX).

Н. Ѳ. Сумцовъ, О литературныхъ связяхъ В. А. Жуковскаго (Х. К. 1884)

— О различныхъ способахъ закрѣпленія памяти Пушкина въ Харьковскомъ городскомъ училищѣ имени поэта

— О романѣ Мережковскаго «Воскресшіе боги Леонардо да Винчи».

— О поэзіи гр. А. К. Толстого.

— „Стихотвореніе Шевченка ‚Солнце заходыть" въ сравнительно—литературной обстановкѣ.

Н. Ф. Сумцовъ, Объ отношеніи поэзіи Тютчева къ поэзіи Пушкина.

— О И. С. Тургеневѣ (Х. К. 1885).

—, О «Ключѣ разумѣнія» І. Голятовскаго (Х. К. 1885).

— Къ исторіи раскольнической литературы (Х. К. 1888).

— Обзоръ научной дѣятельности академика М. И. Сухомлинова * (IV, XVI).

— Рѣчь Ивана Мелешка на Варшавскомъ соймѣ 1589 г. (VI, XIII).

— Къ литературной исторіи «Касьянъ съ красивой Мечи» Тургенева (IX, VII).

— Исторія распространенія и популяризаціи научныхъ положеній А. А. Потебни (IX, VII).

— Значеніе научной дѣятельности Ѳ. И. Буслаева (XI, VI—VII).

— Труды Бѣлинскаго, посвященные произведеніямъ Пушкина (XII, XI).

— О вліяніи поэзіи Лермонтова на А. С. Пушкина (XII, XXII).

М. Е. Халанскій, О словѣ «Храбръ» (Х. К. 1884).

— «Храбръ», (Х. К. 1885).

— А. С. Пушкинъ и Ризничъ (II, X).

— О методѣ веденія письменныхъ упражненій по русскому языку въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (IV, III).

— О взглядахъ Потебни на исторію русскихъ нарѣчій и на ихъ взаимное отношеніе (V, VI).

М. Е. Халанскій, О членѣ въ русскомъ языкѣ (IX, IX).

— Три письма А. А. Потебни изъ Берлина (X, VI).

— Труды Буслаева по русскому языку и словесности (XI, VIII).

— О частицѣ ста (XI, XVII).

— О поэзіи Я. П. Полонскаго (XII, XIII).

— О вліяніи В. Л. Пушкина на поэтическое творчество А. С. Пушкина (XII, XXII).

В. И. Харціевъ, Взгляды Буслаева на преподаваніе отечественнаго языка и словесности въ средней школѣ (XI, X).

— О статьяхъ Потебни, посвященныхъ языку (XI, XX).

7. Народная поэзія.

М. С. Дриновъ, О былевой похвальбѣ (IX, X).

П. С. Ефименко, Къ исторіи народныхъ слуховъ (X. К. 1887).

Микола, «Къ былинѣ о Жидовинѣ» (III, VII).

А. А. Потебня, О сборникѣ пѣсенъ крестьянъ Щигровскаго у., Кур. губ., составленномъ М. Е. Халанскимъ (Пѣсни напечатаны въ Русск. Фил. Вѣст. 1879—1880 г.).

— Замѣтка о двухъ пѣсняхъ рожа — спажа, тума, Томашъ (напеч. тамъ же.)

— О нѣкоторыхъ поэтическихъ мотивахъ народныхъ пѣсенъ (X. К. 1884).

Къ исторіи славянской народной поэзіи (веснянки, весеннія игры) (X. К. 1884).

А. А. Потебня, Къ исторіи народной поэзіи (X. К. 1884).

— О сборникѣ донскихъ пѣсенъ, составленномъ г. Абрамовымъ (X. К. 1884).

— Сербская пѣснь о Юріи Даничичѣ. (X. К. 1884).

М. П. Савиновъ, О народныхъ этимологическихъ сказаніяхъ, пріуроченныхъ къ названіямъ Васонъ (Вологда), Соломбаля, Плещеево озеро и друг. (II, III).

— О лопарской сказкѣ о женитьбѣ солнца (III, IX).

Н. Ѳ. Сумцовъ, О нѣкоторыхъ свадебныхъ обрядахъ (вошло въ соч. «О свадебныхъ обрядахъ», изд. отдѣльной книгой).

— Къ исторіи малорусскихъ свадебныхъ обрядовъ. (X. К. 1884).

— Къ исторіи хлѣбной пищи (X. К. 1887).

— О матеріалахъ, доставленныхъ И. Ф. Обществу П. В. Ивановымъ (X. К. 1887).

— О демоническомъ характерѣ болѣзней по народнымъ представленіямъ (X. К. 1890).

— Объ оленѣ въ произведеніяхъ искусствъ и народной словесности (X. К. 1890).

— О малорусскомъ преданіи о Ханенкѣ (X. К. 1890).

— О сказаніяхъ объ искуссномъ стрѣлкѣ, въ частности о Вильгельмѣ Теллѣ (II, II).

— О народныхъ повѣріяхъ о демоническомъ происхожденіи болѣз-

ней вообще, въ особенности колтуна, сумасшествія и эпилепсіи (II, II).

— Воронъ въ народной словесности (II, VII).

— О польскихъ мамунахъ и сродныхъ съ ними существахъ (III, XIII).

— Научные разсказы о Долѣ (IV, VII).

— Легенды о грѣшной матери (V, X).

— Сказанія о провалившихся городахъ * (IX, X).

Н. Ѳ. Сумцовъ, Пѣсни о Травинѣ * (X, VIII).

— Объ анекдотахъ о недомысліи * (XI, XX).

М. Е. Халанскій, Къ исторіи народной поэзіи (X. К. 1884).

— О былинахъ о Жидовинѣ (X. К. 1890).

— «Объ отраженіяхъ сказанія о Бовѣ въ сербскомъ эпосѣ» (II, I).

— Къ былинѣ про Дюка Степановича (II, X).

— О Южно-славянскихъ версіяхъ мотива о боѣ отца съ сыномъ (III, XVI).

— О былинахъ про Илью Муромца (V, III).

— О нѣкоторыхъ выраженіяхъ въ словѣ о полку Игоревѣ (V, XI).

— О размѣрѣ славянскихъ пѣсенъ (VI, II).

— О происхожденіи имени и прозвища Ильи Муромца (XII, XVIII).

— О сборникѣ сербскихъ героическихъ пѣсенъ, изданныхъ въ Загребѣ Матицей Хорватской (XII, XIX).

М. Е. Халынскій, О Леденцѣ-Леденѣ градѣ (XII, XIX).

— О происхожденіи названія муравскаго шляха (XII, XXII).

— О географическихъ названіяхъ въ былинѣ про Соловья Будимировича.

— Былина о гибели богатырей.

В. И. Харціевъ, О нѣкоторыхъ мотивахъ южно-славянской народной поэзіи (IV, III).

8. Этнографія.

Д. И. Багалѣй, О П. П. Чубинскомъ (X. К. 1885).

П. С. Ефименко, О П. П. Чубинскомъ» (X. К. 1885).

— «Объ этнографическихъ особенностяхъ южнорусскаго племени» (X. К. 1885).

Г. Ю. Ирмеръ, Латышская этнографическая выставка въ Ригѣ въ 1896 * (X, VIII).

А. И. Кирпичниковъ, «Какъ далеко мы ушли отъ мифологическаго міровоззрѣнія» (X. К. 1885).

Н. Ѳ. Сумцовъ, «Къ исторіи свадебныхъ обрядовъ» (X. К., 1885).

— О сборникѣ дѣтскихъ игръ П. В. Иванова (X. К. 1888).

9. Классическая филологія.

В. П. Бузескулъ, Новые взгляды на дѣятельность Перикла (X. К. 1888).

— Вопросъ о достовѣрности Ѳукидида (X. К. 1889).

В. П. Бузескулъ, О трактатѣ Аристотеля объ аѳинской демократіи (III, XXII,) (IV, XXI).

— Сравненіе новооткрытаго трактата объ аѳинскомъ государственномъ устройствѣ съ «Политикой» Аристотеля. (V, VII).

— О изданіи Сандиса Аристотелева трактата объ аѳинской республикѣ (V, X).

— Источники Аристотеля въ Ἀθηναίων πολιτεία и его отношеніе къ нимъ (VI, VI, VII).

Ф. Л. Германъ, О римскихъ врачахъ * (VI, III).

Э. М. Дилленъ, Объ армянскомъ языкѣ (X. K. 1885).

Я. А. Денисовъ, Коньектура къ тексту Эсхила (VIII, 7).

— О дохміѣ у Эсхила (IX, VII).

Ѳ. Е. Коршъ, Разборъ греческой грамматики Бругмана * (V, XII).

В. В. Латышевъ, О Херсонесскихъ надписяхъ (IV, XXI).

М. А. Масловъ, О книгѣ Клотца «Основанія древне-римской метрики» (II, X).

— Объ одномъ интересномъ случаѣ согласованія на латинскомъ языкѣ (VI, XV).

А. А. Потебня, О сочиненіи Бругмана «Das Nominalgeschlecht in der german. Sprache» (X. K., 1890).

10. Археологія и исторія искусствъ.

Д. И. Багалѣй, Объ одесскомъ археологическомъ съѣздѣ. (X. K. 1886).

Д. И. Багалѣй, О VII археологическомъ съѣздѣ въ Ярославлѣ (X. K. 1889).

— О трудахъ VIII археологическаго съѣзда въ Москвѣ (II, VIII).

— Объ археологическихъ раскопкахъ свящ. Спесивцева (IV, XIX).

В. П. Бузескулъ, О жизни и научныхъ трудахъ Шлимана (III, XIII)

А. Н. Деревицкій, Труды Тена по философіи и исторіи искусства (V, IX).

М. С. Дриновъ, Объ одной румынской надписи на иконѣ Богоматери, находящейся въ селѣ Рогани Харьковской губ. (XII, XI).

А. И. Кирпичниковъ, О нѣкоторыхъ миніатюрахъ средневѣковыхъ Вѣнскихъ рукописей. (Напеч. въ жур. мин. нар. просв. 1883 г.).

М. Д. Линда, Объ иконѣ Богоматери 1642 г. (IV, XI).

Е. К. Рѣдинъ, О жизни и ученыхъ трудахъ основателя христіанской археологіи Джіованни Батиста де Росси (VIII, 3).

— Объ изданіи Звенигородскаго «Исторія византійской эмали», соч. Н. П. Кондакова (VIII, 1).

— Труды Буслаева по археологіи и исторіи искусствъ * (XI, IX).

— О древне-христіанкой пиксидѣ Болонскаго музея (V, XI).

— О новѣйшихъ изслѣдованіяхъ по исторіи древне-христіанскаго искусства (VI, III).

— О времени мозаикъ купола св. Софіи Солунской (XII, XII).

Е. К. Рѣдинъ и Н. А. Федоровскій, Могильникъ кургана слободы Сеньково Купянскаго уѣзда * (XII, XVII.)

Е. К. Рѣдинъ, Памяти И. А. Голышева (XII, XVIII).

— О нѣкоторыхъ лицевыхъ рукописяхъ собранія гр. А. С. Уварова.

— Икона „Недреманное око".

— О миніатюрахъ Шестоднева Іоанна экзарха Болгарскаго въ рукописяхъ П. А. Овчинникова, Румянцевской публичной Библіотеки и Императорской публичной Библіотеки.

Свящ. В. Спесивцевъ, Объ археологическихъ находкахъ вблизи с. Райгородка Изюмскаго уѣзда * (VI, III).

Н. Ф. Сумцовъ, О картинахъ XVI в.

— О трудахъ Д. И. Каченовскаго по исторіи искусствъ.

II. Некрологи.

Д. И. Багалѣй, Памяти А. С. Лашкевича, редактора „Кіевской Старины" (II, IV).

— Некрологъ графа А. С. Уварова (X. К. 1886).

— Докторъ Ролле (VI, VIII).

— К. Н. Бестужевъ-Рюминъ (X, VIII).

В. П. Бузсекулъ, Памяти В. Г. Васильевскаго.

— Памяти Шеффера, Вл. Соловьева, Ад. Гольма.

— Курціусъ и Трейчке (X, II).

— Памяти проф. Н. С. Корелина (XII, XVI).

А. В. Ветуховъ, Р. О. Капирениновъ * (X, I).

М. С. Дриновъ, Некрологъ В. В. Макушева (X. К. 1884).

— Памяти Ф. Миклошича (IX, XVI).

— Памяти А. А. Потебни * (V, V).

— Памяти И. И. Манжуры (VI, II).

— Памяти Рачкаго (VI, X).

— Памяти Императора Александра III (VIII, 3).

— Памяти И. М. Собѣстьянскаго * (IX, XI).

— О Геевскомъ, Незеленовѣ, Яковлевѣ, Облакѣ (IX, XI).

— *П. С. Ефименко*.—Некрологъ Н. Д. Мизка (напечат. въ XII книж. «Кіевск. Ст.» 1882 г.).

А. Я. Ефименко, Памяти Ѳ. М. Достоевскаго (X. К. 1884 г.).

А. И. Кирпичниковъ, Некрологъ С. М. Соловьева (X. К. 1884).

— Памяти Ѳ. М. Достоевскаго (X. К. 1884).

— Памяти И. С. Тургенева (X. К. 1884).

М. А. Масловъ и М. Д. Линда, Д. А. Матовъ * (X, I).

А. А. Потебня, Въ память Т. Г. Шевченко (X. К. 1884).

Е. К. Рѣдинъ, Памяти Ле-Блана * (X, V—VI).

— Памяти проф. Э. Добберта.

Н. Ѳ. Сумцовъ, Памяти Э. Коваржа.

— Памяти И. С. Тургенева (X. К. 1884 г.).

Н. Ѳ. Сумцовъ, Памяти П. А. Гинкина, Шеина.

— Памяти У. В. Даунса, лектора англійскаго языка (I, II).

Н. Ѳ. Сумцовъ и Л. Ю. Шепелевичъ, Памяти Л. С. Колмачевскаго * (II, IV).

— Памяти Ф. Либрехта (III, VIII).

Н. Ѳ. Сумцовъ и Л. Ю. Шепелевичъ, О научной дѣятельности Леонида Кавелина и Исидора Коперницкаго (IV, IX).

— Памяти Огоновскаго (VIII, 6).

— Памяти Лѣскова (VIII, 7)

Н. Ѳ. Сумцовъ, И. П. Хрущовъ, Д. И. Багалѣй, Памяти А. Ѳ. Бычкова (XII, XXI).

II.

СПИСОКЪ

изслѣдованій, матеріаловъ, помѣщенныхъ въ „Сборникѣ" Общества, т. I—XII.

1. Философія.

Сочиненія Г. С. Сковороды, съ біографіей, составленной его другомъ Ковалинскимъ и критико-библіографической статьей проф. Д. И. Багалѣя (т. 7-й).

Д. И. Багалѣй, Г. С. Сковорода, его ученіе, жизнь и значеніе (VIII, 52—67).

Ѳ. А. Зеленогорскій, Памяти Г. С. Сковороды (VIII, 43—51).

А. С. Лебедевъ, Г. С. Сковорода, какъ богословъ (VIII, 35—42).

2. Всеобщая исторія.

В. П. Бузескулъ, Библіографическая замѣтка о книгахъ, изданныхъ въ Харьковѣ (1881—1890) (III, 299—306).

3. Русская исторія.

В. И. Савва, О времени и мѣстѣ крещенія русской великой княгини Ольги (опытъ историко-критическаго разбора) X. 1890 (III, 1—28).

4. Исторія мѣстнаго края.

Д. И. Багалѣй, Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) въ XVI—XVIII столѣтіи, собранные въ разныхъ архивахъ и редактированные Д. И. Багалѣемъ. 1886 г. I—XXI, 1—358 стр. (1-й томъ «Сборника»).

— Матеріалы для исторіи колонизаціи (II, I—XV, 1—433).

— Сочиненія, матеріалы, статьи и замѣтки, относящіеся къ исторіи Слободской Украйны (Критико-библіографическій очеркъ). Выпускъ 2-й (III, 279—298).

— Къ біографіи В. Н. Каразина (мелкія замѣтки) (III, 307—311).

— Челобитная острогожскихъ старшинъ императрицѣ Екатеринѣ II-й (III, 312—316).

— О новыхъ матеріалахъ для исторіи Слободской Украины (V, 167—280).

В. И. Савва, Къ исторіи духоборцевъ Харьковской губ. (V, 75—81).

Н. Ѳ. Сумцовъ, Письма студента Харьковскаго университета, 1824—1827 И. Я. Тросницкаго (III, 330—337).

— Три письма Каразина (III, 338—341).

Е. П. Трифильевъ, Очерки изъ исторіи промышленности Слободской Украйны (VI, 12—48).

Экстрактъ о изнеможеніи Слободскихъ полковъ (XI, 316—354, XII, 41—88).

— Научныя чтенія для женщинъ (VIII, 28—34).

— Юбилейное чествованіе памяти Г. С. Сковороды (VIII, 35—36).

5. Русскій языкъ и литература.

Н. И. Аляксритскій, Пямяти Н. С. Тихонравова (VIII 1—28).

— Обзоръ трудовъ Н. С. Тихонравова съ 1859—1874 (IX, 209—230) (X, 77—111).

Б. М. Ляпуновъ, Д-ръ Ватрославъ Облакъ (IX, 113—131).

Н. Ѳ. Сумцовъ, Къ сорокалѣтнему юбилею служебной и ученолитературной дѣятельности М. И. Сухомлинова (IV, 239—245).

— Литературная родня разсказа гр. Л. Н. Толстого «Чѣмъ люди живы» (IX, 132—139).

М. Е. Халанскій, Пушкинъ и г-жа Ризничъ (IV, 246—252).

— Я. П. Полонскій въ его поэзіи (XII, 1—51).

6. Народная поэзія.

М. Гавриловъ, Заговоры изъ Черниговской губерніи (IV, 283—284).

Ѳ. Ю. Зелинскій, О заговорахъ (X, 1—58).

П. Ивановъ, Народные разсказы о вѣдьмахъ и упыряхъ (Матеріалы для характеристики міросозерцанія крестьянскаго населенія Купянскаго уѣзда) (III, 156—228).

— Народные разсказы о долѣ (IV, 54—89).

— Народные разсказы о домовыхъ, лѣшихъ, водяныхъ, русалкахъ (V, 23—74).

П. П. Короленко, Черноморскіе заговоры (IV, 274—282).

М. Д. Линда и И. Ѳ. Любицкій, Нѣсколько заговоровъ (IV, 289—290)

И. И. Манжура, Сказки, пословицы и т. п., записанныя въ Екатеринославской и Харьковской губ. Х. 1890 (II, 1—194).

— Малорусскія сказки, преданья и повѣрья, записанныя въ Екатеринославской губ. (VI, 161—197).

В. П. Милорадовичъ, Сборникъ малорусскихъ пѣсенъ, Лубенскаго уѣзда Полтавской губерніи (X, 1—223).

Я. П. Новицкій, Малорусскія пѣсни, преимущественно историческія, собранныя въ Екатеринославской губ. въ 1874—1894 г. (VI, 49—160).

А. П. Пельтцеръ, Происхожденіе анекдотовъ въ русской народной словесности (XI, 57—117).

И. А. Семеновъ, Заговоры изъ Черниговской губерніи (IV, 284—288).

Н. Ѳ. Сумцовъ, Заговоры, библіографическій указатель (IV, 258—273).

— Дополненіе къ библіографіи заговоровъ (V, 281—282).

— Колдуны, вѣдьмы, упыри. Статья и библіографическій указатель (III, 229—278).

— Личные обереги отъ сглаза (IX, 93—112).

— Сказанія о провалившихся городахъ (VIII, 297—305).

— Къ библіографіи старинныхъ малорусскихъ религіозныхъ сказаній (VIII, 306—313).

— Пожеланія и проклятія (IX, 183—208).

— Опытъ изученія малорусскихъ пословицъ (IX, 231—241).

— Жаба и лягушка въ народныхъ повѣрьяхъ и сказаніяхъ (IX, 242—243).

— Пѣсни о Травинѣ (X, 59—64).

— Разысканія въ области анекдотической литературы. Анекдоты о глупцахъ (XI, 118—315).

С. А. Чернявская, Обряды и пѣсни с. Бѣлозерки Херсонской губ. (V, 82—166).

7. Этнографія.

Г. Ю. Ирмеръ, Латышская этнографическая выставка на X археологическомъ съѣздѣ въ Ригѣ 1896 г. (X, 65—76).

П. Ивановъ, Игры крестьянскихъ дѣтей въ Купянскомъ уѣздѣ. Съ предисловіемъ проф. Н. Ѳ. Сумцова X. 1889. 1—81. (Сборн. II т.).

8. Классическая филологія.

Ф. Л. Германъ, Врачебное сословіе древняго Рима (VI, 198—243).

А. Н. Деревицкій, Литература по вопросу о заговорахъ, заклинаніяхъ и. т. п. въ древней Греціи (IV, 291—292).

Ѳ. Коршъ, Нѣсколько замѣчаній къ греческой фонетикѣ Бругмана (VIII, 38—62).

9. Археологія и исторія искусствъ.

И. М. Бичъ-Лубенскій, Раскопка кургановъ въ Изюмскомъ уѣздѣ, Харьковской губ. (III, 316—319).

Г. В. Левицкій, Къ вопросу объ организаціи раскопокъ кургановъ и городищъ въ Харьковской и смежныхъ губерніяхъ (VIII, 26—27).

Е. К. Рѣдинъ, Ѳ. И. Буслаевъ. Обзоръ трудовъ его по исторіи искусства (XI, 1—39).

Е. К. Рѣдинъ и Н. А. Федоровскій, Могильникъ кургана слоб. Сеньково Купянскаго уѣзда (XII, 73—83).

В. Спесивцевъ, Случайныя археологическія находки (VI, 1—16).

Н. Ѳ. Сумцовъ, Леонардо да Винчи (XII, 84—281).

10. Некрологи.

Д. И. Багалѣй, О. Николай Лащенко (IX, I—VI).

А. В. Ветуховъ, Памяти Р. I. Каширенинова (IX, (IX—XIII).

А. Левандовскій, Н. Ф. Одарченко (VIII, 17—18).

М. А. Масловъ Д. А. Матовъ, (IX, VIII—X).

Е. К. Рѣдинъ, Памяти Ле-Блана (X, V—VI).

Н. Ѳ. Сумцовъ, Леонардъ Зеновичъ Колмачевскій (II, XV—XVI).

— Памяти Н. А. Лавровскаго (XII, 1—2).

Памяти А А Потебни, Сборникъ статей: Н. Ѳ. Сумцова, М. Е. Халанскаго, Горнфельда, Д. И. Багалѣя, И. В. Нетушила, Б. М. Ляпунова, В. И. Ламанскаго, А. С. Будиловича, И. В. Ягича, М. С. Дринова, Л. Ю. Шепелевича, В. И. Харціева и др. (IV, 1—90).

Памяти И. М. Собѣстіанскаго, Сборникъ статей: А. Н. Стоянова, Н. Ѳ. Сумцова, Н. О. Куплеваскаго, М. С. Дринова (VIII, 1—16).

III.

УСТАВЪ

Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ.

(Утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія 24 декабря 1876 года).

---

§ 1. Цѣль общества—способствовать посильными трудами, собраніями и изданіями развитію и распространенію историческихъ и филологическихъ знаній.

§ 2. Для достиженія указанной цѣли общество устраиваетъ публичныя и частныя засѣданія, входитъ въ сношенія съ русскими и иностранными учеными учрежденіями, по мѣрѣ возможности, заботится о пріобрѣтеніи предметовъ археологическихъ, рукописей или ихъ копій, инкунабулъ и рѣдкихъ спеціальныхъ изданій, снаряжаетъ ученыя экскурсіи для собиранія памятниковъ и издаетъ: 1) ученыя изслѣдованія, 2) памятники, 3) университетскіе учебники и пособія, 4) мелкія замѣтки и филологическія наблюденія, 5) критико-библіографическія статьи и обозрѣнія, 6) протоколы засѣданій.

§ 3. Археологическіе и этнографическіе предметы, пріобрѣтенные обществомъ, поступаютъ въ музей изящныхъ искусствъ и древностей при харьковскомъ университетѣ, рукописи и книги остаются въ вѣденіи общества и составляютъ его библіотеку; послѣдняя помѣщается въ зданіи университета, который также даетъ помѣщеніе для засѣданій общества.

§ 4. Суммы общества причисляются къ спеціальнымъ средствамъ харьковскаго университета, вносятся въ смѣту его доходовъ особою статьею и выдаются по требованію общества изъ губернскаго казначейства по ассигновкѣ правленія университета.

§ 5. Всѣ суммы, непосредственно поступающія въ общество, принимаются секретаремъ его и препровождаются въ правленіе университета для отсылки въ губернское казначейство.

§ 6. Членами общества могутъ быть: 1) преподаватели историко-филологическаго факультета харьковскаго университета; 2) преподаватели другихъ факультетовъ того-же университета, предметы занятій которыхъ сходятся съ цѣлями общества; 3) другія лица, живущія въ Харьковѣ, занимающіяся тѣми-же предметами; 4) лица, извѣстныя своими учеными трудами или оказавшія услугу обществу, проживающія какъ въ Россіи, такъ и за границей.

§ 7. Наличные преподаватели историко-филологическаго факультета харьковскаго университета суть въ то же время члены-основатели общества. Другія лица принимаются въ члены общества по закрытой баллотировкѣ абсолютнымъ большинствомъ голосовъ.

§ 8. Члены общества, по роду занятій историческихъ и филологическихъ, могутъ вести свои засѣданія и печатать труды свои вмѣстѣ и порознь.

§ 9. Главное управленіе всѣми дѣлами и занятіями общества принадлежитъ общему собранію, состоящему изъ предсѣдателя, секретаря и членовъ. Собраніе считается состоявшимся, если въ засѣданіе явится болѣе половины членовъ, находящихся въ Харьковѣ. Сроки собраній опредѣляются заранѣе въ началѣ учебнаго года.

§ 10. Предсѣдатель и секретарь общества избираются изъ членовъ общества, живущихъ въ Харьковѣ, на одинъ годъ, посредствомъ баллотировки абсолютнымъ большинствомъ. Кандидаты на эти должности предлагаются по запискамъ.

§ 11. Предсѣдатель наблюдаетъ за исполненіемъ устава, за порядкомъ въ засѣданіи и созываетъ собранія.

§ 12. Секретарь составляетъ отчеты, ведетъ протоколы, дѣлаетъ доклады, ведетъ переписку по дѣламъ общества и исполняетъ распоряженія общества касательно употребленія денежныхъ средствъ.

§ 13. Общество въ своихъ собраніяхъ занимается разсмотрѣніемъ научныхъ трудовъ, предложенныхъ обществу для напечатанія, и обсужденіемъ словесныхъ сообщеній его членовъ, разсматриваетъ и утверждаетъ смѣты доходовъ и расходовъ, дѣлаетъ постановленія о всякихъ денежныхъ выдачахъ, разсматриваетъ и одобряетъ планы ученыхъ экскурсій и отчеты о ихъ выполненіи, дѣлаетъ постановленія о напечатаніи ученыхъ трудовъ, представляемыхъ членами и посторонними лицами, и объявляетъ программу публичныхъ засѣданій.

§ 14. Труды общества выходятъ въ видѣ отдѣльныхъ сочиненій, памятниковъ и монографій и безсрочныхъ сборниковъ. Съ авторами, издателями и переводчиками, какъ принадлежащими къ числу членовъ обще-

ства, такъ и посторонними ему лицами, обществу предоставляется право входить въ соглашеніе относительно вознагражденія количествомъ экземпляровъ.

§ 15. Статьи для сборниковъ и сочиненія, имѣющія печататься отдѣльными книгами, превышающія объемомъ приблизительно пять печатныхъ листовъ, подвергаются закрытой баллотировкѣ, при чемъ общество сохраняетъ за собою право измѣнить размѣръ баллотируемыхъ статей, сообразно средствамъ.

§ 16. Труды общества, на основаніи п. 2 б. ст. 1 Указа правительствующему сенату 6 апрѣля 1865 года, могутъ выходить безъ предварительной цензуры; но обществомъ должно быть испрошено разрѣшеніе на выпускъ въ свѣтъ повременнаго изданія въ общемъ порядкѣ, установленномъ ст. 4—7 гл. II приложенія къ ст. 5 (примѣч. 4) Уст. ценз. по продолж. 1868 г., и соблюдаема ст. 11 того-же закона.

§ 17. Въ публичныхъ засѣданіяхъ читаются замѣтки, статьи и рефераты о статьяхъ, представленныхъ въ общество какъ его членами, такъ и посторонними лицами.

§ 18. Средства общества составляются изъ членскихъ взносовъ (по 5 рублей ежегодно), изъ добровольныхъ пожертвованій, изъ суммы, выручаемой отъ продажи изданій общества, и изъ сбора за публичныя лекціи, читаемыя въ его пользу.

§ 19. Въ случаѣ закрытія общества, все его имущество поступаетъ въ вѣдѣніе университета.

На основаніи § 145 Высочайше утвержденнаго 24 августа 1884 г. устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ—утверждаю.

Министръ Народнаго Просвѣщенія
Генералъ-Адъютантъ *Ванновскій.*

10 октября 1901 г.

IV.

УСТАВЪ

Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ.

I. Цѣль Общества.

§ 1. Цѣль Общества—способствовать посильными трудами, собраніями и изданіями развитію и распространенію историческихъ и филологическихъ знаній.

§ 2. Для достиженія указанной цѣли Общество устраиваетъ публичныя и частныя засѣданія, публичныя чтенія и лекціи, входитъ въ сношенія съ русскими и иностранными учеными учрежденіями, заботится о пріобрѣтеніи архивныхъ матеріаловъ, рукописей или ихъ копій, инкунабулъ, этнографическихъ матеріаловъ, археологическихъ предметовъ и рѣдкихъ спеціальныхъ изданій, снаряжаетъ ученыя экскурсіи для собиранія памятниковъ и издаетъ: 1) ученыя изслѣдованія; 2) памятники; 3) университетскіе учебники и пособія; 4) мелкія замѣтки и наблюденія; 5) критико-библіографическія статьи, обозрѣнія и переводы; 6) протоколы засѣданій; 7) каталоги.

§ 3. Книги, принадлежащія Обществу, составляютъ его библіотеку; послѣдняя помѣщается въ зданіи университета, который также даетъ помѣщеніе для засѣданій Общества.

§ 4. При Обществѣ состоятъ:

а) Педагогическій отдѣлъ, дѣйствующій на основаніи устава, утвержденнаго Мин. Нар. Просв. 25 февраля 1892 года.

б) Историческій архивъ, въ который поступаютъ архивные матеріалы и рукописи, пріобрѣтенные Обществомъ.

II. Составъ Общества.

§ 5. Общество состоитъ изъ членовъ почетныхъ, дѣйствительныхъ и корреспондентовъ. Членами могутъ быть какъ русскіе, такъ и иностранцы.

§ 6. Въ почетные члены избираются лица, заслужившія почетную извѣстность своими учеными трудами по предметамъ, входящимъ въ кругъ занятій Общества.

§ 7. Предложенія объ избраніи въ почетные члены дѣлаются собранію Общества его Совѣтомъ. Въ слѣдующемъ затѣмъ собраніи Общества избраніе предложеннаго почетнаго члена производится закрытою подачею голосовъ, при чемъ для дѣйствительности избранія требуется большинство голосовъ двухъ третей всѣхъ присутствующихъ.

§ 8. Въ дѣйствительные члены избираются лица, посвящающія труды свои разработкѣ наукъ, входящихъ въ кругъ занятій Общества.

§ 9. Предложенія объ избраніи въ дѣйствительные члены вносятся въ собраніе Общества двумя его членами. Въ слѣдующемъ затѣмъ собраніи Общества избраніе предложеннаго кандидата производится закрытою подачею голосовъ, простымъ большинствомъ.

§ 10. Въ члены корреспонденты избираются лица, могущія своею дѣятельностью содѣйствовать цѣлямъ Общества. Члены корреспонденты избираются, по предложенію совѣта, открытой подачей голосовъ.

III. Обязанности и права членовъ.

§ 11. Дѣйствительные члены вносятъ ежегодно въ кассу Общества по пяти руб. Единовременный взносъ въ сто рублей освобождаетъ навсегда отъ ежегодныхъ взносовъ.

§ 12. Члены почетные и корреспонденты не обязываются къ членскимъ взносамъ.

§ 13. Члены, или не сдѣлавшіе взноса въ теченіе двухъ лѣтъ, или не выразившіе ничѣмъ своего личнаго участія въ дѣятельности Общества, считаются выбывшими до возобновленія взноса.

§ 14. Почетные и дѣйствительные члены присутствуютъ на всѣхъ собраніяхъ Общества съ правомъ голоса.

§ 15. Члены корреспонденты присутствуютъ въ собраніяхъ Общества съ правомъ голоса совѣщательнаго.

§ 16. Всѣ члены Общества пользуются его библіотекой и другими коллекціями по правиламъ, выработаннымъ Совѣтомъ и утвержденнымъ Обществомъ.

IV. Общія собранія.

§ 17. Собранія Общества бываютъ очередныя и годичныя.

§ 18. Очередныя собранія назначаются по мѣрѣ надобности предсѣдателемъ, или по письменному предложенію пяти членовъ.

§ 19. Предметы занятій очередныхъ собраній представляютъ: а) чтеніе и обсужденіе рефератовъ и другихъ научныхъ сообщеній; б) избраніе новыхъ членовъ Общества; в) докладъ совѣта.

§ 20. Годичное собраніе назначается въ сентябрѣ или октябрѣ мѣсяцѣ. Въ немъ: а) заслушивается общій отчетъ о дѣятельности Общества за истекшій годъ, докладъ ревизіонной коммиссіи, и утверждается отчетъ; б) производятся выборы должностныхъ лицъ и трехъ членовъ ревизіонной коммиссіи, избираемыхъ на годъ; в) читаются рефераты.

§ 21. Къ присутствію въ очередныхъ и годичныхъ собраніяхъ, съ разрѣшенія предсѣдательствующаго, могутъ быть допущены постороннія лица.

§ 22. Собраніе для выбора должностныхъ лицъ, для присужденія преміи, для рѣшенія вопросовъ о представленіи ходатайствъ предъ правительствомъ—считается дѣйствительнымъ, если въ немъ присутствуетъ не менѣе половины числа членовъ, живущихъ въ Харьковѣ. Если таковое собраніе окажется, за неявкой требуемаго числа членовъ не состоявшимся, то созывается второе, которое считается дѣйствительнымъ при всякомъ числѣ членовъ.

V. Должностныя лица.

§ 23. Должностныя лица Общества суть: предсѣдатель, товарищъ предсѣдателя, предсѣдатель педагогическаго отдѣла, секретарь общества, секретарь педагогическаго отдѣла, завѣдующій архивомъ, казначей и библіотекарь.

§ 24. Предсѣдатель есть блюститель правъ Общества и порядка въ его дѣлахъ. Онъ заботится о томъ, чтобы всѣ дѣйствія Общества направлялись къ достиженію его цѣлей, въ строгой сообразности съ уставомъ его; созываетъ собранія Общества и Совѣта и предсѣдательствуетъ въ оныхъ. Въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, когда невозможно собрать Совѣтъ, предсѣдатель разрѣшаетъ самъ расходы до ста руб., о чемъ доводитъ до свѣдѣнія Совѣта въ первомъ его собраніи.

§ 25. Товарищъ предсѣдателя замѣщаетъ предсѣдателя въ случаѣ его отсутствія и раздѣляетъ, по соглашенію съ предсѣдателемъ, труды по веденію дѣлъ Общества.

§ 26. На обязанности секретаря лежитъ все дѣлопроизводство и вся переписка Общества.

§ 27. Казначей завѣдываетъ денежными дѣлами Общества, и ведетъ по нимъ счеты. На веденіе кассовыхъ счетовъ ему выдается ежегодно шнуровая книга за подписью предсѣдателя и скрѣпою секретаря.

§ 28. Библіотекарь завѣдываетъ библіотекой Общества. Онъ составляетъ каталоги книгъ, выдаетъ книги для чтенія, наблюдаетъ за ихъ возвращеніемъ, заботится о пополненіи библіотеки и вообще объ организаціи библіотечнаго дѣла, заявляя свои доклады о всѣхъ нуждахъ библіотеки совѣту.

§ 29. Завѣдывающій архивомъ заботится о его сохраненіи, пополненіи и разработкѣ, руководитъ составленіемъ и изданіемъ описи, систематическихъ указателей и матеріаловъ, свидѣтельствуетъ выдаваемыя архивомъ офиціальныя справки. При архивѣ состоитъ архиваріусъ.

§ 30. Предсѣдатель, товарищъ предсѣдателя, предсѣдатель педагогическаго отдѣла, секретарь Общества и секретарь Отдѣла, завѣдывающій архивомъ, казначей и библіотекарь избираются Обществомъ изъ почетныхъ или дѣйствительныхъ членовъ въ годичныхъ собраніяхъ на три года: предсѣдатель большинствомъ двухъ третей, а остальные простымъ большинствомъ голосовъ; всѣ закрытымъ голосованіемъ.

§ 31. Архиваріусъ назначается Общимъ собраніемъ, по предложенію завѣдывающаго архивомъ и по выслушаніи заключенія Совѣта Общества.

§ 32. Если кто-либо изъ должностныхъ лицъ выбудетъ до истеченія срока, то онъ немедленно замѣщается избраннымъ въ первомъ же очередномъ собраніи лицомъ, при соблюденіи требованій § 22, но лишь на срокъ, остающійся до общихъ выборовъ. Въ случаѣ болѣзни, или временнаго отсутствія секретаря, казначея, библіотекаря, завѣдующаго архивомъ, исполненіе обязанностей каждаго изъ нихъ возлагается Совѣтомъ Общества на одного изъ членовъ Общества по взаимному соглашенію. Казначей сдаетъ должность своему временному замѣстителю при документѣ, удостовѣряющемъ состояніе кассы Общества, и при подобномъ же документѣ принимаетъ оную обратно. Въ случаѣ неприбытія секретаря въ засѣданіе Общества, обязанность его возлагается предсѣдательствующимъ на одного изъ присутствующихъ членовъ, изъявившаго на то согласіе.

VI. Совѣтъ Общества.

§ 33. Совѣтъ составляютъ всѣ должностныя лица Общества.

§ 34. Предсѣдатель назначаетъ засѣданія совѣта по мѣрѣ надобности, оповѣщая о томъ членовъ повѣстками, въ которыхъ означаются

подлежащія обсужденію дѣла. Постановленія Совѣта считаются дѣйствительными при участіи въ засѣданіи не менѣе четырехъ членовъ.

§ 35. На Совѣтъ возлагается содѣйствіе Обществу въ достиженіи его научной цѣли (по § 1), а равно завѣдываніе хозяйственною и распорядительною частью, составленіе годового отчета и редактированіе трудовъ Общества.

VII. Изданія Общества.

§ 36. Общество выпускаетъ въ свѣтъ изданія, составъ которыхъ опредѣляется очереднымъ собраніемъ.

§ 37. Труды Общества на основаніи ст. 6 уст. ценз. изд. 1890 г. могутъ выходить безъ предварительной цензуры; но Обществомъ должно быть испрошено разрѣшеніе на выпускъ въ свѣтъ повременнаго изданія въ общемъ порядкѣ, установленномъ ст. 4—8 уст. ценз. изд. 1890 г., и соблюдаема ст. 16 того же закона.

§ 38. Авторы помѣщаемыхъ въ изданіяхъ Общества статей имѣютъ право на безплатное полученіе оттисковъ своихъ трудовъ, количество оторыкхъ опредѣляется Обществомъ.

VIII. Средства Общества.

§ 39. Денежныя средства Общества составляютъ:
а) ежегодные и единовременные взносы членскіе;
б) субсидіи отъ университета;
в) суммы, пожертвованныя въ пользу Общества;
г) суммы, вырученныя отъ продажи изданій Общества;
д) суммы, получаемыя отъ сборовъ съ публичныхъ чтеній;
е) капиталъ имени А. А. Потебни.

§ 40. Общество имѣетъ свою печать.

§ 41. Въ случаѣ закрытія Общества все его имущество поступаетъ въ распоряженіе Харьковскаго университета.

Директоръ *В. Рахмановъ.*

Дѣлопроизводитель *И. Дмитревскій.*

V.

УСТАВЪ

Педагогическаго Отдѣла Историко-Филологическаго Общества, состоящаго при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ.

(Утвержденъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 25 февраля 1892 года).

§ 1. Цѣль Педагогическаго Отдѣла—обсужденіе вопросовъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ преподаваніемъ Историко-филологическихъ предметовъ въ учебныхъ заведеніяхъ.

§ 2. Педагогическій Отдѣлъ состоитъ изъ лицъ, преподающихъ въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Харьковскаго учебнаго округа и вообще изъ лицъ, интересующихся спеціально педагогическими и научно-методологическими вопросами.

§ 3. Члены Педагогическаго Отдѣла избираются по рекомендаціи одного или нѣсколькихъ членовъ Историко-филологическаго Общества или Педагогическаго Отдѣла закрытой баллотировкой по большинству голосовъ.

§ 4. Члены Историко-филологическаго Общества состоятъ eo ipso и членами Педагогическаго Отдѣла.

§ 5. При переходѣ изъ Педагогическаго Отдѣла въ Историко-филологическое Общество соблюдаются §§ 7 и 18 Устава Общества, т. е. баллотировка и 5-ти рублевый членскій годовой взносъ.

§ 6. Предсѣдатель Педагогическаго Отдѣла избирается Отдѣломъ исключительно изъ членовъ Историко-филологическаго Общества, а секретарь изъ наличнаго состава Отдѣла.

§ 7. Годовой членскій взносъ для члена Педагогическаго Отдѣла опредѣляется въ три рубля.

§ 8. О времени засѣданій Педагогическаго Отдѣла и предстоящихъ сообщеніяхъ дѣлается предварительное увѣдомленіе въ мѣстномъ оффиціальномъ органѣ. Засѣданіе считается состоявшимся, если явится $^1/_3$ общаго числа членовъ, проживающихъ въ городѣ.

§ 9. Параграфы 9, 11, 12 и 17 Устава Историко-филологическаго Общества примѣняются и къ его Отдѣлу.

§ 10. Изъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію по §§ 13, 14 и 15 вопросы, по печатанію трудовъ Педагогическаго Отдѣла, по обсужденіи въ Отдѣлѣ, окончательное рѣшеніе получаютъ въ Историко-филологическомъ Обществѣ.

§ 11. Годовой отчетъ о дѣятельности Педагогическаго Отдѣла разсматривается въ Историко-филологическомъ Обществѣ, печатается въ его изданіяхъ или отдѣльно и представляется попечителю Харьковскаго учебнаго округа.

§ 12. Взносы и пожертвованія въ пользу Педагогическаго Отдѣла поступаютъ въ кассу Историко-филологическаго Общества.

VI.

ПРАВИЛА

о преміи бывшаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета статскаго совѣтника А. А. Потебни.

(Утвержденныя г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 24-го декабря 1894 г.).

---

1. Премія учреждается при Историко-филологическомъ Обществѣ Харьковскаго университета и выдается только за сочиненія студентовъ сего университета.

2. Премія выдается ежегодно въ размѣрѣ процентовъ съ капитала въ 2600 руб. за лучшее сочиненіе по исторіи русскаго языка или литературы на темы, предложенныя Обществомъ преимущественно изъ круга предметовъ научныхъ изслѣдованій А. А. Потебни.

3. Общество имѣетъ право выдавать половинныя преміи.

4. Если въ извѣстный срокъ не было представлено сочиненій, достойныхъ преміи, то Общество имѣетъ право вновь предложить ту-же тему для соисканія преміи въ слѣдующемъ году.

5. Сочиненія представляются къ 15 октября, а премія выдается 29 Ноября въ день кончины А. А. Потебни и въ этотъ же день назначаются новыя темы на предстоящій годъ.

6. Присуждается премія коммиссіей изъ 3 лицъ, въ числѣ которыхъ долженъ быть преподаватель историко-филологическаго факультета.

7. Присужденіе утверждается въ засѣданіи Общества и съ мотивированнымъ отзывомъ вносится въ годовой его отчетъ.

8. Неизрасходованная по невыдачѣ преміи сумма % или присоединяется къ основному капиталу или, по усмотрѣнію Общества, увеличиваетъ собою число премій въ одномъ и томъ-же году.

9. Въ случаѣ закрытія Общества, всѣ права и обязанности его по дѣлу о преміи переходятъ въ Историко-филологическій факультетъ Харьковскаго университета.

10. Капиталъ хранится въ спеціальныхъ средствахъ университета.

VII.

СПИСОКЪ

членовъ Общества за первые двадцать пять лѣтъ его существованія (1877—1902).

Цифра означаетъ годъ избранія.

Александровъ, А. И. 1886 г.
Алексѣенко, М. М 1877—1878.
Андреевскій, († 1880) секрет. 1877—1880.
Аристовъ, Н. Я. 1877. (†)
Алякритскій, Н. И. 25 янв. 1889 г.
Бакай, Н. Н. 12 мая 1891 г.
Багалѣй, Д. И. 1883 г.
Бобинъ, С. П. 29 сент. 1892 г.
Бузескулъ, В. П. 1886 г.
Бѣлицкій К. Я. (†)
Венгрженовскій, С. А. 28 окт. 1893 г.
Верховскій, П. М. 21 февр. 1891 г.
Ветуховъ, А. В. 29 сент. 1892 г.
Виноградовъ, Н. З. 29 ноябр. 1900 г.
Войниловичъ, 27 апр. 1901 г.
Вязигинъ, А. С. 20 дек. 1891 г.
Гардеръ, Л. В. 1884 г.
Геевскій, А. С. 1877—1878
Германъ, Ф. Л. 10 окт. 1891 г. (†)
Гинце, Г. Э. 11 нояб. 1892 г.
Гинкинъ, П. А. 11 нояб. 1892 г. (†)
Гредескулъ, Н. А. 5 февр. 1898 г.
Григорьевъ, А. А.
Горловъ, 1877.
Гордѣенко, Е. С. 11 янв. 1895 г. (†)
Городецкій, 1877.
Городецкій, С. А. 1881 г.
Горбъ-Ромашкевичъ, Ѳ. К. 1883 г.
Гоуштѣцкій, И. О. 1884 г.
Грунскій, Н. К.
Даунсъ, Г. В. († 1889).
Делленъ, А. К. 1877.
Деревицкій, А. Н. 1887 г.
Денисовъ, Я. А. 21 сент. 1893 г.
Дитятинъ, И. И. 1880 г. (†)
Дилленъ, Э. М. 1883 г.
Дриновъ, М. С. 1877—1878 г.; съ 25 окт. 1890 г. предс.
Добротворскій, 1877. (†)
Довнаръ Запольскій, 21 мая 1893 г.
Дуброва, С. П. 1884 г.
Ефименко, А. Я. 1880 г.
Ефименко, П. С. 1880 г.
Загоровскій, А. И.
Зайкевичъ, А. Г. 1879 г.
Зеелеръ, В. Ф. 28 окт. 1893 г.
Зеленогорскій, О. А. 1877—1878.
Зѣлинскій, Ѳ. Ю. 9 окт. 1898 г.
Ивановъ, П. В. 1884 г.
Ивановъ, В. М. 22 нояб. 1890 г.
Илларіоновъ, А. С. 22 янв. 1899 г. (†)
Ирмеръ, Г. Ю. 11 нояб. 1892 г.
Касперовъ, В. И. 1885 г.
Калмыкова, А. М. 1882 г.

Каширенинов, Р. О. 8 март. 1894 г. († 1896).
Кадлубовскій, А. П. 2 дек. 1899 г.
Кемарскій, 9 окт. 1898 г.
Кирпичников, А. И. 1877—1878 член учредит. (†)
Киселев, А. Д. 20 дек. 1891 г.
Колмачевскій, Л. З. † 1890 г.
Короленко, П. П. 17 февр. 1891 г.
Котов, А. Ѳ. 8 дек. 1894 г.
Кучин К. З. 1877. (†)
Куплеваскій, Н. О. 1883 г.
Лащенков, Н. А. 31 янв. 1890 г. (†1896).
Лавровскій, Н. А. член учредит. (†)
Лапин, В. В. 11 нояб. 1892 г.
Левицкій, В. Г. 23 апр. 1893 г.
Лебедев, А. С. 1877.
Левандовскій, А. Г. 1877—1878. (†)
Лейкфельдъ, П. Э. 11 нояб. 1892 г.
Линда, М. Д. 1880 г.
Лукьянов, П. Б. 1877—1878.
Любицкій, С. П. 1880 г.
Ляпунов, Б. М. 31 окт. 1891 г.
Максимейко, Н. А. 31 окт. 1897 г.
Маляренко, А. Д. 20 дек. 1891 г.
Максимович, Ф. К. 1879 г.
Мало, И. Г. 1877.
Маслов, М. А. 1889 г.
Мацѣевич, Л. С. 1884 г.
Миклашевскій, П. Н. 13 февр. 1897 г. (†)
Миллер, Д. П. 2 мая 1892 г.
Морозов, Ю. И. 1877—1878. (†)
Надлер, В. К. 1877 г. (†)
Нетушил, И. В. 1877—1878.
Никитскій, Т. Н. 28 окт. 1893 г.
Николаев, учит. в Корочѣ 1877.
Новицкій, С. А. 12 мая 1891 г.
Новицкій, Я. П. 1884 г.
Павловскій, О. А. 1879 г.
Овсянико-Куликовскій, Д. Н. 1888 г.
Плохинскій, М. М. 25 янв. 1889 г.
Пономарев, С. Н. 11 нояб. 1892 г.
Потебня, А. А. 1877 г. (†)
Ордынскій, А. В. 29 нояб. 1900 г.
Прокопович, И. К. 1877 г. (†)
Пѣховскій, О. И. 1877—1878. (†)
Риттер, П. Г. 13 февр. 1897 г.
Русов, А. А. 8 нояб. 1890 г.
Рѣдин, Е. К. 17 мар. 1893 г.; секр. с 28 февр. 1897 г.
Рязанов, В. И. 13 мая 1895 г.
Савва, В. И. 31 янв. 1890 г. В. Савва, еписк. Харьковскій 1877. (†)
Савинов, М. П. 1889 г.
Самойлов, С. Н. 25 окт. 1890 г.
Стефани, Н. М. 12 мая 1891 г.
Собѣстьянскій, И. М. 15 нояб. 1889 г. (†)
Соловьев, С. В. 1888 г.
Стоянов, А. Н. 1877—1878 г.
Сокальскій, И. П. 1879 г. (†)
Сумцов, Н. О. 1877—1878; 1880 г. секрет.; 29 нояб. 1897 г. предс.
Спѣсивцев, В. 29 сент. 1892 г.
Танков, 4 февр. 1900 г.
Тихій І. Ѳ. 24 апр. 1896 г. (†)
Тимошенко, 1877.
Трифильев, Е. П. 11 нояб. 1892 г.
Успенскій, Л. И.
Уляницкій, В. П. 2 дек. 1899 г.
Федоровскій, Н. А. 31 окт. 1897 г.
Халанскій, М. Е. 1884 г.
Харціев, В. И. 29 сент. 1892 г.
Хорошевскій, 1884 г. (†)
Хрущев, И. П. 22 янв. 1899 г.
Цѣхановецкій, Г. М. 1877—1878. (†)

Чернай А. Д. 1877.

Шимановъ, А. Л. 1880 г.

Шаталовъ, М. Ѳ. 1883 г.

Шахъ Паронiанцъ, Л. М. 29 нояб. 1900 г.

Шевченко, Н. Е. 1881 г.

Шепелевичъ, Л. Ю. 31 янв. 1890 г.

Шерцль, Р. И. въ 1877 г. секрет.; членъ 16 дек. 1892 г.

Шульцъ, Г. Ѳ. 1877—1878.

Эварницкiй Д. И. 1883 г.

III.

Е. М. Ивановъ.

Харьковскій Историческій Архивъ[1].

I.

Харьковскій Историческій Архивъ въ настоящее время является однимъ изъ выдающихся провинціальныхъ собраній историческихъ документовъ: въ немъ сосредоточены важнѣйшіе матеріалы, касающіеся внутренней жизни въ XVIII в. обширной территоріи нынѣшнихъ Харьковской, Полтавской, Черниговской и отчасти Курской, Воронежской и Екатеринославской губерніи.

Основу Харьковскаго архива составили дѣла упраздненныхъ учрежденій Лѣвобережной и Слободской украинъ. Сообразно съ этимъ архивъ нынѣ дѣлится на два главныхъ отдѣленія—Малороссійское (Черниговско-Полтавское) и Слободско-Украинское (Харьковское). Въ связи съ по-

---

[1]) Предлагаемый очеркъ Историческаго Архива составленъ къ 25-лѣтнему юбилею Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, въ вѣдѣніи котораго онъ находится Очеркъ составленъ по плану, предложенному проф. Д. И. Багалѣемъ, Завѣдующимъ Историческимъ Архивомъ. Источниками и пособіями при составленіи очерка послужили слѣдующіе рукописные матеріалы и печатныя статьи: 1) дѣла университетскаго архива, относящіяся къ дѣятельности И.-Ф. О-ства и Истор. Архива; 2) годичные отчеты о состояніи архива, печатавшіеся въ Харьковскомъ календарѣ и Сборникѣ Х. Историко-Филологическаго Общества; 3) Отчетъ о занятіяхъ слушателя Археологическаго института Н. П. Рагозина по приведенію въ порядокъ дѣлъ б. архива Малор. Коллегіи, принадлежащаго Ист.-Филол. Общ. при Имп. Харьк. у-тѣ (Сборникъ Археолог. инст., кн. V, пол. 2-я, стр. 1—32); 4) Д. И. Багалѣй, Замѣтка объ архивѣ Малор. Коллегіи, находящемся при И.-Ф. О-ствѣ Харьк. у-та (Кіевскія унив. извѣстія 1882, № 9, стр. 131—141); 5) П. С. Ефименко, Архивъ Малороссійской Коллегіи при Харьк. у-тѣ (Кіев. Стар. 1882, I, 193—198); 6) Д. И. Багалѣй, Мысли объ устройствѣ историческаго архива при Харьк. у-тѣ (Вѣстникъ археологіи, изд. Археол. инст., вып. 2-й, стр. 52—6 и отд. отт.); 7) И. В. Теличенко, Скорбный листъ архива Малорос. коллегіи (Кіев. Стар., 1889. № 2, стр. 445—458); 8) Д. И. Багалѣй, О вновь открытыхъ матеріалахъ для исторіи лѣвобережной Малороссіи (Труды Одесскаго Археологическаго Съѣзда, т. IV, стр. 79 -82); 9) Д. И. Багалѣй, Нѣсколько замѣчаній по поводу статьи г. Н. В. о децентрализаціи нашихъ историческихъ архивовъ (Кіев. Стар., 1893, февраль, стр. 346—355); 10) Статьи и замѣтки въ Харьк. губ. вѣд. и «Южномъ Краѣ» Н. П. Бакая, Д. П. Миллера и Д. И. Багалѣя; 11) В. С. Иконниковъ, Опытъ русской исторіографіи, т. I, стр. 504—509, т. II, стр. 990—994.

слѣднимъ впослѣдствіи былъ образованъ еще особый отдѣлъ рукописей и бумагъ мѣстныхъ выдающихся дѣятелей. Наконецъ разнообразные отдѣльные документы, пожертвованные частными лицами, и дѣла Министерства Юстиціи, присланныя (и нынѣ присылаемыя) Сенатскимъ Архивомъ, составили довольно значительный 4-й отдѣлъ.

Возникновеніе, ростъ и развитіе Историческаго архива стоитъ въ самой тѣсной связи съ дѣятельностью Историко-филологическаго Общества. Основаніе архиву было положено въ 1880 году, т. е. черезъ три года послѣ открытія Общества. Иниціаторомъ дѣла явился дѣйствительный членъ Общества П. С. Ефименко, извѣстный знатокъ и изслѣдователь малорусской старины. Поселившись въ 1870-хъ годахъ въ Харьковѣ и принявши участіе въ дѣятельности Общества вскорѣ по открытіи его, этотъ безкорыстный труженикъ науки обратилъ вниманіе членовъ Общества на драгоцѣнные матеріалы по исторіи Лѣвобережной Малороссіи, хранившіеся въ архивѣ Черниговскаго губернскаго правленія. Въ особомъ докладѣ, прочитанномъ въ Обществѣ въ 1879 г., г. Ефименко указалъ на важное научное значеніе этого архива, на печальныя условія его храненія и на настоятельную необходимость озаботиться его спасеніемъ. Докладъ Петра Саввича вызвалъ живѣйшее сочувствіе, и Общество, согласно предложенію г. Ефименка, немедленно возбудило ходатайство о передачѣ Черниговскаго архива въ свое распоряженіе. Въ 1880-мъ году ходатайство получило благопріятное разрѣшеніе и въ томъ-же году (20 августа) Черниговскій архивъ былъ перевезенъ на средства Общества въ Харьковъ.

Перемѣщеніемъ Черниговскаго архива въ Харьковъ Историко-Филологическое Общество спасло огромное количество цѣнныхъ матеріаловъ, остававшихся до того времени почти безъ всякаго призора, и уже однимъ этимъ оказало важную услугу исторической наукѣ. Нужно сказать, что судьба архивовъ Лѣвобережья была по истинѣ плачевна. Здѣсь никто не позаботился собрать воедино акты упраздненныхъ судебныхъ и административныхъ учрежденій, какъ это было сдѣлано по отношенію къ документамъ юго-западнаго края; до самаго послѣдняго времени бумаги этихъ учрежденій пребывали въ качествѣ обременительнаго хлама въ подвалахъ или чердакахъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ, гдѣ онѣ постепенно гибли отъ недостатковъ помѣщенія, отъ мышей и рукъ человѣческихъ [1]). Черниговскій архивъ, на который обратило вниманіе Харьковское Историко-Филологическое Общество, пережилъ особенно печаль-

[1]) Д. И. Багалѣй, Мысли объ устройствѣ историческаго архива при Харьковскомъ университетѣ, стр. 4.

ную судьбу. За весь періодъ своего существованія онъ постоянно претерпѣвалъ злоключенія разнаго рода—страдалъ отъ недостатковъ помѣщеній, отъ огня, воды, снѣга, вѣтра и пр. Болѣе всего архивъ пострадалъ отъ недостатковъ помѣщеній. Въ какихъ помѣщеніяхъ пришлось пребывать съ XVIII в. и по наше время всѣмъ составнымъ частямъ этого драгоцѣннаго архива, образовавшагося изъ дѣлъ Малороссійской коллегіи, войсковой генеральной канцеляріи, Черниговской полковой канцеляріи и др. учрежденій, видно изъ слѣдующихъ фактовъ [1]).

Дѣла первыхъ двухъ учрежденій, какъ извѣстно, первоначально находились въ Глуховѣ, резиденціи гетмановъ и мѣстопребываніи Малороссійской коллегіи. Первое, извѣстное намъ, архивохранилище этихъ учрежденій находилось въ «каменицахъ» генеральнаго асаула Мануйловича (съ 1739 г.). Зданіе было крайне ветхо: «двери и окна его не имѣли самыхъ обыкновенныхъ запоровъ, почему дождь черезъ нихъ набивалъ внутрь, производя сырость, порчу, а часто и невозвратимую погибель документовъ». [2]) Эти ветхія «каменицы» не просуществовали долго даже въ такомъ жалкомъ видѣ и скоро совсѣмъ развалились, а архивъ очутился въ еще болѣе печальномъ положеніи: «въ маѣ 1740 года вмѣстѣ съ рухнувшей обветшалой трубой зданія завалилась и половина крыши, а хранившіяся въ этой половинѣ помѣщенія дѣла были отданы на долгое время въ распоряженіе глуховскихъ дождей и вѣтровъ». Только въ 1847 г. Войсковая генеральная канцелярія обратила вниманіе на вопіющее состояніе архивохранилища и обязала домовладѣльца «подъ жесточайшимъ штрафомъ» исправить крышу, трубу и пр. въ теченіе мѣсяца (къ 27 іюня 1847 г.). Не лучше были и слѣдующія за этимъ помѣщенія архива. Послѣ пожара въ Глуховѣ въ 1848 г. архивъ былъ переведенъ въ каменную колокольню Михайловской церкви, гдѣ, по показанію современника, «отъ тѣсноты и неспособности помѣщенія многія изъ дѣлъ пришли въ непорядокъ и совершенную погибель» [3]). Третье помѣщеніе архива состояло изъ двухъ сырыхъ комнатъ надъ какимъ-то погребомъ, и здѣсь архиваріусъ складывалъ дѣла подъ завѣдомо мокрую стѣну; не лучше, нужно думать, было и четвертое помѣщеніе, гдѣ архиваріусъ долженъ былъ «просушивать и провѣтривать дѣла, раскрывая

---

[1]) Свѣдѣнія о судьбѣ важнѣйшихъ архивовъ Лѣвобережья въ XVIII в. почерпнуты нами изъ статьи И. В. Теличенка «Скорбный листъ архива Малороссійской коллегіи» (Кіев. Стар., 1889, № 2, стр. 445—458). Статья составлена на основаніи документальныхъ данныхъ.

[2]) И. В. Теличенко, «Скорбный листъ архива м. коллегіи», Кіев. Стар. 1889 г., № 2, стр. 447.

[3]) Ibid., стр. 453.

лѣтомъ окна» [1]). Всѣ эти злоключенія архива въ Глуховѣ закончились еще однимъ большимъ несчастьемъ. Страшнымъ пожаромъ 7 августа 1784 года вмѣстѣ съ значительною частью Глухова была уничтожена часть архива. Въ этотъ день погибло 12 изъ 22 сундуковъ съ дѣлами походной Румянцевской канцеляріи и много другихъ документовъ [2]).

Черезъ два года послѣ этого пожара, по закрытіи Малороссійской коллегіи, архивъ ея вмѣстѣ съ дѣлами Войсковой генеральной канцеляріи былъ переведенъ въ Черниговъ, въ учрежденный тогда «губернскій архивъ», переименованный впослѣдствіи въ архивъ губернскаго правленія. Скоро сюда были присоединены старыя дѣла и другихъ малороссійскихъ учрежденій, закрытыхъ при учрежденіи намѣстничества [3]). Такимъ образомъ, здѣсь образовался какъ бы центральный архивъ, которымъ впослѣдствіи можно было бы воспользоваться для цѣлей науки во всей его полнотѣ. Но судьба рѣшила иначе. Огромное и драгоцѣнное собраніе документовъ (здѣсь было собрано до 750.000 дѣлъ и книгъ) [4]) продолжало таять, и главною причиною являлись опять вопіющіе недостатки помѣщенія. Особенно пострадала та часть архива, которая хранилась въ такъ называемомъ Мазепиномъ дворцѣ. «Это зданіе, по словамъ П. С. Ефименка, лично осматривавшаго его, совершенно приспособлено для разложенія и уничтоженія архивныхъ дѣлъ. Оно состояло изъ трехъ этажей, въ которыхъ въ лѣтнее время обнаруживается три различныхъ климата. Въ нижнемъ подвальномъ этажѣ — холодный и необыкновенно сырой, въ среднемъ умѣренный и въ верхнемъ, состоящемъ изъ чердака подъ желѣзной крышей, очень жаркій. Все, что попадало въ нижній этажъ, до такой степени проникалось сыростью, что изъ связокъ можно было выжимать воду.

---

[1]) Ibid., стр. 453. Если такъ хранились важнѣйшіе малороссійскіе архивы, то позволительно думать, что архивы второстепенныхъ учрежденій находились въ еще болѣе печальныхъ условіяхъ. Въ доказательство можно привести примѣръ г. Чернигова (лучшаго города Лѣвобережья), который въ теченіе долгаго времени хранилъ свой полковой архивъ въ полуразрушенномъ зданіи съ завалившейся крышею и со стѣнами, имѣвшими „большія скважины". (См. тамъ же, стр. 449).

[2]) Ibid., стр. 456.

[3]) Слѣдуетъ замѣтить, что и послѣ этой централизаціи малороссійскихъ архивовъ въ Глуховѣ осталось множество дѣлъ, которыя, по свидѣтельству Глуховскаго старожила А. М. Марковича, „за совершеннымъ непризоромъ погнили и растасканы табашниками и пирожницами на обертки" (А. М. Лазаревскій, Описаніе Старой Малороссіи, III, 433). По оффиціальному извѣстію, эти дѣла хранились въ то время „въ разваливающемся каменномъ домѣ, подъ смотрѣніемъ исключеннаго изъ службы поручика" (см. замѣтку Ал. Ковалевскаго „Къ исторіи Малороссійскихъ оффиціальныхъ архивовъ", Кіев. Стар., 1894 г., III, 557—8).

[4]) См. „Отчетъ о занятіяхъ слушателя Археологическаго института Н. П. Рагозина по приведенію въ порядокъ дѣлъ бывшей Малороссійской коллегіи" (Сборникъ Археолог. инстит., кн. 5-я, половина 2-я, стр. 6).

Если же дѣла оттуда переносились для просушки въ верхній этажъ, то они вскорѣ засыхали и принимали видъ бурыхъ плитокъ, совершенно похожихъ на плитки татарскаго чаю. Говорятъ, что въ прежнее время въ нижнемъ этажѣ хранились именно старыя дѣла (разумѣется, невозвратно погибшія); въ мое же время—говоритъ г. Ефименко—тамъ находились лишь дѣла недавно упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ [1]). Таковы были «хранилища», въ которыхъ суждено было около полутора вѣковъ пребывать драгоцѣннѣйшимъ матеріаламъ по исторіи Лѣвобережья.

Дальнѣйшій ростъ Историческаго архива начинается съ 1883 г., со времени перенесенія архива въ собственное особое помѣщеніе [2]). Обширный малороссійскій отдѣлъ архива, образовавшійся изъ дѣлъ, перевезенныхъ изъ Чернигова, скоро пополняется другими поступленіями. Первымъ такимъ приращеніемъ были старыя дѣла (съ 1735 г.), хранившіяся въ Новгородъ—Сѣверскомъ полицейскомъ управленіи; эти дѣла были пересланы въ Харьковъ въ 1887 году. Гораздо болѣе важнымъ и цѣннымъ пріобрѣтеніемъ была старая часть архива Полтавскаго губ. правленія. Еще въ 1884 г. проф. Д. И. Багалѣй, руководясь слухами о цѣнности хранящихся въ Полтавѣ бумагъ, совершилъ туда поѣздку и осмотрѣлъ губернскій архивъ. Осмотръ подтвердилъ слухи: здѣсь оказалась, между прочимъ, другая часть архива Малороссійской коллегіи, относящаяся къ территоріи Полтавской губ., часть дѣлъ Черниговскаго намѣстническаго правленія и др. Такимъ обр., Полтавскій архивъ оказался стоящимъ въ тѣсной связи съ Черниговскимъ и возсоединеніе этихъ архивовъ, какъ двухъ органическихъ частей, являлось ближайшей задачей Общества. Въ такомъ именно смыслѣ высказался проф. Д. И. Багалѣй, дѣлая свое сообщеніе о Полтавскомъ архивѣ на VI археологическомъ съѣздѣ (въ Одессѣ), такъ посмотрѣло на это дѣло и само Общество, когда впослѣдствіи проф. Д. И. Багалѣй внесъ предложеніе о присоединеніи Полтавскаго архива къ Черниговскому. Ходатайство Общества, возбужденное согласно этому предложенію и энергично поддержанное директоромъ Археологическаго института И. Е. Андреевскимъ, было разрѣшено въ подлежащихъ сферахъ въ положительномъ смыслѣ, и въ 1890 г. полтавскія дѣла были перевезены на средства Общества въ Харьковъ.

---

[1]) П. С. Ефименко, Архивъ Малороссійской коллегіи при Харьковскомъ у-тѣ (Кіев. Стар., 1882, I, стр. 198).

[2]) Первые три года перевезенному архиву суждено было пролежать въ тюкахъ на хорахъ университетскаго актоваго зала. Разумѣется, при такихъ условіяхъ нельзя было и думать о дальнѣйшемъ приращеніи его.

Послѣ этого крупнаго приращенія значеніе малороссійскаго отдѣленія Историческаго архива еще болѣе возрасло; количество дѣлъ достигло почтенной цифры 52.000 слишкомъ номеровъ и Харьковъ съ этого времени сдѣлался обладателемъ найболѣе крупнаго, можно сказать даже единственнаго по своей цѣнности собранія матеріаловъ для внутренней исторіи Лѣвобережья въ XVIII в. При всемъ томъ нельзя не сознаться, что доставшіеся Харькову матеріалы составляютъ лишь жалкіе остатки документальныхъ богатствъ Лѣвобережья. Вопросъ о количествѣ погибшаго и спасеннаго матеріала рѣшался различно, но въ общемъ въ весьма неутѣшитительномъ смыслѣ. Г. Теличенко, разсмотрѣвшій на основаніи нѣкоторыхъ документальныхъ данныхъ судьбу главнѣйшихъ малороссійскихъ архивовъ—Малороссійской коллегіи и Войсковой генеральной канцеляріи, за бытность ихъ въ Глуховѣ, приходитъ къ тому грустному заключенію, что до перевода ихъ въ Харьковъ изъ Чернигова погибло приблизительно ³/₄ документовъ. Соображенія И. В. Теличенка основаны на томъ фактѣ, что послѣ Глуховскаго пожара 1784 г. спасенныя дѣла были перевезены въ новое помѣщеніе на 100 подводахъ; полагая на каждую подводу по 25 пудовъ и принимая во вниманіе, что г. Ефименкомъ привезено изъ Чернигова около 600 пудовъ дѣлъ, г. Теличенко приходитъ къ вышеизложенному заключенію [1]). Гораздо болѣе неутѣшительный выводъ дѣлаетъ г. Рагозинъ, сравнивая количество привезенныхъ изъ Чернигова дѣлъ съ количествомъ хранившихся тамъ же въ концѣ XVIII в. Число этихъ послѣднихъ, нужно сказать, точно опредѣляется найденной г. Рагозинымъ «запиской о хранящихся въ Малороссійскомъ губернскомъ архивѣ Высочайшихъ грамотахъ, указахъ, журналахъ, опредѣленіяхъ, ревизіяхъ и разнаго рода дѣлахъ», которыя были собраны въ Черниговѣ «яко среднемъ Малороссіи мѣстѣ» по распоряженію гр. Румянцева—Задунайскаго, назначеннаго правителемъ Малороссіи послѣ уничтоженія гетманства. Изъ этой любопытной записки мы узнаемъ, что въ названномъ архивѣ хранилось:

1) Именныхъ повелѣній	20
2) Грамотъ	2204
3) Печатныхъ экземпляровъ указовъ	224
4) Книгъ съ копіями грамотъ, указовъ и гетманскихъ ордеровъ	32
5) Книгъ подлинныхъ гетманскихъ ордеровъ	15
6) Книгъ генеральнаго слѣдствія	7

[1]) И. В. Теличенко, «Скорбный листъ архива м. коллегіи», Кіев. Стар. 1889 г., II стр. 457—8.

7) Сенатскихъ указовъ, предписаній, журнальныхъ опредѣленій, реестровъ, входящихъ и исходящихъ бумагъ . 2194
8) Крѣпостныхъ книгъ 44
9) Ревизій 149
10) Дѣлъ разнаго рода 748.457

Изъ числа этихъ дѣлъ на долю Малороссійской коллегіи приходилось 218.984, Черниговскаго Намѣстническаго правленія—290.125, Новгородъ—Сѣверскаго Намѣстническаго правленія—158.949 [1]). Опираясь на эти данныя, г. Рагозинъ думалъ, что $^{19}/_{20}$ Черниговскаго архива погибло, исчезло безслѣдно, и что въ Харьковъ привезена едва $^{1}/_{20}$ доля документовъ. Въ это заключеніе г. Рагозина, однако, можно внести много утѣшительныхъ поправокъ. Еще г. Ефименко въ своей статьѣ «Архивъ малороссійской коллегіи при Харьк. У—тѣ» (Кіев. Стар., 1882 г., февр., стр. 198) заявилъ, что часть дѣлъ Черниговскаго губернскаго правленія была передана въ Кіевъ и Полтаву. И дѣйствительно, проф. Д. И. Багалѣй въ началѣ 80-хъ годовъ лично видѣлъ въ архивѣ Кіевскаго губернскаго правленія часть дѣлъ малороссійской коллегіи [2]). Что касается Полтавской части коллежскаго архива, то и она найдена, какъ мы видѣли, и хранится нынѣ въ Харьковѣ. Затѣмъ нѣкоторыя дѣла Черниговскаго архива, по словамъ проф. Д. И. Багалѣя, находятся въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки «Кіевской Временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ» (эти дѣла были переданы туда г. Судіенкомъ, который извлекъ ихъ во время своихъ занятій въ Черниговѣ); далѣе, громадное количество военныхъ дѣлъ (повидимому, походной канц. Румянцева-Задунайскаго), также хранившихся въ Черниговѣ, взято въ Петербургъ; наконецъ, большое число осталось въ Черниговѣ и не было перевезено г. Ефименкомъ отчасти по недостатку средствъ, отчасти же потому, что Историко-филолог. Общество поручило взять дѣла собственно малороссійской коллегіи (въ Черниговѣ, напр., оставлены дѣла Новгородъ—Сѣверскаго намѣстничества и дѣла, касающіяся 1-й и 2-й турецкой компаніи, веденной при Екатеринѣ II). Кромѣ того, въ Черниговѣ остались,

---

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія о составѣ Черниговскаго губ. архива см. въ „Отчетѣ о занятіяхъ слушателя археол. инст. Н. П. Рагозина по приведенію въ порядокъ дѣлъ б. Малороссійской коллегіи“ (Сборн. Археол. Инст., кн. 5-я, половина 2-я, стр. 8—10).

[2]) Эти дѣла, по словамъ проф. Д. И. Багалѣя, «находились въ страшномъ безпорядкѣ и представляли безобразную кучу, разобраться въ которой не могъ даже редакторъ «Кіев. губ. Вѣд.» А. А. Андреевскій, издавшій 16 выпусковъ матеріаловъ изъ архива Кіевскаго губ. Пр—ія» (Труды VI Археол. Съѣзда. т. IV, стр. 79). Хотѣлось бы думать, что эти дѣла спасены отъ гибели Кіевскимъ центральнымъ архивомъ.

какъ оказалось впослѣдствіи [1]), дѣла и книги малороссійской скарбовой канцеляріи (съ 1723 г.), приходо-расходныя книги министерскаго правленія, генеральной войсковой канцеляріи и генеральной счетной коммиссіи (всѣ съ 40-хъ годовъ XVIII), дѣла и книги коммиссіи экономій (съ 1749 г.), ревизскія книги за разные годы Миргородскаго, Нѣжинскаго, Гадяцкаго, Лубенскаго, Черниговскаго и Полтавскаго полковъ, значительное количество документовъ генеральнаго войскового суда, рядъ книгъ и журналовъ (протоколовъ, постановленій и резолюцій) Малороссійской коллегіи, книги Черниговской полковой канц. и полкового суда, Черниговскаго земскаго и гродскаго судовъ, Черниговскаго намѣстническаго правленія и, наконецъ, нѣкоторыя дѣла канцеляріи Черниговскаго губернатора (XVIII в.). Такимъ образомъ заключеніе г. Рагозина о гибели $^{19}/_{20}$ Черниговскаго архива должно считать далеко невѣрнымъ.

Переходимъ теперь къ вопросу о нынѣшнемъ составѣ Малороссійскаго отдѣленія Историческаго архива. При перевозкѣ Черниговскаго архива предполагалось перемѣстить въ Харьковъ главнымъ образомъ дѣла Малороссійской коллегіи, какъ наиболѣе цѣнныя въ научномъ отношеніи; но вмѣстѣ съ дѣлами этого учрежденія П. С. Ефименко привезъ, какъ оказалось, документы и другихъ учрежденій, находившіеся въ Черниговскомъ архивѣ — генеральной войсковой канцеляріи, генеральной счетной коммиссіи, Черниговскаго гродскаго суда, Черниговской полковой канцеляріи, Черниговскаго намѣстническаго правленія, походной канцеляріи гр. К. Разумовскаго и Черниговскихъ стряпчихъ.

Изъ дѣлъ этихъ учрежденій на первомъ планѣ нужно поставить дѣла Малороссійской коллегіи, какъ по ихъ количеству, такъ и по цѣнности заключающагося въ нихъ матеріала. Это учрежденіе, какъ извѣстно, существовало съ 1722 по 1727 г., а затѣмъ съ 1764 по 1786 г. и было предназначено для контроля надъ мѣстнымъ управленіемъ. Черезъ Малороссійскую коллегію проходили всѣ важнѣйшія распоряженія, сюда стекались отчеты и свѣдѣнія всевозможныхъ малороссійскихъ учрежденій. Неудивительно поэтому, что документы коллегіи отразили всѣ стороны жизни Лѣвобережной украины и представляютъ единственный въ своемъ родѣ матеріалъ какъ для характеристики первыхъ органовъ правительственной власти въ Малороссіи, такъ и внутренняго состоянія общества

Весь обширный матеріалъ Черниговскаго архива по формѣ дѣлится на двѣ части: a) книги и b) отдѣльныя дѣла; первая часть въ сравне-

[1]) Поименованные дальше архивные матеріалы найдены М. М. Плохинскимъ во время его археографической экскурсіи лѣтомъ 1898 г. въ Черниговскую губ. (М. М. Плохинскій. Архивы Черниговской губерніи. Стр. 118—124).

ніи съ второю незначительна: книгъ насчитывается не болѣе 200; что касается дѣлъ, то число ихъ очень велико (болѣе 30000 номеровъ).

По содержанію этотъ матеріалъ распадается на слѣдующія группы [1]).

I. Уголовныя дѣла. Сюда относится масса дѣлъ о преступленіяхъ противъ личности и собственности: о воровствѣ, побояхъ, убійствахъ, грабежахъ, о «гвалтовныхъ» нападеніяхъ козацкой старшины другъ на друга, на козаковъ и посполитыхъ, о наѣздахъ разбойниковъ и гайдамакъ, о притѣсненіяхъ со стороны великороссійскихъ воинскихъ командъ, о нарушеніяхъ семейнаго союза (прелюбодѣянія), вѣры и нравственности.

II. Гражданскія дѣла. Въ этой группѣ мы находимъ: a) огромное количество дѣлъ о поземельныхъ спорахъ козаковъ, посполитыхъ, шляхты и монастырей (съ копіями поземельныхъ актовъ); здѣсь обращаютъ на себя вниманіе дѣла знатнѣйшихъ малороссійскихъ фамилій—Милорадовичей, Мокріевичей, Максимовичей, Миклашевскихъ, Марковича, Галагана и многихъ др.; b) дѣла о пожалованіи крупныхъ имѣній—Разумовскому, Румянцеву, Воронцову, Наумову и др., царскія грамоты, гетманскіе и полковничьи универсалы на имѣнія и грунты, купчія крѣпости, раздѣльные акты, мировыя записи; c) дѣла межевыя, касающіяся, съ одной стороны, внутренняго административнаго размежеванія въ предѣлахъ самой Малороссіи (полковъ, сотенъ, намѣстничествъ), съ другой, пограничнаго—Малороссіи съ Польшей, Великороссіей, Слободской украиной, Запорожьемъ.

III. Дѣла военнаго управленія. Къ нимъ относятся: a) множество дѣлъ о наборѣ, комплектованіи, обмундированіи и снабженіи войскъ провіантомъ, фуражемъ, волами, повозками и пр.; b) обширная группа дѣлъ и документовъ, касающихся воинской дисциплины и воинской службы—пограничной (сторожевой), внутренней гарнизонной и заграничной. Въ этой категоріи выдающійся интересъ представляютъ документы о командированіи козаковъ на Украинскую линію, Ладожскій каналъ, Донъ, въ Царицынъ, Оренбургъ, Очаковъ и Голштинію.

IV. Дѣла финансоваго управленія. Здѣсь мы встрѣчаемъ какъ отдѣльные документы, такъ въ особенности книги, заключающія въ себѣ свѣдѣнія о всякаго рода денежныхъ сборахъ (государственныхъ, войсковыхъ, общественныхъ) и натуральныхъ повинностяхъ; особый отдѣлъ составляютъ дѣла по управленію государственными имуществами—свободными и ранговыми маетностями и конскими заводами.

---

[1]) Группировка и характеристика содержанія архивнаго матеріала заимствована изъ статьи проф. Д. И. Багалѣя „Мысли объ устройствѣ Историческаго архива при Харьковскомъ университетѣ“.

V. Дѣла административныя содержатъ обильныя свѣдѣнія объ урожаяхъ, винокуреніи, добываніи соли, рыболовствѣ, звѣроловствѣ, фабрикахъ и заводахъ, ярмаркахъ, торговлѣ и торговыхъ цѣнахъ, неурожаяхъ, мѣрахъ противъ эпидемій, эпизоотій, вредныхъ насѣкомыхъ, пожаровъ, общественномъ призрѣніи (шпиталяхъ и братствахъ), народномъ образованіи, дорогахъ, мостахъ, почтахъ.

VI. Дѣла, касающіяся сословныхъ отношеній. Къ этой категоріи относятся компуты, ревизіи, послужные списки и цѣлый рядъ другихъ документовъ, характеризующихъ юридическое положеніе и бытовую обстановку козацкой старшины, козаковъ, посполитыхъ (свободныхъ, владѣльческихъ и монастырскихъ) и подсусѣдковъ (монастырскихъ, владѣльческихъ, козачьихъ и посполитскихъ): сюда же нужно отнести жалованныя грамоты малороссійскимъ городамъ съ первой половины XVII вѣка— Чернигову, Нѣжину, Стародубу Погару, Почепу, Полтавѣ, заключающія въ себѣ богатѣйшій матеріалъ для исторіи городовъ и малорусскаго мѣщанства.

VII. Церковныя дѣла. Въ этомъ отдѣлѣ встрѣчаются интересныя свѣдѣнія объ особенностяхъ малорусской церкви—ея соборномъ характерѣ, выборѣ прихожанами священниковъ и т. д.

Полтавская часть малороссійскаго отдѣленія, какъ и Черниговская, состоитъ также изъ дѣлъ нѣсколькихъ учрежденій. Старѣйшая часть архива Полтавскаго губернскаго правленія (XVIII в.), перевезенная въ Харьковъ, сложилась изъ дѣлъ, присланныхъ Екатеринославскимъ и Черниговскимъ намѣстническими и Новороссійскимъ губернскимъ правленіями. Эти учрежденія передали въ Полтаву всѣ тѣ дѣла, которыя относились къ территоріи вновь образованной Полтавской губерніи, входившей прежде въ составъ названныхъ намѣстничествъ и губерніи, причемъ вмѣстѣ съ дѣлами собственно намѣстническими, относящимися исключительно къ концу XVIII в., прислали сюда и болѣе старыя дѣла, которыя были получены ими въ свое время изъ другихъ присутственныхъ мѣстъ, упраздненныхъ передъ учрежденіемъ намѣстничества. Старыя дѣла принадлежатъ тѣмъ же учрежденіямъ, документы которыхъ вошли въ составъ Черниговскаго архива,—съ тою только разницею, что они относятся къ территоріи Полтавской губ. Среди нихъ мы находимъ дѣла малороссійской коллегіи, скарбовой канцеляріи, генеральной счетной коммиссіи, походной канцеляріи гр. К. Разумовскаго, Черниговскаго намѣстническаго правленія, Черниговскихъ стряпчихъ; кромѣ того, здѣсь находится небольшое количество дѣлъ (около 40) генеральнаго суда. Что касается

болѣе позднихъ дѣлъ, то среди нихъ, кромѣ намѣстническихъ, встрѣчаются дѣла Алексопольской управы благочинія и новороссійской межевой экспедиціи.

Изъ бумагъ перечисленныхъ учрежденій несомнѣнно интереснѣе всего группа старѣйшихъ дѣлъ и въ особенности дѣла малороссійской коллегіи. Эти послѣднія по содержанію своему очень близко подходятъ къ тѣмъ, которыя были привезены изъ Чернигова. Здѣсь мы также находимъ большое количество дѣлъ о поземельныхъ спорахъ и тяжбахъ, о притѣсненіи козацкой старшины великороссійскими воинскими командами, о привлеченіи козаковъ въ подданство, о форпостной службѣ козаковъ, о высылкѣ ихъ на рытье каналовъ, о посполитыхъ, ушедшихъ отъ своихъ владѣльцевъ, дѣла объ опредѣленіи и выборѣ на разныя войсковыя должности, о взаимныхъ отношеніяхъ козацкихъ урядниковъ и городскихъ магистратскихъ, о торговыхъ цѣнахъ, о колодникахъ, о наборѣ воловъ для арміи и др. Въ числѣ этихъ дѣлъ находятся болѣе десятка дѣлъ, относящихся къ общественнымъ землямъ: о земляхъ, отведенныхъ г. Самарѣ, о земляхъ принадлежащихъ мѣстечку Бѣликамъ, о свободныхъ сѣнокосахъ, захваченныхъ бригадиромъ Капнистомъ, объ общемъ казачьемъ полѣ, занятомъ Апостоломъ и др. [1]).

Среди дѣлъ позднѣйшаго времени мы находимъ нѣсколько интересныхъ по содержанію и выдающихся по размѣрамъ: 1) объ учрежденіи въ Полтавскомъ полку земскихъ, городскихъ и подкоморскихъ судовъ (1763): 2) по указу Правительствующаго Сената о выгонныхъ земляхъ (1782 г. на 631 л.); 3) о Турбаевскихъ жителяхъ, учинившихъ смертное убійство своимъ помѣщикамъ Базилевскимъ (1789 г. на 1064 л.) 4) по указу Сената объ отобраніи у дворянъ Полтавской губ. грамотъ (1800 г. на 1451 л.): 5) о надѣленіи г. Константинограда выгонною 5-ти верстною дистанціей (1792 г. на 301 л.), огромное дѣло о пикинерскихъ полкахъ и др. [2]).

Но помимо этихъ матеріаловъ, являющихся весьма цѣнными для внутренней, бытовой исторіи Малороссіи, изъ Полтавскаго архива перевезена хранившаяся тамъ часть знаменитой Румянцевской описи, открытая проф. Д. И. Багалѣемъ при осмотрѣ архива. Перевезенныя въ Харьковъ связки описи являются тѣмъ болѣе цѣнными, что относятся къ территоріи Миргородскаго и Полтавскаго полковъ, большая часть описи которыхъ сгорѣла въ архивѣ Полтавской Казенной Палаты. Связки (чис-

[1]) Д. И. Багалѣй, О вновь открытыхъ матеріалахъ для исторіи Лѣвобережной Малороссіи (Труды Одесскаго Археологическаго Съѣзда, т. IV, стр. 80).

[2]) Ibid. стр. 80.

ломъ 18) обнимаютъ двѣ сотни Миргородскаго полка (Потоцкую и Омельницкую) и 4 сотни Полтавскаго полка (Полтавскую городовую, Полтавскую полковую 1-ю, Полтавскую полковую 2-ю и Великобудисскую). Къ сожалѣнію, и эта часть описи названныхъ полковъ дошла не въ полномъ видѣ и содержитъ описаніе не всѣхъ населенныхъ пунктовъ указанныхъ сотенъ.

Таково содержаніе малороссійскаго отдѣленія Историческаго архива. Отсюда видно, что его значеніе, научная цѣнность очень велики. Здѣсь мы находимъ обильный матеріалъ для характеристики всѣхъ сторонъ жизни Лѣвобережья въ XVIII в., а потому всѣ занимающіеся исторіей Малороссіи не могутъ игнорировать богатствъ Историческаго архива.

II.

Второе обширное отдѣленіе Харьковскаго архива—Слободско-Украинское. Харькову, сосредоточившему у себя документы по исторіи Малороссіи, было еще болѣе основаній озаботиться сохраненіемъ матеріаловъ, относящихся непосредственно къ его территоріи—бывшей Слободской Украинѣ; можно даже сказать, что это составляло его нравственную обязанность передъ наукой и обществомъ.

Судьба мѣстныхъ памятниковъ чрезвычайно печальна. Здѣсь, несмотря на долгое существованіе университета (съ 1805 г.), никто не позаботился собрать и сохранить историческіе матеріалы и результатомъ этого была гибель многихъ драгоцѣннѣйшихъ источниковъ. Достаточно сказать, что теперь совершенно исчезли съ научнаго горизонта многіе изъ тѣхъ документовъ, которыми еще сравнительно недавно пользовались мѣстные изслѣдователи. Такова, напр., участь «Экстракта о Слободскихъ полкахъ», бывшаго въ рукахъ проф. И. И. Срезневскаго, большей части такъ называемой Чугуевской переписки, всѣхъ писцовыхъ книгъ, фамильныхъ лѣтописей Квитокъ, Тевяшевыхъ, Лесевицкихъ, Шевичей и массы другихъ документовъ, бывшихъ у епископа Филарета, свитковъ Запары, описанныхъ Г. П. Данилевскимъ и мн. др. Мы не говоримъ уже о томъ, что хранилось въ архивахъ учрежденій подъ спудомъ въ качествѣ обременительнаго хлама и не выходило на свѣтъ,—все это большею частью было распродано на пуды или уничтожено другими способами. До нашего времени почти совсѣмъ не дошли документы XVII в., а изъ архивовъ учрежденій XVIII в. безвозвратно погибло болѣе половины. Исчезли безслѣдно всѣ дѣла старыхъ воеводскихъ канцелярій, Сумской и Изюмской полковыхъ канцелярій, всѣхъ сотенныхъ ратушъ, большей части коммисарскихъ правленій и др.

Историко-филологическое Общество, принявъ на себя заботы по собиранію и сохраненію уцѣлѣвшихъ памятниковъ мѣстной старины, прежде всего обратило вниманіе на архивъ Харьковскаго губернскаго правленія, въ которомъ было сосредоточено много дѣлъ разныхъ административныхъ учрежденій и лицъ XVIII в. Обращая вниманіе именно на этотъ архивъ, Общество руководилось съ одной стороны важностью хранившихся въ немъ документовъ, а съ другой—печальными условіями ихъ храненія, побуждавшими какъ можно скорѣе озаботиться извлеченіемъ ихъ изъ губернскаго архивохранилища [1]).

Въ мартѣ 1884 г., Общество по предложенію своего д. члена П. С. Ефименка возбудило ходатайство о передачѣ въ Историческій архивъ старѣйшихъ дѣлъ архива губернскаго правленія: 1) Харьковской полковой канцеляріи, съ 1703 г., 2) бригадира Банческула, командовавшаго Слободскими полками съ 1762 г., 3) Слободскихъ гусарскихъ полковъ съ 1765 г., 4) Харьковскаго Слободскаго баталіона съ 1770 г. и 5) Слободско-украинской губернской канцеляріи съ 1765 г. Черезъ годъ ходатайство было удовлетворено и въ февралѣ 1886 г. испрашивавшаяся часть архива губернскаго правленія поступила въ Историческій архивъ, чѣмъ и было положено начало новому отдѣленію—Слободско-Украинскому.

Документы, переданные Харьков. губ. правленіемъ въ Историческій архивъ, содержатъ въ себѣ такіе же матеріалы для внутренней, бытовой исторіи Слободской Украины, какъ Малороссійское отд. для исторіи Лѣвобережной. Большая часть дѣлъ касается козачества; здѣсь мы находимъ документы о повинностяхъ козаковъ, о притѣсненіяхъ ихъ козацкой старшиной и великороссійскими помѣщиками, о выходѣ козаковъ на новыя мѣста, о форпостной службѣ на линіи, въ Бахмутѣ, Изюмѣ и др. мѣстахъ, о производствѣ въ чины; вмѣстѣ со свѣдѣніями о козакахъ находимъ много данныхъ о ихъ подсусѣдкахъ и подпомощникахъ; много документовъ относится къ исторіи землевладѣнія (здѣсь, напр., было найдено громадное дѣло о всѣхъ постороннихъ землевладѣльцахъ, поселившихся на казачьихъ земляхъ и овладѣвшихъ ими по документамъ или же просто по захвату); сюда же нужно отнести дѣла о разграниченіи земель Слободской Украины отъ ея сосѣдей и нѣкоторыя другія: еще больше дѣлъ административныхъ, заключающихъ данныя о мѣрахъ предосторожности противъ пожаровъ, опасной болѣзни, саранчи, о цѣнахъ провіанта и фуража,

---

[1]) Это архивохранилище помѣщалось въ сыромъ зданіи, находившемся возлѣ самой рѣки, причемъ старѣйшія дѣла хранились въ нижнемъ этажѣ, т. е. болѣе сыромъ и угрожавшемъ цѣлости документовъ.

о селеніяхъ и хуторахъ Харьковскаго полка и др. Всѣ эти документы имѣютъ не только мѣстный, но и общій интересъ.

Принявъ старѣйшія дѣла губ. архива въ свое вѣдѣніе, Историко-филологическое Общество, однако, не думало ограничить однимъ этимъ свои задачи по отношенію къ памятникамъ мѣстной старины. Въ томъ же засѣданіи, когда было принято предложеніе г. Ефименка о присоединеніи дѣлъ Харьковскаго губернскаго правленія къ архиву Малороссійской коллегіи, Историко-филологическое общество, по предложенію проф. Д. И. Багалѣя, рѣшило запросить черезъ Харьковскій Статистическій комитетъ всѣ учрежденія о хранящихся въ нихъ дѣлахъ. Результатомъ этого явился рядъ свѣдѣній о состояніи и составѣ архивовъ Харьковской губерніи, причемъ оказалось, что во многихъ изъ нихъ еще хранились остатки дѣлъ и документовъ XVIII вѣка [1]). Цѣль запроса была та, чтобы впослѣдствіи, при расширеніи или перемѣнѣ помѣщенія Историческаго архива, сосредоточить въ немъ весь старѣйшій архивный матеріалъ [2]).

Но еще до того времени, когда Историческій архивъ получилъ отъ университета новое, болѣе обширное помѣщеніе, Общество продолжало пополнять Харьковское отдѣленіе частью черезъ мѣстный Статистическій комитетъ, который, пользуясь предоставленнымъ ему правомъ принимать участіе въ разборкѣ и уничтоженіи старыхъ дѣлъ мѣстныхъ учрежденій, накоплялъ у себя довольно значительный архивный матеріалъ, частью же путемъ ходатайствъ, возбуждавшихся Обществомъ въ случахъ неотложной необходимости спасти архивные матеріалы. Такъ, въ 1889 г., черезъ Статистическій комитетъ поступили изъ Ново-Бѣлгородскаго волостного правленія дѣла 5-го Харьковскаго южно-украинскаго военнаго поселенія (въ количествѣ 299 номеровъ), въ томъ же году поступило нѣсколько связокъ старыхъ дѣлъ (XVIII в. и первой половины XIX), хранившихся въ Бѣловодскомъ волостномъ правленіи, въ 1897 г.— старыя дѣла Волчанской Дворянской Опеки (XVIII—XIX в.) и Ахтырской Градской Думы (начала XIX в.).

Съ другой стороны, Историко-Филологическимъ О-мъ было признано необходимымъ ходатайствовать о передачѣ въ Историческій архивъ массы старыхъ дѣлъ мѣстнаго губернскаго правленія, разысканныхъ тамъ въ 1898 г.

---

[1]) Свѣдѣнія объ архивахъ, собранныя Статист. Комитетомъ, обработаны П. С. Ефименкомъ и напечатаны въ Харьковскомъ календарѣ подъ заглавіемъ „Архивы Харьковской губерніи“ (Харьк. Календ. на 1885 г., стр., 599—611).

[2]) Помѣщеніе Историческаго архива, какъ увидимъ далѣе, рѣшительно не позволяло Обществу простереть свои заботы на всѣ архивы Харьковской губ., сохранившіе старые документы; уже съ передачею части архива Харьковскаго губ. правленія были заняты дѣлами всѣ 3 комнаты архивохранилища; кромѣ того въ 1885 г. было возбуждено ходатайство о присоединенія Полтавскаго архива, для котораго необходимо было изыскать помѣщеніе.

проф. Д. И. Багалѣемъ, Д. П. Миллеромъ и Е. М. Ивановымъ. Интересуясь документами этого архива для исторіи г. Харькова, проф. Д. И. Багалѣй и Д. П. Миллеръ проникли непосредственно въ губернское архивохранилище и разыскали въ немъ рядъ цѣнныхъ матеріаловъ какъ для интересовавшаго ихъ вопроса, такъ и для исторіи всей Слободчины. Здѣсь ими было найдено много старыхъ книгъ Харьковской полковой канцеляріи, а особенно журналовъ и протоколовъ губернской канцеляріи (съ 1765 г.) и намѣстническаго правленія (съ 1780 г.)[1]; вмѣстѣ съ тѣмъ ими была найдена часть дѣлъ губернаторской канцеляріи (конца XVIII в.), о которыхъ само Губернское правленіе еще въ 1889 г., при ходатайствѣ Общества о передачѣ всѣхъ старыхъ дѣлъ губернаторскихъ и генералъ-губернаторскихъ, отозвалось, что они уничтожены. Еще болѣе посчастливилось Е. М. Иванову, проникшему въ губернскій архивъ вслѣдъ за проф. Д. И. Багалѣемъ и Д. П. Миллеромъ. Въ темныхъ трущобахъ нижняго этажа губернскаго архивохранилища имъ были сдѣланы тщательные поиски, результатомъ которыхъ было открытіе цѣлаго ряда драгоцѣнныхъ матеріаловъ. Здѣсь были найдены: а) двѣ большихъ связки дѣлъ Харьковской полковой канцеляріи (къ сожалѣнію, сильно подгнившія) 1714—1734 г.г., заключающія въ себѣ данныя о высылкѣ козаковъ на украинскую линію, о высылкѣ работниковъ на Бахмутскіе соляные заводы, о гилянскомъ походѣ, о постройкѣ украинской линіи, о высылкѣ запорожцевъ въ сѣчь и др.; b) дѣла губернаторской экспедиціи (Щербинина) съ 1765 г., касающіяся одного изъ важнѣйшихъ моментовъ исторіи Слободской Украйны—преобразованія слободскихъ полковъ въ губернію; с) масса связокъ дѣлъ губернаторской канцеляріи XVIII—XIX в. d) значительное количество дѣлъ главной провіантской канцеляріи (XVIII в.) Слободско-украинской губ. канц. (XVIII в.), Намѣстническаго правленія (случайно уцѣлѣвшія остатки), много связокъ дѣлъ казенной палаты XVIII в., нѣсколько дѣлъ врачебной управы XVIII в.

Уже при бѣгломъ просмотрѣ этихъ дѣлъ въ самомъ помѣщеніи губ. архива пришлось убѣдиться, что многія изъ нихъ представляютъ выдающійся интересъ. Такими, напр., являлись дѣла, касающіяся дѣятельности вотчиннаго департамента, на который было возложено размежеваніе Слободской Украйны и разсмотрѣніе владѣльческихъ земельныхъ документовъ, дѣла о т. н. «прибавочныхъ классахъ» при Харьковскомъ коллегіумѣ, дѣло о самозванцѣ Чернышевѣ, огромное дѣло о Слободско-Украинскихъ цехахъ, дѣла о духоборцахъ, нѣмецкихъ колонистахъ,

[1]) Послѣдніе являлись тѣмъ болѣе цѣнными, что всѣ намѣстническія дѣла уничтожены при прежнихъ разборкахъ губернскаго архива.

фабрикахъ и заводахъ, о шелководствѣ, о селитровареніи, описаніе Слободско-Украинской губ. 1780 г., книги съ ордерами кн. Потемкина—Таврическаго, Черткова и копіями Высочайшихъ рескриптовъ, связки «партикулярныхъ писемъ» губернаторовъ и правителей намѣстничества XVIII в., рядъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ Харьков. губернаторовъ и др. Но кромѣ этихъ матеріаловъ, здѣсь были найдены (среди обрывковъ погнившихъ и растрепанныхъ дѣлъ) два замѣчательные памятника—«Экстрактъ о изнеможеніи слободскихъ полковъ» 1764 г. [1]) и «Топографическое описаніе Харьковскаго намѣстничества» 1785 г., изъ которыхъ первый до того времени совершенно не былъ извѣстенъ изслѣдователямъ мѣстной старины, а второй хотя и былъ извѣстенъ (И. И. Срезневскому и еп. Филарету), но впослѣдствіи считался утраченнымъ.

Всѣ открытые матеріалы являлись не менѣе цѣнными, чѣмъ раньше переданные Историческому архиву; они также заключали данныя для характеристики разныхъ сторонъ внутренней бытовой исторіи Слободской Украйны и являлись необходимымъ дополненіемъ къ переданнымъ. Въ виду этого, а также въ виду печальныхъ условій храненія отысканныхъ матеріаловъ, Истор.-Филол. Общество рѣшило ходатайствовать о ихъ передачѣ тогда же, въ 1898 г., не дожидаясь новаго помѣщенія [2]). Ходатайство скоро было удовлетворено и съ 1899 г. дѣла стали постепенно поступать въ Историческій архивъ. Передача дѣлъ не завершена и по настоящее время. Нынѣ переданы всѣ дѣла XVIII в. (за исключеніемъ дѣлъ губернскаго прокурора и совѣстнаго суда), всѣ дѣла генералъ—губернаторскія и часть дѣлъ канц. губернатора XIX в.

Въ связи съ Харьковскимъ отдѣленіемъ нужно поставить происхожденіе III-го отдѣла Историческаго архива—рукописей и бумагъ мѣстныхъ выдающихся дѣятелей, по преимуществу университетскихъ. Возникновеніе его (по иниціативѣ проф. Д. И. Багалѣя) относится къ 1890 г. Въ составъ этого отдѣла вошли бумаги покойныхъ профессоровъ университета М. Н. Петрова, И. В. Платонова, Т. Ѳ. Степанова, Вл. Фр. Цыха, И. Н. Даниловича, П. В. Тихоновича, бывшаго учителя

---

[1]) Другой списокъ «Экстракта» открытъ на нѣсколько мѣсяцевъ ранѣе г. Альбовскимъ въ Москвѣ, въ Архивѣ Министерства Юстиціи. По его предложенію, Истор.-филол. О-ство рѣшило переписать „Экстрактъ“ и напечатать въ своемъ «Сборникѣ». Въ настоящее время напечатана только 1/3 «Экстракта».

[2]) Кромѣ этихъ дѣлъ, Историко-филологическое общество рѣшило просить о передачѣ и всѣхъ остальныхъ дѣлъ XVIII в., находившихся въ архивѣ губ. правленія: дѣлъ губернскаго прокурора (съ 1765 г.) и дѣлъ Совѣстнаго суда (съ 1782 г.). Кромѣ того, Общество просило передать всѣ дѣла губернаторской канц. до 1855 г., а также случайно сохранившуюся часть дѣлъ генер.-губернаторскихъ 1840—50 г.г. (Всѣ дѣла генер.-губ. канц., нужно сказать, частью уничтожены, частью переданы въ Полтаву).

Харьковской гимназіи С. Л. Геевскаго и бывшаго помощника библіотекаря Г. С. Чирикова. Наиболѣе важными изъ нихъ нужно считать бумаги Г. С. Чирикова, содержащія въ себѣ весьма цѣнные матеріалы и наброски по исторіи университета и вообще Харьковскаго края и г. Харькова, а также по мѣстной археологіи.

IV-е отдѣленіе Харьковскаго архива составили случайныя поступленія документовъ (пожертвованія) и покупки Общества. За деньги Обществомъ сдѣланы только 2 пріобрѣтенія, но оба они выдающейся цѣнности. Первое изъ нихъ—20 столбцовъ XVII в., которые оказались частью знаменитой Чугуевской переписки, считавшейся безвозвратно утраченной, 2-е—документы, принадлежавшіе историку П. Головинскому, автору труда «Слободскіе казачьи полки». Это послѣднее пріобрѣтеніе нужно считать еще болѣе цѣннымъ, чѣмъ первое: среди документовъ Головинскаго оказался «Экстрактъ о Слободскихъ полкахъ»—драгоцѣннѣйшій памятникъ, объ утратѣ котораго долго скорбѣли мѣстные изслѣдователи.

Что касается пожертвованій, то число ихъ очень велико. Наиболѣе важными изъ нихъ нужно считать поступленія отъ слѣдующихъ лицъ: 1) проф. Н. О. Куплеваскаго (нынѣ ректора университета)—связка дѣлъ Богодуховскаго земскаго суда XVIII—XIX, (пріобрѣтенная имъ на базарѣ у торговки), 2) П. П. Флоты—часть его фамильнаго архива, 3) кн. Голицына—часть его семейнаго архива [1]) и 4) Н. Л. Морозовой—нѣсколько связокъ бумагъ XVIII—XIX, заключающихъ данныя по вопросамъ: управленія Бѣлгородской епархіей, землевладѣнія въ Слободской Украйнѣ, промышленности и торговли г. Харькова и Харьковской журналистики.

Остальныя пожертвованія состояли изъ отдѣльныхъ документовъ и поступили отъ слѣдующихъ лицъ: П. С. Ефименка, М. Д. Линды, П. П. Сокальскаго, В. И. Саввы, В. П. Фурдуева, г. Федоровича, Д. И. Багалѣя, И. О. Фесенка, Н. Е. Марчевскаго, г. Новицкаго, В. П. Бузескула, П. В. Иванова, М. М. Плохинскаго, М. Ѳ. Леваковскаго, А. С. Вязигина, г. Бобина, г. Бородаевскаго, г. Абрамова, В. И. Соловьева, А. Кирпичева. Большая часть этихъ пожертвованій заключаетъ въ себѣ документы, относящіеся къ территоріи Слободской Украйны.

Къ IV-му же отдѣленію отнесены старыя дѣла Мин. Юстиціи, присланныя (и нынѣ присылаемыя) въ большомъ количествѣ въ Университетъ Сенатскимъ Архивомъ. Эти дѣла занимаютъ отчасти особое мѣсто. Первоначально они предназначались для Юридическаго Кабинета, гдѣ должны были служить матеріаломъ для практическихъ занятій студентовъ-

[1]) 2-е, 3-е и 4-е пожертвованія поступили при посредствѣ проф. Д. И. Багалѣя.

юристовъ, но вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія кабинета ихъ рѣшено было передать въ Историческій Архивъ, который такимъ образомъ сталъ играть роль учебновспомогательнаго учрежденія для студентовъ Юридическаго факультета. Слѣдуетъ замѣтить, что Сенатскія дѣла, помимо этого своего значенія, имѣютъ весьма значительную цѣнность и какъ матеріалъ для бытовой исторіи южныхъ и юго-восточныхъ губерній, къ территоріи которыхъ они относятся.

III.

До 1883 г. Историко-Филологическое Общество не имѣло спеціальнаго помѣщенія для архива и перевезенные изъ Чернигова документы цѣлые три года должны были пролежать въ тюкахъ па хорахъ актоваго зала и въ библіотечномъ корридорѣ. Университетъ въ это время самъ былъ стѣсненъ недостаткомъ помѣщенія для своихъ существовавшихъ уже учрежденій и пока ничего не могъ сдѣлать для архива.

Въ этотъ печальный періодъ существованія архива, однако, были попытки изыскать помѣщеніе. Къ числу таковыхъ прежде всего нужно отнести попытку Н. В. Калачова, который съ самаго начала принялъ горячее участіе въ судьбѣ нарождавшагося Харьковскаго архива. Командируя въ 1881 году слушателя Археологическаго Института Н. П. Рагозина для разборки перевезенныхъ изъ Чернигова документовъ, Н. В. Калачовъ лично пріѣхалъ сперва въ Харьковъ для ознакомленія съ архивнымъ матеріаломъ, а потомъ въ Сумы для переговоровъ съ И. Г. Харитоненкомъ, почетнымъ членомъ Археологическаго Института, касательно устройства архива. Результатомъ ихъ свиданія «было обѣщаніе со стороны г. Харитоненка оказать полное содѣйствіе къ помѣщенію архива Малороссскихъ дѣлъ, если бы не оказалось для нихъ достаточнаго мѣста въ университетѣ» [1]). Съ другой стороны, благодаря стараніямъ Историко-Филологическаго Общества, Городское Управленіе рѣшило было отвести хранилище для архива въ помѣщеніи Музея Техническаго Общества. Чѣмъ кончились хлопоты Н. В. Калачова, почему онѣ не увѣнчались успѣхомъ,—мы не знаемъ. Что касается помѣщенія, отведеннаго городомъ, то оно представляло значительныя неудобства въ томъ отношеніи, что въ одномъ и томъ же залѣ должны были помѣститься и архивъ и музей Техническаго Общества. Кромѣ того, помѣщеніе Историческаго архива въ Музеѣ являлось неудобнымъ еще и потому, что архивъ составлялъ собственность университета.

---

[1]) Отчетъ о занятіяхъ слушателя Археологическаго Института Н П. Рагозина по приведенію въ порядокъ дѣлъ бывшей Малороссійской коллегіи, стр. 1—2.

Благодаря, нужно думать, этимъ обстоятельствамъ, Историко-Филологическое Общество предпочло воспользоваться тѣмъ помѣщеніемъ, какое могъ ему наконецъ предложить университетъ: это были двѣ небольшія, но высокія комнаты за актовымъ заломъ, соединенныя темнымъ закоулкомъ того же зала (за портретомъ Государя). Правда, о достоинствахъ этого помѣщенія нельзя было сказать много положительнаго, но все-же оно являлось до нѣкоторой степени обособленнымъ хранилищемъ, въ которомъ архивъ прежде всего нуждался для предстоявшей разборки документовъ. Общая площадь архивохранилища, вмѣстѣ съ 4-й комнатой (вѣрнѣе, впрочемъ, темнымъ чуланомъ), отведенной впослѣдствіи въ другомъ концѣ актоваго зала, равнялась 142 кв. аршинамъ. На этомъ небольшомъ пространствѣ пришлось размѣстить Черниговскій архивъ, а впослѣдствіи присоединенныя къ нимъ Полтавскія дѣла и Харьковскія; здѣсь же были помѣщены справочная библіотека архива и изданія Общества. Нечего и говорить, что съ ростомъ архива тѣснота помѣщенія становилась все болѣе и болѣе ощутительною; не смотря на то, что при размѣщеніи документовъ соблюдали строгую экономію въ мѣстѣ и въ значительной степени утилизировали высоту комнатъ, дѣлая многоэтажныя полки, архивъ черезъ 7 лѣтъ переросъ помѣщеніе и настоятельно требовалъ или новаго хранилища, или значительнаго расширенія прежняго.

Объ особой комнатѣ для занимающихся въ архивѣ и архиваріуса не могло быть и рѣчи. Всѣ занятія происходили въ *единственной* свѣтлой и отапливаемой комнатѣ, служившей въ то же время и помѣщеніемъ для части архива. Здѣсь, дыша воздухомъ, насыщеннымъ архивною пылью и микробами, при отсутствіи вентиляціи, работали архиваріусы, мѣстные и пріѣзжіе ученые и любители старины. Зимою для работавшихъ въ архивѣ наступало истинное бѣдствіе. Изъ-подъ пола страшно дуло, такъ что занимавшіеся должны были надѣвать валенки, спеціально пріобрѣтенные Обществомъ для архиваріуса и посѣтителей архива.

Къ этому присоединялась еще одна неблагопріятная особенность помѣщенія: благодаря тѣснотѣ комнаты для занятій, вмѣщавшей въ себѣ, какъ было сказано, часть полокъ съ дѣлами, столъ можно было поставить только около печи, и занимавшійся сверхъ всего испытывалъ шедшій отъ нея невыносимый жаръ. Разумѣется, такія условія не могли быть благопріятными для здоровья занимавшихся въ архивѣ и вели къ частымъ заболѣваніямъ. Мы не говоримъ уже о томъ, что существованіе этихъ печей въ архивохранилищѣ грозило постоянной опасностью въ пожарномъ отношеніи.

Въ помѣщеніи за актовымъ заломъ архиву суждено было оставаться болѣе 17 лѣтъ. За это время было много попытокъ со стороны завѣдующаго архивомъ и Общества изыскать болѣе просторное помѣщеніе, соотвѣтствующее нуждамъ и значенію архива.

Такъ, напр., въ 1889 г. завѣдующимъ архивомъ проф. Д. И. Багалѣемъ было возбуждено ходатайство о расширеніи помѣщенія—въ связи съ вопросомъ о введеніи архива въ штаты учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета; такое же ходатайство было повторено въ 1892 году Историко-филологическимъ факультетомъ и Обществомъ; въ 1895 г., при расширеніи клиникъ, по инициативѣ проф. Д. И. Багалѣя, Общество вновь возбудило вопросъ о новомъ архивохранилищѣ; наконецъ, къ 1897 г. относится проектъ договора съ Общественной Библіотекой, по которому предполагалось, что Правленіе Библіотеки, въ компенсацію за отдачу ему университетскаго земельнаго участка (на углу Николаевской улицы и Петровскаго переулка), выстроитъ особое зданіе для архива, стоимостью отъ 12000 до 15000 рублей. Но всѣ эти попытки по разнымъ причинамъ не могли увѣнчаться успѣхомъ.

Только въ 1899 г., послѣ перемѣщенія хирургической клиники въ новое зданіе, Историческій архивъ получилъ, наконецъ, болѣе просторное помѣщеніе. Когда освободилось старое зданіе клиники, завѣдующій архивомъ снова вошелъ въ Правленіе университета съ рапортомъ о нуждахъ архива и просилъ отвести для него ту часть бывшаго помѣщенія клиники, которая находилась за проектируемымъ новымъ книгохранилищемъ и заключала треугольникъ въ 5 оконъ и четыреугольникъ въ 4 окна на улицу въ обоихъ этажахъ. Правленіе, въ лицѣ его представителя г. ректора университета, и прежде изъявлявшее принципіальное согласіе на предоставленіе архиву соотвѣтствующаго его нуждамъ помѣщенія, постановленіемъ 2 августа рѣшило удовлетворить ходатайство завѣдующаго и отпустить на необходимый ремонтъ отведеннаго помѣщенія 1500 руб. Къ концу 1899 г. ремонтъ былъ законченъ и въ январѣ 1900 г. архивъ переведенъ въ свое новое хранилище.

Общая площадь отведеннаго помѣщенія весьма значительна въ сравненіи съ размѣрами стараго: она равняется 560 кв. арш., между тѣмъ какъ старое составляло всего 142 кв. арш. Нужно, впрочемъ, сказать, что утилизировать можно было далеко не все помѣщеніе. Изъ 560 кв. ар. слѣдуетъ отбросить, во-первыхъ, площадь двухъ небольшихъ комнатъ, отошедшихъ при ремонтѣ подъ лѣстницу на второй этажъ (43 кв. арш.), и, во-вторыхъ, площадь помѣщенія, отведеннаго служителю архива (37 кв. арш.). Кромѣ того, потолки въ новомъ помѣщеніи были ниже, чѣмъ въ

старомъ, такъ что въ немъ нельзя было ставить старыя многоэтажныя полки для дѣлъ. Оставшіеся 480 кв. арш. были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: подъ разобранную и приведенную въ порядокъ часть архива (Черниговское, Полтавское и Харьковское отд.) отошли въ нижнемъ этажѣ 3 комнаты размѣромъ въ 156 кв. арш.; подъ вновь поступившіе изъ архива Харьков. губ. правл. журналы и протоколы Слободско-Украинской губ. канц. (съ 1765 г.)—1 комната въ верхнемъ этажѣ въ 33 кв. арш.; подъ передаваемыя изъ архива Харьковской губ. Правленія и приводимыя въ порядокъ дѣла губернаторской канц.—2 комнаты на антресоляхъ (86 кв. арш.); далѣе, помѣщеніе для ученыхъ занятій и библіотеки заняло 1 большую комнату наверху въ 80 кв. арш.; кабинетъ завѣдующаго и библіотека педагогическаго отдѣла, состоящаго при Обществѣ—комнату въ 46 кв. арш.; наконецъ складъ изданій Общества— одну небольшую комнату въ 15 кв. арш.

Это распредѣленіе, однако, скоро пришлось нарушить. При передѣлкѣ другой части бывшей клиники подъ помѣщеніе канцеляріи Попечителя отошли 2 комнаты на антресоляхъ, а вмѣстѣ съ ними и комната для библіотеки Историко-филологическаго кабинета практическихъ занятій. Эта потеря помѣщенія, впрочемъ, временная и скоро будетъ компенсирована надстройкою 3-го этажа. Въ настоящее время уже выработанъ и утвержденъ проектъ будущаго зданія, которое, между прочимъ, будетъ снабжено безопаснымъ (паровымъ) отопленіемъ, и осенью текущаго года [1]) по всей вѣроятности будетъ приступлено къ осуществленію проекта. Въ этомъ зданіи архивъ займетъ помѣщеніе прежнихъ размѣровъ, но только расположится во всѣхъ трехъ этажахъ, которые будутъ соединены новою лѣстницею. Въ 1-мъ и 2-мъ этажѣ будутъ находиться документы архива, библіотека Общества и педагогическаго отдѣла, складъ изданій Общества, а въ 3-мъ—помѣщеніе для ученыхъ занятій. Кромѣ того, здѣсь по прежнему будутъ помѣщаться кабинетъ практическихъ занятій и его библіотека, а также нарождающійся при Обществѣ Этнографическій Музей, основу котораго составятъ этнографическія коллекціи, собранныя къ XII-му Археологическому Съѣзду въ Харьковѣ на средства Харьковскаго губернскаго земства [2]).

IV.

Перемѣстивъ Черниговскій архивъ въ Харьковъ, Историко-Филологическое Общество вмѣстѣ съ этимъ приняло на себя нравственную обя-

---

[1]) Здѣсь слѣдуетъ разумѣть 1902 г.

[2]) Въ настоящее время проектъ новаго зданія уже осуществленъ полностью и туда переведены Этнографическій Музей и Историко-филологическій кабинетъ практическихъ занятій; тамъ же въ скоромъ времени будетъ помѣщенъ и Историческій Архивъ.

занность разобрать его документы и приспособить архивъ для научныхъ занятій. Но въ первые годы у Общества не было ни средствъ для разборки архива, ни помѣщенія, а потому тогда не могло быть и рѣчи о какомъ либо устройствѣ архива. При этомъ печальномъ положеніи дѣла на архивъ обратилъ свое просвѣщенное вниманіе сенаторъ и академикъ Н. В. Калачовъ. Благодаря его энергіи и стараніямъ, скоро были изысканы и средства: по ходатайству Н. В—а мѣстный сахарный заводчикъ И. Г. Харитоненко, такъ много сдѣлавшій для Харьковскаго университета, пожертвовалъ 2000 руб. на первоначальное устройство архива. Этими средствами Н. В. Калачовъ рѣшилъ прежде всего воспользоваться для разборки архива и лѣтомъ 1881 года командировалъ съ этою цѣлью слушателя Археологическаго института Н. П. Рагозина.

Черниговскій архивъ, какъ извѣстно, лежалъ въ это время зашитымъ въ 82 тюка на хорахъ актоваго зала. Отчасти въ виду неудобствъ помѣщенія, отчасти же въ виду своего желанія ежедневно посвящать разборкѣ архива все свободное время, Н. П. Рагозинъ нанялъ отдѣльное помѣщеніе, куда съ особаго разрѣшенія и привозилъ дѣла для занятій. Сначала г. Рагозинъ предполагалъ составить болѣе или менѣе подробный обзоръ всѣхъ дѣлъ, но первый же опытъ показалъ ему невозможность осуществленія этого за то короткое время (лѣтніе каникулы), которымъ онъ могъ располагать. Потративъ болѣе двухъ недѣль упорнаго труда на подробную разборку первыхъ 4-хъ тюковъ (изъ 82), Н. П. Рагозинъ измѣнилъ планъ работы и поставилъ себѣ задачею «во 1-хъ ознакомиться хотя приблизительно съ содержаніемъ всего архива и во 2-хъ, распредѣлить дѣла такимъ образомъ, чтобы пользоваться ими было возможно и болѣе или менѣе удобно» [1]. Съ этою цѣлью онъ рѣшилъ «заняться распредѣленіемъ дѣлъ по крайней мѣрѣ по главнымъ родамъ, допуская исключеніе только для дѣлъ, которыя по содержанію или даже по количеству выдѣляются изъ массы другихъ» [2].

Надъ разборкою Черниговскаго архива Н. П. Рагозинъ проработалъ отъ 13 іюля до начала сентября. За это время онъ успѣлъ разобрать 46 тюковъ; «кромѣ того 14 тюковъ дѣлъ (къ которымъ нашлась между дѣлами архива подробная опись) онъ свѣрилъ съ описью и недостающія дѣла отмѣтилъ цвѣтнымъ карандашемъ» [3]. Результаты своего труда Н. П. Рагозинъ опубликовалъ въ Сборникѣ Археологическаго института [4]. Въ

[1]) Сборникъ Археологическаго Института, книга 5-я, половина вторая, стр. 2.

[2]) Ibid., стр. 2—3.

[3]) Ibid., стр. 3.

[4]) См. Сборникъ Археол. инст., кн. 5-я, половина 2-я, стр. 1—32.

виду того, что работа г. Рагозина имѣла главною задачею разборку и приведеніе въ порядокъ дѣлъ б. Малороссійской коллегіи—съ цѣлью облегченія пользованія ими, мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о составленной имъ описи, а равно о томъ, насколько удачно была разрѣшена намѣченная авторомъ задача.

Первая цѣль, поставленная г. Рагозинымъ,—«приблизительное ознакомленіе съ содержаніемъ всего архива»—была достигнута имъ въ значительной степени: опись его дѣйствительно давала приблизительное понятіе о содержаніи разсмотрѣннаго имъ архива; въ ней отмѣчено много отдѣльныхъ любопытныхъ дѣлъ, а также группъ документовъ и вообще съ этой стороны работа г. Рагозина принесла нѣкоторую пользу, давши возможность судить о цѣнности и важности архива. Что же касается второй задачи г. Рагозина—«распредѣленія дѣлъ такимъ образомъ, чтобы пользованіе ими было болѣе или менѣе удобно» (т. е. «распредѣленія дѣлъ по главнымъ родамъ»), то это осталось однимъ благимъ намѣреніемъ. Изъ 60 разобранныхъ и описанныхъ тюковъ [1]) только опись первыхъ 4-хъ можно считать удовлетворительнымъ указателемъ. Опись остальныхъ тюковъ составлена чрезвычайно поверхностно. Разбивая дѣла на такія рубрики, какъ «14 дѣлъ административныхъ», «39 дѣлъ судныхъ» и т. п., г. Рагозинъ, пожалуй, распредѣлялъ дѣла «по главнымъ родамъ», но только такая слишкомъ общая характеристика дѣлъ едва ли могла облегчить пользованіе ими; а между тѣмъ такія рубрики фигурируютъ на пространствѣ всей описи (что и неудивительно, такъ какъ одни только «дѣла судныя», по словамъ самого г. Рагозина, составляютъ около $^1/_6$ части всего архива). Едва ли также была полезна для кого-либо такая группировка, какъ «12 дѣлъ о Малороссіи», «денежныя дѣла», «книги-вѣдомости» и т. п. Кромѣ того, въ описи сорока тюковъ (съ 20-го по 60-й) не выставлены даже годы; въ этой же части описи цѣлые тюки, (изъ которыхъ каждый по словамъ г. Рагозина заключалъ до 8 пудовъ бумагъ) фигурируютъ подъ такими лаконически-краткими заголовками: «тюкъ 20-й—3 связки судныхъ дѣлъ; тюкъ 21-й—4 связки вѣдомостей, тюкъ 23-й—3 связки денежныхъ дѣлъ» и т. д. Спрашивается, неужели такое распредѣленіе и описаніе архивнаго матеріала могло сдѣлать пользованіе имъ «болѣе или менѣе удобнымъ»? Разумѣется, за указанные недостатки описи нельзя строго судить г. Рагозина, если принять во

[1]) 22 тюка остались неразобранными; относительно этихъ тюковъ г. Рагозинъ ограничился только замѣчаніемъ, что «въ нихъ по осмотру не оказалось такихъ дѣлъ, которыхъ бы не встрѣчалось въ разобранныхъ» (Ibid., стр. 3).

вниманіе то обстоятельство, что онъ могъ располагать для своей работы весьма ограниченнымъ количествомъ времени (менѣе 2-хъ мѣсяцевъ); можно даже признать, что въ это короткое время имъ сдѣлано довольно много; но нельзя не пожалѣть, что г. Рагозинъ вмѣсто того, чтобы обстоятельно описать часть архива, поставилъ себѣ несообразную съ временемъ задачу—разобрать и описать по группамъ весь архивный матеріалъ. Результатомъ этого и было то, что большая часть его описи явилась непригодной для предназначенной ей цѣли—для «болѣе или менѣе удобнаго» пользованія архивнымъ матеріаломъ.

Такимъ образомъ разборка, сдѣланная г. Рагозинымъ, мало подвинула вопросъ объ описаніи и приспособленіи архива для научныхъ занятій. Удовлетворительное рѣшеніе этой задачи нуждалось въ новыхъ силахъ и трудѣ, а главное—было тѣсно связано съ вопросомъ о помѣщеніи. Дальнѣйшая разборка архива начинается съ 1883 года, т. е. съ того времени, когда архивъ получилъ помѣщеніе. Въ это время для разборки архива и составленія къ нему каталога образовалась коммиссія изъ добровольцевъ. Въ составъ ея вошло 8 человѣкъ: два профессора—И. И. Дитятинъ и А. С. Лебедевъ, три доцента—Н. О. Куплеваскій, Н. Ѳ. Сумцовъ и Д. И. Багалѣй, два стипендіата для приготовленія къ профессорскому званію—г.г. Эварницкій и Горбъ-Ромашкевичъ и секретарь статистическаго комитета П. С. Ефименко. Первымъ дѣломъ коммиссіи было избраніе хранителя архива; обязанности по храненію архива были возложены на доцента Д. И. Багалѣя. Затѣмъ былъ выработанъ планъ разборки архива, причемъ рѣшено было: 1) составить краткій каталогъ всего архива, сжато обозначая содержаніе каждаго дѣла, 2) параллельно съ этимъ пронумеровать всѣ дѣла и 3) размѣстить пронумерованныя дѣла на полкахъ [1]. Принимая этотъ планъ, коммиссія руководствовалась тѣмъ соображеніемъ, что такой каталогъ, во-первыхъ, дастъ возможность познакомиться въ общихъ чертахъ со всѣмъ содержаніемъ архива, во-вторыхъ, потребуетъ на свое осуществленіе сравнительно небольшого количества времени и денегъ [2].

---

[1]) Средства на устройство полокъ были отпущены Археологическимъ Институтомъ изъ суммы, пожертвованной И. Г. Харитоненкомъ.

[2]) На составленіе каталога коммиссія въ теченіе почти цѣлаго года истратила изъ суммъ Историко-Филол. Общества не болѣе 100—150 руб.; изъ нихъ 50 руб. пошло на наемъ писца (эту роскошь коммиссія могла позволить себѣ всего на два мѣсяца), а остальныя на жалованье сторожу и другіе мелкіе расходы. (Д. И. Багалѣй, Мысли объ устройствѣ Историческаго архива, стр. 7, прим.).

Взявъ на себя задачу описанія и приведенія въ порядокъ архива, коммиссія, разумѣется, рѣшила подъять черный и тяжелый трудъ; скоро, однако, оказалось, что 4 члена коммиссіи вовсе не нашли для себя возможнымъ заниматься этимъ трудомъ, а остальные три могли затратить на работу сравнительно немного времени. При такихъ условіяхъ разборка архива могла затянуться на многіе годы, если бы въ составъ коммиссіи не вошелъ посторонній человѣкъ—ветеринарный врачъ С. П. Дуброва, который предался новому для него дѣлу съ необыкновенной энергіей и любовью. «Интересуясь судьбою своей родины и желая заняться ея исторіей—говоритъ о немъ одинъ изъ членовъ коммиссіи— С. П. Дуброва рѣшился затратить все свое свободное время на приведеніе въ порядокъ архивныхъ матеріаловъ. Въ то время какъ большинство изъ насъ могло затрачивать одинъ, maximum два дня въ недѣлю, С. П. Дуброва ходилъ ежедневно и занимался отъ 10 до 2 часовъ». [1]) Такимъ образомъ С. П. являлся de facto неоффиціальнымъ архиваріусомъ. При постоянныхъ занятіяхъ онъ скоро освоился съ іероглифами старыхъ почерковъ, такъ что работа пошла у него быстро и успѣшно. Для облегченія лицъ, незнакомыхъ съ старинными почерками, Д. И. Багалѣемъ была составлена азбука и образцы почерковъ архива и описаніе стало быстро подвигаться впередъ. Въ теченіе шести мѣсяцевъ было занесено въ каталогъ болѣе 4000 номеровъ и описанныя дѣла размѣщены на полкахъ въ порядкѣ удобномъ для пользованія.

Добровольческой коммиссіи, однако, не удалось довести дѣло разборки до конца. Вскорѣ самый дѣятельный членъ ея С. П. Дуброва уѣхалъ и архивъ, лишившись въ лицѣ его неоффиціальнаго архиваріуса, остался снова въ неопредѣленномъ положеніи. Коммиссіи въ это время фактически не существовало; изъ нея остался только одинъ проф. Д. И. Багалѣй, который, конечно, не могъ сдѣлать много непосредственно для описанія архива, будучи постоянно отвлекаемъ научнымъ и преподавательскимъ трудомъ. Для разборки архива было необходимо, во-первыхъ, лицо, которое бы за извѣстное вознагражденіе ежедневно работало въ архивѣ, т. е. архиваріусъ, а во-вторыхъ, завѣдующій архивомъ—для руководства и наблюденія за работою. Та и другая потребность архива скоро были удовлетворены: въ 1884 г. завѣдующимъ былъ избранъ въ Обществѣ и утвержденъ въ Совѣтѣ университета проф. Д. И. Багалѣй; въ 1886 г., по ходатайству Историко-Филологическаго Общества, университетъ разрѣшилъ

[1]) Ibid., стр. 7.

привлечь къ постояннымъ занятіямъ въ архивѣ подходящее лицо и ассигновалъ на вознагражденіе его 300 руб. въ годъ. Въ качествѣ такого лица Общество пригласило А. Д. Твердохлѣбова, еще раньше пріобрѣвшаго навыкъ читать рукописи XVII—XVIII в.в. и выражавшаго желаніе заняться продолженіемъ разборки архива. Съ этого времени архивъ уже постоянно имѣлъ платныхъ архиваріусовъ. А. Д. Твердохлѣбовъ пробылъ архиваріусомъ съ октября 1886 г. по 18 мая 1887 г.; послѣ него архиваріусами состояли питомцы Харьковскаго университета: Н. Н. Бакай—съ 9 октября 1887 г. по 9 іюня 1888 г., М. М. Плохинскій—съ 15 ноября 1888 г. по 2 октября 1897 г. и Е. М. Ивановъ—съ 2 октября 1897 г. по настоящее время.

Со времени привлеченія къ архивнымъ занятіямъ платныхъ силъ, дѣло разборки было поставлено на болѣе или менѣе твердую почву. Правда, при скудномъ вознагражденіи, которое получали архиваріусы,[1]) нельзя было требовать отъ нихъ продолжительныхъ занятій, но здѣсь по крайней мѣрѣ былъ обезпеченъ опредѣленный ежедневный трудъ, который хотя и медленно, но неуклонно подвигалъ дѣло впередъ. Разборка Черниговскаго архива была закончена въ 1892 г. Всѣхъ дѣлъ было каталогизировано 30980 померовъ. Составленіе этой описи потребовало значительныхъ усилій и труда, потому что многія изъ Черниговскихъ дѣлъ оказались безъ начала или конца, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже отдѣльными листками. Всѣ такія дѣла и документы потребовали при каталогизаціи ихъ непосредственнаго ознакомленія съ ихъ содержаніемъ, между тѣмъ какъ опись рѣшено было составить преимущественно по старымъ заголовкамъ дѣлъ.

Другіе отдѣлы историческаго архива—Полтавскій и Харьковскій не потребовали такой разборки, какъ Черниговскій, потому что вмѣстѣ съ дѣлами были переданы старыя канцелярскія описи, которыми и рѣшили пока воспользоваться для размѣщенія архива и всякаго рода справокъ и работъ. Въ виду этого, послѣ разборки Черниговскаго архива, согласно предложенію завѣдующаго историческимъ архивомъ проф. Д. И. Багалѣя, Историко-Филологическимъ Обществомъ было рѣшено составить и печатать подробную опись Харьковскаго отдѣленія архива, а ровно указатели къ ней (личный, географическій и предметный); вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было составить указатель именъ личныхъ и географическихъ, встрѣчающихся въ описи Черниговскаго отдѣленія. Второй трудъ законченъ, а

[1]) А. Д. Твердохлѣбовъ и Н. Н. Бакай получали по 300 руб. въ годъ; только при М. М. Плохинскомъ вознагражденіе было увеличено сначала до 500 руб., а потомъ до 600 руб. въ годъ.

первый продолжается и понынѣ. Въ настоящее время подробной описи издано 11 печатныхъ листовъ, приготовлено къ печати около 5 (не считая указателей, которые будутъ изданы послѣ напечатанія описи намѣченной серіи документовъ). Подробное описаніе, къ сожалѣнію, по необходимости должно подвигаться медленно, такъ какъ помимо этого труда на обязанности архиваріуса лежитъ еще регистрація поступающихъ документовъ, выдача справокъ разнымъ лицамъ, отыскивающимъ документы на дворянское достоинство или земельное имущество, завѣдываніе складомъ изданій Общества и библіотекой (каталогизація и выдача книгъ).

Со времени учрежденія Харьковскаго архива началась и научная разработка его матеріала. Несмотря на отсутствіе печатныхъ описей (а въ первое время и рукописныхъ) и неудобства помѣщенія, богатства архива стали привлекать много посѣтителей (мѣстныхъ и иногородныхъ) и въ настоящее время можно привести довольно длинный списокъ лицъ, потрудившихся надъ разработкою архивнаго матеріала. Изъ пріѣзжихъ ученыхъ въ архивѣ работали слѣдующія лица: проф. Мякотинъ, собравшій здѣсь обширный матеріалъ для исторіи посполитыхъ крестьянъ въ Малороссіи, Н. П. Василенко, работавшій по исторіи финансоваго управленія, П. П. Короленко, извлекшій весь матеріалъ о Запорожьѣ, проф. Лилеевъ, воспользовавшійся свѣдѣніями о стародубскихъ раскольничьихъ поселеніяхъ; далѣе, долгое время работали Е. Н. Альбовскій, составившій исторію Харьковскаго слободскаго полка, С. И. Одинцовъ, собиравшій данныя для исторіи Ахтырскаго полка и П. Н. Головинскій, занимавшійся исторіей Сумского полка. Изъ Харьковскихъ ученыхъ широко пользовался всѣми отдѣлами архива проф. Д. И. Багалѣй для «Очерковъ» и «Матеріаловъ» по исторіи колонизаціи и быта южной окраины Московскаго государства, для «Украинской Старины» и для ряда статей по исторіи лѣвобережной и слободской украинъ (напр., для первыхъ двухъ главъ начатаго изслѣдованія «О Магдебургскомъ правѣ въ городахъ лѣвобережной украины», для рецензіи на трудъ А. М. Лазаревскаго «Описаніе Старой Малороссіи», для статей объ архивѣ и пр.); имъ же широко использовано Харьковское отдѣленіе архива для составляемой нынѣ исторіи г. Харькова; П. С. и А. Я. Ефименки также составили на основаніи данныхъ архива значительное количество историческихъ работъ; А. Я. Ефименкѣ принадлежатъ статьи: 1) «О копныхъ судахъ», 2) О Полуботкѣ, 3) «Турбаевская катастрофа» (напеч. въ Кіев. Стар.); П. С. Ефименкомъ напечатаны въ Кіевской Старинѣ замѣтки: «Одинъ изъ протестовавшихъ», «Школа для обученія пѣвчихъ», «Упыри», «Околдованіе начальства», «Рудни въ Сѣверщинѣ»; затѣмъ во время пребы-

ванія своего въ Харьковѣ не мало работалъ въ архивѣ И. В. Теличенко, напечатавшій на основаніи его матеріаловъ монографію «Очеркъ кодификаціи малороссійскаго права» (Кіев. Стар., 1888, сент. и окт.), статью «Протестъ Слободской старшины и казаковъ противъ реформы 1765 г.» (Ibid., 1888, I), статью «Скорбный листъ архива Малороссійской коллегіи (Ibid., 1889, II) и нѣсколько замѣтокъ въ той же «Кіев. Стар.» и Харьковск. Губ. Вѣд. («Къ исторіи финансовъ Малороссіи и Слободской украйны», К. Ст., 1888, IV, «Универсалъ гетмана Разумовскаго», Ibid., 1890, IV, «О наборѣ пѣвчихъ въ Малороссіи» и др.); архивомъ пользовались также проф. Н. Ө. Сумцовъ (имъ напечатаны въ Кіевской Стар. двѣ замѣтки: «Къ исторіи цѣнъ въ Малороссіи», 1883, 12 кн. и «Къ исторіи малорусскихъ церковно-общественныхъ нравовъ», 1884, 3 кн.), проф. Е. К. Рѣдинъ, интересовавшійся бумагами мѣстныхъ дѣятелей, А. А. Русовъ, напечатавшій матеріалы о Густынскомъ и Мгарскомъ монастыряхъ (Сбор. Х. И.-Ф. О., т. IV), Д. И. Эварницкій, воспользовавшійся нѣкоторыми данными о Запорожьѣ, и свящ. Лащенко, извлекшій матеріалы о мѣстныхъ духовныхъ дѣятеляхъ. Наконецъ, не мало потрудились надъ разработкою архивныхъ матеріаловъ мѣстныя молодыя силы: такъ бывшій архиваріусъ М. М. Плохинскій собралъ и обработалъ обширный матеріалъ объ иностранцахъ въ Малороссіи (о цыганахъ, грузинахъ, нѣжинскихъ грекахъ); онъ же напечаталъ (въ 3-мъ т. Сборн. Х. И.-Ф. О.) большую статью «О бобровникахъ и стрѣльцахъ въ Лѣвобережной Украйнѣ» и нѣсколько мелкихъ замѣтокъ; Д. П. Миллеръ напечаталъ два обширныхъ труда—о гродскихъ, земскихъ и подкоморскихъ судахъ (Сборн. Х. И.-Ф. О., т. VIII) и о превращеніи казацкой старшины въ дворянство (Кіев. Стар., 1897, янв.—апр.), статьи «Голштинскіе наборы въ Малороссіи» (Кіев. Стар., 1892, сент.), «Пикинерія» (Ibid. 1899, дек.) и нѣсколько мелкихъ замѣтокъ по исторіи Малороссіи въ газетѣ «Южный Край»; Е. П. Радаковой принадлежатъ статьи: «Командировки малороссійскихъ козаковъ къ Ладожскому каналу» и «Гетманъ Даніилъ Апостолъ въ роли колонизатора» (Кіев. Стар., 1891, VI); А. Д. Твердохлѣбовымъ напечатаны замѣтки: «Старый Скельскій монастырь (К. ст., 1886, X), эпизодъ изъ предсмертной борьбы Запорожья (ibid., 1886, XII) и «Наслѣдственное полковничество» (ibid., 1887, V); Н. Н. Бакаю принадлежитъ работа (къ сожалѣнію, не законченная) по исторіи колонизаціи лѣвобережной Малороссіи (начало этой работы помѣщено въ 4-мъ т. «Сборн. Х. И.-Ф. О.), статья о Полтавскомъ архивѣ (въ Харьк. Губ. Вѣдом.) и нѣсколько замѣтокъ въ «Кіев. Стар.» и «Сборн. Х. Ист.-Филол. Общества» (Значеніе сельской громады въ судебномъ процессѣ конца XVII в.,

о консистентахъ); г-жею В. М. Лобко напечатана замѣтка объ уравненіи мѣръ и вѣса въ Малороссіи (Кіев. Стар., 1889, VII); В. В. Ивановымъ обработанъ матеріалъ о землевладѣніи въ Слободской Украйнѣ; В. И. Саввою извлечены свѣдѣнія о духоборцахъ (статья, составленная по этимъ матеріаламъ, помѣщена въ 5-мъ томѣ «Сборника» Х. И.-Ф. О.); Е. П. Трифильевымъ разработаны данныя о промышленности въ Слободской Украйнѣ (работа напечатана въ 5-мъ т. «Сборника»). Изъ перечисленныхъ работъ видно, что богатства Историческаго архива не оставались подъ спудомъ; съ самаго начала существованія архива матеріалы его привлекали и привлекаютъ понынѣ значительное число работниковъ; многія мѣстныя силы, имѣя подъ рукою обильный архивный матеріалъ, энергично начали разрабатывать мѣстную исторію и исторію Малороссіи, причемъ для нѣкоторыхъ молодыхъ работниковъ Историческій архивъ, можно сказать, сыгралъ роль школы, въ которой воспитались, развились и окрѣпли ихъ склонности къ научнымъ занятіямъ.

При научной разработкѣ архивныхъ матеріаловъ большимъ подспорьемъ для занимающихся служила и продолжаетъ служить состоящая при Историческомъ архивѣ Библіотека. Библіотека образовалась почти исключительно путемъ пожертвованій и обмѣна на изданія Историко-филологическаго Общества. Начавши издавать свой «Сборникъ», Общество не замедлило войти въ соглашеніе объ обмѣнѣ изданіями съ разными учеными учрежденіями и Обществами; съ теченіемъ времени кругъ обмѣна постепенно расширялся и въ настоящее время Общество обмѣнивается изданіями почти со всѣми учеными Обществами, задачи которыхъ тѣсно соприкасаются съ его задачами, со всѣми учеными архивами, учеными архивными коммисіями, многими статистическими комитетами, южнославянскими учеными учрежденіями и Обществами и пр.; нынѣ обмѣнъ ежегодно приноситъ библіотекѣ отъ 200 до 250 томовъ.

На денежныя средства Общество пріобрѣло сравнительно немного. Положивъ основаніе библіотекѣ, Общество исходатайствовало отъ университета на расширеніе ея 300 руб., которые и были употреблены на выписку нѣкоторыхъ важнѣйшихъ изданій, согласно указаніямъ проф. Н. Ѳ. Сумцова и проф. Д. И. Багалѣя (напр., были выписаны, по половинной цѣнѣ, изданія Археографической Коммиссіи, Одесскаго Общества исторіи и древностей и др.).

Что касается пожертвованій, то число ихъ очень велико. Почти всѣ члены Историко-Филологическаго Общества внесли свою лепту въ библіотеку; жертвовали книги и многіе иногородные ученые, въ благо-

дарность за присылку имъ трудовъ Общества. Но особенно цѣнными пожертвованіями, обогатившими библіотеку, были пожертвованія Императорской Академіи Наукъ, принесшей въ даръ своихъ изданій на сумму около 1000 руб., Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, приславшаго сорокъ одинъ т. своего «Сборника», и Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, приславшаго почти всѣ свои изданія. Благодаря всему этому Библіотека Историческаго архива пріобрѣла весьма важное значеніе не для однихъ занимающихся въ архивѣ: въ ней появилось много цѣнныхъ и рѣдкихъ изданій, которыхъ нѣтъ даже въ университетской библіотекѣ, и нынѣ ею много пользуются и члены Общества, и члены профессорской коллегіи, и постороннія лица.

V.

За 20 слишкомъ лѣтъ своего существованія Историческій архивъ успѣлъ превратиться въ одно изъ крупныхъ и примѣчательныхъ учрежденій. Въ настоящее время въ немъ сосредоточено огромное количество въ высшей степени важныхъ документовъ, касающихся историческаго прошлаго обширной территоріи Лѣвобережной Малороссіи и Слободской Украйны. По богатству матеріаловъ онъ далеко оставляетъ за собою губернскіе архивы, устроенные по мысли Н. В. Калачова въ Костромѣ, Рязани и др. губ. городахъ, и приближается къ областнымъ центральнымъ архивамъ—Кіевскому и Виленскому.

Несмотря на такое въ высокой степени важное значеніе архива, его юридическое и финансовое положеніе недостаточно прочны; въ то время какъ его старшіе собратья—Кіевскій и Виленскій архивы въ значительной мѣрѣ обезпечены, устроены и могутъ болѣе или менѣе спокойно смотрѣть на будущее, Харьковскій архивъ далеко не можетъ сказать того же о себѣ. Правда, архивъ дождался, наконецъ, соотвѣтствующаго своимъ нуждамъ помѣщенія; съ передѣлкою этого послѣдняго, съ устройствомъ безопаснаго отопленія и пр. будетъ гарантирована сохранность его богатствъ; по всѣмъ этимъ сдѣлана только половина дѣла. Университетъ, пріютивъ у себя историческіе документы, принялъ на себя вмѣстѣ съ тѣмъ нравственную обязанность передъ наукою и обществомъ не только сохранить ихъ на вѣчныя времена, но—что главное—разобрать, описать ихъ, издать описи и сдѣлать его документальныя богатства общимъ достояніемъ науки. Между тѣмъ нынѣшнее матеріальное положеніе архива таково, что отодвигаетъ эту главную задачу на далекое будущее.

Въ то время, какъ другіе архивы, подобные Харьковскому, имѣютъ архиваріуса, помощниковъ и писцовъ, необходимыхъ для успѣшнаго описанія собранныхъ документовъ, имѣютъ спеціальныя средства на изданіе описей и матеріаловъ, харьковскій архивъ, при своемъ скромномъ бюджетѣ (600 руб.), не можетъ даже имѣть особаго спеціальнаго архиваріуса, ибо для успѣшной работы въ Историческомъ архивѣ необходима спеціальная археографическая подготовка, или во всякомъ случаѣ университетское образованіе, а за 600 руб., разумѣется, трудно найти удовлетворяющее этимъ требованіямъ лицо и удержать его въ теченіе долгаго времени на тяжелой и непривлекательной въ матеріальномъ отношеніи должности. Благодаря этому, еще въ 1893 г. Историко-Филологическое Общество рѣшило ходатайствовать передъ Правленіемъ университета о томъ, чтобы архиваріусу Историческаго архива было разрѣшено одновременно занимать должность архиваріуса и университетскаго архива, и вотъ съ того времени эти двѣ должности совмѣщаются въ одномъ лицѣ. Между тѣмъ такое совмѣщеніе, во—первыхъ, даетъ Историческому архиву только половину служебнаго времени своего единственнаго служащаго, а во—вторыхъ, носитъ случайный характеръ, ибо Правленіе университета можетъ пожелать имѣть отдѣльное лицо для завѣдыванія университетскимъ архивомъ.

Невозможность имѣть особаго архиваріуса со спеціальными познаніями для завѣдыванія Историческимъ архивомъ усугубляется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ (архиваріусъ) работаетъ по найму, не имѣетъ ни правъ государственной службы, ни правъ на пенсію, т. ч. съ этой стороны служба въ Историческомъ архивѣ является даже менѣе выгодною, чѣмъ служба почти въ любомъ архивѣ губ. города, предназначенномъ для простыхъ канцелярскихъ справокъ.

А между тѣмъ штатный архиваріусъ, съ правами государственной службы, необходимъ въ Историческомъ архивѣ уже по одному тому, что ему непосредственно ввѣряется драгоцѣнное имущество, которое требуетъ особой охраны и заботы, за которое онъ долженъ нести особо строгую отвѣтственность *по закону*, такъ какъ утрата архивнаго имущества, въ противоположность многимъ другимъ, ничѣмъ невознаградима.

Другимъ важнымъ недостаткомъ въ нынѣшнемъ устройствѣ Историческаго архива является отсутствіе «положенія» о немъ; теперь архивъ существуетъ, такъ сказать, внѣ правилъ и законовъ; у него нѣтъ даже инструкціи или правилъ, которыя бы опредѣляли его функціи, права и обязанности завѣдующихъ имъ учрежденій и лицъ; въ штатъ универси-

тета онъ не входитъ, хотя de facto является учебно-вспомогательнымъ учрежденіемъ; временное «положеніе», созданное закономъ 1884 г. для губернскихъ архивовъ, къ нему не примѣнимо, потому что онъ и создался не при тѣхъ условіяхъ, при какихъ создавались губернскіе архивы, да и по составу своему является не губернскимъ, а областнымъ архивомъ. Реформа, очевидно, необходима и въ этомъ направленіи, причемъ реформа эта должна быть сообразована съ условіями возникновенія архива, его нынѣшняго состава и нынѣшняго положенія (при университетѣ, въ вѣдѣніи Историко-филологическаго Общества).

Третьимъ недостаткомъ въ устройствѣ архива является отсутствіе у него спеціальныхъ средствъ на изданіе описей и матеріаловъ. Въ архивахъ, подобныхъ Харьковскому (Кіевскомъ и Виленскомъ), существуютъ особыя средства на изданіе описей, при нихъ же существуютъ Археографическія коммиссіи, которыя занимаются изданіемъ матеріаловъ; при Харьковскомъ архивѣ функціи коммиссій легко могло бы исполнять Историко-филологическое Общество, которое вѣдаетъ архивомъ, заботится о его расширеніи, старается сдѣлать его доступнымъ для научной разработки и самостоятельно печатаетъ его описи и документы; но, къ сожалѣнію, Общество располагаетъ настолько незначительными средствами на свои изданія, что многіе весьма важные труды должны годами лежать въ портфеляхъ Общества и ждать своей очереди, а при такихъ условіяхъ, разумѣется, немыслимо спеціально заняться систематическимъ изданіемъ документовъ.

Всѣ эти недостатки въ нынѣшнемъ устройствѣ и положеніи архива, находящіеся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ его высокой научной цѣнностью, ясно сознавали и завѣдующій архивомъ (проф. Д. И. Багалѣй), и Историко-филологическое общество, и университетъ. Проф. Д. И. Багалѣемъ былъ напечатанъ рядъ статей [1], касающихся исторіи архива, его состава, устройства и нуждъ; имъ же сдѣлано много докладовъ о нуждахъ архива и необходимости реорганизаціи его въ засѣданіяхъ Общества, Историко-филологическаго факультета, Совѣта университета и XI-го Археологическаго Съѣзда. Всѣ доклады были заслушаны съ неизмѣннымъ сочувствіемъ и имѣли результатомъ рядъ ходатайствъ о преобразованіи архива.

Въ докладахъ проф. Д. И. Багалѣя развиты двѣ мысли, указано 2 способа преобразовать Историческій архивъ: 1) ввести его въ штаты

[1]) Перечень этихъ статей см. выше, въ началѣ 1-й главы.

учебновспомогательныхъ учрежденій университета, 2) оффиціально превратить его въ Центральный историческій архивъ, на подобіе Кіевскаго или Виленскаго.

Мысль о введеніи архива въ штаты учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета впервые была проведена въ 1889 г., въ ходатайствѣ завѣдующаго передъ Совѣтомъ университета о преобразованіи архива и расширеніи его помѣщенія; такое же ходатайство вторично было возбуждено (вслѣдствіе доклада проф. Д. И. Багалѣя) Историко-филологическимъ факультетомъ и Обществомъ въ 1892 г.; наконецъ, въ 3 разъ эта мысль была проведена въ 1901 г., когда обсуждались проекты новыхъ штатовъ университета. Въ этихъ докладахъ проф. Д. И. Багалѣя указывалось на огромную научную цѣнность архива, на важное значеніе его, какъ учебновспомогательнаго учрежденія для Историко-филологическаго и юридическаго факультетовъ [1]) и на всѣ недостатки въ устройствѣ и положеніи архива; въ послѣднемъ докладѣ (1901 г.), единогласно принятомъ историко-филологическимъ факультетомъ и университетской коммисіей по пересмотру устава 1884 года, признавалось необходимымъ: ввести архивъ въ штаты учебно-вспомогательныхъ учрежденій, сдѣлать должность архиваріуса штатной (съ содержаніемъ въ 1500 руб. и съ правомъ на пенсію по учебной части), ежегодно ассигновать на другія нужды архива (на изданіе описей и матеріаловъ и на наемъ писца) 800 рублей.

Другая мысль—о превращеніи историческаго архива въ центральный архивъ—подробно развита проф. Д. И. Багалѣемъ въ его докладѣ на XI-мъ (Кіевскомъ) Археологическомъ Съѣздѣ [2]). Въ этомъ докладѣ обрисованы исторія архива, его нынѣшній составъ, ходъ его описанія и приспособленія для научныхъ занятій и всякаго рода справокъ, его огромная научная цѣнность, научная разработка его матеріаловъ и наконецъ его нынѣшнее непрочное юридическое и финансовое положеніе, настоятельно требующее реорганизаціи; цѣлымъ рядомъ фактовъ здѣсь доказано, что Историческій архивъ по своему составу, функціямъ и научному значенію на дѣлѣ уже является центральнымъ архивомъ и вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы его юридическое и финансовое положе-

---

[1]) На такое значеніе Историческаго архива указывали и оба факультета въ маѣ 1899 г., въ своемъ отвѣтѣ на запросъ Министерства Народнаго Просвѣщенія о мѣрахъ для развитія практическихъ занятій между студентами.

[2]) Докладъ напечатанъ въ «Трудахъ» Съѣзда подъ заглавіемъ: «О необходимости превращенія Харьковскаго Историческаго архива въ Центральный архивъ».

ніе было упрочено путемъ примѣненія къ нему штатовъ существующихъ центральныхъ архивовъ—Кіевскаго и Виленскаго.

Докладъ проф. Д. И. Багалѣя вызвалъ полное сочувствіе членовъ Съѣзда, которымъ и было постановлено ходатайствовать о скорѣйшемъ преобразованіи Харьковскаго архива въ Центральный архивъ.

Къ сожалѣнію, ни это ходатайство ученаго Съѣзда, ни упомянутыя ходатайства университета не получили въ высшихъ правительственныхъ сферахъ благопріятнаго разрѣшенія и архивъ по прежнему остается въ своемъ неустойчивомъ положеніи, надѣясь, однако, что рано или поздно онъ получитъ желаемую реорганизацію.

Е. Ивановъ.

IV.

Рѣчь А. В. Ветухова.

О дѣятельности Педагогическаго Отдѣла Х. И. Ф. Общества въ первое десятилѣтіе—1892—1902 года.

Болѣе десяти лѣтъ тому назадъ (22 октября 1892 года) въ университетскомъ залѣ совѣтскихъ засѣданій состоялось открытіе П. О. Х. И. Ф. Общества при многочисленномъ собраніи преподавателей среднеучебныхъ заведеній и профессоровъ университета.

Предсѣдатель Общества, проф. М. С. Дриновъ, изложилъ исторію возникновенія и осуществленія идеи объ организаціи при Обществѣ П. Отдѣла и указалъ на тѣ благопріятные моменты, какіе открывались въ то время для жизни Отдѣла [1]). Секретарь Общества, проф. Н. Ѳ. Сумцовъ, набросалъ въ общемъ задачи Общества и выяснилъ отношеніе новаго учрежденія къ обществу сравненіемъ ихъ съ колоніей и метрополіей древне-греческаго міра [2]).

Въ этомъ же засѣданіи были избраны предсѣдатель и секретарь, ближайшимъ образомъ вѣдающіе дѣла П. О. (Предсѣдателемъ съ основанія и понынѣ состоитъ проф. Н. Ѳ. Сумцовъ, а секретаремъ—въ первое трехлѣтіе В. И. Харціевъ, а съ 1895 г. и въ нынѣшнее время—А. В. Ветуховъ).

Такъ началась скромная жизнь «колоніи». Въ первый годъ было до 50 членовъ, а за все время—до 100, не считая, конечно, членовъ Общества, eo ipso входящихъ и въ составъ Отдѣла.—Всѣхъ засѣданій за 10 лѣтъ было 57 (кромѣ совмѣстныхъ съ засѣданіями Общества), а рефератовъ на нихъ (кромѣ мелкихъ библіографическихъ сообщеній, короткихъ замѣтокъ и предложеній педагогическаго характера) прочтено около 100. Большая часть этихъ докладовъ помѣщена въ «Трудахъ» Отдѣла, коихъ вышло 7 выпусковъ, каждый объемомъ не менѣе 10 печатныхъ листовъ.

---

1) См. «Труды», I, 12—13.
2) Ib., 13—16.

Новое учрежденіе, разростаясь, не ограничивалось выясненіемъ разныхъ научныхъ педагогическихъ вопросовъ путемъ теоретическимъ, путемъ докладовъ, сообщеній, обмѣна мыслей,— оно пошло на встрѣчу и практическому осуществленію разныхъ назрѣвавшихъ въ школьной жизни запросовъ. Оно обращалось къ голосу опыта, оно разсылало по всѣмъ учебнымъ округамъ запросы по тѣмъ или инымъ живымъ вопросамъ школы, собирало и группировало получаемый матеріалъ, слѣдило за спеціальной литературой, организовавъ съ этою цѣлью библіотеку изъ педагогическихъ журналовъ и книгъ.

Такъ еще въ 1894 году возникла при Отдѣлѣ особая комиссія, (имѣвшая 20 засѣданій), занявшаяся вопросомъ о восполненіи и уясненій гимназическаго курса путемъ общедоступныхъ научныхъ чтеній для учащейся молодежи. Былъ собранъ и разработанъ матеріалъ, полученный по данному вопросу съ разныхъ концовъ Россіи въ отвѣтъ на запросъ комиссіи, выяснившій въ значительной мѣрѣ, куда итти въ подобной работѣ и на что есть запросы. Опредѣлился ближайшій кругъ чтеній этого рода, намѣченъ былъ циклъ подобныхъ чтеній, могущій послужить образцомъ для ряда другихъ, сродныхъ. Такимъ образомъ выработался планъ своеобразной хрестоматіи—«Пособія для устройства общедоступныхъ научныхъ и литературныхъ чтеній»,—выдержавшей 2 изданія (до 3000 экз.).—(По этому образцу собирается Отдѣломъ въ настоящее время матеріалъ для пособія въ устройствѣ ученическихъ экскурсій).—Въ связи съ хрестоматіей выработанъ былъ типъ тетради для записи учащимися прочитаннаго,—разошедшейся въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ.

Хрестоматія была своего рода введеніемъ, приступомъ къ осуществленію задачи, поставленной комиссіей. Въ 1897 году настало время практическаго выполненія задачи: открылись въ Харьковѣ общедоступныя научныя чтенія съ свѣтовыми картинами.

Профессора и преподаватели, и не состоящіе членами Отдѣла, приняли въ этой работѣ живое участіе, а публика, по—преимуществу учащаяся молодежь, горячо откликнулась на этотъ призывъ къ свѣту, усердно посѣщая эти чтенія.

Образовался особый лекціонный комитетъ, вѣдавшій новое учрежденіе при П. О. Дѣло закипѣло, прочтено было на разныя темы, въ областяхъ, близкихъ къ курсамъ средней школы, нѣсколько десятковъ лекцій, пріобрѣтенъ былъ волшебный фонарь съ приспособленіями и до 1000 свѣтовыхъ картинъ. (На нѣкоторыхъ изъ чтеній устраивались и музыкальныя и вокальныя отдѣленія, иногда въ связи съ прочитаннымъ).

Чтеніями этими заинтересовались и сосѣдніе города (Острогожскъ, Полтава, Новочеркасскъ): присланы были въ Отдѣлъ предложенія прочесть ту или иную изъ лекцій, читавшихся уже въ Харьковѣ; желанія эти по возможности удовлетворялись. Кромѣ того, въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, подъ этими вліяніями, устраивались свои чтенія на родственныя темы и иллюстрировались картинами П. Отдѣла.

П. О. назначалъ открытыми такія засѣданія, которыя могли имѣть широкій интересъ (о школьной мебели, о школьныхъ кассахъ), онъ принималъ посильное участіе въ чествованіи выдающихся литературныхъ и общественныхъ дѣятелей (Пушкина, Майкова, Бѣлинскаго, Вирхова, Гоголя и др).

Все разростающаяся жизнь Отдѣла постепенно сдѣлала тѣсными тѣ рамки, при которыхъ онъ открывалъ свою дѣятельность, и въ настоящее время разработанъ и представленъ на утвержденіе новый уставъ Отдѣла съ болѣе широкими задачами и планами.

Для большей рельефности въ изображеніи дѣятельности П. О. за 10-ти лѣтіе прилагаются:

1) Списокъ всѣхъ докладовъ, прочтенныхъ въ засѣданіяхъ Отдѣла, съ распредѣленіемъ по отраслямъ знанія.

2) Списокъ статей, помѣщенныхъ въ «Трудахъ» Отдѣла, съ распредѣленіемъ по отдѣламъ [1]).

3) Списокъ членовъ Отдѣла за 10 лѣтъ.

4) Списокъ общедоступныхъ научныхъ чтеній съ свѣтовыми картинами, устроенныхъ П. Отдѣломъ.

I. Списокъ докладовъ, прочтенныхъ въ засѣданіяхъ Отдѣла за 10 лѣтъ съ распредѣленіемъ по отдѣламъ:

а) Педагогическій:

1) *Акбройта С. Г.* «О школьной гигіенической мебели» (съ демонстраціей моделей таковой).

2) *Алякритскаго Н. И.* «Біографіи писателей и выдающихся ученыхъ, какъ матеріалъ для устройства литературно-научныхъ чтеній въ средне учебныхъ заведеніяхъ. I. Краткій біографическій очеркъ А. С. Пушкина

[1]) Кромѣ, конечно, отмѣченныхъ звѣздочкой въ первомъ спискѣ (докладовъ).

3) *Алякритскаго Н. И.* «О классномъ и внѣклассномъ чтеніи» * (Тр., II, 11—22).

4) *Багалѣя Д. И.* «О методахъ преподаванія исторіи» * (Тр., II, 1—10).

5) *Вальтера В. К.* «О лѣтнихъ курсахъ французскаго языка въ Парижѣ» * (Тр., VII, 58—82).

6) *Вальтера В. К.* «О преподаваніи французскаго языка въ гимназіяхъ» * (Тр., VII, 83—89).

7) *Вальтера В. К.* «О преподаваніи французскаго языка въ Сорбоннѣ» * (Тр., III, 62—90).

8) *Ветухова А. В.* «Янъ Амосъ Коменскій» * (Тр., I, 60—69).

9) *Демкова М. И.* «О задачахъ серьезной педагогической литературы» * (Ib., II, 49—59).

10) *Демкова М. И.* «Педагогическіе взгляды Симеона Полоцкаго».

11) *Дубяги Н. М.* «О преподаваніи въ 1 классѣ гимназіи географіи по учебнику Сергѣева».

12) *Знаменскаго М. П.* «Переводъ (съ примѣчаніями) «Образцоваго урока греческаго языка» Г. Рихтера» * (Тр., II, 23—40).

13) *Знаменскаго М. П.* «Переводъ «Дидактическаго катехизиса» Отто Фрика».

14) *Котова А. Ѳ.* «Къ вопросу объ организаціи 8 дополнительныхъ классовъ женскихъ гимназій.—Преподаваніе исторіи и географіи» * (Тр., VI, 133—148).

15) *Левандовскаго А. Г.* «Логаэдическіе стихи у Горація» (Гимназическій урокъ изъ римской метрики) * (Тр., VII, 180—4).

16) *Левандовскаго А. Г.* «О классномъ чтеніи древнихъ авторовъ» (Въ 2 засѣдан.) * (Тр., I, 44—59).

17) *Маслова М. А.* «О программахъ средняго образованія во Франціи».

18) *Немолодышева С. А.* «Къ исторіи педагогическихъ теорій» * (Тр., V, 163—175).

19) *Немолодышева С. А.* «Платонъ, Митрополитъ Московскій» * (Тр., VI, 59—64).

20) *Нетушила И. В.* «Объ этикѣ въ дисциплинѣ».

21) *Новицкаго С. А.* «О чтеніи и слогѣ письменныхъ работъ» (Тр., I, 38—43).

22) *Новицкаго С. А.* «Проза и поэзія»

23) *Протопопова Н. С.* «О сочиненіяхъ по русскому языку и значеніи чтенія» * (Тр., I, 31—37).

*) Этимъ знакомъ отмѣчаются помѣщен. въ «Трудахъ» Отдѣла.

24) *Созонтьева И. В.* «Методическіе пріемы объясненія басенъ».

25) *Соснякова В. А.* «О взаимодѣйствіи въ преподаваніи географіи и исторіи».

26) *Соснякова В. А.* «Развитіе скульптуры у древнихъ грековъ».

27) *Стефановскаго И. Н.* «О методѣ преподаванія литературы въ средне-учебныхъ заведеніяхъ».

28) *Страхова Н. Н.* «О методѣ обученія грамотѣ».

29) *Сумцова Н. Ѳ.* «О матеріалахъ, полученныхъ въ отвѣтъ на запросы П. О. объ ученическихъ экскурсіяхъ».

30) *Сумцова Н. Ѳ.* «О стихотвореніи Пушкина «И путникъ усталый».

31) *Сумцова Н. Ѳ.* «О стихотвореніи Пушкина «Сонетъ».

32) *Сумцова Н. Ѳ.* «О Янѣ Амосѣ Коменскомъ» (По поводу 300-лѣтія со дня рожденія).

33) *Сумцова Н Ѳ.* «О стихотвореніи Пушкина «Поэтъ».

34) *Сумцова Н. Ѳ.* «Эдуардъ Лабуле и Жюль Мишле, какъ педагоги и друзья дѣтей» * (Тр., IV, 1—20).

35) *Трифильева Е. П.* «О Новиковѣ, какъ педагогѣ» * (Тр., III, 115—134).

36) *Федоровскаго Н. А.* «Къ вопросу о систематичности первоначальнаго образованія».

37) *Фенева С. Е.* «Памяти К. Д. Ушинскаго».

38) *Фесенка И. О.* «О школьныхъ сберегательныхъ кассахъ».

39) *Фесенка И. О.* «Янъ Амосъ Коменскій и основной законъ педагогики».

40) *Халанскаго М. Е.* «О веденіи письменныхъ работъ по русскому языку» * (Тр , I, 17—30).

41) *Харціеви В. И.* «О преподаваніи логики».

42) *Харціева В. И.* «О взглядахъ Буслаева на преподаваніе отечественнаго языка и словесности въ средней школѣ» (Тр., V, 7—37).

43) *Харціева В. И.* «О педагогикѣ и педагогической подготовкѣ».

44) *Харціева В. И.* «Объ организаціи ученическихъ экскурсій» * (Тр., IV, 21—40).

45) *Харціева В. И.* «О школьномъ изученіи Домостроя» * (Ib., 41—50).

46) *Харціева В. И.* «Письмен. упражн. по русскому языку въ низшихъ классахъ» * (Тр., VII, 149—170).

47) *Шевченка Н. Е.* «О руководящихъ вопросахъ при домашнемъ чтеніи».

48) *Шеметовой Н. В.* «О задачахъ средняго образованія» * (Тр., V, 108—142).

49) *Шепелевича Л. Ю.* «Программа по всеобщей исторіи литературы» (для самообразованія).

50) *Шихова В. В.* «Новая общеобразовательная школа во Франціи, и родной языкъ, какъ основа общаго образованія» * (Тр., VII, 94—147).

51) *Шульца Г. Ѳ.* «О значеніи древнихъ языковъ въ средней школѣ».

52) *Шульца Г. Ѳ.* «О переводахъ съ иностранныхъ языковъ на родной» * (Тр., I, 85—90).

53. *Янжула И. И.* «Статистическая оцѣнка добрыхъ и дурныхъ учительскихъ вліяній въ школѣ» * (Тр., VII, 39—57).

б) Историко-литературный:

1) *Аляк*ритскаго *Н. И.* «О Кольцовѣ» * (Тр., I, 70—76).

2) *Ветухова А. В.* «Художественный образъ и его примѣненіе».

3) *Сумцова Н. Ѳ.* «А. Н. Майковъ съ педагогической точки зрѣнія».

4) *Сумцова Н. Ѳ.* «Объ отношеніи поэзіи Тютчева къ поэзіи Пушкина».

5) *Сумцова Н. Ѳ.* «О литературной дѣятельности Д. В. Григоровича» (Рѣчь по случаю 50-лѣтія литературной дѣятельности).

6) *Сумцова Н. Ѳ.* «О сочиненіяхъ Бѣлинскаго, посвященныхъ Пушкину».

7) *Сумцова Н. Ѳ.* «Памяти Грибоѣдова».

8) *Халанскаго М. Г.* «Памяти Я. К. Полонскаго.

9) *Халанскаго М. Г.* Характеристика трудовъ Буслаева по русскому языку и словесности» (Рѣчь въ соедин. засѣд. Общества и Отдѣла) (Тр., V, 1—6).

в) Грамматическій:

1) *Краевскаго Б. А.* «Опытъ объясненія, нѣкоторыхъ отдѣловъ нѣмецкой грамматики» * (Тр., I, 112—119).

2) *Новицкаго С. А.* «Путь къ обновленію школьной грамматики» * (Ib., II, 70—99).

3) *Озле Ф. Д.* «О реформѣ французскаго правописанія» * (Тр., VII, 185—193).

4) *Стефановскаго И. Н.* «Къ вопросу о грамматическомъ разборѣ на урокахъ русскаго языка въ средне-учебныхъ заведеніяхъ» ч. I. * (Тр., II, 60—69).

5) *Стефановскаго И. Н.*—Тоже ч. II. (Тр., III, 134—141).

6) *Харціева В. И.* «Къ вопросу о правописаніи» (Тр. V, 38—54).

7) *Харціева В. И.* «О преподаваніи грамматики русскаго языка въ низшихъ классахъ» * (Тр., II, 41—48).

8) *Харціева В. И.* «Система знаковъ препинанія» *) (Тр., VII, 171—9).

9) *Шевченка Н. Е.* «Памяти Я. К. Грота».

г) Научный:

1) *Багалѣя Д. И.* «Роль Харьковскаго университета въ дѣлѣ развитія средняго и низшаго образованія въ Харьковскомъ учебномъ округѣ».

2) *Лапина В. В.* «Императрица Екатерина II, Бецкій и ихъ учрежденія для женскаго образованія въ Россіи» * (Тр., V, 55—76).

3) *Рѣдина Е. К.* «О главныхъ трудахъ Буслаева по археологіи и исторіи искусства».

д) Біографическій:

1) *Алякритскаго Н. И.* «Воспоминанія о Буслаевѣ, какъ профессорѣ».

2) *Левандовскаго А. Г.* «Памяти Н. Ѳ. Одарченка» (сб., VIII, 17—18).

3) *Маслова М. А.* «Объ А. А. Потебнѣ» (Личныя воспоминанія,—матер. для біографіи).

4) *Маслова М. А.* «Памяти Б. А. Соснякова».

5) *Новицкаго С. А.* «Біографическій очеркъ Бѣлинскаго въ связи съ его трудами».

6) *Руднева Н. А.* «Памяти Н. Ѳ. Одарченка».

7) *Сумцова Н. Ѳ.* «Общая характеристика личности и дѣятельности Ѳ. И. Буслаева» (Рѣчь въ соедин. засѣд. Общ. и отдѣла) Сб., XI, (VI—VII).

8) *Сумцова Н. Ѳ.* «О педагогическихъ и научныхъ заслугахъ А. А. Потебни, какъ профессора университета и предсѣдателя И.—Ф. Общества».

9) *Сумцова Н. Ѳ.* «Памяти Н. П. Боголѣпова».

10) *Сумцова Н. Θ.* «Памяти Н. Θ. Одарченка».

11) *Сумцова Н. Θ.* «Памяти Н. А. Лавровскаго» (Сб. XII, с. 1—2).

12) *Харціева В. И.* «Памяти Н. Ф. Одарченка».

е) Библіографическій;

1) *Алякритскаго Н. И.* О кн. Висковатова «Сжатый обзоръ новой русск. л-ры» * (Тр., I, 95—100).

2) *Алякритскаго Н. И.* О статьѣ Виперта «Дѣятельность педагога».

3) *Алякритскаго Н. И.* О статьѣ И. Иванова «Мысли о существенныхъ вопросахъ школьнаго воспитанія».

4) *Багалѣя Д. И.* О кн. Фримана «Методы изученія исторіи».

5) *Бузескула В. П.* Объ «учебникѣ по древней и средней исторіи Виноградова» (Тр., I, 91—94).

6) *Бузескула В. П.* Объ «учебникѣ исторіи цивилизаціи» Дюкудре *.

7) *Бузескула В. П.* «Объ исторіи Греціи со врем. Пелопон. войны» В. I. (Подъ ред. Петрушевскаго и Шамонина)

8) *Ветухова А. В.* «О кн. Аверкіева о драмѣ» * (Тр., II, 107—115).

9) *Ветухова А. В.* О кн. М. Бреаля «Новая наука сематика» (Тр., V, 77—82).

10) *Вязигина А. С.* «Объ исторической хрестоматіи проф. Виноградова».

11) *Гутникова Д. В.* О переводѣ «Иліады» Минскаго * (стр., V, 157—9).

12) *Гутникова Д. В.* О кн. Ланге «Художественное воспитаніе въ дѣтской» * (Ib., 159—160).

13) *Гутникова Д. В.* О кн. Кейра «Воображеніе и память» (Ib., 160—3).

14) *Гутникова Д. В.* О кн. Сысоевой «О Бичеръ Стоу».

15) *Гутникова Д. В.* О кн. Иванова «О Бичеръ Стоу».

16) *Гутникова Д. В.* Объ «учебникѣ древней русской литературы» Павловича.

17) *Гутникова Д. В.* «О хрестоматіи древняго періода русской л-ры и народной словесности» Геракова.

18) *Котова А. Θ.* О кн. проф. Надлера (въ обраб. проф. Бузескула) «Лекціи по исторіи революціи и имперіи».

19) *Лезина В. А.* Объ изданномъ Педагогическимъ музеемъ «Обзорѣ учебной литературы по русскому языку» * (Тр., IV, 129—131).

20) *Лезина В. А.* О собраніи сочиненій Шереметевскаго * (Ib., 131 - 5).

21) *Миклашевскаго И. Н.* О кн. Петрова «Вопросы народнаго образованія въ Московской губерніи».

22) *Собѣстіанскаго И. Н.* Объ отчетѣ попечителя Кавказскаго учебнаго округа за 1891-й годъ * (Тр., I, 77—84).

23) *Собѣстіанскаго И. Н.* Объ отчетѣ о состояніи 1-й Тифлисской гимназіи къ 1 сентября 1893 года * (Ib., II, 100—106).

24) *Сумцова Н. Ѳ.* О «Маленькой хрестоматіи для дѣтей» П. Смирновскаго

25) *Сумцова Н. Ѳ.* О кн. Потебни «Изъ лекцій по теоріи словесности» *) (Тр., II, 116).

26) *Сумцова Н. Ѳ.* О кн. Гюбо, А. Смирнова и Прельса по теоріи искусства и эстетикѣ * (Ib., III, 142—151).

27) *Сумцова Н. Ѳ.* О журналѣ «Читальня народной школы».

28) *Сумцова Н. Ѳ.* О «Лекціяхъ по русской исторіи и русской литературѣ» кн. Волконскаго.

29) *Сумцова Н. Ѳ.* О кн. Бойо «Избранныя мысли».

30) *Сумцова Н. Ѳ.* О кн. Овсянико-Куликовскаго, «Этюды о творчествѣ И. С. Тургенева».

31) *Сумцова Н. Ѳ.* О кн. Протопопова «Мысли и образы въ сочиненіяхъ Тургенева».

32) *Сумцова Н. Ѳ.* О кн. Уорда «Психическіе факторы цивилизаціи».

33) *Сумцова Н. Ѳ.* О кн. Карелина «Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи».

34) *Сумцова Н. Ѳ.* О брош. Миклашевскаго «Можно ли возлагать на народн. учителя к. л. обязанности по технич. и профес. образованію».

35) *Сумцова Н. Ѳ.* О кн. Страхова «Методика русской грамоты и нач. упражн. въ русск. языкѣ».

36) *Сумцова Н. Ѳ.* О ст. Кирпичникова «Очеркъ исторіи романа XIX вѣка».

37) *Сумцова Н. Ѳ.* О брошюрѣ Алферова и Грузинскаго «Сборникъ вопросовъ по исторіи русск. л—ры».

38) *Сумцова Н. Ѳ.* О сборникѣ стихотвор. Тулуба.

---

2. Списокъ статей, помѣщенныхъ въ „Трудахъ" отдѣла (за исключенiемъ докладовъ).

а) Педагогическаго характера:

1) *Вальтера В. К.* «Лѣтніе курсы французскаго языка въ Парижѣ (Тр., III, 62—90).

2) *Власенка Н. А.* «Субботняя школа» (Тр., IV, 116—8).

3) *Иваницкаго Н. Н.* «Организація домашняго чтенія и литературныхъ вечеровъ въ гимназіяхъ (Тр., III, 30—14).

4) *Краевскаго Б. А.* «Психологія дѣтскихъ игръ» (Тр. VII, 214—260).

5) *Краевскаго Б. А.* и *Харціева В. И.* «Объ устройствѣ библіотеки учебниковъ при обществѣ попеченія о бѣдныхъ ученикахъ 2-й Харьковской гимназіи» (Тр., IV, 107—115).

6) *Маслова М. А.* «Песталоцци, его жизнь и дѣятельность» (Тр., V, 176—201).

7) *Рѣдина Е. К.* и *Сумцова Н. Ѳ.* «Образовательныя чтенія, преимущественно для учащихся, устраиваемыя П. О. Х. И. Ф. Общества» (Тр., IV, 66—90).

8) *Соловьева С. В.* «В. Гюго и Диккенсъ, какъ проводники гуманности и друзья дѣтей» (Тр., III, 91—114).

9) *Сумцова Н. Ѳ.* и *Ефимовича А. Я.* «Параллельные классы городскихъ училищъ» (Тр., IV, 92—98).

10) *Сумцова Н. Ѳ.* «Къ вопросу объ организаціи дѣтскихъ общественныхъ игръ» (Тр., III, 8—29).

11) *Сумцова Н. Ѳ.* «О составленіи руководства для студентовъ И. Х. Университета» (Тр., IV, 78—81).

12) *Сумцова Н. Ѳ.* «Организація общественныхъ и школьныхъ библіотекъ» (Тр., III, 8—29).

б) Историко-Литературнаго:

1) *Ветуховъ А. В.* «Основные вопросы литературной критики» (Тр., III, 45—61).

2) *Соловьева С. В.* «Провансальская поэзія» (Тр., V, 83—105).

3) *Харціева В. И.* «Новый трудъ по исторіи языка и мысли А. А. Потебни» (Тр., V, 143—162).

в) Грамматическаго:

1) *Вальтера В. К.* «О связываніи словъ въ французскомъ языкѣ» (Тр., IV, 72—77).

г) Научнаго:

1) *Айналова Д.* и *Рѣдина Е.* «Древніе памятники искусства Кіева, I, Мозаики и фрески Софійскаго собора». (Со мног. иллюстраціями) (Тр. VI. 1—58).

2) *Котова А. Ѳ.* «Отношеніе потомства къ Жаннѣ д'Аркъ». (Со мног. иллюстраціями) Ib., 103—131).

3) *Маляренка А. Д.* «Швейцарская кампанія Суворова въ 1799 году» (Тр., VII, 194—213).

д) Біографическаго:

1) *Котова А. Ѳ.* «Жанна д'Аркъ» (Тр., VI, 65—102).

2) *Остроумова М. А.* «Августъ Германъ Франке» (Тр., (IV, 51—71).

3) *Рѣдина Е. К.* «Памяти В. Г. Бѣлинскаго» (Тр., V, 202—4).

4) *Рѣдина Е. К.* «Н. Ѳ. Сумцовъ. Къ 25-лѣтію его учепо-педагогической дѣтельности (Тр., VII, 1—37).

е) Библіографическаго:

1) *Вальтера В. К.* «René Doumic p. de Brantôm» (Тр., VII, 90—93).

2) *Ветухова А. В.* «О кн. Труды педагогическаго общества при Императорскомъ Московскомъ университетѣ» (за 1899 годъ) (Тр., VII, 261—273).

3) *Гутникова Д. В.* О кн. Куницкаго «Значеніе изученія словесности для нравств. воспитанія юношества» (Тр., III, 152—7).

4) *Ирмера Г. Ю.* О кн. Л. Штейна «Психическое происхожденіе и соціальный характеръ языка» (с. Тр., IV, 124—9).

5) *Н С.* . . —О переводѣ Григоровскимъ Софокловой трагедіи «Электра» (Тр., IV, 175).

6) *Н С.* . . —О переводѣ Николаевымъ комедіи Теренція «Переселенка съ о-ва Андроса» (Ib.).

7) *Н. С.* . . —Объ отчетахъ «Смирновскаго и Прихни относительно ученич. поѣздки на Нижегородскую выставку» (Тр., IV, 135—6).

8) *Сумцова Н. Ѳ.* О кн. Песковскаго «К. Д. Ушинскій» (Тр., I, 101—106)

9) *Сумцова Н. Ѳ.* О кн. Твердохлѣбова «100-лѣтіе Ахтырскаго уѣзднаго училища» (Ib., 107—111).

10) *Турчаковскаго К. И.* О кн. Баумейстера «Handbuch der Erziehungs und Unterrichtslehre für höhere Schulen» (Тр., IV, 119—124).

ж) Педагогическая хроника:

1) *Маслова М. А.* «Отчетъ о поѣздкѣ въ Острогожскъ (Тр., V, 221—3).

2) *Сумцова Н. Ѳ.* «Отчетъ о публичныхъ лекціяхъ въ Полтавѣ, Ростовѣ и Новочеркасскѣ весной 1899 года» (Ib., 210—220).

3) *Харціева В. И.* «Дѣтская колонія въ Березовскихъ минеральныхъ водахъ» (Тр., IV, 91—92).

Кромѣ того, въ этомъ отдѣлѣ помѣщенъ рядъ статей мелкихъ (частью извлеченій изъ газетныхъ и журнальныхъ, статей, частью перепечатокъ) безъ авторскихъ подписей, каковы, напр.: 1) Открытіе новыхъ Харьк. унив. клиникъ, 2) Харьковскій музыкальный кружокъ, 3) выставка воскресныхъ школъ, 4) заботы о выразительномъ чтеніи, 5) о школьныхъ завтракахъ и др.

---

3) Списокъ членовъ П. О. за 10 лѣтъ.

1) Азбукинъ М. Н.
2) Александрова В. В.
3) Алчевская Х. Д.
4) Андріяновъ А. И.
5) Боголюбовъ И. П.
6) Бокій Н. А.
7) Бѣляевъ Н. А.
8) Вальтеръ В. К.
9) Виноградовъ И. А.
10) Вольфъ Р. Ѳ.
11) Воронцовъ-Вельяминовъ И. П.
12) Гаазе-фонъ Б. О.
13) Гедрихъ Г. А.
14) Горбунковъ Л. П.
15) Горкевичъ Л. Н.
16) Грековъ Н. П.
17) Григоровскій М. П.
18) Грищенко А. П.
19) Грудзинская М. А.
20) Гусаковскій А. Н.
21) Давыдовъ Е. Н.
22) Давыденко В. Ѳ.
23) Демковъ М. И.
24) Жаворонковъ Н. І.

25) Ждановъ А. В.
26) Жендзянъ Ю. В.
27) Завьялова А. М.
28) Залѣсская Н. М.
29) Зеленый И. А.
30) Ильяшева В. Н.
31) Истоминъ В. А.
32) Казанскій.
33) Капустянскій М. А.
34) Келаревъ Г. Г.
35) Керсекъ И. Ѳ.
36) Кокоревъ М. А.
37) Колесниковъ Н. Т.
38) Кондорская Е. И.
39) Крюгеръ Э. Л.
40) Кузнецовъ Г. А.
41) Лащенко Н. А.
42) Левандовскій А. Г.
43) Липенскій Н. П.
44) Лонгиновъ В. В.
45) Максименко Д. П.
46) Марковъ Н. Ѳ.
47) Медвѣдева В. А.
48) Медвѣдева С. А.
49) Миловановъ Н. В.
50) Немолодышевъ С. А.
51) Николаевъ С. Н.
52) Новицкая А. Н.
53) Новочадовъ Г. А.
54) Одарченко Н. Ф.
55) Одарченко С. Ф.
56) О, Копоръ В. А.
57) Ордынскій А. В.
58) Осиповъ И. П.
59) Покровскій В. С.
60) Раевскій С. А.
61) Рубинскій К. И.
62) Серебрянникова Ю. В.
63) Скворцовъ И. П.
64) Снегиревъ А. А.
65) Созонтьевъ И. В.
66) Солнцевъ П. А., прот.
67) Ставровскій К. А.
68) Стефановскій И. К.
69) Стрижевскій Г. Г.
70) Туникъ И. Д.
71) Турчаковскій К. И.
72) Ульрихъ И. Ѳ.
73) Феневъ С. А.
74) Холодный Г. М.
75) Цвѣтковъ И. И.
76) Чекановъ Н. А.
77) Чернявскій М. П.
78) Шитьковская М. И.
79) Шишкинъ М. И.
80) Шатенко В. И.
81) Эминскій Я. В.
82) Яновскій К. П.
83) Ѳедоровскій А. А., прот.
84) Ѳедоровъ А. Я.

Около 10 членовъ (не внесенныхъ въ этотъ списокъ) за это время перешли въ члены Общества. Кромѣ того, въ составъ Отдѣла входили всѣ члены Общества, ими сдѣлано не мало сообщеній въ Отдѣлѣ, они принимали близкое участіе въ жизни «колоніи»; изъ ихъ среды избирались и должностныя лица.

4) Списокъ общедоступныхъ научныхъ чтеній съ свѣтовыми картинами, устроенныхъ Педагогическимъ Отдѣломъ.

1) *Алякритскаго Н. И.* «Объ А. С. Пушкинѣ».
2) *Алякритскаго Н. И.* «О Н. В. Гоголѣ».
3) *Алякритскаго Н. И.* «По Западной Европѣ» I.
4) *Алякритскаго Н. И.* «По Западной Европѣ» II.
5) *Бузескула В. П.* «О Троѣ и Микенахъ».
6) *Грунскаго Н. К.* «Наполеонъ въ русской литературѣ».
7) *Котова А. Ѳ.* «Жанна д'Аркъ».
8) *Котова А. Ѳ.* «Ж. д'Аркъ и отнош. къ ней потомства».
9) *Краснова А. Н.* «Объ Индіи» I.
10) *Краснова А. Н.* «Объ Индіи» II.
11) *Краснова А. Н.* «Объ Индіи» III.
12) *Маляренка А. Д.* «Швейц. кампанія Суворова въ 1799 году»
13) *Маляренка А. Д.* «Ульрихъ-Фонъ-Гутенъ».
14) *Маслова М. А* «Жизнь и труды Песталоцци».
15) *Маслова М. А.* «О Римѣ».
16) *Риттера П. Г.* «Дантъ и Божествен. комедія» I.
17) *Риттера П. Г.* «Дантъ и Божественная комедія» II.
18) *Рѣдина Е. К.* «О римскихъ катакомбахъ» I.
19) *Рѣдина Е. К.* «О римскихъ катакомбахъ» II.
20) *Рѣдина Е. К.* «Памятники быта и искусства Помпей».
21) *Сахарова А. Б.* «О кометахъ и падающ. звѣздахъ».
22) *Соловьева С. В.* «О провансальской поэзіи».
23) *Сумцова Н. Ѳ.* «Замки по Рейну».
24) *Сумцова Н. Ѳ.* «Города по Рейну».
25) *Сумцова Н. Ѳ.* «О южно-русск. степяхъ».
26) *Сумцова Н. Ѳ.* «О южной Франціи».
27) *Сумцова Н. Ѳ.* «О Леонардо да-Винчи».
28) *Тимоѳеева Т. Е.* «Природа и бытъ жителей Кавказа».
29) *Тимоѳеева Т. Е.* «Природа и жизнь на Бѣломъ морѣ».
30) *Фатьева А. Н.* «О Сперанскомъ».
31) *Федоровскаго Н. А.* «О доисторич. человѣкѣ».
32) *Федоровскаго Н. А.* «О Гете, какъ естествоиспытателѣ».
33) *Шепелевича Л. Ю.* «О Гете, какъ писателѣ-художникѣ».

Отчетъ Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ

За 1899—1900 годъ

а) ДЕНЕЖНЫЙ ОТЧЕТЪ [1]

	Остатокъ отъ предыдущаго года	374 р. 80 к.
Приходу:	за продажу изданій	251 » 49 »
»	по взносамъ членовъ И. Ф. О. и Пед. Отд.	177 » — »
	Всего	803 р. 29 к.
Расходу:	на засѣданія	22 р. — к.
»	почтовые и письменные	26 » 05 »
»	Шереру и Набгольцу за клише	161 » — »
»	столяру Герасимову	19 » 35 »
»	витрина	50 » — »
»	архивные (переносъ, вывѣски и др.)	98 » 25 »
»	Чудному (Николаю)	22 » — »
»	наборщикамъ праздничныхъ	12 » 50 »
»	мелкіе расходы (покупка календаря 1709 г. и др.)	8 » — »
	Всего	419 р. 15 к.
	Остатокъ на 1900—1901 г.	384 р. 14 к.
	Всего	803 р. 29 к.

---

[1]) Ежегодно Правленіе ассигновывало по 600 р. архиваріусу Историческаго Архива въ видѣ жалованья и 400 р. на изданіе трудовъ и матеріаловъ Историко-Филологическаго Общества, израсходованіе которыхъ производилось Правленіемъ Университета, по рапортамъ предсѣдателя И. Ф. Общества.

б) ОБЩІЙ ОТЧЕТЪ

о Дѣятельности Общества за 1899—1900 г.

(Двадцать третій годъ)[1].

Въ отчетномъ году Общество имѣло всего 7 засѣданій: 14 сентября. 5 ноября, 2 декабря, 16 декабря, 4 февраля, 3 марта, 26 апрѣля.

Изъ этихъ засѣданій—одно было совмѣстно съ Педагогическимъ Отдѣломъ (5 ноября), другое—совмѣстно съ Предварительнымъ комитетомъ по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ.

Во всѣхъ засѣданіяхъ были прочтены слѣдующіе рефераты:

1. *В. П. Бузескула* «Памяти В. Г. Васильевскаго» (I-е засѣд.).

2. *Л. Ю. Шепелевича* «О первомъ критическомъ изданіи «Донъ-Кихота» Сервантеса» (I-е засѣд.).

3. *Л. Ю. Шепелевича* «Кто былъ авторомъ «Донъ-Кихота» Авелланеды» (I-е засѣд.).

4. *Е. К. Рѣдина* «О нѣкоторыхъ лицевыхъ рукописяхъ собранія гр. А. С. Уварова» (I-е засѣд.).

5. *Н. Ѳ. Сумцова* «Объ отношеніи поэзіи Тютчева къ поэзіи Пушкина» (II-е засѣд.).

6. *Н. Ѳ. Сумцова* «О различныхъ способахъ закрѣпленія памяти Пушкина въ Харьковскомъ городскомъ училищѣ имени поэта» (II-е засѣд.).

7. *Н. Ѳ. Сумцова* «Памяти Э. Коваржа» (III-е засѣд.).

8. *Д. А. Уляницкаго* «Къ исторіи возникновенія русскаго консульскаго института». (III-е засѣд).

9. *Д. П. Миллера* «Къ біографіи В. Н. Каразина» (III-е засѣд.).

10. *Е. К. Рѣдина* «Памяти проф. Э. Добберта» (IV-е засѣд).

11. *Д. И. Багалѣя* «О просвѣтительной дѣятельности Министерства Народнаго Просвѣщенія въ 1815—35 г.г.» (IV-е засѣд.).

12. *А. С. Вязигина* «О книгѣ барона Таубе «Принципы мира и права въ международныхъ столкновеніяхъ среднихъ вѣковъ. Харьковъ 1899» (IV-е засѣд.).

13. *Д. П. Миллера* «Новыя данныя къ біографіи В. Н. Каразина» (V-е засѣд.).

14. *Н. Ѳ. Сумцова* «О романѣ Мережковскаго «Воскресшіе боги. Леонардо да-Винчи» (V-е засѣд).

15. *Д. И. Багалѣя* «Изъ исторіи Харьковскаго университета» (З. Я. Карнѣевъ) (VI-е засѣд.).

[1]) Составленъ секретаремъ Е. К. Рѣдинымъ.

16. *Н. Ѳ. Сумцова* «О картинахъ XVI вѣка» («Христосъ и фарисеи» Лондонской націон. галлереи) (VI-е засѣд.).

17. *Д. И. Багалѣя* «О значеніи будущаго археологическаго съѣзда для археологіи мѣстнаго края» (VII-е засѣд.).

18. *Е. К. Рѣдина* «Памятники церковныхъ древностей Харьковской губерніи» (VII-е засѣд.).

19. *Н. А. Федоровскаго* «О древностяхъ, находимыхъ близь села Райгородка» (VII-е засѣд.).

20. *М. Г. Халанскаго* «О нѣкоторыхъ предметахъ древности, на которые желательно обратить вниманіе археологическаго съѣзда въ Харьковѣ» (VII-е засѣд.).

Въ отчетномъ году Архивъ Общества перенесенъ въ новое помѣщеніе, болѣе соотвѣтствующее ростущимъ изъ года въ годъ научнымъ сокровищамъ Общества—архивнымъ документамъ и библіотекѣ.

Общество принимало участіе—посылкой привѣтствія—въ празднованіи юбилея тридцатилѣтія научной дѣятельности проф. Вс. Миллера;—въ трудахъ Московскаго предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда, гдѣ его депутатами были: Д. И. Багалѣй, А. С. Вязигинъ, А. С. Лебедевъ, Е. К. Рѣдинъ, С. В. Соловьевъ, Н. Ѳ. Сумцовъ. Общество принимало ближайшее участіе въ трудахъ Харьковскаго предварительнаго комитета, въ составъ котораго вошло большинство его членовъ, которые, кромѣ обсужденія дѣлъ по устройству будущаго съѣзда, совершали спеціальныя научныя экскурсіи для подготовки научнаго матеріала для того-же съѣзда. При Обществѣ образована была спеціальная этнографическая коммиссія, вошедшая затѣмъ въ составъ Предварительнаго комитета. Обществомъ избрана коммиссія по подготовкѣ матеріала для изданія всѣхъ писемъ, сочиненій, проектовъ В. Н. Каразина—къ столѣтнему юбилею Харьковскаго университета.

Въ отчетномъ году обсуждался проектъ новаго устава Общества, выработанный комиссіей и, по исправленіи и дополненіи, одобренъ въ засѣданіи 4 февраля 1900 г.

Въ отчетномъ году Общество завязало сношенія и обмѣнъ изданіями съ слѣдующими обществами и редакціями: Обществомъ любителей изученія Кубанской Области, Уральскимъ областнымъ статистическимъ комитетомъ, «Бѣлгарской Сбиркой», «Вѣстникомъ Всемірной Исторіи».

Сочиненій на полученіе преміи имени А. А. Потебни въ отчетномъ году не было представлено.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ—въ отчетномъ году Педагогическимъ отдѣломъ Общества было устроено девять публичныхъ лекцій, прочитанныхъ членами Общества и Отдѣла (см. подробный отчетъ въ 6 вып. Трудовъ Отдѣла).

Въ отчетномъ году выпущенъ въ свѣтъ 12-й томъ «Сборника» Ощества и вып. VI-й «Трудовъ» Отдѣла.

Составъ Общества:

Предсѣдатель: Николай Θедоровичъ Сумцовъ.

Секретарь: Егоръ Кузьмичъ Рѣдинъ.

Завѣдующій Историческимъ Архивомъ: Дмитрій Ивановичъ Багалѣй.

Архиваріусъ: Евгеній Михайловичъ Ивановъ.

Ревизіонная коммиссія: Н. И. Алякритскій, Н. Θ. Куплеваскій Г. Θ. Шульцъ.

Въ члены Общества въ отчетномъ году избраны:

1. Арсеній Петровичъ Кадлубовскій—2 Декабря.
2. В. А. Уляницкій —2 Декабря.
3. Танковъ —4 Февраля.

в) ОТЧЕТЪ

по устройству лекцій членовъ Историко-Филологическаго Общества и Педагогическаго отдѣла въ 1899—1900 г.

Приходъ:

1—2.	Двѣ лекціи Н. И. Алякритскаго	165 р.	37 к.
3.	Лекція Сахарова	177 »	64 »
4.	» Маляренко	90 »	15 »
5—7.	Три лекціи А. Н. Краснова	225 »	— »
8.	Лекція С. В. Соловьева	65 »	55 »
9.	» Тимофѣева	75 »	80 »
	Всего	799 р.	51 к.
	Остатокъ 1898—1899 г.	83 »	— »
	Итого	882 р.	51 к.

Расходъ:

1.	Типографіи за афиши, билеты	67 р.	— к.
2.	Конторѣ объявленій	14 »	— »

3. Служителямъ	155 » 03 »
4. Картины къ фонарю	325 » — »
5. Мѣшки, трубки и т. п.	130 » 48 »
6. Мелкіе расходы	38 » 28 »
7. Объявленія въ газетахъ	19 » 50 »
8. Электрическое освѣщеніе	35 » — »
Всего . .	784 р. 29 к.
Остатокъ на 1900—1901 г.	98 » 22 »
Всего . . .	882 р. 51 к.

г) ОТЧЕТЪ

Историческаго Архива за 1899—1900 акад. годъ (Съ 1 сентября 1899 г. по 1 сентября 1900 г.)

Въ отчетномъ году продолжалось подробное описаніе дѣлъ Харьковскаго отдѣленія Архива. Въ настоящее время описано 188 дѣлъ, заключающихъ въ себѣ 32140 архивныхъ листовъ; изъ нихъ 25 дѣлъ, объемомъ въ 4343 листа, приходится на отчетный годъ. Къ этой описи составленъ указатель личный, географическій и предметный.

За послѣднее время Архивъ обогатился слѣдующими пріобрѣтеніями: изъ Сенатскаго Архива присланы 1313 дѣлъ Министерства Юстиціи; отъ П. В. Иванова, члена Общества, поступило 13 столбцовъ XVII в. и 38 документовъ XVIII—XIX в. (представляющихъ собой, главнымъ образомъ, земельные акты); отъ В. М. Иванова, преподавателя Харьковской прогимназіи,—10 столбцовъ XVI—XVII в. в. (копіи царскихъ грамотъ Строгановымъ). Библіотека Архива, пополняемая исключительно пожертвованіями и обмѣномъ на изданія Общества, возросла до 2942 томовъ. Въ истекшемъ году прислали свои изданія слѣдующія ученыя Общества и учрежденія: Кіевскій, Варшавскій, Харьковскій и Казанскій университеты—свои «Записки» и «Извѣстія»; Императорское Московское Археологическое Общество—свои «Труды»; Общество любителей древней письменности — свои «Памятники»; Императорское Русское Историческое Общество — «Сборникъ»; Церковно-Археологическое Общество Кіев. Дух. Академіи—свои «Чтенія»; Общество Археологіи, исторіи и этнографіи при Имп. Казан. у-тѣ—«Извѣстія»; Московское Общество исторіи и древностей россійскихъ—«Чтенія»; Отдѣленіе этнографіи Императорскаго Рус. Геогр. О-ства—«Живую Старину»; Историко-филологи-

ческій факультетъ Императорскаго С.Петербургскаго у-та—свои «Записки»; Виленская Археографическая комиссія—«Акты»; Кіевская Комиссія для разбора древнихъ актовъ—«Палеографическій Изборникъ» и «Матеріалы по исторіи русской картографіи»; Историко-филологическое О-ство при Новороссійскомъ у-тѣ—свои Протоколы и «Лѣтопись»: Болгарское Министерство Народ. Просв.—«Сборникъ за Народни умотворенія» Матица Српска—свою «Лѣтопись»; Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands—«Sitzungsberichte»; Towarzystwo ludoznawcze we Lwovie—свой органъ «Lud»; Науково товариство імени Шевченка—«Збірникъ»; Naradopisná Spolecnost Ceskoslovanska—«Naradopisny Sbornik»; Русскій Археологическій Институтъ въ Константинополѣ—«Извѣстія»; Общество любителей изученія Кубанскаго края—свои «Извѣстія»; Черниговская Губернская Земская Управа—Земскій Сборникъ; Сыръ-Дарьинскій Статистическій комитетъ—Сборникъ статистическихъ матеріаловъ; Казанская, Бессарабская, Таврическая, Оренбургская, Владимірская, Костромская, Тамбовская ученыя архивныя комиссіи—свои «Труды», отчеты и протоколы; Московскій Архивъ Министерства Юстиціи—Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ М. Архивѣ Мин. Юст.; Харьковская и Кишиневская Городскія Общ. библіотеки—свои годичные отчеты. Пожертвованія книгами поступили отъ слѣдующихъ лицъ: Н. Ф. Сумцова, Л. М. Шахъ- Параніанца, М. Довнаръ-Запольскаго, С. А. Столбцова, А. Ѳ. Котова, П. П. Короленко, В. А. Истомина, Б. М. Ляпунова, Д. Я. Самоквасова, М. Ф. Леваковскаго, В. И. Саввы, П. В. Иванова, А. М. Лазаревскаго, Д. И. Багалѣя, Л. Ю. Шепелевича и П. Г. Риттера.

Съ цѣлью научной разработки матеріала Архивъ посѣщали: Д. П. Миллеръ, собиравшій матеріалы о цехахъ въ Старой Гетманщинѣ, и М. М. Плохинскій, продолжавшій разработку вопроса объ иностранцахъ въ Малороссіи. Н. М. Громеко, А. А. Саврицкій, Н. Могильницкій, Я. Л. Базилевичъ, Е. Е. Котовъ-Копошенко разыскивали фамильные документы. Присяжные повѣренные С. Д. Ильинъ и В. В. Гуровъ собирали свѣдѣнія по вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи войсковыхъ обывателей Слободской Украйны. Библіотекой Архива пользовались работавшіе въ Архивѣ, члены Общества, студенты и др. лица, по рекомендаціи членовъ Общества.

ПРОТОКОЛЫ

засѣданій Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ.

I.

14-го сентября 1898 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ Н. Θ. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ—члены: В. П. Бузескулъ, А. В. Ветуховъ, А. С. Вязигинъ, Н. К. Грунскій, Г. Ю. Ирмеръ, М. Д. Линда, А. Д. Маляренко, П. Г. Риттеръ, В. И. Савва, I. Θ. Тихій, Е. П. Трифильевъ, М. Е. Халанскій, В. И. Харціевъ, Л. Ю. Шепелевичъ.

Слушали:

1) Сообщеніе *В. П. Бузескула* о смерти проф. и ак. В. Г. Васильевскаго; память покойнаго была почтена вставаніемъ.

2) Денежный отчетъ по суммамъ Общества за 18⁹⁸/₉₉ г., прочтенный Н. Θ. Сумцовымъ, постановлено: составить ревизіонную коммиссію изъ членовъ Г. Θ. Щульца, Н. О. Куплеваскаго для провѣрки счетовъ.

3) Общій отчетъ дѣятельности Общества за 18⁹⁸/₉₉ г., прочтенный Е. К. Рѣдинымъ.

4) Прошеніе г. Саврицкаго о выдачѣ ему справокъ въ Историческомъ Архивѣ; постановлено: прошеніе передать г. завѣдующему Архивомъ.

5) Рефераты *Л. Ю. Шепелевича.* Въ первомъ референтъ познакомилъ съ первымъ критическимъ изданіемъ «Донъ-Кихота» Сервантеса, принадлежащимъ англійскому ученому Fitzmaluria Kelly. Референтъ изложилъ основные принципы изданія и пояснилъ примѣрами преимущества текста Kelly. Всѣ предшествовавшія ему издатели принимали *второе* изданіе «Д.-К.» 1605 г. за *первое* (того-же года); въ числѣ этихъ издателей была даже Мадридская академія наукъ. Во второмъ рефератѣ Л. Ю. Шепелевичъ вкратцѣ изложилъ содержаніе статей г-жи Бьянки

де-лосъ-Ріусъ-де-Лантересъ, касающихся вопроса, кто былъ авторомъ «Донъ-Кихота» Авелляневы, написаннаго въ подражаніе Сервантесу. Лантересъ считаетъ таковымъ извѣстнаго драматурга *Тирсо-де-Молина*. Съ другой стороны авторъ статей доказываетъ, что прототипомъ Донъ-Кихота былъ Лопе-де-Вега и Санчо-Пансы—Тирсо де Молина. Нѣкоторые наиболѣе существенные аргументы г-жи Лянтересъ референтомъ были изложены.

6) Докладъ *Е. К. Рѣдина* «О нѣкоторыхъ лицевыхъ рукописяхъ собранія гр. А. С. Уварова».

Докладчикъ обзору самихъ рукописей предпослалъ введеніе, въ которомъ указалъ на важность матеріала, представляемаго миніатюрами рукописей для исторіи древне-русскаго искусства, и на малую разработку его и изданіе въ нашей литературѣ. Обращаясь непосредственно къ предмету доклада, Е. К. Рѣдинъ, указалъ, что собраніе рукописей гр. А. С. Уварова (въ с. Порѣчьѣ, Московской губ.) состоитъ изъ 2250 нумеровъ; содержаніе рукописей относится къ различнымъ отдѣламъ и видамъ древнерусской письменности, а лицевыя рукописи выдѣляются по богатству и важности для исторіи древне-русскаго искусства. Докладчикъ остановился на трехъ спискахъ лицевыхъ псалтирей XVI вѣка: Годуновской, одной изъ многочисленныхъ, вышедшихъ одновременно, повидимому, изъ одной школы, одной редакціи (монашеской), Псалтыри—редакціи исторической, и съ иллюстраціями—по каѳизмамъ (Новгородской); на Палеѣ XVI вѣка и Библіи XVIII в. (съ одними только миніатюрами, основанными на апокрифическихъ сказаніяхъ). При знакомствѣ съ памятниками были демонстрированы фотографіи съ миніатюръ.

7) Сообщеніе г. предсѣдателя о предстоящихъ выборахъ предсѣдателя и секретаря Общества.

Закрытой баллотировкой избранными оказались—въ предсѣдатели: Н. Ѳ. Сумцовъ, въ секретари Е. Рѣдинъ.

8) Сообщеніе г. предсѣдателя объ обсужденіи проекта новаго устава.

Постановили отложить обсужденіе до ближайшаго засѣданія, которое будетъ считаться дѣйствительнымъ при всякомъ числѣ явившихся членовъ.

II.

5-го ноября 1899 г.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ—члены: Н. И. Алякритскій, Д. И. Багалѣй, А. В. Ветуховъ, П. А. Гинкинъ, М. Д. Линда, Б. М. Ляпуновъ, М. А.

Масловъ, Т. Н. Никитскій, І. Ѳ. Тихій, Н. А. Федоровскій, М. Е. Халчскій, В. И. Харціевъ, и гг. члены педагогическаго отдѣла.

Слушали:

1) Докладъ г. предсѣдателя о пожертвованіи книгъ обществу А. М. Лазаревымъ и М. Ф. Леваковскимъ

Постановили благодарить жертвователей, а книги передать въ библіотеку Общества.

2) Рефератъ *Н. Ѳ. Сумцова* «Объ отношеніи поэзіи Тютчева къ поэзіи Пушкина».

Указавъ на научную невыясненность представленій о Пушкинской плеядѣ, референтъ подвергъ критическому разбору мнѣніе И. С. Аксакова и др. о вліяніи Пушкина на Тютчева, указавъ на весьма крупныя между ними различія въ міровоззрѣніяхъ и пришелъ къ тому выводу, что поэзія Тютчева имѣетъ самостоятельное значеніе, не особенно крупное, но, принимая во вниманіе его прекрасныя стихотворенія о природѣ, онъ показалъ, что ихъ достаточно для того, чтобы обезпечить за Тютчевымъ почетное мѣсто въ исторіи русской новой поэзіи.

Въ обсужденіи реферата приняли участіе: В. И. Харціевъ и М. Д. Линда.

3) Рефератъ *Н. Ѳ. Сумцова* «О различныхъ способахъ закрѣпленія памяти Пушкина въ Харьковскомъ городскомъ училищѣ имени поэта».

Референтъ указывалъ на желательность постановки бюста поэта, на наименованіе классовъ именами ближайшихъ друзей Пушкина.

Въ обсужденіи доклада приняли участіе: Д. И. Багалѣй, Н. И. Алякритскій, В. И. Харціевъ.

III.

2-го декабря 1899 г.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ—члены: Н. И. Алякритскій, Д. И. Багалѣй, В. П. Бузескулъ, А. В. Ветуховъ, А. С. Вязигинъ, Г. Э. Гинце, П. А. Гинкинъ, Н. К. Грунскій, М. Д. Линда, Н. А. Максимейко, М. А. Масловъ, Д. П. Миллеръ, В. И. Савва, С. В. Соловьевъ, І. Ѳ. Тихій, М. Е. Халанскій; и Е. М. Ивановъ, г. Ястржемскій, В. А. Уляницкій.

Слушали:

1) Сообщеніе Кіевской коммисіи для разбора древнихъ актовъ о высылкѣ библіотекѣ общества новыхъ изданій ея: матеріалы по исто-

ріи русской картографіи, в. 1; 2, палеографической изборникъ.

Постановили: благодарить Коммиссію.

2) Сообщеніе Владимірской Ученой Архивной коммиссіи о высылкѣ библіотекѣ общества—брошюры «Пушкинскіе дни въ г. Владимірѣ» и 1-й книги Трудовъ.

Постановили: благодарить Коммиссію и выслать изданія Общества.

3) Сообщеніе Московскаго Архива Министерства Юстиціи о высылкѣ библіотекѣ Общества книги «Централизація государственныхъ Архивовъ западной Европы, въ связи съ архивной реформой въ Россіи».

Постановили: благодарить Архивъ и высылать изданія Общества.

4) Сообщеніе попечителя Кавказскаго Учебнаго Округа о высылкѣ Педагогическому Отдѣлу Общества—отчета по управленію округомъ за 1898 г.

Постановили: благодарить г. Попечителя Округа.

5) Просьбу Директора Роменскаго Реальнаго училища о высылкѣ библіотекѣ училища трудовъ общества.

Постановили: выслать, начиная съ VI вып.

6) Просьбу коммиссіи Московской—для организаціи домашняго чтенія—о содѣйствіи Обществомъ въ устройствѣ чтеній въ городахъ, близкихъ къ Харькову.

Постановили: просьбу передать въ лекціонную коммиссію при педагогическомъ отдѣлѣ.

7) Рефератъ *Н. Ѳ. Сумцова* «Памяти Э. Коваржа». «Недавно (въ концѣ прошлаго года) скончался молодой чешскій ученый Э. Коваржъ. Въ обстоятельномъ некрологѣ въ Naradopisny Sbornik, 1899, IV, справедливо замѣчено словами чешскаго поэта, что «smrt pohrbila zde bohaty poklad, avsâk jêstê krasnêjsi nadeje». Коваржъ дѣйствительно подавалъ большія надежды, которымъ не суждено было осуществиться. Онъ родился въ 1861 г. въ бѣдной семьѣ, высшее образованіе получилъ въ Пражскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету, въ 1886 г. получилъ мѣсто доцента по каѳедрѣ сравнительнаго языкознанія. Около этого времени онъ было собрался перейти въ Харьковскій университетъ лекторомъ италіанскаго языка; но раздумалъ и провелъ 1889 и 1890 годы въ Лейпцигскомъ и Берлинскомъ университетахъ въ изученіи филологіи. По возвращеніи въ Прагу Э. К. принялъ самое дѣятельное участіе въ устроеніи этнографической выставки и въ трудахъ вновь возникшаго этнографическаго общества. Въ 18⁹⁷/₉₈ онъ читалъ лекціи въ университетѣ. Слабое здоровье было надорвано непосильными трудами, и злой недугъ скосилъ такого сильнаго ученаго на

37 году жизни. К. оставилъ много статей по лингвистикѣ и фольклору. Особенно охотно К. останавливался на вопросахъ о происхожденіи и родствѣ индоевропейскихъ языковъ, переводилъ Веды и Готопадешу, написалъ нѣсколько статей по фонетикѣ, нѣсколько статей по фольклору. Интересовался онъ въ частности романскими нарѣчіями.

Среди его статей по обилію фактовъ выдается статья о кузнечномъ промыслѣ у аріевъ. Къ италіанской литературѣ относится статья о вліяніи Петрарки и Данта на Коллара, небольшая по объему, но вполнѣ достаточная, чтобы судить объ характерѣ эрудиціи и основательной методологіи автора. Въ статьѣ обнаруживается самостоятельное изученіе Петрарки и Данта въ оригиналѣ, умѣлое пользованіе сравнительнымъ методомъ и серіозная научная подготовка. Въ пользу научнаго достоинства сочиненій г. Коваржа говоритъ помѣщеніе ихъ въ лучшихъ чешскихъ журналахъ Listy Philologickie и Narodopisny Sbornik.

Въ 1891 г. К. прислалъ мнѣ два письма, по поводу предполагавшагося тогда имъ перехода въ Харьковъ на свободную лектуру италіанскаго языка. Изъ этихъ писемъ видно, что Коваржъ не совсѣмъ хорошо владѣлъ русскимъ языкомъ, но уже читалъ и писалъ по русски, и стремился къ дальнѣйшему усовершенствованію. Въ письмахъ ярко выступаетъ широкое и разностороннее научное образованіе Коваржа». Память покойнаго была почтена вставаніемъ.

8) Рефератъ *В. А. Уляницкаго* «Къ исторіи возникновенія русскаго консульскаго института».

Референтъ, указывая на причины возникновенія консульствъ на Западѣ, обратился къ разсмотрѣнію причинъ, вызвавшихъ эти консульства въ Россіи. Начало института консульства въ извѣстныхъ опредѣленныхъ нормахъ референтъ возводитъ лишь ко второй половинѣ XVII вѣка. Характеризуя подробно функціи и обязанности русскихъ консуловъ, референтъ опредѣляетъ существенное отличіе ихъ отъ западно-европейскихъ: «западно-европейскія консульства были учрежденіями государственными, но предназначенными для интересовъ народной внѣшней торговли, которые въ это время пріобрѣли государственный характеръ; русскія консульства были учрежденіемъ даже не государственнымъ, а правительственнымъ, предназначеннымъ лишь въ идеѣ для интересовъ государственныхъ, для интересовъ народной внѣшней торговли; но въ дѣйствительности, въ силу особенностей русской жизни, они сдѣлались органами лишь фискальныхъ интересовъ государства». Остановившись далѣе подробно на организаціи торговыхъ агентствъ и консульствъ при Петрѣ Великомъ, В. А. Уляниц-

кій отмѣтилъ ту культурную роль, которую при ограниченныхъ даже задачахъ съигралъ консульскій институтъ для Россіи.

Въ обсужденіи реферата приняли участіе: В. И. Савва, Н. А. Максимейко, М. Г. Халанскій.

9) Рефератъ *Д. П. Миллера* «Къ біографіи В. Н. Каразина».

Референтъ подробно остановился на эпизодѣ—ареста основателя Харьковскаго университета В. Н. Каразина въ 1820 году и шестимѣсячнаго заключенія его въ Шлиссельбургской крѣпости. Причина этого ареста—неправильно возведенное на него обвиненіе—въ авторствѣ пасквиля, найденнаго въ казармахъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, въ которыхъ въ октябрѣ мѣсяцѣ указаннаго года вспыхнулъ бунтъ. «Подозрѣніе, что Семеновская исторія—дѣло радикаловъ—по словамъ референта, получило твердое основаніе, когда въ Тропау (гдѣ въ это время находился государь) доставлена была возмутительная прокламація по адресу преображенцевъ. «Demagogie» дѣйствительно существовала въ Петербургѣ, а демагогъ—авторъ прокламацій, конечно, безпокойный Каразинъ: его вѣдь почеркъ, его и стиль. А если даже и не онъ, что нужды? при генеральномъ зараженіи умовъ оставлять такого безпокойнаго человѣка на свободѣ—значитъ подносить факелъ къ пороховому ящику. И участь безпокойнаго человѣка была рѣшена. О душевномъ состояніи Каразина въ мѣсяцы заключенія его въ крѣпости и въ первое время послѣ освобожденія изъ оной—прекрасно говорятъ письма его, адресованныя имъ изъ Харькова кн. Кочубею. Эти письма въ полномъ видѣ становятся извѣстными, какъ и всѣ подробности эпизода изъ біографіи Каразина,—впервые въ рефератѣ Д. П. Миллера.

10) Сообщеніе г. предсѣдателя о предстоящихъ выборахъ новыхъ членовъ Общества: А. П. Кадлубовскаго и В. А. Уляницкаго. По произведенной баллотировкѣ — А. П. Кадлубовскій (16 изб., 2 неизб.) и В. А. Уляницкій (16 изб., 1 неизб.) избраны въ члены Общества.

11) Сообщеніе предсѣдателя о предложеніи темъ сочиненій на премія имени Потебни.

Постановили: оставить ту-же тему, что была предложена въ прошломъ году.

IV.

16 Декабря 1899 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ — члены: Д. И. Багалѣй, В. П. Бузескулъ, А. С. Вязигинъ, Н. К. Грунскій, Гредескулъ, Г. Ю. Ирмеръ, А. Ѳ.

Котовъ, А. С. Лебедевъ, М. Д. Линда, Б. М. Ляпуновъ, Н. А. Максимейко, М. А. Масловъ, Д. П. Миллеръ, В. И. Савва, Е. П. Трифильевъ, М. Г. Халапскій, гости: о. Филевскій, о. Стефанъ Любицкій, г. Ястржемскій.

Слушали:

1) Сообщеніе г. Предсѣдателя о печатаніи XII-го тома Сборника и VI выпуска трудовъ Педагогическаго отдѣла.

Постановили: печатаніе и выпускъ въ свѣтъ разрѣшить.

2) Сообщеніе о посылкѣ депутатовъ Общества на Предварительный комитетъ по XII археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

Постановили: просить быть депутатами Общества: Д. И. Багалѣя, А. С. Лебедева, Н. Ѳ. Сумцова, А. С. Вязигина, С. В. Соловьева, Е. К. Рѣдина; а въ мѣстномъ комитетѣ по тому-же съѣзду: Н. И. Аляфритскаго, А. В. Ветухова, Д. П. Миллера, М. Д. Линду, М. М. Плохинскаго, Е. П. Трифильева, Н. А. Федоровскаго, А. Я. и П. С. Ефименко, А. Ѳ. Котова, Н. А. Максимейко, о. Филевскаго.

3) Протоколы ревизіонной комиссіи по денежному отчету Общества за $18^{98}/_{99}$ годъ.

Постановили: принять къ свѣдѣнію, и приложить къ документамъ Общества.

4) Предложеніе объ избраніи въ члены Общества преподавателя Танкова, изслѣдователя древностей Курской губ.

Постановили: произвести выборы въ слѣдующемъ засѣданіи.

5) Рефератъ *Е. К. Рѣдина* «Памяти проф. Э. Добберта». Э. Доббертъ, профессоръ по каѳедрѣ исторіи искусствъ въ Берлинской академіи художествъ и высшей технической школѣ, оставилъ крупный слѣдъ въ исторической наукѣ своими многочисленными трудами, большая часть которыхъ посвящена исторіи византійскаго искусства. Несмотря на нѣмецкое происхожденіе, проф. Доббертъ, по воспитанію первоначальному и высшему образованію (родился въ С.-Петербургѣ, гдѣ и учился, слушалъ лекціи въ дерптскомъ и др. университетахъ), принадлежитъ Россіи, связи съ которой по своимъ научнымъ симпатіямъ не прерывалъ; онъ въ своихъ трудахъ отчасти знакомилъ западно-европейское общество съ современной и прошлой культурой Россіи, съ трудами русскихъ ученыхъ въ спеціальной области его занятій. Память покойнаго почтена была вставаніемъ.

6) Рефератъ *Д. И. Багалѣя* «О просвѣтительной дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія въ 1815—35 г.».

Референтъ, познакомивъ съ настроеніемъ и взглядами Императора Александра I-го въ эпоху послѣ отечественной войны, а равно высшаго общества, обратился къ характеристикѣ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія указаннаго времени, и его представителей въ лицѣ Магницкаго, Рунича, кн. Голицына, Шишкова, Ливена, гр. С. С. Уварова. Рефератъ представляетъ собою первую главу 2-го тома исторіи Харьковскаго университета, составляемой проф. Д. И. Багалѣемъ, какъ введеніе къ тому очерку дѣятельности представителей университета, который составитъ содержаніе послѣдующихъ главъ.

7) Рефератъ *А. С. Вязигина* «О книгѣ барона Таубе, Принципы мира и права въ международныхъ столкновеніяхъ среднихъ вѣковъ. Харьковъ, 1899».

Референтъ обратилъ главное вниманіе на разсмотрѣніе взглядовъ античной древности и христіанскихъ писателей на войну—съ цѣлью доказать, что древній міръ, вопреки бар. Таубе, не признавалъ войну нормальнымъ порядкомъ жизни человѣчества. Декретъ Граціана, въ которомъ бар. Таубе видитъ «памятникъ международнаго права, оставленный средними вѣками», повторяетъ буквально отцовъ церкви, усвоившихъ идеи стоиковъ и римскихъ юристовъ. Зародыши международнаго права существуютъ уже въ древнія времена и съ особою силою проявляются въ пору эллинизма. Бар. Таубе совершенно не критически усвоилъ мнѣніе проф. Мартенса, признанное спеціалистами «стоящимъ ниже диллетантскаго». Невѣрной исходной точкѣ зрѣнія соотвѣтствуетъ неправильность дальнѣйшаго изложенія. Такъ, напр., бар. Таубе невѣрно приписываетъ исключительному воздѣйствію церкви «Божій миръ», существующій и у языческихъ народовъ. Ссылаясь на новыя сочиненія, очевидно, извѣстныя ему по одному заглавію и относясь свысока къ своимъ предшественникамъ, бар. Таубе повторяетъ мнѣнія устарѣлыя и вышедшія изъ научнаго обихода. Обѣщая вести изслѣдованіе по сырому матеріалу памятниковъ, бар. Таубе въ сущности ограничивается пересказомъ пособій, ссылается на христоматію Стасюлевича, прибѣгаетъ къ авторитету Шатобріана. Отмѣченные недостатки, по мнѣнію референта, показываютъ, что диссертація бар. Таубе не стоитъ на высотѣ научныхъ требованій и не рѣшаетъ вопроса о зародышахъ международнаго права въ средніе вѣка: для окончательной разработки поднятыхъ авторомъ вопросовъ необходима дружная работа историковъ и юристовъ.

Въ обсужденіи рефератовъ приняли участіе: А. С. Лебедевъ, В. П. Бузескулъ, Н. А. Максимейко, Ястржемскій, М. Г. Халанскій, Е. М. Ивановъ, о. Филевскій.

V.

4 февраля 1900 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ—члены: Д. И. Багалѣй, В. П. Бузескулъ, А. С. Вязигинъ, А. В. Ветуховъ, А. Ѳ. Потебня, А. П. Кадлубовскій, М. Д. Линда, А. Д. Маляренко, Д. П. Миллеръ, Т. Н. Никитскій, С. В. Соловьевъ, І. Ѳ. Тихій.

Слушали:

1) Проектъ новаго устава общества.

Постановлено: по исправленіи и введеніи нѣкоторыхъ дополненій—представить на утвержденіе въ Министерство Народнаго Просвѣщенія.

2) Отношеніе общества любителей изученія Кубанской области—объ обмѣнѣ изданіями.

Постановили: обмѣниваться.

3) Просьбу Кишиневской общественной библіотеки о высылкѣ трудовъ общества.

Постановили: высылать.

4) Отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго общества о присылкѣ депутатовъ на Предварительный комитетъ по XII съѣзду.

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

5) Отношеніе редакціи Кіевскихъ университетскихъ извѣстій объ обмѣнѣ изданіями.

Постановили: обмѣниваться

6) Увѣдомленіе г. Короленко о присылкѣ въ даръ его книги «Некрасовскіе казаки».

Постановили: жертвователя благодарить, книгу передать въ библіотеку общества.

7) Отношеніе редакціи журнала «Бѣлгарска сбирка» объ обмѣнѣ изданіями.

Постановили: обмѣниваться.

8) Благодарность Историко филологическаго института князя Безбородко за высланный обществомъ 8-й томъ «Сборника».

9) Сообщеніе предсѣдателя о предстоящихъ выборахъ въ члены общества г. Танкова. По произведеніи баллотировки г. Танковъ избранъ въ члены Общества (14 изб., 1 не избир.).

10) Докладъ *Д. П. Миллера* «Новыя данныя къ біографіи В. Н. Каразина».

Эти данныя касаются событій изъ его жизни вскорѣ послѣ заключенія въ Шлиссельбургъ, изъ періода, когда онъ жилъ въ Кручикѣ, обязанный подпиской ничѣмъ не интересоваться къ нему не относящимся. Но ничто, какъ извѣстно, не могло заглушить въ Каразинѣ интереса къ общественнымъ дѣламъ: и сидя въ подневольномъ пребываніи къ Кручикѣ, онъ издаетъ рукописный журналъ подъ названіемъ «Гражданинъ вѣрноподданный». Какъ видно изъ документовъ, открытыхъ референтомъ въ архивѣ дѣлъ канцеляріи харьковскаго губернатора, одинъ изъ номеровъ этого журнала, въ которомъ затрогивались мѣропріятія тогдашняго губернатора, кн. П. И. Трубецкаго, былъ посланъ Каразинымъ послѣднему. Въ результатѣ—отобраніе новой подписки съ Каразина, чтобы онъ впредь не осмѣливался доставлять журналовъ или писемъ, для чтенія которыхъ при исполненіи губернаторомъ обязанностей—онъ не можетъ и не желаетъ безполезно тратить время; въ противномъ случаѣ—будетъ представлено высшему начальству о поступленіи съ нимъ, какъ съ ослушникомъ здѣшней власти по всей строгости существующихъ постановленій.

Въ обсужденіи доклада приняли участіе Д. И. Багалѣй, Е. М. Ивановъ, при чемъ было указано на неизданные матеріалы къ біографіи Каразина.

Согласно предложенію Д. И. Багалѣя, рѣшено:

Къ столѣтнему юбилею Харьковскаго университета издать всѣ письма, сочиненія и проекты В. Н. Каразина; образовать для собиранія матеріала коммиссію изъ членовъ Д. И. Багалѣя, Д. П. Миллера, Е. М. Иванова, А. С. Лебедева, Н. О. Куплеваскаго, и другихъ лицъ, которыя пожелаютъ присоединиться къ нимъ.

11) Докладъ *Н. Θ. Сумцева* «О романѣ Мережковскаго—Воскресшіе боги. Леонардо-да Винчи».

Докладчикъ находитъ въ романѣ множество недостатковъ и въ отступленіи отъ исторической правды, и въ способѣ построенія его, и въ языкѣ.

Въ обсужденіи доклада приняли участіе В. П. Бузескулъ, Д. П. Миллеръ, Д. И. Багалѣй, при этомъ были затронуты принципіальные вопросы—о задачахъ историческаго романа, о границахъ поэзіи и дѣйствительности въ такомъ романѣ, о характеристикѣ эпохи Возрожденія, какъ она дана у Мережковскаго и какъ она можетъ быть дана на основаніи научнаго изученія ея.

VI.

3-го марта 1900 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ Н. Θ. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ — члены: Н. И. Алякритскій, Д. И. Багалѣй,

В. П. Бузескулъ, А. В. Ветуховъ, А. С. Вязигинъ, Г. Э. Гинце, М. Д. Линда, М. А. Масловъ, М. М. Плохинскій, С. В. Соловьевъ, Е. П. Трифильевъ, Н. А. Өедоровскій, Е. М. Ивановъ, М. С. Дриновъ, Н. К. Грунскій, Г. Ю. Ирмеръ, А. С. Лебедевъ, Д. П. Миллеръ, Т. Н. Никитскій.

Слушали:

1) Сообщеніе г. предсѣдателя о планѣ устройства этнографической выставки при XII археологическомъ съѣздѣ.

Постановили: образовать подъ предсѣдательствомъ А. Н. Краснова коммиссію по устройству указанной выставки—изъ членовъ Общества и тѣхъ лицъ, которыя будутъ привлечены для этого дѣла.

2) Сообщеніе предсѣдателя о дѣлѣ по передачѣ библіотекѣ педагогическаго отдѣла Общества части библіотеки упраздненной Краснослободской прогимназіи.

Постановили: обратиться съ соотвѣтствующимъ ходатайствомъ къ г. попечителю Харьковскаго Учебнаго Округа.

3) Сообщеніе предсѣдателя о новомъ помѣщеніи историческаго архива Общества.

Постановили: выразить благодарность правленію университета за предоставленіе Обществу указаннаго помѣщенія и за устройство для него обстановки; разрѣшить расходъ въ 58 руб. на устройство витринъ для выставки археологическихъ предметовъ.

4) Предложенія Д. И. Багалѣя: 1) объ обращеніи къ правленію университета съ ходатайствомъ—передачи историческому архиву Общества рукописей профессоровъ первыхъ годовъ дѣятельности университета и всѣхъ тѣхъ, что будутъ открываться въ университетскомъ архивѣ,—для образованія т. о. коллекціи автографовъ мѣстныхъ дѣятелей; 2) объ обращеніи въ правленіе университета съ ходатайствомъ предъ губернскимъ правленіемъ о передачѣ изъ губернскаго архива—въ историческій архивъ «экономическихъ примѣчаній» по Харьковской губ., весьма цѣннаго матеріала 18—19 в.в. для историко-географическаго описанія губерніи.

Постановили: обратиться съ указанными ходатайствами въ правленіе университета.

5) Отношеніе г. Харьковскаго губернатора о сообщеніи свѣдѣній объ архивѣ Общества для передачи ихъ Московскому археологическому Обществу, собирающему подобныя свѣдѣнія для составленія особаго обзора объ архивахъ.

Постановили: ходатайствовать предъ г. губернаторомъ о предоставленіи Обществу всего того матеріала, что будетъ собранъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ въ видѣ свѣдѣній объ архивахъ и вообще о собраніяхъ дѣлопроизводства прошлыхъ лѣтъ, хранящихся въ различныхъ учрежденіяхъ Харьковской губ., съ тѣмъ, чтобы произвести систематическую, научную разработку его и представить оную XII археологическому съѣзду.

6) Письмо землемѣра Е. А. Мандрыкина съ заявленіемъ тѣхъ историко-археологическихъ вопросовъ, на которые имъ могутъ быть даны Обществу отвѣты.

Постановили: благодарить г. Мандрыкина за предложеніе и просить о письменномъ сообщеніи отвѣтовъ.

7) Предложеніе предсѣдателя объ иллюстраціи статей «Сборника» и «Трудовъ» отдѣла.

Постановили: заказать эти иллюстраціи, согласно желанію авторовъ, и сообразуясь съ средствами Общества.

8) Письмо проф. Всев. Миллера съ выраженіемъ благодарности Обществу за привѣтъ, посланный ему по случаю тридцатилѣтія его ученой дѣятельности.

9) Отношеніе Кишеневской Общественной библіотеки съ благодарностью за высланый 5-й вып. «Трудовъ» Педагог. отдѣла, и съ просьбой о высылкѣ первыхъ трехъ выпусковъ.

Постановили: исполнить просьбу.

10) Отношеніе Виленской коммиссіи для разбора изданія древнихъ актовъ съ увѣдомленіемъ о высылкѣ XXVI тома актовъ.

Постановили: благодарить.

11) Отношеніе Уральскаго Областного статистическаго комитета съ увѣдомленіемъ о высылкѣ «Памятной книжки» и Адресъ-Календаря на 1900 г. и съ предложеніемъ обмѣна изданіями.

Постановили: обмѣниваться изданіями.

12) Рефератъ *Д. И. Багалѣя* «Изъ исторіи Харьковскаго университета».

Референтъ далъ обзоръ дѣятельности попечителя Харьковскаго учебнаго округа З. Я. Карнѣева (1817—1822), извѣстнаго массона и мистика; при этомъ референтъ подробно охарактеризовалъ личность Карнѣева, и остановился на его мѣропріятіяхъ по отношенію къ университету, по водворенію въ немъ просвѣщенія, и истиннаго благочестія—въ духѣ господствовавшаго въ то время мистически-духовнаго направленія; и

объ тѣхъ результатахъ, къ которымъ привели эти мѣропріятія: общій упадокъ университета.

13) Рефератъ *Н. Ѳ. Сумцова* «О картинахъ XVI вѣка».

Референтъ спеціально коснулся одной картины Лондонской національной галлереи «Христосъ и фарисеи». Вопреки мнѣнію, по которому эта картина приписывается Луини, референтъ считаетъ возможнымъ, исходя изъ наставленія Леонардо да Винчи въ его трактатѣ о живописи-какъ нужно рисовать лицо, обращающееся съ рѣчью къ окружающимъ и замѣчая нѣкоторыя детали этого наставленія въ указанной картинѣ, отнести послѣднюю именно къ произведеніямъ да Винчи.

Референтомъ попутно была охарактеризована замѣчательная личность эпохи возрожденія — Изабелла д'Эсте.

14) Сообщеніе предсѣдателя объ изданіи въ свѣтъ программъ по собиранію свѣдѣній и матеріаловъ къ XII археологическомъ съѣзду, и о составленіи сборника статей по археологіи, и объ изданіи въ XII томѣ «Сборника» изслѣдованія о Леонардо да-Винчи.

Постановлено: всѣ эти изданія и сочиненія напечатать и выпустить въ свѣтъ.

VII

26 апрѣля 1900 года.

Совмѣстно съ членами предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ.

Д. И. Багалѣй сказалъ рѣчь «о значеніи будущаго археологическаго съѣзда для археологіи мѣстнаго края».

Е. К. Рѣдинъ прочелъ докладъ «Памятники церковныхъ древностей Харьковской губ.»

Н. А. Федоровскій прочелъ докладъ «О древностяхъ, находимыхъ близь села Райгородка».

М. Г. Халанскій прочелъ докладъ «О нѣкоторыхъ предметахъ древности, на которые желательно обратить вниманіе археологическаго съѣзда въ Харьковѣ».

Подробный отчетъ о засѣданіи см. въ «Трудахъ предварительнаго комитета» («*Запис. Импер. Харьковс. Унив.* 1900 г., вып. IV).

Отчетъ Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ

За 1900—1901 годъ.

а) ДЕНЕЖНЫЙ ОТЧЕТЪ.

Остатокъ отъ предыдущаго года	384	р.	14 к.
Приходу: по продажѣ изданій	217	»	53 »
» членскихъ взносовъ И. Ф. О. и П. О.	221	»	— »
Всего	822	р.	67 к.
Расходы: по изданію XII т. «Сборника» тип. кн. Гагарина	200	р.	70 к.
» за бумагу Токареву	56	»	43 »
» клише для г. Янжула	10	»	15 »
» Николаю Чудному	20	»	— »
» по засѣданіямъ И. Ф. О. (8) и П. О. (7)	33	»	85 »
» по архиву	101	»	41 »
» мелкіе расходы, телеграммы, почтовые и др.	19	»	46 »
Всего	442	р.	— к.
Остатокъ на 1901—1902 г.	380	р.	67 к.
Всего	822	р.	67 к.

б) ОБЩІЙ ОТЧЕТЪ

о дѣятельности Общества за 1900—1901 г.

(Двадцать четвертый годъ) [1].

Въ отчетномъ году Общество имѣло всего 8 засѣданій: 21 сентября, 29 ноября, 14 января, 8 февраля, 21 февраля, 22 марта, 27 апрѣля, 31 мая.

[1]) Составленъ секретаремъ Е. К. Рѣдинымъ.

Въ этихъ засѣданіяхъ были прочтены слѣдующіе рефераты:

1) *Н. Ѳ. Сумцова* «Памяти П. А. Гинкина» (І-е засѣд.).

2) *В. П. Бузескула* «Памяти Шеффера» (І-е засѣд.).

3) *В. П. Бузескула* «Памяти Вл. Соловьева» (І-е засѣд.).

4) *В. П. Бузескула* «Объ Адольфѣ Гольмѣ» (І-е засѣд.).

5) *Н. Ѳ. Сумцова* «Памяти Шеина» (І-е засѣд.).

6) *Н. Ѳ. Сумцова* «О поэзіи гр. А. К. Толстого» (І-е засѣд.).

7) *Д. И. Багалѣя* «Планъ исторіи г. Харькова» (І-е засѣд.).

8) *М. Г. Халанскаго* «О географическихъ названіяхъ въ былинѣ про Соловья Будимировича» (ІІ-е засѣд.).

9) *Л. Ю. Шепелевича* «О русскихъ переводахъ Донъ-Кихота Сервантеса» (ІІ-е засѣд.).

10) *Д. И. Багалѣя* «Изъ исторіи Харьковскаго Университета» (ІІІ-е засѣд.).

11) *Н Ѳ Сумцова* «О трудахъ Д. И. Каченовскаго по исторіи искусства» (ІІІ-е засѣд.).

12) *Н. Ѳ. Сумцова* «Къ двадцатипятилѣтію историко-филологическаго Общества» (ІѴ-е засѣд.).

13) *Н. Ѳ. Сумцова* «Новые матеріалы для біографіи И. Е. Бецкаго» (ІѴ-е засѣд.).

14) *Н. Ѳ. Сумцова* «Стихотвореніе Шевченка «Солнце заходыть» въ сравнительно-литературной обстановкѣ» (ІѴ-е засѣд.).

15) *М. Г. Халанскаго* «Былины о гибели богатырей» (Ѵ-е засѣд.).

16) *А. П. Кадлубовскаго* «Легенда о чудѣ съ еретикомъ священникомъ въ житіи Іосифа Волоцкаго» (Ѵ-е засѣд.).

17) *Е. К. Рѣдина* «Икона «Недреманное око» (Ѵ-е засѣд.).

18) *Е. П. Трифильева* «Къ біографіи В. Н. Каразина. Попытки бѣгства его заграницу» (ѴІ-е засѣд.).

19) *Е. К. Рѣдина* «И. Е. Бецкій и музей изящныхъ искусствъ и древностей Харьковскаго университета» (ѴІ-е засѣд.).

20) *И. Н. Миклашевскаго* «Сводная вѣдомость городовъ Россіи въ рукописи общаго архива министерства двора (ѴІІ-е засѣд.).

21) *М. С. Дринова* «Шестодневъ Іоанна экзарха Болгарскаго въ рукописи П. А. Овчинникова» (ѴІІ-е засѣд.).

22) *Е. К. Рѣдина* «О миніатюрахъ Шестоднева Іоанна экзарха Болгарскаго въ рукописяхъ П. А. Овчинникова, Румянцевской Публичной библіотеки и Императорской Публичной библіотеки» (ѴІІ-е засѣд.).

23) *Ѳ. Л. Германа* «Врачебный бытъ въ Россіи въ первой половинѣ XѴII вѣка» (ѴІІ-е засѣд.).

24) *Е. П. Трифильева* «О письмахъ А. Д. Меньшикова» (VIII-е засѣд.).

Въ отчетномъ году Общество принимало участіе — посылкой привѣтствій — въ праздновании юбилеевъ ученой дѣятельности проф. Д. И. Анучина, акад. Сухомлинова, акад. Ягича, Петрушевича и Миличевича.

Общество принимало ближайшее участіе въ трудахъ Харьковскаго предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда. Ко времени съѣзда оно постановило подготовить и уже подготовляетъ изданіе тома, посвященнаго спеціально археографическимъ и археологическимъ изслѣдованіямъ и матеріаламъ; оно постановило образовать при своемъ Историческомъ архивѣ еще спеціальный этнографическій музей, основаніемъ котораго послужатъ матеріалы, пріобрѣтенные на средства, ассигнованныя Харьковскимъ губернскимъ земствомъ. Общество къ столѣтнему юбилею Харьковскаго университета подготовляетъ матеріалъ для изданія всѣхъ писемъ, сочиненій, проектовъ В. Н. Каразина и входитъ въ правленіе университета съ просьбой объ ассигнованіи средствъ на указанное изданіе.

Общество въ виду расширенія его дѣятельности и его Педагогическаго отдѣла и недостатка средствъ на изданіе трудовъ и научныхъ матеріаловъ его членовъ обратилось въ Министерство Народнаго Просвѣщенія съ ходатайствомъ объ оказаніи ежегодной субсидіи, кромѣ отпускаемой университетомъ, въ размѣрѣ 800 руб.

Въ отчетномъ году Общество завязало сношенія и обмѣнъ изданіями съ слѣдующими Обществами и редакціями:

Императорскимъ Русскимъ Археологическимъ Обществомъ, Коммиссіей по устройству Донского музея, Обществомъ Ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія, съ Педагогическимъ Обществомъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, съ «Литературнымъ Вѣстникомъ», «Древнимъ міромъ». Общество получило пожертвованія въ видѣ рукописей, книгъ, архивныхъ документовъ отъ г-жи Вольвачевой, свящ. Петра Мухина, А. И. Кирпичева, В. К. фонъ-Анрепа, М. М. Плохинскаго, А. М. Покровскаго, П. В. Иванова, А. А. Шретера, акад. Латышева, Комитета по сооруженію памятника В. Н. Каразину.

Въ свою очередь Общество жертвовало свои изданія въ отвѣтъ на просьбы: Публичнымъ библіотекамъ — Елизаветградской, Владимірской, Кіевской, Галицкой церковно-приходской школѣ.

На соисканіе преміи имени А. А. Потебни было представлено сочиненіе «Жизнь и сочиненія Плавильщикова», каковой и удостоенъ авторъ

его, студентъ 5-го семестра историко-филологическаго факультета, П. П. Веретенниковъ.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ въ отчетномъ году Педагогическимъ отдѣломъ Общества было устроено шесть публичныхъ лекцій, прочитанныхъ членами Общества и отдѣла (см. подробный отчетъ въ 7 вып. «Трудовъ» отдѣла).

Въ отчетномъ году выпущенъ въ свѣтъ VII-й выпускъ «Трудовъ» Педагогическаго отдѣла и подготовляется 13-й томъ «Сборника» ко времени открытія XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ.

СОСТАВЪ ОБЩЕСТВА:

Предсѣдатель Николай Ѳеодоровичъ Сумцовъ.
Секретарь Егоръ Кузьмичъ Рѣдинъ.
Завѣдующій Историческимъ отдѣломъ Дмитрій Ивановичъ Багалѣй.
Архиваріусъ: Евгеній Михайловичъ Ивановъ.
Ревизіонная коммиссія: Н. И. Алякритскій, Н. О. Куплевасскій, Г. Ѳ. Шульцъ.

Въ члены Общества въ отчетномъ году избраны:

1) Леонъ Михайловичъ Шахъ-Пароніанцъ 29 ноября 1900 г.
2) Александръ Васильевичъ Ордынскій » » »
3) Николай Захаровичъ Виноградовъ » » »
4) Войниловичъ 27 апрѣля 1901 г.

в) ОТЧЕТЪ

по устройству лекцій членовъ Историко-Филологическаго Общества и Педагогическаго Отдѣла въ 1900—1901 г.

ПРИХОДЪ:

1.	Лекція Л. Ю. Шепелевича	66 р. 65 к.
2.	» Н. А. Федоровскаго	25 » 50 »
3 и 4.	» Н. И. Аляктритскаго	180 » 35 »
5.	» Н. К. Групскаго	77 » 25 »
6.	» М. А. Маслова	87 » 41 »
	Всего	437 р. 16 к.
	Остатокъ 1899/1900 г.	98 р. 22 к.
	Итого	535 р. 38 к

РАСХОДЪ:

1. Объявленія въ газетахъ	15 р.	— к.
2. Служителямъ	51 »	22 »
3. Электрическое освѣщеніе	30 »	— »
4. Типографіи за афиши, билеты	50 »	— »
5. Картины къ фонарямъ	110 »	88 »
6. Мелкіе расходы	22 »	19 »
7. Правленію университета за разбитое зеркало	120 »	— »
Всего	399 р.	29 к.
Остатокъ на 1901/1902 г.	136 р.	9 к.
Всего	535 р.	38 к.

г) ОТЧЕТЪ

Историческаго Архива за 1900—1901 акад. годъ

(Съ 1 сент. 1900 по 1 сент. 1901 г.).

Въ отчетномъ году продолжалось подробное описаніе дѣлъ Харьковскаго отдѣленія Архива. Въ настоящее время описано 226 дѣлъ, заключающихъ въ себѣ 35670 архивныхъ листовъ; изъ нихъ 38 дѣлъ, объемомъ въ 3520 листовъ, приходится на отчетный годъ. Къ этой описи составленъ указатель личный, географическій и предметный.

За отчетный годъ Архивъ обогатился слѣдующими пріобрѣтеніями: изъ Сенатскаго Архива прислано 1670 дѣлъ Министерства Юстиціи; отъ г. Бородаевскаго поступили его фамильныя бумаги (главнымъ образомъ земельные документы XVIII в.); отъ г-жи Вольвачевой—«рукописи беллетристическаго содержанія на малорусскомъ языкѣ» (въ запечатанныхъ конвертахъ, съ условіемъ вскрыть ихъ по истеченіи 10-лѣтняго срока); отъ свящ. о. Петра Мухина (чрезъ посредство Е. М. Иванова) поступили двѣ рукописи XVIII в.—«скитское покаяніе» и «Сказаніе о страданіяхъ Христа»; отъ М. М. Плохинскаго—отчеты объ осмотрѣ училищъ Орловской дирекціи за 1855—59 г.г.; отъ А. М. Покровскаго—3 документа XVIII в.

Библіотека Архива, пополняемая исключительно путемъ пожертвованій и обмѣна на изданія Общества, возросла въ настоящее время до 3249 томовъ. Въ истекшемъ году въ библіотеку прислали свои изданія слѣдующія ученыя Общества и учрежденія: университеты Варшавскій, Кіевскій, Харьковскій и Казанскій—свои «Записки» и «Извѣстія»; Импе-

раторская Академія Наукъ—Сборникъ отдѣленія русскаго яз. и словесности; Императорское Московское Археологическое Общество свои «Труды»; Императорское Русское Археологическое Общество—свои «Извѣстія»; Московское Общество исторіи и древностей россійскихъ—свои «Чтенія»; Отдѣленіе этнографіи Императ. Русск. Географ. О-ства—«Живую Старину; Виленское Церковно-Археологическое О-ство—Историко-Археологическій Сборникъ; Историко-филологическій фак. С.-Петербургскаго у-та—свои «записки»; Учено-Литературное О-ство при Импер. Юрьевскомъ у-тѣ—«Сборникъ»; Церковно-Археологическое О-ство при Кіевской Духовной Академіи—«Чтенія»; Виленская Археографическая Коммиссія—«Акты»; Подольскій Епархіальный Историко-Статистическій Комитетъ—свои «Труды»; Общество любителей древней письменности—свои «Памятники»; Общество археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ—свои «Извѣстія»; Матица Српска—свою «Лѣтопись»; Towarzystwo ludosnawcze—свой органъ «Lud»; Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands—«Sitzungsberichte»; Národopisná Spolĉnost Ĉeskoslovanska—Národopisny Sbornik»; Русскій Археологическій Институтъ въ Константинополѣ—свои «Извѣстія»; Русское Библіологическое О-ство—«Литературный Вѣстникъ»; Общество изученія Амурскаго края—свои «Записки»; Черниговская Губернская Земская Управа—Земскій Сборникъ; Сыръ-Дарьинскій Областной Статистическій Комитетъ—Сборникъ статистическихъ матеріаловъ; Тамбовская, Рязанская, Владимірская, Ярославская и Оренбургская ученыя архивныя комиссіи свои «Труды» и «Извѣстія»; Воронежская, Елисаветградская и Харьковская Общественныя Библіотеки—годовые отчеты о своей дѣятельности.

Пожертвованія книгами поступили отъ слѣдующихъ лицъ: Е. К. Рѣдина, Б. Д. Гринченка, Ю. А. Яворскаго, М. М. Плохинскаго, Е. М. Иванова, М. А. Попова, В. Милорадовича, Я. Демченка и Д. Я. Самоквасова.

Съ цѣлью научной разработки матеріала Архивъ посѣщали: Д. П. Миллеръ, интересовавшійся вопросомъ о повинностяхъ мѣщанъ въ Старой Малороссіи и Т. М. Земичковскій, работавшій по исторіи Малороссійскихъ компанейскихъ полковъ. Присяжный повѣренный В. В. Гуровъ собиралъ матеріалы о старозаимочномъ землевладѣніи войсковыхъ обывателей Слободской Украйны. Г. Г. Метельскій, Федосенко, Иващенко и Любицкій розыскивали фамильные документы. Библіотекой пользовались работавшіе въ Архивѣ, члены Общества, студенты и др. лица, по рекомендаціи членовъ Общества.

ПРОТОКОЛЫ

Засѣданій Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ.

I.

21-го сентября 1900 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ члены: Н. И. Алякритскій, Д. И. Багалѣй, В. П. Бузескулъ, А. В. Ветуховъ, Г. Э. Гинце, А. П. Кадлубовскій, А. Ѳ. Котовъ, М. Д. Линда, Б. М. Ляпуновъ, М. А. Масловъ, Д. П. Миллеръ, Т. Н. Никитскій, Е. П. Трифильевъ, В. И. Савва, С. В. Соловьевъ, Н. А. Федоровскій Е. М. Ивановъ.

Слушали:

1) Слово г. предсѣдателя, посвященное памяти члена Общества Петра Акимовича *Гинкина*. Память покойнаго почтена вставаніемъ.

2) Слово *В. П. Бузескула*, посвященное памяти профес. Московскаго университета *Шеффера*, при этомъ были охарактеризованы его научные труды.

3) Слово *В. П. Бузескула*, посвященное памяти Владиміра *Соловьева*, при этомъ была охарактеризована личность покойнаго философа, какъ человѣка съ высокими стремленіями, чистотой души, врага насилій и гоненій, защитника свободы умственной и религіозной, какъ замѣчательнаго писателя, владѣвшаго прекрасно прозаической и стихотворной рѣчью, какъ публициста), критика литературы, переводчика Платона. Память Шеффера и Соловьева была почтена вставаніемъ.

4) Докладъ *В. П. Бузескула*, «объ Адольфѣ Гольмѣ» († 3 іюня 1900 г.). Докладчикъ указалъ на важнѣйшіе труды покойнаго историка («Исторія Сициліи», «Археологическая топографія Сиракузъ», «Греческая исторія», о монетномъ дѣлѣ у грековъ, исторія Любека и др.) и сдѣлалъ общую характеристику его, какъ историка древней Греціи.

5) Слово *Н. Θ. Сумцова*, посвященное памяти собирателя произведеній народнаго творчества *Шеина*. Память покойнаго была почтена вставаніемъ.

6) Докладъ *Н. Θ. Сумцова*, «о поэзіи гр. А. К. Толстого» [1]) (по поводу 25-лѣтія со дня его смерти).

Въ обсужденіи доклада приняли участіе—М. Г. Халанскій указалъ на реакціонный характеръ его стихотвореній сатирическаго направленія; В. П. Бузескулъ отмѣтилъ, что извѣстный историкъ Грегоровіусъ въ своихъ воспоминаніяхъ касается встрѣчи своей съ поэтомъ въ Италіи и отзывается о немъ съ удивленіемъ, какъ о его умѣ, такъ и художественномъ вкусѣ.

7) Докладъ *Д. И. Багалѣя*, «планъ исторіи города Харькова». Докладчикъ, указавъ на источники, послужившіе матерьяломъ для исторіи г. Харькова, подробно изложилъ планъ, по которому будетъ писаться эта исторія (три части, въ 1-й 12 главъ, во 2-й 37) Н. Θ. Сумцовъ и Д. П. Миллеръ сдѣлали нѣсколько замѣчаній, дополненій.

8) Списокъ членовъ, внесшихъ членскіе взносы за прошлый годъ: Г. Ю. Ирмеръ, Б. М. Ляпуновъ, І. Θ. Тихій, Т. Н. Никитскій, А. С. Вязигинъ, С. В. Соловьевъ, М. Д. Линда, Н. Е. Шевченко, Т. П. Короленко, П. В. Ивановъ, М. А. Масловъ, Н. П. Алякритскій, С. Н. Пономаревъ, Θ. Ю. Зелинскій, М. П. Савиновъ.

9) Письмо Ар. Ив. Мавродіоди, въ которомъ онъ сообщаетъ о присылкѣ Обществу учебника русскаго языка для поляковъ, въ которомъ имѣется на приклеенной къ книгѣ листахъ переводъ оды «Богъ» на латинскій языкъ съ припискою и подписью *Василія Каразина*.

Постановлено: книгу передать въ библіотеку Историко-Филологическаго Общества, а жертвователя благодарить.

10) Доклады о бумагахъ, поступившихъ со времени послѣдняго засѣданія:

1) *Извѣщеніе о присылкѣ Обществу изданій:* а) Земскаго Сборника Черниговской губ. за 1899 г. (№№ 6—12) и 1-й № за 1900 г., б) трудовъ Бессарабской Ученой Архив. Ком., т. I., в) «Лѣтопись» Матицы Сербской съ 1894 г., г) Отчетъ попечителя Кавказск. Учеб. Округа за 1899 г., д) «Сборникъ Матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области», т. 8-й; е) «Сборникъ», т. 107 Имп. Рус. Ист. Общества.

2) *Благодарность за присылки послѣднихъ изданій Общества:* а) попечителя Галицкой церковно-приходской церкви, б) Владимірской публичной Библіотеки.

---

[1]) Докладъ напечатанъ въ «Юж. Краѣ», 1900 г., № 6796.

3) *Просьба о присылкѣ изданій:* а) Елисаветградской Общественной Библіотеки б) Львовскаго этнографическаго Общества (въ обмѣнъ), в) Общества изученія Амурскаго края.

4) Увѣдомленіе правленія Харьковскаго университета о предоставленіи въ распоряженіе Общества оставшихся экземпляровъ «Пушкинскаго сборника».

5) Благодарность проф. Д. Анучина за поздравленіе Общества съ его научнымъ юбилеемъ.

6) Просьба Ласкина о цензурномъ разрѣшеніи къ печати его «Словаря древностей Константинополя».

7) Просьба Ковенскаго городского комитета попеч. о народ. трезвости сообщеній практическихъ свѣдѣній по устройству публичныхъ лекцій.

8) Сообщеніе Харьковскаго губернскаго правленія о передачѣ пр. Д. И. Багалѣю «экономическихъ примѣчаній по Харьковской губ.».

9) Счетъ Шереръ и Набгольцъ на 5 руб. за клише съ портретомъ П. А. Лавровскаго. *Постановили:* благодарить за присылку изданій, высылать въ обмѣнъ изданія Общества, отвѣтить г. Ласкину, что просьба его отклоняется за нахожденіемъ лицъ, которыя пожелали бы взять на себя трудъ просмотра его «Словаря». Уплатить по счету.

10) Заявленіе г. предсѣдателя о необходимости выборовъ предсѣдателя Общества и Секретаря.

Произведенной баллотировкой оказались избранными—въ предсѣдатели Н. Ө. Сумцовъ (14 изб., 3 не изб.) въ секретари—Е. К. Рѣдинъ.

11) Заявленіе г. предсѣдателя о необходимости уплаты типографіи по счетамъ за 12 т. «Сборника» и 6-й вып. «Трудовъ» Отдѣла.

Постановили: уплатить.

II.

29 ноября 1900 г.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ Н. Ө. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ—члены: Н. И. Алякритскій, Д. И. Багалѣй, В. П. Бузескулъ, А. В. Ветуховъ, Н. К. Грунскій, Г. Ю. Ирмеръ, М. Д. Линда, М. А. Масловъ, А. П. Кадлубовскій, М. Г. Халанскій, В. И. Харціевъ, Л. Ю. Шепелевичъ.

Слушали:

1) Слово Н. Ѳ. Сумцова—о годовщинѣ смерти А. А. Потебни. Память покойнаго была почтена вставаніемъ.

2) Отзывъ М. Г. Халанскаго о сочиненіи «Жизнь и сочиненія П. А. Плавильщикова», представленномъ на соисканіе преміи имени А. А. Потебни. Согласно отзыву—Общество присудило полную премію автору этого сочиненія, студенту 5-го семестра историко-филологическаго факультета *П. П. Веретенникову*.

На соисканіе преміи въ предстоящемъ году объявлены слѣдующія темы: 1) о стилѣ Гоголя, преимущественно гиперболѣ, 2) Отношеніе Жуковскаго къ Пушкину, 3) поэтическій процессъ творчества по произведеніямъ Гоголя, 4) Варваризмы въ литературѣ Петровскаго времени.

3) Докладъ Н. Ѳ. Сумцова денежнаго отчета по суммамъ Общества за 1899 1900 г., Е. К. Рѣдина общаго отчета дѣятельности за указанный годъ. Изъ этого отчета видно, что въ отчетномъ году Общество имѣло семь засѣданій, на которыхъ было прочитано двадцать рефератовъ; общество принимало участіе въ трудахъ московскаго предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ и принимаетъ ближайшее участіе въ трудахъ харьковскаго предварительнаго комитета, въ составъ котораго вошло большинство его членовъ; обществомъ избрана коммиссія по подготовкѣ матеріала для изданія всѣхъ сочиненій *В. Н. Каразина*—къ столѣтнему юбилею Харьковскаго университета. Въ отчетномъ году выпущенъ въ свѣтъ 12-й томъ «Сборника» общества и 6-й вып. «Трудовъ» педагогическаго отдѣла.

4) Докладъ *М. Г. Халанскаго* «О географическихъ названіяхъ въ былинѣ про Соловья Будимировича». Сравнивъ начало былины съ описаніемъ путешествія Даніила игумена въ Іерусалимъ, докладчикъ указалъ на сходство географическихъ названій въ былинѣ и въ «хожденіи»: Глухоморье соотвѣтствуетъ Лухоморье—берега и заливы Мраморнаго моря и Архипелага, Кодоньскій островъ—Петала или Кутала вблизи острова Мормора, Леванидовъ крестъ—св. крестъ на островѣ Крятѣ, Веденецкая земля—Венеціанская республика, владѣнія которой съ конца XV вѣка простирались до острова Кипра. Докладчикъ усматриваетъ въ запѣвѣ былины—вліяніе соотвѣтствующей части «хожденія». Затѣмъ докладчикъ перешелъ къ новымъ объясненіямъ названія «Леденецъ-городъ» гг. Милюкова и Хаждеу и указалъ на невозможность признать правильнымъ взглядъ какъ перваго, видящаго въ Леденцѣ—гор. Ревель, такъ и второго, видящаго въ томъ-же Леденцѣ—старый румынскій городъ Мелани на Дунаѣ.

5) Докладъ *Л. Ю. Шепелевича* «О русскихъ переводахъ Донъ-Кихота Сервантеса». Указавъ вначалѣ на переводы прошлаго вѣка, дѣлавшіеся съ французскихъ переводовъ (нѣкоторые считали даже автора французомъ—Михаилъ Сервантесъ), докладчикъ остановился на новѣйшихъ переводахъ Донъ-Кихота и спеціально—на переводѣ г. Корелина, пользующагося у насъ особенною популярностью (вышло 3-е изданіе) и считающагося «лучшимъ», «образцовымъ». По мнѣнію докладчика, переводъ этотъ не заслуживаетъ ни указанной популярности, ни славы «образцоваго». Переводъ изобилуетъ массою неточностей, произвольныхъ выпусковъ и добавленій, искажающихъ текстъ оригинала; къ тому же еще переводъ сдѣланъ съ изданія не критическаго, въ которомъ нѣкоторыя части сочиненія перепутаны; послѣ недавно вышедшаго изданія, уже критическаго, въ русской литературѣ долженъ былъ бы появиться не этотъ переиздаваемый безъ измѣненій устарѣвшій, изобилующій массой погрѣшностей переводъ г. Корелина, а новый, сдѣланный по новому изданію, непосредственно съ испанскаго.

На недостаточное знакомство г. Корелина съ произведеніями Сервантеса и его біографіею—было указано докладчикомъ на основаніи предисловія къ переводу, въ которомъ, напр., сообщается, что драмъ Сервантеса дошло до насъ только двѣ, тогда какъ ихъ извѣстно болѣе двадцати.

6) Предложеніе предсѣдателя о производствѣ выборовъ въ члены Общества, согласно заявленіямъ членовъ: Л. М. Шахъ-Паропіанца, А. В. Ордынскаго, Н. З. Виноградова.

Произведенной баллотировкой избранными оказались указанныя лица; (при чемъ первый получилъ 13 избират., 1 не изб.; второй 12 изб., 2 не изб.; третій 9 изб., 4 не изб.)

7) Докладъ секретаря о бумагахъ, поступившихъ со времени послѣдняго засѣданія:

а) Извѣщеніе о присылкѣ Обществу изданій:

1) В. В. Латышевымъ: Извѣстіе древнихъ писателей о Индіи и Кавказѣ, очеркъ греческихъ древностей, Сборникъ греческихъ надписей христіанскихъ временъ изъ южной Россіи; «На досугѣ». Переводъ изъ древнихъ поэтовъ.

2) Коммиссіей по устройству Донского музея. Свои изданія—по прилагаемому при семъ списку.

1. Статистическое описаніе земли Донскихъ казаковъ 1822 и 34 г.
2. Краткое Историческое и Статистическ. описаніе В. Д. 1887 г.
3. Историческая панихида на монастырскомъ уроч.—1899 г.
4. Статистическое Описаніе Обл. Войска Донского, изд. 1884 г.
5. Грамоты и регаліи, пожалов. Войску Донскому, изд. 1887 г.
6. Историч. свѣд. о станицѣ Верхпекурмоярской 1818 г. изд. 1886 г.
7. Матеріалы для исторіи Войска Донского (грамоты) изд. 1864 г.
8—11. Акты, относящіеся къ Исторіи Войска Донского, 4 кн., изд. 1891—94 г.

12. Труды Донского Статистич. Комитета, вып. II-й, изд. 1874 г.
13. Служба Донского войска въ связи съ его экономическ. положен., изд. 1899 г.
14. Къ вопросу, гдѣ была хазарская крѣпость «Саркелъ».
15. Памятная книжка О. В. Д. на 1900 г.

3) Уральскимъ статистическимъ комитетомъ — «Памятная книжка» на 1900 г.

4) Историко-филологическимъ Институтомъ князя Безбородко— XVIII т. «Извѣстій института».

5) Нѣжинскимъ Историко-филол. Инстит.—3 т. «Сборника» трудовъ.

6) Владимірской ученой Архивной коммиссіей—2 кн. трудовъ.

7) Учено-литер. Обществомъ при Юрьевскомъ университетѣ—3 вып. «Сборника».

8) Императорскимъ Русскимъ Археолог. Обществомъ своихъ изданій по прилагаемому при семъ списку.

---

1. Записки Общества новой серіи т. I—XI.
2. Записки Восточнаго Отдѣленія т. I—XII.
3. Труды Восточнаго Отдѣленія т. XX, XXI и XXII.
4. Записки Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи т. 3 и 4.
5. Рисунки Кіевскаго Софійскаго Собора вып. I—IV.
6. Труды II Археологическаго Съѣзда ч. 1 и 2 съ атласомъ.
7. Опись древнихъ рукописей, хранящихся въ Музеѣ Общества.
8. Археологическіе труды Оленина т. I в. 1 и 2, т. II.
9. Поѣздка въ Румелію.
10. Поѣздка изъ Румеліи.

11. О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Аѳинахъ.

12. Памятники церковныхъ древностей Нижегородской губерніи.

13. Описаніе Новгородскаго Софійскаго Собора.

14. Собраніе древнихъ памятниковъ искусства въ Павловскѣ.

15. Зодчество древняго Египта.

16. Жизнь и труды Савельева.

17. Библіографическое обозрѣніе трудовъ Общества.

18. Констанцскій Соборъ.

19. Inscriptiones Г. Латышева ч. 1 и 2.

20. Изслѣдованіе о Кассимовскихъ царяхъ и царевичахъ: ч. I, II, III и IV вып. 1.

21. Каталогъ Русскимъ медалямъ и монетамъ, хранящимся въ Музеѣ Общества.

22. Каталогъ Русскимъ монетамъ, хранящимся въ Музеѣ Общества.

23. Каталогъ Европейскихъ медалей и монетъ, хранящихся въ Музеѣ Общества.

24. Опись предметовъ, хранящихся въ Музеѣ Общества.

25. Очерки о жизни и дѣятельности Полѣнова.

26. Лубочныя картинки русскаго народа въ Московскомъ мірѣ.

27. Записки для обозрѣнія русскихъ древностей.

28. Сборникъ Греческихъ надписей христіанскихъ временъ изъ южной Россіи.

29. Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей.

30. Описаніе коллекціи Ивановскаго.

31. Извѣстія Общества т. IX (вып.) и X.

32. Описаніе Европейскихъ монетъ X, XI, XII в.в.

33. Собраніе надписей Рязанской Старины.

34. Труды Коммиссіи по производству химико-техническихъ анализовъ древнихъ бронзъ.

35. Указатель личныхъ именъ и прозваній.

36. Протоколы засѣданій Общества за 1898 и 1899 г.г.

37. Описаніе Ладожской крѣпости.

б) Благодарность за присылку послѣднихъ изданій Общества (XII т. Сбор.) Оренбургской Ученой Архивной Коммиссіи, Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи, Библіотеки земства Полтавской губерніи, Пр. Н. Короленки, Елисаветградской общественной Библіотеки, Русскаго Историческаго Общества.

9) Докладъ председателя о требованіи г. экзекуторомъ Университета отъ служителя Историческаго Архива Общества Н. Чудного—испол-

ненія имъ обязанностей дворника. Постановили: въ виду сложности обязанностей служителя архивнаго и невозможности исполненія имъ и обязанностей дворника отпускать ему ежемѣсячно по 1 руб. для уплаты замѣстителю по исполненію указанныхъ обязанностей дворника.

III.

14 января 1901 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ—члены: Д. И. Багалѣй, А. В. Ветуховъ, А. Ѳ. Котовъ, М. Д. Линда, М. А. Масловъ, Д. П. Миллеръ, Е. М. Ивановъ.

Слушали:

1) Докладъ *Д. И. Багалѣя*, главу изъ исторіи Харьковскаго университета, посвященную университетскому самоуправленію за періодъ 1815—1835 года. Докладчикъ весьма рельефно очертилъ общее направленіе въ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія и отраженіе его въ дѣлахъ, управленіи Харьковскимъ университетомъ. Онъ подробно остановился на дѣятельности совѣта университета, который, хотя и лишенъ былъ права самостоятельнаго выбора профессоровъ, но все же съ честью въ нѣкоторыхъ случаяхъ защищалъ свои права и по заслугамъ отклонялъ происки нѣкоторыхъ лицъ, желавшихъ попасть по рекомендаціямъ въ ученые дѣятели. Какъ на характерный фактъ, уясняющій положеніе и роль совѣта, докладчикъ указалъ далѣе на составъ почетныхъ членовъ университета, которые большею частію назначались непосредственно самими попечителями округа и принадлежали главнымъ образомъ къ кругу высшей родовитой аристократіи, или администраціи.

2) Докладъ *Н. Ѳ. Сумцова* «о трудахъ *Д. И. Каченовскаго* по исторіи искусства». Докладчикъ вначалѣ охарактеризовалъ замѣчательную личность покойнаго профессора юриста нашего университета, одареннаго лучшими умственными и душевными качествами.

Указавъ на широкіе интересы его не только въ своей спеціальной научной области, но и въ литературѣ, музыкѣ, искусствѣ, Н. Ѳ. Сумцовъ остановился подробно на трудахъ проф. Каченовскаго для университетскаго музея изящныхъ искусствъ: обогащеніе его спеціальной выпиской цѣнныхъ изданій по искусству, коллекціи слѣпковъ произведеній изъ слоновой кости Арунделев. общества, гипсовыхъ слѣпковъ «райскихъ» дверей Гиберти, составляющихъ украшеніе музея, и др. цѣнныхъ художественныхъ вещей.

Далѣе Н. Ѳ. Сумцовъ указалъ на характеръ и значенiе его статей и очерковъ по исторiи искусствъ—эпохи Возрожденія: о флорентiйской школѣ, о Микель-Анджело, и по искусству новаго времени, и на статьи публицистическаго характера.

3) Предложенiе Д. И. Багалѣя объ изданiи Обществомъ спецiальнаго тома трудовъ его членовъ и предварительнаго комитета къ предстоящему археологическому съѣзду; и его-же сообщенiе о собранiи имъ, какъ членомъ спецiальной коммиссiи, трудовъ В. Н. Каразина.

Постановлено—предназначить ближайшiй томъ спецiально для указанныхъ трудовъ съ посвященiемъ его археологическому съѣзду, и обратиться въ правленiе университета съ предложенiемъ объ изданiи трудовъ В. Н. Каразина къ столѣтiю основанiя университета.

4) Текстъ телеграммы, посланной на имя Галицко-Русской Матицы во Львовѣ—по поводу чествованiя галицко-русскаго историка, археолога и филолога А. С. Петрушевича—во исполненiе 6 (19) января его 80-лѣтiя:

«Харьковское Историко-филологическое Общество присоединяется къ чествованiю достопочтеннаго А. С. Петрушевича и шлетъ маститому юбиляру свои поздравленiя и наилучшiя пожеланiя».

5) Докладъ Секретаря Е. К. Рѣдина, о бумагахъ, поступившихъ со времени послѣдняго засѣданiя:

1) Благодарность А. В. Ордынскаго и Л. М. Шахъ Паронiанца за избранiе ихъ въ члены Общества.

2) Просьба о присылкѣ изданiй Общества:

а) Общества изслѣдователей Астраханскаго края, б) Кiевской городской публичной Библiотеки. Постановлено Обществу выслать „Сборникъ" съ 7-го тома, а Библiотекѣ также съ 7-го и труды Отдѣла съ 4 выпуска.

3) Предложенiе обмѣна изданiями:

а) Самарской Александровской публичной Библiотеки, б) Редакцiи Кiевскихъ Университетскихъ извѣстiй b) Редакцiи журнала «Литературный Вѣстникъ» г) Редакцiи «Извѣстiй Общества Археологiи, Исторiи и Этнографiи при Казанскомъ университетѣ» d) Варшавскихъ университетскихъ Извѣстiй.

4) Извѣщенiе Московскаго Архива Министерства Юстицiи и Императорскаго Археологическаго Общества о присылкѣ—первымъ книги: «Централизацiя Государственныхъ архивовъ, архивное дѣло на западѣ», вторымъ—IX тома записокъ Восточнаго Отдѣленiя.

Постановлено: благодарить.

5) Благодарность Общества Ревнителей Русскаго Историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III за 12 томовъ «Сборника».

IV.

8 февраля 1901 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ,—члены: А. В. Ветуховъ, А. Ѳ. Котовъ, Н. О. Куплеваскій, М. М. Плохинскій, Т. П. Никитскій, С. В. Соловьевъ, М. Г. Халанскій.

Слушали:

1. Сообщеніе г. предсѣдателя о привѣтствіяхъ, которыя были имъ произнесены отъ имени Общества: а) на торжествѣ освященія новаго зданія Харьковской Общественной Библіотеки, б) на торжественномъ собраніи открытія Юридическаго Общества при Университетѣ 4 февраля. Текстъ второй рѣчи при семъ приводится.

«Харьковское Историко-филологическое Общество съ чувствомъ живѣйшей радости привѣтствуетъ своего новорожденнаго университетскаго собрата. Историко-филологическое Общество существуетъ 25 лѣтъ, и имѣетъ слѣдовательно хронологическое право на такое привѣтствіе. Важнѣе еще то обстоятельство, что это Общество въ теченіе всего времени своего существованія находилось всегда въ тѣсныхъ связяхъ съ профессорами юридическаго факультета и всегда пользовалось ихъ сочувствіемъ и поддержкой. Одинъ изъ достойнѣйшихъ представителей университетской науки Ив. Ив. Дитятинъ былъ весьма дѣятельнымъ членомъ историко-филологическаго Общества. Онъ дѣлалъ доклады (напр. о Спафаріи) и принималъ участіе въ первоначальномъ разборѣ Историческаго Архива. Заступившій его мѣсто Ив. Мих. Собѣстіанскій въ 1890 и 1891 г. прочелъ нѣсколько отрывковъ изъ своей докторской дессертаціи о воззрѣніяхъ ученыхъ на характеръ и бытъ древнихъ славянъ; эти доклады въ свое время вызывали оживленныя пренія. Проф. Ив. Петр. Сокальскій въ 1894 г. вошелъ въ Общество съ просьбой о принятіи мѣръ къ сохраненію Донецкаго городища. Къ числу доброжелательныхъ членовъ Общества принадлежитъ достопочтенный профессоръ Гр. Матв. Цѣхановецкій. Да будетъ память этихъ достойныхъ людей незабвенна! Изъ благополучно здравствующихъ профессоровъ юристовъ Н. О. Куплеваскій постоянно входитъ въ ревизіонныя комиссіи, принимаетъ дѣятельное уча-

стіе въ обсужденіи докладовъ, входилъ въ 1895 г. съ предложеніемъ озаботиться о сохраненіи могилы Рижскаго при перестройкѣ Каплуновской церкви, проф. Андр. Ник. Стояновъ состоитъ въ числѣ старѣйшихъ членовъ учредителей Общества, профессоры Мих. Андр. Остроумовъ, Ив. Ник. Миклашевскій и Ник. Алексѣев. Максимейко дѣлали цѣнные доклады, Мих. Март. Алексѣенко выражалъ, въ положеніи ректора, живое сочувствіе Обществу и содѣйствовалъ улучшенію его матеріальнаго положенія. Далѣе въ числѣ членовъ Общества состоятъ и Влад. Фавст. Левитскій, и Ник. Андр. Гредескулъ, и Ар. Дм. Кисилевъ, другими словами, и нынѣ, какъ прежде, большая часть юридическаго факультета входитъ въ составъ историко-филологическаго Общества; Общество дорожитъ ихъ вниманіемъ, и радуется, что съ нынѣшняго дня работа пойдетъ въ два молота, что новорожденное юридическое Общество открываетъ новое поле для приложенія творческихъ ученыхъ силъ въ благородной работѣ на почвѣ истины, добра и справедливости».

2) Докладъ *Н. Ѳ. Сумцова* «Къ двадцатипятилѣтію Историко-филологическаго Общества» По обсужденіи доклада рѣшено—днемъ исполненія двадцатипятилѣтія считать 28 февраля 1902 года, въ каковой устроить торжественное собраніе; для подготовленія историческихъ матеріаловъ и для разрѣшенія различныхъ вопросовъ, связанныхъ съ торжествомъ—избрать комиссію.

3) Докладъ *М. Г. Халанскаго* «о двухъ пѣсняхъ про смерть Марка Кралевича». Одна пѣсня, по мнѣнію докладчика, имѣетъ сходство съ малорусской думой про смерть Ѳедора Безроднаго и съ донской казацкой пѣсней про смерть стараго казака. Другая пѣсня сходна съ разсказомъ Le chanson de Roland о смерти Роланда въ Пиринеяхъ. Анализъ этой пѣсни привелъ докладчика къ взгляду, что она обязана своимъ происхожденіемъ вліянію старо-французскихъ сказаній о Роландѣ, занесенныхъ на Балканскій полуостровъ странствующими пѣвцами въ эпоху крестовыхъ походовъ и въ болѣе позднее время. Пѣсня сербская подтверждаетъ наглядно взглядъ ученыхъ, предполагавшихъ для поэмы о Роландѣ устнопоэтическіе источники.—Въ обсужденіи доклада приняли участіе Н. Ѳ. Сумцовъ, говорившій о самостоятельномъ происхожденіи малорусской думы про смерть Ѳеодора Безроднаго, и С. В. Соловьевъ, указавшій на возможность переноса пѣсенъ о Роландѣ на Балканскій полуостровъ итальянцами.

4) Докладъ *Н. Ѳ. Сумцова* «Новые матеріалы для біографіи И. Е. Бецкаго». Докладчикъ прочелъ въ качествѣ матеріала къ біографіи извѣстнаго издателя журнала «Молодика», и вмѣстѣ жертвователя, поло-

жившаго основаніе музею изящныхъ искусствъ Харьковскаго университета своимъ даромъ коллекціи картинъ итальянскихъ художниковъ, *И. Е. Бецкаго*—два его письма. Письма относятся къ 80 годамъ, изъ нихъ одно адресовано было редактору «Харьк. Вѣд.», а другое—докладчику. Въ обоихъ письмахъ Бецкій интересуется главнымъ образомъ судьбой музея, его вліяніемъ на развитіе художественныхъ вкусовъ посѣщающей его публики, отношеніемъ къ нему самого университета.

5) Докладъ *Н. Ѳ. Сумцова* «Стихотвореніе Шевченка «Солнце заходыть» въ сравнительно-литературной обстановкѣ». Указавъ, что данное стихотвореніе относится къ 1847 г., когда Шевченко находился въ ссылкѣ въ Орской крѣпости, авторъ подробно остановился на описаніи окружающей поэта обстановки и на душевномъ состояніи его, какъ оно извѣстно намъ по его письмамъ этого времени. Стихотвореніе—отражаетъ въ себѣ вліяніе и обстановки, и душевнаго настроенія. Если оно имѣетъ сходство и по мотивамъ, и образамъ съ стихотвореніями нѣкоторыхъ поэтовъ (Пушкина, Уордсворта и др.) и народными пѣснями, то это лишь лучшее доказательство того, что мысль, творчество и интеллигентныхъ пѣвцовъ, и народныхъ работаетъ по однимъ и тѣмъ же законамъ, въ одномъ и томъ же направленіи.

6) Сообщеніе г. секретаря о бумагахъ, поступившихъ со времени послѣдняго засѣданія: а) благодарность за присылку и пожертвованіе изданій Общества: 1, Елисаветградской Общественной Библіотеки, 2, Кіевской городской публичной Библіотеки; б) просьба губернскаго правленія о присылкѣ представителя въ комиссію по уничтоженію старыхъ дѣлъ губернскаго Архива; в) извѣщеніе директора Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ о присылкѣ I вып. VI тома «Извѣстій» Института г) предложеніе редакціи «Древній Міръ» обмѣна изданіями.

Постановлено—назначить представителемъ въ коммиссію Е. М. Иванова; г. Директора Института благодарить; обмѣниваться изданіями съ редакціей жур. «Древній Міръ».

7) Сообщеніе Е. К. Рѣдина и Е. М. Иванова о поступившихъ пожертвованіяхъ:

1) Отъ *П. В. Иванова:* а) соч. Стефана Зизанія «сказанье св. Кирилла объ антихристѣ» 1596г. б) потребникъ Московской печати 1636 г.; в) Рукописный лѣчебникъ XVIII в.; г) двѣ молитвы Георгію Побѣдоносцу, д) Апокрифич. посланіе Лентула въ Римскій сенатъ е) кончина праведника—аапокрифич. письмо жены Пилата; ж) «размова въ кратцѣ о душѣ грѣшной» рукопись половины XVII в. (было напечат. въ 1884 г. въ «Кіевской Старинѣ», но не вполнѣ исправно).

2) Отъ *А. М. Покровскаго*: двѣ купчія крѣпости на имѣнія Іова Донца (1753 и 1779 г.) и прошеніе въ Харьковскій земскій судъ (Дьяковой, Гайдукова и др.) о выдѣленіи имъ законныхъ частей изъ наслѣдства, оставшагося послѣ Донца.

3) Отъ *М. М. Плохинскаго:* отчетъ объ осмотрахъ училищъ Орловской дирекціи (1854—1858 г.г.).

4) Отъ *А. И. Кирпичева:* а) отказная грамота 1689 г. на пустошь, купленную дворяниномъ Акинѳовымъ въ Юрьевс. уѣздѣ; б) крѣпость 1682 г. на пріобрѣтенную тѣмъ же Акинѳовымъ вотчину въ Владим. уѣздѣ и в) отрывокъ отказной грамоты ахтырскому полковнику И. И. Перекрестову на земли, купленыя имъ у Алешнинскихъ однодворцевъ 1789 г..

4) Отъ *В. К. фонъ-Анрепа:* записка его, касающаяся вопроса о реформѣ средней школы (напеч. на правахъ рукописи).

5) Отъ г-жи *М. Вальвичевой:* рукописи на малорусскомъ языкѣ въ трехъ конвертахъ.

6) Отъ св. *Петра Мухина:* 1) рукопись XVIII в. «Скитское покаяніе, душеполезное, еже есть списаніе молитвы, яже сочинена съ покаяніемъ 2) рукопись XVIII в. «Сказаніе о страстяхъ Господа Бога и Спаса Нашего Іисуса Христа зѣло изрядное и душеполезное. Выписано изъ книги Святого Сборника печерскія святыя обители».

Постановлено выразить всѣмъ жертвователямъ благодарность.

V.

21 февраля 1901 г.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ—члены: А. В. Ветуховъ, М. Д. Линда, Д. П. Миллеръ, С. В. Соловьевъ, М. Г. Халанскій, и гости: Е. М. Ивановъ, о. С. Любицкій.

Слушали:

1) Докладъ *М. Г. Халанскаго* «Былины о гибели богатырей». Докладчикъ представилъ сравнительное обозрѣніе содержанія русскихъ былинъ о гибели богатырей, южно-славянскихъ и греческихъ пѣсенъ о паденьи Царьграда и иныхъ сходныхъ въ связи съ повѣстью о взятіи Царьграда (XV в.). Онъ пришолъ къ выводу, что паденье Царьграда (1453 г.) отразилось въ цѣломъ рядѣ устныхъ народныхъ поэтическихъ произведеній славянскихъ и греческихъ. Образы устной поэзіи, связанные съ паденьемъ Царьграда, ассоціировались у сербовъ, болгаровъ и

русскихъ съ воспоминаніями о паденьи сербскаго и болгарскаго царствъ и завоеванія Руси татарами. Ассоціація заимствованныхъ мотивовъ съ туземными въ нѣкоторыхъ случаяхъ вышла болѣе, въ другихъ менѣе совершенной: въ однихъ упоминается о Царьградѣ, Константинѣ и др., въ другихъ нѣтъ такихъ упоминаній; пѣсни кажутся совершенно національными, и только сравнительное изслѣдованіе открываетъ въ нихъ традиціонный эпическій сюжетъ.

Въ обсужденіи доклада приняли участіе Н. Ѳ. Сумцовъ, С. В. Соловьевъ, А. В. Ветуховъ, А. П. Кадлубовскій.

2) Докладъ *А. П. Кадлубовскаго* «Легенда о чудѣ съ еретикомъ священникомъ въ житіи Іосифа Волоцкаго». Данная легенда, вошедшая со словъ Іосифа Волоцкаго также въ его житіе, писанное Саввою Крутицкимъ и въ неизданный пока патерикъ Волоколамскій (рук. московск. синод. библ. № 927), повѣствуетъ, какъ священникъ, державшійся жидовской ереси, придя домой изъ церкви со св. чашей, вылилъ св. Дары въ печь; жена священника видитъ въ печи младенца, за которымъ затѣмъ прилетаютъ ангелы въ видѣ птицъ и возносятъ его сквозь раскрывшуюся кровлю дома на небо. Докладчикъ сблизилъ эту легенду съ различными чудесными сказаніями и вліяніемъ послѣднихъ думалъ объяснить ея происхожденіе. Таковы: 1) разсказы греческихъ патериковъ объ избавленіи св. Даровъ отъ поруганія; 2) повѣсти о таинственныхъ литургическихъ видѣніяхъ и откровеніяхъ, главнымъ же образомъ о видѣніи, бывшемъ сомнѣвающемуся иноку; разсказъ о немъ входитъ въ составъ скитскаго патерика, а также былъ распространенъ въ качествѣ «слова о просвирѣ» св. Ефрема Сирина; съ его именемъ онъ входитъ въ составъ «Паренесиса», а также Пролога (подъ 30 сентября), переписывался часто и отдѣльно; 3) легенда о спасеніи изъ печи мальчика (Младенца Христа, или другого мальчика, брошеннаго за него въ печь) и сохраненіи его тѣмъ самымъ отъ еврейскаго гоненія.

3) Докладъ *Е. К. Рѣдина* «Икона «Недреманное око». Музею изящныхъ искусствъ и древностей нашего университета черезъ Предварительный Комитетъ пожертвована г-жею В. Н. Свѣтъ (изъ Купянска) небольшая икона. На ней изображенъ младенецъ Христосъ лежащимъ на ложѣ, не спящимъ, но съ открытыми глазами; ниже его изображены — орудія страстей: копье, четыре гвоздя, верхняя часть креста съ извѣстными буквами надписи, древко съ губкой, плеть, лѣстница; а равно пѣтухъ. Докладчикъ, подыскивая аналогію этому изображенію на иконѣ, находитъ ее въ иконографическомъ образѣ, извѣстномъ подъ именемъ «Недреманнаго Ока».

Указавъ на композицію изображенія, представленнаго на саккосѣ митрополита Фотія (1414—1417 г.), въ многочисленныхъ примѣрахъ въ росписи церквей аѳонскихъ монастырей (XVI—XVIII в.), равно русскихъ XVII в. (въ Костромѣ, Ярославлѣ и др.), на иконахъ, въ иконописныхъ подлинникахъ (Сійскомъ XVII в.) и другихъ памятникахъ, докладчикъ пришелъ къ заключенію, что въ иконѣ г-жи Свѣтъ та же композиція является въ особомъ переводѣ; самая икона съ чертами юго-западнаго происхожденія, какъ по композиціи, такъ и по характеру работы, относится къ XVIII вѣку.

4) Отношеніе Харьковскаго предварительнаго комитета, согласно порученію Московскаго комитета, съ предложеніемъ взять на себя трудъ собиранія и изданія малороссійскихъ пѣсенъ и ходатайствовать передъ Харьковскимъ губернскимъ земствомъ объ оказаніи ему въ этомъ содѣйствія и денежной помощи. По обсужденіи предложенія рѣшено: приступить къ печатанію имѣющихся въ распоряженіи Общества матеріаловъ, просить губернское земство—оказать обществу денежную помощь на изданіе народныхъ пѣсенъ, собранныхъ въ Харьковской губ., и просить Харьковское отдѣленіе Императорскаго музыкальнаго общества оказать содѣйствіе при посредствѣ своихъ членовъ спеціалистовъ по записи малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ, возстановленіи ихъ исполненія, гармонизаціи.

5) Докладъ предсѣдателя объ исполненіи въ мартѣ мѣсяцѣ пятидесятилѣтія учено-литературной дѣятельности акад. Сухомлинова и Миличевича. Рѣшено отъ имени общества послать имъ привѣтствія.

6) Докладъ г. Секретаря о бумагахъ поступившихъ со времени послѣдняго засѣданія Общества.

1) Предложеніе Редакціи «Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстій» обмѣна изданіями.

2) Благодарность Общества Галицко Русской Матицы за присылку привѣтствія А. С. Петрушевичу.

3) Сообщеніе Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи о присылкѣ 3-й книги Трудовъ коммиссіи.

4) Сообщеніе Императорскаго Русскаго Археол. Общества о присылкѣ Исторіи Общества за 50 лѣтъ его существованія и вып. 1, т. XIII Запис. Вост. Отдѣленія.

VI.

22 марта 1901 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ члены: Н. И. Алякритскій, Д. И. Багалѣй,

А. В. Ветуховъ, Ф. Л. Германъ, Н. К. Грунскій, А. П. Кадлубовскій, А. Ѳ. Котовъ, М. Д. Линда, М. А. Масловъ, Т. Н. Никитскій, М. М. Плохинскій, Е. П. Трифильевъ, Н. А. Федоровскій, В. И. Харціевъ, Е. М. Ивановъ.

Слушали:

1) Сообщеніе г. предсѣдателя о необходимости въ виду расширенія дѣятельности Общества и Педагогическаго отдѣла и недостатка средствъ на изданіе трудовъ и научныхъ матеріаловъ его членовъ—обратиться въ Министерство Народнаго Просвѣщенія съ ходатайствомъ объ оказаніи ежегодной субсидіи, кромѣ отпускаемой Университетомъ, въ размѣрѣ 800 рублей.

Постановлено: обратиться съ соотвѣтствующимъ ходатайствомъ.

2) Сообщеніе г. секретаря—о присылкѣ Обществу: 1) Подольскимъ Епархіальнымъ Историко-Статистическимъ комитетомъ—IX выпуска своихъ «Трудовъ», 2) Виленской коммиссіей для разбора и изданія древнихъ актовъ XXVII-го тома актовъ.

Постановлено: благодарить за присылку.

3) Докладъ *Е. П. Трифильева* «Къ біографіи В. Н. Каразина. Попытка бѣгства его за границу».

Однимъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ изъ жизни В. Н. Каразина является его попытка бѣжать за границу въ царствованіе Императора Павла. До сихъ поръ онъ оставался мало выясненнымъ, главнымъ образомъ, по отсутствію для этого необходимыхъ данныхъ. Докладчикъ на основаніи подлинныхъ документовъ, извлеченныхъ имъ изъ государственнаго архива при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, вполнѣ возстановляетъ этотъ фактъ изъ жизни Каразина. Особенно интересными документами являются: 1) подлинное письмо Каразина, писанное имъ изъ подъ ареста Императору Павлу; очень любопытно сдѣланное докладчикомъ сопоставленіе этого письма съ тѣмъ, которое Каразинъ написалъ много лѣтъ спустя послѣ 1798 г., по памяти возстановляя подлинникъ; 2) протоколъ допроса, которому Каразинъ былъ подвергутъ въ С.-Петербургѣ и который даетъ цѣнныя біографическія данныя, напр., о военной службѣ Каразина; 3) резолюція Павла и нѣкот. др. Кромѣ своего спеціальнаго значенія для біографіи Каразина эти документы имѣютъ и болѣе общій интересъ; они важны и для характеристики личности Императора Павла, великодушію котораго Каразинъ обязанъ своимъ спасеніемъ.

4) Докладъ *Е. К. Рѣдина* «И. Е. Бецкій и музей изящныхъ искусствъ и древностей Харьковскаго университета».

Докладчикъ, указавъ на проектъ В. Н. Каразина—основанія при университетѣ —мѣстной академіи художествъ, познакомилъ съ тѣмъ учрежденіемъ, которое замѣнило эту академію—классами или кабинетомъ рисованія и живописи, съ его пособіями и художественнымъ матеріаломъ. Отмѣтивъ, что еще въ 50 годахъ эти пособія и матеріалъ были недостаточны, докладчикъ подробно познакомилъ съ личностью *И. Е. Бецкаго*, воспитанника нашего университета, и съ тѣми его пожертвованіями, которыя положили основаніе музею изящныхъ искусствъ и находящейся при немъ спеціальной библіотекѣ. Для характеристики личности Бецкаго для знакомства съ его высокопросвѣтительными задачами—даютъ богатый матеріалъ его письма, извлеченныя докладчикомъ изъ архива музея.

Д. И. Багалѣй, отмѣтивъ съ своей стороны интересъ и значеніе сообщенныхъ Е. К. Рѣдинымъ матеріаловъ и для исторіи музея, и для личности Бецкаго, указалъ, что онъ располагаетъ также матеріаломъ для характеристики литературной дѣятельности его, въ видѣ писемъ различныхъ лицъ къ нему, какъ редактору «Молодика», открытыхъ имъ среди рукописей Публичнаго Румянцевскаго Музея.

VII.

27 апрѣля 1901 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ, члены: Д. И. Багалѣй, В. П. Бузескулъ, А. В. Ветуховъ, Ф. Л. Германъ, Г. Ю. Ирмеръ, А. П. Кадлубовскій, А. С. Лебедевъ, М. Д. Линда, М. А. Масловъ, И. Н. Миклашевскій, Д. П. Миллеръ, Т. Н. Никитскій, С. В. Соловьевъ.

Слушали:

1) Докладъ *И. Н. Миклашевскаго* объ одномъ документѣ, извлеченномъ имъ изъ общаго архива министерства двора (въ Москвѣ) и принадлежавшемъ нѣкогда такъ называемой Ближней канцеляріи. Указавъ вначалѣ на существующіе въ научной литературѣ взгляды на эту канцелярію, докладчикъ остановился подробно на документѣ, на его историко-статистическомъ значеніи. Документъ—Петровскаго времени и представляетъ сводную вѣдомость всѣхъ городовъ Россіи, при чемъ здѣсь дается краткое описаніе городовъ и указывается составъ служилыхъ въ нихъ людей и количество оружія. Среди другихъ городовъ упоминается и *Харьковъ*, описанный такъ: «В Харкове столникъ Иванъ Ѳоминъ сынъ Бибиковъ, а по годовой смѣтной росписи 1700 г. написано: тотъ городъ

строенъ дубовымъ острогомъ, по городу башенъ 13 съ проѣзжими вороты, 17 глухихъ, по мѣре около города 1337 саж.».

Нѣсколько замѣчаній по поводу значенія документа на ряду съ другими аналогичными сдѣлалъ Д. И. Багалѣй.

2) Докладъ *М. С. Дринова* объ одномъ русскомъ рукописномъ сборникѣ 17-го вѣка изъ собранія П. А. Овчинникова, которое хранится въ слободѣ Городцѣ Нижегородской губерніи. Этотъ прекрасно сохранившійся большой сборникъ, который былъ присылаемъ недавно въ Харьковъ почтеннымъ его владѣльцемъ, содержитъ въ себѣ полный списокъ Шестоднева, составленнаго около 10-го вѣка Іоанномъ Экзархомъ Болгарскимъ, и болѣе или менѣе значительные отрывки изъ нѣкоторыхъ другихъ сочиненій, главнымъ образомъ изъ Великаго Зерцала, Козьмы Индикоплова, Толковой Палеи, Шестоднева Георгія Писиды и Хронографа.—Всѣ эти извлеченія по своему содержанію представляютъ болѣе или менѣе значительное сходство съ нѣкоторыми частями Шестоднева Іоанна Екзарха и повидимому, были старательно подобраны составителемъ разсматриваемаго русскаго сборника, какъ дополнительный, объяснительный и отчасти критическій матеріалъ къ главному труду знаменитаго древне-болгарскаго писателя.

Въ текстѣ помѣщеннаго тутъ Шестоднева профессоръ Дриновъ замѣтилъ нѣсколько незначительныхъ пропусковъ и кое какія вставки, заслуживающія особаго вниманія.—Самая значительная (по объему) изъ этихъ вставокъ, занимающая болѣе одной страницы, встрѣчается въ 4-мъ словѣ, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о захожденіи солнца. Эта вставка содержитъ выписку изъ Козьмы Индикоплова о происхожденіи почи и изображеніе горы, тоже заимствованное несомнѣнно изъ сочиненія того же писателя. Коснувшись этого изображенія, референтъ мимоходомъ указалъ, что въ разсматриваемомъ спискѣ Шестоднева встрѣчаются еще три изображенія: *кругъ вѣтреный*, *кругъ зодѣйный и кругъ планитный.*

Другая небольшая вставка сдѣлана въ томъ мѣстѣ Шестоднева, гдѣ говорится о порядкѣ престолонаслѣдія у разныхъ народовъ, между прочимъ, у болгаръ и козаръ (хазаръ). Здѣсь къ слову *Болгаре* прибавлено, надъ строкою,—*и в сербех.* Въ южно-славянскихъ спискахъ, древнѣйшій изъ которыхъ писанъ сербскимъ грамматикомъ Ѳеодоромъ въ 1263 г., о сербахъ вовсе не упоминается.

Особенное значеніе референтъ придаетъ одной прибавкѣ, встрѣчающейся въ слѣдующихъ хорошо извѣстныхъ обличительныхъ выраженіяхъ І. Екзарха: *да ся срамляютъ убо вси... поганіи словѣне иже солнце мнѣнятъ суще самовластно.* Выраженія эти въ такомъ же самомъ видѣ

были воспроизведены первоначально и въ разсматриваемомъ русскомъ сборникѣ. Но затѣмъ путемъ незначительныхъ подскобленій и подправокъ слова *поганіи словѣне* были соединены въ одно сложное слово *поганословніи* и къ нему прибавлено слово *Перси*. Эта прибавка съ передѣлкою сдѣлана несомнѣнно русскимъ книжникомъ, народное чувство котораго оскорблялъ эпитетъ *поганый* и который находилъ, что упрекъ въ поклоненіи солнцу умѣстенъ по отношенію къ персамъ, но не къ современному славянству. Говоря объ указанной передѣлкѣ словъ *поганіи словѣне*, референтъ указалъ, что О. М. Бодянскій въ изданіи древнѣйшаго списка Шестоднева неосновательно выпустилъ второе изъ этихъ словъ, именно *словѣне*, которое читается ясно въ этой рукописи, хотя и подскоблено кѣмъ то (См. поправки А. Попова къ изданію Бодянскаго стр. XVI).

Далѣе М. С. Дриновъ указалъ, что текстъ Шестоднева въ сборникѣ П. А. Овчинникова сопровождается многочисленными примѣчаніями, испестряющими всѣ соотвѣтствующія поля рукописи. Примѣчанія эти двоякаго рода: одни заключаютъ въ себѣ объясненія старыхъ неудобопонятныхъ словъ Шестоднева, въ другихъ же содержатся ссылки, или указанія на разныя мѣста священнаго писанія, на сочиненія отцевъ церкви и на многія другія духовныя и свѣтскія произведенія. Русскій составитель этихъ обстоятельныхъ указаній имѣлъ цѣлью отмѣтить не только источники и пособія автора Шестоднева, но и параллельныя мѣста къ послѣднему у другихъ писателей.

Вышеизложенныя и нѣкоторыя другія особенности разсматриваемаго списка Шестоднева привели референта къ заключенію, что списокъ этотъ очень сходенъ и, быть можетъ, даже тождественъ съ однимъ спискомъ, хранящимся въ Московской синодальной библіотекѣ и описанный Горскимъ и Невоструевымъ подъ № 58. При этомъ М. С. Дриновъ высказалъ предположеніе, что списокъ П. А. Овчинникова нѣсколько старше синодальнаго.

2) Докладъ *Е. К. Рѣдина* по поводу того-же сборника Овчинникова. Докладчикъ остановился подробно на миніатюрахъ, украшающихъ сочиненіе Іоанна Экзарха Болгарскаго. Сравнивъ эти миніатюры со сходными по содержанію въ лицевыхъ рукописяхъ русскихъ списковъ сочиненія Козьмы Индикоплова, докладчикъ пришелъ къ заключенію, что онѣ представляютъ собою особую редакцію, отличительную черту которой составляетъ—уясненіе тѣхъ или иныхъ мѣстъ сочиненія графическими, геометрическими рисунками.

Въ качествѣ образца иллюстрацій того-же сочиненія Іоанна—иной редакціи докладчикъ привелъ миніатюры, украшающія рукопись Румянцевской публичной библіотеки, № 194, въ л., XVI в. Миніатюры эти, по мнѣнію г. Рѣдина, представляютъ выдающійся памятникъ древне-русскаго искусства и могутъ служить показателемъ высокаго состоянія его въ XVI вѣкѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ миніатюръ, какъ напримѣръ, та, что иллюстрируетъ твореніе второго дня, находятся подъ вліяніемъ иллюстрацій сочиненія Козьмы Индикоплова: изображенъ видъ міра, какъ онъ извѣстенъ намъ по миніатюрамъ въ греческихъ лицевыхъ рукописяхъ вышесказаннаго сочиненія купца и монаха, такъ и въ русскихъ.

На такое-же вліяніе и прямо непосредственное заимствованіе указываютъ три миніатюры въ той-же рукописи предъ Шестидневомъ: видъ земли, скиніи, знаки зодіака. Къ той-же редакціи Румянцевской библіотеки относятся миніатюры къ рукописи Шестоднева публичной библіотеки, Погодинскаго Древлехранилища, № 1089, XVII вѣка.

3) Докладъ доктора *Ф. Л. Германа* «Врачебный бытъ въ Россіи въ первой половинѣ XVII вѣка».

Докладчикъ, воспользовавшись какъ печатными историческими актами, такъ и архивнымъ матеріаломъ, имѣющимся въ Моск. главн. арх. мин. ин. дѣлъ, представилъ картину положенія лицъ врачебнаго персонала въ Московской Руси.

При дворѣ имѣлись доктора (терапевты), которые безвыѣздно находились въ Москвѣ, врачи (хирурги), посылавшіеся съ медикаментами въ армію, при чемъ хирурги иноземныхъ наемныхъ войскъ снабжались лѣкарствами за счетъ полковыхъ командировъ, или за собственный счетъ, и, въ такомъ случаѣ, взымали плату за лѣченіе съ больныхъ и раненыхъ. Отечественныя же войска снабжались хирургами, получавшими все необходимое для лѣченія за счетъ аптекарскаго приказа. Аптека часть лѣкарствъ получала изъ за границы, часть-же доставлялась изъ различныхъ селъ (травы и коренья). Лѣкарства сложныя приготовлялись—аптекарями, настои и спирты—алхимистами (дестилляторами).

Доктора приглашались на службу по рекомендаціи бывшихъ въ Россіи врачей, или дружественныхъ коронованныхъ особъ; но въ рекомендаціи не видѣли особыхъ гарантій назначенія врача, а потому собирали свѣдѣнія черезъ пословъ и бывшихъ въ Москвѣ иноземныхъ купцовъ. Хирурги, аптекаря и алхимисты подвергались испытанію въ Аптекарскомъ Приказѣ со стороны докторовъ. При чемъ какъ вопросы, такъ и отвѣты подробно протоколировались. Аптекарскій приказъ составлялъ высшее административное учрежденіе, которое слѣдило за дѣятельностью лицъ медицинскаго

сословія, тутъ сохранялись ихъ дипломы всѣ относящіяся къ нимъ акты, здѣсь разбирались судебныя дѣла ихъ.

4) Предложеніе *Д. И. Багалѣя* объ учрежденіи при Обществѣ этнографическаго музея.

По обсужденіи предложенія—Общество приняло на себя, согласно правиламъ своего устава, по которымъ оно, между прочимъ, разрабатываетъ этнографическіе матеріалы и собираетъ ихъ, устройство этнографическаго музея: основаніемъ этого будущаго музея при Обществѣ послужатъ, какъ предметы уже поступающіе въ распоряженіе Харьковскаго предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда, такъ и тѣ, что поступятъ по пріобрѣтеніи ихъ членами комитета на средства, отпущенныя для сей цѣли Харьковскимъ губернскимъ земствомъ.

5) Докладъ г. предсѣдателя о предложеніи выбора въ члены Общества преподавателя Войниловича, о посылкѣ привѣтствія И. В. Ягичу къ юбилею научной его дѣятельности.

По произведенной баллотировкѣ г. Войниловичъ избранъ единогласно въ члены Общества; академику Ягичу рѣшено послать привѣтствіе.

6) Докладъ г. секретаря о поступившихъ бумагахъ:

1) Харьковскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества съ извѣщеніемъ о недостаткѣ у него средствъ и лицъ для записи малороссійскихъ пѣсенъ; 2) Педагогическаго Общества при Московскомъ университетѣ съ извѣщеніемъ о присылкѣ экземпляра Трудовъ Общества, 3) Комитета по сооруженію памятника В. Н. Каразину съ извѣщеніемъ о пожертвованіи Историческому Архиву Общества рукописи «копія съ записи, учиненной филотехническаго Общества правителемъ и т. д.». Постановлено: Общество и Комитетъ благодарить; книгу передать въ библіотеку Педагогическаго Отдѣла, а рукопись въ Архивъ Общества.

VIII.

31 мая 1901 года.

Присутствовали Н. Ѳ. Сумцовъ, Д. И. Багалѣй, Е. М. Ивановъ, Е. П. Трифильевъ, М. А. Масловъ, И. Н. Миклашевскій и А. П. Кадлубовскій.

Осмотрѣны археологическія находки г.г. Ефименка и Воронца подъ Салтовымъ и признано весьма желательнымъ продолженіе начатыхъ ими раскопокъ.

Заслушаны доклады Д. И. Багалѣя объ «Обозрѣніи матеріаловъ, отн. къ исторіи Слоб. Украины и хранящихся въ воен.-ученомъ Архивѣ

Главнаго Штаба» (г. Катаева) и «Общественныхъ Архивахъ Черниговской губ.» Постановлено обѣ рукописи напечатать въ XIII т. Сборника.

Заслушано отношеніе Харьковскаго Медицинскаго Общества о предстоящемъ 1 окт. (по ст. ст.) чествованіи Руд. Вирхова и постановлено принять въ немъ участіе.

Докладъ А. С. Лебедева по архивовѣдѣнію отложенъ, по случаю отъѣзда референта изъ Харькова.

Заслушанъ докладъ Е. П. Трифильева о письмахъ кн. А. Д. Меньшикова, пожертвованныхъ Ар. Ар. Шретеръ Ист. Филол. Обществу. Всѣхъ писемъ 6, изъ нихъ 2 Меньшикова, 4 другихъ лицъ, написаны къ Зарудному по дѣламъ церковнаго благоустройства. Постановлено выразить А. А. Шретеру благодарность.

Отчетъ Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ.

За 1901—1902 годъ.

а) ДЕНЕЖНЫЙ ОТЧЕТЪ.

Остатокъ отъ предыдущаго года	380 р.	67 к.
Приходу: отъ продажи изданій	179 »	86 »
» членскихъ взносовъ И. Ф. О. и П. О.	167 »	— »
» этнографической выставки	45 »	— »
Всего	772 р.	53 к.
Расходы: типографскіе, служителямъ, вѣнокъ въ память И. Н. Миклашевскаго и др.	151 р.	85 к.
» по 10 засѣданіямъ И. Ф. О. и 8 засѣд. П. О.	38 »	90 »
Всего	190 р.	75 к.
Остатокъ на 1902—1903 г.	581 р.	78 к.
Итого	772 р.	53 к.

б) ОБЩІЙ ОТЧЕТЪ

о дѣятельности Общества за 1901—1902 г.

(Двадцать первый годъ) [1].

Въ отчетномъ году Общество имѣло всего 12 засѣданій: 30 сентября, 11 октября, 19 октября, 30 октября, 29 ноября, 13 декабря, 15 января, 12 февраля, 21 февраля, 28 февраля, 1 апрѣля, 23 апрѣля. Изъ этихъ засѣданій — четыре было публичныхъ: одно было устроено совмѣстно съ Медицинскимъ Обществомъ въ честь Рудольфа Вирхова—30 сентября; другое—совмѣстно съ Педагогическимъ Отдѣломъ—28 февраля—по поводу 25-лѣтняго юбилея Общества; два остальныхъ—21 февраля и 23 апрѣля—совмѣстно съ Отдѣломъ и Совѣтомъ университета—

[1]) Составленъ секретаремъ Е. К. Рѣдинымъ.

были посвящены памяти Гоголя и Жуковскаго—по поводу 50-лѣтія со дня кончины великихъ русскихъ писателей.

Въ засѣданіяхъ были прочтены слѣдующіе рефераты:

1. *Н. Ѳ. Сумцова*, Р. Вирховъ, какъ этнографъ (I-е засѣд.).

2. *Н. Ѳ. Сумцова* и *Д. Багалѣя* «Памяти акад. М. И. Сухомлинова» (II-е засѣд.).

3. *Его-же* «Памяти А. Л. Шиманова» (II-е засѣд.).

4. *Н. Ѳ. Сумцова* «Памяти акад. И. Н. Жданова» (II-е засѣд.).

5. *А. С. Лебедева* «Архивъ Курскаго Знаменскаго монастыря» (II-е засѣд.).

6. *М. Г. Халанскаго* «Отраженіе сказаній объ Олегѣ вѣщемъ въ нѣмецкой поэзіи XII—XIV вѣковъ» (III-е засѣд.).

7. *А. С. Лебедева* «Архивъ Курской Духовной Консисторіи» (III-е засѣд.).

8. *И. Н. Миклашевскаго* «Къ исторіи древне-русскихъ поземельныхъ кадастровъ» (IV-е засѣд.).

9. *Н. Ѳ. Сумцова* «Памяти проф. А. А. Потебни» (V-е засѣд.).

10. *Ѳ. Г. Кашменскаго* «Воспоминанія о проф. А. А. Потебнѣ» (V-е засѣд.).

11. *М. Г. Халанскаго* «Матеріалы къ біографіи проф. А. А. Потебни» (V-е засѣд.).

12. *Н. Ѳ. Сумцова*, Д. И. Багалѣя, М. Д. Линды, В. П. Бузескула «Памяти И. Н. Миклашевскаго» (VI-е засѣд.).

13. *М. П. Савинова* «Гоголь и Хлестаковъ» (VI-е засѣд.).

14. *А. П. Кадлубовскаго* «О нѣкоторыхъ житіяхъ заволжскихъ святыхъ XVI в.» (VII-е засѣд.).

15. *Е. К. Рѣдина* «Икона Недреманное Око» (VII-е зас.).

16. *В. Е. Данилевича* «Одинъ изъ памфлетовъ въ эпоху крѣпостного права» (VII-е засѣд.).

17. *В. П. Бузескула* «О Полибіи» (VIII-е засѣд.).

18. *М. Г. Халанскаго* «Пѣсни и преданія объ Олегѣ» (VIII-е засѣд.).

19. *Е. К. Рѣдина* «Псалтирь Эгберта» (VIII-е засѣд.).

20. *Н. Ѳ. Сумцова* «Объ отношеніи Н. В. Гоголя къ В. А. Жуковскому» (IX-е засѣд.).

21. *М. Г. Халанскаго* «Н. В. Гоголь, какъ романтикъ и поэтъ русской дѣйствительности» (IX-е засѣд.).

22. *В. И. Харціева* «Пушкинскіе принципы въ творчествѣ Н. В. Гоголя» (IX-е засѣд.).

23. *Н. Ѳ. Сумцова* «Харьковское Историко-Филологическое Общество въ первые двадцать пять лѣтъ его существованія» (X-е засѣд.).

24. *Е. К. Рѣдина* «Очеркъ ученой дѣятельности общества за двадцать пять лѣтъ его существованія» (X-е засѣд.).

25. *Д. И. Багалѣя* «Историческій Архивъ Общества» (X-е засѣд.).

26. *А. В. Ветухова* «Педагогическій Отдѣлъ Общества и его дѣятельность» (X-е засѣд.).

27. *Д. Н. Овсянико-Куликовскаго* «Проф. А. А. Потебня, какъ ученый» (X-е засѣд.).

28. *Н. Ѳ. Сумцова* «Памяти А. Г. Левандовскаго» (XI-е засѣд.).

29. *Е. К. Рѣдина* «Некрологъ проф. Крауса» (XI-е засѣд.).

30. *Д. И. Багалѣя* «Матеріальное положеніе профессоровъ Харьковскаго университета въ періодъ 1815—1835 г.г.» (XI-е засѣд.).

31. *Н. Ѳ. Сумцова* «Объ отношеніяхъ Жуковскаго къ Батюшкову (XI-е засѣд.).

32. *Д. П. Миллера* «Объ отношеніяхъ харьковцевъ къ самоуправленію въ XVIII в.». (XI-е засѣд.).

33. *Н. Ѳ. Сумцова* «В. А. Жуковскій, какъ филантропъ» (XII-е засѣд.).

34. *С. В. Соловьева* «Взгляды В. А. Жуковскаго на поэзію» (XII-е засѣд.).

35. *П. Веретенникова* «В. А. Жуковскій, какъ писатель для дѣтей» (XII-е засѣд.).

Въ отчетномъ году Общество вступило въ двадцатипятилѣтіе своего существованія; въ виду этого имъ было устроено 25 февраля 1902 г. торжественное засѣданіе, на которомъ были прочтены доклады о дѣятельности Общества, его педагогическаго отдѣла, и историческаго архива. Кромѣ того Общество принимало участіе—посылкой привѣтствій въ праздновании юбилеевъ—тридцатилѣтія ученой дѣятельности проф. Стороженки и двадцатилѣтія Общества взаимнаго вспоможенія наборщиковъ г. Харькова. Общество принимало ближайшее участіе въ трудахъ Харьковскаго Предварительнаго Комитета по устройству XII археологическаго съѣзда и въ устройствѣ выставокъ при немъ и ихъ каталоговъ. Оно принимало участіе и въ самомъ съѣздѣ, состоявшемся съ 15 по 27 августа. Всѣ члены Общества, входившіе въ составъ его, вошли въ составъ Совѣта съѣзда; кромѣ того депутатами его состояли: Н. И. Аликритскій, Ф. Л. Германъ, А. Я. Ефименко, П. С. Ефименко, М. Д. Линда, Д. П. Миллеръ, М. П. Савиновъ, Н. А. Федоровскій, о. І. Филевскій. Членами Общества сдѣланы слѣдующіе доклады въ засѣданіяхъ съѣзда: *В. П.*

Бузескуломъ: Историческій процессъ съ точки зрѣнія греческихъ историковъ. *Имъ-же*, О новомъ источникѣ для исторіи Аѳинъ V в. до Р. Х.

В. П. Саввой, Выходъ Византійскихъ и Московскихъ царей въ праздникъ Рождества.

Н. Ѳ. Сумцовымъ, О кобзаряхъ и лирникахъ Харьковской губ.

А. Я. Ефименко, Литовскіе русскіе данники и ихъ дани.

— Къ вопросу о братствахъ.

Е. К. Рѣдинымъ, «Религіозные памятники искусствъ Харьковской губ.».

В. Е. Данилевичемъ, Монетные клады и отдѣльныя монетныя находки Харьковской губ.

Имъ-же, Раскопка около села Будъ и Березовки.

М. С. Дриновымъ, О церковно-слав. памятникѣ «Видѣніе пророка Исаіи о послѣднемъ времени».

Имъ-же, Объ одномъ рукописномъ сборникѣ церковныхъ чиноположеній XIV вѣка.

Е. П. Трифильевымъ, Археологическая экскурсія въ Купянскомъ уѣздѣ Харьковской губ.

А. П. Кадлубовскимъ, О старопечатныхъ южно-русскихъ тріодяхъ.

А. С. Лебедевымъ, Епископская дѣятельность Самуила Миславскаго въ Бѣлгородской епархіи.

М. Г. Халанскимъ, Южно-славянскія пѣсни о смерти Марка Кралевича.

Д. И. Багалѣемъ. Объ археологической картѣ Харьковской губерніи.

Имъ-же, Основаніе города Харькова.

Имъ-же, Докладъ о картографической выставкѣ.

Н. А. Максимейко, Русская правда и обычное право Литовско-русскаго государства до изданія Статута.

Д. П. Миллеромъ, Архивы Харьковской губерніи.

Ко времени открытія съѣзда Обществомъ изданъ 13-й томъ «Сборника», посвященный съѣзду и представляющій 2-й томъ Трудовъ Харьковскаго Предварительнаго Комитета. Отъ имени Комитета, но на средства, предоставленныя Обществомъ (за исклюніемъ 100 руб., пожертвованныхъ г. Бантышемъ) изданъ 2-й выпускъ Южно-русскаго народнаго орнамента г жи П. Я. Литвиновой съ предисловіемъ члена Общества, Е. К. Рѣдина.

Ко времени съѣзда и съ посвященіемъ ему изданъ членомъ Общества А. С. Лебедевымъ трудъ «Бѣлгородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности».

По окончаніи съѣзда въ распоряженіе Общества поступили всѣ предметы этнографической выставки, пріобрѣтенныя на средства земствъ Харьковской губ. и нѣкоторыхъ сосѣднихъ; эти предметы, согласно рѣшенію Общества въ прошломъ отчетномъ году, составляютъ основаніе этнографическаго Музея Общества.

Въ отвѣтъ на соотвѣтствующее ходатайство Общество получило отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія единовременную субсидію въ размѣрѣ 400 руб. на изданіе научныхъ трудовъ и обратилось съ просьбой объ обращеніи указанной субсидіи изъ единовременной въ ежегодную.

Въ отчетномъ году Общество получило согласно своему представленію и ходатайству—разрѣшеннымъ новый выработанный имъ уставъ.

Общество завязало сношенія и обмѣнъ изданіями съ слѣдующими Обществами: Обществомъ Исторіи философіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ, съ Галицко-Русской Матицей и Ньюорской публичной Библіотекой.

Общество получило пожертвованія въ видѣ рукописей, книгъ, архивныхъ документовъ—отъ губернскаго правленія, П. П. Ильинскаго, г. Пархоменко, и отъ разн. другихъ лицъ, предметы которыхъ будутъ переданы бывшимъ Предварительнымъ Комитетомъ съѣзда.

Въ свою очередь Общество жертвовало свои изданія въ отвѣтъ на просьбы Публичнымъ библіотекамъ: Воронежской, Кіевской. Свѣтовыми картинами Педагогическаго отдѣла Общества пользовались нѣкоторыя средне-учебныя заведенія г. Харькова.

На соисканіе преміи имени А. А. Потебни были представлены сочиненія: Процессъ поэтическаго творчества по произведеніямъ Гоголя; «Объ отношеніяхъ Пушкина и Жуковскаго», каковой и удостоены ихъ авторы—студенты 5-го семестра Б. М. Лезинъ и П. А. Голубниченко.

СОСТАВЪ ОБЩЕСТВА:

Предсѣдатель: Николай Ѳеодоровичъ Сумцовъ.

Секретарь: Егоръ Кузьмичъ Рѣдинъ.

Завѣдующій Историческимъ Архивомъ: Дмитрій Ивановичъ Багалѣй.

Архиваріусъ: Евгеній Михайловичъ Ивановъ.

Ревизіонная Коммиссія: Н. И. Алякритскій, Н. О. Куплеваскій, Г. Ѳ. Шульцъ.

Въ члены Общества въ отчетномъ году избраны:

1. А. Д. Твердохлѣбовъ 10 октября 1901 г.
2. Е. М. Ивановъ . . 29 ноября »
3. В. Е. Данилевичъ . » »

4. А. Е. Данилевичъ . 29 ноября 1901 г.
5. о. I. Филевскій . . » »
6. А. В. Лагутинскій 12 февраля 1902 г.

в) ОТЧЕТЪ

Историческаго Архива за 1901—1902 акад. годъ

(Съ 1 Сент. 1901 г. по 1 Сент. 1902)

Въ отчетномъ году продолжалось подробное описаніе дѣлъ Харьковскаго отдѣленія Архива. Въ настоящее время описано 252 дѣла, заключающихъ въ себѣ 40696 архивныхъ листовъ; изъ нихъ 26 дѣлъ, объемомъ въ 5026 арх. листовъ приходится на отчетный годъ. Къ описи составленъ указатель личный, географическій и предметный.

За послѣднее время Архивъ обогатился слѣдующими пріобрѣтеніями: 1) изъ Сенатскаго Архива прислано 320 дѣлъ Минист. Юстиціи, первой половины XIX в.; 2) отъ г-жи Н. Л. Морозовой поступили документы и бумаги, содержащіе въ себѣ матеріалы для мѣстной исторіи (по вопросамъ: землевладѣнія, епархіальнаго управленія, торговли и промышленности г. Харькова, Харьковской журналистики и др.); 3) отъ проф. П. Т. Степанова—рукописныя сочиненія его отца, б. профессора Харьков. у-та Тих. Федор. Степанова («Курсъ Общенароднаго права», «Конспектъ Общенароднаго права и дипломатіи» и «О началахъ философскихъ и политико-дипломатическихъ»; 4) отъ В. Г. Колокольцова (чрезъ посредство Е. М. Иванова) поступилъ обширный фамильный архивъ Пассековъ, состоящій главнымъ образомъ изъ земельныхъ актовъ XVII—XVIII вв., большаго числа сельско-хозяйственныхъ книгъ и бумагъ XVIII и XIX стол. и огромной семейной переписки XIX в. Большинство рукописнаго матеріала касается мѣстнаго края и даетъ не мало цѣнныхъ данныхъ по исторіи колонизаціи, землевладѣнія, сельскаго хозяйства въ связи съ экономическимъ положеніемъ крестьянства и отчасти нравовъ и просвѣщенія.

Библіотека Архива, пополняемая исключительно пожертвованіями и обмѣномъ на изданія Общества, возросла въ настоящее время до 3466 томовъ. Въ истекшемъ году прислали свои изданія слѣдующія ученыя Общества и учрежденія: Варшавскій, Кіевскій, Харьковскій и Казанскій университеты—свои «Записки» и «Извѣстія»; Императорское Русское Историческое Общество—свой «Сборникъ»; Московское Общество Исторіи и Древностей—«Чтенія»; Императорская Академія Наукъ—«Сборникъ отд. рус. яз. и словесности»; Императорское Московское Археологическое

Общество и состоящія при немъ Славянская и Археографическая Комиссіи—свои «Древности»; Виленская Коммиссія для разбора древнихъ актовъ—«Акты Вилен. Ком.» Императорское Русское Археологическое Общество—«Записки»; Историческое Общество Нестора Лѣтописца—«Чтенія»; Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ—«Труды по востоковѣдѣнію»; Историко-филологическій факультетъ С-Петербурскаго У-та—свои «Записки»; Общество Археологіи и Этнографіи при Импер. Казан. У-тѣ—«Извѣстія»; Московскій Архивъ Минист. Юстиціи—«Архивное дѣло въ Россіи»; Историко-Филологическое Общество при Импер. Новороссійскомъ У-тѣ—«Протоколы» и «Лѣтопись»; Историко-Филологическій Институтъ кн. Безбородко—«Извѣстія»; Русское Библіологическое Общество—«Литературный Вѣстникъ»; Отдѣленіе Этнографіи при Импер. Русскомъ Географическомъ Обществѣ—«Живую Старину»; Екатеринославское Научное Общество—свои Труды; Русскій Археологическій Институтъ въ Константинополѣ—свои «Извѣстія»; Черниговская Губернская Земская Управа—«Сборникъ»; С-Петербургскій Университетъ—годовые отчеты и каталоги Библіотеки; Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen—Sitzungsberichte: Towaristwo Ludosnawzewe Lwowie—«Lud»; Národopisná Spolecnost Geskoslovanska—«Narodopisny Sbornik Geskoslovansky; Министерство Народнаго Просвѣщенія въ Болгаріи—«Сборникъ за народни умотворения»; Товариство імени Шевченка—«Збірник» и «Chronic»; Матице Српске—свою «Лѣтопись»; Рязанская, Тамбовская, Оренбургская, Пермская, Владимірская и Бессарабская ученыя Архивныя Комиссіи—свои «Труды» и «Извѣстія»; Одесская, Харьковская, Николаевская и Елисаветградская Общественныя Библіотеки—свои годичные отчеты. Пожертвованія книгами поступили отъ г.г. А. С. Лебедева, Е. К. Рѣдина, В. И. Саввы, Н. Ф. Бѣляшевскаго, П. П. Короленка, В. И. Василенка, М. М. Плохинскаго и студ. В. И. Лапина.

Съ цѣлью научной разработки матеріала архивъ посѣщали: Т. М. Земичковскій, собиравшій матеріалы по исторіи малороссійскихъ компанейскихъ полковъ, проф. Лилеевъ, занимавшійся исторіей раскола, проф. Н. И. Петровъ, извлекавшій данныя по исторіи Кіевской Духовной Академіи и Г. В. Доброскокъ, составлявшій историческій очеркъ С. Деркачей, Г. Г. Любицкій, Шевейко и Колесниковъ разыскивали фамильные документы. Библіотекой Архива пользовались работавшіе въ Архивѣ члены Общества, студенты и др. лица, по рекомендаціи членовъ Общества.

Завѣдующій Архивовъ *проф. Дм. Багалѣй.*

Архиваріусъ *Е. Ивановъ.*

ПРОТОКОЛЫ

Засѣданій Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ.

I.

30 сентября 1901 г.

Публичное засѣданіе историко-филологическаго Общества совмѣстно съ Медицинскимъ Обществомъ, посвященное чествованію Р. Вирхова по поводу пятидесятилѣтія его ученой дѣятельности.

Предсѣдателемъ Общества Н. Ѳ. Сумцовымъ была прочитана рѣчь «Вирховъ, какъ этнографъ» [1]).

II.

11 октября 1901 г.

Присутствовали:—подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ, члены: Н. И. Алякритскій, Д. И. Багалѣй, В. П. Бузескулъ, А. В. Ветуховъ, А. С. Вязигинъ, Ф. Л. Германъ, Я. А. Денисовъ. М. С. Дриновъ, Г. Ю. Ирмеръ, А. П. Кадлубовскій, А. С. Лебедевъ, М. А. Масловъ, Т. Н. Никитскій, Ѳ. А. Павловскій, М. Е. Халанскій.

Слушали:

1) Слово *Н. Ѳ. Сумцова и Д. И. Багалѣя* «Памяти акад. М. И. Сухомлинова». Н. Ѳ. Сумцовъ указалъ главнымъ образомъ на значеніе трудовъ Сухомлинова, посвященныхъ исторіи русской литературы.

Д. И. Багалѣй указалъ въ своей рѣчи на труды его, посвященные исторіи русскихъ университетовъ и въ частности Харьковскаго, въ царствованіе Александра I-го, и на его отношенія, полныя доброжелательства, любви къ Харьковскому университету.

---

[1]) См. подробный протоколъ въ изданіи Хар. Медиц. Общества.

Ө. А. Павловскій подѣлился своими воспоминаніями о покойномъ академикѣ, какъ предсѣдателѣ Общества (С.-Петербургскаго) пособія бывшимъ студентамъ Харьковскаго университета.

2) Слово *Н. Ө. Сумцова и Д. И. Багалѣя* «Памяти А Л. Шиманова».

Н. Ө. Сумцовъ охарактеризовалъ личность бывшаго члена историко-филологическаго Общества, покойнаго *А. Л. Шиманова*, какъ выдающагося по своимъ талантамъ и гуманнаго человѣка.

Д. И. Багалѣй, охарактеризовавъ также А. Л. Шиманова, какъ высокопросвѣщеннаго, гуманнаго человѣка, остановился подробно на его трудахъ, посвященныхъ исторіи старозаимочнаго землевладѣнія, указалъ на ту высокую роль, которую сыграли въ наукѣ и практикѣ жизни эти труды и среди нихъ особенно выдающійся и цѣнный, имѣющій значеніе и въ настоящее время, печатавшійся въ «Кіевской Старинѣ» — «Главнѣйшіе моменты въ исторіи старозаимочнаго землевладѣнія».

Ө. А. Павловскій сообщилъ нѣкоторыя данныя изъ біографіи покойнаго.

3) Слово Н. Ө. Сумцова «Памяти акад. И. Н. Жданова.» Память акад. Сухомлинова, Шиманова, акад. Жданова была почтена вставаніемъ. Рѣшено просить наслѣдниковъ А. Л. Шиманова о сообщеніи Обществу историческихъ бумагъ и документовъ изъ собранія покойнаго.

4) Предложеніе Е. М. Иванова обратиться въ губернское правленіе съ просьбою о присылкѣ описи историческихъ документовъ, хранящихся при зміевскомъ и ахтырскомъ полицейскихъ управленіяхъ и подлежащихъ разбору коммиссій при нихъ—для рѣшенія вопроса, какіе изъ нихъ подлежатъ уничтоженію. Предложеніе принято и постановили обратиться съ соотвѣтствующей просьбой.

5. Сообщеніе предсѣдателя о предложеніи новаго Общества—Исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ—обмѣниваться изданіями.

Постановлено: привѣтствовать Общество и производить обмѣнъ изданіями, начиная съ XII т. «Сборника».

6. Сообщеніе предсѣдателя Общества объ отпускѣ Обществу на изданіе его научныхъ трудовъ министерствомъ народнаго просвѣщенія —400 р.

Постановлено: благодарить и просить объ обращеніи единовременной субсидіи въ ежегодную.

7. Докладъ Е. К. Рѣдина отчета общей дѣятельности Общества за 1900—1901 годъ. Изъ этого отчета видно, что въ отчетномъ году Общество имѣло восемь засѣданій, на которыхъ было прочитано двадцать четыре реферата; Общество принимало ближайшее участіе въ трудахъ харьковскаго предварительнаго комитета по устройству XII археологиче-

скаго съѣзда; ко времени съѣзда оно постановило подготовить и уже подготовляетъ изданіе тома, посвященнаго археографическимъ и археологическимъ изслѣдованіямъ и матеріаламъ; оно постановило образовать при своемъ историческомъ архивѣ—этнографическій музей, основаніемъ котораго послужатъ матеріалы, пріобрѣтенные на средства, ассигнованныя харьковскимъ губернскимъ земствомъ. Къ столѣтнему юбилею Харьковскаго университета Общество собираетъ матеріалъ для изданія всѣхъ писемъ, сочиненій, проектовъ *В. Н. Каразина* и входитъ въ правленіе университета съ просьбой объ ассигнованіи средствъ на указанное изданіе. По примѣру прошлыхъ лѣтъ въ отчетномъ году педагогическимъ отдѣломъ Общества было устроено шесть публичныхъ лекцій, прочитанныхъ членами Общества и отдѣла. Выпущенъ въ свѣтъ VII-й выпускъ «Трудовъ» педагогическаго отдѣла и подготовляется 13-й томъ «Сборника».

8. Докладъ *А. С. Лебедева*—«Архивъ Курскаго Знаменскаго монастыря». Докладчикъ познакомилъ съ выдающимися документами этого архива, дающими богатый матеріалъ для характеристики быта духовенства и общества въ XVIII вѣкѣ и для исторіи искусства и художественной индустріи.

9. Докладъ Н. Ѳ. Сумцова о предложеніи А. Д. Твердохлѣбова въ члены Общества. Постановлено: въ ближайшемъ засѣданіи произвести выборъ его.

10. Докладъ секретаря о бумагахъ, поступившихъ со времени послѣдняго засѣданія.

а) *Увѣдомленія о присылкѣ Обществу:* 1) Научнымъ товариствомъ имени Шевченка «Памятокъ» 2) Русскимъ Археологическимъ Институтомъ въ Константинополѣ—2—3 вып. VI тома «Извѣстій» 3) Волынскимъ Церковно-Археологическимъ Обществомъ—«Сборникъ» т. 2; 4) Сыръ-Дарьинскимъ Статистическимъ Комитетомъ—«Сборникъ Матеріаловъ» т. IX; 5) Русскимъ Археологическимъ Обществомъ—вып. 2 и 3, XIII тома «Запис. Вост. Отд.» 6) Б. Гринченко—XVIII—XXI №№ «Земскаго сборника» за 1900 г. книги изъ «Уст. народа» и того-же сборника № 1—VII за 1901 г.

б) *Просьба* Института Историко-филологическаго князя Безбородько о высылкѣ 1 тома «Сборника» Обществъ.

Благодарность—1) Комитета Воронежской Библіотеки за присланныя изданія и сообщеніе о присылкѣ отчета за 1900 г. 2) Историко-филол. Института князя Безбородко—за присылку 1 тома «Сборника».

г) *Приглашеніе* Харьковскаго Медицинскаго Общества (3—4 мая) принять участіе въ чествованіи Р. Вирхова.

Постановлено: просьбу исполнить, за присланныя изданія благодарить, принять участіе въ чествованіи Вирхова.

11. Докладъ секретаря

Списка членовъ, внесшихъ членсйій взносъ въ 1900—1901 году:

Б. М. Ляпуновъ.
А. В. Ветуховъ.
Н. К. Грунскій.
В. И. Харціевъ.
Г. Ю. Ирмеръ.
Н. З. Виноградовъ.
П. В. Ивановъ.
А. В. Ордынскій.
Н. Е. Шевченко.
А. Д. Маляренко.
М. Д. Линда.
И. О. Гоуштѣцкій.
М. А. Масловъ.
Ѳ. А. Павловскій. (за 2 года).
Т. П. Никитскій.
В. Ѳ. Котовъ.
М. П. Савиновъ.
С. П. Пономаревъ.
Н. И. Алякритскій.
П. І. Верховскій. (за 2 года).
П. Э. Лейкфельдъ.
В. П. Бузескулъ.
Д. П. Миллеръ.

III.

19 октября 1901 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ, члены: Н. И. Алякритскій, Д. И. Багалѣй, В. П. Бузескулъ, А. В. Ветуховъ, А. С. Вязигинъ, Г. Э. Гинце, Н. К. Грунскій, Я. А. Денисовъ, А. Е. Ефименко, Г. Ю. Ирмеръ, А. П. Кадлубовскій, А. С. Лебедевъ, М. Д. Линда, Д. П. Миллеръ, И. В. Нетушилъ, Т. П. Никитскій, Ѳ. А. Павловскій, П. Г. Риттеръ, В. И. Савва, М. П. Савиновъ, С. В. Соловьевъ, Е. П. Трифильевъ, М. Г. Халанскій, В. И. Харціевъ, Г. Ѳ. Шульцъ.

Слушали:

1. Докладъ Н. Ѳ. Сумцова денежнаго отчета Общества за прошлый академическій годъ.

2. Докладъ Г. Ѳ. Шульца отчета ревизіонной коммиссіи. Постановлено: принять отчетъ и благодарить коммиссію.

3. Докладъ *М. Г. Халанскаго*:

«Отраженіе сказаній объ Олегѣ вѣщемъ въ нѣмецкой поэзіи XII—XIV в.». Докладчикъ обратилъ вниманіе на сходство между русскими лѣтописными сказаніями о походѣ Олега къ Кіеву и Судѣ у Царь-

града и разсказомъ нѣмецкой поэмы объ Ортнитѣ (XIII в.) о походѣ русскаго князя Елига или Ильи къ Судерсу. Сходство касается какъ мотивовъ сказаній, такъ и собственныхъ именъ: Новгородъ = Гарда; Олегъ=Елигъ; Судъ=Судерсъ. Нѣмецкій варьянтъ имени русскаго князя *Илья* докладчикъ возводилъ къ старо-русской формѣ звательно-именительнаго падежа отъ слова *Легъ* (вм. Олегъ): Льге, Льгэ, допустившей въ началѣ приставное *и*, и измѣнившей *г* въ йотъ.

Указанное сходство нѣмецкаго сказанія объ Елигѣ, или Ильѣ, князѣ русскомъ съ русскимъ объ Олегѣ докладчикъ объяснилъ заимствованіемъ нѣмецкимъ эпосомъ изъ русскихъ устно-поэтическихъ источниковъ въ періодъ XII—XIII в. сказаній о походахъ Олега изъ Новгорода къ Кіеву и Царьграду.

Изъ этого доклада вытекаетъ возможность видѣть въ имени первенствующаго русскаго богатыря Ильи (Муромца) одинъ изъ древне-русскихъ варіантовъ имени Олега, возникшій въ южной или западной Руси въ XII—XIII в. Въ прозваніи героя *Муромцемъ*, *Муромскимъ* докладчикъ предлагалъ видѣть народно-этимологическое измѣненіе имени *Урманскій*, *Мурманскій*, т. е. Норманскій, какъ называется Олегъ въ Якимовской лѣтописи. Въ подтвержденіе этого объясненія докладчикъ указалъ на одно свидѣтельство древне-русской письменности, изъ котораго явствуетъ фактъ смѣшенія въ сѣверно-русскихъ областяхъ словъ *Мурманскій* и *Муромскій*—на «Завѣщаніе» преподобнаго Лазаря *Мурманскаго* или *Муромскаго*, основавшаго въ XIV вѣкѣ монастырь на островѣ Мурманскомъ или Муромскомъ (на озерѣ Онежскомъ).

Замѣчанія по поводу доклада были сдѣланы: В. И. Харціевымъ, М. Н. Савиновымъ, Д. И. Багалѣемъ, Н. Ѳ. Сумцовымъ, А. П. Кадлубовскимъ, М. Д. Линдой.

4. Докладъ *А. С. Лебедева* «Архивъ Курской Духовной Консисторіи». Докладчикъ почерпнулъ изъ указаннаго архива богатый матеріалъ для религіозно-бытовой исторіи жизни нашего края въ XVIII вѣкѣ: чугуевскихъ раскольниковъ, о суевѣріяхъ, о тѣлесномъ наказаніи священнослужителей, монахинь, о дѣятельности Іоасафа Горленко и др.

5. Сообщеніе г. предсѣдателя о предстоящихъ выборахъ—предсѣдателя Общества, секретаря и въ члены—А. Д. Твердохлѣбова. Произведенной баллотировкой предсѣдателемъ Общества избранъ Н. Ѳ. Сумцовъ, секретаремъ—Е. К. Рѣдинъ и членомъ—А. Д. Твердохлѣбовъ.

6. Сообщеніе г. предсѣдателя о предложеніи нѣкоторыми членами въ члены Общества Е. М. Иванова и о. Филевскаго.

Постановлено: произвести выборы въ ближайшемъ засѣданіи.

VI.

30 октября 1901 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ, члены: Д. И. Багалѣй, В. П. Бузескулъ, А. В. Ветуховъ, А. П. Кадлубовскій, А. С. Лебедевъ, М. Д. Линда, Н. А. Максимейко, М. А. Масловъ, И. Н. Миклашевскій, М. П. Савиновъ, С. В. Соловьевъ, Е. П. Трифильевъ, В. И. Харціевъ; гости: В. В. Ивановъ и В. Ф. Левитскій.

Слушали:

1. Докладъ И. Н. Миклашевскаго. «*Къ исторіи древне-русскихъ поземельныхъ кадастровъ*». Главные выводы, къ которымъ пришелъ докладчикъ, могутъ быть формулированы слѣдующимъ образомъ. Основными окладными единицами въ древнѣйшій (кіевскій) періодъ нашей исторіи были рало и дымъ. Оба термина эти означаютъ не участокъ земли, обрабатываемый силами одного домохозяина, какъ думаютъ нѣкоторые, а нѣчто большее—такое сочетаніе личныхъ силъ и матеріальныхъ средствъ, въ составъ котораго земельный участокъ можетъ входить, какъ часть. Наилучшій терминъ, при посредствѣ котораго можно выразить современнымъ языкомъ древне-русскія понятія «дымъ» и «рало» есть хозяйство. Древне-русскимъ «дыму» и «ралу» соотвѣтствуютъ основныя окладныя единицы новгородской земли «домъ» дворъ, соха и обжа. Благодаря большей удаленности Новгорода и его сильно развитой экономической жизни, въ немъ на долгое время удержалась и получила дальнѣйшее развитіе система обложенія, основанная на точномъ исчисленіи всѣхъ хозяйствъ и выраженіи налогоплатежности ихъ въ принятыхъ единицахъ измѣренія—въ обжахъ и сохахъ. Въ областяхъ, подчинившихся съ теченіемъ времени власти московскаго княженія, въ старой удѣльной Руси, слабой экономически и сильно подчинившейся татарскому вліянію, древнерусское рало-соха очень скоро перестало означать хозяйство, такъ какъ татарская дань была налогомъ поголовнымъ и татарскіе ханы интересовались не тѣмъ, сколько на Руси было сохъ, а сколько въ ней было людей. Русскіе князья, выговоривъ себѣ право доставлять въ Орду дань въ видѣ опредѣленной суммы денегъ, вернулись къ поимущественной системѣ обложенія и, предоставивъ самому населенію производить разверстку налоговъ между плательщиками, опредѣлили лишь извѣстные податные округа, удержавшіе названіе—«сохи». Эти округа были не равны. Въ каждомъ изъ нихъ было различное число деревень, разное

число дворовъ и людей и разное количество пашни, измѣрявшейся притомъ неравными «четвертями сѣву». По мѣрѣ распространенія власти великаго князя московскаго и присоединенія отдѣльныхъ земель къ Москвѣ, неравныя окладныя единицы—сохи—получаютъ одинаковое окладное значеніе и главные налоги 15 вѣка намѣстничъ доходъ и властелинъ кормъ и связанные съ нимъ «поборы» ложились на населеніе крайне неравномѣрно. Эти обстоятельства и вызвали необходимость въ болѣе точномъ опредѣленіи податного значенія сохъ, принадлежавшихъ разнымъ землевладѣльцамъ, равно какъ и установленія опредѣленнымъ размѣровъ ихъ путемъ геометрическаго измѣренія извѣстнаго (довольно большого) количества земли, принятаго за соху, различнаго для каждаго разряда землевладѣнія и для земель разнаго качества. Реформа сошнаго письма произошла во второй половинѣ 16 вѣка и, по всѣмъ вѣроятіямъ, была предметомъ обсужденія Стоглаваго собора.

Проф. Д. И. Багалѣй, указавъ на то, что затронутый докладчикомъ вопросъ принадлежитъ къ числу наиболѣе трудныхъ и запутанныхъ, хотя надъ нимъ съ пользою для его уясненія не мало потрудились такіе выдающіеся современные изслѣдователи, какъ Лаппо-Данилевскій, Милюковъ и Дьяконовъ, заявилъ, что лично онъ считаетъ доводы И. Н. Миклашевскаго убѣдительными. Затѣмъ онъ коснулся нѣкоторыхъ частностей доклада, напримѣръ, роли въ этомъ дѣлѣ татаръ, денежныхъ знаковъ, бывшихъ въ обращеніи въ древней Руси, повинностей въ Литовско-Русскомъ государствѣ.

Въ обсужденіи доклада приняли также участіе проф. В. П. Бузескулъ, Н. А. Максимейко, В. Ф. Левитскій.

Проф. В. Ф. Левитскій указалъ на небольшое значеніе Новгорода въ доставленіи денежныхъ знаковъ: Ганзейскій союзъ, съ которымъ онъ велъ торговлю, предпочиталъ вмѣсто денежныхъ знаковъ платить товаромъ-же.

Проф. Н. А. Максимейко, соглашаясь съ мнѣніемъ проф. Д. И. Багалѣя о важности затронутаго докладчикомъ вопроса и предложеннаго имъ изслѣдованія для разрѣшенія его, отмѣтилъ необходимость уясненія причинъ перехода отъ простой новгородской сохи къ большой московской въ дѣлѣ обложенія населенія податью.

Докладчикомъ были предложены обстоятельныя объясненія на замѣчанія и дополненія вышеназванныхъ лицъ.

2. Проектъ плана историческаго очерка дѣятельности Общества за 25 лѣтъ его существованія.

И. Н. Миклашевскимъ по этому поводу высказано пожеланіе, что бы къ юбилейному засѣданію былъ приготовленъ общій очеркъ дѣятельности

Общества за 25 лѣтъ и академическая рѣчь, Д. И. Багалѣемъ—что бы былъ приготовленъ очеркъ и еще рѣчь—о просвѣтительной дѣятельности Общества, съ спеціальнымъ очеркомъ дѣятельности историческаго архива, Педагогическаго отдѣла, устройства курсовъ для женщинъ и публичныхъ лекцій отъ отдѣла.

3. Докладъ предсѣдателя о предстоящихъ выборахъ въ члены Общества Е. М. Иванова и о. І. Филевскаго.

Постановлено: выборы, за недостаточнымъ количествомъ голосовъ, отложить.

4. Предложеніе В. И. Харціева объ обращеніи ко вдовѣ проф. А. А. Потебни съ просьбой о разрѣшеніи изданія Обществомъ ненапечатанныхъ еще его сочиненій, съ пріуроченіемъ изданія къ юбилею Общества, для котораго покойный А. А. Потебня такъ много поработалъ.

Постановили: обратиться съ соотвѣтствующей просьбой.

V.

29 ноября 1901 г.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ—члены: Д. И. Багалѣй, В. П. Бузескулъ, А. В. Ветуховъ, А. С. Вязигинъ, Н. К. Грунскій, М. С. Дриновъ, Г. Ю. Ирмеръ, А. П. Кадлубовскій, А. С. Лебедевъ, М. Д. Линда, Н. А. Максимейко, М. А. Масловъ, Д. П. Миллеръ, М. М. Плохинскій, В. И. Савва, С. В. Соловьевъ, М. Е. Халанскій, Г. Ѳ. Шульцъ; гости: проф. Романовичъ-Словатинскій, В. П. Даневская, В. Ф. Левитскій.

Слушали:

1. Слово *Н. Ѳ. Сумцова*, посвященное памяти проф. А. А. Потебни († 1891).

2. Воспоминанія *Ѳ. Г. Кашменскаго* о проф. А. А. Потебнѣ.

Воспоминанія относятся къ 1876—1880 г.г.; они представляютъ весьма важный матеріалъ къ біографіи нашего ученаго и къ исторіи Харьковскаго Университета.

Д. И. Багалѣй, Н. Ѳ. Сумцовъ, В. П. Бузескулъ и М. С. Дриновъ указали на значеніе воспоминаній и сами подѣлились нѣкоторыми воспоминаніями о покойномъ проф. А. А. Потебнѣ.

3. Докладъ *М. Г. Халанскаго* «Матеріалы къ біографіи проф. А. А. Потебни».

Матеріалы эти заключаются въ письмахъ А. А. Потебни, относящихся ко времени пребыванія его въ Берлинѣ въ 1862 г. Письма содержатъ много чрезвычайно цѣннаго матеріала, какъ для изученія хода внутренней жизни А. А., такъ и для характеристики идейной стороны жизни Харьковскаго Университета въ шестидесятые годы.

4. Докладъ коммиссіи по присужденіи премія имени А. А. Потебни. Награждены половинной преміи сочиненіе «Процессъ поэтическаго творчества по произведеніямъ Гоголя» студента 5 см. Б. А. Лезина, и соч. «Объ отношеніяхъ Пушкина и Жуковскаго» студ. 5 см. Н. А. Голубниченка.

5. Предложеніе Г. Ѳ. Шульца—обсуждать вопросъ о преміяхъ въ административномъ засѣданіи.

6. Предложеніе нѣкоторыхъ членовъ—собрать для изданія письма А. А. Потебни.

Рѣшено повозможности привести въ исполненіе это изданіе.

7. Сообщеніе г. Предсѣдателя о предстоящихъ выборахъ въ члены Общества о. I. Филевскаго, Е. М. Иванова, В. Е. Данилевича, и А. Е. Данилевича.

Произведеной баллотировкой всѣ указанныя лица избраны въ члены Общества, при чемъ Е. М. Ивановъ получилъ 22 шара изб., 1 не изб., В. Е. Данилевичъ 20 изб., 3 не изб., о. I. Филевскій 22 изб. 1 неизбр., А. Е. Данилевичъ 16 изб., 5 неизб.

8. Предложеніе коммиссіи по назначенію темъ для сочиненій на преміи имени А. А. Потебни.

Изъ предложеныхъ темъ избрана: «Стиль литературный Петровскаго времени въ связи съ преобразованіями».

9. Сообщеніе г. Секретаря о поступившихъ бумагахъ:

а) увѣдомленіе Императорской Академіи Наукъ о присылкѣ Сборника отдѣленія рус. яз. и словесности т. 67 и 68 б) увѣдомленіе Харьковскаго Губернатора объ исполненіи просьбъ Общества относительно присылки описи архивныхъ дѣлъ Зміевскаго нижняго земскаго суда и Ахтырскаго земскаго суда; в) предложеніе Редакціи Кіевскихъ Университетскихъ изданій—обмѣниваться изданіями въ 1902 г. г) просьба педагогическаго совѣта Маріинской женской гимназіи воспользоваться свѣтовыми картинами, имѣющимися въ распоряженіи Общества.

Постановлено: за книги благодарить, принять предложеніе объ обмѣнѣ изданіями и исполнить просьбу о картинахъ.

VI.

13 декабря 1901 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ—члены: Н. И. Алякритскій, Д. И. Багалѣй, В. П. Бузескулъ, А. В. Ветуховъ, Н. А. Гредескулъ, М. С. Дриновъ, Г. Ю. Ирмеръ, А. П. Кадлубовскій, А. Е. Данилевичъ, В. Е. Данилевичъ, А. С. Лебедевъ, М. Д. Линда, М. А. Масловъ, Д. П. Миллеръ, Т. Н. Никитскій, М. П. Савиновъ, Н. Ѳ. Сумцовъ, о. Филевскій, В. И. Харціевъ, гости: З. Н. Сумцова, Н. Н. Миклашевскій, М. Е. Миклашевская, К. Л. Трапаревская, М. М. Дринова.

Слушали:

1. Слово предсѣдателя Общества проф. *Н. Ѳ. Сумцова*, посвященное памяти И. Н. Миклашевскаго.

2. Рѣчь проф. *Д. И. Багалѣя* объ ученой дѣятельности покойнаго И. Н. Миклашевскаго. Ораторъ специально остановился на его магистерской диссертаціи о заселеніи и хозяйственномъ бытѣ южной окраины Московскаго государства въ XVII вѣкѣ. Указавъ на значеніе этого труда не только для политической экономіи, но и для русской исторіи, ораторъ выразилъ пожеланіе объ изданіи Обществомъ оставшихся не изданными его трудовъ.

По предложенію проф. Н. Ѳ. Сумцова—рѣшено издать сборникъ всѣхъ статей и рѣчей, посвященныхъ памяти проф. И. Н. Миклашевскаго, и приложить къ нему портретъ покойнаго; равно обратиться съ предложеніемъ къ наслѣдникамъ о готовности издать не напечатанные еще труды покойнаго.

3. Рѣчь *М. Д. Линды*. Ораторъ указалъ на труды И. Н. Миклашевскаго въ харьковскомъ Обществѣ Грамотности.

4. Рѣчь *В. П. Бузескула*. Ораторъ говорилъ о трудѣ Миклашевскаго въ коммиссіи по выработкѣ проекта новаго университетскаго устава.

5. докладъ *М. П. Савинова:* «Памяти А. А. Потебни. Гоголь и Хлестаковъ».

Референтъ, исходя изъ того положенія, что всякое поэтическое произведеніе есть средство объективировать мысль, что серьезный художникъ каждымъ актомъ творчества рѣшаетъ важную задачу прежде всего для себя—съ цѣлью самоопредѣленія, самосовершенствованія, саморазвитія,—старался доказать, что и геніальный русскій юмористъ былъ не лишенъ

тѣхъ же высокихъ намѣреній. На основаніи собственныхъ признаній Гоголя (цитаты изъ писемъ) и другихъ документальныхъ данныхъ (ссылки на Тургенева, Пыпина, Полевого), докладчикъ пришелъ къ убѣжденію, что Гоголь писалъ Хлестакова съ себя, что въ жизни, литературной дѣятельности, даже въ слогѣ того, кѣмъ гордится наша словесность, замѣчается хлестаковщина вообще и спеціальныя хлестаковскія стилистическія формы; причемъ референтъ подчеркнулъ то обстоятельство, что—вопреки общепринятому мнѣнію—Хлестаковъ не просто враль, а лгунъ-художникъ, котораго посѣщаетъ своего рода вдохновеніе (см. отрывокъ изъ письма Гоголя послѣ перваго представленія «Ревизора»); что хлестаковщина—не простая ложь, а—«гипербола въ крови», отъ которой чрезвычайно трудно отдѣлаться. По мнѣнію докладчика, всѣ литературныя произведенія Гоголя и характеризуются гиперболой и противоположной риторической фигурой литотесомъ; во всѣхъ литературныхъ произведеніяхъ Гоголя замѣчаются два тона—восторгъ и негодованіе, такъ сказать, ода и сатира; а въ геніальной личности его—самоувѣренность, самоуничиженіе. М. П. Савиновъ между прочимъ замѣтилъ, что эти крайности настроенія въ натурѣ Гоголя были усилены общественными теченіями: много погибло живыхъ душъ въ переходахъ отъ опьяненія высокомѣріемъ къ опредѣленію униженіемъ; эти колебанія и въ литературѣ исключали спокойное изображеніе жизни съ добромъ и зломъ; поэты легко переходили отъ оды къ сатирѣ. Н. В. Гоголь, отразивши въ типѣ Хлестакова свою гиперболичность, такъ сказать, объективировавъ въ поэтическомъ образѣ то, что было сперва субъективнымъ, тѣмъ самымъ совершилъ великій подвигъ покаянія въ грѣхѣ самомнѣнія и самоуничиженія, въ томъ грѣхѣ, въ которомъ повинно до извѣстной степени и все современное автору общество. Этотъ покаянный подвигъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ упорно стремился къ идеаламъ тотъ геніальный писатель, отъ котораго заимствовали свой свѣтъ ближайшіе его послѣдователи: Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Писемскій, Григоровичъ и др.

Докладъ вызвалъ живой обмѣнъ мыслей, въ которомъ приняли участіе многіе члены Общества. В. П. Бузескулъ, Н. И. Алякритскій, о. І. Филевскій высказались противъ сопоставленія Гоголя съ Хлестаковымъ, находя его неправильнымъ и недостаточно обоснованнымъ, Д. И. Багалѣй, Н. Ѳ. Сумцовъ указывали на возможность въ нѣкоторой степени такого сопоставленія, а В. И. Харціевъ, М. А. Масловъ развили нѣкоторыми положеніями и фактами основную идею доклада и выразили пожеланіе, чтобы лекціи А. А. Потебни, на основаніи которыхъ взята и отчасти развита тема докладчикомъ, были изданы и чтобы развитіе и другихъ

темъ этихъ лекцій было сдѣлано по тому прекрасному образцу, какимъ является докладъ М. П. Савинова.

Докладчикъ давалъ подробныя объясненія па замѣчанія и возраженія.

6. Сообщеніе секретаря о поступившихъ бумагахъ: а) сообщеніе Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества о присылкѣ—Записокъ Вост. Отд. т. XIII, вып. 4 Записокъ Общества т. XII, вып. 5 и 4.; соч. В. В. Латышева; Inscriptioneses antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Vol. IV; б) просьба предварительнаго Комитета объ уплатѣ 200 руб. Поддубному за напечатаніе таблицъ къ изданію малорусскаго орнамента, поступающему въ распоряженіе Общества; в) сообщеніе П. Корнеенко о присылкѣ Обществу его книги Кошевые атаманы Черноморскаго казачьяго войска и горскіе поселенцы въ Черноморіи.

Постановлено: Русское Археологическое Общество и г. Корнеенка—благодарить, просьбу Комитета—исполнить.

VII.

15 января 1902 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ Н. Θ. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ—члены: Н. И. Алякритскій, Д. И. Багалѣй, А. В. Ветуховъ, А. С. Вязигинъ, М. С. Дриновъ, А. Я. Ефименко, А. П. Кадлубовскій, М. Д. Линда, М. А. Масловъ, В. Е. Данилевичъ, Е. М. Ивановъ, В. И. Савва, М. Е. Халанскій, о. І. Филевскій, Б. М. Ляпуновъ.

Слушали:

1. Докладъ *А. П. Каблубовскаго* «О нѣкоторыхъ житіяхъ заволжскихъ святыхъ XVI вѣка». Докладчикъ остановился на нѣкоторыхъ житіяхъ заволжскихъ подвижниковъ, которыя были составлены во второй половинѣ XVI вѣка, именно на житіяхъ преп. Корнилія, Иннокентія и Арсенія Комельскихъ, Антонія Сійскаго и Сергія Муромскаго. Въ освѣщеніи, которое даютъ эти житія подвигамъ святыхъ и вообще ихъ богоугодной жизни, докладчикъ усматривалъ отраженіе тѣхъ идей, которыя развивались и другими писателями «заволжскаго» направленія въ произведеніяхъ учительныхъ и полемическихъ, и главнымъ образомъ выразились въ твореніяхъ препод. Нила Сорскаго.

Въ обсужденіи доклада приняли участіе: проф. М. С. Дриновъ, указавшій па источникъ для русскихъ житій въ византійской агіографической литературѣ, А. С. Вязигинъ, отмѣтившій, что многія сходныя черты

святой жизни заволжскихъ святыхъ наблюдаются и въ произведеніяхъ весьма раннихъ западной литературы и потому по первымъ трудно еще рѣшать вопросъ о соотвѣтствіи ихъ какъ данныхъ литературныхъ съ дѣйствительной жизнью вышеупомянутыхъ святыхъ; о. Филевскій, отмѣтившій любовь къ земледѣльческой (крестьянской) жизни, какъ общую черту въ житіяхъ святыхъ, которые въ большинствѣ случаевъ въ своей жизни приближались къ крестьянской.

Докладчикомъ на всѣ замѣчанія были даны соотвѣтствующія объясненія.

2. Докладъ *Е. К. Рѣдина* «Икона недреманное око». Докладчикъ остановился подробно на уясненіи происхожденія этой иконы, поставивъ послѣднюю въ тѣсную связь съ символомъ Христа—львомъ, какъ послѣдній толкуется въ физіологахъ и согласно съ ними у отцовъ церкви. Кромѣ того докладчикъ указалъ па рядъ новыхъ фактовъ, показывающихъ распространенность той-же иконы въ иномъ переводѣ, вѣроятно юго-западнаго происхожденія (Христосъ Младенецъ, лежащій на крестѣ).

3. Докладъ *В. Е. Данилевича* «Одинъ изъ памфлетовъ на эпоху крѣпостного права». Памфлетъ заключается въ рукописи, писанной, по всѣмъ даннымъ, крестьяниномъ послѣ освобожденія крестьянъ, въ Могилевской губ. Произведеніе это пріобрѣтаетъ особенное значеніе въ виду того, что свидѣтельства самихъ крестьянъ о бытѣ ихъ въ эпоху крѣпостной зависимости не такъ часто попадаются, особенно же это относится къ сѣверо-западному краю, гдѣ возникло данное произведеніе. А бытъ крестьянъ этой эпохи у крестьянскаго поэта изображенъ очень живо, въ мрачныхъ краскахъ, чему, впрочемъ, какъ показываютъ другіе источники, имѣются достаточныя основанія. Вотъ напр. одно мѣсто изъ этого изображенія:

Была жизнь намъ тяжкаго рода:
До того всѣ католики
Были сильны и велики,
Всѣ они были панами,
Начальниками надъ нами.
Они были и за судей,
Насъ не чтили за людей,
Крѣпостными насъ имѣли,
Сами смашно пили, ѣли,
Роскошничали, гуляли,
Насъ на скотину мѣняли:
Гопитровскій Булгаку
3 души далъ за собаку...
Мучали насъ хуже скотины:
Не было березки,
Съ которой бы не ломали розги,
На нашу то грѣшну спину
Ломали лозу и осину...

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ указалъ на нѣкоторыя сходныя произведенія въ малорусской литературѣ.

4. Сообщеніи г. предсѣдателя о посылкѣ поздравительной телеграммы отъ имени Общества проф. Стороженкѣ по поводу тридцатилѣтія его учено-педагогической дѣятельности: «Харьковское Историко-Филоло-

гическое Общество поздравляетъ многоуважаемаго Николая Ильича тридцатилѣтіемъ полезной и прекрасной научно-литературной дѣятель сти, и шлетъ свои наилучшія пожеланія».

5. Сообщеніе г. секретаря о поступившихъ бумагахъ:

а) письма П. П. Ильинскаго съ приложеніемъ въ даръ рукопи сборника XVIII вѣка.

б) благодарность Командира 4-го Лейбъ-Драгунскаго Псковск полка за предоставленіе возможности занятій въ историческомъ арх о. Земичковскому в) объявленіе о присужденіи наградъ Нобеля, увѣдомленіе объ утвержденіи новаго устава Общества, д) благод ность г. Миклашевскаго за почтеніе памяти его брата, И. Н. Ми шевскаго е) благодарность Кіевской городской Библіотеки за «Сборник

VIII.

12-го февраля 1902 года.

Присутствовали:—подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Сумцова, секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ, члены: Н. И. Алякритскій, Д. И. Бага В. П. Бузескулъ, А. В. Ветуховъ, А. С. Вязигинъ, Н. К. Грунс М. С. Дриновъ, В. Е. Данилевичъ, А. П. Кадлубовскій, А. С. Лебед Т. П. Никитскій, В. И. Савва, М. П. Савиновъ, С. В. Соловьевъ, Филевскій, М. Е. Халанскій.

Слушали:

1. Заявленіе предсѣдателя о выработкѣ способовъ чествованія мяти Гоголя 21 февраля..

По обсужденіи рѣшено: Общество и педагогическій отдѣлъ сов стно съ совѣтомъ университета устраиваетъ торжественное засѣданіе, которомъ среди другихъ рѣчей—будутъ произнесены проф. Н. Ѳ. С цовымъ и проф. М. Г. Халанскимъ, первымъ «Объ отношеніяхъ Гог къ Жуковскому», вторымъ—«Гоголь, какъ поэтъ русской дѣйствительност

2. Докладъ *В. П. Бузескула* о «Полибіи». Напомнивъ біогра ческія свѣдѣнія объ этомъ историкѣ, докладчикъ остановился затѣмъ гл нымъ образомъ на воззрѣніяхъ Полибія на историческій процессъ и исторію, ея требованія и задачи.

Въ ходѣ всемірной исторіи Полибій усматривалъ извѣстную *зак мѣрность;* историческій процессъ съ его точки зрѣнія совершается твердымъ и цѣлесообразнымъ законамъ. Въ ученіи о формахъ правле Полибій выставилъ законъ *круговорота* человѣческихъ судебъ: фор правленія мѣняются, переходятъ одна въ другую, по извѣстному «поря

природы»; перемѣны совершаются «необходимо» и «естественно», «согласно природѣ». Все существующее подлежитъ порчѣ и перемѣнамъ: это—«естественная необходимость». Выставляя планомѣрность хода событій, Полибій часто говоритъ о *судьбѣ*. Но тутъ взгляды Полибія нѣсколько противорѣчивы: то судьба представляется у него направляющей событія цѣлесообразно и разумно, по твердымъ законамъ; то она дѣйствуетъ какъ-будто по капризу, вопреки всякимъ разсчетамъ и ожиданіямъ; а въ иныхъ случаяхъ Полибій какъ-бы совершенно отвергаетъ судьбу. Быть можетъ, это объясняется тѣмъ, что историкъ съ теченіемъ времени мѣнялъ свой взглядъ на судьбу.

Полибій признавалъ во всякомъ случаѣ *личность* важнымъ факторомъ въ исторіи. Онъ придавалъ большое значеніе государственному строю и природнымъ условіямъ. Самъ Полибій называетъ свою исторію «прагматическою»; у него эта исторія—въ сущности политическая и притомъ поучительная. Въ исторіи Полибій ищетъ прежде всего *пользы*. Отсюда вытекаетъ и требованіе *правды*, и признаніе важности *причинъ* событій: по его мнѣнію, если отъ исторіи отнять объясненіе причинъ, то отъ нея останется одна забава, а не наука. Отсюда же вытекаютъ и тѣ требованія, которыя Полибій предъявлялъ къ историкамъ.

Если мы вспомнимъ, что Полибій писалъ назадъ тому болѣе 2000 лѣтъ, то его взгляды представятъ для насъ глубокій интересъ; немало въ нихъ такого, отъ чего не откажется и историческая наука начала XX в. и что сохранило свое значеніе и по настоящую пору; мало того, приходится сознаться, что сравнительно съ промежуткомъ времени, отдѣляющимъ насъ отъ Полибія, мы не такъ далеко ушли впередъ, какъ бы можно было ожидать.

3. Докладъ *М. Г. Халанскаго* «Пѣсни и преданія объ Олегѣ». Докладчикъ изложилъ древне-русскія сказанія объ Олегѣ вѣщемъ преимущественно XV—XVII в. Сказанія эти представляютъ двѣ группы: въ одной Олегъ является самостоятельнымъ и могущественнымъ княземъ сначала Новгорода, а потомъ Кіева, въ другой воеводой Владиміра, приводящимъ для Владиміра жену, греческую царевну Анну. Для русскаго эпоса эти сказанія имѣютъ глубокій интересъ, свидѣтельствуя о томъ, что имя Олега было очень популярно на Руси до XVI—XVII в. Первая группа сказаній имѣетъ ближайшую связь съ былинами о Вольгѣ; вторая имѣетъ отношеніе къ былинамъ про Илью Муромца, свидѣтельствуя въ пользу того предположенія, что эпосъ объ Ильѣ Муромцѣ представляетъ крайнее развитіе древняго эпоса объ Олегѣ. Имя *Илья* есть—случайное совпаденіе древняго иностраннаго имени русскаго князя Олега

съ именемъ св. Ильи пророка. *Илья* есть измѣненное *Елья*, какъ и
зывается онъ Эрихомъ Лассотой. *Елья* же представляетъ варіантъ
Волья и восходитъ къ *Ельга* или *Ельгъ*, передававшему др. нѣмец
Helgo, Helicho или Helgi рядомъ съ *Ольгъ*. Прозваніе героя *Муром*
есть народно-этимологическое измѣненіе сл. Мурманскій, какъ и про
вается *Ольгъ* въ Іоакимовской лѣтописи. Въ обсужденіи доклада прин
участіе: М. С. Дриновъ, М. П. Совиновъ, Н. Ѳ. Сумцовъ.

4. Докладъ Е. К. Рѣдина «Псалтирь Эгберта».

Докладчикъ познакомилъ съ недавно вышедшимъ изданіемъ замѣ
тельной рукописи—псалтири трирскаго архіепископа Эгберта (977—993
хранящейся въ библіотекѣ гор. Чивидале. Рукопись въ этомъ изда
обслѣдована трудами ученыхъ гг. Зауэрланда и Газелова.

Рукопись богато украшена миніатюрами, весьма цѣнными для исто
средневѣковаго нѣмецкаго искусства, и кромѣ того она заключаетъ
себѣ вставленныя въ ту часть ея, въ которой написаны молитвы Г
труды, пять миніатюръ иной совершенно работы и происхожденія;
миніатюры отличаются византійскимъ характеромъ, на столѣтіе поз
чѣмъ остальныя миніатюры рукописи, т. е. XI вѣка. Двѣ изъ эт
миніатюръ представляютъ особенный интересъ для русской науки: на н
изображены, какъ свидѣтельствуютъ славянскія подписи, русскій кн
Ярополкъ съ супругой и мать перваго. По изслѣдованію г. Зауэрла
подтверждаемому и русскими учеными (гр. А. А. Бобринскій), изоб
женный въ миніатюрѣ Ярополкъ—сынъ великаго князя Изяслава, об
ятельства жизни котораго вполнѣ совпадаютъ съ судьбой того Петра
которомъ идетъ рѣчь въ молитвахъ его матери Гертруды. Что каса
Гертруды, супруги Изяслава, то это—младшая дочь польской корол
Рикецы, отъ которой указанная псалтирь могла попасть черезъ дочь
Россію.

Докладчикъ подробно познакомилъ съ заключеніями изслѣдовате
памятника, указалъ на важное значеніе вставныхъ миніатюръ для исто
древне-русскаго искусства, имѣющихъ связь съ современными русск
памятниками (Остромирово Евангеліе, Изборникъ Святослава), и оста
вился на вопросѣ о ихъ происхожденіи: заключеніе г. Газелова о
происхожденіи въ Кіевѣ требуетъ большихъ доказательствъ, чѣмъ пр
ставлено имъ, и болѣе детальнаго сравнительнаго изученія памятника

5. Сообщеніе секретаря предложенія обмѣна своими изданіями у
по-литературнаго общества «Галицы Русской Матицы» и Ньюіорс
публичной библіотеки; рѣшено обмѣниваться изданіями.

6. Заявленіе предсѣдателя о выборѣ въ число членовъ А. В. Лагутинскаго. Произведенной баллотировкой А. В. Лагутинскій избранъ въ члены общества (22 изб., 2 неизб.).

IX.

21 февраля 1902 года.

21 февраля въ 50-ю годовщину со дня кончины Н. В. Гоголя, въ Университетской церкви совершена была заупокойная литургія и панихида по великомъ писателѣ, а въ 1 часъ дня открылось торжественное собраніе совѣта Императорскаго Харьковскаго университета и историко-филологическаго Общества, педагогическаго Отдѣла, посвященное чествованію его. Залъ торжественныхъ засѣданій былъ переполненъ публикой; среди почетныхъ лицъ находились: высокопреосвященный Флавіанъ, архіепископъ Харьковскій, преосвященный Стефанъ, епископъ Сумскій, командиръ 10-го армейскаго корпуса, ген.-лейт. К. К. Случевскій, попечитель учебнаго округа М. М. Алексѣенко, ректоръ университета Н. О. Куплевасскій, управляющій госуд. имущ. Харьковской и Полтавской губ. В. М. Козловъ, городской голова А. К. Погорѣлко и др.

Эстрада вся была декорирована растеніями, а впереди ея, по серединѣ, стоялъ окруженный растеніями и цвѣтами бюстъ Н. В. Гоголя, а подъ нимъ въ лавровомъ вѣнкѣ его портретъ.

Засѣданіе открылось привѣтственной рѣчью ректора Н. О. Куплевасскаго, въ которой онъ высказалъ, что въ лицѣ Н. В. Гоголя Россія имѣла міровою генія; появленіе-же геніевъ есть счастье, ниспосылаемое странѣ, воспоминанію объ этомъ счастьѣ и посвящается настоящее засѣданіе.

Затѣмъ исполненъ былъ студенческимъ хоромъ гимнъ Н. В. Гоголю, муз. Главача. Далѣе проф. Н. Ѳ. Сумцовъ прочелъ рѣчь «объ отношеніи Н. В. Гоголя къ В. А. Жуковскому». Послѣ двухъ музыкальныхъ нумеровъ, исполненныхъ затѣмъ студенческимъ оркестромъ, слѣдовала рѣчь проф. М. Г. Халанскаго: «Н. В. Гоголь, какъ романтикъ и поэтъ русской дѣйствительности». Проф. Е. К. Рѣдинъ прочелъ стихотвореніе г. Тулуба, присланное на имя проф. Сумцова и посвященное памяти Гоголя. Предполагавшаяся по программѣ рѣчь А. Я. Ефименко «Двойственность въ творческой психологіи Гоголя» не была прочтена за болѣзнью г-жи Ефименко. Засѣданіе закончилось рѣчью В. И. Харціева: «Пушкинскіе принципы въ творчествѣ Н. В. Гоголя».

X.

28 февраля 1902 года.

Торжественное публичное засѣданіе Историко-филологическаго Общества и Педагогическаго Отдѣла—въ день исполнившагося 25-ти лѣтія существованія Общества

См. протоколъ этого засѣданія въ началѣ «Сборника».

XI.

1-го апрѣля 1902 года.

Присутствовали подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ, члены: Д. И. Багалѣй, А. П. Кадлубовскій, А. С. Лебедевъ, М. А. Масловъ, Лагутинскій, о. І. Филевскій, Д. П. Миллеръ.

Слушали:

1. Слово Н. Ѳ. Сумцова, посвященное памяти члена Общества А. Г. Левандовскаго.

2. Сообщеніе Е. К. Рѣдина: некрологъ нѣмецкаго ученаго проф. *Крауса* († 28 января 1901 г.). Референтъ подробно познакомилъ съ многочисленными трудами Крауса, посвященными христіанской археологіи и исторіи христіанскаго искусства.

Память А. Г. Левандовскаго и проф. Крауса была почтена вставаніемъ.

3. Докладъ *Д. И. Багалѣя* «Матеріальное положеніе профессоровъ Харьковскаго университета въ періодъ 1815—1835 гг.».

Это матеріальное положеніе профессоровъ было весьма неудовлетворительнымъ. Прошеніе объ улучшеніи ихъ благосостоянія, поданное въ 1810 г. на Высочайшее имя, не было доложено. Между тѣмъ курсъ на ассигнаціи продолжалъ все падать и это вынудило профессорскую коллегію подать снова въ 1816 г. прошеніе на Высочайшее имя о вознагражденіи ея за понесенные благодаря паденію курса убытки и о выдачѣ жалованья по разсчету на серебро. Въ этомъ прошеніи подробно исчисляется, сколько каждый профессоръ—ординарный и адъюнктъ, потеряли благодаря паденію курса за девять лѣтъ (съ 1807 по 1816 г.); оказывается, что первый потерялъ 10,157 р. серебра, или ассигнаціями 44,428 р., второй 4,062 р. 83⅓ к., или ассигнаціями 16,248 р. «Независимо отъ этихъ потерь (добавлено въ прошеніи) члены университета по чрезвычайной въ осеннее время грязи въ Харьковѣ должны дорогою

цѣною нанимать кареты, безъ коихъ признаютъ невозможнымъ пріѣзжать къ своей должности».

Просьба профессоровъ, повторяемая еще нѣсколько разъ, была исполнена отчасти—назначеніемъ въ 1819 г. новыхъ штатовъ. По проекту новаго штата профессорамъ назначалось по 3,000 р. жалованья и по 800 руб. квартирныхъ и адъюнктамъ по 1000 руб. и по 500 квартирныхъ. Къ сожалѣнію, штаты не были примѣнены до введенія въ дѣйствіе новаго университетскаго устава 1835 г. и матеріальное положеніе профессоровъ оказывалось во все это время печальнымъ.

4. Докладъ *Н. Ѳ. Сумцова,* „объ отношеніяхъ Жуковскаго къ Батюшкову“. И въ этихъ отношеніяхъ, какъ въ многочисленныхъ другихъ, какъ показываетъ докладъ, Жуковскій является высоко гуманнымъ человѣкомъ, добрымъ геніемъ.

5. Докладъ *Д. П. Миллера,* „Объ отношеніяхъ Харьковцевъ къ самоуправленію въ XVIII в.“.

Докладъ рисуетъ положеніе представителей этого самоуправленія, людей въ большинствѣ случаевъ невѣжественныхъ, безграмотныхъ, боявшихся отвѣтственности предъ судомъ, благодаря незнанію законовъ, и потому съ неохотою принимавшихъ должности по выбору и старавшихся всѣми средствами отъ нихъ отдѣлаться. Докладъ—прекрасная бытовая картина Харьковскаго общества въ XVIII в., какъ купеческаго класса, такъ и дворянскаго, не чуждавшагося указанныхъ должностей и равно сообщества перваго.

6. Сообщеніе г. Предсѣдателя проекта чествованія Общества и Педагогич. отдѣла памяти Жуковскаго. По обсужденіи его рѣшено: 23 апрѣля совмѣстно съ университетомъ устроить торжественное засѣданіе, въ которомъ прочтутъ доклады Н. Ѳ. Сумцовъ и С. П. Соловьевъ; принять участіе въ сборникѣ, издаваемомъ университетомъ и посвященномъ Гоголю и Жуковскому.

7. Сообщеніе г. Предсѣдателя о привѣтствіи отъ имени Общества—Обществу взаимнаго вспоможенія наборщиковъ г. Харькова по поводу празднованія имъ 20-лѣтія своего существованія.

8. Сообщеніе г. секретаря о поступленіи въ Историческій Архивъ Общества старыхъ дѣлъ губернскаго правленія и о пожертвованіи г. Пархоменко записей загадокъ, сдѣланныхъ въ Бахмутскомъ уѣздѣ Екатеринославской губ.

9. Предложеніе А. П. Кадлубовскаго—вступить въ обмѣнъ изданіями Общества со всѣми отдѣленіями Императорскаго Географическаго Общества.

Постановлено: вступить въ обмѣнъ.

Дополнительный протоколъ засѣданія Историко-Филологическаго Общества

1 апрѣля 1902 года.

Членъ Историко-Филологическаго Общества В. И. Харціевъ заявилъ, что наслѣдники А. А. Потебни желаютъ получить отъ Историко-Филологическаго Общества цензурное разрѣшеніе на посмертное изданіе небольшой статьи А. А. Потебни «Гипербола у Гоголя», которая при изданіи будетъ снабжена предисловіемъ В. И. Харціева.

Постановлено выдать цензурное разрѣшеніе на печатаніе и изданіе въ свѣтъ статьи А. А. Потебни «Гипербола у Н. В. Гоголя» съ предисловіемъ В. И. Харціева.

XII.

23-го апрѣля 1902 года.

23-го апрѣля, въ часъ дня, въ актовомъ залѣ университета, состоялось торжественное собраніе совѣта университета и историко-филологическаго Общества и его Педагогическаго Отдѣла, посвященное памяти В. А. Жуковскаго, по случаю 50-лѣтія со дня его смерти.

Залъ былъ роскошно убранъ тропическими растеніями, среди которыхъ на эстрадѣ помѣщался большой бюстъ поэта и подъ нимъ его портретъ, окруженный лавровымъ вѣнкомъ. Въ собраніе, въ числѣ многочисленной публики, прибыли: губернаторъ князь И. М. Оболенскій, командиръ 10-го армейскаго корпуса, генералъ-лейтенантъ К. К. Случевскій, попечитель учебнаго округа М. М. Алексѣенко, городской голова А. К. Погорѣлко, профессора и студенты, члены Общества и Отдѣла.

Ректоръ университета Н. О. Куплевасскій въ краткой рѣчи сказалъ, что совѣтъ университета и историко-филологическое Общество, признавая важное значеніе Жуковскаго, рѣшили посвятить настоящее засѣданіе чествованію его памяти. Указавъ на то, что поэзія и личность великаго поэта извѣстны каждому, что всякій образованный человѣкъ знаетъ, какъ поэтъ относился къ ближнимъ, Н. О. Куплевасскій упомянулъ, что Жуковскій былъ воспитателемъ достойнаго вѣчной благодарности Императора Александра II, и закончилъ свою рѣчь, сказавъ, что настоящее чествованіе есть пожеланіе, чтобы поэтическая мысль и теперь имѣла то же значеніе, какъ и въ прежнее время, и направлялась къ нравственно-умственнымъ общественнымъ цѣлямъ.

Послѣ исполненія студенческимъ оркестромъ «Серенады»—Фолькмана, профессоръ Н. Ѳ. Сумцовъ произнесъ рѣчь: „В. А. Жуковскій,

какъ филантропъ". Мы, русскіе люди должны благоговѣйно чтить память Жуковскаго и тщательно изучать его поэзію. Жуковскій, дѣйствительно, одна изъ выдающихся и благороднѣйшихъ личностей. Выше всего онъ стоялъ какъ человѣкъ. Поэтъ жилъ въ тотъ вѣкъ, который Пушкинъ назвалъ „жестокимъ"; въ народѣ господствовало крѣпостничество, въ арміи—непомѣрная строгость. Одна изъ самыхъ краснорѣчивыхъ страницъ въ біографіи Жуковскаго—это отношенія его къ поэтамъ и художникамъ. Батюшковъ, напримѣръ, очень дорожилъ совѣтами Жуковскаго и подъ его вліяніемъ измѣнилъ направленіе своей поэзіи и болѣе строго сталъ относиться къ нравственнымъ вопросамъ. Отношенія Жуковскаго къ Пушкину настолько хорошо извѣстны, что на нихъ нѣтъ надобности останавливаться. Трогательная любовь Жуковскаго къ великому поэту проявлялась не только при жизни, но и по смерти Пушкина. Жуковскій снялъ съ лица умершаго друга гипсовую маску, завѣдывалъ печальнымъ обрядомъ его похоронъ, описалъ послѣдніе часы его жизни. Гоголь особенно былъ обязанъ Жуковскому. По пріѣздѣ въ первый разъ въ Петербургъ положеніе Гоголя было настолько затруднительно, что онъ думалъ: не вернуться-ли обратно въ Малороссію? Жуковскій пристроилъ его на службу, въ значительной степени содѣйствовалъ, чтобы, для поправленія здоровья, отправить его въ заграничное путешествіе, тщательно и старательно обставилъ это путешествіе и постоянно слѣдилъ за Гоголемъ. Въ участи несчастнаго поэта Козлова, на 43-мъ году жизни разбитаго параличемъ и потерявшаго зрѣніе, никто не принималъ такого близкаго участія, какъ Жуковскій. Изъ-заграницы онъ писалъ ему литературно-обработанныя письма, чтобы развлечь его. Могила Жуковскаго находится рядомъ съ могилой Козлова. Но этими именами не исчерпывается высокогуманитарная дѣятельность Жуковскаго. Особенно широкую помощь онъ оказывалъ въ 1837—8 г.г. Онъ хлопоталъ о декабристахъ, о Герценѣ, всѣми силами отстаивалъ Пушкина, хлопоталъ о выкупѣ изъ рабства Шевченко, поддерживалъ Квитку, помогалъ профессору Максимовичу, Гоголю, хлопоталъ за художника Иванова. Жуковскій собиралъ средства для помощи студентамъ—славянамъ, онъ поддерживалъ художниковъ Брюллова, Айвазовскаго и многихъ другихъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Ко всѣмъ рѣшительно онъ относился въ высшей степени гуманно. Когда Жуковскій жилъ въ Зимнемъ дворцѣ, его подъѣздъ былъ всегда наполненъ бѣдняками. Если у него не было своихъ средствъ, онъ обращался къ богатымъ друзьямъ, а, въ крайнихъ случаяхъ, и къ Особамъ Императорскаго Дома. Въ своихъ филантропическихъ стремленіяхъ Жуковскій былъ въ высшей степени настойчивъ. Примѣромъ тому слѣдующее:

Н. И. Тургеневъ, тотя и хорошо зналъ дѣло декабристовъ, но 14 декабря былъ заграницей. Его потребовали въ Россію, онъ не явился и былъ осужденъ заочно. Жуковскій упорно за него ходатайствовалъ и успѣлъ въ этомъ. Другой примѣръ: Кирѣевскій долженъ былъ подвергнуться наказанію за изданную имъ книжку журнала «Европеецъ». Жуковскій хлопоталъ за него, но безуспѣшно. Тогда онъ прекратилъ занятія съ Наслѣдникомъ, это было оцѣнено и Кирѣевскій наказанію не подвергся. Жуковскій одинаково гуманно, если можно такъ выразиться, относился и къ живымъ и къ мертвымъ. Онъ скорбѣлъ съ тѣми, кто понесъ потерю, хлопоталъ о похоронахъ, шествовалъ за гробомъ. Жуковскій выше всего стоялъ какъ человѣкъ и всѣ остальныя его качества были отраженіемъ его прекрасной и благородной души.

По окончаніи этой рѣчи студенческій хоръ исполнилъ «Хвала тебѣ нашъ дивный геній»—гимнъ въ честь В. А. Жуковскаго, слова Гаховича, музыка Гинзбурга. Гимнъ очень красиво написанъ, въ особенности вторая часть его: solo тенора съ аккомпаниментомъ хора.

Затѣмъ привать-доцентъ С. В. Соловьевъ произнесъ рѣчь: «Взгляды В. А. Жуковскаго на поэзію». Указавъ на то значеніе, которое пѣвецъ имѣлъ въ средніе вѣка, ораторъ сказалъ, что въ то время поэзія была свободна, на ней воспитывались поэты «возрожденія»; потомъ средне-вѣковая студія заслонилась ложно-классической школой, поэты явились дѣлателями стиховъ, особенно цѣнились панегиристы и одослагатели. Франція въ это время имѣла вліяніе на Русь. Затѣмъ въ гремящую поэзію Россіи вливается новая струя. Среди поэтовъ явилось новое міросозерцаніе и измѣнился взглядъ на поэзію. Было признано, что поэзія должна быть свободной, поэты начали сознавать не только свои права, но и свои обязанности къ людямъ. Новый міръ въ поэзіи показалъ Жуковскій. Нѣмецкая романтика нашла въ немъ откликъ, элегическій тонъ былъ ему свойственъ, отпечатокъ чего и виденъ въ его первомъ произведеніи „Сельское кладбище“. Въ этомъ стихотвореніи сказывается пониманіе истинной поэзіи: жить не однимъ настоящимъ, но и прошедшимъ. Отличительная черта поэзіи Жуковскаго—его задушевность. Статья Жуковскаго „О нравственной пользѣ поэзіи“ указываетъ, что онъ признаетъ свободу за поэтическимъ творчествомъ. Его поэзія рождена изъ мирнаго воспоминанія о пережитомъ. Онъ понималъ, что съ поэзіей отходятъ всѣ невзгоды жизни, онъ признавалъ поэзію „величественной, святой и невинной, какъ голубица“, а поэтовъ „избранниками небесъ, стоящими высоко надъ толпой“. Говоря о томъ, какъ Жуковскій смотрѣлъ на обязанности и дѣятельность поэта, ораторъ сказалъ, что Жуковскій былъ того мнѣнія,

что „учителемъ и проповѣдникомъ можетъ быть только тотъ поэтъ, слова котораго соотвѣтствуютъ его дѣламъ". Заканчивая рѣчь С. В. Соловьевъ сказалъ: «Мы, озираясь назадъ, съ гордостью можемъ указать на Жуковскаго, который стройно жилъ и стройно пѣлъ».

Послѣ декламаціи студента Плисецкаго стихотвореній «Перчатка» и «Лѣсной царь», студентъ Порфирій Веретенниковъ произнесъ рѣчь на тему: «В. А. Жуковскій, какъ писатель для дѣтей». Сдѣлавъ обзоръ того рода книгъ, которыя приходилось читать дѣтямъ до распространенія сочиненій Жуковскаго, ораторъ сказалъ, что поэта занимало то обстоятельство, что на русскомъ языкѣ почти ничего нѣтъ для дѣтскаго чтенія. Жуковскій признавалъ, что дѣтское чтеніе является однимъ изъ существенныхъ средствъ въ дѣлѣ воспитанія. Онъ говорилъ, что нужно родиться дѣтскимъ писателемъ, а не сдѣлаться имъ. Разсмотрѣвъ «дѣтскія» произведенія Жуковскаго перваго періода, когда онъ писалъ ихъ для Наслѣдника, и второго—когда онъ писалъ для своихъ дѣтей, ораторъ закончилъ рѣчь, сказавъ, что всѣ произведенія великаго поэта сохранили необыкновенно живой интересъ и до нашихъ дней.

Торжество закончилось исполненіемъ студенческимъ оркестромъ «Марша»—Мендельсона. Всѣ ораторы, хоръ и оркестръ были награждены громкими апплодисментами присутствовавшихъ.

Отчетъ Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ

За 1902—1903 годъ

а) ДЕНЕЖНЫЙ ОТЧЕТЪ.

Остатокъ отъ предыдущаго года	581 р.	78 к.
Приходу: отъ продажи изданій	135 »	80 »
» членскихъ взносовъ И. Ф. О. и П. О.	124 »	— »
» случайныхъ (отъ правленія) и Е. М. Иванова	49 »	52 »
Всего	891 р.	10 к.
Расходы: Печатному Дѣлу за XIII т. Сборника	533 р.	— к.
» дополнительныхъ по XIII т.	80 »	93 »
» за альбомъ Литвиновой	63 »	25 »
» засѣданія И. Ф. О. и П. О.	24 »	60 »
» Ник. Чудному за разборъ этногр. музея и наград.	30 »	— »
» почтовые, телеграммы, переносъ шкафовъ, расходы по архиву, за рисунки Вязьмитинова и др.	104 »	94 »
Всего	836 р.	72 к.
Остатокъ на 1903—1904 годъ	54 р.	38 к.
Всего	891 р.	10 к.

б) ОБЩІЙ ОТЧЕТЪ

дѣятельности Общества за 1902—1903 г.

(Двадцать шестой годъ). [1]

Въ отчетномъ году Общество имѣло 7 засѣданій: 14 октября, 1-го декабря, 31 декабря, 23 января, 21 февраля, 7 марта, 7 мая.

[1]) Составленъ секретаремъ Е. К. Рѣдинымъ.

Въ засѣданіяхъ были прочтены слѣдующіе рефераты:

1) *Н. Ѳ. Сумцова* «Памяти Некрасова» (IV).

2) *Н. Ѳ. Сумцова* «Очеркъ исторіи русской журналистики» (IV).

3) *М. Г. Халанскаго*, «Переводъ Рубинштейна «Похвальнаго слова Петра I, произнесеннаго въ Парижской Академіи наукъ въ 1725 г.» (IV).

4) *Н. Ѳ. Сумцова*, «О стихотвореніяхъ А. В. Переводчиковой (IV).

5) *М. Г. Халанскаго*, «Преданія о княгинѣ Ольгѣ и былины о Вольгѣ Всеславвичѣ» (V).

6) *Н. Ѳ. Сумцова*, «Шевченко, какъ художникъ и рисовальщикъ» (V).

7) *Л. Ю. Шепелевича*, «Генезисъ Донъ-Кихота» (VI).

8) *Н. Ѳ. Сумцова*. «Памяти А. И. Кирпичникова» (VII).

9) *С. В. Соловьевъ*, «Памяти А. И. Кирпичниковъ» (VII).

10) *Г. Ю. Ирмера*. «Глеймъ и его литературная дѣятельность» (VII).

Общество принимало участіе—посылкой привѣтствій въ празднованіи юбилеевъ—тридцатипятилѣтія ученой дѣятельности академиковъ, Н. П. Кондакова, Фортунатова и юбилеѣ Пыпина и Ермолова. двадцатипятилѣтія Императорскаго Общества любителей Древней письменности.

Общество принимало участіе въ дѣятельности предварительнаго комитета по устройству XIII археологическаго съѣзда въ Екатеринославѣ, при чемъ депутатами его на засѣданіяхъ въ Москвѣ въ январѣ 1903 г. были: А. С. Лебедевъ, Н. Ѳ. Сумцовъ, Д. И. Багалѣй, Е. К. Рѣдинъ.

По порученію и просьбѣ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества—при Обществѣ образована коммиссія по подготовкѣ XIII археологическаго съѣзда—для собиранія предметовъ для выставокъ, изслѣдованія древностей, произведенія раскопокъ кургановъ, изученія архивовъ, и т. п.

Коммиссіею выработанъ планъ нѣкоторыхъ изданій, производство раскопокъ. Лѣтомъ 1903 г. по порученію ея и на средства П. И. Харитоненка и Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества были произведены раскопки кургановъ Д. И. Багалѣемъ и В. Е. Данилевичемъ въ уѣздахъ Валковскомъ и Богодуховскомъ и Е. П. Трифильевымъ, Е. М. Ивановымъ и Е. К. Рѣдинымъ у с. Дергачей въ имѣніи Любарскаго.

Общество рѣшило основать при Историческомъ Архивѣ музей въ память А. А. Потебни.

Общество измѣнило нѣкоторые §§ новаго своего устава и выработало новый уставъ педагогическаго отдѣла и представило ихъ на утвержденіе Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Общество получило пожертвованія въ видѣ рукописей, книгъ, архивныхъ документовъ—отъ Н. Ф. Сумцова, Н. А. Петренка, Е. Д. Шкляренко и М. Д. Линды.

Въ свою очередь Общество жертвовало свои изданія по той же просьбѣ нѣкоторымъ библіотекамъ (Николаевская, Ньюіорская и др.).

СОСТАВЪ ОБЩЕСТВА.

Предсѣдатель: Николай Өеодоровичъ Сумцовъ.

Секретарь. Егоръ Кузьмичъ Рѣдинъ.

Завѣдывающій Историческимъ Архивомъ. Дмитрій Ивановичъ Багалѣй.

Архиваріусъ. Евгеній Михайловичъ Ивановъ.

Ревизіонная коммиссія. Н. И. Алякритскій, Г. Ө. Шульцъ.

Въ члены Общества въ отчетномъ году избраны:

1. Пельтцеръ.	1 Декабря 1902 г.
2. Веретенниковъ.	
3. Бѣлавенецъ.	
4. Гольдинъ.	
5. Гальковскій.	

в). ОТЧЕТЪ

по устройству лекцій членовъ Историко-Филологическаго Общества и Педагогическаго Отдѣла въ 1902—1903 г.

ПРИХОДЪ:

1. Лекція Фатѣева	84 р.	25 к.
2 и 3. » Алякритскаго	182 »	— »
4. » Тимофѣева	64 »	44 »
Всего	330 р.	69 к.
Чистый остатокъ за 1900/1901 г.	136 р.	09 к.
Итого	466 р.	78 к.

РАСХОДЪ:

1. Лекція Фатѣева	66 р.	62 к.
2 и 3. » Алякритскаго	232 »	87 »
4. » Тимофѣева	73 »	50 »
Всего	372 р.	99 к.
Чистый остатокъ на 1903/1904 г.	93 р.	79 к.
Всего	466 р.	78 к.

г) ОТЧЕТЪ

Историческаго Архива за 1902—1903 акад. годъ.

(съ 1 сент. 1902 г. по 1 сент. 1903 г.)

Въ отчетномъ году продолжалось подробное описаніе дѣлъ Харьковскаго отдѣленія Архива. Въ настоящее время описано 277 дѣлъ, заключающихъ въ себѣ 45552 архивныхъ листа. Изъ нихъ 25 дѣлъ, объемомъ въ 4856 листовъ, приходится на отчетный годъ. Къ описи составленъ указатель личный, географическій и предметный.

За отчетный годъ Архивъ обогатился слѣдующими пріобрѣтеніями: изъ Зміевскаго уѣзднаго полицейскаго управленія поступило 225 дѣлъ Чугуевскаго и Зміевскаго нижнихъ земскихъ судовъ XVIII—XIX в.в.; изъ Изюмскаго полицейскаго управленія—32 дѣла XIX-го в. этого управленія; П. В. Ивановымъ пожертвованъ Лѣтописный Сборникъ конца XVII в., содержащій, на уцѣлѣвшихъ листахъ, событія въ Московскомъ государствѣ отъ Іоанна Калиты до покушенія на жизнь Пожарскаго; проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ передана рукопись его отца—«Обозрѣніе дѣятельности Комитета призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ», Е. Д. Школяренкомъ—документы XVIII в. (универсалы, купчія, заемныя письма и др.).

Библіотека архива, пополняемая исключительно пожертвованіями и обмѣномъ на изданія Общества, возросла до 3692 томовъ. Въ истекшемъ году прислали свои изданія слѣдующія ученыя общества и учрежденія: Варшавскій, Кіевскій, Харьковскій и Казанскій университеты — свои «Извѣстія» и «Записки»; Отдѣленіе русскаго яз. и словесности Императорской Академіи Наукъ — свой «Сборникъ»; Московское Общество исторіи и древностей россійскихъ -- свои «Чтенія»; Историко-филологическое Общество при Новороссійскомъ университетѣ—свою «Лѣтопись»; Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ—«Труды»; Виленская археографическая коммиссія—свои «Акты»; Подольскій Епархіальный Статистическій комитетъ—«Труды»; Общество археологіи, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ—«Извѣстія»; Московскій Архивъ Министерства Юстиціи—«Описаніе документовъ и бумагъ»; Церковно-историческое и археологическое Общество при Кіевской Духовной Академіи—«Чтенія»; Историко-филологическій институтъ кн. Безбородко—«Извѣстія»; Императорское Русское Историческое Общество—«Сборникъ»; Императорское Русское Археологическое Общество—«Записки»; Отдѣленіе Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества—«Живую

Старину»; Историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета—«Записки»; Историко-филологическое Общество при институтѣ кн. Безбородко—«Сборникъ»; Учено-литературное Общество при Юрьевскомъ университетѣ—«Сборникъ»; Общество любителей древней письменности—свои «Памятники»; Псковское Археологическое Общество—«Труды» и др. изданія; Русскій Археологическій институтъ въ Константинополѣ—«Извѣстія»; Петровское Общество изслѣдователей Астраханскаго края—«Труды; Сыръ-Дарьинскій Областной Статистическій Комитетъ—«Сборникъ»; Науково Товарищество імени Шевченка въ Львовѣ—«Збирник.» и др. изданія. Towarzystwo ludoznawcze we Lwowie—«Lud»; Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen—«Sitzungsberichte»; Матица Српска—«Лѣтопись»; Галицко-Русская Матица—«Научно-Литературный Сборникъ»; Воронежская, Оренбургская, Черниговская, Владимірская, Пермская, Рязанская и Таврическая губ. учен. архивныя коммиссіи—свои «Труды» и «Извѣстія»; Харьковская, Самарская и Елисаветградская общественныя библіотеки свои годичные отчеты.

Пожертвованія книгами поступили отъ слѣдующихъ лицъ: проф. Д. И. Багалѣя, проф. Е. К. Рѣдина, проф. Иконникова, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, В. И. Саввы, А. В. Ветухова, д-ра Niderle, A. Feureisen'а, В. Г. Колокольцова, В. Тизенгаузена, М. Д. Линды, В. Н Лапина.

Съ цѣлью научной разработки матеріала Архивъ посѣщали: Н. А; Чекановъ, собиравшій матеріалы о «прибавочныхъ классахъ» при Харьковскомъ Коллегіумѣ и Главномъ Народномъ Училищѣ, студенты Чикунскій и Тихій, извлекавшіе матеріалы для своихъ работъ о В. Н. Каразинѣ, и Е. М. Ивановъ, занимавшійся разработкою нѣкоторыхъ вопросовъ мѣстной исторіи (о реформѣ Щербинина, о торговлѣ и промышленности въ Слободской Украинѣ и др.). Г.г. Горбаневъ и Грищенко разыскивали фамильные документы. Харьковская Казенная Палата и чиновникъ Палаты по судебной части I. А. Залѣсскій обращались за справками о надѣленіи землею крестьянъ С. Н. Водолагъ. Библіотекою архива пользовались работавшіе въ архивѣ, члены общества, студенты и др. лица, по рекомендаціи членовъ общества.

ПРОТОКОЛЫ

Засѣданія Историко-Филологическаго Общества.

I.

14 октября 1902 г.

Въ засѣданіи присутствовали Н. Ѳ. Сумцовъ, Д. И. Багалѣй, Н. И. Алякритскій, Т. Н. Никитскій, М. А. Масловъ, М. Д. Линда, В. И. Савва, А. П. Кадлубовскій, Д. П. Миллеръ и В. П. Бузескулъ.

По предложенію предсѣдателя, обсуждалась просьба Петерб. Комитета первой международной Выставки о предоставленіи на Выставку вещей харьк. этнографич. музея, по списку г-жи Поповой. Постановлено: выслать предметы, въ случаѣ Комитетъ поручится за ихъ сохранность и пріиметъ на себя расходы по пересылкѣ, а для разборки и перевозки имѣть въ виду В. А. Бабенка съ вознагражденіемъ изъ средствъ Комитета и служителя Николая съ вознагражденіемъ изъ средствъ Комитета или средствъ Общеста въ размѣрѣ 25 руб.

Заслушано предложеніе Имп. Моск. Археологическаго Общества принять участіе въ устройствѣ XIII Археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ. Такое участіе признано весьма желательнымъ для продолженія работъ, начатыхъ въ Харьковѣ на XII Арх. съѣздѣ, но практическое осуществленіе этого желанія въ значительной степени будетъ зависѣть отъ тѣхъ средствъ, которыя будутъ предоставлены членамъ Общества, готовымъ по своимъ свѣдѣніямъ и опытности къ производсву раскопокъ.

Императорская Академія Наукъ сдѣлала запросъ, не имѣется ли въ распоряженіи И. Ф. Общества рукописей Пушкина, и отвѣтъ данъ отрицательный.

Представлены счеты отъ Печатнаго Дѣла за изданіе 13 т. Сборника въ 1041 р. 20 к., изъ типографіи г. Зильберберга за Альбомъ Литвиновой 258 р. 95 к. и два счета изъ типографіи Губернскаго Правленія въ 11 р. (№ 1338) и въ 13 р. (№ 388423). Постановлено, по про-

вѣркѣ этихъ счетовъ секретаремъ и казначеемъ Общества заплатить, насколько позволяютъ средства, какія въ настоящее время состоятъ изъ суммы въ 937 руб. 29 коп.

Посланы поздравительныя привѣтствія академикамъ Кондакову и Фортунатову по случаю 35 л. ихъ ученой дѣятельности.

Предложены въ члены Общества: Гольдинъ и Гальковскій, Бѣлавенецъ, Пелтцеръ и Веретенниковъ. Выборы въ ближайшемъ засѣданіи.

II.

1-го декабря 1902 года.

Въ засѣданіи присутствовали Н. Ѳ. Сумцовъ, Н. И. Алякритскій, Д. И. Багалѣй, В. П. Бузескулъ, А. В. Ветуховъ, М. С. Дриновъ, Г. Ю. Ирмеръ, А. П. Кадлубовскій, А. С. Лебедевъ, М. Д. Линда, М. А. Масловъ, А. Н. Лагутинскій, Т. Н. Никитскій, М. М. Плохинскій, П. Г. Риттеръ, В. И. Савва, М. П. Савиновъ, С. В. Соловьевъ (съ перед. гол. А. С. Вязигина), Е. П. Трифильевъ, В. И. Харцiевъ, и Г. Ѳ. Шульцъ.

Предсѣдателемъ доложены и утверждены отчеты общій и денежный за 1901—1902 акад. годъ и докладъ ревизіонной коммиссіи. Затѣмъ архиваріусомъ былъ прочитанъ отчетъ объ архивѣ.

Доложены текущія дѣла по обмѣнѣ изданіями, заслушана благодарность Московскаго Археологическаго Общества за дѣятельное участіе Историко-Филологическаго Общества въ XII археологическомъ съѣздѣ.

По вопросу о пересылкѣ на Петербургскую выставку костюмовъ соотвѣтствующихъ предметовъ принадлежащаго историко-филологическому Обществу этнографическаго собранія, предсѣдатель доложилъ, что костюмы, обувь и головные уборы отобраны Николаемъ Чуднымъ и заготовлены къ отправкѣ, если послѣдуетъ на то требованіе изъ Петербурга. Генеральному комиссару выставки была послана по этому поводу предсѣдателемъ телеграмма съ запросомъ, отвѣта на который еще не получено. Въ засѣданіи принято предложеніе проф. Д. И. Багалѣя запросить еще по этому поводу распорядителя малорусскаго отдѣла Д. Л. Мордовцева.

Предсѣдатель доложилъ о тѣхъ противорѣчіяхъ, которыя обнаруживаются между новымъ уставомъ историко-филологическаго Общества и старымъ уставомъ педагогическаго отдѣла и затрудняютъ выборы должностныхъ лицъ. По обсужденіи этого вопроса, постановлено избрать коммиссію изъ членовъ Общества и Отдѣла въ составѣ Н. Ѳ. Сумцова, М. Е. Халанскаго, А. П. Кадлубовскаго, М. П. Савинова и А. В. Ветухова для

согласованія устава педагогическаго Отдѣла съ новымъ уставомъ историко-филологическаго Общества и представить по сему поводу докладъ въ ближайшее засѣданіе историко-филологическаго Общества для возбужденія ходатайства о соотвѣтствующихъ измѣненіяхъ, а до этого времени, въ виду затруднительности выборовъ, просить настоящихъ должностныхъ лицъ сохранить свои обязанности.

Въ члены Общества баллатированы и избраны единогласно г.г. Пельцеръ, Веретенниковъ и Бѣлавенецъ и по большинству голосовъ г. Гольдинъ (одинъ черный шаръ) и г. Гальковскій (3 черныхъ).

III.

31 декабря 1902 года.

Присутствовали: Н. Ѳ. Сумцовъ, М. С. Дриновъ, М. Е. Халанскій, Д. П. Миллеръ, В. Е. Данилевичъ, М. А. Масловъ, М. М. Плохинскій, М. П. Савиновъ, А. В. Ветуховъ, Е. П. Трифильевъ, Е. М. Ивановъ, А. Н. Лагутинскій и г. Гольдинъ.

Предсѣдатель доложилъ протоколы 14 октября и 1 декабря, которые были прочитаны и утверждены подписями.

Предсѣдатель доложилъ, что по личномъ его осмотрѣ петербургской международной выставки костюмовъ и бесѣды съ завѣдывающимъ ея этнографическимъ отдѣломъ г. Гильзеномъ, выяснилось, что для помѣщенія Харьковскихъ экспонатовъ нѣтъ мѣста. Рѣшено снять этотъ вопросъ съ обсужденія и выдать Николаю Чудному 10 руб. за подготовку этихъ экспонатовъ для отправки въ Петербургъ.

М. С. Дриновъ заявилъ, что отъ имени Общества совмѣстно съ историко-филологическимъ факультетомъ послана привѣтственная телеграмма Обществу любителей древней письменности по случаю истеченія 25 л. его научной и издательской дѣятельности, причемъ текстъ привѣтствія составленъ М. С. Дриновымъ совмѣстно съ Н. Ѳ. Сумцовымъ. Заявленіе принято къ свѣдѣнію.

Представителями Историко-Филологическаго Общества въ Предварительный Комитетъ XIII Археологическаго Съѣзда назначены Н. Ѳ. Сумцовъ, А. С. Лебедевъ, Д. И. Багалѣй и Е. К. Рѣдинъ.

Предложены членами Общества слѣд. вопросы для XIII Археологическаго Съѣзда:

В. Е. Данилевичъ: 1. Какіе извѣстны случаи находки правилъ, глиняныхъ или изъ другихъ матеріаловъ для выдѣлки сосудовъ въ Харьковѣ и др. губерніяхъ.

2. Желательно выработать нормальную легенду для составленія картъ монетныхъ кладовъ.

3. Желательно собрать точныя свѣдѣнія о случаяхъ находки грузинскихъ и армянскихъ монетъ въ Европейской Россіи.

4. О славянскихъ погребеніяхъ въ Харьковской и сосѣднихъ къ востоку губерніяхъ.

Е. П. Трифильевъ, 1) О каменныхъ бабахъ.
2) Греческія поселенія въ Маріупольскомъ уѣздѣ.
3) Слѣды т. наз. готской культуры на югѣ Россіи.

М. М. Плохинскій. Нѣжинское братство по новымъ архив. даннымъ.

М. Е. Халанскій. Желательно археологическое изученіе береговъ р. Орели (древ. угла).

В. И. Харціевъ, 1) Желательно археологическое изученіе мѣстечка Игрень у устья Самары и находящагося при немъ городища—«Турецкаго городка».
2) Желательно собрать свѣдѣнія объ Екатеринославскомъ этнографѣ И. И. Манжурѣ.

М. С. Дриновъ. Слѣды южно-славянскихъ и румынскихъ поселеній въ географической номенклатурѣ, языкѣ и бытѣ современнаго населенія б. Новороссійскаго Края.

Н. Ѳ. Сумцова. Въ чемъ выражается общеніе и взаимное вліяніе малороссовъ и нѣмцевъ-колонистовъ.

Д. П. Миллера, 1) Къ исторіи задунайской сѣчи.
2) Изъ исторіи цеховыхъ братствъ.

IV.

23 января 1903 года.

Присутствовали подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ—члены: Н. И. Алякритскій, Д. И. Багалѣй, А. В. Ветуховъ, В. Е. Данилевичъ, М. С. Дриновъ, Гольдинъ, Е. М. Ивановъ, Г. Ю. Ирмеръ, А. П. Кадлубовскій; А. Ѳ. Котовъ, Лагутинскій, М. А. Масловъ, Никитскій, Пельцеръ, В. И. Савва, о. І. Филевскій, М. Г. Халанскій.

Слушали:

1. Рѣчь *Н. Ѳ. Сумцова*, посвященную памяти поэта Некрасова по поводу двадцатипятилѣтія со дня его смерти. Въ рѣчи была охарактеризована поэзія Некрасова, ея значеніе въ исторіи новѣйшей русской ли-

тературы. Въ заключеніе ораторъ прочелъ стихотвореніе Тулуба «Памяти Некрасова».

Очеркъ *Н. Ѳ. Сумцова*, исторіи русской журналистики, по поводу двухсотлѣтняго юбилея ея. Въ очеркѣ были отмѣчены заслуги ея для русскаго просвѣщенія, литературы и науки; указано на отраженіе въ ней общественныхъ теченій, на ея руководительную роль въ лучшихъ, прогрессивныхъ теченіяхъ русской общественности, спеціально отмѣчена дѣятельность Новикова и лучшихъ представителей журналистики 50—60 годовъ XIX ст.

3. Прочтенный *М. Г. Халанскимъ* переводъ «Похвальнаго слова Петру I», произнесеннаго въ Парижской академіи наукъ въ 1725 году. Переводъ слова сдѣланъ г. Рубинштейномъ.

4. Докладъ *Н. Ѳ. Сумцова*, о сборникѣ стихотвореній *А. В. Переводчиковой*, вышедшемъ недавно 3-имъ изданіемъ (Москва, 1902 г., цѣна 75 коп.). Пользуясь предисловіемъ, докладчикъ познакомилъ съ біографіей поэтессы, замѣчательнымъ самородкомъ, не погубившимъ своего таланта, свою «живую» душу, чуткую и отзывчивую на все прекрасное, не смотря на самыя тяжелыя житейскія условія, на бѣдность. Въ «столицѣ поволжья», Саратовѣ, на Цыганской улицѣ, гдѣ ютится бѣдный, обездоленный людъ, на одномъ изъ дворовъ, въ отдѣльной лачугѣ проживаетъ старушка—поэтесса Августа Васильевна Переводчикова. Среди покосившихся бревенчатыхъ стѣнъ, украшенныхъ грошевымъ портретомъ Пушкина, безплатнымъ приложеніемъ къ газетѣ, за бѣднымъ не письменнымъ даже, а кухоннымъ столомъ создаются еще и теперь задушевныя, глубокосодержательныя строфы стиховъ, создаются рано состарѣвшейся, сморщенной рукой, много—много поработавшей на дѣлѣ святомъ, самоотверженномъ... Двадцать лѣтъ эта женщина была народной учительницей»—такими словами открывается біографія поэтессы. Докладчикъ охарактеризовалъ стихотворенія, прекрасныя по формѣ и содержанію, искреннія по чувству, въ нихъ вложенному, полныя любви къ ближнему, униженному и бѣдному.

Поэтесса, какъ сказано, живетъ въ бѣдности: она получаетъ 10 руб. ежемѣсячно помощи отъ академіи наукъ и это все ея средства. Продажа сборника стихотвореній должна помочь бѣдной поэтессѣ; онъ продается въ архивѣ историко-филологическаго Общества (университетъ) и въ книжномъ магазинѣ Суворина.

5. Предложеніе Предсѣдателя объ избраніи коммиссіи по подготовкѣ XIII археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ.

а) Д. И. Багалѣй указалъ на задачи Коммиссіи, на необходимость продолженія работъ бывшаго предварительнаго комитета по XII съѣзду т. е. желательно обслѣдовать вновь Салтовскій могильникъ и городища: Салтовское, Ницахское и другія

б) В. Е. Данилевичемъ обѣщана помощь въ собраніи науч. матеріаловъ по этому поводу.

в) Е. М. Ивановъ обѣщалъ хлопотать о продолженіи раскопокъ на средства г. Духовскаго, и совершить экскурсію въ Острогожскій уѣздъ Воронежской губ. для изученія архивовъ. Въ члены Коммиссіи пожелали войти: 1) Д. И. Багалѣй, 2) М. Г. Халанскій, 3) Е. К. Рѣдинъ, 4) В. И. Савва, 5) М. А. Масловъ, 6) А П. Кадлубовскій, 7) В. Е. Данилевичъ, 8) Е. М. Ивановъ, 9) Е. И. Трифильевъ. Коммиссіи поручено просить о привлеченіи другихъ членовъ и лицъ, полезныхъ для исполненія ея задачъ.

6. Докладъ г. Предсѣдателя о результатѣ работъ Коммиссіи (Н. Ѳ. Сумцовъ А. П. Кадлубовскій, А. В. Ветуховъ, М. Г. Халанскій: Е. К. Рѣдинъ) по пересмотрѣ устава, Общества и отдѣла. Рѣшено: внести проектъ устава отдѣла на его разсмотрѣніе и послѣ уже обсудить его въ Обществѣ въ связи съ измѣненіями §§ устава Общества.

7. Докладъ Д. И. Багалѣя о перестройкѣ зданія Историческаго Архива. Рѣшено: а) произвести измѣненія въ планѣ 3-го этажа, б) устроить подвальный этажъ в) исключить жилыя помѣщенія въ зданіи, г) просить правленіе университета о субсидіи на переносъ Архива во временное помѣщеніе.

8. Докладъ Н. Ѳ. Сумцова о пожертвованіи имъ Архиву документа, представляющаго статью Ѳ. И. Сумцова, краткое обозрѣніе дѣйствій Комитета призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ съ учрежденія онаго по 1855 г. Постановлено: документъ передать въ Архивъ, жертвователя благодарить.

9. Докладъ г. Секретаря о поступившихъ бумагахъ въ Общество.

а) *Сообщенія о высылкѣ своихъ изданій:* 1) Коммиссіей для разбора древнихъ актовъ—V-го тома 3-й части «Архива югозападной Россіи», 2) И. Р. Истор. Общ.—112 т. «Сборника», 3) Московс. Архивомъ Министра Юстиціи—«Архивное дѣло въ Россіи» книги 1 и 2 ч., проектъ архивной реформы въ Россіи, 4) Псковскимъ Археол. Обществомъ—своихъ изданій по особому списку (при семъ прилагается) 5) Тамбовс. Архив. Коммиссіей 46 вып. «Извѣстій» 6) Владимирской Архив. Ком.—4-й книги трудовъ и «Государст. положеніе Владимирской губерніи», 7) Бессарабс. Архив. коммиссіей—2-го тома «Трудовъ», 8) Археолог. Инсти-

тутомъ въ Константинополѣ 2 и 3 в. VII тома „Извѣстій“, 3) Обществомъ исторіи, филологіи, права при Варшавск. Унив.—1 вып. „Записокъ“, 10) Имп. Русск. Археолог. Обществомъ 2—4 вып. XIV т. „Записокъ Восточ. Отдѣленія“ 11) Б. Д. Гринченко—„Земскій Сборникъ Черниговской губ. за 1901 г. №№—12, и 1902 №№ 1—6.

б) *Благодарности:* 1) Ньюіорской Библіотеки за XII т. Сборника и 7-й Трудовъ. 2) Имп. Архивн. Коммиссіи за изданія, вышедшія къ XII арх. съѣзду, 3) Оренбургской Ученой Архив. Коммиссіи за „Извѣстія“ съѣзда, 4) Московскаго Археол. Общества за содѣйствіе цѣлямъ и задачамъ XII съѣзда, 5) Совѣта С.-Петербургской Академіи за присылку рукописей Сковороды для занятій студента Тимоѳеева.

в) *Просьба:* 1) Общества Археологіи при Казанскомъ Университетѣ о высылкѣ изданія Поддубнаго «Атласъ Слободско-Украинской губерніи 1802 г.», 2) Секретаря Хар. губ. стар. Комитета—о присылкѣ отчета и свѣдѣній о составѣ учрежденія 3) Оренбургской Архив. Коммиссіи—о присылкѣ Альбома Литвиновой и трудовъ комитета.

г) *Предложеніе:* 1) ознакомиться съ свѣдѣніями о преміяхъ Августѣйшаго имени ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны 2) обмѣна изданіями редакціи «Литерат. Вѣстника».

10. Докладъ г. Предсѣдателя о назначеніи темъ на премію имени А. А. Потебни на 1903 г.

Назначены: «Литературные элементы русско-славянскихъ лѣтнихъ народныхъ праздниковъ, преимущественно купальнаго цикла».

Псковское Археологическое Общество препровождаетъ при семъ въ даръ Историко-Филологическому Обществу при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ нижепоименованныя книги:

1. Дневникъ послѣдняго похода Стефана Баторія на Россію. Переводъ съ польскаго языка Милевскаго.

2. Лѣтописное разъясненіе о Владычныхъ палатахъ въ г. Псковѣ, построенныхъ Архіепископомъ Новгородскимъ и Псковскимъ Макаріемъ.

3. Историко-Археологическій очеркъ Псковскаго Георгіевскаго со взвоза храма А. Березскаго.

4. Псковъ (изъ дорожныхъ замѣтокъ) М. Погодина.

5. Воспоминаніе объ осадѣ Пскова Польскимъ Королемъ Стефаномъ Баторіемъ въ 1581 г.

6. Рѣчь С. В. Кохомскаго съ воспоминаніемъ тойже осады въ засѣданіи Общества 8-го сентября 1881 г.

7. Святогорскій монастырь Н. Ф. Токмакова.

8. Палата Поганкина въ Псковѣ. Евлентьева.

9. Празднованіе 700-лѣтія св. Гавріила Псковскаго.

10. Слѣды пребыванія Александра Сергѣевича Пушкина въ Псковской губ. Васильева.

11. Псковскій городецъ и Мирожа, какъ мѣста первыхъ Псковскихъ поселеній. Ф. А. Ушакова.

12. По поводу Псковскихъ древнихъ печатей. Ф. А. Ушакова.

13. Журналы засѣданій Псковскаго Археологическаго Общества.

V.

21 февраля 1903 г.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Сумцова, при почетномъ предсѣдателѣ акад. Ѳ. И. Успенскомъ, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ, члены: Д. И. Багалѣй, В. П. Бузескулъ, Веретенниковъ, Е. М. Ивановъ, Г. Ю. Ирмеръ, А. П. Кадлубовскій, А. Ѳ. Котовъ, А. С. Лебедевъ, М. Д. Линда, М. А. Масловъ, И. В. Нетушилъ, Пельтцеръ, С. Н. Пономаревъ, В. И. Савва, М. П. Савиновъ, М. Е. Халанскій.

Слушали:

1. Докладъ *М. Г. Халанскаго* «Преданія о княгинѣ Ольгѣ и былины о Вольгѣ Всеславьичѣ». Въ первой части своего доклада референтъ остановилъ свое вниманіе на лѣтописныхъ преданіяхъ о кончинѣ Ольги и современныхъ малорусскихъ сказаніяхъ, записанныхъ въ Овручскомъ уѣздѣ, объ Ольгѣ и Юлгѣ. Въ послѣднихъ докладчикъ видитъ отголоски древне-русскихъ сказаній объ Ольгѣ, зашедшихъ въ народную среду и сохранившихся въ ней до настоящаго времени. Малорусская форма имени Ольги Юлга, а равно прилагательное Юлжинъ имѣются въ древнихъ памятникахъ: Юлга—Юльза у Эриха Ласcоты, а Юлжинъ имѣется въ житіи кн. Владиміра XV в. Вторая часть доклада была посвящена сравненію былинъ про Вольгу Святославича съ лѣтописными сказаніями про Олега Вѣщаго. Совпаденій замѣчается довольно много. Изъ нихъ открывается не только родство былинъ про Вольгу съ лѣтописными сказаніями про Олега, но и повидимому, нѣкоторая зависимость ихъ отъ послѣднихъ, объясняемая тѣмъ, что въ древности были жили въ дружинно боярской средѣ, нынѣшнее пребываніе въ крестьянствѣ—результатъ болѣе поздняго времени.

2. Докладъ *Н. Ѳ. Сумцова* «Шевченко, какъ художникъ и рисовальщикъ». Указавъ на малоизвѣстность произведеній живописи Шевченко и на малую разработку ихъ въ литературѣ, референтъ подробно

остановился на выясненіи значенія рисунковъ Шевченко: для біографіи поэта, для знакомства съ историческими памятниками, бытомъ, этнографіей Малороссіи. Въ заключеніе референтъ познакомилъ съ двумя картинами, приписываемыми Шевченкѣ и находящимися въ Харьковѣ: одна съ изображеніемъ Христа-Спасителя – въ собраніи г. Филонова, другая—съ изображеніемъ бурлака—въ музеѣ изящныхъ искусствъ университета. Референтъ полагаетъ возможнымъ видѣть и въ этихъ картинахъ отраженіе вліянія Брюлова и Рембрандта, на произведеніяхъ которыхъ Шевченко получилъ свое художественное образованіе.

3. Докладъ В. П. Бузескула о готовности Харьковской Духовной Консисторіей передать Историческому Архиву Общества—документы дѣлъ Духовнаго Правленія.

Постановлено: выразить согласіе въ такую передачу и просить о передачѣ вообще всѣхъ дѣлъ XVIII в.; для осмотра документовъ, находящихся въ Куряжскомъ мон.—командировать членовъ Общества.

4. Докладъ Секретаря Общества о передачѣ изъ предварительнаго Комитета по XII арх. отдѣла 89 руб. 80 к. за изданія: Альбома Литвиновой (8 экз.), книгу Д. И. Иловайскаго (43 экз.), 2-й том. трудовъ предв. комитета, и пожертвованіе.

5. Докладъ его же о пожертвованіи Обществу К. А. Петренко—рукописи, посвященной исторіи «новыхъ народовъ и царствъ» до 1802 г. Исторія—произведеніе учителя черниговскаго главнаго народнаго училища (1795 года), К. Г. Румницкимъ музею древностей университета—двѣ римскихъ монеты (Нервы Траяна и Фаустины), найденныхъ въ Роменскомъ уѣздѣ Полтавской губ.

VI.

7 марта 1903 года.

Присутствовали:—подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ—члены: Н. И. Алякритскій, А. В. Ветуховъ, Г. Ю. Ирмеръ, В. Е. Данилевичъ, Веретенниковъ, А. П. Кадлубовскій, М. Д. Линда, М. А. Масловъ, Т. Н. Никитскій, Пельтцеръ, М. М. Плохинскій, Л. Ю. Шепелевичъ.

Слушали:

1. Докладъ *Л. Ю. Шепелевича* «Генезисъ Донъ-Кихота». Докладъ—глава изъ труда, посвященнаго всестороннему изслѣдованію классическаго произведенія испанскаго писателя Сервантеса. Проф. Шепелевичемъ для

подготовки этого труда были совершены научныя поѣздки въ Испанію, гдѣ производились имъ специальныя изысканія въ библіотекахъ и изученіе какъ изданныхъ уже произведеній испанской литературы, современной великому испанскому писателю, такъ и не изданныхъ, извѣстныхъ въ рукописяхъ. Познакомивъ съ положеніемъ изученія «Донъ-Кихота» въ научной литературѣ, указавъ на недостатки этого изученія, проф. Шепелевичъ—познакомилъ съ задачей своего труда и съ тѣми результатами, къ которымъ онъ приходитъ въ немъ. Главнѣйшія изъ нихъ: а) выясненіе отношенія «Донъ-Кихота» къ рыцарскимъ романамъ: зависимость отъ нихъ лишь въ нѣкоторыхъ частяхъ, не пародія ихъ; б) выясненіе отношенія къ романамъ реалистическаго направленія; символическія толкованія не могутъ имѣть мѣста и значенія; зависимость творца произведенія—отъ условій современной жизни, отъ знакомства съ этой жизнью.

2. Сообщеніе г. Предсѣдателя объ отношеніи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, въ коемъ историко-филологическое общество приглашается открыть у себя Харьковское отдѣленіе предварительнаго комитета по устройству XIII археологическаго съѣзда и включить въ число задачъ дѣятельности его—составленіе указателей статей по мѣстной исторіи, археологіи и этнографіи, заключающихся въ издававшихся и теперь выходящихъ въ Харьковѣ періодическихъ изданіяхъ.

По обсужденіи второго предложенія—рѣшено—составить указатель указанныхъ статей, при чемъ:

а) предположено обратиться къ редакціямъ «Южнаго Края», «Харьковскихъ Вѣдомостей» и «Харьковскаго Листка» съ просьбой составить указатель статей, заключающихся въ указанныхъ газетахъ; б) согласились взять на себя трудъ составленія указателей: А. В. Ветуховъ къ «Мирному Труду» и «Міру», Н. Ѳ. Сумцовъ, къ «Статистическому Листку», М. А. Масловъ, къ Южно-Русской сельскохозяйственной газетѣ. в) необходимо поручить кому-нибудь изъ членовъ О-ва—для «Вѣры и Разума», Епархіальныхъ Вѣдостей, и газетъ, если редакціи откажутся.

3. Докладъ бумагъ, поступившихъ со времени послѣдняго засѣданія:

1) объявленіе правленія Одесскаго Литературно-Артистическаго общества о конкурсѣ на изслѣдованіе «Пушкинъ въ Одессѣ».

2) отношеніе г. ректора университета съ правилами—о допущеніи учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ публичныя засѣданія ученыхъ Обществъ.

3) просьба Дирекціи Николаевской Общественной библіотеки о пожертвованіи изданій Общества. Постановлено выслать XIII т. «Сборника» и 6-й в. трудовъ. педаг. Отдѣла.

4. Докладъ г. предсѣдателя объ услугахъ, оказанныхъ завѣдующимъ книжнаго магазина «Новаго Времени» г. Кормилицынымъ—педагогическому отдѣлу—по продажѣ билетовъ на устраиваемыя имъ лекціи. Постановлено: выразить ему благодарность.

VII.

7-го мая 1903 года.

Присутствовали—подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ,—члены: Н. И. Алякритскій, В. П. Бузескулъ, А. В. Ветуховъ, Веретенниковъ, Е. М. Ивановъ, Г. Ю. Ирмеръ, А. П. Кадлубовскій, М. Д. Линда, М. А. Масловъ, Пельтцеръ, С. В. Соловьевъ, В. И. Харціевъ.

Слушали:

1. Слово *Н. Ѳ. Сумцова* посвященное памяти проф. А. И. Кирпичникова, одного изъ основателей Общества, принимавшаго въ дѣлахъ его живое участіе, способствовавшаго особенно въ первые годы существованія его процвѣтанію, развитію и не оставлявшаго его тѣмъ-же участіемъ въ послѣдующее время. Ораторъ указалъ на заслуги покойнаго для науки, русскаго просвѣщенія и отмѣтилъ наиболѣе выдающіеся труды его.

2. Слово С. В. Соловьева, посвященное памяти проф. А. И. Кирпичникова. (см. приложеніе).

Память покойнаго была почтена вставаніемъ.

Одно изъ ближайшихъ засѣданій Общества—совмѣстно и педагогическаго отдѣла—рѣшено посвятить памяти проф. Кирпичникова, оцѣнкѣ его научно-педагогическихъ трудовъ; для этого засѣданія предположены къ прочтенію рѣчи профессоровъ: Н. Ѳ. Сумцова, Л. Ю. Шепелевича, С. В. Соловьева, М. Г. Халанскаго, Е. К. Рѣдина.

3. Предложеніе Н. Ѳ. Сумцова—объ основаніи музея въ память проф. А. А. Потебни. Общество рѣшило образовать при историческомъ архивѣ музей въ память проф. *А. А. Потебни*; въ музеѣ будутъ собраны всѣ предметы, имѣющіе отношеніе къ личности знаменитаго ученаго, могущіе дать матеріалъ для его характеристики, какъ ученаго человѣка, для уясненія его творчества, его обстановки, его сочиненія, ру-

кописи, письма его и письма другихъ; адресованныя къ нему, критическія изслѣдованія его трудовъ, портреты его родителей, близкихъ къ нему лицъ, предметы его обстановки и т. п.

Общество обращается съ покорнѣйшей просьбой о помощи ему въ устройствѣ музея—пожертвованіемъ предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ личности А. А. Потебни.

4. Докладъ *Г. Ю. Ирмера* о Глеймѣ—по поводу столѣтія со времени его смерти. Докладчикъ подробно изложилъ біографію поэта и далъ характеристику его личности и поэтическаго творчества. Девизомъ Глейма и его жизни, по характеристикѣ докладчика, были—умѣренность и трезвость въ чувственномъ, яркое и пламенное стремленіе ко всему духовному; въ дружбѣ — образецъ вѣрности; справедливость въ энтузіазмѣ, усердіе въ оцѣнкѣ заслугъ другихъ; во всѣхъ дѣлахъ и въ трудахъ для родины—серьезность, полная разума и опыта; бдительность на службѣ и полное воодушевленіе къ славѣ отечества; при исполненіи обязанностей—благосклонность, помощь всюду, гдѣ возможно—совѣтомъ и дѣломъ, въ поэзіи—жизнерадостность, воодушевленіе всѣмъ прекраснымъ, благороднымъ, великимъ.

5. Докладъ а) о пожертвованіяхъ, б) цензурномъ разрѣшеніи, и в) уставахъ Общества и Педагогическаго Отдѣла.

а) Обществу принесены пожертвованія: Е. Д. Школяренко — документы XVIII в., имѣющіе отношеніе къ мѣстной исторіи; М. Д. Линдой—книги и группа профессоровъ Московскаго университета.

б) Дано цензурное разрѣшеніе 1) на посмертное изданіе труда А. А. Потебни «Изъ записокъ по теоріи словесности подъ редакціею В. И. Харціева, 2) альбомъ выставки XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ подъ редакціею Е. К. Рѣдина;

в) Разсмотрѣнъ и дополненъ уставъ Общества и разсмотрѣнъ вновь составленный уставъ Педагогическаго Отдѣла. Рѣшено представить оба для утвержденія въ Министерство Народнаго Просвѣщенія.

ПАМЯТИ

ПРОФЕССОРА

Ивана Николаевича

МИКЛАШЕВСКАГО.

Профессоръ Иванъ Николаевичъ Миклашевскій.

ПАМЯТИ

Профессора Ивана Николаевича Миклашевскаго

3-го декабря 1901 г. Историко-Филологическое Общество и Харьковскій Университетъ понесли тяжелую потерю: скончался членъ Общества, профессоръ Университета *Иванъ Николаевичъ Миклашевскій*. Высоко цѣня покойнаго ученаго, такъ много сдѣлавшаго для науки, для Общества и Университета—Историко-Филологическое Общество 13-го декабря устроило специальное засѣданіе, посвященное чествованію памяти покойнаго,—и постановило напечатать всѣ рѣчи, сказанныя въ засѣданіи, у его гроба, и нѣкоторые изъ появившихся о немъ статей и некрологовъ.

I.

† Иванъ Николаевичъ Миклашевскій.

3-го декабря отъ воспаленія легкихъ скончался профессоръ Харьковскаго университета по каѳедрѣ политической экономіи и статистики *Иванъ Николаевичъ Миклашевскій.* Покойный умеръ еще сравнительно молодымъ человѣкомъ на 43 году своей жизни, въ полномъ расцвѣтѣ энергіи и умственныхъ дарованій, среди ряда задуманныхъ работъ, изъ которыхъ большое изслѣдованіе, потребовавшее много труда и энергіи (Очеркъ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства XVII вѣка) было уже близко къ окончанію, и эскизами этой интересной работы онъ еще недавно дѣлился со своими товарищами по наукѣ въ одномъ изъ засѣданій Харьковскаго историко-филологическаго Общества. Покойный Иванъ Николаевичъ обладалъ широкимъ энциклопедическимъ образованіемъ, какъ это показываетъ пройденный имъ путь ученой и преподавательской дѣятельности. Окончивъ въ 1882 г. курсъ физико-математическихъ наукъ по естественному отдѣленію въ Новороссійскомъ университетѣ, онъ затѣмъ, въ качествѣ стипендіата Петровской земледѣльческой академіи, послѣдовательно держитъ экзаменъ на степень кандидата сельскаго хозяйства и магистра сельско-хозяйственныхъ наукъ. Съ 1887 до 1891 года онъ, какъ доцентъ, преподаетъ въ той же академіи сельско-

хозяйственное законодательство (полицію сельскаго хозяйства). Оставивъ въ 1891 года академію, Иванъ Николаевичъ въ 1893 году выдерживаетъ въ Демидовскомъ юридическомъ лицеѣ экзаменъ па степень кандидата правъ и вслѣдъ затѣмъ съ 1894 по 1896 г. онъ, въ качествѣ прив.-доц., читаетъ при Московскомъ университетѣ лекціи по прикладной экономіи. Въ періодъ пребыванія своего въ Московскомъ университетѣ, онъ также читалъ лекціи политической экономіи и статистики въ Московскомъ техническомъ училищѣ. Затѣмъ, послѣ кратковременнаго профессорства Демидовскаго юридическаго лицея, онъ въ 1896 году переходитъ въ Харьковскій университетъ въ качествѣ профессора статистики, а послѣ смерти профессора Цѣхановецкаго занимаетъ каоедру соединеннаго преподаванія политической экономіи и статистики. О разнообразіи отраслей знанія, къ которымъ покойный Иванъ Николаевичъ прилагалъ свой трудъ, наглядное представленіе можетъ дать слѣдующій перечень его работъ. Имъ было написано изслѣдованіе «Геологія Глуховскаго уѣзда Черниговской губерніи», сочиненіе «Къ исторіи сельско-хозяйственнаго быта Московскаго государства», «Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины Россіи XVII (17) вѣка» (Москва 1894 годъ), представляющее одну изъ первыхъ попытокъ изученія сельско-хозяйственной исторіи Россіи по архивнымъ документамъ, доставившее ему ученую степень магистра сельскаго хозяйства и удостоенное Уваровской преміи отъ академія наукъ. Въ трудахъ Императорскаго Московскаго Общества сельскаго хозяйства (1893 г.), въ «Рус. Мысли» (1895 г.) и въ «Журн. Мин. Юст.» (1896 г.) имъ былъ напечатанъ рядъ статей по водному праву. Въ періодъ 90 годовъ имъ были напечатаны статьи: «Законъ сбереженія лѣсовъ въ Россіи» (Вѣстникъ Сельскаго Хозяйства), «Очерки крестьянскаго хозяйства въ Малороссіи» (Изв. Петр. Акад.), «Du prix de rivient des principaux céréales en Russie et en Allemagne («Journ. des Econom.») «Di eEntvicklung des landwirtlschaftlichen Bildungwesens in Russland» (Wien., 1892), и много статей по самымъ разнообразнымъ отраслямъ обществовѣдѣнія было помѣщено имъ въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона. Въ краткой и спѣшной замѣткѣ невозможно охарактеризовать разнообразную научную дѣятельность покойнаго.

Не смотря на давно уже надорванное здоровье, онъ отличался высокою трудоспособностью и необычайною страстью къ работѣ. Смерть отняла у университетской коллегіи работника, который по своимъ дарованіямъ и ученой подготовкѣ многое могъ сдѣлать для науки. Вѣчная ему память! («Х. В.»).

Профессоръ *В. Левитскій.*

II.

Рѣчь проф. Д. И. Багалѣя, произнесенная надъ гробомъ, при выносѣ тѣла покойнаго въ университетскую церковь, 4-го декабря, Вторникъ.

Не стало Ивана Николаевича Миклашевскаго... Горькая, тяжкая и обидная по своей неожиданности утрата! Какою глубокою скорбью прозвучатъ эти слова въ сердцахъ всѣхъ тѣхъ, кто зналъ его такъ хорошо, какъ знали мы—его товарищи и друзья! Не можетъ человѣческое чувство примириться и со смертью старца, жизнь котораго дѣлается въ тягость ему самому. Какъ же примириться со смертью того, кто былъ въ полномъ расцвѣтѣ своихъ богатыхъ духовныхъ силъ и чья жизнь, казалось, еще многіе, многіе годы будетъ посвящена общественному благу? Говорятъ, хороша смерть при исполненіи своего долга. Иванъ Николаевичъ умеръ, какъ воинъ, на своемъ ученомъ и преподавательскомъ посту, жертвою своей ревности къ наукѣ и образованію юношества. Въ своемъ увлеченіи учеными трудами и преподаваніемъ, онъ не щадилъ своихъ силъ, работалъ безъ устали, безъ передышки, безъ необходимаго каникулярнаго отдыха—надъ своею докторскою диссертаціей и одновременно надъ отдѣльными статьями, приготовлялъ къ печати сборники разнообразныхъ имъ самимъ открытыхъ матеріаловъ. Это былъ очень умный, способный, талантливый и трудолюбивый ученый. Въ силу неблагопріятныхъ обстоятельствъ, ему на первыхъ порахъ, до перехода въ Харьковскій университетъ, трудно было сосредоточиться на спокойной ученой работѣ; но тѣмъ не менѣе онъ написалъ не обычную, шаблонную диссертацію, а ученое изслѣдованіе, которое восполнило серьезный пробѣлъ въ наукѣ и которое надолго сохранитъ свою цѣну для историка, юриста и экономиста, благодаря богатству данныхъ и добросовѣстной ихъ обработкѣ.

Широкое энциклопедическое образованіе, смѣлость мысли, энергическое горячее слово, внутренній живой интересъ къ университету, отзывчивость на его радости и печали, чаянія и надежды—все это создало ему сравнительно молодому и новому члену коллегіи особое, видное и вліятельное положеніе въ этой послѣдней. Увлекаясь общеуниверситетскими дѣлами, онъ былъ активнымъ, энергичнымъ членомъ совѣта, который не разъ выбиралъ его въ наиболѣе отвѣтственныя коммиссіи: онъ былъ редакторомъ доклада объ уничтоженіи гонорара, онъ былъ вицепредсѣдателемъ комитета по сооруженію памятника В. Н. Каразину, онъ былъ, наконецъ, душею коммиссіи, избранной совѣтомъ для пересмотра университетскаго устава. И всѣ мы знаемъ, какъ горячо, до самозабвенія отдался онъ этому послѣднему дѣлу, составлявшему и продолжающему составлять

предметъ надеждъ и упованій всѣхъ тѣхъ, кто не безучастно относится къ университету и кто желаетъ обѣщанной уже реформы для дальнѣйшаго мирнаго, спокойнаго поступательнаго развитія ихъ на благо общества и государства, науки и просвѣщенія.

И вся эта малозамѣтная для постороннихъ и, однако, кипучая по своей напряженности дѣятельность сразу теперь замерла. Сердце, бившееся любовью къ обществу, къ учащейся молодежи, теперь остановилось.

А многіе изъ тѣхъ, о коихъ онъ скорбѣлъ и заботился, быть можетъ, и не знали, и не догадывались, сколько подъ его суровою внѣшностью скрыто было любви и участія къ нимъ, ибо рѣдко устанавливается правильная оцѣнка общественной дѣятельности лица при его жизни.

Позаботимся же по крайней мѣрѣ о томъ, чтобы такая оцѣнка была сдѣлана въ ближайшемъ будущемъ. На нашей нравственной обязанности будетъ прежде всего разобрать, сохранить и издать его ученое посмертное наслѣдіе и затѣмъ дать всестороннюю оцѣнку его заслугъ передъ Харьковскимъ университетомъ, ибо онъ былъ вѣрнымъ и преданнымъ его дѣятелемъ, подвизавшимся подвигомъ добрымъ и честнымъ на благое просвѣщеніе. Прощай, дорогой другъ! Sit tibi terra levis! («Х. В.»).

Въ среду 5-го декабря состоялось погребеніе проф. Н. И. Миклашевскаго. Предъ выносомъ гроба изъ церкви и у могилы усопшаго были сказаны рѣчи: первая Н. А. Гредескуломъ, а вторая Н. А. Максимейко.

III.

Рѣчь, произнесенная у гроба покойнаго И. Н. Миклашевскаго Н. А. Гредескуломъ.

Не долго пришлось Харьковскому юридическому факультету имѣть въ своей средѣ профессора Ивана Николаевича Миклашевскаго. Немногимъ больше 5 лѣтъ тому назадъ онъ прибылъ къ намъ изъ Москвы, вступилъ въ нашъ товарищескій кругъ,—и, вотъ, его уже нѣтъ съ нами, и мы стоимъ передъ его холоднымъ прахомъ..... Эта новая потеря нашего факультета для насъ тѣмъ тяжелѣе, что, на этотъ разъ, смерть выхватила свою жертву, какъ-бы открытою силою, какъ-бы нападеніемъ среди бѣла дня... Еще нѣсколько дней тому назадъ мы сидѣли съ нимъ за однимъ столомъ, мы дѣлили съ нимъ товарищескую бесѣду, мы слышали его живую, всегда интересную рѣчь,—а теперь мы уже должны закрѣплять его образъ въ своемъ воспоминаніи....

Покойный Иванъ Николаевичъ былъ весьма значительной научной и преподавательской силой нашего факультета. Я не буду вдаваться въ въ оцѣнку его ученыхъ трудовъ—это сдѣлали, да еще и сдѣлаютъ специалисты его предмета. Но я считаю умѣстнымъ указать здѣсь одну замѣчательную черту его, какъ ученаго и преподавателя. Это былъ образцовый, европейски образцовый работникъ. Онъ работалъ не урывками, и не порывами, а постоянно и непрерывно, изо дня въ день, почти не отходя отъ своего письменнаго стола съ пишущей американской машиной и ни на минуту не прекращая своего научнаго мышленія. Его рабочій день начинался утромъ рано, а оканчивался поздно ночью. Онъ работалъ такъ, какъ у насъ въ Россіи работаютъ не часто, а только при такой работѣ и возможна крупная научная продуктивность.—Какъ преподаватель, онъ отличался не меньшимъ рвеніемъ къ дѣлу. Въ свое преподаваніе онъ вкладывалъ всю свою душу и всѣ свои силы. Къ сожалѣнію, университетское преподаваніе, которое при добросовѣстномъ къ нему отношеніи, требуетъ большого нервнаго напряженія, не всегда благопріятно отзывалось на его не крѣпкихъ силахъ. Мы всѣ помнимъ, какъ часто мы видѣли его въ нашей лекторіи до крайности усталымъ послѣ двухъ подрядъ прочтенныхъ лекцій или послѣ еще болѣе продолжительной бесѣды со студентами при зачетахъ полугодій. Можно сказать, что при исполненіи своего служебнаго долга онъ совсѣмъ не щадилъ своихъ личныхъ силъ и своего здоровья.

Кругъ научныхъ и преподавательскихъ интересовъ былъ, конечно, главнымъ и основнымъ въ жизни покойнаго Ивана Николаевича. Но къ нему тѣсно примыкалъ и кругъ его живыхъ общественныхъ интересовъ. Онъ постоянно интересовался и всѣми фибрами своей души отзывался на всѣ текущіе вопросы нашей русской и общей европейской жизни. Но особенно близкимъ были ему всегда вопросы университетской жизни. Здѣсь нельзя не вспомнить съ особенной благодарностью его непосредственнаго участія въ разработкѣ основаній столь всѣми нами желанной и съ такимъ нетерпѣніемъ нами ожидаемой учебной реформы, которая должна для нашихъ русскихъ университетовъ замѣнить ихъ нынѣшнюю печальную дѣйствительность болѣе свѣтлымъ будущимъ... Какъ извѣстно, въ коммиссіи, избранной совѣтомъ нашего университета для формулированія отвѣтовъ на извѣстные вопросы, предложенные министерствомъ народнаго просвѣщенія, Иванъ Николаевичъ былъ однимъ изъ секретарей, т. е. опять активной рабочей силой, выносящей на своихъ плечахъ общую тяготу.

Но—увы! безвременно усопшій товарищъ! тебѣ уже не придется увидѣть обѣщаннаго намъ обновленнаго университета, о которомъ ты

мечталъ и для котораго работалъ. Твоя жизнь и дѣятельность прерваны чуть не наполовинѣ.... Позволь-же принести тебѣ отъ имени твоихъ товарищей по факультету наше послѣднее земное грустное *прости*.

IV.

Рѣчь, произнесенная Н. А. Максимейко.

Мы хоронимъ человѣка, который нѣсколько дней тому назадъ работалъ, смѣялся, былъ полонъ надеждъ и плановъ. Кто могъ тогда подумать, что немного дней спустя мы будемъ стоять у бездыханнаго трупа. Эта быстрота развязки подавляетъ всѣхъ, ставитъ въ тупикъ, парализуетъ сознаніе. Смерть Ивана Николаевича не только является неожиданностью для всѣхъ. Она несправедлива. Покойному было всего 43 года. Это возрастъ высшаго расцвѣта духовныхъ силъ человѣка, тотъ возрастъ, когда человѣкъ обыкновенно даетъ лучшее, на что онъ способенъ. Значитъ, жизнь Ивана Николаевича оборвалась на самомъ интересномъ и цѣнномъ моментѣ ея. Обидно! Еще болѣе несправедлива эта смерть, потому что покойный въ послѣдніе годы напряженно и съ успѣхомъ работалъ надъ капитальнымъ изслѣдованіемъ о состояніи народнаго хозяйства въ Московскомъ государствѣ. Для разрѣшенія этого вопроса покойный почти въ теченіе двухъ лѣтъ собиралъ архивные матеріалы. Въ текущемъ году онъ съ любовью обрабатывалъ ихъ. Онъ постоянно думалъ и говорилъ о своихъ излюбленныхъ сюжетахъ. Онъ лелѣялъ свое изслѣдованіе, какъ лучшее сокровище. Работа подвигалась впередъ, и уже отрадно мерцалъ въ недалекомъ будущемъ ея желанный конецъ. Но вдругъ слѣпая и нелѣпая смерть подкосила его, не дала ему выпустить въ свѣтъ свое любимое дѣтище. Это жестоко!

Но не все обратилось въ прахъ. Смерть не въ состояніи уничтожить то, что посѣялъ покойный, какъ ученый, какъ преподаватель и какъ членъ университетской корпораціи. Этотъ посѣвъ долженъ произрасти. Смерть безсильна также изгладить изъ нашей памяти образъ ученаго работника, самоотверженнаго и неутомимаго, какимъ былъ покойный Иванъ Николаевичъ. Много пришлось ему поработать, прежде чѣмъ онъ сталъ на свою дорогу профессора политической экономіи и статистики. Онъ жадно бросался изъ одной среды знаній въ другую. Окончивъ физико-математическій факультетъ по естественному отдѣленію, онъ изучаетъ сельско-хозяйственныя науки, затѣмъ переходитъ къ юриспруденціи и политической экономіи, наконецъ, пишетъ изслѣдованіе по исторіи экономическаго

быта Россіи. Много потребовалось труда, чтобы одолѣть всю эту разнообразную массу знаній. Въ послѣдніе годы я имѣлъ возможность непосредственно слѣдить за ходомъ его занятій. Я живо помню, какъ онъ занимался въ Московскихъ архивахъ. Онъ исхлопоталъ себѣ разрѣшеніе оставаться въ архивахъ сверхъ положенной нормы часовъ и каждый день просиживалъ тамъ отъ 8 часовъ утра до 4 часовъ вечера. Между тѣмъ время было лѣтнее, и въ городѣ стояла нестерпимая жара. При этомъ меня поражалъ полный индиферентизмъ и аскетизмъ по отношенію къ удовольствіямъ и развлеченіямъ. Единственнымъ его удовольствіемъ и отдыхомъ служили вечернія прогулки въ скверѣ, расположенномъ вокругъ храма Христа Спасителя. Пріѣхавши въ Харьковъ, покойный продолжалъ работать. Недавно, недѣли двѣ—три тому назадъ, онъ докладывалъ въ нашемъ историческомъ обществѣ результаты своего изслѣдованія и оживленно спорилъ съ возражавшими ему оппонентами. Онъ писалъ до тѣхъ поръ, пока болѣзнь не свалила его съ ногъ. Говорятъ, что въ состояніи безпамятства онъ бредилъ любимыми темами своихъ изслѣдованій. Можно поэтому сказать, что и умеръ онъ на трудовомъ посту ученаго работника. Съ почтеніемъ преклоняюсь предъ величіемъ той трудовой ноши, которую выдержалъ на себѣ покойный Иванъ Николаевичъ на своемъ короткомъ вѣку. Пусть этотъ неугомонный при жизни труженикъ найдетъ себѣ отдыхъ тамъ, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, но жизнь безконечная («Х. В.»).

V.

Памяти И. Н. Миклашевскаго.

Нѣтъ между нами отзывчиваго, участливаго, дорогого товарища, готоваго жертвовать временемъ, здоровьемъ, матеріальными средствами служенію наукѣ и университету. Не стало между нами горячо убѣжденнаго, твердо вѣрящаго въ свое призваніе ученаго руководителя молодежи, лучшаго академическаго дѣятеля. Одушевленный образцовыми гражданскими чувствами, И. Н. служилъ университету, какъ и обществу, вѣрою и правдою, не щадя силъ, далеко не обильныхъ. Онъ сошелъ съ житейской арены во цвѣтѣ лѣтъ, надеждъ, съ вѣрою въ лучшее будущее университета, честно и великодушно потрудившись для общаго дѣла. Ученыя заслуги И. Н. будутъ отмѣчены спеціалистами; да позволено мнѣ будетъ преклониться передъ тѣнью благороднаго, честнаго человѣка, гражданина-ученаго, ни на минуту не забывавшаго о своемъ долгѣ по отношенію къ обществу. Память о И. Н. всегда жива будетъ въ общественной средѣ,

въ которой онъ работалъ; примѣръ его будетъ всегда назиданіемъ его сотрудникамъ и преемникамъ. Въ сердцахъ друзей И. Н. оставитъ навсегда глубокую скорбь; мы будемъ жалѣть не того, чей высокій духъ успѣлъ освободиться отъ скорбной жизни, а тосковать въ тяжелыя минуты гражданской дѣятельности, не слыша его добраго, проникнутаго вѣрою въ идеалъ призыва, его рѣчи, полной ума и чувства.

Multis ille occidit flebilis. («Х. В.»).

Проф. *Л. Шепелевичъ.*

VI.

Проф. И. Н. Миклашевскій

(Изъ воспоминаній о немъ).

Оторванный въ обычные, дѣловые дни отъ интересовъ родного университета, отъ его радостей и печалей, я, узнавши вчера о неожиданной для меня кончинѣ профессора Ивана Николаевича Миклашевскаго, пережилъ нѣсколько минутъ прошедшаго времени и полный благодарныхъ воспоминаній о своемъ бывшемъ учителѣ, чувствую себя въ правѣ сказать доброе слово въ память дорогого покойника.

Иванъ Николаевичъ появился среди профессоровъ юридическаго факультета, Харьковскаго университета, въ 1897 году и занялъ каѳедру статистики; затѣмъ, по смерти проф. Цѣхановецкаго, онъ занималъ каѳедру политической экономіи...

Какъ сейчасъ помню эту первую лекцію, которой началъ покойный Иванъ Николаевичъ чтеніе политической экономіи послѣ одного изъ талантливѣйшихъ истолкователей основы этой науки — проф. Цѣхановецкаго. Эта лекція, посвященная памяти проф. Цѣхановецкаго, была прочитана Иваномъ Николаевичемъ съ такой любовью, съ такимъ глубокимъ уваженіемъ къ знаніямъ и таланту своего предшественника по каѳедрѣ, что намъ, молодымъ его слушателямъ, не успѣвшимъ еще понять и оцѣнить научныхъ заслугъ этого профессора, тогда съ поразительной очевидностью стало ясно, какую тяжелую потерю съ его смертью понесла наука, а вмѣстѣ съ ней и Харьковскій университетъ. Ясно помню нервное, худое лицо Ивана Николаевича, когда онъ, съ глазами, полными слезъ, выходилъ изъ аудиторіи, гудѣвшей отъ дружныхъ искреннихъ апплодисментовъ. Послѣ этой лекціи у многихъ изъ насъ установились самыя близкія, симпатичныя отношенія съ Иваномъ Николаевичемъ, и кто узналъ его близко, тотъ, думаю, не могъ не уважать и

не любить его. Безукоризненный труженикъ, Иванъ Николаевичъ требовалъ и отъ студентовъ добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу и часто, во время бесѣдъ у себя на дому, укоряя насъ въ нерадѣніи и нежеланіи усовершенствовать свои знанія, онъ любилъ повторять слова указа Петра В.: «что добро и надобно, а новое, то наши люди безъ принужденія не сдѣлають».

Занявъ съ самаго начала каѳедру статистики, Иванъ Николаевичъ читалъ намъ также параллельныя лекціи, спеціально посвященныя изученію сельско-хозяйственной статистики въ Россіи.

Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи было, между прочимъ, однимъ изъ любимыхъ вопросовъ Ивана Николаевича и, ознакомившись съ его трудомъ: «Исторія хозяйств. быта Московскаго Государства» (Москва 1894 г.), можно видѣть, какъ широко понималъ покойный профессоръ задачу историка сельскаго хозяйства (Введеніе, стр. 5) и какой богатый матеріалъ собралъ онъ въ упомянутомъ трудѣ для научнаго рѣшенія этого очередного у насъ вопроса (стр. 267—310).

Въ лицѣ покойнаго Ивана Николаевича нашъ университетъ потерялъ безспорно талантливаго и въ высшей степени добросовѣстнаго профессора, любившаго науку, много во имя ея потрудившагося и умѣвшаго вселить къ ней любовь у своихъ слушателей;—въ этомъ—главнѣйшая его заслуга, какъ преподавателя, и за это вѣчное ему спасибо! Спасибо также и за то, что своимъ примѣромъ честнаго исполненія лежавшаго на немъ дѣла— онъ воспитывалъ въ этомъ направленіи близкихъ къ нему по симпатіямъ бывшихъ его слушателей... Да простится одному изъ нихъ за это безыскусное слово, сказанное отъ искренняго сердца надъ свѣжей и, тяжело сказать, слишкомъ ранней могилой дорогого наставника. Sit tibi terra levis. («Ю. К.»).

Г. П--въ.

VII.

Засѣданіе Историко-Филологическаго Общества, посвященное памяти проф. И. Н. Миклашевскаго.

Въ четвергъ, 13-го декабря, состоялось засѣданіе Историко-Филологическаго Общества при Харьковскаго университетѣ, посвященное памяти профессора Ивана Николаевича *Миклашевскаго*; засѣданіе почтили присутствіемъ родственники покойнаго профессора и нѣкоторые члены Юридическаго Общества.

Предсѣдатель Общества, *проф. Н. Ѳ. Сумцовъ* сказалъ слѣдующее слово, посвященное памяти И. Н. Миклашевскаго:

«3-го декабря скончался на 43-мъ году жизни профессоръ Харьковскаго университета Иванъ Николаевичъ Миклашевскій. Горестная потеря для русской науки, для Харьковскаго университета, для тѣхъ друзей покойнаго, которые уважали и любили его, какъ весьма свѣдующаго ученаго, какъ человѣка высокихъ правственныхъ качествъ. Иванъ Николаевычъ въ послѣднее время работалъ чрезвычайно энергично, точно онъ предчувствовалъ, что надъ нимъ носится ангелъ смерти, точно спѣшилъ внести въ науку и университетъ свой личный вкладъ.

Такъ недавно, 30-го октября, Иванъ Николаевичъ въ засѣданіи Историко-филологическаго Общества прочелъ превосходный докладъ по исторіи древне-русскаго хозяйства. Такъ недавно, въ половинѣ ноября, еще бодрый и энергичный, онъ несъ главную работу въ университетской коммиссіи по сооруженію памятника В. Н. Каразину. Еще такъ недавно при освященіи памятника Г. М. Цѣхановецкому видѣли его съ обнаженной головой передъ могилой покойнаго ректора. Еще такъ недавно въ совѣтѣ раздавались его продуманныя и сердечныя рѣчи въ пользу университетскихъ реформъ. Иванъ Николаевичъ приступалъ къ изданію большого научнаго труда, подготовленнаго посредствомъ тщательныхъ архивныхъ розысканій; но «вечиронька на столи, а смертъ за плечима». Бившій ключомъ источникъ духовной жизни сразу изсякъ. Разбилось въ дребезги любящее, открытое, отзывчивое сердце; оно оказалось слабымъ передъ таковымъ недугомъ. Навсегда умолкъ голосъ, неуклонно призывавшій, въ предѣлахъ искренняго индивидуальнаго пониманія, къ исполненію высшихъ задачъ и лучшихъ цѣлей жизни. Среди выдающихся достоинствъ Ивана Николаевича прежде всего нужно отмѣтить разнообразіе и разносторонность его научныхъ стремленій, его необыкновенную работоспособность и присутствіе живыхъ общественныхъ интересовъ. Студентъ естественникъ Иванъ Николаевичъ съ теченіемъ времени занялъ каѳедру на юридическомъ факультетѣ и во многихъ отношеніяхъ вошелъ въ кругъ научныхъ интересовъ профессоровъ-филологовъ. Въ университетѣ Иванъ Николаевичъ былъ живымъ связующимъ звеномъ между факультетами юридическимъ и историко-филологическимъ, не только въ сферѣ научныхъ интересовъ, но и въ кругу личныхъ отношеній. Среди профессоровъ историко-филологическаго факультета Иванъ Николаевичъ давно считался своимъ человѣкомъ, близкимъ и дорогимъ человѣкомъ общихъ научныхъ стремленій и общихъ симпатій. Мало того, Иванъ Николаевичъ сумѣлъ занять видное мѣсто и въ Историко-филологическомъ Обществѣ, и въ

Педагогическомъ Отдѣлѣ, въ обоихъ этихъ учрежденіяхъ онъ былъ двигательной, дѣятельной силой, въ обоихъ онъ читалъ свои рефераты, въ которыхъ съ чисто научными интересами искусно соединялъ живыя общественныя стремленія. Въ послѣдніе годы въ университетѣ не было кажется ни одного сколько нибудь крупнаго дѣла, въ обсужденіи котораго Иванъ Николаевичъ не принялъ самаго дѣятельнаго участія. Такъ, обстоятельный докладъ университетской коммиссіи 1897 г. по вопросу объ уничтоженіи профессорскаго гонорара составленъ былъ Иваномъ Николаевичемъ. Извѣстно далѣе, какое видное участіе принималъ Иванъ Николаевичъ въ составленіи доклада коммиссіи по вопросу объ измѣненіи устава 1884 г. и въ возникшихъ по этому поводу въ совѣтѣ дебатахъ. Историко-филологическое Общество къ благодарности покойному за его участіе въ докладахъ должно присоединить еще благодарное воспоминаніе о его участіи въ разработкѣ проекта новаго устава. Этотъ слабый, болѣзненный человѣкъ не боялся работы, онъ работалъ съ примѣрной настойчивостью и образцовой добросовѣстностью, безъ высокомѣрія, съ всегдашней готовностью выслушать всѣ замѣчанія и исправить всѣ достаточно доказанныя ошибки, и много было духовной силы въ этомъ слабомъ, хиломъ тѣлѣ. Миръ праху твоему, дорогой товарищъ, и да будетъ имя твое вѣчно дорогимъ и памятнымъ въ лѣтописяхъ Харьковскаго университета!»

Проф. *Д. И. Багалѣй* въ своей рѣчи говорилъ объ ученой дѣятельности покойнаго И. Н. Миклашевскаго и спеціально остановился на его магистерской диссертаціи о заселеніи и хозяйственномъ бытѣ южной окраины Московскаго государства въ XVII вѣкѣ. Указавъ на значеніе этого труда не только для политической экономіи, но и для русской исторіи, ораторъ выразилъ пожеланіе объ изданіи Обществомъ оставшихся не изданными его трудовъ.

По предложенію проф. Н. Ѳ. Сумцова—рѣшено издать сборникъ всѣхъ статей и рѣчей, посвященныхъ памяти проф. И. Н. Миклашевскаго, и приложить къ нему портретъ покойнаго; равно обратиться съ предложеніемъ къ наслѣдникамъ о готовности издать ненапечатанные еще труды покойнаго. *М. Д. Линда* указалъ на труды И. Н. Миклашевскаго въ Харьковскомъ Обществѣ Грамотности; и *В. П. Бузескулъ* о его трудѣ въ коммиссіи по выработкѣ проекта новаго университетскаго устава.

VIII.

† И. Н. Миклашевскій.

Въ ночь со второго на третье декабря 1901 г. скончался профессоръ политической экономіи и статистики Харьковскаго университета Иванъ Николаевичъ Миклашевскій. Покойному было всего 43 года и смерть безжалостно оторвала его отъ работы въ самую, быть можетъ, лучшую и зрѣлую эпоху его жизни. Въ надгробной рѣчи одинъ изъ его товарищей по университету профессоръ Гредескулъ сказалъ [1]): «покойный И. Н. былъ весьма значительной научной и преподавательской силой нашего университета... Я считаю умѣстнымъ указать здѣсь одну замѣчательную черту его, какъ ученаго и преподавателя. Это былъ образцовый, европейски образцовый, работникъ. Онъ работалъ не урывками, не порывами, а постоянно и непрерывно, почти не отходя отъ своего письменнаго стола съ пишущей американской машинкой и ни на минуту не прекращая своего научнаго мышленія. Его рабочій день начинался утромъ рано, а оканчивался поздно ночью». Въ этихъ словахъ вѣрно схвачена особая природа покойнаго профессора, которая подтверждается и всей исторіей его жизни. Это былъ дѣйствительно научный работникъ по призванію, съ безконечной жаждой знанія и съ умѣніемъ добывать его упорно, не щадя силъ и находя даже въ случаяхъ тяжкаго нездоровья и житейскихъ невзгодъ бодрость и поддержку въ научной работѣ. Постоянное стремленіе къ знанію, никогда не падающая энергія духа, сила воли даже въ самыя тяжелыя минуты, способность ради знанія и истины пожертвовать всѣми жизненными благами, широта взгляда, многосторонность знанія, душевная доброта и умѣніе цѣнить людей—вотъ личныя характерныя особенности покойнаго.

По окончаніи курса на естественномъ факультетѣ въ Одессѣ съ золотою медалью, которую ему, однако, не удалось получить благодаря разнымъ факультетскимъ дрязгамъ, онъ рѣшается заняться геологіей, поселяется въ Москвѣ и долго, напряженно работаетъ въ этой области. Цѣлый рядъ личныхъ обстоятельствъ, однако, отрываетъ его отъ этой работы; онъ переѣзжаетъ въ Черниговскую губернію и пытается заняться сельскимъ хозяйствомъ и земскою дѣятельностью. Остается здѣсь онъ недолго, но успѣваетъ скоро сдѣлаться виднымъ земцемъ. Выбранный совѣтомъ Петровско-Разумовской академіи въ стипендіаты для приготовленія къ профессорскому званію, онъ немедленно отправляется въ Москву и съ новой энергіей принимается за изученіе сельскаго хозяйства вмѣстѣ съ другимъ же стипендіатомъ И. В.

---

[1]) См. эту рѣчь выше.

Рябининымъ. Какъ лицъ, чуждыхъ академіи (совѣтъ академіи избиралъ стипендіатовъ не изъ своихъ учениковъ, а изъ окончившихъ естественный факультетъ по требованію министерства), —товарищи профессора встрѣтили ихъ нѣсколько холодно. Чтобы упрочить свое положеніе въ качествѣ представителя новой для него отрасли знанія и чтобы улучшить свои отношенія къ товарищамъ, И. Н. немедленно принимается за работу и къ общему удовольствію сдаетъ экзаменъ на кандидата сельскаго хозяйства, затѣмъ сдаетъ въ академіи же магистерскій экзаменъ и становится преподавателемъ сельскохозяйственнаго законовѣдѣнія или вѣрнѣе, какъ онъ самъ выражался, полиціи сельскаго хозяйства, т. е. «той области знанія, которая имѣетъ своимъ предметомъ внѣшнія, правовыя и экономическія, условія организаціи сельскаго хозяйства и всѣ мѣры, содѣйствующія развитію сельскаго хозяйства, какъ одной изъ важнѣйшихъ отраслей народнаго хозяйства». Это былъ одинъ изъ первыхъ курсовъ въ этомъ родѣ у насъ въ Россіи. Къ сожалѣнію, читать пришлось этотъ курсъ покойному недолго. Сохранился только небольшой студенческій литографированный конспектъ этого курса, надъ которымъ авторъ собирался впослѣдствіи еще много работать. Читая лекціи и дѣятельно работая надъ курсомъ, И. Н. трудится въ архивахъ и надъ магистерской диссертаціей, которую и печатаетъ въ 1894 году подъ заглавіемъ: «Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго Государства. Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины 17 вѣка т. I». Диссертація покойнаго имѣла значительный успѣхъ. На диспутѣ принимали участіе въ Петровской академіи нѣкоторые московскіе историки, въ томъ числѣ профессоръ Милюковъ: авторъ скоро сошелся и сталъ въ дружескія отношенія со многими изъ небольшой русской семьи историковъ-экономистовъ, въ особенности съ проф. Лаппо-Данилевскимъ. Въ это же время неожиданно прервалась и его дѣятельность въ академіи. Съ преобразованіемъ Петровской академіи послѣ директорства Юнге, весь составъ преподавателей остался за штатомъ. И. Н. былъ назначенъ членомъ особаго совѣщанія отъ министерства земледѣлія въ Симферополь, для выработки закона о пользованіи водами въ Крыму. По исполненіи порученія ему предлагали перейти въ администрацію министерства, оставивъ научную дорогу и преподавательскую дѣятельность. Но онъ рѣшительно отказался. Я забылъ упомянуть, что въ послѣдніе годы жизни старой академіи, чувствуя ея близкое закрытіе, съ туберкулезными язвами въ горлѣ, онъ рѣшилъ, чтобы не падать духомъ отъ болѣзни пріобрѣсти еще новую степень, которая могла бы открыть ему дорогу въ университетъ и къ занятіямъ въ области политической экономіи и статистики, на изученіи которыхъ онъ, главнымъ

образомъ, сосредоточился, преподавая полицію сельскаго хозяйства. Онъ успѣшно пріобрѣлъ степень кандидата правъ въ Ярославскомъ лицеѣ. Въ 1895 г., по отзыву проф. Багалѣя, академія наукъ присудила ему за диссертацію Уваровскую премію и это открыло ему дальнѣйшую дорогу. Онъ сталъ приватъ-доцентомъ Московскаго университета, принялся здѣсь за чтеніе лекцій по экономіи сельскаго хозяйства; въ то же время преподавалъ политическую экономію и законовѣдѣніе въ техническомъ училищѣ и межевомъ институтѣ. Это была одна изъ самыхъ тяжкихъ эпохъ его жизни. Недавно женившійся, оставшійся за штатомъ и не имѣвшій лично средствъ, преподавая почти безплатно, и одновременно работая надъ новымъ для него дѣломъ, онъ все-таки, даже не взирая на нездоровье, не падалъ духомъ и на всѣ соблазны уйти съ ученаго пути отвѣчалъ отказомъ, вѣруя въ свое призваніе и считая профессору чѣмъ то чистымъ, высокимъ и благороднымъ.

Въ 1896 году министерство народнаго просвѣщенія оцѣнило его болѣе министерства земледѣлія. Онъ былъ назначенъ сначала на каѳедру политической экономіи въ Ярославль и, тотчасъ же по смерти профессора Сокальскаго, переведенъ въ Харьковъ на каѳедру статистики по желанію факультета и по собственной просьбѣ. Назначеніе въ университетъ и на каѳедру было однимъ изъ лучшихъ дней его жизни. Я помню, какъ онъ, уже не молодой человѣкъ, писалъ объ этомъ матери и слезы текли у него изъ глазъ. Для него каѳедра не была карьерой; много разъ ему представлялась возможность устроиться лучше, съ большимъ матеріальнымъ комфортомъ; для него каѳедра—это была жизнь, возможность спокойно научно работать надъ собой, для студентовъ, дѣлиться съ аудиторіей той истиной и правдой, которую онъ такъ долго, такъ жадно, съ такимъ талантомъ и непрерывно искалъ. Послѣ смерти профессора Цѣхановецкаго онъ сталъ соединять въ себѣ и преподавателя политической экономіи. Преподаваніе статистики онъ началъ раньше и успѣлъ издать литографированное пособіе для студентовъ, которымъ онъ отчасти и воспользовался, написавъ для словаря Брокгауза большую статью «статистика». Въ послѣднее время своей жизни онъ былъ занятъ двумя работами: онъ хотѣлъ обработать свой курсъ статистики и издать его для печати, а, кромѣ того работалъ надъ докторской диссертаціей по исторіи же экономическаго быта, сельскаго хозяйства и промышленности Московскаго государства 17 вѣка. Съ момента своего назначенія въ Харьковъ, онъ, какъ самъ выражался, немедленно «засѣлъ» въ архивъ; послѣ трехъ лѣтъ преподавательской дѣятельности онъ испросилъ себѣ годичную командировку спеціально для занятій въ московскихъ архивахъ; всякія сво-

бодныя каникулы онъ былъ въ Москвѣ, въ архивахъ, за собираніемъ матеріаловъ. Умеръ онъ, приводя найденные документы въ порядокъ, надѣясь скоро приступить къ ихъ печатанію! И теперь эта груда матеріаловъ ждетъ друзей, которые заглянутъ въ нее и, быть можетъ, сумѣютъ извлечь хоть часть того, что въ цѣломъ, конечно, потеряно, ибо нѣтъ того духа, который нашелъ бы ключъ къ думамъ человѣка, болѣе пяти лѣтъ старавшагося мысленно нарисовать себѣ картину скорбей, стремленій и быта московской Руси.

Я уже сказалъ, что покойный И. Н. былъ въ полномъ смыслѣ этого слова историкомъ-экономистомъ. Теоретической экономіи онъ не любилъ и мало занимался ею. Въ исторіи онъ искалъ ключа для открытія законовъ экономической жизни и отвѣта на вѣроятное будущее человѣчества. На его научномъ міровоззрѣніи сильно сказывалось естественно-историческое образованіе. Свою вступительную лекцію, «о численномъ методѣ при изученіи общественныхъ явленій» онъ заканчиваетъ словами Кондорсэ: «единственное основаніе вѣры въ естественныя науки заключается въ идеѣ, что извѣстные или неизвѣстные законы, управляющіе явленіями міра, необходимы и постоянны; на какомъ же основаніи этотъ общій принципъ былъ бы менѣе истиннымъ для развитія умственныхъ и нравственныхъ способностей человѣка, чѣмъ для другихъ процессовъ природы?»

Экономическимъ матеріалистомъ онъ себя отнюдь не называлъ. Онъ не примыкалъ ни къ марксистамъ, ни къ народникамъ, такъ какъ не любилъ какихъ бы то ни было формулъ ни при изученіи прошлаго, ни для предсказанія эволюціи будущаго. Онъ не былъ противъ обобщеній, но требовалъ, чтобы они покоились на богатомъ запасѣ фактовъ, и былъ рѣшительнымъ врагомъ жалкихъ фразъ, сантиментальной утопичности и надеждъ, не вѣрилъ, что «худшее» необходимо, какъ двигающій стимулъ для пріобрѣтенія «лучшаго». Онъ самъ былъ работникомъ и требовалъ въ своихъ соціологическихъ мечтаніяхъ работы и отъ индивида, и отъ общества, и былъ защитникомъ вліянія учрежденій и права на жизнь народа. Онъ былъ горячимъ защитникомъ интересовъ низшаго класса населенія, какъ крестьянскаго, такъ и рабочаго сословія; въ качествѣ уѣзднаго и губернскаго гласнаго черниговскаго земства онъ охотно работалъ и для мѣстнаго самоуправленія. Онъ былъ также защитникомъ автономіи университетовъ и, въ качествѣ секретаря коммисіи, избранной совѣтомъ харьковскаго университета для отвѣта на 19 вопросовъ, поставленныхъ министромъ народнаго просвѣщенія, онъ много и энергично работалъ, стараясь устранить грустныя стороны университетской жизни въ

обновленномъ, автономномъ университетѣ. Профессоръ И. Н. Миклашевскій былъ дѣйствительно вѣрнымъ сыномъ той науки, которую онъ преподавалъ и которая все видитъ въ народномъ трудѣ, для которой трудъ и работникъ, кто бы онъ ни былъ, сила настоящаго и надежда будущаго. Спи же спокойно, дорогой работникъ, ты рано довелъ свою трудовую жизнь до конца, она была полна лучшихъ стремленій и, какъ истинный сынъ труда, ты шелъ постоянно и бодро впередъ. Спи же, отдыхай, когда-нибудь да надо знать покой... (Изъ № 1 Русскаго Экономическаго Обозрѣнія за 1902 г.).

А. Миклашевскій.

IX.

Иванъ Николаевичъ Миклашевскій.

(Некрологъ).

3 декабря минувшаго года скончался 43 лѣтъ отъ роду профессоръ политической экономіи харьковскаго университета Иванъ Николаевичъ Миклашевскій. Участвуя во многихъ спеціальныхъ и общихъ періодическихъ изданіяхъ, покойный состоялъ между прочимъ и сотрудникомъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія“. Хотя это сотрудничество и не было постояннымъ, но редакція „Вѣстника Воспитанія“ считала его въ числѣ лицъ, сочувственно и дружественно относившихся къ ея изданію. и неоднократно пользовалась его услугами и совѣтами по разнымъ предметамъ.

И. Н. по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ принадлежалъ къ числу лучшихъ представителей современной русской науки, въ служеніи которой онъ видѣлъ высокую общественную задачу, и въ теченіе всей своей жизни всегда оставался вѣренъ тѣмъ идеаламъ, которые вдохновляли его еще въ дни юности. Въ университетѣ онъ учился въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ. Всѣмъ памятно еще настроеніе тогдашней молодежи. Покойный раздѣлялъ всѣ ея вѣрованія и надежды, но въ то же время довольно замѣтно выдѣлялся изъ среды своихъ товарищей здравымъ пониманіемъ условій окружающей дѣйствительности, высоко цѣнилъ завоеванія европейской культуры и роль науки въ дѣлѣ общественнаго развитія, тогда какъ многіе изъ его сверстниковъ придавали всему этому второстепенное значеніе. Склонность къ систематическимъ научнымъ занятіямъ сказалась у И. Н. еще на студенче-

ской скамьѣ. Окончивъ курсъ на естественномъ факультетѣ одесскаго университета, куда онъ былъ принужденъ перейти изъ петербургскаго университета, покойный получилъ золотую медаль за сочиненіе «Геологія Глуховскаго уѣзда, Черниговской губерніи» (И. Н. былъ уроженецъ этой губерніи и происходилъ изъ древняго помѣщичьяго рода). Образованіе покойнаго отличалось большою энциклопедичностью: не ограничиваясь знаніями, полученными имъ на физико-математическомъ факультетѣ, онъ вскорѣ выдержалъ экзаменъ на степень кандидата сельскаго хозяйства въ бывшей Петровско-Разумскій академіи, гдѣ онъ затѣмъ состоялъ преподавателемъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ до преобразованія ея въ сельскохозяйственный институтъ; кромѣ того, И. Н. выдержалъ еще экзаменъ на степень кандидата правъ, посвятивъ себя впослѣдствіи занятіямъ политической экономіей и статистикой. До назначенія своего въ 1896 г. профессоромъ въ ярославскій лицей, откуда онъ вскорѣ былъ переведенъ въ харьковскій университетъ на каѳедру двухъ названныхъ наукъ, И. Н. состоялъ еще преподавателемъ въ качествѣ приватъ-доцента, въ московскомъ университетѣ, въ межевомъ корпусѣ и въ техническомъ училищѣ.

Такая разносторонность занятій и такая энциклопедичность пріобрѣтенныхъ имъ знаній, быть можетъ, была причиною того, что И. Н. въ области научныхъ изысканій сдѣлалъ менѣе, чѣмъ могъ бы сдѣлать по своимъ блестящимъ способностямъ. Доказательствомъ его выдающагося дарованія можетъ служить его мастерская диссертація, защищенная имъ въ 1895 г.,—«Къ исторіи сельскохозяйственнаго быта Московскаго государства» (ч. 1. «Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII вѣка»). Диссертація эта, составленная на основаніи самостоятельнаго изученія первичныхъ источниковъ, встрѣтила всеобщее одобреніе въ ученомъ мірѣ и была удостоена Уваровской преміи отъ академіи наукъ. Въ предисловіи къ этому своему труду И. Н. говоритъ: «Обстоятельства, совершенно независящія отъ автора, побуждаютъ его выпустить въ свѣтъ эту книгу гораздо раньше, чѣмъ онъ то предполагалъ сдѣлать. Оттого нѣкоторые вопросы являются въ ней гораздо болѣе поставленными, чѣмъ разрѣшенными. Авторъ утѣшаетъ себя мыслью, что при разработкѣ собраннаго имъ матеріала для 2-го тома ему удастся работать при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ то было теперь, и онъ восполнитъ въ будущемъ тѣ пробѣлы и промахи, которые видны ему самому и на которые укажетъ ему критика» (стр. 13). Къ сожалѣнію, мечтамъ автора не удалось осуществиться: предполагавшійся 2-й томъ его работы, который долженъ былъ послужить ему докторской диссертаціей, не увидѣлъ свѣта; преждевременная смерть помѣшала ему завершить свой трудъ, который уже бли-

зились къ концу, и это тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что хозяйственная исторія России еще слишкомъ мало разработана и ждетъ еще своихъ изслѣдователей.

Не станемъ перечислять и характеризовать другихъ работъ И. Н.; скажемъ только, что, по общимъ отзывамъ, онѣ отличаются научною объективностью и проникнуты широкимъ взглядомъ па явленія соціальной жизни. Покойный былъ даровитымъ мыслителемъ и работникомъ. Его кратковременная жизнь была полна всякаго рода невзгодъ и лишеній, но онъ долженъ былъ испытывать чувство самоудовлетворенія, такъ какъ никогда не отступалъ отъ того, что считалъ за добро и истину. («Вѣстн. Воспит.», 1902, I.).

X.

Иванъ Николаевичъ Миклашевскій.

(Некрологъ).

3-го декабря 1901 года умеръ въ Харьковѣ послѣ кратковременной болѣзни (воспаленія легкихъ) профессоръ политической экономіи и статистики въ Харьковскомъ университетѣ, Иванъ Николаевичъ Миклашевскій. Въ лицѣ его университетъ потерялъ безспорно «значительную научную и преподавательскую силу», а русская историческая наука лишилась серьезнаго изслѣдователя и одного изъ очень немногихъ беззавѣтныхъ тружениковъ и чернорабочихъ на неблагодарной почвѣ изученія архивныхъ документовъ въ нашихъ неустроенныхъ архивахъ. Эта утрата тѣмъ болѣе грустна, что человѣкъ погибъ въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ: ему было только 43 года. И умеръ онъ въ ту самую пору, когда только лишь углубился въ обработку архивнаго матеріала, собраннаго въ теченіи двухъ лѣтъ упорнаго труда.

Родомъ изъ дворянъ Черниговской губерніи (родился въ 1858 году), И. Н. Миклашевскій, какъ и многіе изъ талантливыхъ русскихъ людей, не сразу обрѣлъ свое настоящее призваніе. Въ университетѣ онъ посвятилъ себя изученію естественныхъ наукъ. Поступилъ онъ сначала въ Петербургскій университетъ; оттуда въ силу житейскихъ обстоятельствъ долженъ былъ перебраться въ Московскій; но и здѣсь не могъ остаться до окончанія курса: состояніе здоровья вынудило его переселиться на югъ, въ Одессу, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1882 году со степенью кандидата естественныхъ наукъ. Еще будучи студентомъ, онъ получилъ почетный отзывъ за сочиненіе «О геологическомъ строеніи юго-западной

Россіи», по окончаніи курса продолжалъ спеціальныя занятія по геологіи и въ 1883 году напечаталъ свое изслѣдованіе «Геологія Глуховскаго уѣзда Черниговской губерніи». Но опять житейскія обстоятельства вынудили его поселиться въ родномъ гнѣздѣ и заняться хозяйствомъ, что не помѣшало ему выступить одновременно и на поприщѣ земской дѣятельности въ качествѣ уѣзднаго (по Городнянскому уѣзду) и губернскаго гласнаго Черниговской губерніи. Интересъ однако влекъ его къ научной работѣ. Поэтому онъ съ радостью принялъ въ октябрѣ 1885 года назначеніе стипендіатомъ высшаго оклада при Петровской земледѣльческой и лѣсной Академіи для приготовленія къ профессорскому званію. Такая отвѣтственная задача налагаетъ на каждаго совѣстливаго и самолюбиваго человѣка рядъ серьезныхъ обязательствъ. Положеніе же И. Н. Миклашевскаго оказалось особенно труднымъ. Прежде всего избранный имъ предметъ — сельско-хозяйственная экономія — вынуждалъ его заняться спеціальнымъ изученіемъ политической экономіи и по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ отдѣловъ правовѣдѣнія, предметовъ довольно далекихъ отъ его университетской подготовки. Сверхъ того онъ, какъ человѣкъ чрезвычайно щепетильный, счелъ себя обязаннымъ, при вступленіи въ среду преподавателей спеціальнаго высшаго учебнаго заведенія, явиться туда не чужимъ человѣкомъ, а по крайней мѣрѣ съ званіемъ кандидата по этой спеціальности. Въ 1887 году, по выдержаніи экзамена и по одобреніи кандидатскаго разсужденія «Очерки крестьянскаго хозяйства въ Малороссіи», онъ утвержденъ былъ совѣтомъ Академіи въ степени кандидата сельскаго хозяйства, что конечно содѣйствовало въ значительной мѣрѣ упроченію положенія въ Академіи, но въ то же время отвлекало его отъ его спеціальныхъ занятій.

Въ маѣ 1887 года въ совѣтѣ Академіи возбужденъ былъ вопросъ о порученіи И. Н. Миклашевскому прочесть въ предстоящемъ академическомъ году необязательный курсъ сельско-хозяйственнаго законовѣдѣнія. Это предложеніе принято было совѣтомъ и утверждено министерствомъ. Съ октября мѣсяца 1887 года И. Н. Миклашевскій началъ свою преподавательскую дѣятельность. Повидимому онъ самъ не былъ удовлетворенъ первыми шагами на новомъ поприщѣ дѣятельности. Это видно изъ того, что выработанную имъ и утвержденную совѣтомъ программу курса онъ позднѣе переработалъ (см. обѣ программы въ Изв. Петровской Академіи за 1888 годъ, вып. 3-й, стр. 162, и за 1889 г., вып. 3-й, стр. 139), а также и изъ собственныхъ его словъ, сказанныхъ, правда, уже нѣсколько лѣтъ спустя: «я былъ такъ неостороженъ, поторопился читать лекціи, и какъ часто я объ этомъ сожалѣлъ». Положеніе его дѣйстви-

тельно было труднымъ, такъ какъ одновременно съ выработкой курса онъ готовился и къ экзаменамъ на магистра сельско-хозяйственныхъ наукъ. Къ экзаменамъ онъ приступилъ въ февралѣ 1888 года и въ маѣ окончилъ ихъ съ большимъ успѣхомъ. Еще раньше окончанія экзаменовъ совѣтъ Академіи совсѣмъ иначе оцѣнилъ первый опытъ преподавательской дѣятельности И. Н. Миклашевскаго. Въ засѣданіи 16-го апрѣля 1888 года профессоръ сельско-хозяйственной экономіи А. Н. Шишкинъ предложилъ включить читанный г. Миклашевскимъ курсъ въ число постоянно преподаваемыхъ въ Академіи предметовъ, сославшись на то, что «члены совѣта имѣли возможность убѣдиться въ успѣшности преподаванія взятаго имъ на себя курса». Подкрѣпляя свое предложеніе, профессоръ Шишкинъ замѣтилъ, что если онъ не возбуждалъ этого вопроса раньше, то только потому, что не имѣлъ въ виду лица, достаточно подготовленнаго и способнаго выполнить поставленную задачу. «Въ настоящую минуту такое лицо имѣется: это кандидатъ Петровской Академіи И. Н. Миклашевскій, который, кромѣ занятій подъ руководствомъ преподавателей Академіи, занимался также и науками, входящими въ кругъ юридическаго образованія, пользуясь совѣтами и указаніями профессоровъ Московскаго юридическаго факультета—А. И. Чупрова и И. И. Янжула». Совѣтъ согласился съ этимъ предложеніемъ и постановилъ ходатайствовать о приглашеніи И. Н. Миклашевскаго для прочтенія указаннаго курса и въ слѣдующемъ академическомъ году съ вознагражденіемъ по 100 руб. въ мѣсяцъ, что и было утверждено министерствомъ. Только черезъ годъ, по представленію совѣта, И. Н. Миклашевскій былъ назначенъ сверхштатнымъ доцентомъ Академіи.

Оставалось написать диссертацію, чтобы окончательно упрочить свое положеніе. Но какъ разъ съ этого времени надъ головой молодого ученаго начали скопляться тучи, которыя едва не изломали всей его жизни и порядкомъ ее исковеркали. Выборъ темы для молодого экономиста, такъ какъ онъ естественно все болѣе и болѣе спеціализировался въ этой области, оказался не легкимъ: темы по теоретической и практической экономіи сельскаго хозяйства, на которыхъ онъ испытывалъ свои силы, не увлекали его. И онъ мало по малу началъ сосредоточивать свое вниманіе на исторіи народнаго хозяйства, что и привело его къ вопросамъ экономическаго и общественнаго быта московской Руси. Но это новое направленіе работъ потребовало и новой усиленной подготовки и начитанности въ историческихъ памятникахъ и исторической литературѣ. За два—три года подготовительныя работы успѣли, очевидно, быстро подвинуться впередъ, такъ какъ въ началѣ 1892 года И. Н. Микла-

шевскій рѣшилъ приступить къ архивнымъ работамъ. Раннею весною этого года пишущему эти строки пришлось впервые встрѣтиться съ нимъ въ Москвѣ, въ читальномъ залѣ архива министерства юстиціи. Какъ внѣшнія условія занятій, такъ и значительное сходство интересовавшихъ насъ вопросовъ послужили весьма благопріятнымъ условіемъ къ взаимному сближенію. Въ ту пору недавно или только что вышедшіе труды А. С. Лаппо-Данилевскаго («Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій» 1890) и П. Н. Милюкова («Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго. 1892» и «Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства. 1892»), взаимно дополнявшіе другъ друга, ставили цѣлый рядъ важнѣйшихъ вопросовъ по исторіи финансовой администраціи въ связи съ группировкою общественныхъ классовъ и сословій. Происхожденіе и развитіе сошнаго оклада, значеніе живущей четверти, возникновеніе двороваго обложенія, порядокъ составленія и отличительные признаки писцовыхъ, дозорныхъ, приправочныхъ и переписныхъ книгъ—всѣ эти и близкіе къ нимъ вопросы, наряду съ цѣлымъ рядомъ другихъ болѣе мелкихъ и техническихъ, какъ то: о значеніи «наддачи» и «одабриванія», о соотношеніи сохи, выти и четверти, о выраженіи «а въ двy потому жъ» и т. п. были для И. Н. Миклашевскаго самыми основными, такъ какъ безъ выясненія ихъ историку сельскаго хозяйства въ Московскомъ государствѣ трудно было орьентироваться въ цѣломъ рядѣ документальныхъ данныхъ. Но толкованія не легко даются. Успокоиться же на первой подходящей, чаще всего готовой, формулѣ вовсе было не въ духѣ И. Н. Миклашевскаго. Наоборотъ, иная мелочь, не поддающаяся безспорному рѣшенію, могла его долго и сильно волновать. Его осторожность и даже робость въ заключеніяхъ имѣли своимъ источникомъ строгую требовательность къ самому себѣ. Эта строгость къ себѣ и снисходительность къ другимъ, отнюдь не переходящія въ безразличіе, составляли одну изъ самыхъ характерныхъ и привлекательныхъ чертъ его натуры.

Разъяснить всѣ намѣченные вопросы въ короткое время было бы не подъ силу даже для крупнаго ума, опытнаго въ историческихъ изслѣдованіяхъ. И. Н. Миклашевскій былъ новичкомъ въ дѣлѣ, и естественно, что для него на первыхъ порахъ возникали все новыя и новыя сомнѣнія, открывались новыя и новыя трудности. Не одинъ изъ начинающихъ изслѣдователей отступалъ передъ подобными вырастающими преградами и покидалъ навсегда трудный путь научнаго работника. Но И. Н. Миклашевскій былъ иного закала человѣкъ. Его энергіи постоянно

приходилось удивляться и часто завидовать ему. Достаточно, казалось бы, посмотрѣть на его тщедушную фигуру, чтобы сдѣлать совершенно обратное заключеніе о трудоспособности человѣка: высокій ростомъ, очень худой, плоскогрудый, подверженный частымъ припадкамъ удушливаго кашля, онъ производилъ впечатлѣніе очень хрупкаго, очень больного человѣка. А между тѣмъ, наперекоръ латинской пословицѣ, въ этомъ болѣзненномъ тѣлѣ жилъ духъ удивительной энергіи и силы воли. Пять мѣсяцевъ совмѣстной работы, изъ которыхъ три мы жили вмѣстѣ и вмѣстѣ путешествовали изъ Петровской академіи на Дѣвичье поле, въ архивъ юстиціи, гдѣ проводили семь часовъ въ день (отъ 11 до 6), доказали, что переработать этого хрупкаго человѣка было не легко. Онъ, правда, утомлялся физически, но по возвращеніи изъ архива, сейчасъ же послѣ обѣда шелъ отдыхать въ прекрасный академическій паркъ и во время прогулокъ оживленно дѣлился результатами трудового дня. На слѣдующій день, въ половинѣ десятаго утра мы снова садились на паровой трамвай, и такъ изо дня въ день, кромѣ праздниковъ и субботъ, когда архивъ былъ закрытъ; но по субботамъ мы обычно посѣщали Румянцевскій музей.

И по окончаніи каникулярнаго времени И. Н. Миклашевскій продолжалъ работать въ архивѣ, хоть текущія занятія не позволяли продолжать ихъ съ прежнею регулярностью. Между тѣмъ для него все болѣе и болѣе выяснялись какъ общія границы работы, такъ и отдѣльныя частности. «Пресловутое «дву потому жъ», писалъ онъ, становится для меня яснымъ. Буду доказывать, что четвертное измѣреніе не было измѣреніемъ въ геометрическомъ смыслѣ слова. Писцы измѣряли землю десятинами, а затѣмъ, «изверставъ по вытямъ», если дѣло шло о надѣлѣ группы, клали въ четверти. Для южной Россіи это для меня несомнѣнный фактъ... Уразумѣлъ также, что значатъ тѣ случаи пашни вопче, о которыхъ мы толковали. Это формы сябриннаго землевладѣнія». Про свою будущую работу онъ со свойственной ему скромностью выражался такъ: «Послѣдняя явится, можетъ быть, «счетомъ, предъявленнымъ къ оплатѣ» и даже по товару не особенно дорогому, но во всякомъ случаѣ для меня пріятному... Мыслей достаточно, хотя я и крѣпко боюсь, что напишу книгу, которой не признаютъ историки, не одобрятъ экономисты и не станутъ читать сельскіе хозяева. Относительно послѣднихъ не сомнѣваюсь ни на одну минуту». Но рядомъ съ этими радостями выясняющихся результатовъ работы, зима 1892—1993 г. принесла и рядъ серьезныхъ невзгодъ: во-первыхъ, здоровье не выдержало такого напряженія силъ; во-вторыхъ, предстоящее преобразованіе Академіи все острѣе

напоминало о неопредѣленности будущей судьбы. Въ письмѣ отъ 5-го мая 1893 г., послѣ продолжительнаго молчанія, И. Н. Миклашевскій сообщалъ, что «9-го будетъ ровно два мѣсяца, какъ я не выхожу изъ квартиры. Совершенно неожиданно для меня въ горлѣ моемъ появились язвы. Диспутъ С. Ѳ. Фортунатова и чтеніе лекцій еще больше растравили ихъ, и въ результатѣ продолжительный арестъ. Бѣда только въ томъ, что язвы эти глубокаго происхожденія. Причина ихъ, по опредѣленію врачей, коренится въ неисправностяхъ моихъ легкихъ. Я вѣдь давно больной человѣкъ: еще 12 лѣтъ тому назадъ у меня проявилось какъ то кровохарканье, и съ тѣхъ поръ легкія постоянно напоминали мнѣ о «memento mori». Въ нынѣшнемъ году я какъ будто забылъ, что я, по опредѣленію покойнаго проф. Шкляревскаго, разбитая посуда, и переборщилъ: 1) слишкомъ много занимался, и въ архивѣ главнымъ образомъ, а 2) жилъ въ городѣ совсѣмъ по студенчески: въ отвратительной и холодной квартирѣ и при не менѣе отвратительномъ питаніи. Оказывается, въ моемъ возрастѣ и при моемъ здоровьи этого нельзя». Его больше всего сокрушало, что доктора категорически запретили ему заниматься лѣтомъ въ архивѣ, такъ какъ ѣзда по пыльному городу и архивная пыль были бы для него смертельнымъ ядомъ. А между тѣмъ архивъ юстиціи въ лѣтніе мѣсяцы былъ открытъ до 6 часовъ. Съ другой стороны не могла не заботить и дальнѣйшая судьба послѣ предстоящаго закрытія Академіи. Ближайшимъ образомъ предстоялъ двоякій выходъ: или торопиться съ диссертаціей, чтобъ успѣть защитить ее до закрытія Академіи и тѣмъ спасти всѣ права, пріобрѣтенныя въ Академіи по выдержаніи кандидатскаго и магистерскаго экзаменовъ, или пожертвовать всѣмъ этимъ и начинать все снова, сдавъ экзамены за юридическій факультетъ съ тѣмъ, чтобъ магистрировать по политической экономіи. Лишенный возможности работать въ архивѣ, И. Н. Миклашевскій рѣшилъ попытать подвести итоги собранному архивному матеріалу, а главнымъ образомъ посвятить свое время подготовкѣ къ экзамену на кандидата правъ при Ярославскомъ лицеѣ. Несмотря на столь грозныя предзнаменованія относительно исхода своей болѣзни, когда про человѣка можно было сказать, что онъ одной ногой стоитъ въ гробу, этотъ человѣкъ, нисколько не падая духомъ, съ поразительной энергіей работалъ въ теченіе всего лѣта 1893 года и въ концѣ августа поѣхалъ въ Ярославль сдавать кандидатскіе экзамены. Объ исходѣ экзаменовъ онъ писалъ: одолѣли меня настоящія юридическія науки въ видѣ гражданскихъ, торговыхъ и уголовныхъ правъ и судопроизводствъ. Въ особенности ужасны эти судопроизводства со всякими сроками, частными жалобами

и пр.» О подробностяхъ экзаменовъ онъ разсказывалъ, какъ иные изъ преподавателей умно и деликатно поправляли его ошибки, отчего ему становилось стыдно и жутко. «Могу лишь сказать, что въ другой разъ не сталъ бы держать экзаменовъ; и теперь хотѣлъ было бросить ихъ: до того усталъ физически и нравственно. Ну да, слава Богу, дѣло сдѣлано. Одного зайца поймалъ въ этомъ году; какъ бы поймать другого — диссертацію».

По возвращеніи въ Москву онъ сейчасъ же принялся за работу. Но послѣ всего перенесеннаго и испытаннаго работа на первыхъ порахъ не клеилась: «Цѣлые дни провожу за письменнымъ столомъ, сообщалъ онъ, но больше мучусь, чѣмъ пишу». Однако вскорѣ дѣло наладилось. Въ концѣ сентября или въ началѣ октября И. Н. Миклашевскій переселился въ городъ, «чтобы еще кое что почитать для своей диссертаціи. Двѣ главы написаны въ чистую, равно какъ введеніе. Пришлось многое передѣлать въ сравненіи съ прежнимъ. Въ одномъ мѣстѣ мнѣ придется говорить о томъ, можно ли пользоваться цифрами пашни паханой писцевыхъ книгъ и сдѣлать экскурсъ въ область живущей четверти». Съ диссертаціей дѣйствительно надо было торопиться, такъ какъ съ 1-го февраля старая Академія должна была прекратить свое существованіе. При такихъ условіяхъ работа уже не могла идти вполнѣ правильно: приходилось иное обходить, иное оставлять безъ желательныхъ дополненій и обобщеній. Отсюда и становятся понятны тѣ слова, которыми заключалось введеніе къ новому труду: «Обстоятельства, совершенно независящія отъ автора, побуждаютъ его выпустить въ свѣтъ эту книгу гораздо раньше, чѣмъ онъ предполагалъ сдѣлать. Оттого нѣкоторые вопросы являются въ ней гораздо болѣе поставленными, чѣмъ разрѣшенными. Авторъ утѣшаетъ себя мыслью, что при разработкѣ собраннаго имъ матеріала для второго тома этого сочиненія ему удастся работать при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ то было теперь, и онъ восполнитъ въ будущемъ тѣ пробѣлы и промахи, которые видны ему самому и на которые укажетъ ему критика». Въ самомъ началѣ 1894 года вышло въ свѣтъ это новое сочиненіе подъ заглавіемъ: «Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства. Часть I. Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII вѣка». Въ немъ впервые въ русской литературѣ исторія сельскаго хозяйства получила новую и единственно правильную постановку: изученіе этой исторіи не только съ точки зрѣнія роста техническихъ его усовершенствованій и не только съ точки зрѣнія правительственныхъ мѣропріятій къ развитію и поощренію разныхъ видовъ сельскаго хозяйства. «Исторія сельскаго хозяйства есть въ началѣ

своемъ, говоритъ авторъ, исторія заселенія края и превращеніе дикихъ полей, луговъ и лѣсовъ въ культурное состояніе. При посредствѣ какихъ силъ происходило это заселеніе и какія матеріальныя послѣдствія оно имѣло—это вопросы, на которые прежде всего должно отвѣтить историку сельскаго хозяйства». Авторъ и даетъ посильный отвѣтъ на эти вопросы для небольшой территоріи, обнимающей предѣлы нынѣшнихъ губерній Курской и Воронежской и немногихъ къ нимъ прилегающихъ мѣстностей, предпославъ своему изслѣдованію любопытный критическій очеркъ по древней метрологіи и финансовой техникѣ.

Принятое совѣтомъ Петровской сельско-хозяйственной Академіи въ качествѣ диссертаціи на степень магистра сельскаго хозяйства это сочиненіе не могло найти должной оцѣнки со стороны этой ученой коллегіи, такъ какъ въ ея средѣ, кромѣ А. Ѳ. Фортунатова, не было ни одного спеціалиста, компетентнаго въ затронутыхъ вопросахъ. Естественно, что И. Н. Миклашевскій былъ чрезвычайно доволенъ, что въ его диспутѣ, состоявшемся 30-го января 1894 года, приняли участіе такія крупныя силы Московскаго университета, какъ А. И. Чупровъ и П. Н. Милюковъ. Самъ диспутантъ остался очень доволенъ ходомъ диспута, хотя и призналъ полную справедливость нѣкоторыхъ изъ предъявленныхъ ему возраженій. Подробное изложеніе всѣхъ преній онъ заключилъ такимъ замѣчаніемъ: «Около пяти часовъ меня мучили, пока объявили, что я удостаиваюсь степени, которая, быть можетъ, для меня никуда годна не будетъ, ибо я въ настоящую минуту уже заштатный»... Это предположеніе дѣйствительно оказалось гораздо болѣе вѣрнымъ, чѣмъ ранѣе высказанное опасеніе, что книга его не найдетъ признанія со стороны историковъ. Лучшимъ опроверженіемъ послѣдняго служитъ тотъ фактъ, что Академія Наукъ въ 1895 году, по отзыву проф. Д. И. Багалѣя, увѣнчала сочиненіе И. Н. Миклашевскаго малою Уваровскою преміею.

Но какъ разъ съ момента полученія ученой степени начался для И. Н. рядъ серьезныхъ житейскихъ невзгодъ, которыя всякаго менѣе твердаго духомъ и не столь преданнаго интересамъ науки выбили бы несомнѣнно изъ колеи. Еще осенью 1893 года министръ государственныхъ имуществъ, при посѣщеніи Академіи, сказалъ И. Н. Миклашевскому, что знаетъ его работы, въ частности его трудъ о водяномъ правѣ въ Россіи и заграницей («я согрѣшилъ какъ то замѣткой по этому поводу, сообщаетъ онъ, въ видѣ доклада въ собраніяхъ генерала Анненкова)», и имѣетъ въ виду привлечь его къ дальнѣйшей разработкѣ этихъ вопросовъ. Эти слова подали поводъ къ нѣсколько преждевременнымъ надеждамъ «удрать на годикъ—другой заграницу», но которымъ, къ

сожалѣнію, не суждено было осуществиться. Въ февралѣ 1894 года дѣйствительно послѣдовало приглашеніе отъ министерства государственныхъ имуществъ прибыть въ Петербургъ для переговоровъ. По этому поводу И. Н. Миклашевскій иронически замѣтилъ, что онъ вызванъ «по водяной части; это послѣ писцевыхъ книгъ, прости Господи». Ему поручено было разработать данныя для составленія законопроекта о пользованіи водами. Какъ видно, безъ особой радости брался онъ за эту большую и отвѣтственную работу. Его побуждала къ тому лишь увѣренность или надежда, что сохраненіе связей и отношеній съ министерствомъ скорѣе обезпечитъ ему доступъ въ число преподавателей при открытіи реформируемаго института на мѣсто прежней Академіи. Всю весну и лѣто просидѣлъ онъ за этой работой и составилъ обширную докладную записку, послѣ представленія которой послѣдовало открытіе въ Симферополѣ особаго совѣщанія по выработкѣ законопроекта о пользованіи проточными водами Крымскаго полуострова, и на это совѣщаніе онъ былъ командированъ съ 16-го сентября въ качествѣ представителя отъ министерства. Длящаяся неопредѣленность положенія не могла однако не внушать серьезныхъ опасеній. Поэтому И. Н. Миклашевскій еще весной началъ хлопотать о зачисленіи въ составъ приватъ-доцентовъ Московскаго университета, что и увѣнчалось успѣхомъ: въ іюлѣ послѣдовало утвержденіе его приватъ-доцентомъ по каѳедрѣ политической экономіи и статистики. Но командировка въ Крымъ не позволяла начать новую преподавательскую дѣятельность съ наступающаго академическаго года и могла лишь затянуть длящуюся неопредѣленность положенія. Находясь въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, И. Н. Миклашевскій передъ командировкой рѣшилъ подать прошеніе о назначеніи его профессоромъ сельско-хозяйственнаго законовѣдѣнія или политической экономіи въ будущій институтъ и заявилъ при этомъ, что и командировку онъ можетъ принять только въ томъ случаѣ, если дальнѣйшая преподавательская дѣятельность ему будетъ обезпечена. Ему дано было обѣщаніе, что онъ будетъ «устроенъ». Успокоенный насчетъ дальнѣйшей своей судьбы, онъ уѣхалъ въ Крымъ, гдѣ пробылъ до половины декабря. По возвращеніи оттуда въ Петербургъ, онъ къ своему удивленію и великому огорченію узналъ, что на соотвѣтственныя каѳедры въ институтъ выступили серьезными кандидатами иныя лица. Всѣ старанія напомнить о себѣ, о своихъ правахъ, наконецъ, о данномъ обѣщаніи не помогли дѣлу. Чужія лица были предпочтены своему кандидату и именно потому, что онъ былъ «свой», такъ какъ де изъ прежнихъ преподавателей Академіи никто не будетъ назначенъ въ новый институтъ. При бѣдности у насъ препода-

вательскихъ силъ—мѣропріятіе по меньшей мѣрѣ странное и при томъ несправедливое особенно потому, что въ пользу отдѣльныхъ лицъ изъ этого правила допущены были отступленія. И. Н. Миклашевскій оказался совсѣмъ не у дѣлъ. Можно представить, какъ это на него подѣйствовало. Онъ остался только приватъ-доцентомъ Московскаго университета и преподавателемъ Межевого института. Но ничтожное содержаніе, получаемое по послѣдней должности, не могло обезпечить сколько нибудь сносное существованіе въ Москвѣ, такъ какъ выдача заштатнаго содержанія по истеченіи года прекратилась; а И. Н. Миклашевскій былъ уже въ ту пору женатымъ человѣкомъ. Вотъ какъ описываетъ онъ свое положеніе въ мартѣ 1895 года: «На дняхъ я получилъ самое достовѣрное извѣстіе, что моя кандидатура въ сельско-хозяйственномъ институтѣ окончательно прогорѣла. По правдѣ сказать, я очень доволенъ, что окончился періодъ ожиданій и неопредѣленнаго положенія. Приходится взглянуть на положеніе вещей въ томъ видѣ, какъ онѣ суть, и не предаваться несбыточнымъ мечтаніямъ относительно возможности устроиться сколько нибудь человѣческимъ образомъ въ Москвѣ. У меня здѣсь нѣтъ никакого будущаго и, главное, средствъ къ существованію. Тѣ 60 руб., которые я получаю въ Межевомъ институтѣ, также непрочны, и съ преобразованіемъ послѣдняго, каковое можетъ послѣдовать чуть ли не каждый день, я легко могу лишиться и этого скромнаго заработка. Нужно, слѣдовательно, попытаться искать чего либо «инде»...» Но и устроиться внѣ Москвы оказалось вовсе не легко. Такъ его попытка получить назначеніе въ Юрьевскій университетъ встрѣтила противодѣйствіе со стороны университетскаго начальства «вслѣдствіе дефекта въ степени», хотя въ томъ же университетѣ нѣсколько преподавателей и даже профессоровъ никакихъ «дефектовъ» въ степеняхъ не имѣли только потому, что не имѣли никакихъ степеней.

Прошло болѣе года, тяжкаго года нужды, болѣзней, ежедневной заботы о кускѣ хлѣба, прежде чѣмъ въ эту безотрадную жизнь заглянулъ лучъ солнца. Вотъ что писалъ онъ въ этотъ періодъ своей жизни: «О себѣ не могу сообщить ровно ничего хорошаго. Нѣтъ денегъ, а, главное, нѣтъ здоровья и покоя. Въ послѣднее время у меня появились скверныя опухоли, повидимому туберкулезнаго происхожденія. Врачи совѣтуютъ ѣхать въ теплые края, но отъ такихъ совѣтовъ я только прихожу въ уныніе. Хвораетъ и жена, и потому «въ дому моемъ скорбь и печаль». Впервые въ декабрѣ 1895 года судьба нѣсколько смягчилась: И. Н. Миклашевскій былъ назначенъ преподавателемъ политической экономіи и статистики въ Московское техническое училище. Но не долго занималъ онъ эту должность, такъ какъ 1-го мая 1896 года послѣдо-

вало назначеніе его исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора въ Демидовскій юридическій лицей на каѳедру политической экономіи. Съ этого момента наступилъ конецъ мытарствамъ: человѣкъ перетерпѣлъ невзгоды, не поддался искушеніямъ выгодно устроиться въ другой профессіи, не измѣнилъ своей наукѣ. Можно представить настроеніе человѣка, снова обрѣтшаго почву подъ ногами. Но не дешево обошлась эта стойкость: и здоровье еще больше было расшатано, и не мало силъ ушло совсѣмъ безплодно.

Въ Ярославль И. Н. Миклашевскій собственно не успѣлъ даже и переѣхать, такъ какъ черезъ полтора мѣсяца послѣ назначенія туда онъ былъ перемѣщенъ, послѣ смерти проф. Сокальскаго, въ Харьковскій университетъ тѣмъ же званіемъ по каѳедрѣ политической экономіи и статистики. Одно изъ близкихъ къ нему лицъ объ этомъ моментѣ его біографіи сообщаетъ слѣдующее: «Назначеніе въ университетъ и на каѳедру было однимъ изъ лучшихъ дней его жизни. Я помню, какъ онъ, уже не молодой человѣкъ, писалъ объ этомъ матери, и слезы текли у него изъ глазъ». Въ Харьковѣ онъ выступилъ сначала только преподавателемъ статистики (преподаваніе политической экономіи перешло къ нему лишь послѣ смерти проф. Цѣхановецкаго) и первое время конечно долженъ былъ посвятить всѣ свои силы выработкѣ курса статистики, надъ которымъ онъ много работалъ и имѣлъ намѣреніе издать его въ свѣтъ. Но всѣ помыслы его со времени назначенія въ Харьковъ были направлены главнымъ образомъ на продолженіе историческихъ изысканій въ области народнаго хозяйства въ Московскомъ государствѣ. Тѣмъ спокойнѣе онъ могъ приняться за осуществленіе этихъ стремленій, что «дефектъ въ степени», изъ за котораго онъ потерпѣлъ фіаско въ Юрьевскомъ университетѣ, оказался пустымъ предлогомъ. Еще въ бытность И. Н. Миклашевскаго приватъ-доцентомъ отъ начальства Московскаго университета имъ получено было разъясненіе, «что разъ факультетъ призналъ его своимъ приватъ-доцентомъ, и онъ утвержденъ въ этомъ званіи, то это можно толковать въ томъ смыслѣ, что факультетъ призналъ его степень равносильною съ университетской, а потому де онъ можетъ представить докторскую диссертацію на общемъ основаніи». Назначеніе въ Харьковскій университетъ вполнѣ подтвердило правильность такого толкованія. Значитъ результаты труда въ желанной области можно было представить на судъ ученой критики въ качествѣ диссертаціи на степень доктора политической экономіи.

Вскорѣ началось «архивное сидѣнье». И. Н. Миклашевскій не пропускалъ ни одного подходящаго случая, чтобы хотя на короткое

время вырваться въ Москву и поработать тамъ въ архивахъ. Сначала это возможно было только урывками, исключительно въ каникулярное время. Но при такихъ условіяхъ двинуть работу съ желательною скоростью было невозможно. Поэтому И. Н. Миклашевскій былъ несказанно радъ, когда ему удалось выхлопотать съ 1-го іюня 1899 года годичную командировку во внутрь Имперіи и за границу. Но за границу онъ не поѣхалъ и все время просидѣлъ въ Москвѣ за собираніемъ матеріала. Туда онъ ѣздилъ еще во время зимнихъ каникулъ 1900—1901 года и получилъ командировку съ 20-го мая по 1-е сентября 1901 года. Вѣроятно, приведеніе собраннаго матеріала въ порядокъ и обработка отдѣльныхъ его частей потребовали бы еще дальнѣйшихъ поѣздокъ въ московскіе архивы, если бы случайная смерть не прервала этой работы въ самомъ ея началѣ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти И. Н. Миклашевскій писалъ: «не тогда скверно, когда самъ умираешь, а тогда, когда присутствуешь при смерти другихъ и при томъ хорошо сознаешь, что вѣдь все могло бы быть иначе, не такъ жестоко и нелѣпо». Это были пророческія слова. Дѣйствительно, судьба оказалась несправедливой въ отношеніи И. Н. Миклашевскаго и на этотъ разъ. Онъ имѣлъ основанія быть недовольнымъ своею первою историческою работою, такъ какъ ее пришлось выпустить въ свѣтъ раньше, чѣмъ хотѣлось автору. Вторую работу, которую онъ подготовлялъ съ такими любовью, трудолюбіемъ и тщательною осмотрительностью, смерть помѣшала не только окончить, но даже повидимому намѣтить внѣшнія вѣхи плана работы. Осталась кипа осиротѣлыхъ бумагъ, все почти выдержки, выписки и списки изъ архивныхъ матеріаловъ, ключъ къ которымъ покойный унесъ съ собой въ могилу.

Мнѣ пришлось видѣть бумаги покойнаго и пока лишь внѣшнимъ образомъ ознакомиться съ ихъ содержаніемъ. Это весьма любопытный архивъ для провинціальнаго ученаго. Разнообразіе содержащагося въ этихъ бумагахъ матеріала указываетъ, въ какія стороны направлялся интересъ изслѣдователя, а немногія, къ сожалѣнію, данныя личной переписки даютъ возможность установить хотя нѣкоторые вопросы, останавливавшіе на себѣ его преимущественное вниманіе.

Живя и работая въ Москвѣ въ 1899—1900 году, И. Н. Миклашевскій заинтересовался между прочимъ вопросомъ о власти Московскихъ государей въ XVII вѣкѣ. На вопросъ, зачѣмъ это ему понадобилось, онъ отвѣчаетъ, что раньше еще изучалъ Крижанича и Посошкова, въ особенности перваго, но теперь узналъ, что «Безсоновъ хотя два раза издавалъ труды Крижанича, въ частности его «разговоры объ вла-

дательству», но ни разу не издалъ ихъ до конца. Тутъ въ Москвѣ еще не менѣе того, что издано Безсоновымъ, и заключаетъ въ себѣ не менѣе интересныя вещи, чѣмъ въ изданныхъ частяхъ. Это все мною изучено и въ большей мѣрѣ списано... Крижаничъ, европеецъ и образованный человѣкъ, является у насъ первымъ выразителемъ новыхъ идей полицейскаго государства. Подъ вліяніемъ этихъ идей складываются и его экономическія возрѣнія (еще въ Италіи), а въ Россіи онъ, превосходно ознакомившись съ бытомъ и условіями русской жизни, является съ цѣлымъ рядомъ проектовъ реформъ, осуществленіе которыхъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ послѣдовало уже при Петрѣ, но нѣкоторыя были предприняты еще и въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Такова, напримѣръ, реформа денежнаго обращенія. Я не знаю, извѣстно ли вамъ, что *золотое обращеніе* было введено послѣ мѣднаго въ 1663—1664 годахъ, при чемъ единицей такого обращенія была *золотая деньга*. Я бы былъ очень счастливъ, если бы мнѣ удалось найти документы, касающіеся золотого краха того времени, ибо такой крахъ несомнѣнно произошелъ, такъ какъ золото въ обращеніи не удержалось». Неизвѣстно, удалось ли И. Н. Миклашевскому напасть на слѣдъ такихъ документовъ; но изъ приведенной выдержки ясно, что вопросъ о власти государей интересовалъ его въ связи съ финансовыми реформами второй половины XVII вѣка. Но какъ онъ представлялъ себѣ эту связь, этого нельзя рѣшить по обширнымъ выпискамъ изъ неизданныхъ сочиненій Крижанича.

Въ другой разъ онъ сообщаетъ, что у него «въ портфелѣ лежатъ большія выписки изъ писцовыхъ книгъ по уѣздамъ Московскому, Можайскому, Серпуховскому, Верейскому, Клинскому, Волоколамскому, Переяславскому съ одной стороны, Арзамасскому, Нижегородскому, Балахонскому съ другой, Архангельскому, Вологодскому, Костромскому и Великоустюжскому съ третьей, а черезъ нѣкоторое время такія же выписки сдѣланы будутъ по Новгородско-Псковской области». Дѣйствительно, этотъ матеріалъ составляетъ самую большую и едва ли не самую важную часть бумагъ покойнаго. Повидимому были изучены всѣ писцовыя книги 20-хъ и 30-хъ годовъ XVII столѣтія, какія только оказались на лицо въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Выписки изъ нихъ сведены въ таблицы итоговъ по разнообразнымъ группамъ о количествѣ вотчинъ и помѣстій, людскихъ, крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, пашни паханой разныхъ качествъ, перелога, лѣсовъ и пр., при чемъ итоги подведены не только по уѣздамъ, но и по станамъ, гдѣ это было возможно. Къ таблицамъ же присоединены значительныя подлинныя выдержки изъ

текста книгъ. Такой цѣнный матеріалъ могъ быть использованъ для разныхъ цѣлей и въ весьма различныхъ направленіяхъ. Прежде всего онъ могъ быть положенъ въ основу изученія хозяйственно-экономическаго быта, что всего ближе могло интересовать И. Н. Миклашевскаго. Въ дополненіе къ этому онъ имѣлъ въ виду воспользоваться общими итогами поземельной собственности по писцовымъ книгамъ на основаніи свода, составленнаго извѣстною коммиссіею князя Голицына въ XVIII вѣкѣ. Эти итоги онъ имѣлъ въ виду издать въ свѣтъ и «уже уговорился съ NN относительно напечатанія ихъ», хотя этотъ планъ не приведенъ въ исполненіе: списки общихъ итоговъ оказались на лицо въ бумагахъ.

Но писцовыя книги не содержатъ отвѣтовъ на всѣ вопросы хозяйственнаго быта страны. Въ частности для выясненія положенія населенія необходимо было привлечь и другія данныя. А этого вопроса неизбѣжно приходилось касаться и И. Н. Миклашевскому. Онъ между прочимъ писалъ, что «мало по малу подходитъ въ своей работѣ и къ крестьянскому вопросу», или, какъ выразился въ другой разъ: «Оказалось, что въ моей работѣ нельзя будетъ не говорить о рабочемъ вопросѣ въ широкомъ смыслѣ этого слова». Для подбора матеріала въ этомъ направленіи онъ прежде всего обратился къ изученію книгъ вотчинной конторы по г. Пскову, изъ которыхъ успѣлъ сдѣлать обширныя выписки. Быть можетъ, на основаніи этихъ данныхъ онъ между прочимъ составилъ какое-то особое мнѣніе о бобыляхъ, содержанія котораго онъ не сообщалъ, а только шутливо предупреждалъ, что я долженъ буду поругаться съ нимъ за тѣ мысли, какія онъ, дастъ Богъ, выскажетъ относительно бобылей. Несомнѣнно, что главнымъ образомъ изъ этихъ книгъ по г. Пскову у него «подобрался довольно интересный матеріалъ о работныхъ людяхъ XVII вѣка». Объ этомъ матеріалѣ онъ сообщалъ между прочимъ слѣдующее: «Я просмотрѣлъ весьма значительное количество всякихъ памятниковъ, относящихся къ зависимому населенію Московской Руси XVII вѣка. Говорю «зависимому», а не «тяглому» только, населенію потому, что хочу предложить NN напечатать цѣлый рядъ договоровъ о личномъ наймѣ и объ отдачѣ «въ дитяти мѣсто», представляющихъ изъ себя тотъ же договоръ личнаго найма, только въ болѣе скрытой формѣ. Къ этой же категоріи я отношу нѣкоторое число списанныхъ мною памятниковъ объ отдачѣ въ обученіе какъ родителями дѣтей, такъ и взрослыми лицами самихъ себя». Но и этотъ планъ онъ повидимому не успѣлъ осуществить.

Кромѣ этихъ двухъ наиболѣе обширныхъ и цѣльныхъ отдѣловъ въ бумагахъ покойнаго находится нѣсколько цѣльныхъ копій и значитель-

ное число любопытныхъ болѣе или менѣе обширныхъ выписокъ, источникъ которыхъ при бѣгломъ обзорѣ не всегда удается установить. Таковы выписки изъ записныхъ книгъ повидимому Помѣстнаго приказа, изъ книгъ по Рязани о сыскѣ бѣглыхъ крестьянъ, изъ волостныхъ расходныхъ книгъ, изъ умолотныхъ книгъ выдѣльнаго хлѣба, изъ дѣлъ и столбцовъ Бѣлгородскаго стола и Сибирскаго приказа, списки помѣстныхъ указовъ новыхъ статей и т. п. Безспорно, что И. Н. Миклашевскій, какъ и всякій занимающійся въ архивахъ урывками, нѣсколько увлекался, не желая упустить изъ рукъ тотъ или иной любопытный документъ. Такъ онъ приготовилъ для изданія по рукописи, хранящейся въ Московскомъ дворцовомъ архивѣ, опись городовъ 1699 года, которая въ настоящее время передана Харьковскому историко-филологическому обществу для напечатанія въ его изданіяхъ. Еще при жизни онъ передалъ въ Академію Наукъ «Доимочную книгу по сбору мостовыхъ и рѣшеточныхъ денегъ по городу Москвѣ», которая въ настоящее время уже и издана.

Безспорно, что много любопытныхъ и цѣнныхъ историческихъ матеріаловъ осталось въ бумагахъ И. Н. Миклашевскаго. Но пройдя черезъ всякія другія руки, этотъ матеріалъ не можетъ получить той обработки, какую готовилъ для него собиратель; живая связь этого матеріала навсегда погибла. Въ обработанномъ же видѣ сохранилась въ бумагахъ только одна небольшая замѣтка, да и та не въ полномъ видѣ: это небольшой докладъ о древне-русскомъ кадастрѣ. Надо надѣяться, что и въ этомъ незаконченномъ видѣ онъ будетъ изданъ въ трудахъ какого-либо ученаго учрежденія или общества.

Какъ человѣкъ весьма живой и весьма дѣятельный, И. Н. Миклашевскій съ большой чуткостью откликался на всѣ текущіе вопросы жизни и съ готовностью посвящалъ свои силы ихъ разъясненію, если только признавалъ, что можетъ быть полезенъ въ данномъ дѣлѣ. Такъ въ качествѣ статистика онъ принялъ близкое участіе въ организаціи на мѣстѣ, т. е., въ Харьковѣ, дѣла о первой всеобщей переписи населенія въ 1897 году. А въ рѣдкіе моменты, когда совѣтамъ университетовъ приходилось обсуждать частные или общіе вопросы, касающіеся тѣхъ или иныхъ сторонъ университетскаго строя, И. Н. Миклашевскій всегда былъ дѣятельнымъ участникомъ комиссій, которымъ поручалось выработать проекты мотивированныхъ докладовъ. Онъ, напримѣръ, былъ единоличнымъ составителемъ доклада о необходимости упраздненія профессорскихъ гонораровъ, въ которомъ привелъ чрезвычайно яркія цифровыя данныя неравномѣрности и несправедливости этого вида вознагражденія профессоровъ у насъ въ Россіи. Наконецъ, въ прошломъ году онъ былъ чле-

номъ и однимъ изъ секретарей комиссіи, избранной совѣтомъ Харьковскаго университета для выработки отвѣтовъ на вопросы о желательныхъ видоизмѣненіяхъ въ строѣ нашихъ университетовъ.

Работалъ онъ всю жизнь, не покладая рукъ, и трудъ его былъ главною жизненною утѣхой. А жизнь не баловала его и осталась передъ нимъ въ долгу. Такъ по крайней мѣрѣ sit tibi terra levis...

Вотъ перечень главныхъ изданныхъ трудовъ И. Н. Миклашевскаго:

1) «Геологія Глуховскаго уѣзда Черниговской губерніи». 1883.

2) Принималъ участіе въ составленіи книги: «1883 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи».

3) «Очерки крестьянскаго хозяйства въ Малороссіи». Изв. Петровск. Академіи, 1887, в. 2.

4) «Сельское хозяйство Японіи». Сотрудникъ, 1887, № 7.

5) «Опытъ пользованія торфомъ въ сельскомъ хозяйствѣ». Сотрудникъ, 1887, № 9.

6) «Краткій историческій очеркъ Академіи». Сборникъ свѣдѣній о Петровской земледѣльческой и лѣсной Академіи. 1887.

7) «Что такое сельско-хозяйственное законовѣдѣніе?» Изв. Петров. Академіи. 1888, в. 2.

8) «Законъ 4-го апрѣля 1888 года о сбереженіи лѣсовъ». Вѣстн. русск. сельск. хозяйства, 1889.

9) «Народное образованіе въ Кіевскомъ учебномъ округѣ». Юрид. Вѣстн., 1891, № 5.

10) «Du prix de revient des principales céréales en Russie et en Allemagne». Journal des économistes, numéro d'avril 1891.

11) «Задачи экономіи и полиціи сельскаго хозяйства». Изд. Московск. Политехн. Музея, 1892.

12) «Die Entwickelung des landwirthschaftichen Bildungswesens in Russland» Wien 1892. «Очерки изъ исторіи сельско-хозяйственнаго образованія въ Россіи». Техн. Образ. 1893.

13) «Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства. Часть I. Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII вѣка». 1894.

14) «Водное законодательство и водное право въ Россіи». Русская Мысль, 1895, №№ 8 и 9.

15) «Новый проектъ пользованія оросительными водами въ Крыму». Журн. Мин. Юст., 1896, № 3.

16) «Les syndycats industriels d'aprés l'ouvrage russe de m. J. Yanchoul». Revue d'Economie politique, 1896.

17) «О численномъ методѣ изученія общественныхъ явленій». Образованіе, 1897, № 1.

18) Отзывъ о книгѣ. «Л. В. Ходскій. Основанія теоріи и техники статистики». Образованіе, 1897, № 2.

19) «Земледѣліе и горнозаводская промышленность въ Россіи». Русская Мысль, 1897, № 2.

20) «Къ вопросу о профессорскомъ гонорарѣ». Образованіе, 1897, № 12.

21) Отзывъ о книгѣ: «Бертильонъ. Курсъ административной статистики. Образованіе, 1898, № 1.

22) «Можно ли возлагать на народныхъ учителей какія-либо обязанности по техническому и профессіональному образованію?» Вѣстникъ воспитанія, 1898, № 2.

23) Отзывъ о книгѣ: «В. Петровъ. Вопросы народнаго образованія въ Московской губерніи» (для комиссіи по присужденію преміи Самарина). Образованіе, 1899, №№ 5—6.

24) «Russian school of political economy». Dictionary of political economy Jnglis Palgrave, v. 3, 1899.

25) Въ Энциклопедическомъ словарѣ, изд. подъ ред. Арсеньева и Петрушевскаго, помѣщены статьи: *межеваніе*, *меліораціи сельскохозяйственныя*, *оброчная подать*, *оброчныя статьи*, *передѣлы крестьянскихъ земель*, *переписи*, *поземельная община*, *поземельные налоги*, *разверстаніе угодій*, *собственность поземельная*, *статистика*.

26) «Доимочная книга 7202—7203 г.г. по сбору мостовыхъ и рѣшеточныхъ денегъ съ Кремля, Китая, Бѣлаго и Земляного городовъ». Зап. Акад. Наукъ, VIII серія. т. V, № 4, 1902 (посмертное изданіе). [1])

(Изъ Ж. М. Н. П., 1902, V).

М. Дьяконовъ.

---

[1]) Кромѣ перечисленныхъ укажемъ еще: 27) Отзывъ о книгѣ Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство» (для коммиссіи по присужденію преміи Самарина; этотъ отзывъ, какъ и о книгѣ Петрова награжденъ золотой медалью). Иванъ Николаевичъ принималъ участіе своими статьями въ «Русскомъ Курьерѣ», «Русскихъ Вѣдомостяхъ», и во многихъ журналахъ (Е. Р.).

ПАМЯТИ

ПРОФЕССОРА

Александра Ивановича

КИРПИЧНИКОВА.

Профессоръ Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ.

Памяти профессора Александра Ивановича Кирпичникова.

30 апрѣля 1903 года въ Москвѣ умеръ членъ—основатель историко-филологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, заслуженный профессоръ Императорскаго Московскаго университета *Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ.*

Проф. А. И. Кирпичниковъ извѣстенъ въ ученомъ мірѣ своими трудами по западно-европейской литературѣ, по изученію народныхъ произведеній, какъ западно-европейскихъ, такъ и русскихъ, новѣйшей русской литературы, равно по иконографіи въ связи съ легендарными сказаніями, апокрифами. Покойный ученый особенно извѣстенъ своимъ капитальнымъ трудомъ—многотомной исторіей всеобщей литературы, начатой подъ редакціей Корша, а продолженной и оконченной имъ; въ этомъ трудѣ имъ написанъ не только громадный отдѣлъ исторіи средневѣковой литературы, но и многочисленныя главы по другимъ отдѣламъ. Въ педагогическомъ мірѣ проф. А. И. Кирпичниковъ извѣстенъ своими учебниками по грамматикѣ и словесности.

Проф. А. И. Кирпичниковъ началъ свою учено-педагогическую дѣятельность въ Харьковскомъ университетѣ, въ которомъ онъ былъ первымъ представителемъ по каѳедрѣ всеобщей литературы; и эта дѣятельность здѣсь продолжалась довольно долго. Онъ оставилъ по себѣ прекрасную память въ нашемъ городѣ и университетѣ не только какъ выдающійся ученый, прекрасный преподаватель, лекціи котораго всегда посѣщались студентами съ охотою, любовью, но и какъ энергичный общественный дѣятель на пользу просвѣщенія, благотворительности, какъ гуманный, добрый, прекрасной души человѣкъ, помогавшій всегда всѣмъ и добрымъ словомъ, совѣтомъ и добрымъ дѣломъ...

И такую добрую память оставилъ по себѣ проф. А. И. Кирпичниковъ и въ Одессѣ, и въ Москвѣ, гдѣ ему пришлось жить и работать послѣ Харькова.

Харьковское Историко-Филологическое Общество вкорѣ послѣ смерти проф. А. И. Кирпичникова почтило память его въ первомъ ближайшемъ своемъ

засѣданіи—7 мая. На этомъ засѣданіи были произнесены прочувствованныя рѣчи—предсѣдателемъ Общества, проф. Н. Ө. Сумцовымъ и проф. С. В. Соловьевымъ. Въ первой рѣчи отмѣчены были заслуги покойнаго въ дѣлѣ основанія Общества, указано значеніе его научной дѣятельности и представлена характеристика его, какъ человѣка. Во второй рѣчи была сдѣлана характеристика покойнаго, какъ учителя—человѣка.

Въ томъ же засѣданіи Общество, высоко цѣня проф. А. И. Кирпичникова, какъ своего члена—основателя, какъ ученаго, обогатившаго науку многочисленными весьма важными трудами, какъ вообще выдающагося культурнаго дѣятеля и человѣка, рѣшило почтить его память въ особомъ публичномъ засѣданіи.

Это засѣданіе состоялось въ актовомъ залѣ университета 22 февраля 1904 года. Засѣданіе посѣтили: попечитель учебнаго округа М. М. Алексѣенко, ректоръ университета Н. О. Куплевасскій, члены Общества и Педагогическаго Отдѣла, профессора различныхъ факультетовъ и многочисленные гости, среди которыхъ были ученики и ученицы покойнаго профессора, преподававшаго довольно долго въ нѣкоторыхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Харькова. Предъ каѳедрой среди зелени былъ поставленъ большой прекрасный портретъ проф. А. И. Кирпичникова; много портретовъ различныхъ періодовъ его жизни было размѣщено на столѣ наряду съ многочисленными его трудами и литографированными лекціями.

Въ засѣданіи были прочитаны рѣчи, посвященныя памяти ученаго, характеристикѣ его трудовъ, дѣятельности—его бывшими учениками по харьковскому и новороссійскому университету—проф. С. В. Соловьевымъ, Л. Ю. Шепелевичемъ, Е. К. Рѣдинымъ, Н. Ө. Сумцовымъ. Во всѣхъ этихъ рѣчахъ отмѣчалась не только его выдающаяся ученая дѣятельность, но и обрисовывался его свѣтлый образъ замѣчательнаго человѣка, учителя.

Общей характеристикѣ личности проф. А.И. Кирпичникова была посвящена рѣчь *С. В. Соловьева*, согрѣтая теплымъ чувствомъ любви къ дорогому учителю. «Александръ Ивановичъ, (говорилъ ораторъ), богато одаренный человѣкъ, съ мягкою душею и чрезвычайно отзывчивымъ, деликатнымъ сердцемъ, своею долголѣтнею педагогическою и ученою дѣятельностью оправдалъ свои слова: «преподаваніе—священный актъ величайшей любви человѣческой» и доказалъ, какъ хранилъ онъ въ теченіе всей жизни завѣты московскаго университета и своего учителя и руководителя въ юныхъ годахъ Буслаева». «А. И. Кирпичниковъ (сказалъ въ заключеніе своей рѣчи проф. Соловьевъ) оставилъ по себѣ наслѣдіе не только какъ ученый, но и какъ человѣкъ—въ памяти понимавшихъ

его людей, друзей и близко стоявшихъ къ нему учениковъ, цѣнившихъ его плѣнительное благодушіе, несшихъ къ нему свои радости и горести. Это наслѣдіе—свѣтлыя о немъ воспоминанія...»

Проф. *Л. Ю. Шепелевичъ* въ своей тепло и прочувствованно сказанной рѣчи охарактеризовалъ проф. А. И. Кирпичникова, какъ представителя каѳедры всеобщей литературы въ харьковскомъ университетѣ; онъ отмѣтилъ его научныя заслуги, указалъ на интересъ и значеніе его курсовъ, на его заботы о должной постановкѣ каѳедры, на его отношенія къ-студентамъ-ученикамъ, на свѣтлыя черты его гуманной личности.

Проф. Е. К. Рѣдинъ посвятилъ свою рѣчь трудамъ проф. А. И. Кирпичникова по исторіи искусства и археологіи. Эти труды, какъ видно по представленной оцѣнкѣ ихъ въ рѣчи, тѣмъ особенно важны, что въ нихъ самымъ широкимъ образомъ затрагиваются вопросы о взаимодѣствіи литературы и искусства, указываются источники памятниковъ искусства, развитіе сюжетовъ этихъ памятниковъ съ развитіемъ ихъ въ литературѣ книжной и народной; глубокое знакомство съ литературными памятниками, народными преданіями, легендами проявляются въ нихъ наряду съ обширнымъ знакомствомъ съ памятниками христіанскаго искусства.

«Добрымъ словомъ будетъ помянутъ проф. А. И. Кирпичниковъ (сказалъ въ заключеніе ораторъ) въ исторіи русскаго просвѣщенія и за свои научные труды, и за свою обществено-просвѣтительную дѣятельность, добрымъ словомъ онъ будетъ помянутъ своими многочисленными учениками и всѣми тѣми, съ кѣмъ онъ былъ близокъ, кто получилъ отъ его высоко-гуманной личности, отъ его доброй, прекрасной души много того добраго и прекраснаго, что никогда не забывается».

Проф Н Ѳ Сумцовъ. указалъ на заслуги проф. Кирпичникова въ дѣлѣ основанія Общества и прочелъ нѣсколько писемъ его, весьма важныхъ для его характеристики.

Проф. Сумцовымъ было прочитано также присланное въ засѣданіе письмо проф. Новороссійскаго университета *М Г. Попруженко*, въ которомъ въ немногихъ, но глубоко прочувствованныхъ словахъ охарактеризована личность проф. А. И. Кирпичникова, въ которомъ справедливо отмѣчается значеніе поминокъ такихъ выдающихся дѣятелей, какъ проф. Кирпичниковъ. Вотъ это письмо:

«Мнѣ страстно хотѣлось воспользоваться возможностью выступить съ рефератомъ въ засѣданіи, которое высокоуважаемымъ Харьковскимъ Историко-Филологическимъ Обществомъ посвящено дорогой для меня памяти незабвеннаго Ал. Ив. Кирпичникова. Но обстоятельства лишили меня этого, и я позволю себѣ ограничиться нѣсколькими словами..

Я шлю земной поклонъ всѣмъ собравшимся въ этомъ засѣданіи и выражаю имъ искреннюю, идущую изъ глубины сердца горячую благодарность ученика, благоговѣющаго предъ памятью любимаго учителя и высоко-гуманнаго человѣка, воспоминаніе о близости къ которому—является тѣмъ дорогимъ даромъ жизни, который многое скрашиваетъ и о многомъ горькомъ и грустномъ заставляетъ забывать...

Что Александръ Ивановичъ былъ именно такимъ человѣкомъ,—это сознается всѣми, кто хоть разъ съ нимъ встрѣчался... Никогда не забудутся его вдохновенныя лекціи, не изгладятся изъ памяти живыя рѣчи, въ которыхъ онъ поучалъ насъ, какъ стать полезнымъ работникомъ на общую пользу, для которой въ трудахъ самъ онъ провелъ всю свою жизнь...

Это былъ крупный выдающійся дѣятель, заслуги котораго предъ русскимъ обществомъ очень велики..

Достойная оцѣнка такихъ дѣятелей, открытое признаніе значенія ихъ, поминки по нимъ—есть прекрасное доказательство, что труды ихъ не прошли безъ слѣда, а также и вѣрнѣйшій залогъ нашего лучшаго будущаго...

Пусть же вѣчно живутъ среди насъ идеалы и завѣты Кирпичникова, и да сохранится на вѣки память о немъ, за искреннее, сердечное чествованіе которой Харьковскому Историко-Филологическому Обществу—слава»!

Прочитано было также нѣсколько важныхъ для характеристики проф. Кирпичникова мѣстъ изъ доклада, присланнаго для засѣданія изъ Москвы г-жею Л. Д. Воронцовой.

Всѣ прочитанныя рѣчи, весь характеръ засѣданія, посвященнаго памяти замѣчательной личности проф. А. И. Кирпичникова, трудившагося всю жизнь для просвѣщенія, на благо родины, для развитія въ ней культуры, культурныхъ гуманныхъ отношеній къ людямъ, чуждаго и далекаго религіозной, національной и всякой другой нетерпимости, истиннаго человѣка-учителя—произвели на посѣтившихъ засѣданіе лучшее впечатлѣніе.

Поминки такихъ людей—нашъ долгъ, залогъ лучшаго будущаго.

Въ засѣданіи 7-го мая Историко-Филологическое Общество постановило, кромѣ устройства публичнаго засѣданія, посвященнаго чествованію памяти проф. А. И. Кирпичникова, издать сборникъ всѣхъ рѣчей, которыя будутъ произнесены на немъ, а равно нѣкоторые изъ появившихся о покойномъ воспоминанія, рѣчи, некрологи [1]).

Е. Рѣдинъ.

---

[1]) Въ издаваемый сборникъ вошло также нѣсколько рѣчей, не бывшихъ въ печати: изъ произнесенныхъ въ засѣданіяхъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и Русскаго Библіографическаго Общества.

Впервые появляются въ печати и вышеупомянутыя рѣчи, произнесенныя въ засѣданіяхъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества 7 мая 1903 г. и 22 февраля 1904 года.

I.

Смерть и погребеніе проф. А. И. Кирпичникова.

А. И. Кирпичниковъ работалъ всю свою жизнь, не покладая рукъ и умеръ, можно сказать, на трудовомъ своемъ посту. Давно уже одолѣвалъ покойнаго недугъ (хроническій нефритъ) и по совѣту домашняго врача, пользовавшаго его продолжительное время (прив.-доц. Г. Д. Воскресенскаго), онъ уѣхалъ въ Крымъ, чтобы совершенно отдохнуть отъ умственнаго напряженія; однако больной вернулся изъ Крыма въ гораздо худшемъ состояніи, такъ какъ онъ вмѣсто отдыха въ качествѣ члена-корреспондента Академіи Наукъ, по порученію послѣдней, усиленно дни и ночи проводилъ за писаніемъ рецензіи на сочиненіе о Хомяковѣ, въ двухъ обширныхъ томахъ. Съ возвращеніемъ въ Москву положеніе больного сразу начало внушать г. Воскресенскому опасенія, а затѣмъ 26-го апрѣля, около 3-хъ часовъ дня, во время занятія въ Румянцевскомъ музеѣ, съ больнымъ произошелъ острый припадокъ и онъ впалъ въ полубезсознательное состояніе, послѣ чего былъ осторожно доставленъ въ свою квартиру и здѣсь 28-го и 29-го апрѣля состоялись консиліумы профессоровъ и докторовъ, но наука оказалась уже безсильною: Александръ Ивановичъ все время съ субботы находился въ безсознательномъ состояніи, а въ среду, ровно въ 5 час. дня, его не стало [1]).

Какъ только стало извѣстно о кончинѣ А. И. Кирпичникова, всѣ сослуживцы его, студенты, почитатели и многочисленные знакомые поспѣшили посѣтить квартиру покойнаго и поклониться его праху. Въ 10 час. утра 1 мая въ храмѣ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ мѣстнымъ духовенствомъ были совершены заупокойная литургія и панихида въ присутствіи всего состава служащихъ въ музеѣ и представителей Историческаго музея. Въ 1 часъ дня тѣло покойнаго было положено въ полированный гробъ, закрыто дорогимъ покровомъ, а затѣмъ была совершена панихида, за которой присутствовали: попечитель мос-

[1]) «Русское слово» 4 мая 1903 г.

ковскаго учебнаго округа П. А. Некрасовъ, ректоръ университета профессоръ А. А. Тихомировъ, предсѣдатель московскаго окружного суда Н. В. Давидовъ, директоръ архива министерства юстиціи Д. Я. Самоквасовъ, члены Библіографическаго Общества, Общества любителей россійской словесности въ полномъ составѣ, во главѣ съ предсѣдателемъ профессоромъ А. Н. Веселовскимъ, директоръ училища живописи, ваянія и зодчества князь А. Е. Львовъ, академикъ Ѳ. Е. Коршъ, графиня П. С. Уварова, депутація отъ студентовъ, деканы университета А. С. Алексѣевъ и М. И. Соколовъ, профессора: Л. М. Лопатинъ, С. В. Покровскій, Д. Н. Анучинъ и др.; директора различныхъ столичныхъ учебныхъ учрежденій и многочисленные студенты-ученики покойнаго, его друзья и знакомые. На гробъ были возложены роскошные вѣнки: отъ московскаго университета съ надписью—«помощнику ректора, заслуженному профессору», отъ благодарныхъ студентовъ-учениковъ—«профессору, другу и начальнику», товарищества И. Д. Сытина, Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, Русскаго Библіографическаго Общества—незабвенному предсѣдателю, профессоровъ историко-филологическаго факультета московскаго университета—«дорогому товарищу», отъ московскаго археологическаго Общества, отъ археографической комиссіи археологическаго Общества, отъ Общества любителей россійской словесности, отъ московскаго отдѣленія русскаго музыкальнаго Общества и Консерваторіи, отъ комитета музея изящныхъ искусствъ имени Императора Александра III, отъ педагогическаго совѣта 5 гимназіи, отъ харьковскихъ друзей, отъ лекціоннаго комитета городской одесской аудиторіи, отъ студенческаго Общества искусствъ и изящной литературы при московскомъ универитетѣ, отъ историко филологическаго студенческаго Общества при томъ же университетѣ, отъ московскаго «Художественнаго» театра, отъ семьи Умовыхъ и мн. друг. Въ 2 часа дня панихида у гроба была совершена отъ 1-й мужской гимназіи, въ присутствіи директора, инспектора, преподавателей и учащихся въ гимназіи. Въ 6 час. вечера была совершена общая панихида.

2-го мая, на Ваганьковскомъ кладбищѣ совершено погребеніе Александра Ивановича Кирпичникова.

Въ $9^1/_2$ час. утра гробъ съ останками покойнаго по совершеніи панихиды въ его квартирѣ въ присутствіи родственниковъ, ректора университета А. Тихомирова, нѣсколькихъ профессоровъ, служебнаго персонала Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ и почитателей былъ перенесенъ студентами изъ музейскаго дома въ университетскую церковь св. Татіаны, убранную тропическими растеніями. Заупокойная литургія

и слѣдовавшее за нею отпѣваніе были совершены мѣстнымъ настоятелемъ профессоромъ богословія Н. А. Елеонскимъ съ двумя священниками, при пѣніи хора Чудовскихъ пѣвчихъ. Храмъ былъ переполненъ лицами, собравшимися отдать послѣдній долгъ покойному. Здѣсь находились: попечитель московскаго учебнаго округа П. А. Некрасовъ, его помощникъ В. Д. Исаенковъ, инспекторы московскаго учебнаго округа, ректоръ университета А. А. Тихомировъ, деканы историко-филологическаго факультета М. И. Соколовъ, юридическаго А. С. Алексѣевъ, физико-матиматическаго Н. В. Бугаевъ, медицинскаго И. Ѳ. Клейнъ, профессоры В. И. Герье, А. П. Лебедевъ, Л. М. Лопатинъ, Р. Ѳ. Брантдъ, Д. Н. Зерновъ, В. Ф. Снегиревъ, Ѳ. И. Синицынъ, В. А. Тихомировъ, А. П. Губаревъ, Н. Ю. Зографъ, Н. Д. Зелинскій, И. А. Каблуковъ, гр. Л. А. Камаровскій, Д. Я. Самоквасовъ и мн. др., предсѣдатель педагогическаго Общества проф. Н. А. Умовъ, товарищъ предсѣдателя археологическаго Общества проф. Д. Н. Анучинъ, предсѣдатель Общества любителей россійской словесности проф. А. Н. Веселовскій, предсѣдатель Общества грамотности Н. П. Горбуновъ, предсѣдатель Общества вспомоществованія учащимся женщинамъ въ Москвѣ В. Д. Соколовъ, директоръ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ проф. В. Ѳ. Миллеръ, директоры 1-й гимназіи І. О. Гобза и 5-й А. В. Адольфъ съ педагогическимъ персоналомъ, директоръ Александровскаго коммерческаго училища проф. К. А. Андреевъ, директоръ училища живописи, ваянія и зодчества кн. А. Е. Львовъ, директоръ народныхъ училищъ Московской губ. В. С. Новицкій, предсѣдатель московскаго столичнаго попечительства о народной трезвости ген.-отъ-кав. А. А. Бильдерлингъ, его товарищъ кап. В. Ф. Джунковскій, представители московскаго отдѣленія русскаго музыкальнаго Общества и московской консерваторіи, директоръ-учредитель «Художественнаго» театра Вл. И. Немировичъ-Данченко, весь служебный персоналъ Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ съ и. д. директора С. О. Долговымъ, представители комитета по сооруженію музея изящныхъ искусствъ имени Императора Александра III, члены различныхъ Обществъ и учрежденій, въ которыхъ принималъ участіе покойный, бывшіе его ученики, депутація отъ студентовъ, проживающихъ въ общежитіи имени Императора Николая II, во главѣ съ завѣдующимъ П. В. Преображенскимъ, депутація отъ студентовъ Лепешкинскаго общежитія, студенты историко-филологическаго и другихъ факультетовъ, почитатели и родственники. Послѣ отпѣванія гробъ былъ вынесенъ изъ церкви ректоромъ А. А. Тихомировымъ, профессорами, сослуживцами и студентами и перенесенъ послѣдними къ квартирѣ покойнаго, на Моховой улицѣ, въ

домъ Румянцевскаго музея, гдѣ была отслужена литія, а затѣмъ процессія направилась на Ваганьковское кладбище. Студенты всю дорогу несли гробъ на рукахъ. По прибытіи на кладбище и по совершеніи встрѣтившимъ мѣстнымъ духовенствомъ литіи гробъ былъ перенесенъ и опущенъ въ могилу, надъ которой затѣмъ былъ водруженъ дубовый полированный крестъ. У свѣжей могилы было произнесено нѣсколько рѣчей.

Первую рѣчь произнесъ его товарищъ по гимназіи и университету Н. А. Лазаревъ:

«Да позволено будетъ мнѣ, какъ товарищу покойнаго Александра Ивановича Кирпичникова какъ по гимназіи, такъ и по университету, хотя и разныхъ факультетовъ, сказать нѣсколько словъ въ память почившаго. Ученикъ извѣстныхъ профессоровъ Буслаева, Бодянскаго, Тихонравова и извѣстнаго профессора берлинскаго университета Момсена, онъ сдѣлалъ очень много для русской словесности. Большую часть своей дѣятельности онъ посвятилъ Харькову и Одессѣ и только самое послѣднее время—своему родному городу—Москвѣ. Какъ вся жизнь покойнаго Александра Ивановича была свѣтла, честна и правдива, такъ да будетъ свѣтла наша молитва и честна наша о немъ память. Да успокоится онъ тамъ, гдѣ нѣтъ ни горя, ни страданій. Своею жизнью далъ онъ намъ примѣръ, достойный подражанія... Миръ праху твоему, дорогой товарищъ. Да будетъ тебѣ вѣчная память».

Послѣ этого произнесъ рѣчь студентъ 4-го курса историко-филологическаго факультета г. Сперанскій.

«Есть люди, которые такъ легко входятъ въ ваше положеніе, такъ охотно спѣшатъ помочь вамъ и совѣтомъ и дѣломъ, что самая отзывчивость ихъ затемняетъ нѣсколько значеніе оказанной вамъ поддержки: хорошо жить съ такими людьми, но тѣмъ страшнѣе и печальнѣе ихъ уходъ... Къ числу такихъ людей принадлежалъ покойный Александръ Ивановичъ.

Я не могу себѣ представить занятія, оторвавши отъ котораго, вы бы вызвали его неудовольствіе, хотя бы то было совершенно постороннее для него дѣло и совсѣмъ въ неурочное время. Онъ всегда внимательно выслушивалъ васъ, входилъ въ ваше положеніе, подавалъ свои дѣльные совѣты, хлопоталъ за васъ, какъ могъ—и все это дѣлалось такъ просто, какъ будто и не могло быть иначе. Кто знаетъ уваженіе и любовь, которыми пользовался Александръ Ивановичъ среди товарищей профессоровъ, кто имѣетъ представленіе о широтѣ его умственнаго горизонта, о его огромной начитанности, тотъ пойметъ, сколько добра и пользы могъ онъ принести своимъ ученикамъ.

Спасибо тебѣ, дорогой наставникъ, за все доброе, что сдѣлалъ ты самъ и чему научилъ насъ за время своей внезапно прерванной жизни и пусть земля, на которой такъ легко жилось намъ съ тобою, легкимъ пухомъ ляжетъ на крышку твоего гроба».

Слѣдующую рѣчь произнесъ профессоръ университета К. А. Андреевъ.

«Могила закрыта, вѣнки возложены и мы всѣ, собравшіеся вокругъ могилы, готовы разойтись. Но что мы можемъ унести съ собою? Мы разстались съ нашимъ товарищемъ, учителемъ и другомъ навсегда. Мнѣ кажется, что мы всѣ должны унести очень многое. Покойный Александръ Ивановичъ въ жизни былъ человѣкомъ долга. Онъ исполнялъ заповѣдь Христа: *«Кто хочетъ быть большій, да будетъ всѣмъ слуга»*, и онъ былъ слугою для всѣхъ. Я знаю, что онъ служилъ тремъ университетамъ— былъ профессоромъ харьковскаго, новороссійскаго и московскаго университетовъ. Я знаю, что онъ былъ вѣрный слуга свѣта, служилъ не только людямъ, но и высокимъ идеямъ. Былъ другомъ правды, всегда старательно стоялъ за университетъ, когда того требовали обстоятельства. Давалъ совѣты не только юношамъ, а и сослуживцамъ своимъ. Надо надѣяться и желать, чтобы его служба была продолжена его учениками долго и долго. Онъ больше всѣхъ насъ. Миръ праху твоему, дорогой товарищъ, другъ и учитель [1]).

Е. Р.

Въ ушахъ еще рыдаетъ прощальное пѣніе. Мелькаютъ обрывки траурныхъ рѣчей.

А предъ глазами плывутъ вѣнки, вѣнки, вѣнки... Трепещутъ ленты.

И падаютъ на земь колючія вѣтви вѣчно зеленой пихты.

Вглядитесь, кто ближе всѣхъ стоитъ къ гробу? Кто тѣснымъ кольцомъ окружилъ милый прахъ Александра Ивановича? Кто на рукахъ несъ его тѣло отъ церкви до кладбища? Кто на могилѣ сказалъ самую задушевную рѣчь?

Молодежь. Ученики. Студенты.

И слушая рѣчи молодежи, слушая рѣчи учениковъ о покойномъ учителѣ, невольно задаешься вопросомъ.

— Позвольте! Да какимъ же образомъ нашу школу, нашу семью, нашъ университетъ упрекаютъ за тотъ колоссальный разладъ, который царитъ тамъ. Дѣти не понимаютъ отцовъ, ученики учителей, студенты

---

[1]) «Русск. Слов.» и «Русск. Вѣд.» 3 мая.

профессоровъ! Въ результатѣ этого всеобщаго взаимнаго непониманія другъ друга—полная неудовлетворенность, разобщенность, разложеніе, распадъ!...

Толки объ этомъ разложеніи стали общимъ мѣстомъ.

Жизнь каждый день показываетъ намъ примѣръ разительной разобщенности учителей и учениковъ.

А смерть показала какъ разъ обратное.

Смерть А. И. Кирпичникова показала, какая интимная близость возможна и при современномъ положеніи вещей между учителемъ и учениками.

Жизнь не кричитъ о этой близости.

Но за то смерть подчеркиваетъ ее своимъ чернымъ, траурнымъ бордюромъ.

И эта близость, сердечность разражается въ слезы, рыдаетъ въ траурномъ пѣніи, въ прощальныхъ надгробныхъ рѣчахъ. («Рус. Сл.»).

Н. Шебуевъ.

II.

Памяти А. И. Кирпичникова [1].

У свѣжей, только что засыпанной могилы дорогого, близкаго, любимаго человѣка—такимъ былъ для своихъ друзей, учениковъ и многочисленныхъ почитателей Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ,—подъ вліяніемъ горестныхъ воспоминаній о преждевременной утратѣ талантливаго ученаго, выдающагося профессора и истинно добраго и сердечнаго человѣка, людямъ, подавленнымъ горемъ, нелегко дать спокойную, всестороннюю оцѣнку научной, академической и общественной дѣятельности покойнаго.

Въ эти скорбные дни вспоминаются не «поэмы Ломбардскаго цикла» и «Кудруна», не «прекрасная» [2]) и «замѣчательная» [3]) книга о «св. Георгіи и Егоріи храбромъ»; вспоминается, главнымъ образомъ, все то, что составляло духовный обликъ почившаго. И въ данномъ случаѣ, людямъ близко знавшимъ и любившимъ Александра Ивановича—есть что вспоминать!

Я имѣлъ счастье быть ученикомъ покойнаго... Я зналъ его съ 1881 г. Уже въ мое время Александръ Ивановичъ пользовался широкою, вполнѣ заслуженною популярностью не только какъ талантливый преподаватель и лекторъ, но и какъ гуманный профессоръ, имѣвшій большое вліяніе на свою аудиторію. Это вліяніе понятно: въ Александрѣ Ивановичѣ мы видѣли нашего учителя, нашего старшаго друга-руководителя... Одному изъ насъ онъ давалъ совѣтъ, другому помогалъ чѣмъ могъ, третьяго утѣшалъ... Въ частныхъ бесѣдахъ мы смѣло раскрывали передъ нимъ наши юныя души; отъ него мы ждали отвѣтовъ на интересовавшіе и волновавшіе насъ вопросы...

---

[1]) Рѣчь, сказанная въ засѣданіи Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества 7-го мая 1903 г.

[2]) Ѳ. И. Буслаевъ.

[3]) О. Ѳ. Миллеръ.

Тѣ курсы, которые онъ читалъ въ Харьковскомъ университетѣ въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, были проводниками его взглядовъ: говорилъ-ли онъ намъ о литературныхъ памятникахъ средневѣковой старины, о произведеніяхъ французской и нѣмецкой романтики новаго времени, или объ итальянскомъ искусствѣ времени Джіотто и Беато Анджелико, одна и та-же идея яркою нитью проходила чрезъ всѣ эти курсы—идея гуманности. Мы цѣнили и понимали «педагогическія вѣрованія» профессора-оптимиста, всегда надѣявшагося на побѣду добра надъ зломъ; мы сознавали, что въ задачи нашего учителя входило не только развивать и обучать насъ, но и воспитывать духовно....

Самъ Александръ Ивановичъ воспитался на традиціяхъ сороковыхъ годовъ. Идеи этой романтической эпохи, какъ я полагаю,—одна изъ основъ его міросозерцанія. Живымъ воплощеніемъ этихъ идей былъ доброй памяти Ѳедоръ Ивановичъ Буслаевъ. Его любимымъ ученикомъ, всегда близко стоявшимъ къ этому «идеальному профессору» [1]), учителю многихъ выдающихся академическихъ и общественныхъ дѣятелей, былъ Александръ Ивановичъ. Завѣты Буслаева и идеи лучшихъ представителей западно-европейской мысли сороковыхъ годовъ—Виктора Гюго, Жоржъ-Занда и Диккенса упали на благодарную почву—въ чуткую по природѣ, отзывчивую ко всему доброму душу Александра Ивановича. Этимъ идеямъ—добра, гуманности, широкой дѣятельной любви къ людямъ онъ и служилъ на каѳедрѣ, на всѣхъ поприщахъ своей разнообразной, богатой плодами дѣятельности....

Судьба не всегда была милостива къ покойному. Мы знаемъ, какія тяжкія испытанія выпали на его долю... Но Александръ Ивановичъ не замкнулся въ самомъ себѣ, не впалъ въ уныніе; не ослабѣли въ немъ энергія и потребность служить и работать на пользу всегда дорогого ему университета, молодежи и общества.

Много лѣтъ тому назадъ въ одной изъ своихъ лекцій Александръ Ивановичъ, между прочимъ, говорилъ: «сильный духомъ человѣкъ тѣмъ и отличается отъ людей заурядныхъ, что ни счастье, ни несчастье не могутъ сломить его, заставить измѣнить себѣ. Успѣхъ не дѣлаетъ его самодовольно пошлымъ и ограниченнымъ, а тяжелыя неудачи и сознаніе собственныхъ ошибокъ не разбиваютъ его энергіи, напротивъ усиливаютъ ее. Если онъ способенъ на время отдаться отчаянію, то за этимъ скоро послѣдуетъ реакція. Онъ воспользуется урокомъ, который дала ему жизнь..., но не откажется отъ своей задачи».

---

[1]) Такъ называлъ А. И. Кирпичниковъ Ѳ. И. Буслаева въ своихъ публичныхъ лекціяхъ, посвященныхъ памяти своего учителя.

Я припомнилъ эти слова при полученіи отъ Александра Ивановича въ концѣ 1898 г. письма... «Стараюсь занимать себя всякими шумными и внѣшними дѣлами, чтобы не думать, писалъ онъ мнѣ. Это удается, но сердце и нервы страдаютъ порядочно. Съ удовольствіемъ жду отдыха, а ждать чего нибудь съ удовольствіемъ—это уже частичка счастья»... Но Александръ Ивановичъ, какъ извѣстно, такъ и не отдохнулъ, не отказался отъ своей задачи и продолжалъ работать, не щадя силъ, до конца своихъ дней!...

У свѣжей могилы такихъ истинно хорошихъ людей, какъ А. И. Кирпичниковъ, понимавшіе его и любившіе могутъ вспомнить слова В. А. Жуковскаго:

«Не говори съ тоской—ихъ нѣтъ,
А съ благодарностію —были!...»

Сергѣй Соловьевъ.

III.

Проф. Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ [1]).

(Характеристика и воспоминанія.)

Авторъ «Очерковъ по исторіи русской литературы», Карауловъ говорилъ своимъ ученикамъ въ Симферополѣ: «Дастъ Богъ попадете въ Москву, въ университетъ—наслушаетесь хорошихъ мыслей отъ профессоровъ». Ученикъ Грановскаго, имѣвшаго такое значеніе въ исторіи русскаго общественнаго развитія, и Кудрявцева, обаятельная личность котораго запечатлѣвалась навсегда въ памяти его слушателей, имѣлъ полное основаніе рекомендовать симферопольскимъ юношамъ московскихъ «славныхъ» профессоровъ, къ которымъ его самого повлекло послѣ окончанія курса въ Ришельевскомъ лицеѣ. Свои «славныя» имена и «хорошія мысли» многіе изъ московскихъ профессоровъ вписали въ лѣтописи не только родного имъ университета, но и русскаго просвѣщенія.

Сороковые, пятидесятые и отчасти шестидесятые годы—блестящая эпоха въ жизни старѣйшаго изъ нашихъ университетовъ. За этотъ періодъ времени въ числѣ московскихъ профессоровъ было не мало богатырей русской мысли, въ глазахъ которыхъ «общечеловѣческое—университетское образованіе, чуждое реализма и стремленій къ утилитаризму,

[1]) Рѣчь, сказанная въ публичномъ засѣданіи Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, посвященномъ памяти проф. А. И. Кирпичникова, 22 февраля 1904 г.

было основой воспитанія.» Это была пора, когда научный идеализмъ являлся высшимъ двигателемъ въ университетскомъ преподаваніи, а профессора были воодушевлены глубокою вѣрою въ поступательное движеніе человѣчества къ гуманности. На возвышенные идеалы учителей откликалась романтически настроенная университетская молодежь; образовывалась прочная нравственная связь между аудиторіей и каѳедрой и нерѣдко на всю жизнь. Общественные идеалы, литературныя теоріи и идеи, проводимыя «славными» профессорами—Грановскимъ, Кудрявцевымъ, Рѣдкинымъ, Кавелинымъ, Соловьевымъ, Буслаевымъ.... сильно вліяли на молодежь. Воспитанные на началахъ человѣчности, на мечтательномъ идеализмѣ наставниковъ, молодые люди оставляли школу, пріучавшую ихъ смотрѣть на жизнь какъ на процессъ вѣчнаго развитія, и выходили изъ этой школы *съ идеалами*.

Людямъ, выросшимъ на произведеніяхъ Пушкина и Гоголя, на традиціяхъ «вѣчно памятной эпохи Грановскаго», [1]) воспоминанія о которомъ «непрерывнымъ преданіемъ сохранялись въ стѣнахъ Московскаго университета», [2]) былъ близокъ мягкій голосъ печальника за русскую землю—автора «Записокъ охотника» и дорогъ возгласъ скромнаго героя «Бѣдныхъ людей »—Макара Алексѣевича Дѣвушкина: «Полно о себѣ одномъ думать, для себя одного жить!»—въ ту пору было такъ сильно стремленіе къ идеалу... и среди молодежи было не мало Якововъ Пасынковыхъ и Покорскихъ. Въ студенческихъ сходкахъ было много хорошаго и трогательнаго. «Сошлись человѣкъ пять—шесть мальчиковъ, вспоминалъ свое университетское время Лежневъ, одна сальная свѣча горитъ, чай подается прескверный и сухари къ нему старые, престарые; а посмотрѣли бы на всѣ наши лица, послушали-бы рѣчи наши! Въ глазахъ у каждаго восторгъ, и щеки пылаютъ и сердце бьется, и говорили мы о Богѣ, о правдѣ, о будущности человѣчества, о поэзіи.... И куда не залетали... въ самую глубь и лазурь неба.» [3]) Идеалы, истина... были лозунгомъ и для ревностныхъ посѣтителей Аксаковскихъ вечеровъ и для людей, которые считали долгомъ и въ шестидесятые годы совершать скромное паломничество на могилу Грановскаго въ годовщину его кончины.

Любя родное, волнуясь общеславянскими интересами, духовные сыновья и внуки тѣхъ «славныхъ» профессоровъ, о которыхъ такъ востор-

[1]) А. И. Кирпичниковъ, Очерки по исторіи новой русской литературы. т. II. Москва. 1903, стр. 86.

[2]) Б. Н. Чичеринъ, Нѣсколько словъ о философско-историческихъ воззрѣніяхъ Грановскаго. Вопросы Философіи и психологіи. 1897, I., стр. 2.

[3]) Рудинъ.

женно отзывался Карауловъ, прислушивались въ то-же время и къ слову лучшихъ и благороднѣйшихъ представителей западно-европейской мысли. Въ эту пору, какъ говорилъ Достоевскій, [1]) «многое, очень многое изъ того, что мы—т. е. русскіе—взяли изъ Европы и пересадили къ себѣ, мы не скопировали только, какъ рабы у господъ... иное пережили и даже выстрадали *самостоятельно*».... и въ это время идеалистка Жоржъ Зандъ и Диккенсъ «великій христіанинъ» [2]) на ряду съ корифеями русской литературы и представителями науки—профессорами воспитывали московскую университетскую молодежь и благотворно вліяли и на общество.

Изъ университета, въ которомъ подвизались Грановскій, Кудрявцевъ, историкъ—моралистъ Соловьевъ, Буслаевъ—«идеальный профессоръ», изъ университета, воспитавшаго Пирогова, выходило въ жизнь не мало тѣхъ хорошихъ и вѣчной памяти достойныхъ русскихъ людей, которые, памятуя завѣты школы, подчинявщей «матеріальную сторону жизни нравственной и духовной,» стали помощниками Н. А. Милютина и графа Якова Ростовцева.

Профессоръ Московскаго университета Ѳедоръ Ивановичъ Буслаевъ, «воспитывавшій въ студентахъ уваженіе и любовь къ своей народности, широкую гуманность и сознательную преданность принципамъ общечеловѣческаго просвѣщенія», [3]) воспиталъ одного изъ гуманнѣйшихъ русскихъ людей—профессора Александра Ивановича Кирпичникова, память котораго мы сегодня чествуемъ.

Много «хорошихъ мыслей» слышали и отъ него аудиторіи Харьковскаго, Новороссійскаго и родного ему Московскаго университетовъ. Слушать эти «хорошія мысли» отъ хорошаго человѣка выпало и на мою долю. Объ этихъ «хорошихъ мысляхъ» я и намѣренъ говорить сегодня, по скольку позволитъ время, не претендуя, конечно, на полную и всестороннюю оцѣнку почившаго ученаго: мои небольшія поминки являются лишь самымъ слабымъ выраженіемъ моего уваженія и благодарности къ дорогому учителю.

Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ былъ представителемъ лучшихъ преданій той эпохи, когда по мнѣнію нашихъ идеалистовъ тридцатыхъ

[1]) Дневникъ писателя.

[2]) Достоевскій.

[3]) А. И. Кирпичниковъ. Буслаевъ. Критико-Біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, стр. 319.

и сороковыхъ годовъ. слѣдовало прежде всего вырабатывать въ себѣ человѣка, а потомъ ученаго спеціалиста. Онъ выросъ и воспитался на идеалахъ хорошаго прошлаго Московскаго университета, хранителемъ которыхъ былъ его учитель Буслаевъ, имѣвшій на него сильное вліяніе. Александръ Ивановичъ, богато-одаренный, человѣкъ съ мягкою душею и чрезвычайно отзывчивымъ, деликатнымъ сердцемъ, своею долголѣтнею педагогическою и ученою дѣятельностью оправдалъ свои слова «преподаваніе—священный актъ величайшей любви человѣческой» и доказалъ, какъ хранилъ онъ въ теченіе всей жизни завѣты Московскаго университета и своего учителя и руководителя въ юныхъ годахъ Буслаева. Изъ *святыхъ* стѣнъ—какъ говорили въ сороковыхъ годахъ—своей alma mater онъ вынесъ неослабную вѣру въ побѣду правды надъ кривдою, уваженіе къ человѣческой личности и гуманное къ ней отношеніе. Его педагогическія вѣрованія, въ основаніе которыхъ, главнымъ образомъ, были положены идеи гуманнѣйшаго изъ писателей XIX вѣка Диккенса, этого искренняго и вѣрнаго друга дѣтей, не были сухою теоріею и бездушною формулою. Ученики А. И. Кирпичникова въ нашемъ, Московскомъ или Новороссійскомъ университетѣ понимали, какъ широки были задачи, которыя преслѣдовалъ покойный профессоръ въ аудиторіи: не только сообщать извѣстныя свѣдѣнія по той или другой спеціальности, не только обучать студента, но, на сколько позволяли обстоятельства и время, воспитывать духовно. Въ лекціяхъ А. И. не было сухихъ проповѣдей и морали, но онъ имѣлъ необыкновенную способность заставить свою аудиторію думать не только надъ научными вопросами и теоріями, но и надъ вопросами, имѣющими общечеловѣческое значеніе, съ которыми приходится встрѣчаться и считаться и послѣ оставленія школьной скамьи... Литературные типы средневѣковаго прошлаго, біографіи выдающихся дѣятелей более близкой къ намъ эпохи давали возможность профессору проводить въ аудиторіи его завѣтные идеи—гуманности, терпимости, любви къ своему родному—національному на ряду съ уваженіемъ къ чужому... Эти идеи яркою нитью проходили чрезъ университетскіе курсы покойнаго. Средневѣковый романтикъ и мечтатель-идеалистъ Вольфрамъ Эшенбахъ въ освѣщеніи профессора становился намъ близкимъ и говорилъ такъ много своею терпимостью, уваженіемъ къ человѣку вообще, своимъ состраданіемъ человѣческому горю. «Другъ человѣчества, Шиллеръ, не былъ для насъ только авторомъ «Валленштейна» и «Орлеанской дѣвы», а горячимъ проповѣдникомъ любви къ человѣчеству, гуманистомъ въ лучшемъ значеніи слова. Глубоко вѣруя въ чистоту человѣческой природы, Александръ Ивановичъ говорилъ намъ, что эта-то вѣра дѣлаетъ

книгу Гюго — «Misérables» одною изъ самыхъ нравственныхъ, какія только есть на свѣтѣ. Говоря о Жанѣ Вальжанѣ, изъ котораго Гюго дѣлаетъ самый высокій идеалъ самоотверженія, какой только знаетъ новая литература, умирающемъ, какъ праведникъ послѣ искупленія невыносимыми страданіями ничтожныхъ грѣховъ, А. И. не отказывалъ въ уваженіи и полицейскому инспектору Жаверу, дѣйствовавшему согласно принципу «pereat homo, fiat justitia... Добрымъ быть легко, справедливымъ быть трудно». «Развѣ можно отказать въ уваженіи къ такой теоріи?» слышали мы отъ профессора и задумывались надъ борьбою Вальжана съ Жаверомъ—этою «вѣковою борьбою разума съ сердцемъ и въ тоже время исторической борьбой римскаго права съ христіанствомъ» и понимали, что нашъ профессоръ въ данномъ случаѣ былъ сторонникомъ Гюго и стоялъ на сторонѣ сердца и христіанства. Въ лекціяхъ, посвященныхъ литературной дѣятельности Жоржъ Занда, которую Достоевскій считалъ, одной изъ самыхъ полныхъ исповѣдницъ христовыхъ, какъ проповѣдницу христіанской безграничной гуманности, А. И., главнымъ образомъ, обращалъ наше вниманіе на опредѣленіе ею задачъ искусства: «миссія искусства—миссія любви». Слушателямъ своимъ въ Одессѣ профессоръ указывалъ, что «міровая поэзія въ лучшихъ своихъ представителяхъ отъ Андерсена до Диккенса и отъ Жоржъ Занда до Рунеберга, обратилась къ величайшимъ соціальнымъ задачамъ, къ разъясненію общественныхъ недуговъ, къ защитѣ «униженныхъ и оскорбленныхъ» всякаго рода, къ пробужденію милосердія къ падшимъ». И онъ сочувствовалъ этому благотворному направленію, глубоко убѣжденный, что «всякое истинно художественное произведеніе большаго объема систематически проводитъ прежде всего одну идею—*идею красоты* и преслѣдуетъ прежде всего одну задачу—*воспроизвести жизнь, освѣтивъ ее свѣтомъ добра и правды*».

Знакомя своихъ слушателей съ произведеніями западно-европейскихъ литературъ, А. И. пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы время отъ времени обращать наше вниманіе и на выдающіяся явленія въ области нашей родной, національной литературы. Особенно памятны мнѣ его лекціи, посвященныя изученію памятниковъ русской старины, лекціи въ которыхъ было такъ много любовнаго, теплаго чувства къ своему, родному, собственному... «Это—наше собственное, а кому свое недорого»? замѣтилъ какъ-то А. И. Эти лекціи говорили о глубокой вѣрѣ профессора въ русскій народъ, «которому суждено было перенести на своихъ плечахъ цѣлый рядъ, повидимому, всесокрушительныхъ бѣдствій и не утратить ни энергіи чувства, ни вѣры въ добро». «Несправедливо преклоняться безъ критики передъ какимъ бы то ни было дѣломъ рукъ человѣ-

ческихъ; обидно и унизительно для національнаго чувства считать чужое, иностранное во всѣхъ отношеніяхъ выше своего родного»—таковы были убѣжденія Александра Ивановича. Но, само собою разумѣется, что человѣкъ такого большаго, яснаго ума и трезвой мысли, какъ покойный, не могъ все родное ставить выше всего иностраннаго.

Поминая Аксакова, А. И. писалъ: «если предполагать, что термины *славянофильство* и *западничество* имѣютъ жизненный смыслъ и до сихъ поръ, конечно, не такой, какъ сорокъ лѣтъ назадъ, пишущій эти строки долженъ скорѣе отнести себя ко второй группѣ; но это не мѣшаетъ ему признавать важность заслуги вожаковъ другой партіи, не можетъ препятствовать ему и никому другому признать связь между основнымъ ихъ принципомъ и самымъ здравымъ и вліятельнымъ принципомъ современной исторической науки; эта—то связь, по моему мнѣнію, придавала жизненную силу славянофильству даже въ томъ періодѣ, когда увлеченіе доводило славянофиловъ до странныхъ крайностей, до стремленія повернуть назадъ... Этотъ принципъ уваженія къ народу и его преданіямъ, признаніе разумности, высокой гуманности и непобѣдимой силы въ этой темной массѣ, этотъ великій принципъ проникаетъ собою не только всю науку, но и все художественное творчество нашего столѣтія отъ Диккенса и Виктора Гюго до Льва Толстого и Достоевскаго включительно» [1]).

А. И. Кирпичниковъ чуждъ былъ какой бы то ни было нетерпимости.

Большой интересъ представляютъ мысли покойнаго, высказанныя имъ относительно книгъ, предназначающихся для дѣтскаго чтенія: «Мы безусловно отвергаемъ всякую книгу, въ которой находимъ что нибудь способное дурно подѣйствовать на воспитаніе нравственнаго чувства дѣтей. Поэтому мы тщательно избѣгали всего, что могло-бы внушить ребенку чувство религіозной, національной, сословной и всякой другой нетерпимости, и вообще всего, что могло-бы сильно и неблагопріятно подѣйствовать на нервную систему. Но изъ этого не слѣдуетъ, что мы выбираемъ только такія книги, въ которыхъ изображаются добродѣтельные люди, свѣтлыя стороны жизни. Напротивъ: мы убѣждены, что, подготовляясь къ жизни, дѣти должны узнавать и темныя стороны, но такимъ образомъ, чтобы знакомство съ ними не дѣйствовало на душу будущаго человѣка угнетающимъ, а скорѣе укрѣпляющимъ и ободряющимъ образомъ» [1]).

---

[1]) Педагогическіе очерки (1867—1888). Москва 1890, стр. 48—49.

[1]) Обзоръ книгъ для дѣтскаго чтенія. В. I. Одесса 1890.

Опытный педагогъ, никогда не разрывавшій связей съ средней школой, А. И. былъ противникомъ *спеціальнаго средняго образованія.* «Средняя школа должна давать *общее образованіе*, и можно-ли назвать образованнымъ того юношу, который не читалъ ни одной строчки изъ Сервантеса, Шекспира, Гете и Шиллера? Не въ правѣ-ли мы ожидать, что такой юноша, окончивъ курсъ въ спеціальномъ учебномъ заведеніи, гдѣ онъ будетъ учиться строить дома или мосты, дѣлать машины, или проходить военныя науки, выйдетъ въ жизнь такимъ-же младенцемъ въ отношеніи общаго развитія, какъ и кочегаръ или солдатъ, окончившій только начальную школу?.... Отъ пониженія уровня общаго, гуманнаго образованія страдаетъ западная Европа, гдѣ это образованіе, такъ сказать, въ воздухѣ носится. Ужели намъ, съ нашей дѣвственной культурой броситься, очертя голову, въ тотъ омутъ, на краю котораго ее стараются удержать лучшіе люди? Ужели человѣчество четыре столѣтія работало для того, чтобы дойти до того-же гибельнаго развитія утилитарнаго, спеціальнаго обученія, отъ котораго спасъ гуманизмъ?» [1])

Таковы основные взгляды и вѣрованія, которые съ неослабною энергіею проводилъ на каѳедрѣ, на всѣхъ поприщахъ своей разнообразной, богатой плодами дѣятельности А. И., этотъ неустанный и настойчивый труженикъ.

Проходили годы... Мѣнялась обстановка, въ которой приходилось работать, мѣнялось мѣсто... Москва, Харьковъ, Петербургъ, Мюнхенъ, Вѣна, опять Москва... но работа была все та-же, та-же жажда труда, пользы, служенія наукѣ и людямъ. Между тѣмъ жизнь дѣлала свое дѣло, посылая тяжкія испытанія и утраты... Слабѣли физическія силы. Мы замѣчали это, но вмѣстѣ съ тѣмъ видѣли, что въ дорогомъ намъ человѣкѣ

...«въ отпоръ его недугамъ,
Духовныхъ силъ запасъ великъ»... [2])

Не задолго передъ смертью, А. И. писалъ мнѣ: «жить остается недолго... Сердце плохо... Многія явленія говорятъ о близкой смерти»... Но въ этомъ-же письмѣ онъ сообщалъ о ходѣ своихъ начатыхъ работъ, о новыхъ, задуманныхъ имъ изслѣдованіяхъ .. Работая, онъ умеръ; работая въ родномъ, воспитавшемъ его университетѣ, куда его такъ влекло изъ Одессы, который онъ такъ любилъ, въ который такъ вѣрилъ, которымъ гордился...

Во второмъ томѣ «Очерковъ по исторіи новой русской литературы» [3]), уже посмертномъ изданіи, мы находимъ слѣдующія строки: «Эти два

---

[1]) Педагогическіе очерки (1867—1888). Москва 1890. стр. 48—49.
[2]) Жемчужниковъ, «Цвѣтущая старость».
[3]) Москва. 1903 г. „Пушкинъ и Московскій университетъ", стр. 88.

воплощенія идеи свѣта и прогресса: *Пушкинъ* и *Московскій университетъ* поддерживали въ людяхъ 40-хъ и 50-хъ г.г. искру Божію, подготовляли честныхъ и вѣрныхъ работниковъ для эпохи великихъ реформъ Царя-Освободителя»...

Московскій университетъ въ свою очередь можетъ гордиться своимъ воспитанникомъ и занести его имя въ свой синодикъ на ряду съ почтенными именами другихъ своихъ сыновей, крѣпко державшихся за древко стараго знамени родного университета...

Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ оставилъ по себѣ наслѣдіе не только какъ ученый, но и какъ человѣкъ—въ памяти *понимавшихъ* его людей, друзей и близко стоявшихъ къ нему учениковъ, цѣнившихъ его плѣнительное благодушіе, несшихъ къ нему свои радости и горести. Это наслѣдіе—свѣтлыя о немъ воспоминанія.

Я вѣрю, что эти воспоминанія будутъ хранимы бережно и любовно. И я надѣюсь, что *ученики* будутъ дѣлиться ими и со своими учениками: въ воспоминаніяхъ о такихъ людяхъ, какъ А. И. Кирпичниковъ, много и назидательнаго, и утѣшительнаго!

Сергѣй Соловьевъ.

IV.

Памяти проф. А. И. Кирпичникова.

30-го апрѣля безвременно скончался въ Москвѣ заслуженный профессоръ, помощникъ ректора, Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ.

Не мнѣ, ученику и другу покойнаго, подводить итоги его общественной, ученой, профессорской и педагогической дѣятельности! Жгучая боль, нанесенная этой утратой, парализуетъ перо и мысль... Тѣмъ не менѣе я сознаю, что на мнѣ, болѣе чѣмъ на комъ-либо другомъ, лежитъ скорбная обязанность отмѣтить всю незамѣнимость этой утраты для русской науки и общественности.

Университетская дѣятельность А. И. принадлежала тремъ университетамъ: харьковскому, одесскому и московскому. Покойный вносилъ въ эту дѣятельность вездѣ и всегда необыкновенную чуткость къ интересамъ коллегій и слушателей, прямоту и искренность убѣжденій, прямодушіе и благожелательное отношеніе ко всѣмъ и каждому. Поклонникъ западной науки и цивилизаціи, А. И. былъ горячимъ русскимъ патріотомъ, чуждымъ нетерпимости къ иноземному, но горячо любящимъ свое родное. Его сердце легко и просто забывало обиды, не помнило своихъ услугъ другимъ, было нечувствительно къ проявленіямъ неблагодарности, которыя покойный, творившій добро и словомъ и дѣломъ, испытывалъ многократно. Въ нравственномъ обликѣ А. И. не было ни тѣни лукавства, угодничества или оппортунизма...

Покойный былъ ученикомъ Буслаева и унаслѣдовалъ отъ своего учителя, вмѣстѣ съ ученымъ міросозерцаніемъ, лучшія преданія профессуры.

Скоро наше общество узнаетъ всю тяжесть незамѣнимой утраты! Сошелъ въ могилу разносторонній, талантливый и добросовѣстный ученый, сошелъ рѣдкій учитель, неутомимый безкорыстный общественный дѣятель, другъ молодежи, носитель лучшихъ университеткихъ традицій... Отошелъ въ вѣчность убѣжденный патріотъ, одна изъ наиболѣе типичныхъ, благородныхъ и честныхъ русскихъ натуръ; вѣрный въ дружбѣ, отзывчивый

въ нуждѣ, А. И. готовъ былъ жертвовать своими интересами на пользу другихъ. Творя добро по евангельски, онъ вызывалъ горячую привязанность многихъ. Его преждевременная кончина (на 59 г.) обусловлена была, главнымъ образомъ, непосильнымъ трудомъ на благо обществу. Его самой крупной слабостью было—неумѣніе отказывать просьбамъ нуждающихся. Со скорбью и удрученнымъ сердцемъ, прощаясь съ покойнымъ, мы твердо увѣрены, что пробѣла, оставленнаго этой жизнью въ университетской и общественной жизни нашего общества, нельзя будетъ заполнить. Мы можемъ лишь пожелать, чтобы добрыя дѣла и свѣтлый обликъ А. И. Кирпичникова пережили его на многіе годы и служили назидательнымъ примѣромъ.

Проф. Л. Шепелевичъ.

V.

Проф. А. И. КИРПИЧНИКОВЪ.

(† 30 апрѣля 1903 года).

(Некрологъ).

30-го апрѣля текущаго года скончался въ Москвѣ заслуженный профессоръ Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ. Имя покойнаго было весьма популярно среди интеллигентныхъ и даже—благодаря учебникамъ—только грамотныхъ круговъ Россіи. Отъ гимназиста 1-го класса до высшихъ академическихъ сферъ всѣ хотя бы только по фамиліи, знали А. И. Несмотря на слабую отзывчивость нашего общества и большую его забывчивость, смерть А. И. Кирпичникова вызвала рядъ проявленій скорби въ сознаніи тяжелой общественной утраты. Рядъ некрологовъ, статей и воспоминаній появился въ столичной и провинціальной печати; кружокъ московскихъ молодыхъ ученыхъ взялъ на себя иниціативу изданія сборника, посвященнаго памяти покойнаго, сборникъ статей и некрологовъ издаетъ Харьковское историко-филологическое Общество. Всѣ эти проявленія доказываютъ, что сознаніе понесенной обществомъ утраты вполнѣ и ярко опредѣлилось: опредѣлилась и потребность отблагодарить почившаго ученаго за его продолжительное, вѣрное и честное служеніе родной наукѣ, просвѣщенію и общественности. Въ настоящемъ очеркѣ, посвященномъ преподавательской и научной дѣятельности покойнаго, я буду имѣть въ виду исключительно періодъ его профессуры въ трехъ университетахъ, не касаясь кратковременной его препо-

дивательской дѣятельности въ гимназіи. Кромѣ того, попытаюсь представить краткую характеристику главныхъ трудовъ покойнаго.

I.

А. И. Кирпичниковъ былъ профессоромъ въ трехъ университетахъ: Харьковскомъ, Одесскомъ и Московскомъ. По странной случайности, профессорская его дѣятельность въ каждомъ университетѣ хронологически совпадаетъ съ тремя различными періодами недавно пережитой и теперь переживаемой университетской жизни. Мы увидимъ, какъ мало вліяли «обстоятельства» на духовный строй покойнаго, какъ неуклонно шелъ онъ до послѣдней минуты по разъ намѣченному пути.

Пребываніе въ Харьковѣ (съ 1873 по 1885 г.) А. И. совпадаетъ съ однимъ изъ лучшихъ періодовъ русской университетской жизни, въ частности харьковской. Автономія была въ полномъ объемѣ, и каѳедрами распоряжался исключительно университетъ (факультеты и совѣтъ). А. И. Кирпичниковъ, получивъ степень магистра всеобщей литературы въ Московскомъ университетѣ, изъявилъ письменное на имя декана историко-филологическаго факультета Харьковскаго университета желаніе сдѣлаться штатнымъ доцентомъ по каѳедрѣ своей спеціальности въ Харьковскомъ университетѣ. Біографическія свѣдѣнія о кандидатѣ, находившіяся въ распоряженіи факультета, были слѣдующія.

А. И. Кирпичниковъ родился въ 1845 г. По окончаніи полнаго курса ученія въ московской 1-ой гимназіи съ награжденіемъ золотою медалью, въ августѣ 1861 г. поступилъ въ число студентовъ Московскаго университета, гдѣ и окончилъ курсъ по историко-филологическому факультету со степенью кандидата. Съ 16-го августа 1866 г. допущенъ къ преподаванію исторіи въ параллельныхъ классахъ 1-ой гимназіи. Въ 1866 году А. И. былъ назначенъ учителемъ русскаго языка 5-ой гимназіи. Съ 3-го мая 1869 г. А. И. получилъ отпускъ за границу на лѣтнее вакаціонное время на 28 дней. Въ 1871 г. А. И. Кирпичниковъ, видя, какъ трудно совмѣстимы научныя занятія съ преподавательскими, подалъ въ отставку. (Въ 1869 году онъ въ лѣтнее время слушалъ лекціи въ Гейдельбергѣ). Весною 1871 года А. И. отправляется въ Берлинъ на лѣтній семестръ, гдѣ слушаетъ лекціи и занимается подъ руководствомъ профессора Мюллера (нѣмецкія нарѣчія), Тоблера (романскіе яз.), Штейнталя (миѳологія), Пипера (археологія). Вакацію А. И. провелъ въ Прагѣ, въ занятіяхъ въ университетской библіотекѣ, а на зимній семестръ поступилъ въ Вѣнскій университетъ, гдѣ занимался нѣмецкими нарѣчіями подъ руководствомъ Шефера, романскими языками—у Мусса-

фіи, славянскими —у Миклошича. Кромѣ того, онъ слушалъ лекціи Томашка, Ашбаха и Шембера. Рядомъ съ этимъ А. И. работалъ въ рукописномъ отдѣленіи Вѣнской придворной библіотеки. Весною 1872 года А. И. возвращается въ Москву, гдѣ въ началѣ 1873 г., приступаетъ къ магистерскому экзамену у профессора Ѳ. И. Буслаева и защищаетъ диссертацію на степень магистра 24-го апрѣля 1874 года.

Молодой ученый нашелъ со стороны декана историко-филологическаго факультета, Н. А. Лавровскаго, весьма благожелательную поддержку. Профессоръ Лавровскій рекомендовалъ факультету аспиранта на каѳедру въ обширномъ рапортѣ, въ сущности весьма интересномъ критическомъ трактатѣ [1]). Н. А. Лавровскій начинаетъ свое изложеніе съ перечня тѣхъ трудовъ магистра Кирпичникова, которые имѣютъ прямое отношеніе къ всеобщей литературѣ. Онъ довольно подробно останавливается на статьѣ «Письма темныхъ людей» (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1868 г.), справедливо называя ее *прекрасной характеристикой средневѣковаго образованія*. «Очерки изъ исторіи средневѣковой литературы» представляютъ, по словамъ профессора Лавровскаго, «усердное изученіе литературныхъ памятниковъ и замѣчательный опытъ ихъ характеристики». Затѣмъ профессоръ Лавровскій останавливается на статьяхъ А. И о Берлинской и Вѣнской библіотекахъ, на рецензіи на книгу А. Н. Веселовскаго («Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ») и отмѣчаетъ методологическую точку зрѣнія рецензента, въ послѣдствіи подробно имъ развитую («если, говоритъ А. И., миѳологической экзегезѣ приходится многимъ поступиться исторической исторіи, то, съ другой стороны, и для послѣдней есть свои границы; переходя за нихъ, она впадаетъ въ область произвола и натяжекъ. Не должны ли обѣ теоріи уступить часть своего матеріала общечеловѣческимъ законамъ фантазіи и народной психологіи»).

Переходя къ разбору магистерской диссертаціи А. И., профессоръ Лавровскій отмѣчаетъ важнѣйшія достоинства этого труда (примѣненіе сравнительнаго медода, сличеніе по темамъ и формуламъ), подкрѣпляя свое мнѣніе выдержками изъ отзыва Ѳ. И. Буслаева. «Въ критикѣ содержанія разбираемой поэмы, говоритъ профессоръ Буслаевъ, онъ (А. И.) старается отдѣлить древнѣйшее отъ передѣлокъ и локализируя устную сагу и ея дальнѣйшее развитіе, устное и письменное, онъ умѣетъ ясно поставить очень трудный въ этомъ дѣлѣ вопросъ объ отношеніи исторіи къ поэтическому вымыслу. Что же касается до объясненія этого послѣдняго, то онъ не хочетъ брать на вѣру выводовъ ни миѳологіи при-

[1]) Дѣло Совѣта Имп. Харьк. унив. № 45.

роды, ни тѣмъ менѣе теоріи Бенфея, и слѣдуетъ по тому, еще мало прототоренному пути, который прямѣе ведетъ къ разбору остальныхъ элементовъ эпической поэзіи позднѣйшей формаціи, когда уже порвалась непосредственная связь поэтическаго творчества съ миѳологіею и когда всякое заимствованіе, откуда оно ни пришло, утративъ печать своего происхожденія, превратилось въ подходящую къ дѣлу эпическую формулу или общее мѣсто».

Вышеизложенные отзывы о трудахъ А. И. очевидно вполнѣ убѣдили факультетъ въ научной компетентности аспиранта на каѳедру. Избраніе А. И. въ факультетѣ состоялось единогласно. Въ совѣтѣ онъ былъ избранъ подавляющимъ большинствомъ. Съ осени 1873 года А. И. Кирпичниковъ сталъ читать лекціи въ университетѣ. Курсы тогда читались большинствомъ профессоровъ спеціальные. О характерѣ лекцій А. И. можно судить по *«Исторіи Всемірной Литературы»* подъ редакціей Корша и Кирпичникова, гдѣ многіе отдѣлы обработаны А. И. Сверхъ того молодой доцентъ удѣлялъ немало времени среднимъ учебнымъ заведеніямъ (гимназіи г-жи Оболенской, инспекціи учебныхъ классовъ музыкальнаго училища) и общественной дѣятельности (Обществу грамотности и др.). Не покладая рукъ А. И. работалъ надъ докторской диссертаціей, избравъ для нея тему очень важную и интересную: эту книгу, впрочемъ, впослѣдствіи онъ не рѣшился представить для полученія искомой степени. Я говорю о книгѣ *«Греческіе романы въ новой русской литературѣ»*. Повѣсть о Варлаамѣ и Іосафѣ, Харьковъ 1876 г.» (VI+265+113). Авторъ внесъ въ свою книгу много новаго славянскаго матеріала, подобраннаго, главнымъ образомъ, въ Москвѣ; но, находясь въ Харьковѣ, библіотеки котораго и теперь непригодны для спеціальныхъ занятій, онъ вынужденъ былъ оставить нѣкоторые отдѣлы незаполненными. Во всякомъ случаѣ въ этой книгѣ многое вызываетъ интересъ и вниманіе, а нѣкоторыя положенія (опровержевіе, напримѣръ, гипотезы Либрехта) далеко не столь смѣлы, какъ въ то время казалось критикѣ. Какъ бы то ни было, А. И., напечатавшій кромѣ *Греческихъ романовъ* и нѣсколькихъ статей, изслѣдованіе *о Кудрунѣ*, впервые познакомившее русскую публику съ этой важной и интересной средневѣковой поэмой, рѣшилъ оставить на время Харьковъ, чтобы поработать на досугѣ надъ темой, тогда его увлекавшей. Онъ выходитъ въ отставку, поселяется въ Петербургѣ, гдѣ, благодаря вниманію министерства, ему предоставляютъ скромно обезпеченное занятіе, ѣздитъ заграницу, гдѣ работаетъ во многихъ библіотекахъ и архивахъ. Въ 1878 году А. И. приступаетъ къ печатанію въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* своего изслѣдованія

«Св. Георгій и Егорій Храбрый», за которое и получаетъ отъ Петербургскаго университета степень доктора исторіи всеобщей литературы. Офиціальными оппонентами его выступили А. Н. Веселовскій и О. Ѳ. Миллеръ. Диспутъ прошелъ оживленно и съ блестящимъ для докторанта успѣхомъ.

Послѣ защиты диссертаціи А. И. вновь обратился въ Харьковскій историко-филологическій факультетъ съ просьбою предоставить ему экстраординатуру по каѳедрѣ исторіи всеобщей литературы. На этотъ разъ дѣло представленія взялъ на себя А. А. Потебня, присоединившій къ собственному отзыву о диссертаціи А. И. сужденія и рецензіи: О. Ѳ. Миллера, А. Н. Веселовскаго, профессора Деституниса и Ѳ. И. Буслаева. «Находя это сочиненіе, говоритъ А. А. Потебня, важнымъ вкладомъ въ науку, я весьма радъ, что могу подкрѣпить свое мнѣніе объ немъ отзывами лицъ, столь компетентныхъ, какъ оффиціальные оппоненты г. Кирпичникова». «Г. Дестунисъ въ письмѣ, находящемся у меня, высказываетъ интересъ, возбуждаемый въ немъ сочиненіемъ г. Кирпичникова, предлагаетъ нѣкоторыя свои поправки и хвалитъ «неистощимое усердіе и энергію, съ которыми авторъ доискался важныхъ и положительныхъ выводовъ», а также «ясность изложенія». Въ одномъ изъ послѣдующихъ засѣданій А. А. Потебня представилъ факультету письменный разборъ диссертаціи А. И., составленный Ѳ. И. Буслаевымъ. Въ виду того, что этотъ отзывъ приведенъ нами въ другомъ мѣстѣ [1]), мы ограничимся указаніемъ, что рецензентъ ставитъ книгу А. И. очень высоко, называетъ ее «прекрасной», свои впечатлѣнія, вынесенныя изъ ея чтенія, «свѣтлыми», высоко ставитъ методологическіе пріемы автора и его неистощимое трудолюбіе. Лучшей главой Буслаевъ считаетъ *первую*. «Ею опредѣляется достоинство всей книги, какъ фактической основы всѣхъ дальнѣйшихъ изслѣдованій. Редакціи приведены въ извѣстность и установлены въ систематическомъ порядкѣ. Опредѣлена древнѣйшая, и житіе отдѣлено отъ чуда о змлѣ». Книгу А. И. Кирпичникова Ѳ. И. Буслаевъ рекомендуетъ «какъ руководство и образецъ для разработки богатыхъ матеріаловъ по исторіи русскихъ духовныхъ стиховъ».

Мнѣніе А. Н. Веселовскаго въ существенныхъ пунктахъ сходится съ анализомъ Ѳ. И. Буслаева. Привожу наиболѣе существенныя замѣчанія.

«Главная заслуга, говоритъ А. Н. Веселовскій, г. Кирпичникова состоитъ, по моему мнѣнію, въ томъ, что онъ первый охватилъ вопросъ во всей его органической цѣлости, представивъ намъ генезисъ легенды—

---

[1]) См. Каѳедра исторіи всеобщей литературы въ Харьковскомъ университетѣ X. 1897, стр. 8, 9, 1.

отъ ея основы, коренящейся въ религіозныхъ представленіяхъ Востока, до житія и его развѣтвленій, и далѣе, до его различныхъ преображеній въ народной поэзіи». «Изслѣдованіе редакцій житія составляетъ безспорно самую важную основную часть труда г. Кирпичникова». «Я могу только съ сочувствіемъ отнестись къ осторожнымъ пріемамъ г. Кирпичникова, въ изслѣдованіи миѳологическаго содержанія Егорьевской обрядности». «Книга г. Кирпичникова можетъ быть признана хорошимъ вкладомъ въ науку, посвященную вопросамъ литературныхъ вліяній и общенія литературы съ народной жизнью. Всѣ послѣдующіе изслѣдователи въ той же области обратятся къ ней не только за указаніемъ матеріала, но и за точками зрѣнія, въ ней намѣченными и подлежащими дальнѣйшему развитію» [1]).

О. Ѳ. Миллеръ называетъ книгу А. И. «замѣчательной», заявляетъ, «что она составляетъ прекрасный вкладъ не только въ нашу, но и въ европейскую ученую литературу» [2]).

Несмотря на столь лестные отзывы о диссертаціи А. И., въ факультетѣ было не мало препирательствъ по поводу его кандидатуры. Письмо проф. Буслаева явилось главной точкой нападеній. Почему-то одинъ изъ членовъ счелъ неумѣстнымъ представленіе подобныхъ отзывовъ. Послѣ довольно страстныхъ споровъ, имѣвшихъ партійную подкладку, А. И. все же былъ избранъ большинствомъ голосовъ въ факультетѣ и совѣтѣ. Избраніе было утверждено министромъ. и съ 1879 г. А. И. снова переселился въ Харьковъ.

Періодъ университетской жизни, о которомъ идетъ рѣчь, былъ отмѣченъ во всѣхъ университетахъ рѣзкимъ раздѣленіемъ на партіи—явленіе почти неизбѣжное при выборномъ началѣ. Опредѣленной программы эти партіи не могли имѣть; ихъ, по главнымъ участникамъ, называли иногда «русской», «нѣмецкой», по характеру дѣятельности «либеральной» и «консервативной». Симпатіи А. И. опредѣлились еще во время доцентуры, и онъ остался имъ вѣренъ впослѣдствіи. Ближайшими его друзьями оставался по прежнему кружокъ лицъ, отчасти уже покойныхъ, отчасти здравствующихъ, всегда пользовавшійся любовью студентовъ и вѣсомъ въ коллегіи. Большинство были питомцами Московскаго университета, хотя были и харьковцы, напримѣръ А. А. Потебня. Эти лица объединялись научными стремленіями, духомъ европейской образованности и широкимъ пониманіемъ университетскихъ интересовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что

---

[1]) Дѣло Совѣта Имп. Харьк. унив. № 207.

[2]) Ib.

А. И. былъ однимъ изъ выдающихся университетскихъ дѣятелей; его увлекали интересы факультета и совѣта.

Начало восьмидесятыхъ годовъ было прекраснымъ періодомъ жизни русскихъ, въ частности Харьковскаго, университетовъ. Несмотря на частыя волненія студентовъ, не имѣвшія политическаго характера въ Харьковѣ, студенты учились много и охотно. Особенно благопріятенъ былъ этотъ періодъ для историко-филологическаго факультета. Студентовъ числилось вдвое болѣе, чѣмъ въ настоящее время, притомъ контингентъ ихъ былъ весьма хорошъ. Лекціями увлекались и ими интересовались, такъ какъ профессора, не связанные программами, читали курсы, особенно для нихъ самихъ интересные и нерѣдко сами увлекались ими. Среди профессоровъ, уже покойныхъ, были лица, отличавшіяся большимъ ораторскимъ дарованіемъ (Петровъ, Надлеръ), глубиной мысли и оригинальностью (Потебня), эрудиціей (Делленъ, Пѣховскій). А. И. занялъ среди своихъ товарищей опредѣленное и почетное положеніе. Студенты полюбили его и его лекціи, въ которыхъ, кромѣ превосходнаго фактическаго изложенія исторіи литературы въ связи съ культурными явленіями и явленіями искусства, они на каждомъ шагу слышали проповѣдь излюбленныхъ идей профессора. «Гуманность», «милость къ падшимъ», «любовь къ народности» - вотъ мотивы, которые особенно увлекали и профессора, и слушателей. Его горячая любовь къ родному уживалась съ глубокимъ уваженіемъ къ высокимъ проявленіямъ западно-европейской цивилизаціи. Курсы А. И. были интересные, стоявшіе на уровнѣ требованій науки и весьма разнообразные. А. И. читалъ исторію романтизма, итальянскаго возрожденія, Гете и Шиллера, изученія народности, христіанскаго и русскаго искусства и проч. Ясное, отчетливое изложеніе, мѣткія характеристики, правоучительный элементъ, умѣренно проводимый,—все это дѣлало чтенія А. И. весьма цѣнными въ педагогическомъ отношеніи. Неудивительно, что послѣ одного публичнаго чтенія (о Тургеневѣ) студенты сдѣлали лектору горячую овацію, и на одной изъ лекцій поручили одному изъ товарищей благодарить профессора за его доброе къ нимъ отношеніе.

Независимо отъ литературныхъ курсовъ А. И. велъ и практическія занятія по нѣкоторымъ отдѣламъ романскихъ языковъ, предназначая ихъ для спеціалистовъ, ближе интересующихся предметомъ. Эти чтенія приносили большую пользу особенно въ виду того, что новые языки преподавались тогда въ Харьковѣ весьма слабо.

Независимо отъ университетскихъ занятій, А. И. продолжалъ свою дѣятельность на педагогическомъ поприщѣ въ гимназіи г-жи Оболенской,

въ музыкальномъ училищѣ (итал. яз.), читалъ публичныя лекціи въ пользу Общества грамотности, участвовалъ въ организаціи школъ. Въ качествѣ предсѣдателя Общества пособія нуждающимся студентамъ онъ снискалъ общую любовь. Ученая производительность А. И. въ этотъ періодъ была особенно интенсивна: онъ редактировалъ *Исторію Всемірной Литературы*, составлялъ для нея отдѣлы, писалъ спеціальныя статьи, участвовалъ въ съѣздахъ, редактировалъ переводы, печаталъ рецензіи. Приходилось удивляться этой производительности. Къ счастью А. И., въ этотъ періодъ и министерство, и университеты охотно отпускали профессоровъ въ ученыя командировки за-границу, въ основательномъ разсчетѣ, что отъ такихъ экскурсій можно ждать лишь пользы и для преподавателя, и для преподаванія. Такими командировками А. И. пользовался неоднократно, возвращаясь изъ поѣздокъ съ запасомъ ученаго матеріала и силъ. Жизнь въ Харьковѣ, несмотря на нѣкоторыя непріятности, обѣщала сложиться для молодого профессора вполнѣ благопріятно, какъ вдругъ тяжелый семейный ударъ, почти скоропостижная смерть любимой жены, сдѣлала дальнѣйшее пребываніе въ Харьковѣ весьма тяжелымъ. Въ 1884 г. умерла С. Б. Кирпичникова, вѣрная помощница мужу въ трудовой жизни, много потрудившаяся въ Харьковѣ для народнаго образованія, и въ томъ же году А. И., выхлопотавъ себѣ командировку въ Петербургъ, переселяется туда на годъ. Изъ столицы, уже при новомъ уставѣ, онъ переѣзжаетъ въ Одессу, похоронивъ младшаго сына. Съ 1885 года начинается новый періодъ университетской дѣятельности А. И. Кирпичникова.

II.

Дѣятельность А. И. въ Харьковѣ протекала отчасти на моихъ глазахъ. Меня съ покойнымъ сближали общіе научные интересы, его чрезвычайно деликатное руководство. Убѣдившись, что въ Харьковѣ, по уходѣ А. И. Кирпичникова, его каѳедра останется нѣкоторое время вакантной, я рѣшилъ переѣхать вслѣдъ за нимъ въ Одессу—на послѣдній курсъ. Такимъ образомъ первый годъ профессуры А. И. въ Одессѣ я могъ наблюдать самъ, равно какъ и около полугода въ 1889 г.

Переводъ А. И. въ Одессу состоялся уже при новомъ уставѣ, по назначенію министерства, но послѣ предварительнаго запроса въ факультетъ. Новый уставъ былъ введенъ въ Одессѣ весьма послѣдовательно, безъ малѣйшихъ послабленій. Университетъ былъ молодой, коллегія—немногочисленна, попечительская власть и при прежнемъ уставѣ была сильна. Факультеты должны были строго придерживаться министерскихъ

программъ, и за неукоснительнымъ ихъ выполненіемъ и мѣстное, и петербургское начальство зорко слѣдили. Авторитетъ профессора въ торговомъ и космополитическомъ городѣ ставился несравненно ниже, неужели въ Харьковѣ. Городъ жилъ своей жизнью, университетъ—своей, и того единенія общества и университета, которое могло быть отмѣчено въ тотъ періодъ въ Харьковѣ, въ Одессѣ не было. Историко-филологическій факультетъ былъ малочисленъ. Атмосфера, навѣянная здѣсь новымъ уставомъ, была, надо признать, довольно тяжела.

Прибытіе такого выдающагося ученаго и профессора, какъ А. И., не могло пройти незамѣченнымъ въ Одессѣ. Его здѣсь ждали и радушно встрѣтили мѣстные интеллигентные круги. Въ факультетѣ отношенія А. И. къ товарищамъ скоро опредѣлились; съ нѣкоторыми онъ сошелся близко, но были и такіе, которые приняли вновь назначеннаго профессора недружелюбно и впослѣдствіи продолжали оказывать ему свое явное нерасположеніе. Съ пыломъ молодости А. И. принялся за свою профессорскую и общественную дѣятельность. Вскорѣ онъ пріобрѣлъ широкую извѣстность своими публичными лекціями, преподавательскою дѣятельностью въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ, предсѣдательствомъ въ *Обществѣ пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ*, трудами по *Обществу грамотности*, *историко-филологическому* (тов. предс.), *славянскому* (тов. предс.), по *городской библіотекѣ* (попечитель) и др. Въ университетѣ онъ читалъ общіе, примѣнительно къ программѣ, курсы и частные, весьма охотно посѣщаемые студентами различныхъ факультетовъ.

Ученыя свои занятія А. И. приспособилъ въ извѣстной степени къ мѣстному матеріалу и научнымъ запросамъ. Онъ усердно занимается византійской литературой, искусствомъ и новогреческимъ языкомъ. Рядъ изслѣдованій и критическихъ статей является плодомъ этого изученія. Не были заброшены и прежнія темы; особенно увлекала А. И. исторія культа Богородицы въ литературѣ и искусствѣ. Часть этого изслѣдованія напечатана, многое осталось въ рукописныхъ матеріалахъ. Факультетъ, очевидно, сочувствовалъ научнымъ стремленіямъ А. И., такъ какъ неоднократно ходатайствовалъ о заграничныхъ командировкахъ. Въ 1891—1892 гг. А. И. прожилъ заграницей, главнымъ образомъ, въ Парижѣ. Въ 1897 году онъ находился въ командировкѣ въ Москвѣ и Петербургѣ (въ Петербургѣ онъ былъ приглашенъ прочесть курсъ на высшихъ женскихъ курсахъ). Кромѣ того, въ лѣтнее время А. И. совершалъ научныя экскурсіи въ Грецію и Константинополь.

Въ 1898 году исполнилось 30-лѣтіе службы А. И. Онъ оставляетъ Одессу и переходитъ сверхштатнымъ профессоромъ по каѳедрѣ русской

литературы въ Московскій университетъ. Переходъ совершился съ предварительнаго согласія факультета.

Въ родномъ университетѣ и почти родномъ городѣ А. И. принимается за привычное для него и дорогое дѣло съ неослабной энергіей и рвеніемъ. Онъ читаетъ курсы о Пушкинѣ, привлекавшіе много слушателей, читаетъ рядъ рефератовъ въ Археологическомъ обществѣ, участвуетъ въ организаціи общежитія студентовъ, читаетъ публичныя лекціи, становится во главѣ нѣсколькихъ обществъ (Библіографическаго Общества, Люб. росс. слов.— въ послѣднемъ товарищъ предсѣдателя), участвуетъ въ комиссіяхъ по реформѣ средней школы, исполняетъ порученія г. попечителя округа. Въ слѣдующемъ году А. И. становится деканомъ историко-филологическаго факультета. Должность декана, на которую въ провинціальныхъ университетахъ представляютъ кандидатовъ ректоръ и попечитель, по своему выбору и усмотрѣнію, въ Москвѣ въ сущности сохранила прежній выборный характеръ. На А. И. указали его московскіе коллеги и министерство. Назначеніе его, по представленію г. попечителя, удовлетворило желаніямъ факультета. Сколько мнѣ извѣстно, товарищи А. И. были довольны его безусловно коллегіальнымъ образомъ дѣйствій, а студенты горячо его любили. Покойный былъ въ лучшихъ отношеніяхъ и съ г. попечителемъ округа, который всегда шелъ на встрѣчу его представленіямъ. Однако хлопотливая должность декана, какъ члена правленія, тяготила А. И., и онъ съ перваго же года думалъ объ уходѣ, разсчитывая посвятить всѣ свои силы наукѣ. Но уходъ затянулся—до прошлаго года.

Московскій періодъ дѣятельности А. И. можно назвать столь же плодотворнымъ, какъ и предыдущіе. Онъ переиздаетъ свои «Очерки по исторіи новой русской литературы», печатаетъ рядъ статей о Пушкинѣ, пишетъ критическую біографію Гоголя и подготовляетъ къ печати критическое изданіе его сочиненій, дѣятельно участвуетъ въ работахъ археологическихъ съѣздовъ; подвигаетъ впередъ свою *Исторію Богородицы*, усиленно работаетъ въ комиссіи покойнаго Н. П. Боголѣпова и при всемъ этомъ находитъ время для всякаго студента, обращающагося къ нему за совѣтомъ, исправно отвѣчаетъ на всѣ письма и приходитъ съ помощью туда, гдѣ его ждутъ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до кончины покойный принялъ на себя должность проректора, разсчитывая послужить родному университету своимъ опытомъ и глубокой гуманностью; но смерть была уже за плечами и унесла свою жертву неожиданно для семьи и друзей.

У А. И. Кирпичникова было много учениковъ; привожу извѣстныя въ научной литературѣ фамиліи, не претендуя на полноту перечня: Мандесъ, М. Г. Попуженко, Е. К. Рѣдинъ, С. В. Соловьевъ, Н. Ѳ. Сумцовъ, М. Г. Халанскій, Л. Ю. Шепелевичъ. Нѣкоторые избрали другія спеціальности, но находились подъ научнымъ вліяніемъ А. И. Число слушателей, не заявившихъ себя въ научной литературѣ сколько-нибудь выдающимися трудами, но многимъ обязанныхъ благотворному вліянію покойнаго профессора, весьма значительно, и они, безъ сомнѣнія, выскажутся въ своихъ воспоминаніяхъ о покойномъ. Изъ указанныхъ лицъ двое (Соловьевъ и Шепелевичъ) избрали предметомъ занятій главную спеціальность покойнаго. За все свое пребываніе въ университетѣ А. И. оставилъ по своей каѳедрѣ двухъ стипендіатовъ; одинъ изъ нихъ (проф. Н. Ѳ. Сумцовъ) впослѣдствіи перешелъ на каѳедру русской литературы; другой, несмотря на единогласное ходатайство факультета Одесскаго университета, не получилъ искомой стипендіи. Послѣ ухода А. И. Кирпичникова изъ Одессы его каѳедра долго оставалась вакантной. Въ послѣднее время чтеніе по ней курса поручено факультетомъ магистранту Московскаго университета г. Лазурскому, ученику Н. И. Стороженка.

Въ сношеніяхъ съ А. И. Кирпичниковымъ всякаго поражала его высокая терпимость, незлобивость и благодушіе. Покойный былъ хорошимъ знатокомъ людей, но его воспитаніе, благотворное университетско вліяніе въ связи съ природной ровностью и мягкостью характера, внушили ему необыкновенно толерантное отношеніе къ людямъ. Проявленія признательности трогали и радовали его, но и къ неблагодарности и безучастію онъ относился съ философскимъ спокойствіемъ. Вспоминается характерная фраза, произнесенная покойнымъ по поводу болѣе чѣмъ некорректнаго поведенія по отношенію къ нему двухъ лицъ, изъ которыхъ одно было многимъ ему обязано: «Положимъ, отъ X. я ожидалъ токого отношенія: онъ многимъ мнѣ обязанъ; но отъ У. я этого не ожидалъ: я ничего для него не сдѣлалъ».

А. И. былъ всегда добрымъ, предупредительнымъ товарищемъ, и этого не отрицали даже его недоброжелатели.

Интересамъ университета онъ былъ всецѣло преданъ; въ трудныхъ обстоятельствахъ онъ находилъ modus vivendi, не поступаясь своими принципами и правилами.

Покойный обладалъ недюжиннымъ ораторскимъ дарованіемъ. Его рѣчь, какъ и литературный стиль была проста, ясна, образна, иногда поэтична.

Неутомимое трудолюбіе, тактъ и послѣдовательность сказались въ послѣдніе годы и въ административной дѣятельности А. И.; но къ послѣдней у покойнаго не было стремленій; его честолюбіе ограничивалось сферой научныхъ интересовъ, въ которой онъ никогда не допускалъ личнаго элемента, профессіональной зависти или нетерпимости.

Когда представлялась необходимость, А. И. проявлялъ и замѣчательный организаторскій талантъ. Его слушались и ему подчинялись, хотя въ его характерѣ совершенно не было ничего деспотическаго и «внушеній». Примѣръ трудолюбія А. И. незамѣтно втягивалъ въ работу и его сотрудниковъ.

Я полагаю, что слушатели покойнаго изъ различныхъ поколѣній согласятся со мною, что среди своихъ товарищей, профессоровъ, онъ выдѣлялся своимъ сердечнымъ участіемъ къ нуждамъ студентовъ. Молодежь А. И. искренно любилъ и понималъ ея интересы, не потакая, впрочемъ, ея слабостямъ и увлеченіямъ.

Много свѣтлыхъ чертъ покойнаго можно бы еще отмѣтить; пока мы ограничимся сказаннымъ, обращаясь къ разсмотрѣнію суммы того ученаго и литературнаго наслѣдія, которое завѣщано А. И. родному обществу.

III.

Ученая дѣятельность А. И. была весьма разносторонняя и обильная. Онъ былъ выдающимся спеціалистомъ не только по исторіи всеобщей литературы, но и по русской литературѣ, археологіи и искусству; ему принадлежатъ также труды по византійской литературѣ. Какъ авторъ нѣсколькихъ учебниковъ и многихъ статей по педагогическимъ вопросамъ, А. И. пользуется давно большою популярностью. Вся дѣятельность покойнаго по характеру напоминаетъ собою неутомимую и кипучую дѣятельность піонеровъ Возрожденія. И ему, подобно многимъ другимъ русскимъ ученымъ, приходилось быть во многомъ піонеромъ.

Обозрѣвая богатое учено-литературное наслѣдіе покойнаго, мы видимъ въ немъ рядъ не только ученыхъ изслѣдованій, но и популярныхъ статей и очерковъ. Впрочемъ, популяризаціей А. И. спеціально не занимался, а общедоступность нѣкоторыхъ его сочиненій объясняется необыкновенно яснымъ и красивымъ изложеніемъ. О нѣкоторыхъ ученыхъ трудахъ въ области исторіи всеобщей литературы было сказано выше; указаны и замѣчательныя достоинства этихъ сочиненій (*Поэмы ломбардскаго цикла*, *св. Георгій и Егорій храбрый*, *Кудруна*, *Греческіе романы* и пр.)—по отзывамъ солидныхъ критиковъ. Кромѣ вышеназванныхъ, осо-

бенно выдѣляется изъ трудовъ первой категоріи (по исторіи всеобщей литературы) *Исторія Всемірной Литературы* подъ редакціей Корша-Кирпичникова, гдѣ почти весь 2-й томъ, половина третьяго и четвертаго обработаны А. И. Несмотря на значительный промежутокъ, протекшій со времени выхода въ свѣтъ этого объемистаго сочиненія, дѣлающаго честь редакціи и издательской фирмѣ, оно до настоящаго времени остается не только лучшимъ руководствомъ по исторіи всеобщей литературы на русскомъ языкѣ, но и среди вообще руководствъ этого рода, по плану и изложенію, занимаетъ выдающееся мѣсто. Нѣкоторыя главы впервые познакомили русскую публику съ вполнѣ научной постановкой историко-литературныхъ вопросовъ. Главы о новѣйшей литературѣ обработаны на основаніи лучшихъ монографій и прекрасно изложены.

Сама по себѣ «Исторія Всемірной Литературы» могла составить А. И. ученую репутацію въ области его первой спеціальности. Но эта репутація покоилась, кромѣ названныхъ, еще на многочисленныхъ литературныхъ экскурсахъ. То были лекціи по новѣйшей литературѣ (*Диккенсъ*, *Жоржъ Зандъ* и *Гейне*, *Викторъ Гюго*, *Вальтеръ Скоттъ* и др.), экскурсы въ область гуманизма (*Эразмъ Роттердамскій*, *Письма темныхъ людей* и др.), этюды изъ области миѳологическихъ переживаній (*Переживаніе и символизмъ въ жизни совр. общ.*, *Очерки современной миѳологіи* и др.), этюды изъ области культуры и цивилизаціи (*Очеркъ исторіи книги*, *изъ колыбели европейской цивилизаціи*); экскурсы въ область средневѣковаго эпоса и филологіи (*Отзывъ о переводѣ „Нибелунговъ" г. Кудряшева*, *переводъ статьи Мейера* и пр.); этюды о сочиненіяхъ европейскихъ классиковъ (въ послѣднее время о *Разбойникахъ* Шиллера, *Макбетѣ* Шекспира въ изд. Ефрона-Брокгауза). Масса рецензій, критическихъ отзывовъ, замѣтокъ были помѣщаемы покойнымъ въ различныхъ изданіяхъ (*Ж. М. Н. Пр.*, Ист. Вѣст., Arch. fur slav. Phil., Revue Critique, Загран. Вѣст., Зап. Нов. унив., Русск. Мысль, въ Энц. словарѣ Брокгауза и мн. др.).

Не менѣе, если не болѣе, плодотворна научная дѣятельность покойнаго въ исторіи русской литературы. Родной литературой и словесностью А. И. занимался параллельно съ западно-европейской, а обширная эрудиція и прекрасная память давали ему возможность широко пользоваться примѣненіемъ сравнительнаго метода.

Труды А. И. по русской и византійской литературамъ (мы соединяемъ ихъ въ одну группу) весьма многочисленны и цѣнны. Въ большинствѣ случаевъ они приносятъ новый матеріалъ, почти всегда—новую оригинальную постановку вопросовъ. Народной словесности и древней

письменности посвящено нѣсколько цѣнныхъ работъ. Таковы: *Источники нѣкоторыхъ духовныхъ стиховъ*, *Особый видъ творчества въ новой русской литературѣ*, *Древнее сказаніе о Лоретской Богоматери*, *Къ вопросу о древне-русскихъ скоморохахъ*, *Къ вопросу о птицѣ Страфилъ*, *Сужденіе дьявола противъ рода человѣческаго*, *Духовные стихи* и мн. друг. Новой литературѣ, кромѣ ряда статей, напечатанныхъ въ двухъ изданіяхъ „*Очерковъ по исторіи новой русской литературы*" (2-е изд. 1902), посвящены многочисленныя статьи (*Аксаковъ*, *О. Ѳ. Миллеръ*, *Салтыковъ*, *Новиковъ*, *Некрасовъ*, *Чаадаевъ*, *Мудровъ и Вигель*, *Жуковскій и Дельвигъ* и др.); особенно выдѣляется рядъ статей, въ большинствѣ случаевъ, основанныхъ на новыхъ данныхъ, о *Пушкинѣ*, біографія *Гоголя* (*Канва къ біографіи*), которая сдѣлается настольнымъ руководствомъ для всякаго, занимающагося авторомъ «Мертвыхъ Душъ». Не менѣе цѣнны и оригинальны статьи А. И. по византійской литературѣ (*Гдѣ взять матеріалы для исторіи византійской литературы? Новая византійская повѣсть въ древне-русской литературѣ*, *Письма монаха Іанова*, *Eine volksthümliche Kaiserchronik* и др.). Рядъ критическихъ отзывовъ, рецензій на многія выдающіяся изслѣдованія по русской литературѣ и словесности, статей въ Энциклопедическомъ Словарѣ, замѣтокъ и рефератовъ,—все это составляетъ научный багажъ, дававшій покойному полное право на каѳедру русской словесности.

Не менѣе, чѣмъ предыдущіе, цѣнятся спеціалистами труды А. И. по исторіи искусства и археологіи [1]). Упоминаю главнѣйшіе: «*Сказанія о житіи Дѣвы Маріи и ихъ выраженіе въ средневѣковомъ искусствѣ*», «*Деисусъ на востокѣ и западѣ*», *Иконографія Вознесенія Христова*», «*Успеніе Богородицы въ легендѣ и искусствѣ*», «*Этюды по иконографіи Рождества Христова*», «*Къ иконографіи сошествія Св. Духа*», *Рецензія на соч. Н. В. Покровскаго*, «*Любопытная лицевая рукопись Парижской Національной библіотеки*», *Zur Byzantinischen Miniaturmalerei*», «*Чудесныя статуи въ Константинополѣ*». Взаимодѣйствіе литературы и изобразительнаго искусства—вотъ основная идея большинства трудовъ по искусству и археологіи А. И. Нѣкоторое время А. И. состоялъ редакторомъ органа Московскаго Археологическаго Общества.

Многочисленные учебники и педагогическія статьи А. И. Кирпичникова общеизвѣстны. Въ свое время они сослужили службу обществу. Но покойный былъ слишкомъ обремененъ своими сложными занятіями,

---

[1]) См. обзоръ этихъ трудовъ до 1897 г., сдѣланный проф. Е. К. Рѣдинымъ въ брошюрѣ «Каѳедра исторіи всеобщей литературы въ Имп. Харьк. унив.» (22—28 стр.).

чтобы имѣть возможность удѣлять въ послѣдніе годы много времени своимъ руководствамъ.

А. И. Кирпичниковъ состоялъ членомъ-корреспондентомъ нашей Академіи Наукъ и членомъ многихъ ученыхъ Обществъ. Академія неоднократно давала почетныя порученія своему сочлену и удостоивала его присужденіемъ медалей (Пушкинской, Уваровской).

Свою лекцію о В. Гюго А. И. Кирпичниковъ начинаетъ слѣдующими словами:

«Сильный духомъ человѣкъ тѣмъ и отличается отъ людей заурядныхъ, что ни счастіе, ни несчастіе не могутъ сломать его, заставить измѣнить себѣ. Успѣхъ не дѣлаетъ его самодовольно пошлымъ и ограниченнымъ, а тяжелыя неудачи и сознаніе собственныхъ ошибокъ не разбиваютъ его энергіи, напротивъ, усиливаютъ ее. Если онъ и способенъ на время поддаться отчаянію, то за этимъ скоро послѣдуетъ реакція. Онъ воспользуется урокомъ, который дала ему жизнь, сдѣлается скромнѣй и сдержанѣй, но не откажется отъ своей задачи и скоро опять будетъ впереди другихъ!»

Эти слова можно съ полнымъ основаніемъ примѣнить къ покойному. Бодрость и сила его духа были изумительны. Его примѣръ ободрялъ и другихъ. Самодовольство и опьяненіе успѣхомъ были чужды его деликатной духовной организаціи. Друзья и даже просто знакомые могли всегда на него разсчитывать. Для него не существовало «щекотливыхъ» ходатайствъ, такъ какъ онъ понималъ, что горе имѣетъ свои права. Испытаній судьба ему посылала очень много, подорвала безъ сомнѣнія, его силы, но не ослабила неусыпнаго трудолюбія и вѣры въ человѣчество. Онъ палъ съ поднятымъ знаменемъ, котораго некому принять отъ него...

Цѣня выше всего нравственную оцѣнку людей близкихъ и имъ уважаемыхъ, покойный могъ считать себя удовлетвореннымъ съ этой стороны при жизни. У него, благороднаго и вѣрнаго человѣка, было немало друзей и почитателей. Доброе сѣмя, посѣянное этимъ добрымъ пахаремъ, не всегда падало на безплодную почву. Оно дало и дастъ въ будущемъ жатву: честный и безкорыстный ученый трудъ, свято хранимые добрые университетскіе нравы, любовное и вполнѣ педагогическое отношеніе къ молодежи, примѣненіе началъ истинной гуманности къ ближайшему окружающему, заботливость о насажденіи просвѣщенія массъ, горячую любовь къ родному, при глубокомъ уваженіи къ тому, что есть хорошаго у чужихъ. (Изъ «*Ж. М. Н. П.*», 1903, X).

Л. Шепелевичъ.

VI.

Проф. А. И. Кирпичниковъ, какъ представитель каѳедры Исторіи Всеобщей литературы [1]).

Семидесятые годы XIX ст. по справедливости могутъ быть названы эпохою русскаго Ренессанса. Подъемъ и ростъ духовныхъ силъ націи поистинѣ изумительны. Во всѣхъ сферахъ общества идетъ усиленная и плодотворная работа. На всѣхъ поприщахъ выдвигаются талантливые, сильные волею люди, смѣло и послѣдовательно ратовавшіе за проведеніе въ жизнь своихъ излюбленныхъ идеаловъ.

Наши университеты, бывшіе во всякое время своего существованія мѣриломъ общественнаго самосознанія, переживали въ 70-хъ гг. прекрасный періодъ. Уставъ 1863 г. былъ въ полномъ разцвѣтѣ; передовые слои профессорской коллегіи съ надеждой взирали на будущее, ясно сознавая, что беззавѣтное служеніе русской наукѣ и просвѣщенію является одной изъ важнѣйшихъ національныхъ задачъ.

Кадры представителей науки и въ настоящее время немногочисленны. Тогда-же они были, можно сказать, малочисленны. Въ 70 г.г. профессорамъ не рѣдко приходилось, такъ или иначе, быть піонерами новаго и отвѣтственнаго дѣла.

Такимъ піонеромъ въ дѣлѣ постановки своего предмета былъ и покойный профессоръ А. И. Кирпичниковъ. Мои товарищи уже ярко обрисовали высокопривлекательныя черты этого замѣчательнаго человѣка. Я выдѣлилъ себѣ лишь небольшую долю: я желалъ бы показать, каковы заслуги професора А. И. Кирпичникова, какъ перваго представителя каѳедры исторіи всеобщей литературы (Западно-Европейской) въ Харьковскомъ университетѣ, въ постановкѣ преподаванія и этой новой, возникшей лишь съ уставомъ 1863 г., каѳедры.

До 1870 г. эта каѳедра не была открыта ни въ одномъ университетѣ. Въ 1870 г. въ Петербургѣ ее занялъ акад. А. Н. Веселовскій, въ 1873 г.—въ Харьковѣ А. И. Кирпичниковъ. Практика не давала никакихъ указаній—приходилось идти по непроторенному пути.

Вопросъ осложнялся и тѣмъ обстоятельствомъ, что вновь учрежденная каѳедра не имѣла въ западныхъ университетахъ аналогичныхъ.

---

[1]) Рѣчь, сказанная въ публичномъ засѣданіи Харьковскаго историко-филогическаго Общества, посвященномъ чествованію памяти проф. А. И. Кирпичникова, 22 февраля 1904 г.

Тамъ существовали и существуютъ каѳедры германской и романской филологіи, имѣющія каждая по одному и двумъ и даже тремъ представителямъ и новыхъ германскихъ и романскихъ литературъ, тоже имѣющихъ представителей.

Русскому профессору, впервые занявшему каѳедру со столь широкими, почти энциклопедическими задачами, предстояло сверхъ того и считаться со спеціальными задачами преподаванія, которыя состояли между прочимъ и въ томъ, чтобы слушатели имѣли возможность не только овладѣть фактическимъ матеріаломъ, но и точками отправленія для методическаго изученія явленій родной и другихъ литературъ.

А. И. не удовольствовался тою солидною подготовкой, которую получилъ подъ руководствомъ такого знатока отечественной и всеобщей литературы, какъ Ѳ. И. Буслаевъ. Еще будучи учителемъ, онъ ѣдетъ въ 1869 г. для занятій заграницу. Въ 1871 г. онъ вторично ѣдетъ заграницу, гдѣ—въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Прагѣ усердно занимается у такихъ спеціалистовъ, какъ Мюллеръ, Тоблеръ, Штейнталь, Шереръ, Мусафія, Ашбахъ и Миклошичъ. Получивъ доцентуру, а затѣмъ профессуру въ Харьковскомъ университетѣ, Александръ Ивановичъ внесъ въ преподаваніе энергію своего таланта, силъ и молодости. Въ своихъ курсахъ, въ значительной части воспроизведенныхъ въ Исторіи Всемірной литературы Корша-Кирпичникова—молодой профессоръ обращаетъ тщательное вниманіе не только на фактическое изложеніе, но и на ознакомленіе слушателей съ методами и пріемами лучшихъ изслѣдователей литературныхъ и культурныхъ явленій. Профессоръ широко понималъ задачи своей науки, вполнѣ сознавая, однако, что она находится еще въ младенчествѣ.

«Методъ изслѣдованія нашей науки—строго индуктивный, отъ факта къ выводу; въ частности—такъ какъ одинъ фактъ здѣсь ничего не доказываетъ—методъ сравнительный отъ массы однородныхъ фактовъ къ выводу, общему не только для нихъ, но и для всѣхъ, имъ подобныхъ.

Методъ изученія основного матеріала литературныхъ памятниковъ, разумѣется—строго филологическій. Знать памятникъ въ переводѣ, въ изложеніи, значитъ не знать его, а имѣть о немъ поверхностное понятіе, значитъ лишить себя возможности дѣлать изъ него непосредственные и стойкіе выводы.

Задача нашей науки—вывести общіе, незыблемые законы, по которымъ совершается движеніе человѣческой мысли, внутренній прогрессъ человѣчества. Стало быть, эта наука есть отдѣлъ соціологическій, и если

не самый важный, то одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ. Съ другой стороны, таже наука входитъ и въ антропологію, такъ какъ она доставляетъ наиболѣе цѣнный матеріалъ для изслѣдованія законовъ мысли и творческой фантазіи, взаимодѣйствія общества и личности, традиціи и стремленія къ прогрессу, связи факта и идеала.»

Эти основныя положенія покойный профессоръ стремился провести въ жизни. Въ Харьковскомъ университетѣ онъ читалъ разнообразные курсы, посвященные интереснѣйшимъ періодамъ исторіи литературы (романтизмъ, изученіе народности, В. Гюго, Ж. Зандъ, исторія Возрожденія и др.), а также спеціальные— по языкамъ и нарѣчіямъ, преимущественно романской группы. Кромѣ того, зная, какъ трудно бываетъ нашему студенту, даже при желаніи, знакомиться съ классическими произведеніями западно-европейской литературы, покойный профессоръ организовалъ въ Харьковѣ чтенія (чтецомъ онъ бывалъ самъ) въ университетѣ, а въ Одессѣ у себя на дому.

Съ введеніемъ устава 1884 г. каѳедра исторіи всеобщей литературы получила новое наименованіе (западно-европейскихъ литературъ) и новую постановку, съ самаго начала не единообразную. Въ Петербургѣ было образовано особое отдѣленіе (германо-романское), въ Москвѣ общій курсъ былъ сдѣланъ обязательнымъ на младшихъ курсахъ, а спеціальные—на старшихъ. Въ провинціальныхъ университетахъ рекомендовались программами общіе курсы на послѣднихъ семестрахъ и допускались спеціальные.

Эту постановку нельзя признать желательной и даже нормальной и покойный Александръ Ивановичъ, читая въ Одессѣ по преимуществу спеціальные курсы, лелѣялъ мысль объ учрежденіи особаго отдѣленія, которое давало-бы научную подготовку желающимъ сдѣлаться преподавателями новыхъ языковъ съ одной стороны, съ другой подготовляло-бы спеціалистовъ для преподаванія въ университетахъ. Такія ходатайства возбуждались по иниціативѣ или при участіи А. И. въ Одессѣ въ 1889 г. и въ Москвѣ въ 1899 или 1900 г. Пока эти ходатайства остаются неудовлетворенными; по всему вѣроятію они будутъ разсмотрѣны, какъ и ходатайство Харьковскаго университета, въ связи съ общей реформой университетскаго устава.

Сказанное мною касается лишь внѣшней стороны преподавательской дѣятельности покойнаго профессора. Въ качествѣ человѣка весьма близкаго къ нему я не рѣшаюсь, изъ опасенія показаться субъективнымъ, предложить характеристику преподаванія покойнымъ его главнаго пред-

мета. Отмѣчу лишь черты, представляющіяся безспорными. Не подлежитъ сомнѣнію, что самостоятельная научная разработка преподавателемъ различныхъ отдѣловъ его курса придаетъ послѣднему особенную цѣнность. Въ этомъ смыслѣ курсы профессора Кирпичникова слѣдуетъ признать имѣющими цѣну и важность для слушателей, такъ какъ въ основѣ ихъ часто лежали самостоятельныя изысканія—часто результатъ каникулярныхъ и командировочныхъ занятій.

Само собою разумѣется, что чтенія покойнаго профессора должны были отражать тѣ высоко-симпатичныя черты гуманности, педагогическаго такта и душевной доброты, которыя были отмѣчены моими почтенными предшественниками. Слушатели чувствовали золотое сердце, прямую и честную душу, легко отдѣлявшую плевела отъ сѣмянъ.

Не могу не отмѣтить еще одного обстоятельства, весьма важнаго для настоящихъ и будущихъ преподавателей Харьковскаго университета по каѳедрѣ западно-европейской литературы. Благодаря заботливости покойнаго, наша университеская библіотека снабжена настолько удовлетворительно за прежніе годы книгами, что есть возможность читать общіе курсы. Трудно представить себѣ, каково было бы положеніе преподавателя этого предмета, если бы не вниманіе и заботливость перваго представителя каѳедры. Резюмируя сказанное, я желалъ бы еще разъ отмѣтить то обстоятельство, что не взирая на свои многосторонніе и сложныя занятія, покойный А. И. Кирпичниковъ вкладывалъ въ преподаваніе своего главнаго и любимаго предмета лучшія силы. Какъ спеціалистъ, онъ неусыпно стремился къ совершенствованію, прекрасно сознавая, что ученому возможно лишь идти впередъ или назадъ—оставаться на мѣстѣ нельзя. Поставивъ въ предѣлахъ возможности вполнѣ раціонально преподаваніе своего предмета, А. И. ясно сознавалъ, что нормальная постановка дѣла возможна лишь при наличности нѣсколькихъ преподавателей и особаго отдѣленія. Стремясь къ этой завѣтной цѣли, онъ дѣлалъ все зависящее отъ него, чтобы и въ тѣсныхъ границахъ, временно отведенныхъ преподавателю этого предмета, поставить его на научную высоту.

Вакантная въ двухъ университетахъ, замѣщенная не спеціалистомъ въ одномъ и даже отсутствующая въ Юрьевскомъ университетѣ, каѳедра исторіи западно-европейской литературы въ Харьковскомъ университетѣ можетъ считаться въ будущемъ обезпеченной. Учрежденіе отдѣленія германо-романской филологіи является важнѣйшей и, можно сказать, единственной ея задачей. Если она осуществится, то не слѣдуетъ забывать, что первому представителю этой каѳедры принадлежитъ идея учрежденія такого

отдѣленія. Но какое-бы направленіе ни приняло будущее, Харьковскій университетъ, а въ частности каѳедра западно-европейской литературы останется навсегда признательна своему первому представителю, не щадившему своихъ силъ и дарованій для науки и преподаванія. Для развитія каѳедры — 30 лѣтъ это младенчество: но, смѣю думать, выражаясь словами покойнаго, это младенчество—«сильное и многообѣщающее».

Л. Шепелевичъ.

VII.

Профессоръ Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ.

(Къ его характеристикѣ по даннымъ «Очерковъ» и по личнымъ воспоминаніямъ).

Извѣстіе о преждевременной и скоропостижной кончинѣ талантливаго профессора А. И. Кирпичникова, въ разцвѣтѣ умственныхъ его силъ, на 58 году жизни, вызвало среди харьковскихъ его учениковъ, друзей и почитателей чувство глубокой горести. Еще такъ недавно онъ стоялъ передо мной въ Румянцевскомъ музеѣ, бодрый, привѣтливый, ласковый, еще такъ недавно вышло второе изданіе его статей по исторіи новой русской литературы, и нѣтъ дорогого человѣка, остается одно воспоминаніе, одна память. Грустно А. И. Кирпичниковъ былъ профессоромъ въ Харьковѣ, Одессѣ, Москвѣ, и гдѣ бы онъ ни работалъ, всегда и повсюду вокругъ него группировались кружки научныхъ и общественныхъ дѣятелей; вездѣ онъ вносилъ свѣтъ научнаго знанія и теплоту дружескихъ, сердечныхъ отношеній. Какъ натура живая, дѣятельная, отзывчивая, А. И. обладалъ рѣдкимъ даромъ инициативы, и хотя въ Харьковѣ онъ лишь начиналъ свою научно-просвѣтительную дѣятельность—это было около 30 лѣтъ тому назадъ, въ половинѣ 70-хъ годовъ, но и въ Харьковѣ А. И. былъ двигателемъ и творцомъ цѣлаго ряда полезныхъ и симпатичныхъ научно-просвѣтительныхъ начинаній. Достаточно вспомнить, что онъ былъ однимъ изъ главныхъ иниціаторовъ и устроителей Историко-филологическаго Общества, хлопоталъ о музеѣ изящныхъ искусствъ, читалъ популярныя научныя лекціи, устраивалъ студенческія собесѣдованія, охотно раздавалъ студентамъ изъ своей богатой библіотеки спеціальныя научныя изслѣдованія. Уже въ то время въ лицѣ А. И. ярко выступалъ «талантливый историкъ всеобщей литературы», какъ впослѣдствіи охарактеризовалъ его С. А. Венгеровъ. Превосходный и выдающійся спеціалистъ, А. И., вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда чутко прислушивался къ умственнымъ запросамъ времени и, сохраняя независимый образъ мыслей, высоко держалъ знамя научнаго развитія и гуманности.

Въ харьковскомъ университетѣ А. И. читалъ исторію всеобщей литературы и попутно историческія грамматики романскихъ и германскихъ языковъ. Иногда онъ вводилъ въ счетъ необязательныхъ предметовъ итальянскій языкъ и чтеніе Данта. Въ двѣ-три недѣли студенты справлялись съ основными элементами итальянскаго языка при помощи широкаго сравнительнаго метода изученія. Затѣмъ профессоръ прямо переходилъ къ чтенію и объясненію Данта. Переходъ былъ крутой; но у кого хватало терпѣнія и любознательности выдержать, тотъ былъ вознагражденъ за всѣ трудности. Сначала, дѣйствительно, трудно было справляться съ «Божественной комедіей». Приходилось останавливаться на каждомъ словѣ, постоянно рыться въ словарѣ, заглядывать въ комментаріи и примѣчанія. Работа кропотливая и тяжелая,—но только сначала. Мѣсяцъ, другой устойчиваго вниманія, и передъ студентами открывался грандіозный міръ дантовскаго ада, обнаруживались непередаваемыя никакими переводами красоты дантовской поэзіи. Ознакомившись съ языкомъ Данта, студенты уже совершенно свободно и безъ услугъ лексикона могли читать сравнительно съ нимъ легкіе «Cento novelle» и Декамерона. Въ другіе годы А. И. Кирпичниковъ переходилъ къ языкамъ готскому, древне-верхне-нѣмецкому и средне-верхне-нѣмецкому; тогда штудировались въ подлинникѣ Ульфила, Нибелунги; въ другіе—къ языкамъ провансальскому и древне-французскому, и тогда студенты разбирали образцы французскаго эпоса, преимущественно «Пѣснь о Роландѣ».

Къ молодежи А. И. относился сердечно и любовно. На вечеринкахъ студентовъ-филологовъ онъ былъ непремѣннымъ, дорогимъ гостемъ. Онъ не только училъ, какъ профессоръ, но и самъ учился, какъ студентъ. Такъ, читая студентамъ лекціи по всеобщей литературѣ, онъ вмѣстѣ со студентами ходилъ на лекціи А. А. Потебни и нѣкоторыхъ др. профессоровъ филологовъ и старательно записывалъ, что его интересовало. Понятно, какъ для самихъ студентовъ была дорога и поучительна такая живая научная любознательность. Одинъ изъ ученѣйшихъ людей въ Россіи, А. И. никогда не считалъ себя таковымъ и всю жизнь продолжалъ учиться и учиться, путемъ неослабнаго чтенія, путемъ частыхъ поѣздокъ заграницу и посѣщенія лекцій выдающихся иностранныхъ профессоровъ, посредствомъ собиранія библіотеки и дѣятельной работы въ главныхъ русскихъ книгохранилищахъ—Императорской публичной библіотекѣ и Румянцевскомъ музеѣ. Вѣра въ науку и жажда знаній сообщили А. И. ту молодость духа, которую онъ сохранилъ до конца дней своихъ, какъ залогъ нравственной силы и глубокаго вліянія на окружающую его общественную среду.

Кругъ научныхъ интересовъ А. И. былъ обширный, и свѣдѣнія его во многихъ областяхъ были глубокія. Такъ, наряду со всеобщей литературой, гдѣ онъ былъ хозяиномъ, гдѣ ему принадлежитъ рядъ крупныхъ изслѣдованій, А. И. глубоко вошелъ въ изученіе исторіи искусства, въ византійскую литературу, въ русскую словесность, какъ древнюю, такъ и новую, въ этнографію. Его интересовали и народная словесность (докторская диссертація о стихахъ о Егоріи храбромъ), и произведенія Гоголя, Писемскаго, Достоевскаго, и памятники старинной русской литературы, число которыхъ онъ увеличилъ самостоятельными находками («Сужденіе дьявола противъ рода человѣческаго»). Съ неослабной пытливостью А. И. входилъ въ изученіе незатронутыхъ или весьма мало разработанныхъ сторонъ науки, напр., въ статьѣ «О взаимодѣйствіи иконописи и словесности».

I.

Въ послѣднее время вышелъ рядъ сборниковъ статей по исторіи новой русской литературы. Нѣтъ надобности доказывать, насколько полезны такія изданія. Они содѣйствуютъ расширенію въ обществѣ историко-литературныхъ интересовъ и свѣдѣній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они въ большей или меньшей степени характеризуютъ самихъ авторовъ, ихъ взгляды, кругъ литературныхъ и общественныхъ интересовъ, методологическіе пріемы.

Особенно много личнаго и автобіографическаго въ «Очеркахъ по исторіи новой русской литературы» проф. Кирпичникова, и это обстоятельство въ настоящее время, по кончинѣ А. И. Кирпичникова, получаетъ особое значеніе для его біографіи, въ виду того, что А. И. Кирпичниковъ разносторонними учеными трудами, многолѣтней профессорской дѣятельностью, участіемъ въ научно-общественныхъ учрежденіяхъ, съѣздахъ и собраніяхъ стяжалъ симпатіи во всѣхъ тѣхъ университетахъ и ученыхъ обществахъ, гдѣ онъ когда-либо работалъ.

«Очерки» А. И. Кирпичникова первоначально вышли въ 1885 г. въ одномъ томѣ; второе дополненное изданіе разбито на два тома, причемъ первый томъ вышелъ въ 1903 г., при жизни автора, а второй уже послѣ его смерти въ видѣ небольшой книжки. Во второй выпускъ вошли статьи о Пушкинѣ, Чаадаевѣ, Коншинѣ и Мельгуновѣ, причемъ статьи о Чаадаевѣ и Мельгуновѣ составлены по новымъ матеріаламъ.

Въ первомъ томѣ (1—483 стр.) находится 17 статей и предисловіе къ нимъ. Порядокъ размѣщенія принятъ хронологическій: Московскія Вѣдомости въ 1789 г. Кургановъ. А. Погорѣльскій. В. А. Жуковскій.

И. А. Крыловъ. Ѳ. И. Буслаевъ. В. И. Григоровичъ. «Судъ присяжныхъ въ литер. 30 г.г.» Гоголь и М. П. Погодинъ. Н. В. Гоголь и В. Г. Бѣлинскій въ 1847 г. А. В. Дружининъ, Достоевскій и Писемскій, «Горе отъ ума» и «Война и Миръ». Умственная жизнь Одессы въ первое столѣтіе. Хронологическое распредѣленіе статей оказалось несовсѣмъ удобнымъ. Въ первую очередь пошла сухая и вообще мало интересная статья о Моск. Вѣд. 1789 г., въ глубинѣ книги оказались лучшія статьи о Буслаевѣ и Григоровичѣ и почти въ самомъ концѣ интересная параллель «Горе отъ ума и Война и Миръ».

За исключеніемъ двухъ или трехъ статей, остальныя не имѣютъ между собой связи. Авторъ, очевидно, не задавался цѣлью объединенія на основаніи общаго плана. Научное значеніе статей опредѣляется преимущественно новизной матеріала. При отсутствіи схематизма сохранены моменты зарожденія всякой отдѣльной статьи, въ связи съ обстоятельствами личной жизни автора или окружавшей его общественности. Нѣкоторыя статьи написаны наскоро, по откровенному признанію самого автора. Александръ Ивановичъ во многихъ случаяхъ съ откровенностью посвящаетъ читателя въ ходъ своей работы; въ одномъ мѣстѣ онъ прямо оговариваетъ, что предложенная статья представляется результатомъ работы въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ теченіе одной недѣли.

Мы не будемъ входить здѣсь въ оцѣнку каждой статьи. Спеціалисты будутъ съ ними справляться по вниманію къ фактической ихъ сторонѣ. Лучшія статьи могутъ служить пособіемъ при оцѣнкѣ историческихъ дѣятелей, напримѣръ, статьи о Буслаевѣ, Чаадаевѣ и Мельгуновѣ.

Задачи науки вообще, исторіи литературы въ частности, А. И. понималъ широко; всѣ сужденія по этому поводу отличаются свѣжестью, построены на почвѣ гуманизма, воспитаннаго и укрѣпленнаго на лучшихъ университетскихъ традиціяхъ. Не даромъ, А. И. читалъ лекціи въ томъ университетѣ, гдѣ подвизался нѣкогда Грановскій, и былъ любимымъ ученикомъ Буслаева.

Въ статьѣ о В. И. Григоровичѣ А. И. Кирпичниковъ говоритъ: «Подъ земною корою есть такіе пласты, въ которыхъ органическое тѣло сохраняетъ всѣ краски, всю свѣжесть свою, хотя бы оно пролежало тамъ цѣлыя столѣтія. Для истинныхъ своихъ адептовъ, всецѣло себя отдающихъ, наука есть именно такой пластъ, сохраняющій человѣку вѣчную юность». (стр. 204).

Сужденіе это приложимо и къ «Очеркамъ», въ особенности къ сусужденіямъ автора о задачахъ науки и искусства.

«Собраніе частныхъ фактовъ, хотя бы и очень назидательныхъ, не есть наука, говоритъ Александръ Ивановичъ въ предисловіи къ «Очеркамъ», а только матеріалъ для науки. Наука должна обобщать ихъ, подвести подъ незыблемые законы, равно обязательные какъ для прошлаго, такъ и для будущаго. Наука должна предсказывать: въ вѣкъ разума она замѣняетъ собою пророковъ... Исторіи литературы еще далеко до этого; до сихъ поръ сдѣланныя обобщенія часто не выдерживаютъ провѣрки новыми фактами; законы только намѣчены, да и то въ небольшомъ числѣ. Матеріаломъ, повидимому, мы завалены: но матеріалъ, особенно нужный для постановки дѣла, намъ еще приходится изъ земли выкапывать. На строго научный путь, несмотря на 2000-лѣтнюю древность своихъ начатковъ, исторія литературы только теперь начинаетъ выступать. Тѣмъ труднѣе, но за то тѣмъ интереснѣе работать надъ нею (стр. 4)... Исторія литературы, какъ наука, еще въ младенчествѣ; но это младенчество не худосочное, а сильное и многообѣщающее (9)»...

При такой «доброй» точкѣ зрѣнія естественно теряютъ свою остроту соображенія, что не весь собранный матеріалъ очищенъ и провѣренъ, что методы изслѣдованія носятъ слишкомъ субъективный характеръ, что работниковъ сравнительно съ громадой матеріала слишкомъ мало.

Въ приложеніи къ искусству проф. Кирпичниковъ придерживался не менѣе широкихъ взглядовъ. «Долгій споръ о томъ, говорится въ статьѣ о «Войнѣ и Мирѣ», существуетъ ли искусство само для себя, или оно должно проводить въ общество свѣтлыя идеи, по моему мнѣнію, давно уже законченъ такимъ компромиссомъ: если поэтъ хочетъ внушить, доказать извѣстную идею и для нея подбираетъ и пріобрѣтаетъ образы, онъ не даетъ произведенія художественнаго, потому что образы его не будутъ живы. А съ другой стороны образы, хотя бы живые и яркіе, но возникшіе въ фантазіи человѣка, лишеннаго яснаго представленія о добрѣ и злѣ, равнодушно относящагося къ счастью и нравственному совершенству людей, не составятъ художественнаго цѣлаго. Міръ возсоздаваемый истиннымъ поэтомъ, долженъ быть и живой міръ, и нравственно прекрасный». Можно возражать противъ столь тѣснаго сочетанія эстетики и этики, но нельзя не признать нравственной строгости идеала.

Въ историко-литературныхъ очеркахъ проф. Кирпичникова обнаруживается стремленіе къ реабилитаціи нравственныхъ оцѣнокъ, напр., въ статьѣ о Кургановѣ Кирпичниковъ стремится доказать неосновательность представленій объ этомъ забытомъ ученомъ, какъ о грубомъ, медвѣдеподобномъ чудакѣ; въ статьѣ о Крыловѣ проводится мысль о литературномъ трудолюбіи знаменитаго баснописца, вопреки сложившемуся о немъ представ-

леніи, какъ о человѣкѣ вообще весьма лѣнивомъ. Слишкомъ иногда строгій въ оцѣнкѣ современныхъ научныхъ и литературныхъ явленій, пр. Кирпичниковъ къ дѣятелямъ далекаго прошлаго относился съ такимъ оправданіемъ, подчасъ съ такимъ предвзятымъ одобреніемъ, которыя приводили автора къ погрѣшностямъ или прямо ошибочнымъ заключеніямъ. Такъ, увлекшись литературными заслугами Перовскаго, пр. Кирпичниковъ и на его административную дѣятельность въ роли попечителя Харьковскаго учебнаго округа посмотрѣлъ слишкомъ одобрительно. Перовскій служилъ нѣкоторое время у московскаго попечителя Голенищева-Кутузова, большого обскуранта, назначенъ затѣмъ былъ въ Харьковъ въ министерство Шишкова, человѣка также невысокаго умственнаго полета и достаточно узкихъ воззрѣній; можно было заранѣе подозрѣвать, что при такихъ яблоняхъ и яблочко должно было сохранить нѣкоторыя своеобразныя специфическія свойства. Документы Харьковскаго университета дѣйствительно подтверждаютъ, что Перовскій, какъ администраторъ, былъ мало похожъ на Антона Погорѣльскаго. А. И. Кирпичниковъ подъ вліяніемъ предвзятаго историческаго оптимизма такъ пріукрасилъ Перовскаго: «Нѣтъ сомнѣнія(?), что по своему образованію, жизненному опыту, положенію и многимъ душевнымъ качествамъ Перовскій могъ быть очень хорошимъ попечителемъ: прекрасный классикъ, основательный по тогдашнему психологъ, съ большой наклонностью къ наблюденію, съ независимымъ отъ службы состояніемъ и связями въ Петербургѣ, съ искренней любовью къ молодежи, но безъ преклоненія передъ ея естественными слабостями, видавшій въ ранней молодости на примѣрѣ Кутузова, какъ не слѣдуетъ управлять округомъ, узнавшій потомъ лучшую въ то время въ мірѣ школу саксонскую, онъ могъ бы принести много пользы на посту попечителя, даже не проявляя особенной служебной энергіи, (которой, повидимому, не было въ его характерѣ), одною, такъ сказать, энергіей своихъ добрыхъ свойствъ, если бы подольше оставался на мѣстѣ и при дѣлѣ. Но обстоятельства не благопріятствовали Харьковскому округу «(стр. 104).

Въ дѣйствительности Перовскій, при несомнѣнно крупныхъ средствахъ, матеріальныхъ и умственныхъ, на административномъ поприщѣ шелъ такъ, что имя его въ исторической перспективѣ стоитъ ближе къ именамъ такихъ администраторовъ, какъ Корнѣевы, Филатьевъ, Воронцовъ—Вельяминовъ, чѣмъ къ именамъ Северина Потоцкаго или Фойхта.

Во многихъ мѣстахъ обнаруживается субъективизмъ автора. Такъ, въ одномъ мѣстѣ А. И. называетъ «достойнымъ подражанія» старинный литературный обычай увѣдомлять заблаговременно о переводѣ книгъ (26), въ другомъ—что Кургановъ «вовсе не слѣдовалъ примѣру тѣхъ неблаго-

дарныхъ учениковъ—авторовъ, которые въ видѣ рекомендаціи своимъ книжкамъ предпосылаютъ упреки предшественникамъ въ невѣжествѣ и нелогичности» (45), въ третьемъ—что «для общаго гуманнаго образованія такія вѣчныя книги, какъ Донъ-Кихотъ, Король Лиръ, Макбетъ, даже Дантъ необходимѣе, чѣмъ «Разсужденіе о пользѣ книхъ церковныхъ» и «Похвальное слово Петру Великому» (395). Личный взглядъ и личный опытъ сквозятъ въ разсужденій А. И. Кирпичникова о значеніи самостоятельнаго заработка въ юные годы (50) и въ набросанной картинѣ университетскаго чтенія лекцій (200—201).

А. И. Кирпичниковъ былъ профессоромъ въ трехъ университетахъ: харьковскомъ, новороссійскомъ и московскомъ; въ «Очеркахъ» находятся отголоски его личныхъ симпатій ко всѣмъ тремъ университетамъ, въ особенности, къ московскому, съ которымъ у А. И. было много духовныхъ связей.

Въ Харьковѣ А. И. былъ около 9 лѣтъ, съ значительными перерывами въ ученыхъ поѣздкахъ, въ молодые годы своей дѣятельности, въ положеніи молодого доцента. Въ «Очеркахъ» Харьковскій университетъ отразился очень кратко; въ одномъ подстрочномъ примѣчаніи выражено сожалѣніе о хронической тѣснотѣ и бѣдности харьковскаго университета. Въ связи съ пребываніемъ въ Харьковѣ и близкимъ знакомствомъ съ проф. А. А. Потебней стоятъ сочувственныя отзывы Кирпичникова о Малороссіи. Въ статьѣ о Перовскомъ А. И. говоритъ: «мягкая природа и проникнутая тихой поэзіей жизнь малороссійской деревни имѣютъ притягательную силу не для однихъ только уроженцовъ этихъ странъ; часто сѣверянинъ, проживъ нѣкоторое время въ Украинѣ, привязывается къ ней сильнѣе, чѣмъ къ своей суровой и менѣе поэтичной родинѣ» (97).

Въ заслугу Перовскаго А. И. ставилъ, что онъ своими литературными произведеніями «возбудилъ въ обществѣ интересъ къ Малороссіи, вскорѣ блистательно оправданный «Вечерами на хуторѣ» Гоголя (120).

Говоря о Малороссіи времени Гоголя, въ періодъ пробужденія въ немъ серьезнаго отношенія къ соціальнымъ условіямъ мѣстной жизни, А. И. находитъ, что Гоголя должно было поразить сознаніе, «какъ даровитый и добрый народъ, забывъ свое славное прошлое, коснѣлъ въ лѣни и въ невѣжествѣ, подъ гнетомъ безсовѣстныхъ чиновниковъ» (230). Окончаніе въ повѣсти о ссорѣ Ивана Ивановича «скучно на этомъ свѣтѣ, господа!.» А. И. поясняетъ словами: «очень скучно и печально, особенно если сравнить настоящее Малороссіи (Гоголевскаго времени), когда правящій классъ ея представляютъ Довгочхуны и Перерепенки, съ ея героическимъ прошлымъ».. (230).

«Русскій народъ, говоритъ А. И. въ другомъ мѣстѣ (219), какъ и всякій народъ, играющій видную роль въ исторіи, сложился изъ многихъ элементовъ, изъ многихъ племенъ. Но *главныхъ* составныхъ частей въ немъ двѣ, *главнымъ* образомъ его составили два племени, одинаково способныя и одинаково историческія, взаимно дополняющія другъ друга; это дѣловитые, энергичные, закаленные въ борьбѣ съ своей суровой природой великороссы и мечтательные, пѣвучіе, болѣе мягкіе и впечатлительные малороссы. До Гоголя наша литература была почти исключительно великорусской; Гоголь съ любовью и въ то же время съ полной правдивостью живописалъ Малороссію. Такимъ образомъ онъ способствовалъ разрѣшенію великой исторической задачи: взаимному пониманію и благодѣтельному объединенію двухъ половинъ русскаго народа».

Одесская профессура въ значительной степени содѣйствовала развитію въ Кирпичниковѣ наклонности къ изученію Византіи. Въ «Очеркахъ» Одесса мало отразилась. Видно только, что А. И. былъ невысокаго мнѣнія объ умственной жизни Одессы и въ значеніи русскаго города противоставилъ ей въ статьѣ о Григоровичѣ сравнительно скромный и бѣдный Елисаветградъ, какъ городъ «свободный отъ пшеничнаго, коммерческаго духа полуиностранной Одессы» (205). Проработавъ нѣсколько лѣтъ въ Одессѣ, проф. Кирпичниковъ, однако, вложилъ много личнаго труда въ развитіе мѣстныхъ умственныхъ интересовъ и заинтересовался исторіей умственнаго развитія Одессы, что выразилось въ значительной по размѣрамъ статьѣ по поводу празднованія столѣтняго юбилея города.

Москвичъ по рожденію, А. И. Кирпичниковъ имѣлъ всегда особенно сильное тяготѣніе къ Москвѣ, къ московскому университету. «Уроженецъ московскаго округа, воспитанникъ московскаго университета 60-хъ годовъ, я»..., говоритъ А. И. Кирпичниковъ въ одномъ мѣстѣ своихъ «Очерковъ», какъ бы выдвигая свои московскія симпатіи. «Незабвенные учители наши, Буслаевъ и Тихонравовъ»—замѣчаетъ онъ черезъ нѣсколько строкъ (206). Въ приложеніи къ Буслаеву А. И. нѣсколько разъ въ «Очеркахъ» употребляетъ эпитеты «незабвенный», «дорогой».

Статьи А. И. о Буслаевѣ и Григоровичѣ, вошедшія въ «Очерки», въ значительной доли автобіографичны.

Первая статья начинается такимъ прочувствованнымъ вступленіемъ:

«Счастливъ тотъ, кто наслаждается хорошей музыкой, хорошей картиной, хорошей книгой; но всѣхъ счастливѣе тотъ, кто наслаждается обществомъ истинно хорошаго человѣка. Такимъ счастьемъ наслаждался я, говоритъ А. И., много, много лѣтъ въ обществѣ Ѳедора Ив. Буслаева, которому я безконечно обязанъ не только какъ учителю, но и какъ че-

ловѣку, и у меня осталось столько драгоцѣнныхъ о немъ воспоминаній, что ихъ хватитъ мнѣ на всю мою остальную жизнь».

Уже эти строки всецѣло автобіографичны. Они связываютъ А. И. Кирпичникова неразрывными узами съ такимъ выдающимся и заслуженнымъ дѣятелемъ русской науки, какъ Ѳ. И. Буслаевъ.

Чисто автобіографическое значеніе имѣютъ слѣдующія мѣста въ «Очеркахъ»:

«36 лѣтъ назадъ, 1-го апрѣля 1861 года, я 16-лѣтнимъ юношей вступилъ въ первый разъ въ стѣны Московскаго университета»... (173 стр.), и затѣмъ слѣдуютъ подробности о пріемныхъ дняхъ по пятницамъ у Буслаева, о научныхъ занятіяхъ студентовъ у него на дому по вторникамъ и воскресеньямъ, о пользованіи богатой библіотекой Буслаева, объ обѣдѣ, устроенномъ Буслаеву студентами.

Буслаевъ пригласилъ къ себѣ А. И. Кирпичникова, въ бытность его студентомъ, репетировать его единственнаго сына по латыни и самъ назначилъ ему весьма выгодную для бѣднаго юноши плату. «Такимъ образомъ, говоритъ А. И., я вошелъ въ постоянныя сношенія съ любимымъ профессоромъ и могъ, сколько угодно, пользоваться его совѣтами и библіотекой... Близкое общеніе съ такимъ выдающимся ученымъ не могло не оказать на меня сильнаго и благотворнаго вліянія и, что важнѣе всего, ввело меня, такъ сказать, въ лабораторію его работъ».

Буслаевъ поддерживалъ Кирпичникова на первыхъ шагахъ его ученой дѣятельности и, въ виду его колебаній, укрѣпилъ въ немъ рѣшимость держать магистерскій экзаменъ. Занятіе ученой каѳедры А. И. приписываетъ «неизмѣнной добротѣ и настойчивости» Буслаева.

Много автобіографичнаго находится въ заключительной характеристикѣ Буслаева. Кирпичниковъ прямо говоритъ здѣсь о подражаніи и, несомнѣнно, нѣкоторыя лучшія стороны Буслаева были для него предметомъ подражанія, по крайней мѣрѣ, въ молодости, во время пребыванія въ Харьковскомъ университетѣ.

«Въ исторіи русскихъ университетовъ, по словамъ А. И. Кирпичникова, имя Буслаева будетъ сіять вѣчнымъ блескомъ, какъ имя образцоваго и вліятельнаго профессора, духовнаго родоначальника многихъ поколѣній профессоровъ, который идеально честно относился къ своимъ ученымъ и преподавательскимъ обязанностямъ, который, при высокомъ пониманіи своей просвѣтительной миссіи, огромныхъ знаніяхъ и талантѣ, былъ безусловно свободенъ отъ ученой гордости и педантизма и отли-

чался поразительной скромностью, гуманностью и терпимостью, который на университетскую молодежь смотрѣлъ не только, какъ на объектъ своей дѣятельности, а какъ на семью свою, какъ на дорогихъ товарищей, любовь которыхъ нечестно заискивать лестью и потворствомъ, но необходимо пріобрѣтать прямотою, сердечнымъ участіемъ и готовностью жертвовать личными интересами въ пользу общую. Трудно, почти невозможно многочисленнымъ ученикамъ Буслаева, разсѣяннымъ по всему лицу земли русской, подражать Буслаеву ученому, этому богатырю науки. Но они нравственно *обязаны* подражать Буслаеву профессору въ его горячей любви къ дѣлу и къ молодежи, въ его готовности полагать «душу свою за други своя».

Всѣ эти сужденія характерны для самого А. И. Кирпичникова, въ особенности въ приложеніи къ эпохѣ пребыванія его въ Харьковскомъ университетѣ въ началѣ 70-хъ годовъ.

Мнѣ лично пришлось нѣсколько разъ видѣться съ Буслаевымъ, въ разные періоды его жизни, въ первый разъ, по рекомендаціи А. И. Кирпичникова. При первомъ знакомствѣ Ѳ. И. Буслаевъ назвалъ меня своимъ внукомъ въ научномъ отношеніи по Кирпичникову, котораго онъ считалъ своимъ духовнымъ сыномъ.

Кирпичниковъ, подобно Буслаеву, честно относился къ своимъ ученымъ и преподавательскимъ обязанностямъ. «Онъ дорожилъ успѣшностью лучшихъ своихъ слушателей студентовъ и всячески содѣйствовалъ имъ совѣтами, книгами».

Буслаевъ, при огромныхъ знаніяхъ и талантѣ, былъ безусловно свободенъ отъ ученой гордости и педантизма», и Кирпичниковъ отличался доступностью; во время пребыванія своего въ Харьковѣ онъ стоялъ близко къ студентамъ, на которыхъ смотрѣлъ, «какъ на дорогихъ товарищей» (175—195).

Въ статьѣ о В. И. Григоровичѣ находятся любопытныя личныя воспоминанія Кирпичникова о своемъ московскомъ студенчествѣ, о первыхъ шагахъ въ ученой подготовкѣ, въ значительной степени по статьямъ Григоровича, рекомендованнымъ Буслаевымъ.

Московскими симпатіями А. И. Кирпичникова объясняется замѣтное предпочтеніе къ занятію по такимъ литературнымъ вопросамъ, которые связаны съ Москвой, характеристика московской жизни по «Горе отъ ума», «Война и миръ», о «Моск. Вѣд.» 1789 г. Вся статья о Пушкинѣ во 2-й части «Очерковъ» построена на стремленіи опредѣлить его отношенія къ Московскому университету.

Въ «Очеркахъ» разбросано нѣсколько указаній на личныя знакомства А. И. Кирпичникова изъ круга тѣхъ лицъ, къ которымъ онъ обращался за совѣтами или за справками.

Чаще всего и болѣе всего упоминается Ѳ. И. Буслаевъ (173—195); въ одномъ мѣстѣ упоминается давній другъ уважаемый профес. Харьковскаго университета А. С. Лебедевъ (102), въ другихъ В. И. Саитовъ (99), С. Н. Шубинскій (77) съ признательностью за оказанное содѣйствіе.

Изъ отдѣльныхъ историко-литературныхъ подробностей, имѣющихъ въ приложеніи къ А. И. Кирпичникову автобіографическое значеніе замѣчательны слѣдующія:

Въ статьѣ о В. А. Жуковскомъ Кирпичниковъ говоритъ, какъ смотрѣли на Жуковскаго его учителя въ гимназіи и какъ 12-ти лѣтнимъ мальчикомъ въ 3 классѣ гимназіи онъ увлекся Жуковскимъ. «Послѣ лѣта, когда я впервые раскрылъ стихотворенія Жуковскаго, говоритъ Кирпичниковъ, я уже, по возможности, не разставался съ ними и хотя позднѣе и подвергался, конечно, другимъ болѣе сильнымъ и глубокимъ вліяніямъ, все же безконечно благодаренъ ему, какъ одному изъ первыхъ и одному изъ самыхъ добрыхъ своихъ воспитателей» (123).

Въ статьѣ о Писемскомъ Кирпичниковъ упоминаетъ вкратцѣ о своемъ личномъ съ нимъ знакомствѣ въ 70-хъ годахъ: «видѣлъ его, говоритъ Кирпичниковъ о Писемскомъ, и въ мрачныя, и въ свѣтлыя минуты: всегда поражалъ онъ меня ясностью своего ума, силою своего рѣзкаго, чисто народнаго остроумія. Но всегда послѣ бесѣды съ нимъ получалось въ общемъ тяжелое, тоскливое чувство. Нельзя было не сознавать, что это —остатки былого величія»... (380).

Нельзя еще не остановиться на интересномъ отзывѣ Кирпичникова о знаменитой рѣчи Достоевскаго о Пушкинѣ: «Я слышалъ эту рѣчь, и я вмѣстѣ съ толпою безумствовалъ отъ восторга. Черезъ нѣсколько недѣль, прочитавъ эту рѣчь въ печати, я значительно разочаровался въ ней: нашелъ въ ней преувеличенія, неосуществимыя мечтанія, нѣсколько громкихъ фразъ. Но теперь, черезъ 12 лѣтъ, я горжусь своимъ безграничнымъ восторгомъ и стыжусь своей близорукой и придирчивой критики. Что за дѣло до частностей, когда общее такъ хорошо? Теперь видимъ ясныя благія послѣдствія этого великаго момента примиренія и объединенія всего, что было на Руси лучшаго и идейнаго»...

II.

Настоящая глава не имѣетъ характера некролога; некрологъ былъ напечатанъ нами уже въ № 7720 «Южнаго Края». Нѣтъ здѣсь ни біо-

графіи покойнаго профессора, ни изслѣдованія его научной дѣятельности. Тутъ всего два, три личныхъ воспоминанія, отчасти обрисовывающія личный характеръ А. И Кирпичникова. Лишними они не могутъ быть, такъ какъ въ нихъ до нѣкоторой степени сохраняются отблески прежней жизни. Меня смущаетъ, что мнѣ приходится дѣлать ссылки на свое студенчество, что здѣсь слишкомъ много моего личнаго участія, но да будетъ въ данномъ случаѣ прощенъ этотъ субъективизмъ, въ значительной степени невольный съ моей стороны и необходимый по существу дѣла.

Въ моемъ умѣ прежде всего проносится кабинетъ или библіотека Кирпичникова, богатое и цѣнное книгохранилище, во многомъ замѣнявшее и восполнявшее университетскую библіотеку. Тутъ были собраны лучшія новѣйшія изданія средневѣковыхъ и новыхъ литературныхъ памятниковъ и лучшія о нихъ новѣйшія изслѣдованія.

Въ моемъ умѣ мелькаетъ далѣе гостиная въ семейной, чайной обстановкѣ, проносятся наши маленькія университетскія аудиторіи, съ горстью, какъ всегда, малочисленныхъ студентовъ-филологовъ.

Ласковый и гостепріимный А. И. охотно вводилъ своихъ слушателей въ кругъ домашней обстановки. Первая супруга А. И. Кирпичникова—Софья Богдановна, скончавшаяся въ Харьковѣ, была доброй, отзывчивой женщиной. Всегда она была въ хлопотахъ съ какой-нибудь благотворительной цѣлью, то устраивала танцовальный вечеръ, то снабжала какую-нибудь бѣдную женщину мелкой галантереей и направляла торговать къ своимъ знакомымъ. На журъ-фиксахъ въ гостиной Кирпичниковыхъ собирались люди самыхъ разнообразныхъ направленій и убѣжденій; гостепріимные хозяева ко всѣмъ были одинаково любезны. Какъ москвичка, С. Б. любила поправлять своихъ харьковскихъ гостей въ особенностяхъ произношенія. Къ проявленіямъ особенностей мѣстнаго говора А. И. Кирпичниковъ относился вполнѣ благодушно; но С. Б. была всегда на сторожѣ и не пропускала безъ замѣчаній такихъ харьковскихъ выраженій, какъ «дѣти играются» или «смѣяться съ кого-нибудь».

По поводу лекцій Кирпичникова у меня въ бытность мою на 3-мъ курсѣ вышло рѣзкое столкновеніе съ нѣкоторыми товарищами. Третій и четвертый курсы филологовъ слушали лекціи совмѣстно, всего около 10 человѣкъ. Кирпичниковъ, кромѣ общаго обязательнаго курса по исторіи всеобщей литературы, открылъ еще необязательныя лекціи по италіанскому языку. Эти лекціи были тѣмъ болѣе кстати, что лектура италіанскаго языка въ университетѣ въ то время не была занята, и самъ Кирпичниковъ собирался приступить къ чтенію о Дантѣ.

Въ то время, какъ на одной изъ первыхъ лекцій Кирпичниковъ писалъ на доскѣ грамматическія формы, а я съ товарищами вносили ихъ въ записныя тетради, всталъ одинъ изъ студентовъ 4-го курса и заявилъ, что, по общему рѣшенію студентовъ, онъ проситъ о прекращеніи лекцій по италіанскому языку, слушать которыя студенты не желаютъ. Кирпичниковъ отвѣтилъ, что лекціи эти необязательны, и студенты, нежелающіе, могутъ не посѣщать. Я поднялся и заявилъ, что никакихъ общихъ соглашеній не было, что я лично слушаю лекціи по италіанскому языку съ пользой и удовольствіемъ, и впредь буду, въ случаѣ продолженія, ихъ тщательно посѣщать. По выходѣ Кирпичникова изъ аудиторіи произошла жестокая перебранка; лекціи продолжались однако безъ перерыва и были посѣщаемы большинствомъ, которое, какъ я и предполагалъ, оказалось вовсе не опрошеннымъ, и не было расположено къ отказу.

По окончаніи курса наукъ въ университетѣ въ 1875 г., я былъ оставленъ при университетѣ А. И. Кирпичниковымъ, при такой заботливости со стороны профессора, которая очень рѣдко встрѣчается. Кирпичниковъ въ то время самъ еще былъ молодымъ доцентомъ; его служебное положеніе было неустойчиво; въ факультетѣ у него было много враговъ среди вліятельныхъ профессоровъ, составлявшихъ партію большинства. Кто другой взялъ бы на себя, при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, еще хлопоты по оставленію при университетѣ молодого человѣка, не имѣвшаго никакой опоры въ мѣстномъ обществѣ? а А. И. взялъ на себя эти хлопоты и добровольно осложнялъ ихъ, привлекая меня къ изученію старо-французскаго и старо-нѣмецкихъ языковъ.

Въ первый годъ по окончаніи курса меня постигла тяжкая болѣзнь, съ крайнимъ упадкомъ силъ. Кирпичниковъ посовѣтовался съ уважаемымъ врачемъ, лѣчившимъ меня, однимъ изъ лучшихъ спеціалистовъ по внутреннимъ болѣзнямъ, и услышалъ отъ него мрачныя предсказанія, что мое положеніе плохо, и что мнѣ не протянуть болѣе двухъ лѣтъ. А. И. Кирпичниковъ сказалъ мнѣ объ этомъ много лѣтъ спустя, когда я занималъ уже каѳедру. Въ то же время онъ не показалъ и виду, что получилъ обо мнѣ такія свѣдѣнія, и въ одинъ голосъ съ врачемъ совѣтовалъ полѣчиться заграницей—въ Меранѣ или Эмсѣ; онъ старался поднять мой упавшій духъ и поддержать надежды... Я уѣхалъ въ Германію. Поѣздка эта имѣла для меня весьма благотворное значеніе, и въ моемъ сердцѣ навсегда сохранится благодарность обоимъ врачамъ—физическому, нынѣ еще здравствующему, и духовному, памяти котораго посвящаются настоящія замѣтки.

По возвращеніи изъ-за границы я отправился въ Москву и въ Петербургъ для подготовки къ магистерскому экзамену. А. И. поручилъ мнѣ сдѣлать для него выписки изъ нѣкоторыхъ старославянскихъ рукописей, хранящихся въ Императорской публичной библіотекѣ и въ библіотекѣ московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я получилъ отъ А. И. указанія, къ кому обратиться и у кого поучиться, съ соотвѣтствующими разъясненіями. Такъ, относительно Ѳ. И. Буслаева было сказано, что если я попаду къ нему въ непріемный день, то горничная скажетъ, что барина дома нѣтъ, но чтобы я не слушалъ ее, и сказалъ, что Ѳ. И., дома, и я имѣю къ нему порученіе. Этотъ предусмотрительный совѣтъ оправдался. Буслаевъ, по словамъ горничной не бывшій дома, принялъ меня очень ласково какъ своего «внука» въ научномъ отношеніи, («сыномъ» онъ считалъ Кирпичникова), и тутъ же ознакомилъ меня съ своей богатой библіотекой, въ частности съ цѣлымъ шкафомъ книгъ съ старинными западно-европейскими и русскими произведеніями въ духѣ Домостроя.

Въ 70-хъ годахъ въ Харьковскомъ университетѣ короткое время приватъ-доцентомъ по латинскому языку былъ Андреевскій. Кончилъ онъ года на два ранѣе меня, причемъ на 4-мъ курсѣ былъ единственнымъ слушателемъ. Это былъ сухощавый молодой человѣкъ, весьма высокаго роста, сильный брюнетъ, добродушный, съ большой наклонностью къ юмору. Онъ любилъ пошутить, пустить въ ходъ игру словъ. Товарищи хорошо знали эту особенность Андреевскаго и прощали ему безобидныя шуточки и остроты. Начавши чтеніе лекцій по латинскому языку, Андреевскій, по старой привычкѣ, и къ своимъ молодымъ слушателямъ сталъ иногда примѣнять юмористическіе пріемы; но тутъ вышло столкновеніе; студенты обидѣлись и заявили Андреевскому о своемъ неудовольствіи. Андреевскій также слишкомъ поспѣшно обидѣлся и ушелъ изъ аудиторіи до окончанія лекціи,—инцидентъ совсѣмъ пустой; хорошій деканъ уладилъ бы его мигомъ, сблизивъ неопытнаго преподавателя съ его юными слушателями. Но этотъ инцидентъ понадобился нѣкоторымъ университетскимъ дѣльцамъ для личныхъ счетовъ и былъ раздутъ искусственно. Бывшій тогда попечитель генералъ Максимовскій былъ запуганъ своими ближайшими университетскими совѣтниками и приказалъ прекратить на время лекціи Андреевскаго. Какъ разъ въ это время остановился въ Харьковѣ для осмотра среднихъ учебныхъ заведеній А. И. Георгіевскій. Ему поспѣшили донести, что въ университетѣ среди филологовъ волненіе, и что студенты, по моему наущенію, возстали противъ Андреевскаго. Я лично былъ съ Андреевскимъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, студенты у

насъ были разные, читали мы на разныхъ отдѣленіяхъ, Андреевскій на классическомъ, я—на славяно-русскомъ, и позже всѣхъ товарищей я узналъ объ этомъ инцидентѣ. Выручила меня счастливая случайность. А. И. Кирпичниковъ былъ хорошо знакомъ съ А. И. Георгіевскимъ и при свиданіи разъяснилъ дѣйствительное положеніе дѣла.

На моемъ магистерскомъ диспутѣ оффиціальными оппонентами были А. А. Потебня и А. И. Кирпичниковъ, Потебня напечаталъ свои возраженія въ Рус. Филол. Вѣстн., Кирпичниковъ—въ Журн. Мин. Нар. Просв.

Затѣмъ я принялся за докторскую диссертацію. Темой была избрана юго-западная литература половины XVII ст. А. И. Кирпичниковъ подгонялъ меня представить диссертацію, въ виду готовившагося новаго устава 1884, къ которому А. И. относился очень недовѣрчиво. Къ сожалѣнію, я не внялъ этому мудрому предостереженію и цѣлыхъ четыре года уложилъ на учительство въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Съ докторской диссертаціей я поспѣлъ въ годъ введенія новаго устава, въ самый разгаръ университетской ломки: мрачныя предсказанія А. И. сбылись. Диссертація, не давши мнѣ никакихъ правъ, причинила мнѣ много огорченій. Это давняя исторія; и теперь можетъ быть оглашена и раскрыта. Диссертація была факультетомъ одобрена; назначенъ былъ диспутъ; вдругъ университетское начальство въ лицѣ бывшаго тогда ректора И. П. Щелкова объявило мнѣ, что не можетъ дать аудиторію изъ опасенія студенческихъ волненій. Разгадка пришла вскорѣ, въ письмѣ А. И. Кирпичникова, который былъ въ это время въ Петербургѣ. По особымъ внушеніямъ изъ Харькова со стороны проф. Безсонова министръ народнаго просвѣщенія И. Д. Деляновъ передалъ мои изслѣдованія о Барановичѣ и Галятовскомъ «на разсмотрѣніе академику и профессору К. Н. Бестужеву-Рюмину и спросилъ мнѣніе другого академика, директора Императорской Публичной Библіотеки А. Ѳ. Бычкова. И Бестужевъ, и Бычковъ, писалъ А. И. Кирпичниковъ, не нашли въ вашей диссертаціи ничего противозаконнаго». Кирпичниковъ отъ себя лично и отъ Л. Н. Майкова настойчиво совѣтовалъ мнѣ не брать диссертаціи назадъ и защищать ее непремѣнно въ Харьковѣ. Это было въ письмѣ отъ 3 декабря 1884 г. и черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ, 31 января, А. И. писалъ: «Не подавайте другой диссертаціи, а жалуйтесь... Это мнѣніе не меня одного, но и такихъ солидныхъ и правительственныхъ лицъ, какъ Л. Майковъ и Бычковъ». Перомъ земля надъ этими дорогими для меня покойниками! Вскорѣ сошелъ въ могилу Бестужевъ, и я не могъ даже лично поблагодарить его, за нимъ Бычковъ, Майковъ, Кирпичниковъ. Дорогія тѣни! вамъ я обязанъ тѣмъ, что, при всѣхъ препонахъ, достигъ каѳедры, и уцѣлѣлъ

при университетской ломкѣ того времени. Гдѣ ужъ тамъ было жаловаться и настаивать! Все тогда сжималось, и мнѣ нужно было сжаться. Я взялъ диссертацію назадъ и черезъ четыре мѣсяца представилъ другую, которую и защитилъ благополучно въ томъ же Харьковскомъ университетѣ и въ той же аудиторіи, гдѣ ранѣе было уже мною защищаемо двѣ диссертаціи. Поступиться пришлось многимъ, но сохранено было главное—сохранена связь съ роднымъ университетомъ и вѣра въ людей правды и добра.

У меня сохранилось 9 писемъ А. И., большихъ и содержательныхъ. Опубликованіе ихъ теперь несвоевременно, по личному характеру. Но я не могу удержаться, чтобы не привести два—три отрывка, ярко обрисовывающихъ живую, любознательную и въ высшей степени работоспособную натуру покойнаго ученаго.

«Не смотря на разныя отвлеченія въ сторону, не смотря на тяжелое состояніе духа (естественное для пишущаго вторую диссертацію), я близусь къ концу своего Георгія, писалъ мнѣ А. И... Покончивъ съ Георгіемъ, я намѣренъ удрать заграницу, прежде всего въ Лейпцигъ и по старому проработать тамъ семестръ, чтобы стряхнуть съ себя петербургскую департаментскую пыль (А. И. служилъ только временно при Мин. Нар. Просв.); оттуда на мѣсяцъ надѣюсь съѣздить въ Лондонъ поработать въ библіотекѣ: подготовить курсъ, если будетъ для кого (А. И. собирался вернуться въ Харьк. университетъ)»...

Въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ А. И. писалъ: «Я уже въ Лейпцигѣ, впрочемъ всего 3-й день.... Въ Лейпцигъ я бѣжалъ (впрочемъ, какъ подобаетъ петербуржцу, на казенный счетъ), во 1) чтобы освѣжиться на нѣмецкихъ лекціяхъ (иной, пожалуй, найдетъ страннымъ такой способъ освѣженія, но ужъ я такъ воспитанъ), а во 2-хъ непремѣнно покончить съ сильно надоѣвшимъ мнѣ Георгіемъ. Въ Лейпцигѣ я просижу долго, отсюда проѣду въ Лондонъ поработать исключительно въ Британскомъ Музеѣ. Харьковъ представляется мнѣ, какъ островъ феи Маріаны, если мнѣ только суждено послѣ многихъ мытарствъ возвратиться на милую для меня каѳедру.... Если моя уже порядкомъ побитая ладья минуетъ подводныя скалы и бури.... съ какимъ удовольствіемъ буду я отдыхать въ Лопанской гавани»... Судьбѣ угодно было направить А. И. въ Новороссійскій университетъ, вмѣсто Харьковскаго, гдѣ, однако, осталось немало слѣдовъ благотворной дѣятельности А. И. Кирпичникова въ 70-ые годы его пребыванія профессоромъ по каѳедрѣ исторіи всеобщей литературы.

Однимъ изъ наиболѣе плодотворныхъ просвѣтительныхъ и ученыхъ предпріятій А. И. представляется учрежденіе Харьковскаго историко-филологическаго Общества. Первые моменты его зарожденія оставались въ туманѣ, и судить о нихъ приходилось по преданіямъ. Но вотъ—перечитывая недавно письма А. И., я нашелъ одно, весьма цѣнное въ этомъ отношеніи, документально разрѣшающее вопросъ о первыхъ учредителяхъ и основателяхъ Общества. «Идея и иниціатива (учрежденія И. Ф. Общ.), писалъ мнѣ А. И. 10 ноября 1893 г., принадлежитъ мнѣ на половину: мы пріѣхали въ Харьковъ и начали дѣйствовать вдвоемъ съ стариннымъ товарищемъ и добрымъ другомъ Мариномъ Степановичемъ (Дриновымъ); мы нашли въ Харьковѣ благосклонный пріемъ и, такъ сказать, почву, благодаря нашему старинному пріятелю Амфіану Степановичу (Лебедеву). Проектъ устава, сколько помню, писали мы вмѣстѣ съ Мариномъ Степановичемъ. Учрежденіе Общества никакъ не могло бы состояться, если бы къ его идеѣ не отнесся съ теплымъ участіемъ деканъ Н. А. Лавровскій»..

Проф. Н. Сумцовъ.

VIII.

Памяти профессора Александра Ивановича Кирпичникова.

Сошелъ въ могилу лучшій учитель-профессоръ, истинный другъ учащихся, энергичный общественный дѣятель, добрый, прекрасный человѣкъ.

Тяжелая, невознаградимая потеря для учащагося юношества, для русскаго просвѣщенія, для общества!

Грусть и тоска давятъ душу, когда узнаешь о такой потерѣ; но онѣ еще сильнѣе для тѣхъ, кто пользовался уроками покойнаго, его совѣтами, кто былъ близокъ къ нему...

Друзей, учениковъ, близкихъ людей у Александра Ивановича было много, ибо онъ самъ былъ близокъ всѣмъ, шелъ на встрѣчу съ открытой душой ко всѣмъ тѣмъ, кто обращался къ нему, кто искалъ у него помощи, совѣта, руководства. Добрая, чуткая, отзывчивая къ горю близкаго, ко всему прекрасному, возвышенному—была душа у покойнаго профессора. Добротою, любовью была преисполнена вся его трудовая, не легкая жизнь.

Большое литературное, научное наслѣдіе оставляетъ онъ въ видѣ тѣхъ крупныхъ и мелкихъ научныхъ трудовъ, которые составили ему славу лучшаго знатока исторіи всеобщей литературы, народныхъ произведеній, апокрифической литературы, памятниковъ средневѣковаго искусства. Но онъ оставляетъ и другое прекрасное наслѣдіе—свою духовную личность, образецъ культурнаго, гуманнаго дѣятеля, истиннаго учителя—наставника. Въ этомъ наслѣдіи—утѣшеніе въ тяжести потери.

Добрымъ словомъ всегда будетъ помянутъ дорогой учитель-человѣкъ, какъ онъ теперь уже вспоминается его многочисленными друзьями, учениками, почитателями, разсѣянными въ различныхъ углахъ Россіи.

Пусть и наши слова, какъ одного изъ его учениковъ Новороссійскаго университета, послужатъ выраженіемъ признательности, любви,

благодарности за все то прекрасное, доброе, что мы находили въ немъ, какъ въ учителѣ-руководителѣ и въ студенческіе годы, и позже.

Въ 1885 году Александръ Ивановичъ перешелъ изъ Харьковскаго университета въ Новороссійскій. Мнѣ ясно и живо припоминается его первая, вступительная лекція, тотъ глубокій интересъ, который она возбудила во всѣхъ слушателяхъ, и то впечатлѣніе, которое она произвела на насъ; для насъ особеннно было трогательно его обращеніе къ намъ (въ концѣ лекціи) приходить къ нему за совѣтами, разъясненіемъ недоумѣній при занятіяхъ; трогательно было также и его объясненіе перехода въ Новороссійскій университетъ—полученіе возможности пользоваться совѣтомъ при новыхъ для него спеціальныхъ занятіяхъ по исторіи искусствъ—у своего товарища, уже въ то время пріобрѣвшаго почетную извѣстность своими выдающимися трудами по исторіи византійскаго искусства, проф. Н. П. Кондакова.

Съ первыхъ же лекцій Александръ Ивановичъ пріобрѣлъ популярность среди студентовъ не только какъ талантливый лекторъ, знатокъ своего дѣла, но и какъ истинно доброжелательный учитель, готовый придти на помощь своимъ ученикамъ всѣмъ, что только въ его силахъ. Его обращеніе къ слушателямъ въ заключительной части вступительной лекціи не было только одной красивой фразой: за словомъ послѣдовало и дѣло. Слушатели поняли и почувствовали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и они дѣйствительно воспользовались его приглашеніемъ. Они находили у него всегда сочувствіе, искреннее желаніе помочь имъ. Они обращались къ нему за совѣтомъ, книгами, разъясненіями и въ стѣнахъ университета, и у него на дому. Двери дома профессора были всегда открыты для его слушателей, а одинъ разъ въ недѣлю для кружка ихъ онъ устраивалъ совмѣстныя чтенія, бесѣды. Трудно забыть эти вечернія бесѣды, происходившія у профессора. Это были бесѣды товарищей подъ руководствомъ товарища-профессора, дававшаго объясненія, вступавшаго въ пренія, иллюстрировавшаго свои положенія данными, почерпнутыми изъ богатой сокровищницы знаній по исторіи литературы, искусства. Съ тѣмъ кружкомъ, въ которомъ мнѣ пришлось участвовать, онъ читалъ и разбиралъ извѣстный трактатъ по эстетикѣ Лессинга «Лаокоонъ». Всѣмъ, заинтересовывавшимся тѣмъ или инымъ вопросомъ, онъ сообщалъ свѣдѣнія о литературѣ предмета и давалъ самую литературу—книги изъ собственной богатой библіотеки.

Мы съ истиннымъ удовольствіемъ писали для него рефераты; увлекаемые любовью его къ своему предмету, увлекались сами и всегда съ глубокимъ интересомъ посѣщали его лекціи, спеціальные курсы. Эти

курсы онъ часто назначалъ сообразно съ запросами своихъ слушателей. Таковы, напр., были его курсы новыхъ языковъ — нѣмецкаго, итальянскаго. Зная, какъ плохи познанія по новымъ языкамъ окончившихъ среднюю школу, и понимая отлично, что научныя занятія по всеобщей литературѣ и другимъ предметамъ не мыслимы безъ знанія новыхъ языковъ, онъ не считалъ для себя обременительнымъ — читать намъ краткую грамматику указанныхъ новыхъ языковъ и затѣмъ переходить къ чтенію съ комментаріями какого-нибудь классическаго произведенія — Божественной комедіи Данта, Разбойниковъ Шиллера и т. п.

И многіе изъ моихъ товарищей, благодаря этимъ курсамъ, изучили нѣсколько новыхъ языковъ; нѣкоторые изъ нихъ, съ честью нынѣ работающіе въ научной области, всегда съ благодарностью вспоминаютъ Александра Ивановича и за это пріобщеніе ихъ къ тому, что собственно должно было бы составлять обязательную задачу средней школы.

Но помощь Александра Ивановича не ограничивалась кругомъ однихъ научныхъ нуждъ, запросовъ его учениковъ, слушателей. Она касалась, можно сказать, почти всѣхъ сторонъ ихъ жизни: онъ помогалъ имъ и деньгами, прісканіемъ уроковъ, занятій, рекомендаціями, заступничествомъ; онъ давалъ имъ всевозможные практическіе совѣты, писалъ въ ихъ интересахъ письма, ходатайства и т. п. Да, онъ былъ истиннымъ отцомъ-учителемъ своихъ слушателей.

Какъ горячо, всей душой отзывался Александръ Ивановичъ на всѣ запросы университетской жизни, такъ же, съ той же неослабной энергіей онъ отзывался на запросы общественной жизни. Трудно перечислить всѣ тѣ Общества, коммиссіи, въ которыхъ онъ участвовалъ, для которыхъ работалъ со всѣмъ пыломъ своей всегда юной души. Онъ работалъ на общую пользу не только какъ добрый, прекрасный человѣкъ, но и какъ гражданинъ, отлично сознающій свой долгъ — выполненіе имъ, какъ представителемъ культуры, членомъ университета — культурной миссіи. Мнѣ особенно памятно его участіе въ славянскомъ Обществѣ, его широкая помощь въ выполненіи этимъ Обществомъ культурной задачи — поднятія народнаго развитія, расширенія его умственнаго кругозора, доставленія ему разумныхъ развлеченій. Работая самъ для этой задачи, Александръ Ивановичъ поощрялъ къ той же работѣ и своихъ слушателей и былъ искренно радъ, когда видѣлъ, что они идутъ въ этомъ ототношеніи по стопамъ своего учителя.

И такимъ работникомъ покойный профессоръ былъ не только въ Одессѣ, но и въ Харьковѣ, Москвѣ.

Въ работѣ на общую пользу—источникъ наслажденія, счастья. И несомнѣнно, въ этомъ отношеніи Александръ Ивановичъ былъ истинно счастливымъ человѣкомъ. Но въ той же работѣ бываетъ источникъ невзгодъ, лишеній. Александръ Ивановичъ испыталъ такихъ невзгодъ не мало: но онъ никогда не терялъ бодрости духа, вѣры въ побѣду добра надъ зломъ. Онъ побѣждалъ это зло... Но другое зло—ограниченность человѣческихъ силъ, необходимость считаться съ различными обстоятельствами, являющимися часто сильнѣе нашего духа—погубило его. Онъ погибъ подъ тяжестью этихъ обстоятельствъ (болѣзни), пресѣкшихъ столь несвоевременно его высокополезную жизнь.

Миръ тебѣ, дорогой учитель! Твой образъ и память о тебѣ незабвенны для насъ, твоихъ учениковъ. Пусть твоя жизнь, твои дѣла послужатъ для насъ добрымъ примѣромъ. («Х. В.»).

Е. Рѣдинъ.

IX.

Профессоръ Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ.

Обзоръ трудовъ его по исторiи и археологiи искусства [1]).

30-го апрѣля прошлаго 1903 года не стало дорогого учителя проф. А. И. Кирпичникова: тамъ, въ Москвѣ, гдѣ А. И. получилъ среднее и высшее образованiе, гдѣ подъ сѣнью старѣйшаго русскаго университета, онъ работалъ въ послѣднiй перiодъ своей жизни, столь-же плодотворно, столь-же энергично, какъ и въ раннiе перiоды — въ Харьковѣ и Одессѣ — онъ нашелъ свое послѣднее успокоенiе отъ своихъ многочисленныхъ, плодотворныхъ трудовъ. Эти труды его посвящены были различнымъ областямъ историко-филологическихъ наукъ; будучи спецiалистомъ всеобщей исторiи литературы, онъ, кромѣ памятниковъ Западно-Европейской литературы, подобно своему учителю Ѳ. И. Буслаеву—обращался въ своихъ трудахъ и къ памятникамъ словесности устной, и къ памятникамъ искусства. Онъ работалъ плодотворно во всѣхъ этихъ областяхъ, онъ отзывался на различные научные вопросы и стремился принести всюду свою научную лепту, освѣтить тотъ или иной вопросъ.

О дѣятельности его можно повторить то-же, что говорилось о дѣятельности его великаго учителя—Ѳ. И. Буслаева: [2]) «она проникнута однимъ общимъ настроенiемъ, одушевленнымъ возвышеннымъ идеализмомъ, въ которомъ народолюбiе подкрѣпляется благородными внушенiями науки».

Что сдѣлалъ Александръ Ивановичъ для исторiи всеобщей литературы, для изученiя русской литературы, народной поэзiи, для византiйской литературы — спецiально — будетъ отмѣчено въ свое время, какъ и теперь, спецiалистами каждой изъ этихъ наукъ. Преклоняясь предъ высокимъ подвигомъ А. И. Кирпичникова для русской науки, просвѣщенiя

[1]) Рѣчь, сказанная въ публичномъ засѣданiи Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, посвященномъ чествованiю памяти профессора А. И. Кирпичникова, 22 февраля 1904 года.

[2]) *Е. К. Рѣдинъ*, Ѳ. И. Буслаевъ. Обзоръ трудовъ его по исторiи и археологiи искусства. Харьковъ, 1898, I.

и желая почтить посильнымъ образомъ память его, дорогого учителя, мы скажемъ о трудахъ его по исторіи искусства и археологіи.

Знакомство съ исторіей искуссва Александръ Ивановичъ впервые получилъ въ Московскомъ университетѣ, въ который вступилъ въ 1861 г.— одновременно съ акад. Н. П. Кондаковымъ; исторію искусства въ это время читалъ проф. Герцъ и отдѣльные курсы, посвященные отчасти исторіи искусства и спеціально древне-русскаго—Ѳ. И. Буслаевъ. Главнымъ направленіемъ своихъ спеціальныхъ занятій и въ этой области, какъ и въ другихъ онъ, конечно, обязанъ Ѳ.И. Буслаеву. То—счастье, которое юному студенту, прослушавшему первую лекцію великаго ученаго—казалось недоступнымъ— бывать у него на дому, [1]) впослѣдствіи оказалось доступнымъ, осуществимымъ и Александръ Ивановичъ сдѣлался не только его лучшимъ ученикомъ, но впослѣдствіи и другомъ-помощникомъ, особенно въ послѣдніе годы жизни Буслаева. Буслаевъ руководилъ его занятіями, помогалъ ему книгами, совѣтами и въ студенческіе годы, и въ послѣдующіе. И добрый, благодарный ученикъ не забывалъ своего учителя, того добра, что онъ сдѣлалъ для него. Трогательны и искренни благодарственныя слова Александра Ивановича въ воспоминаніяхъ, посвященыхъ идеальному профессору и человѣку, богатырю русской науки: «Высшимъ благодѣяніемъ судьбы моей, говоритъ онъ, считаю я обстоятельства, которыя поставили меня въ очень близкія отношенія къ Буслаеву» [2]).

Александръ Ивановичъ началъ знакомство съ исторіей искусства, какъ сказали, тогда-же—въ первые годы своихъ занятій у Буслаева и, какъ видимъ по воспоминаніямъ его, довольно основательно. Буслаевъ знакомитъ своего ученика съ лучшими трудами по исторіи древне-русскаго искусства, каковыми, конечно, являлись въ то время его собственные труды [3]), а затѣмъ съ трудами другихъ русскихъ ученыхъ, напр. капитальными изслѣдованіями Е. Д. Филимонова. Въ своихъ воспоминаніяхъ объ указанномъ ученомъ Александръ Ивановичъ разсказываетъ слѣдующее: «Кто такой Филимоновъ? Что такое русскія древности? эти вопросы сильно заинтересовали меня. Въ тотъ же вечеръ я обратился съ просьбой къ Буслаеву дать мнѣ

---

[1]) Проф. Буслаевъ пригласилъ своихъ слушателей для полученія разъясненія, указаній совѣтовъ относительно занятій—приходить къ нему на домъ.—«Господи, подумалъ я, вспоминаетъ А. И., какъ счастливы будутъ тѣ, у кого найдется достаточно смѣлости, чтобы воспользоваться этимъ приглашеніемъ. Но я ни за что не пойду: куда мнѣ съ моею малограмотностью!» (Воспоминанія о студенческой жизни, М. 1889, 138).

[2]) Сборникъ «Памяти Ѳ. И. Буслаева». М. 1898. Ср. у. В. Ѳ. *Лазурскаго*, Научная дѣятельность профессора А. И. Кирпичникова. Одесса, 1903, 2.

[3]) Изслѣдованія по древне-русскому искусству, помѣщавшіяся въ журналахъ, а потомъ вошедшія въ «Историческіе очерки», изданные въ годъ занятій съ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ.

вкратцѣ понятіе о томъ, чѣмъ русская археологія отличается въ своихъ пріемахъ отъ классической, и познакомить меня съ трудами Филимонова.—Различіе въ пріемахъ—отвѣтилъ мнѣ Ѳ. И.—конечно существуетъ по различію въ матеріалѣ, но вкратцѣ это выразить трудно; всего лучше возьмите какую-нибудь работу Филимонова: онѣ всѣ одинаково хороши и прочтите со вниманіемъ и съ конспектомъ, при этомъ какъ можно старательнѣе разсматривайте рисунки и старайтесь припомнить, не видали-ли чего подобнаго въ дѣйствительности. И онъ далъ мнѣ небольшую книжечку in 4⁰ подъ заглавіемъ «Археологическія изслѣдованія по памятникамъ—церковь св. Николая на Липнѣ близь Новгорода. Вопросъ о первоначальной формѣ иконостасовъ въ русскихъ церквяхъ».

«Заинтересованный этою живою и убѣдительною работою я попросилъ у Ѳ. И. Буслаева «еще чего-нибудь въ этомъ родѣ», и онъ далъ мнѣ брошюру того-же автора: «Окладъ Мстиславова Евангелія» (М. 1861).

Въ своихъ многочисленныхъ путешествіяхъ заграницу Александръ Ивановичъ естественно могъ интересоваться и онъ интересовался памятниками искусства—въ богатѣйшихъ музеяхъ, галлереяхъ Европы.

Я лично не могу не вспомнить того дорогаго для меня путешествія, которое въ 1891 г. я совершилъ совмѣстно съ учителемъ—въ древненѣмецкій городъ Регенсбургъ; не могу не вспомнить тѣхъ бесѣдъ его, которыя велись нами по поводу видѣннаго въ посѣщенныхъ нами мѣстахъ этого города—различныхъ памятниковъ церковной старины. Съ какимъ вниманіемъ останавливался Александръ Ивановичъ предъ памятниками искусства, въ которыхъ находилъ изображенія сюжетовъ, интересовавшихъ его для задуманной имъ работы! Съ какой готовностью онъ дѣлился всѣмъ тѣмъ, что могъ сообщить своему ученику, хотя и занимающемуся спеціально въ другой области...

Въ 1871 г. Александръ Ивановичъ слушалъ въ Берлинѣ спеціальныя лекціи по христіанской археологіи у знаменитаго Пипера, у котораго въ свое время учился его великій учитель Ѳ. И. Буслаевъ.

Такимъ образомъ по симпатіямъ, несомнѣнно внушеннымъ Буслаевымъ, по тѣсной связи литературы—особенно средневѣковой съ искусствомъ—Александръ Ивановичъ долженъ былъ интересоваться этимъ искусствомъ, знать его, и въ свое время начать заниматься имъ спеціально, чтобы внести въ изученіи его и свою лепту. И дѣйствительно Александръ Ивановичъ въ своей научной дѣятельности, слѣдуя примѣру учителя, удѣляетъ большое вниманіе памятникамъ искусства; наряду съ историко-литературными его трудами стоятъ въ видѣ отдѣльной самостоятельной группы чисто археологическіе, исто-

рико-художественные очерки. Эти труды, какъ уже мы говорили шесть лѣтъ тому назадъ, въ краткомъ очеркѣ [1]), посвященномъ имъ, для науки христіанской археологіи тѣмъ особенно важны, что въ нихъ самымъ широкимъ образомъ затрогиваются вопросы о взаимодѣйствіи литературы и искусства, указываются источники памятниковъ искусствъ, развитіе сюжетовъ этихъ памятниковъ въ связи съ развитіемъ ихъ въ литературѣ книжной и народной. Глубокое знакомство съ литературными памятниками, народными преданіями, легендами проявляется въ этихъ трудахъ наряду съ обширнымъ знакомствомъ съ памятниками христіанскаго искусства; и въ силу этой причины труды эти пріобрѣтаютъ весьма важное значеніе для еще юной и мало разработанной науки христіанской археологіи. Труды свои Александръ Ивановичъ посвящалъ главнымъ образомъ циклу сюжетовъ, связанныхъ съ жизнью Богородицы; имъ подготовлялся капитальный трудъ, посвященный спеціально жизни Богородицы, какъ она извѣстна въ памятникахъ словесности народной и книжной и въ памятникахъ искусства. На сколько обширенъ былъ планъ задуманнаго сочиненія и на сколько онъ могъ быть важенъ по своимъ результатамъ, можно судить по слѣдующей программѣ его, доложенной въ 1884 г. академикомъ Буслаевымъ при отзывѣ о ней Второму отдѣленію Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ [2]).

«Моя работа, говоритъ Александръ Ивановичъ, должна преслѣдовать три цѣли: 1) изложить исторію выработки и видоизмѣненій поэтически-художественнаго образа и легенды о Богоматери на западѣ и на востокѣ, иначе сказать представить опытъ идеаловъ христіанской Европы, на сколько они выражаются въ поэтическихъ и художественныхъ изображеніяхъ Богоматери; при этомъ спеціальною моею цѣлью будетъ выяснить съ этого частнаго пункта отношеніе русской поэзіи и искусства къ византійскому съ одной стороны, къ западно-европейскому съ другой, и отчасти западно-европейскаго къ византійскому.

2) Попытаться уяснить нѣкоторые вопросы христіанской археологіи и словесности (какъ русской, такъ и западно-европейской) или рѣшаемые различно, или вовсе не поставленные, имѣющіе связь съ культомъ Богоматери. Здѣсь, между прочимъ, мнѣ представляется важными слѣдующія спеціальныя задачи: а) выяснить изъ церковнаго культа (иконописи, гимновъ, словъ и сказаній) многія черты народнаго культа Богоматери, въ которыхъ миѳологи хотѣли видѣть отзвукъ поклоненія праславянскому

---

[1]) Въ статьѣ при исторической запискѣ проф. Л. Ю. Шепелевича: «Каѳедра исторіи всеобщей литературы въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ» X. 1897, 22.

[2]) *Записки Императорской Академіи Наукъ* т. XLIX (1884), 41, 47—52.

или даже праиндоевропейскому женскому божеству: b) показать непосредственное или посредственное (чрезъ иконопись) вліяніе апокрифическихъ сказаній о Дѣвѣ Маріи на національную эпическую поэзію Россіи и Западной Европы.

3) Выяснить, на сколько это возможно будетъ на данномъ частномъ случаѣ, общій теоретическій вопросъ о взаимодѣйствіи поэзіи и искусства».

Въ своемъ отзывѣ на эту программу акад. Буслаевъ (стр. 51 и сл.) указываетъ на важность задачъ, намѣченныхъ въ ней; выполненіе ихъ русскимъ ученымъ можетъ, по его мнѣнію, «повести къ открытію новыхъ и существенныхъ данныхъ, не доступныхъ западнымъ ученымъ, изъ византійско-русской старины, въ такой сохранности удержавшихся въ нашихъ лѣтописныхъ преданіяхъ даже до XVIII вѣка». «На протяженіи многихъ вѣковъ западной исторіи, говоритъ онъ далѣе, русскій ученый можетъ открывать очевидныя точки соприкосновенія западной иконографіи съ восточной, не по вліянію только первой на послѣднюю, но и гораздо болѣе того въ силу общаго иконографическаго преданія византійскаго, которое на востокѣ сохранилось въ болѣе безпримѣсной чистотѣ, а на западѣ постепенно ослаблялось новыми теченіями историческаго развитія».

Александръ Ивановичъ отлично сознавалъ обширность и важность задуманнаго имъ труда и на выполненіе его потратилъ не мало времени, совершилъ не мало подготовительныхъ работъ, спеціальныхъ поѣздокъ по Россіи, заграницу для занятій въ библіотекахъ—рукописями, научной литературой и т. п.

Результаты подготовительной работы Александра Ивановича имѣются въ рядѣ отдѣльныхъ очерковъ, иконографическихъ этюдовъ, напечатанныхъ [1]) имъ при жизни. Эти очерки наряду съ другими археологическими статьями и замѣтками обогащаютъ нашу бѣдную русскую археологическую литературу и даютъ богатый матеріалъ и для исторіи искусствъ, и для исторіи литературы. Постараемся хотя кратко указать на содержаніе этихъ статей и очерковъ и на ихъ значеніе [2]).

Первая статья, которой открываются историко-археологическіе труды проф. А. И. Кирпичникова—«Сказанія о житіи Дѣвы Маріи и ихъ выраженіе въ средневѣковомъ искусствѣ» [3]). Въ ней онъ знакомитъ во 1-хъ

---

[1]) Для цѣлаго ряда другихъ статей и очерковъ у него собранъ былъ обширный матеріалъ, обработать который, свести въ систему—помѣшала ему преждевременная смерть.

[2]) Здѣсь мы повторимъ отчасти то, что нами уже было сказано въ вышеуказанной статьѣ при запискѣ проф. Л. Ю. Шепелевича, 23—28.

[3]) *Ж. М. Н. П.*, CCXXVIII (1883), отд. 2-й, 16—66.

съ содержаніемъ трудовъ Альвина Шультца и Ленера, посвященныхъ обзору легендъ изъ жизни Богородицы и вопросу о почитаніи ея въ первые вѣка христіанства, во 2-хъ излагаетъ подробно содержаніе открытой имъ рукописи итальянской XV в. въ библіотекѣ св. Марка въ Венеціи («исторія, излагающая житіе св. Іоакима отца и св. Анны, матери Дѣвы Маріи, ея рожденіе, благовѣщеніе и разрѣшеніе отъ бремени и главныя происшествія страстей Іисуса Христа; она оканчивается вознесеніемъ Богородицы на небо»); при изложеніи онъ сопоставляетъ отдѣльные эпизоды съ эпизодами, извѣстными по апокрифическимъ евангеліямъ и другимъ легендарнымъ и поэтическимъ разсказамъ; такимъ образомъ здѣсь представленъ сводъ отдѣльныхъ эпизодовъ изъ жизни Богородицы и дѣтства и страстей Христа, являющійся весьма важнымъ и полезнымъ для историка искусства; при знакомствѣ съ этимъ сводомъ возможно понимать и объяснять часто непонятныя сразу изображенія въ средневѣковыхъ памятникахъ искусства; въ 3-хъ, наконецъ, проф. А. И. Кирпичниковъ сообщаетъ добытый имъ матеріалъ—памятники искусства, иллюстрирующіе жизнь Богородицы.

«Сдѣлать историко-литературные выводы, заканчиваетъ свою статью А. И. Кирпичниковъ—изъ этого извѣстнаго въ заграничной печати миніатюрнаго и иконописнаго матеріала можно будетъ, по моему мнѣнію, только тогда, когда будетъ достаточно фактовъ изъ исторіи русской иконописи и миніатюры, въ связи съ письменностью. Но и изъ того матеріала, который я имѣлъ въ рукахъ, могу констатировать любопытное явленіе, что при отсутствіи русскихъ переводовъ псевдо-Матѳея миніатюры и иконопись болѣе стояли подъ его вліяніемъ, чѣмъ подъ вліяніемъ очень распространеннаго протоевангелія Іакова. Едва ли нужно упоминать о томъ, что уже при первомъ взглядѣ на русскія сказанія о Богородицѣ становится яснымъ ихъ значеніе для исторіи сказаній и изображеній западныхъ (стр. 66).

Въ послѣдующихъ своихъ трудахъ профес. А. И. Кирпичниковъ именно и обращается весьма часто къ матеріалу—русской иконописи и миніатюры, и русскихъ сказаній.

Въ небольшой статьѣ, появившейся одновременно съ вышеуказанной «Миніатюры часослововъ Императорской Публичной Библіотеки по отношенію къ легендѣ о Мадоннѣ» [1]) А. И. Кирпичниковъ обозрѣваетъ замѣчательные часословы XIV—XV в. богатой коллекціи Публичной Библіотеки, останавливаясь спеціально на содержаніи миніатюръ, изобра-

[1]) *„Художественныя Новости“*, т. I (1883), 501—509.

жающихъ событія изъ земной жизни Дѣвы Маріи; при описаніи изображеній въ миніатюрахъ дѣлаются сопоставленія съ изображеніями въ болѣе раннихъ восточныхъ и западныхъ памятникахъ.

«При молодости науки, говоритъ А. И. Кирпичниковъ, единственный вѣрный путь—отъ частнаго къ общему; какъ бы ни были съ виду мелки и ничтожны спеціальныя задачи, избираемыя иконографами и археологами, они непремѣнно приведутъ къ общимъ и въ высшей степени интереснымъ вопросамъ и будутъ болѣе способны къ выясненію истины, нежели ничего не доказывающія, кромѣ остроумія автора, широкія aperçues. Для такихъ задачъ мы русскіе имѣемъ подъ руками превосходный, почти неисчерпаемый матеріалъ въ нашихъ иконахъ и миніатюрахъ, которые чуть не до нашихъ дней сохранили преданія византійскаго искусства лучшей его поры. Жатва обширна, но, къ сожалѣнію, жателей еще мало».

Къ указаннымъ спеціальнымъ задачамъ и относятся иконографическіе очерки самого А. И. Кирпичникова; и они, какъ указывали выше, тѣмъ драгоцѣнны, что подготовляютъ матеріалъ для рѣшенія общихъ важныхъ вопросовъ.

Ко времени VI Археологическаго съѣзда въ Одессѣ проф. Кирпичниковымъ приготовлены были два очерка: 1) «Иконографія Вознесенія Христова» [1]), 2) «Успеніе Богородицы въ легендѣ и искусствѣ» [2]). Въ первомъ очеркѣ авторъ дѣлаетъ историческій обзоръ изображеній Вознесенія Христова, и, насколько позволяетъ матеріалъ, выводитъ свои заключенія и обобщенія, пользуясь при этомъ и данными русскаго искусства.

Во второмъ обширномъ очеркѣ представляется полный обзоръ легендъ объ Успеніи Богородицы, устанавливаются редакціи ихъ, подводятся подъ эти редакціи повѣствованія у отцовъ церкви, пѣснопѣнія, сообщается (въ приложеніи) новый матеріалъ (итальянская повѣсть XV вѣка, списокъ редакціи А по рукописи XV вѣка, писанной въ Новгородѣ Сѣверскомъ) и обзоръ изображеній Успенія Богородицы въ восточныхъ и западныхъ памятникахъ искусства. Въ общемъ очеркъ этотъ является весьма важнымъ по обилію матеріала, строго научной группировкѣ, и по выводамъ, предлагаемымъ въ немъ авторомъ. Укажемъ на одинъ изъ нихъ: «весь самостоятельный трудъ по выработкѣ основныхъ типовъ сказанія о концѣ земной жизни Богома-

---

[1]) *Трубы VI Археолог. съѣзда*, III т. Одесса, 1887, 387—395.
[2]) *Труды VI Арх. съѣзда* II т., 191—249.

тери и иконографіи этого сюжета выпалъ на долю восточной, греческой церкви; западное искусство, какъ и западная письменность, оказывается въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ востока, точнѣе сказать: только повторяетъ его уроки» (стр. 234).

Въ очеркѣ «Деисусъ на востокѣ и западѣ и его литературныя параллели» [1]) заново разсматривается эта иконописная композиція «Деисусъ», представляющая, какъ извѣстно, въ простомъ переводѣ посерединѣ Спасителя, а по сторонамъ его Богородицу и Іоанна Предтечу. Въ статьѣ сообщается новый матеріалъ, остававшійся неизвѣстнымъ прежнимъ изслѣдователемъ этой иконы, на основаніи котораго можно видѣть, что первое датированное упоминаніе о ней восходитъ къ VII вѣку (стр. 6); предлагаются на основаніи литературныхъ данныхъ объясненія роли въ композиціи иконы Богородицы, Предтечи; приводятся любопытные примѣры взаимодѣйствія иконописи и христіанской поэзіи (авторъ одной редакціи хожденія Богородицы по мукамъ, вспоминая часто о видѣнной имъ иконѣ Деисуса, заставляетъ Богородицу прежде всего взывать къ Предтечѣ; а позднѣе хожденіе и другіе литературные памятники, съ нимъ въ этомъ пунктѣ сходные, понуждаютъ иконописцевъ вносить Деисусъ въ композицію изображенія страшнаго суда) [2]).

Въ статьѣ «Къ иконографіи Сошествія Св. Духа [3]) авторъ въ дополненіе къ фактамъ и объясненіямъ, имѣющимся въ трудѣ Н. В. Покровскаго «Евангеліе въ памятникахъ иконографіи», приводитъ новые факты, примѣры изображеній Сошествія Св. Духа и объясненіе фигуры царя Космоса (художественное выраженіе словъ ὁ τοῦ κόσμου ἄρχων въ евангеліи Іоанна XV, 23, читавшемся въ X вѣкѣ въ навечеріи Пятидесятницы и въ церкви восточной).

Въ статьѣ „Этюды по иконографіи Рождества Христова" [4]) А. И. Кирпичниковъ даетъ І-й этюдъ, посвященный путешествію св. семейства въ Виолеемъ; онъ касается исключительно весьма интересныхъ легендъ и преданій, которыми разукрашенъ евангельскій разсказъ объ этомъ путешествіи, и приводитъ также отраженіе сюжета съ нѣкоторыми подробностями, развитыми въ поэзіи и въ памятникахъ искусства (одинъ примѣръ—миніатюра рукоп. Парижской Націон. библіотеки fr. № 9561).

---

1) *Ж. М. Н. П.*, CCXC (1893, № 11, отд. 2), 1—26.

2) Ibid стр. 17.

3) *Древности. Труды Импер. Московскаго Археологическаго Общества* т. XV. вып. I М. 1894, стр. 1—15.

4) *Записки Импер. Русск. Археол. Общества*, т. VII, (1894), 95—105.

Богатый новыми, весьма интересными фактами и съ краткой, но ясной и строго фактической исторіей почитанія Богородицы—иконографическій очеркъ заключается въ „Отзывѣ о сочиненіи Н. В. Покровскаго: Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, преимущественно византійскихъ и русскихъ. Спб. 1892 г.“ [1])

Въ этомъ отзывѣ, кромѣ оцѣнки указаннаго сочиненія, заключается иконографія Благовѣщенія со множествомъ интересныхъ фактовъ и экскурсіями въ область литературы и преданій.

Богатый матеріалъ для иконографіи жизни Богородицы и Христа заключается въ статьѣ А. И. Кирпичникова «Любопытная лицевая рукопись Парижской національной библіотеки (MS. FR. 9561) [2]); рукопись эта XIII в., итальянскаго происхожденія, весьма интересна; она можетъ служить, между прочимъ, указаніемъ на то, откуда почерпалъ Джіотто матеріалъ для своихъ композицій въ фрескахъ росписей церквей, напр., Мадонна dell'Arena въ Падуѣ. А. И. Кирпичникову принадлежитъ большая заслуга, что онъ обратилъ вниманіе на эту рукопись, оставшуюся, повидимому, неизвѣстной даже французскимъ ученымъ.

Въ статьѣ Zur byzantinischen Miniaturmalerei» [3]) А. И. Кирпичниковъ исправляетъ нѣкоторыя неточности, вкравшіяся въ описанія прежнихъ изслѣдователей греческихъ рукописей протоевангелія Іакова Кокцинобафскаго Парижской библіотеки (№ 1208) и Ватиканской (№ 1162) и предлагаетъ новыя объясненія нѣкоторыхъ миніатюръ; при статьѣ помѣщены шесть прекрасныхъ снимковъ съ интересныхъ миніатюръ, которыми такъ богаты указанныя рукописи сочиненія, излагающаго жизнь Богородицы на основаніи древнихъ апокрифовъ.

Прекраснымъ обобщеніемъ всѣхъ предыдущихъ статей А. И. Кирпичникова, посвященныхъ иконографіи Богородицы, является живо, увлекательно написанная статья, полная, можно сказать, захватывающаго интереса—его публичная лекція «Историческій обзоръ иконописныхъ изображеній Богоматери» [4]), читанная въ Москвѣ въ 1897 г. на выставкѣ «Изображеній Богоматери», въ Обществѣ Поощренія Художествъ. Александръ Ивановичъ въ популярномъ изложеніи представилъ коментарій указанныхъ изображеній, ввелъ слушателей въ глубину историческаго пониманія ихъ, познакомилъ съ ростомъ культа Богородицы, съ тѣми литературными произведеніями, которыя служили матеріаломъ для памят-

---

[1]) *Записки Импер. Русск. Археол. Общ.*, т. VII, (1895) протоколы, LXXXVIII—CXL.
[2]) *Журн. Мин. Нар. Просв.*, CCLXXXII (1892, № 8), 242—247.
[3]) *Byz. Zeitschr*, IV, I, 109—124.
[4]) Ж. М. Н. П., 1897, VII, отд. 2, 46—72.

никовъ искусства. «Нѣтъ болѣе возвышеннаго въ человѣчествѣ идеала, какъ Заступница, всѣхъ Скорбящихъ Утѣшительница, Владычица Богоматерь Дѣва Марія и его художественное выраженіе достигаетъ наибольшей, доступной для силъ человѣческихъ красоты», говоритъ А. И. Кирпичниковъ., и далѣе продолжаетъ: «что бы *чувствовать* красоту Сикстинской Мадонны, надо имѣть только глаза и душу; но что бы *понять*, какъ могло европейское общество доработаться до такого объединенія красоты духовной и физической—надо прослѣдить исторію изображенія Богородицы» (46). И предъ слушателями, какъ сказали, живо проходитъ эта исторія, прекрасно обставленная тѣмъ научнымъ матеріаломъ, которымъ владѣлъ историкъ всеобщей литературы, знакомый отлично и съ памятниками искусствъ. Стоя на высотѣ научной постановки вопроса, А. И. Кирпичниковъ совершенно справедливо отмѣчаетъ ту роль въ развитіи иконографіи Богородицы, которую сыграло византійское искусство (67).

Настоящая статья—наряду съ другими вышеназванными—лучшій показатель того, что можно было получить отъ покойнаго ученаго, если бы имъ былъ доведенъ до конца намѣченный имъ въ планѣ капитальный трудъ, для котораго имъ уже собранъ былъ богатѣйшій матеріалъ.

Наряду съ иконографическими очерками стоитъ нѣсколько статей археологическаго характера, представляющихъ также интересъ и значеніе.

Въ статьѣ «Очеркъ исторіи Херсонеса и его участіе въ крещеніи Руси [1])» А. И. является прекраснымъ историкомъ византологомъ, отлично выясняющимъ, какое значеніе имѣетъ изученіе Византіи, ея древностей— для изученія нашей родной старины. Нарисовавъ блестящую картину жизни древняго Херсонеса въ различные періоды многовѣковой исторіи этого города, указавъ на значеніе его въ исторіи нашего культурнаго просвѣщенія, авторъ въ заключеніи своего труда говоритъ:

«Исторія есть наша общая наставница, изученіе прошлаго есть единственное средство догадаться о будущемъ, направлять его къ благу родины и человѣчества. Изслѣдованіе Византіи, откуда мы получили нашу вѣру, нашу литературу, наше искусство, вообще нашу духовную жизнь, такая важная область исторіи, что ея значеніе нельзя и опредѣлить немногими словами. Къ чести русскаго самосознанія, византологія внушаетъ теперь живѣйшій интересъ не только скромнымъ ученымъ, но и болѣе дальновиднымъ изъ нашихъ государственныхъ дѣятелей, которые ясно сознаютъ великія историческія задачи Россіи» (613).

[1]) *Ист. Вѣст.*, 1888, IX, 602—614

На весьма важное значеніе изученія Византіи А. И. Кирпичниковъ указываетъ въ другой статьѣ [1]), въ заключеніе своего обозрѣнія византійскихъ рукописей, по поводу двукратнаго своего посѣщенія Константинополя: «Константинополь, говоритъ онъ, для насъ тоже, что Римъ для католическаго запада. Но я утверждаю, что онъ въ научномъ отношеніи несравненно интереснѣе и важнѣе, нежели старый Римъ и не только потому, что въ Римѣ все важнѣйшее давно уже изслѣдовано, между тѣмъ, какъ здѣсь груды драгоцѣннаго матеріала, объясняющаго и нашу, и западно-европейскую старину, лежатъ еще не тронутыми,—но и потому, что здѣсь единственный среднiй пунктъ, центръ, гдѣ сходятся три міра: византійскій, славянскій, восточный».

Столь-же историко-литературный, сколько и археологическій интересъ представляетъ статья А. И. Кирпичникова «Гдѣ взять матеріалъ для исторіи византійской литературы?» [2]). Самъ авторъ позже, съ выходомъ въ свѣтъ второго изданія «Исторіи византійской литературы» Крумбахера, не придавалъ значенія своему труду: «все содержаніе этой небольшой статьи, говоритъ онъ, составляли приведенныя въ систему и болѣе, или менѣе обставленныя двадцать—тридцать выписокъ изъ историковъ и нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ, свидѣтельствующія о такихъ нынѣ общеизвѣстныхъ вещахъ, какъ существованіе у византійцевъ народной довольно богатой эпико-лирической поэзіи, объ ихъ наклонности къ шуткѣ и веселью, о свободномъ творчествѣ гимнографовъ и пр.» [3]). Но дѣло не въ одномъ обиліи вновь появившагося матеріала: заслуга автора въ постановкѣ самого вопроса, не утратившаго и до настоящаго времени своего значенія, въ соотвѣтствущемъ примѣненіи небольшого матеріала къ даннымъ русской жизни, литературы. Вмѣстѣ съ Александромъ Ивановичемъ и въ настоящее время можно высказать его пожеланіе, выраженное въ заключеніи статьи: «Византійскіе историки, такъ давно извѣстные и какъ будто разобранные, оказываются, на мой взглядъ, во многихъ отношеніяхъ едва початою сокровищницей: ихъ необходимо читать подъ рядъ. По моему убѣжденію, было бы крайне желательно, что бы спеціалисты разныхъ отраслей, имѣющіе дѣло съ византійцами, соединились въ нѣчто вродѣ общества, члены котораго облегчали бы работу другъ другу, что бы, напримѣръ, читающій ихъ съ археологической цѣлью отмѣчалъ и матеріалъ по исторіи литературы и обратно. Только при такой совмѣстной работѣ эта важная область, ближайшаго изслѣдованія которой западная наука справедливо

[1]) «Двѣ недѣли на островѣ Халкѣ», Ж. М. Н. П., 1887, IX, отд. Соврем. лѣтопись, 7.

[2]) Ж. М. Н. П., 1889, V, 23—31.

[3]) Въ рецензіи на указанную «Исторію визант. лит.» (Geschichte der byzantinischen Litteratur. München. 1897)—въ Виз. Врем., IX (1902), 498.

ожидаетъ отъ насъ, можетъ вполнѣ уясниться, и безъ сомнѣнія, она уяснитъ многое въ нашей древней исторіи и письменности» (31).

Къ археологическимъ статьямъ Александра Ивановича можно отнести «Къ вопросу о птицѣ Страфиль» [1])—докладъ его, прочитанный на VIII археологическомъ съѣздѣ. Какъ глубокій знатокъ народныхъ сказаній въ литературѣ различныхъ народовъ—А. И. искусно подыскиваетъ родство мотивовъ въ этихъ сказаніяхъ о птицѣ Страфиль Голубиной книги; эта птица сближается—съ пеликаномъ, страусомъ, алкіономъ, ремезомъ, турухтаномъ, арифомъ. «Страфиль, говоритъ онъ, имѣетъ родичей на отдаленномъ востокѣ, родичей, можетъ быть не близкихъ». Дуалистическое сказаніе, легшее въ основу разбора автора по поводу птицы Страфиль, попало, по его словамъ, не извѣстно когда въ среду средневѣковыхъ преданій и при томъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ; въ Византіи оно осложнилось своеобразнымъ реализмомъ физіологовъ и отчасти искусства. (108).

Къ отдѣлу изслѣдованій А. И. Кирпичникова о древностяхъ византійско-русскихъ относится его статья «*Къ вопросу о древне-русскихъ скоморохахъ*» [2]). Въ этой статьѣ затронуто много интересныхъ вопросовъ, какъ чисто-филологическихъ (напр. о происхожденіи слова скоморохъ), такъ и историко-археологическихъ, при чемъ привлечены для уясненія вопроса и данныя памятниковъ искусства—фрески лѣстницъ Кіево-Софійскаго собора [3]). Въ статьѣ въ общемъ много цѣнныхъ дополненій къ извѣстнымъ работамъ по тому-же вопросу акад. А. Н. Веселовскаго, Фаминцына.

Весьма цѣнный матеріалъ для исторіи византійской археологіи и главнымъ образомъ литературы VIII—IX в. предложенъ А. И. Кирпичниковымъ въ статьѣ «Переписка монаха Іакова съ императрицей» [4]). Имъ здѣсь изслѣдуется греческая рукопись № 3039 Парижской Національной Библіотеки, содержащая въ себѣ 43 письма нѣкоего «монаха Іакова» къ какой-то Иринѣ, титулуемой имъ Βασιλεία. А. И. полагалъ, что это Ирина, жившая въ VIII в. Не соглашаясь съ мнѣніемъ В. Г. Васильевскаго [5]), что

---

[1]) *Ж. М. Н. П.*, 1890, VII, 99—108.

[2]) *Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности* Императорской Академіи наукъ, т. II (1891), № 5.

[3]) На основаніи статьи акад. *Н. П. Кондакова* «О фрескахъ лѣстницъ Кіево-Софійскаго собора (*Зап. Имп. Русск. Арх. Общ.*, т. III, СПБ. 1888) и труда *Д. Айналова и Е. Рѣдина.* Кіево-Софійскій соборъ. Изслѣдованіе древней мозаической и фресковой живописи. СПБ. 1889.

[4]) Лѣтопись историко-филологическаго общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ. II. Византійское отдѣленіе, 1, Одесса 1892, 255—270.

[5]) Посвятившаго статьѣ особую замѣтку въ *Ж. М. Н. П.*, 1893, I, 179—185.

эта Ирина, вдова Андроника младшаго, А. И. въ своемъ возраженіи [1]) вопросъ объ этой Иринѣ оставляетъ открытымъ и категорически рѣшаетъ другой важный вопросъ—о времени другого монаха Іакова, автора Гомилій, посвященныхъ жизни Богородицы, украшенныхъ миніатюрами, извѣстныхъ въ двухъ спискахъ XI—XII в.: Парижской Націон. Библ. № 1208 и Ватиканской № 1162; по словамъ автора «ближайшее обслѣдованіе Іоанна Евбейскаго даетъ ему возможность пріурочить Гомиліи Іакова съ достовѣрностью къ VIII—IX вѣку. Будетъ-ли это обязательно для Іакова, автора всѣхъ писемъ рукописи № 3039—это другой вопросъ» (262).

Въ статьѣ «Чудесныя статуи Константинополя» [2]) авторъ трактуетъ о происхожденіи статуи судьбы Константинополя и на основаніи различныхъ литературныхъ свидѣтельствъ о другихъ чудесныхъ статуяхъ Константинополя.

Полная интереса и важности—статья А. И. Кирпичникова, спеціально посвященная тому вопросу, который имъ такъ часто затрагивается въ другихъ статьяхъ и очеркахъ—«Взаимодѣйствіе иконописи и словесности народной и книжной» [3])

«Ясно, говоритъ Александръ Ивановичъ, что полное и всестороннее изслѣдованіе общаго вопроса о взаимодѣйствіи иконописи и словесности, при тѣхъ существенныхъ пробѣлахъ, которыми пока страдаетъ и исторія христіанскаго искусства, и исторія средневѣковой поэзіи, въ настоящее время немыслимо. Но теперь въ самый разгаръ зиждительной работы въ этихъ областяхъ, возможно и желательно сговориться относительно его рамокъ, попытаться установить нѣкоторыя общія положенія и привести нѣсколько характерныхъ примѣровъ различныхъ видовъ этого взаимодѣйствія. Намѣченныя задачи и выполнены авторомъ съ обычной ясностью и съ строгой обоснованностью—положеній фактами. Исходя именно изъ фактовъ, онъ доказываетъ, что иконографія служитъ посредствующимъ звеномъ между письменностью съ одной стороны и народной поэзіей съ другой. «Наука нашего времени, говоритъ онъ въ заключеніи статьи, справедливо гордится своими успѣхами, которыми она обязана между прочимъ строгой спеціализаціи. Спеціализація—дѣйствительно, прекрасное дѣло; только она одна даетъ возможность подбирать съ такой скоростью и

[1]) «О письмахъ монаха Іакова»—въ Ж. М. Н. П., 1893, III, 261—262.

[2]) *Лѣтопись историко-филологическаго Общества при Импер. Новорос. унив.* Византійское отдѣленіе, 2, отд. оттис. Одесса. 1893, стр. 1—27.

[3]) *Труды VIII археол. съѣзда въ Москвѣ 1890 г.*; т. I, М. 1895, стр. 213—229.

отчетливостью въ работѣ цѣнный научный матеріалъ. Но чтобы воспользоваться этимъ матеріаломъ, чтобы обобщить его, привести въ систему и сдѣлать доступнымъ всѣмъ, кто интересуется успѣхами историческихъ наукъ, необходимо почаще заглядывать въ чужія, но сродныя области».

Помимо научной обработки собираемаго матеріала А. И. Кирпичниковъ посвящалъ свои труды и критическому разбору новыхъ, выходящихъ въ свѣтъ сочиненій и по исторіи и археологіи искусствъ и популярнымъ очеркамъ изъ этой области.

Изъ статей критическаго характера назовемъ: 1) отзывъ [1]) на изслѣдованіе С. Соловьева (Историко-литературные этюды. Къ легендамъ объ Іудѣ предателѣ, в. I, Харьковъ. 1895), въ которомъ онъ отмѣчаетъ съ удовольствіемъ внимательное пользованіе авторомъ иконографическими данными въ поясненіе литературныхъ; 2) на книгу Диля [2]) (Diehl, L'art byzantine dans l'Italie meridional. Paris. 1894) и 3) на книги Тиккапена [3]) (Tikkanen, Psalterillustration im Mittelalter. I—III. Helsingfors, 1895—1900), на рядъ мелкихъ рецензій въ «Археологическихъ извѣстіяхъ и замѣткахъ» [4])

Критическія статьи проф. Кирпичникова—также весьма интересны и поучительны, и свидѣтельствуютъ объ его постоянныхъ интересахъ и вниманіи къ научной литературѣ христіанской археологіи, дисциплинѣ, близкой къ кругу его работъ по средневѣковой литературѣ. Въ этихъ статьяхъ много вѣскихъ и важныхъ критическихъ замѣчаній, дополненій. Въ этомъ отношеніи особенно интересны его критическія замѣчанія на изслѣдованіе Тикканена о псалтыряхъ. Такъ, весьма интересно и вполнѣ справедливо его замѣчаніе что «болѣе подробное обозрѣніе нашихъ лицевыхъ псалтырей должно не только дополнить, но и видоизмѣнить систему и выводы Тикканена» (*«В. В.»*, VII, 465).

Укажемъ еще на нѣсколько цѣнныхъ некрологовъ, написанныхъ А. И. по поводу смерти ученыхъ, работавшихъ въ области христіанской археологіи. Въ этихъ некрологахъ цѣнна не только справедливая оцѣнка трудовъ покойныхъ, но и ихъ характеристика, какъ людей, преподавателей, товарищей. Въ этомъ отношеніи особенно выдѣляются некрологи проф. Н. Ѳ. Красносельцева и Филимонова.

Александръ Ивановичъ справедливо въ некрологѣ Н. Ѳ. Красносельцева [5]) указываетъ неправильность постановки преподаванія исторіи

---

1) *Зап. Имп. Новор. Унив.*, 1896.
2) *Визан. Врем.*, № 4. 1895.
3) *Визант. Врем.* III т. (1896) 662—670; VII (1900) 460—465, IX (1902), 506—512.
4) VI (1898), 36—38, 79, 326—327.
5) Археол. изв. и зам. VI, (1898), 329—339; см. 331.

искусства въ нашихъ университетахъ по уставу 1884 г. и совершенно также справедливо отмѣчаетъ, какъ важно и необходимо чтеніе для студентовъ курсовъ по древне-христіанскому, византійскому и вообще средневѣковому искусствамъ: безъ этихъ курсовъ не возможна подготовка работниковъ для изслѣдованія искусства русскаго и отечественныхъ древностей.

Теплотой, сердечной мягкостью проникнута характеристика этого замѣчательнаго подвижника науки, скромнаго, добрѣйшаго человѣка Николая Ѳомича; тѣмъ же чувствомъ согрѣтъ и некрологъ—воспоминанія о Г. Д. Филимоновѣ, [1]) одномъ изъ выдающихся русскихъ археологовъ, положившихъ наряду съ Ѳ. И. Буслаевымъ, гр. А. С. Уваровымъ и др.— основаніе русской археологіи — въ такихъ трудахъ, какъ «Церковь св. Николая на Липнѣ близь Новгорода», «Окладъ Мстиславова Евангелія» и др.

Весьма характерно для самого Александра Ивановича обращеніе имъ вниманія на тѣ слова Филимонова, которыя онъ сказалъ ему въ отвѣтъ на вопросъ «какъ Вы мнѣ довѣряете такія вещи? (двѣ рѣдкихъ старопечатныхъ книги)—Э, дорогой мой, если мы, занимающіеся люди, которыхъ такъ мало въ Россіи, не будемъ довѣрять другъ другу, намъ и жить нельзя будетъ».

Слова Г. Д. разсказываетъ Александръ Ивановичъ—врѣзались мнѣ въ память, какъ одно изъ тѣхъ motto, которыми добрые учителя снабжаютъ учениковъ своихъ на прощанье, и когда, во время моей доцентской и профессорской службы, студентъ или молодой кандидатъ просилъ у меня казенную или мою, особенно мнѣ нужную книгу, или когда въ иномъ случаѣ у меня возникало сомнѣніе, слѣдуетъ ли оказать довѣріе или нѣтъ, я всегда вспоминалъ Георгія Дмитріевича, слѣдовалъ его изреченію и примѣру и почти никогда не раскаивался» (367).

Изъ популярныхъ статей назовемъ: 1) «Древне-христіанскія катакомбы» [2]), въ которой авторъ на основаніи извѣстнаго сочиненія Шультце описываетъ архитектурныя формы катакомбъ, способы ихъ росписи и барельефы саркофаговъ и т. п.; 2) Рафаэль Санціо», [3]) біографическій очеркъ, написанный по поводу 400 лѣтняго юбилея знаменитаго живописца эпохи возрожденія.

Сознавая отлично, какъ важно для полученія полнаго представленія о культурѣ извѣстнаго народа въ извѣстныя эпохи—знакомство съ памятниками искусствъ тѣхъ-же эпохъ —Александръ Ивановичъ—въ виду того,

[1]) *Археол. изв. и замѣтки*, VII, 360—368.
[2]) *Истор. Вѣст;* 1883. №10, 407—430.
[3]) *Русская Мысль*, 1883, №7, 140—160.

что каѳедра исторіи искусствъ была свободна въ Харьковскомъ Университетѣ, а равно въ Новоросійскомъ, (послѣ перехода акад. Н. П. Кондакова въ С.Петербургъ), читалъ и въ томъ, и въ другомъ университетѣ курсы по исторіи искусства. Мы имѣли возможность ознакомиться съ его литографированными лекціями — двухъ курсовъ «Исторіи итальянскаго искусства въ эпоху Возрожденія» и «Исторіи русскаго искусства», читанныхъ первый въ 188²/з ак. г., [1]) и второй въ 188³/4 г. Лекціи отличаются обычными достоинствами, присущими и его устнымъ лекціямъ: живое, увлекательное изложеніе—простое, безыскусственное, съ мѣткими характеристиками, введеніе въ глубину вопроса, освѣщеніе его фактами, яркими примѣрами.

Въ первомъ курсѣ проф. Кирпичниковъ совершенно основательно предпосылаетъ введеніе—о начальной эпохѣ итальянской живописи, о вліяніи Византіи. Въ краткихъ, но мѣткихъ характеристикахъ проходитъ предъ слушателями исторія постепеннаго развитія итальянской живописи въ лицѣ ея представителей: Чимабуэ, Дуччіо да Буонинсеньи, Джіотто, фра-Беато Анджелико, и далѣе уже эпохи Возрожденія: Мазаччіо, Филиппо-Липпи, Сандро Боттичелли и др.

Какъ ни кратокъ курсъ самъ-по себѣ, но въ связи съ общимъ курсомъ исторіи литературы этой же эпохи — онъ является весьма существеннымъ и поучительнымъ, и можетъ возбудить интересъ къ дальнѣйшему знакомству съ той областью человѣческаго творчества, которая особенно характерна для исторіи культуры.

Еще большее значеніе могъ имѣть, и несомнѣнно имѣлъ, второй курсъ.

Исторія русскаго искусства и въ настоящее время еще предметъ давно желанный, давно ожидаемый, какъ въ научной литературѣ, такъ и среди курсовъ, читаемыхъ студентамъ историко-филологическаго факультета. Отсутствіе курса исторіи русскаго искусства объясняется малой разработанностью матеріала для этой исторіи, почти полнымъ отсутствіемъ отдѣльныхъ монографій, посвященныхъ тому или иному отдѣлу изъ обширной области ея. Однако и при данныхъ условіяхъ необходима подготовка работниковъ для разработки ея; необходимо знакомить съ этой исторіей и при не достаточныхъ матеріалахъ, и при маломъ изученіи ихъ. И, очевидно, исходя изъ этой благой мысли, Александръ Ивановичъ знакомилъ своихъ слушателей съ исторіей русскаго искусства. Небольшой, краткій курсъ его, посвященный этой исторіи—представляетъ собою резюмэ того, что

[1]) Въ этомъ же году для студентовъ 3 и 4 курса онъ читалъ «Литература и искусство въ первые вѣка христіанства».

можно было сказать на основанiи научной литературы, бывшей въ то время. Слушателямъ намѣчаются отдѣльные, выдающiеся моменты въ исторiи русскаго искусства, даются изъ характеристики и лишь бѣгло указываются памятники. Самыя характеристики моментовъ съ указанiемъ въ связи на памятники изъ другихъ областей культуры—весьма интересны и способны, повторяемъ, заинтересовать слушателей для болѣе глубокаго изученiя памятниковъ, и быть можетъ для самостоятельной разработки ихъ.

Александръ Ивановичъ и въ данномъ курсѣ обращаетъ должное вниманiе на значенiе и роль Византiи въ развитiи нашего искусства и на значенiе Византiи въ общей исторiи человѣчества. «Какъ извѣстно, говоритъ онъ (10), слово византiйщина, начиная съ 30-хъ годовъ, получило въ нашей исторiи и публицистикѣ неприглядное значенiе: византiйщина въ наукѣ—синонимъ крайней односторонней церковности... иные въ томъ-же смыслѣ употребляютъ это слово и до сихъ поръ и отчасти они правы, но только отчасти. Византiйская традицiя, противупоставленная на Руси въ 17 в. всему богатству западно-европейской культуры, немного найдетъ себѣ защитниковъ; но Византiя въ X вѣкѣ да и въ послѣдующiя столѣтiя играла иную роль; она несла съ честью великую обязанность служить хранительницею сокровищъ, завѣщанныхъ древностью и эпохой отцовъ церкви. Тогда византiйщина значила не обскурантизмъ, а просвѣщенiе, не рабство мысли, а свободу ея, искусство византiйское было въ это время единственнымъ въ мiрѣ искусствомъ» и т. п.

Мы отлично можемъ понять влiянiе подобныхъ курсовъ на слушателей, когда эти курсы читаются имъ, и при томъ съ истиннымъ увлеченiемъ, какъ курсы спецiальные, не вставленные въ рамки обязательныхъ по программѣ испытательныхъ комиссiй. И подобные курсы въ 80-хъ годахъ, какъ можно судить по воспоминанiямъ проф. Л. Ю. Шепелевича [1]), въ Харьковскомъ университетѣ, имѣли дѣйствительно большой успѣхъ. «Начало восьмидесятыхъ годовъ, говоритъ проф. Шепелевичъ, было прекраснымъ перiодомъ жизни русскихъ, въ частности Харьковскаго, университетовъ. Не смотря на частыя волненiя студентовъ, не имѣвшiя политическаго характера въ Харьковѣ, студенты учились много и охотно. Особенно благопрiятенъ былъ этотъ перiодъ для историко-филологическаго факультета. Студентовъ числилось вдвое болѣе, чѣмъ въ настоящее время, при томъ контингентъ ихъ былъ весьма хорошъ. Лекцiями увлекались и ими интересовались, такъ какъ профессора, не связанные программами, читали курсы, особенно для нихъ самихъ интересные и нерѣдко сами увлекались».

---

[1]) Ж. М. Н. П., 1903, X, 83. (некрологъ).

Мы обозрѣли вкратцѣ труды Александра Ивановича въ той области, которая не составляла его прямой спеціальности. Мы видѣли, что и для этой области имъ сдѣлано весьма много, что и здѣсь имъ оставленъ глубокій слѣдъ его ученой пытливости, его неослабной энергіи, его трудолюбія, его стремленія—послужить своими силами, знаніями наукѣ, просвѣщенію.

Добрымъ словомъ будетъ помянутъ проф. А. И. Кирпичниковъ въ исторіи русскаго просвѣщенія и за свои научные труды и за свою общественно-просвѣтительную дѣятельность; добрымъ словомъ онъ будетъ помянутъ своими многочисленными учениками и всѣми тѣми, съ кѣмъ онъ былъ близокъ, кто получилъ отъ его высокогуманной, возвышенной личности, отъ его доброй, прекрасной души много того добраго и прекраснаго, что никогда не забывается...

Е. Рѣдинъ.

X.

Памяти проф. Александра Ивановича Кирпичникова.

25 сентября 1885 г., около 11 часовъ дня, въ верхнемъ корридорѣ Новороссійскаго университета, около аудиторіи № 7, было большое оживленіе. У дверей толпились студенты всѣхъ факультетовъ, и каждый изъ нихъ стремился проникнуть въ аудиторію, гдѣ, однако, мѣстъ уже не было: тамъ всюду уже сидѣли и стояли болѣе аккуратные, явившіеся раньше... Такое рѣдкое и необычайное рвеніе у студентовъ—попасть на лекцію въ означенную аудиторію—объяснилось тѣмъ, что въ ней предстояла не обычная, чередная лекція какого-либо изъ профессоровъ, а *вступительная лекція* только что переведеннаго въ Одессу новаго профессора—А. И. Кирпичникова. Къ моменту начала лекціи явились чины инспекціи и вняли просьбѣ толпившихся—отвести для лекціи болѣе обширное помѣщеніе. Былъ открытъ актовый залъ, который къ 20 минутамъ 12-го часа былъ совершенно полонъ. Прошло нѣсколько моментовъ, и въ залъ, въ сопровожденіи почти всѣхъ профессоровъ университета, вошелъ тотъ, чью первую лекцію такъ жаждали услышать тогдашніе студенты Новороссійскаго университета... Среди глубокой тишины раздался мягкій голосъ лектора, изъ устъ котораго полилась простая, безыскусственная рѣчь на тему о *методахъ изученія литературныхъ памятниковъ*... Здѣсь не было напыщенныхъ фразъ, въ каждомъ оборотѣ былъ виденъ мастеръ своего дѣла, все было продумано, выражено образно и умѣло... Вниманіе слушателей росло съ каждымъ мгновеніемъ... Лекція близится къ концу... «Въ заключеніе», говоритъ лекторъ, «позволю себѣ нѣсколько словъ pro domo sua», и въ этихъ заключительныхъ словахъ просто, сердечно—раздается привѣтъ будущимъ постояннымъ слушателямъ курсовъ по всеобщей литературѣ, т. е. по преимуществу—студентамъ-филологамъ, а вмѣстѣ и приглашеніе къ работѣ. Каждый, кто слышалъ эти заключительныя слова, понялъ, что сказаны они искренно, отъ сердца... «Я прошу всѣхъ, кто пожелаетъ получить какое-либо указаніе, разъясненіе или совѣтъ, прямо обращаться ко мнѣ:

по субботамъ отъ 6 часовъ я для студентовъ всегда дома, и въ это время съ каждымъ изъ нихъ съ удовольствіемъ потолкую по научнымъ вопросамъ»...

Впечатлѣніе отъ этой лекціи, покрытой громомъ аплодисментовъ, не поддается описанію: въ ней все для слушателей было необычно, неслыханно и ново... На другой же день начались очередныя лекціи А. И. (по росписанію); на нихъ также стекались слушатели толпами, каждое слово лектора ловилось съ жадностью... Являлась масса вопросовъ, хотѣлось на нихъ получить разъясненіе, но никто не рѣшался послѣдовать приглашенію профессора и отправиться къ нему на домъ: всѣмъ было извѣстно, какъ много онъ работаетъ,—и безпокоить его не хотѣлось. Такъ прошло около мѣсяца, наконецъ, на одной изъ лекцій зашелъ разговоръ о томъ, какъ слѣдуетъ читать и разбирать произведенія русской литературы, а также и о томъ, какъ должно относиться къ отдѣльнымъ положеніямъ Бѣлинскаго. Разговоръ въ аудиторіи не окончился (помѣшалъ звонокъ), и мы толпой пошли провожать профессора по корридору, но все-таки всѣхъ вопросовъ не выяснили... «Знаете ли, господа, сегодня суббота,—приходите-ка всѣ, кто пожелаетъ, ко мнѣ въ 6 часовъ, и мы тогда потолкуемъ по этому поводу, а теперь мы всѣ заняты... Я буду ждать»... Отказаться отъ столь лестнаго приглашенія,—устоять предъ соблазномъ побывать *на дому* у профессора, да еще такого извѣстнаго ученаго,—могли не многіе; мы потолковали, а вечеромъ цѣлой толпой (все студенты-филологи) явились въ кабинетъ А. И... Естественное смущеніе наше продолжалось не долго; простота обращенія, ласковость и мягкость хозяина—сдѣлали свое дѣло... Бесѣда пошла непринужденно, посыпались вопросы,—и въ результатѣ появилось рѣшеніе *еженедѣльно по субботамъ собираться* въ кабинетѣ хозяина для совмѣстнаго чтенія Бѣлинскаго... Собранія эти начались со слѣдующей же недѣли и пошли такъ живо, а главное, съ громадной для всѣхъ насъ пользой, такъ какъ только во время этихъ собраній мы увидѣли, какъ мало всѣ мы знаемъ, какъ неумѣло всѣ мы читали, какъ много нужно работать... Каждое прочитанное положеніе вызывало массу споровъ. А. И. давалъ всѣмъ высказываться, но руководилъ спорами и дѣлалъ такія замѣчанія и указанія, что вопросъ окончательно выяснялся. Въ своей богатой библіотекѣ онъ находилъ всегда массу книгъ, которыя слѣдовало бы намъ почитать. Мы съ жадностью накидывались на нихъ, брали книги домой... и понемногу начинали работать... Съ теченіемъ времени отношенія у насъ съ А. И. дѣлались все проще и мало помалу перешли въ чисто дружескія... Мы перестали стѣсняться его,

такъ какъ онъ ни на минуту не удерживалъ насъ въ почтительномъ отдаленіи отъ себя; мы все больше и больше уважали и любили его, такъ какъ въ каждомъ словѣ его всегда было безконечно много ласки и сердечности... Мы въ немъ видѣли *учителя* въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ на каждомъ шагу встрѣчали въ немъ полную готовность помочь намъ словомъ и дѣломъ во всѣхъ нашихъ бѣдахъ... Вотъ почему каждый изъ насъ смѣло сталъ обращаться къ А. И. по всѣмъ дѣламъ... Кто-бы такъ просто, безъ рѣшенія вопроса о личной выгодѣ, отправился бы хлопотать о предоставленіи кому-либо изъ насъ урока, кто-бы такъ охотно изъ собственнаго кармана безъ шума и крика —далъ-бы бѣдняку-студенту заплатить за квартиру? А. И. все дѣлалъ, мы всѣ это знали, и онъ скоро сталъ любимымъ и самымъ уважаемымъ профессоромъ—для студентовъ всѣхъ факультетовъ. А. И. читалъ лекціи въ пользу студентовъ, онъ хлопоталъ по дѣламъ устройства студенческихъ баловъ, безъ А. И. не могъ состояться ни одинъ университетскій праздникъ... Я не могу, конечно, перечислить всѣхъ отдѣльныхъ случаевъ, когда А. И. являлся въ жизни университета иниціаторомъ и руководителемъ всего, что могло клониться на пользу студентовъ, на пользу одесскаго общества... Установившіяся сразу у А. И. со студентами отношенія продолжались изъ года въ годъ; выпускъ смѣнялъ выпускъ, а А. И. оставался все тотъ-же... Студенты выходили въ жизнь, шли на самостоятельную работу, но связей съ А. И. не порывали; всякій искалъ случая и возможности повидаться съ нимъ, а онъ каждаго встрѣчалъ по прежнему привѣтливо и ласково. Куда-бы судьба ни заносила бывшаго слушателя А. И.,—онъ не забывалъ его, и стоило лишь кому-либо изъ глухой провинціи обратиться къ А. И. съ какой нибудь просьбой, какъ онъ сейчасъ-же дѣлалъ все возможное, чтобы исполнить ее. Я знаю случай, когда покойный хлопоталъ даже и не о своихъ ученикахъ, а просто о людяхъ, которые не были ему извѣстны, но были въ бѣдѣ и нуждались въ помощи... Мнѣ извѣстенъ фактъ (и не одинъ), когда А. И. своимъ вліяніемъ спасъ юношу отъ большой бѣды, грозившей ему за необдуманный проступокъ... Юноша этотъ былъ *незнакомъ* А. И.: онъ помогалъ *человѣку, который нуждался въ поддержкѣ*... Я помню случай, когда А. И. *добился* возстановленія правъ цѣлой группы студентовъ, которые въ противномъ случаѣ на всегда-бы погибли... Тогдашній одесскій генералъ-губернаторъ Х. Х. Роопъ не могъ не согласиться со справедливостью доводовъ гумманнаго профессора-идеалиста... Я много подобныхъ фактовъ знаю, да и другіе ихъ знаютъ... Думаю, смѣло можно сказать, что никто другой ничего подобнаго-бы не сдѣлалъ; всѣ стали-бы

говорить *о себѣ*, а А. И. думалъ *о другихъ*... Онъ никогда не задавалъ себѣ вопроса, что тотъ или иной его шагъ въ пользу *другихъ* можетъ быть *вреденъ ему*: его просили, и онъ дѣлалъ, такъ какъ постоянно имъ повторявшаяся фраза—«*помогайте всѣмъ, кому можете помочь*»—исходила у него отъ чистаго сердца, была его лозунгомъ...

Удивительно ли послѣ этого, что популярность А. И. росла и въ одесскомъ обществѣ... Онъ сталъ въ Одессѣ центромъ, вокругъ котораго группировались всѣ одесскія интеллигентныя силы; къ нему шли всѣ, кто хотѣлъ послужить на пользу народнаго просвѣщенія, къ нему обращались представители благотворительныхъ обществъ съ просьбой о содѣйствіи и поддержкѣ... Сколько это все доставляло А. И. хлопотъ— извѣстно лишь самымъ близкимъ его, но самъ онъ *никогда не жаловался*... Онъ хлопоталъ, и дѣло, за которое онъ брался, давало прекрасные результаты: оно пышно развивалось на общую пользу.

Такъ хлопотливо, въ трудахъ для студентовъ, въ заботахъ о помощи окружающимъ, А. И. прожилъ въ Одессѣ 11 лѣтъ... Много сдѣлано имъ въ теченіе ихъ для Одессы, и періодъ его пребыванія въ нашемъ городѣ—будетъ историкомъ Одессы отмѣченъ, какъ одинъ изъ блестящихъ періодовъ ея жизни... Съ переѣздомъ А. И. въ Москву, всѣ учрежденія, въ которыхъ онъ работалъ, не остались безъ его руководства и наставленій... Къ нему по прежнему обращались съ запросами, на которые отвѣты получались скорые и по прежнему доброжелательные... У меня хранится много писемъ покойнаго (ихъ публиковать еще не пришло время), изъ которыхъ ясно видно, какъ онъ интересовался нашими одесскими просвѣтительными учрежденіями и какъ скорбѣлъ по поводу каждой неудачи въ дѣлѣ, предпринятомъ на пользу общества... Онъ всегда жилъ чужимъ горемъ, онъ ему сочувствовалъ, онъ радовался чужому успѣху, *не завидуя ему*... Много-ли мы знаемъ такихъ людей?

Свѣжесть впечатлѣнія отъ понесенной горькой, невознаградимой утраты —мѣшаетъ писать подробный очеркъ жизни и дѣятельности покойнаго... Слишкомъ много онъ дѣлалъ и сдѣлалъ, чтобы въ торопливыхъ строкахъ можно было охарактеризовать его подробно и детально... Это должно быть сдѣлано со временемъ; о многомъ можно лишь будетъ говорить, когда невольныя слезы не будутъ застилать глаза, когда сердце свыкнется съ мыслью, что уже нѣтъ среди насъ того, кого привыкъ любить съ раннихъ лѣтъ юности, къ кому привыкъ обращаться по поводу всего, что волновало душу, что тревожило и пугало... Горько, тяжко! Еще такъ недавно я получилъ отъ покойнаго письмо (помѣчено 22 апрѣля); письмо это полно обычной ласки, теплоты и любви; много въ

немъ надеждъ и обычныхъ упованій, но вмѣстѣ проглянула въ немъ и мысль о близкой кончинѣ: «*Вѣрьте мнѣ, что я исполню это, если внезапно не умру...*» писалъ мнѣ А. И. въ послѣднемъ своемъ письмѣ— *по чужому ему дѣлу...* «*Послѣ 1 мая я ѣду въ имѣніе и тогда напишу вамъ...*»—Послѣ перваго мая онъ, уѣхалъ дѣйствительно, но уѣхалъ отъ насъ *навсегда...*

Въ чемъ-же искать утѣшенія? Въ чемъ можетъ для себя находить облегченіе горячо любимая имъ и горячо любившая его—достойная семья его, нынѣ осиротѣвшая? Въ чемъ можемъ отыскать успокоеніе мы всѣ— его ученики, всѣ столь многимъ ему обязанные? Неужели ничто насъ не утѣшитъ? Чистая, незлобивая, благородная душа дорогого нашего учителя нынѣ пребываетъ тамъ, въ «селеніяхъ вышнихъ», она причастной стала вѣчному источнику добра и свѣта; она «стезей правильной» совершила путь свой временный и нашла успокоеніе у престола Вѣчнаго Судьи! Намъ-же не забыть А. И. Кирпичникова, пока мы живы будемъ, не забыть его примѣровъ, его дѣлъ, его словъ!

Воспоминаніе о немъ не умретъ ни въ комъ, кто хоть разъ встрѣчался съ нимъ, не умретъ его добрый примѣръ... Не можетъ быть, чтобы такой человѣкъ не оказалъ благотворнаго вліянія на окружавшихъ его, изъ которыхъ многіе не всегда понимали, что жизнь намъ дана не для соблюденія лишь личныхъ интересовъ, не для мелкихъ дрязгъ и интригъ... Будемъ вѣрить въ это и въ этой вѣрѣ будемъ искать себѣ утѣшенія! («Одесск. Лист».).

М. Попруженко.

3 мая 1903 года.

XI.

Памяти А. И. Кирпичникова.

Научные труды покойнаго А. И. Кирпичникова, его дѣятельность на пользу русскаго просвѣщенія столь плодотворны и такъ важны, что имъ въ исторіи нашей науки будетъ отведено одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ. Все, что сдѣлано покойнымъ ученымъ, такъ серіозно и точно обосновано, а также отличается такимъ богатствомъ матеріала, что всѣ труды его явятся необходимымъ руководствомъ для тѣхъ, кто станетъ работать въ области изученія русской и иностранныхъ литературъ. Перечень сочиненій А. И., данный въ статьѣ Д. Языкова [1], ясно свидѣтельствуетъ о разносторонности и многообразіи вопросовъ, которые интересовали покойнаго; каждое указанное здѣсь сочиненіе отличается высокими учеными достоинствами, а вмѣстѣ съ тѣмъ обладаетъ и довольно рѣдкими у нашихъ ученыхъ качествами—ясностью изложенія, живымъ и образнымъ языкомъ. Каждую статью А. И. можно читать съ громадной пользой и большимъ удовольствіемъ; изъ нея всякій многому научится, не ломая головы своей надъ глубокомысленными и запутанными оборотами, подъ которыми многіе наши «ученые» скрываютъ свою напускную ученость...

Такія высокія качества изложенія мыслей были обычнымъ свойствомъ А. И.: такъ онъ писалъ, такъ онъ читалъ и съ каѳедры профессорской, не иначе имъ произносились и многочисленныя рѣчи и публичныя лекціи... Удивительно ли послѣ этого, что смерть А. И. Кирпичникова вызвала взрывъ самыхъ искреннихъ и сердечныхъ сожалѣній? Его оплакиваетъ всякій, кто знакомъ съ этимъ именемъ, а знакомы съ нимъ

---

[1]) «Историческій Вѣстникъ» 1903 г., № 6. Приведенный г. Языковымъ списокъ трудовъ А. И. довольно подробенъ, но все же его можно пополнить,—особенно газетными статьями покойнаго. Нѣкоторыя изъ этихъ статей указаны были Л. Ю. Шепелевичемъ въ «Запискахъ Харьковскаго университета» за 1897 годъ, № 1, а также мной въ статьѣ по поводу тридцатилѣтія А. И. Кирпичникова. Статья моя помѣщена въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1897 г., № 12.

всѣ интеллигентные русскіе люди, читавшіе наши журналы (общіе и спеціальные) за послѣднія 30 съ лишнимъ лѣтъ... Особенно же сильно должно быть горе тѣхъ, кто зналъ лично покойнаго ученаго... Привлекательный образъ А. И., высокогуманнаго, добраго и снисходительнаго къ чужимъ ошибкамъ, не изгладится изъ памяти всѣхъ, кто хоть разъ встрѣчался съ нимъ...

При первомъ же знакомствѣ съ Александромъ Ивановичемъ всякій невольно проникался чувствомъ искренней любви и уваженія къ нему за его всегдашнюю готовность помочь въ горѣ, научить въ бѣдѣ, поддержать и дать совѣтъ въ каждую трудную минуту... Я не сомнѣваюсь, что всѣ мои сверстники,—воспитанники Новороссійскаго университета въ періодъ съ 1885 года, когда въ Одессу пріѣхалъ въ качествѣ профессора А. И.,— не забыли и не забудутъ того значенія, которое имѣло для насъ общеніе съ незабвеннымъ профессоромъ, сразу широко распахнувшимъ дверь своего кабинета для всѣхъ, кто желалъ только стать ближе къ своему учителю... Въ бесѣдахъ со своими учениками А. И. не ограничивался лишь научными вопросами; онъ училъ не только разбору различныхъ памятниковъ литературныхъ, но обыкновенно затрогивалъ и темы общія, стремясь къ тому, чтобы какъ можно больше сообщить такихъ мыслей, которыя помогли бы другимъ стать болѣе добрыми, гуманными людьми... Онъ желалъ въ каждомъ, кто оказывался вблизи его,—пробудить сознаніе, «чтобъ къ лучшей жизни онъ шелъ»... Съ этой цѣлью онъ никогда не злословилъ ни о комъ, никогда ни объ одномъ изъ знакомыхъ не говорилъ дурно, но всегда стремился къ тому, чтобы для каждаго дурного поступка кого либо изъ людей, ему извѣстныхъ, найти извиненіе, подыскать мотивы, которые могли бы вызвать снихожденіе къ тому, кого окружающіе уже готовы заклеймить позоромъ или наказать презрѣніемъ.

Такое отношеніе къ людямъ у Александра Ивановича было обычнымъ, чему доказательствомъ можетъ служить одно его очень мало извѣстное литературное произведеніе.

Однажды мнѣ пришлось говорить съ Александромъ Ивановичемъ по поводу какого-то громкаго тогда преступленія; я не находилъ для преступника никакихъ оправданій и, что называется, металъ громы въ него. Александръ Ивановичъ напротивъ указывалъ на массу обстоятельствъ, которыя должны были, по его мнѣнію, быть приняты во вниманіе для смягченія судьбы провинившагося, который, какъ выразился А. И.,— «только несчастный человѣкъ, ставшій жертвой неблагопріятнаго стеченія случайностей, имѣющихъ въ нашей жизни громадное значеніе»...—

«Я,—сказалъ мнѣ тогда А. И.,—много думалъ надъ подобными вопросами и даже однажды попытался изложить ихъ въ беллетристическомъ произведенiи... Вѣдь я въ свое время написалъ повѣсть подъ заглавiемъ «Поздняя любовь».

Это произведенiе А. И. Кирпичникова, подписанное «А. Орловскiй» [1]), помѣщено было въ издававшемся въ Харьковѣ журналѣ «Миръ» [2]). Передамъ кратко содержанiе повѣсти «Поздняя любовь».

Губернскiй городъ О*** въ концѣ августа 187* года былъ взволнованъ необычайнымъ происшествiемъ: директоръ мѣстной гимназiи, статскiй совѣтникъ Терпигоревъ,—человѣкъ всѣми любимый и уважаемый, а также пользующiйся авторитетомъ въ обществѣ,—на бульварѣ при массѣ публики всадилъ въ грудь юнкера Шапошникова («одного изъ молодыхъ людей не перваго разбора») шпагу...

Этотъ фактъ довольно необычайнаго характера переволновалъ всѣхъ, кто зналъ преступника, и вызвалъ неодолимое желанiе присутствовать на судебномъ разбирательствѣ, которое произошло чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда между прочимъ совершенно оправился отъ полученной раны и Шапошниковъ. Описанiе разбора этого дѣла на судѣ авторъ отъ имени разсказчика оканчиваетъ такъ: «Совѣщанiе присяжныхъ продолжалось около часу. Терпигоревъ сидѣлъ, подперши голову рукою; его глаза были полузакрыты; его болѣзненное утомленiе, апатiя, какое-то отвращенiе ко всему на свѣтѣ, могли внушить, пожалуй, больше состраданiя, нежели обычное въ этихъ случаяхъ нервное возбужденiе... У меня мелькнула странная мысль: этотъ серiозный, немолодой уже человѣкъ, долго занимавшiй довольно важный постъ, показался мнѣ большимъ ребенкомъ, котораго изобидѣли люди, поставивъ его въ такое положенiе, что онъ долженъ былъ надѣлать глупостей»... Въ какое же положенiе былъ поставленъ герой происшествiя? На это авторъ отвѣчалъ подробнымъ изложенiемъ обстоятельствъ жизни Терпигорева, начиная съ ранняго его дѣтства. Въ общемъ получается впечатлѣнiе, что Терпигоревъ былъ очень хорошiй человѣкъ, отзывчивый, готовый всякому помочь, но неудачникъ... Онъ въ университетѣ выдавался своими занятiями и способностями, его оставили при университетѣ и готовили изъ него профессора, но обстоятельства сложились такъ, что онъ, обласканный въ

---

[1]) А. И. Кирпичниковъ былъ родомъ изъ города Мценска—Орловской губ.

[2]) «Миръ»—журналъ политическiй, литературный, ученый и экономическiй—издавался въ концѣ 1881 и въ началѣ 1882 г. подъ редакцiей А. П. Шимкова при издателѣ В. А Сыхра. А. И. Кирпичниковъ принималъ въ этомъ журналѣ дѣятельное участiе въ качествѣ редактора литературнаго отдѣла и составителя библiографiи. Повѣсть «Поздняя любовь» помѣщена въ книжкахъ журнала за октябрь и ноябрь 1881 года.

моментъ потери горячо любимой матери, одной простенькой дѣвушкой, не въ состояніи оказался уклониться отъ помощи ея большой семьѣ, потерявшей отца. Онъ изъ жалости женился на этой дѣвушкѣ, принялъ на себя заботы объ ея родныхъ и долженъ былъ, бросивъ приготовленіе къ каѳедрѣ, ѣхать въ провинцію, чтобы тамъ занять прилично оплачиваемое мѣсто сперва инспектора, а потомъ директора гимназіи.

Терпигоревъ добросовѣстно несъ всѣ свои обязанности: онъ заботился о братьяхъ и сестрахъ жены, онъ былъ прекраснымъ педагогомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и несчастнымъ человѣкомъ. Съ женой у него оказалось мало общаго; постоянныя же воспоминанія объ утраченной научной дѣятельности вызывали у него чувство раздраженія и въ результатѣ создали изъ него человѣка замкнутаго и скрытнаго. Не могло доставить ему утѣхи и провинціальное общество, чуждое возвышенныхъ интересовъ. Такъ печально, тускло и сѣро по волѣ судьбы текла жизнь этого недюжиннаго человѣка; въ ней не было ни малѣйшаго свѣтлаго луча, пока Терпигоревъ не встрѣтился съ одной замѣчательной дѣвушкой; она была образована, много читала, а потому всегда являлась желанной собесѣдницей для нашего героя. Онъ ее полюбилъ, но не желалъ разрывомъ погубить свою семью: онъ искалъ честнаго выхода изъ своего тяжелаго положенія.

Во время этихъ внутреннихъ волненій, этой тягостной борьбы, онъ сталъ подвергаться насмѣшкамъ ничтожнаго юнкера Шапошникова, отвергнутаго любимой Терпигоревымъ дѣвушкой. Въ роковой августовскій вечеръ названный юнкеръ увидѣлъ на бульварѣ эту дѣвушку съ Терпигоревымъ и позволилъ себѣ по ихъ адресу рядъ грубыхъ, циничныхъ выходокъ. Терпигоревъ проводилъ до дому свою даму, вернулся на бульваръ, и тутъ произошла извѣстная уже намъ развязка. Присяжные оправдали Терпигорева. Семья его отъ него уѣхала, но онъ ее усердно поддерживалъ, переселившись въ Петербургъ и живя литературнымъ трудомъ, благодаря которому скоро пріобрѣлъ себѣ почетное имя. Съ любимой дѣвушкой онъ переписывался (она осталась въ О***), онъ ее любилъ попрежнему; смерть жены, болѣвшей нѣсколько лѣтъ, позволила Терпигореву окончить бракомъ свою «позднюю любовь». Детальное описаніе характера Терпигорева, сдѣланное авторомъ намѣренно подробно, дѣйствительно вызываетъ у читателя объ этомъ случайномъ преступникѣ представленіе, какъ о человѣкѣ несчастномъ: къ нему невольно проникаешься чувствомъ сожалѣнія, и въ результатѣ вмѣстѣ съ авторомъ не рѣшаешься судить его строго. Человѣкъ провинился—это правда, но что было причиной этой вины? Терпигоревъ—преступникъ, но человѣкъ не

испорченный: онъ имѣлъ самые лучшіе задатки, но «обстоятельства», «цѣлый рядъ случайностей» заставили его рѣшиться на роковой поступокъ. Его не только можно, но даже должно пожалѣть и, понявъ все, простить.

А. И. Кирпичниковъ, взявшись за перо для необычнаго ему рода литературнаго произведенія, именно и хотѣлъ показать это; въ его повѣсти, пожалуй, больше разсудочности и серіозности, чѣмъ обыкновенно это бываетъ въ подобныхъ произведеніяхъ, но она на читателя должна производить то впечатлѣніе, вызвать именно тѣ мысли объ отношеніи къ «несчастнымъ», «обиженнымъ людьми и судьбой», которыя желалъ распространять покойный Александръ Ивановичъ въ силу своей искренней и глубокой любви къ человѣку.

Русская наука со смертью А. И. Кирпичникова понесла невознаградимую утрату, все же русское общество, учащаяся молодежь въ особенности, потеряли въ немъ высокогуманнаго, просвѣщеннаго руководителя, учителя правды и добра... Онъ никогда не искалъ популярности, онъ добрыя дѣла дѣлалъ для другихъ, но не для себя, а потому слезы всѣхъ, кто зналъ его искренни... Пусть же память о немъ живетъ вѣчно въ русскомъ обществѣ, которое не можетъ не сознавать того, что сдѣлалъ для него А. И. Кирпичниковъ, этотъ замѣчательный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ. («Историческ. Вѣст.»).

М. Попруженко.

XII.

Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ.

Небольшая семья русскихъ византологовъ, безъ сомнѣнія, со скорбью узнала о смерти заслуженнаго профессора Московскаго университета А. И. Кирпичникова. Читатели «Византійскаго Временника» помнятъ рядъ обстоятельныхъ его рецензій, появляющихся періодически съ самаго перваго года изданія.

Многосторонняя, долгая ученая дѣятельность покойнаго профессора давала ему возможность здѣсь съ одинаковымъ авторитетомъ трактовать какъ о новыхъ трудахъ по византійской библіографіи, напр. Bibliotheca graeca medii aevi К. Саоы и Е. Леграна Bibliographie hellénique (т. II, 450), или описаніе греческихъ аоонскихъ рукописей Ламброса (т. IV, 184), такъ и о публикаціяхъ византійскихъ апокрифовъ, напр. о сборникахъ Аѳ. В. Васильева и Джемса (т. I, 180). Особенное же вниманіе онъ удѣлялъ изслѣдованіямъ византійскаго искусства въ области иконографіи и миніатюры. Къ послѣдней категоріи принадлежатъ отзывы его о трудахъ Диля L'art byzantin dans l'Italie meridionale (т. II, 666), и Тикканена Die Psalterillustration im Mittelalter, обѣ части котораго онъ разобралъ на страницахъ «Византійскаго Временника» (т. III, 662 и т. IV, 460).

Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ происходилъ изъ купеческой семьи, проживавшей въ городѣ Мценскѣ. Отецъ его торговалъ хлѣбомъ, имѣлъ гдѣ-то мельницу. Ранняя смерть мужа заставила его матушку ликвидировать дѣло, при чемъ на ея долю очистилась весьма скромная сумма. Женщина умная и чуткая къ требованіямъ времени, она задалась мыслью дать сыну хорошее образованіе. Съ этою цѣлью она переселилась въ Москву и опредѣлила сына въ Московскую 1-ую гимназію. Блестящія способности скоро выдвинули Кирпичникова въ первый рядъ учениковъ: весьма рано, на 17-мъ году онъ окончилъ курсъ съ золотой медалью и поступилъ на историко-филологическій факультетъ Московскаго университета. Здѣсь опредѣлились стремленія и симпатіи буду-

щаго ученаго, здѣсь же онъ нашелъ опытнаго руководителя въ лицѣ профессора Ѳедора Ивановича Буслаева, почитателемъ и другомъ котораго онъ остался на всю жизнь. Объ этомъ благотворномъ на себя вліяніи Ѳ. И. Буслаева Кирпичниковъ много разъ заявлялъ печатно въ своихъ статьяхъ: «Первый день въ университетѣ» (Истор. Вѣстникъ, 1897 г., кн. 8), «Идеальный профессоръ 60-хъ годовъ» (Сборникъ «Памяти Ѳ. И. Буслаева»), «Ѳ. И. Буслаевъ», біографическій очеркъ въ Словарѣ Венгерова. Послѣднюю статью А. И. писалъ заграницей, живя въ Мюнхенѣ и сообщилъ объ этомъ въ письмѣ къ самому Буслаеву съ такимъ характернымъ для себя замѣчаніемъ: «вдумываясь въ Вашу жизнь, я придумалъ много такого, что должно сдѣлать меня нѣсколько лучшимъ и болѣе полезнымъ человѣкомъ на оставшіеся мнѣ годы». Это не было только фразой: стремленіе къ усовершенствованію яркая черта его трудовой жизни.

По окончаніи университета А. И. поступаетъ преподавателемъ русскаго и латинскаго языковъ московскихъ гимназій, сначала 1-ой, потомъ 5-ой. Въ это время имъ составлено нѣсколько гимназическихъ руководствъ, частію въ сотрудничествѣ съ товарищемъ Ѳ. А. Гиляровымъ: изъ числа этихъ руководствъ «Этимологія» и «Синтаксисъ русскаго языка» досихъ поръ остаются одними изъ наиболѣе распространенныхъ въ средней школѣ.

Учительство не удовлетворяетъ способнаго юношу. Онъ стремится къ научной дѣятельности и хочетъ дополнить пробѣлы своего образованія. Сначала съ этой цѣлью онъ пользуется лѣтними вакаціями, ѣдетъ въ Гейдельбергъ, гдѣ слушаетъ лекціи; потомъ рѣшается совсѣмъ оставить службу въ гимназіи, ѣхать доканчивать образованіе и писать диссертацію заграницу. Въ этотъ періодъ Кирпичниковъ пробылъ заграницей почти два года, слушалъ лекціи въ Берлинѣ—у Мюллера (нѣмецкія нарѣчія), Тоблера (романскіе языки), Штейнталя (миѳологія), и Пипера (археологія), въ Вѣнѣ—у Шефера, Муссафіи и Миклошича и др. Одновременно работаетъ онъ надъ рукописями въ Вѣнѣ, Прагѣ и Берлинѣ. Возвращается А. И. съ готовой магистерской диссертаціей—«Поэмы Ломбардскаго цикла, опытъ сравнительнаго изученія западнаго и русскаго эпоса», напечатанной имъ въ Москвѣ въ 1873 г. Въ этомъ же году диссертація была принята въ Московскомъ университетѣ и успѣшно защищена, послѣ чего А. И. былъ избранъ доцентомъ по каѳедрѣ Всеобщей литературы въ Харьковскомъ университетѣ. Новый профессоръ скоро пріобрѣлъ симпатіи какъ слушателей, такъ и товарищей: напечаталъ нѣсколько журнальныхъ статей, преимущественно изъ области

западно-европейской литературы и особенно много работалъ надъ книгой «Греческіе романы въ новой литературѣ. Повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ» (Харьковъ 1876 г.).

Это былъ первый опытъ въ новой области, значеніе которой ему, историку средневѣковой западной литературы, было хорошо извѣстно, но которою еще не было времени до сихъ поръ основательно заняться. И вотъ, какъ много разъ и впослѣдствіи, А. И. выбираетъ отдѣльный вопросъ и, работая надъ нимъ, входитъ понемногу въ кругъ общихъ интересовъ, связанныхъ съ этой областью знанія. Изъ своего изслѣдованія А. И. готовилъ диссертацію и работалъ надъ нею около трехъ лѣтъ. Кромѣ изслѣдованія дошедшихъ до насъ шести греческихъ романовъ, К. собралъ здѣсь обширную библіографію изданій какъ самыхъ романовъ, такъ и ихъ западныхъ переводовъ и передѣлокъ, отчасти проникшихъ и въ русскую литературу. Затѣмъ особую главу посвятилъ вліянію греческаго романа на романъ новой Европы, а въ приложеніи пересказалъ содержаніе всѣхъ этихъ романовъ. Вторая часть изслѣдованія отведена разбору знаменитой аскетической повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ. Здѣсь К. вступаетъ въ область, близкую и древне-русской письменности. Разборомъ русскихъ рукописей и старопечатныхъ изданій онъ доказываетъ, что на Руси ходилъ не одинъ переводъ этой повѣсти, что переводы эти были сдѣланы съ разныхъ греческихъ редакцій—древнѣйшей и позднѣйшей. Какъ и въ первой части К. слѣдитъ за исторіей повѣсти также на западѣ, указываетъ и характеризуетъ важнѣйшіе переводы и передѣлки этой повѣсти. Въ заключительной главѣ—Іоасафъ и Будда, подвергнуто критической оцѣнкѣ мнѣніе Либрехта о буддійскомъ происхожденіи повѣсти и высказаны самостоятельныя соображенія о времени составленія повѣсти и ея авторѣ.

Къ несчастію, пребываніе почти безвыѣздно въ провинціальномъ, хотя и университетскомъ городѣ отразилось невыгодно на приготовленной диссертаціи: не было часто подъ руками нужныхъ пособій, остался неизвѣстнымъ важный рукописный матеріалъ, остались незамѣченными нѣкоторыя работы иностранцевъ по данному вопросу. Все это было отмѣчено критикой, и болѣзненно повліяло на впечатлительнаго докторанта. Онъ не сталъ передѣлывать диссертаціи, выбралъ новую тему и, чтобы вновь не заслужить тѣхъ же упрековъ, рѣшился оставить на время университетъ, ѣхать для занятій въ Петербургъ и заграницу. Плодомъ его ученой поѣздки была новая диссертація «Св. Георгій и Егорій Храбрый, изслѣдованіе литературной исторіи христіанской легенды». Спб., 1879 г.—за которую онъ получилъ степень доктора исторіи всеобщей

литературы отъ Петербургскаго университета. Тотъ же критикъ, который совѣтовалъ Кирпичникову передѣлать предыдущую книгу, объ этой далъ прекрасный отзывъ.

Послѣ блестящей защиты диссертаціи К. вновь былъ избранъ въ Харьковскій университетъ экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ исторіи всеобщей литературы, которую занималъ съ 1879 по 1884 годъ.

Въ этомъ году скоропостижно скончалась жена А. И-ча, и дальнѣйшее пребываніе въ Харьковѣ стало ему тяжело. Онъ переселяется на годъ въ Петербургъ и оттуда переходитъ въ 1885 году въ Новороссійскій университетъ профессоромъ по той-же каѳедрѣ. Пребываніе въ Одессѣ продлилось до 1898 г., когда К. выслужилъ свое 30-лѣтіе и перебрался въ Москву, куда всегда влекли его семейныя, и дружественныя научныя связи. Въ томъ же 1898 году онъ получилъ разрѣшеніе читать лекціи по исторіи русской литературы въ университетѣ и опредѣленъ хранителемъ отдѣленія доисторическихъ и христіанскихъ древностей въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ Музеяхъ, а въ слѣдующемъ году утвержденъ въ должности декана историко-филологическаго факультета. Въ послѣднее время съ 1 февраля 1903 года онъ былъ назначенъ помощникомъ ректора Московскаго университета, а въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ занялъ должность библіотекаря. Къ сожалѣнію, тяжкій недугъ уже подстерегалъ его... и почти скоропостижно онъ скончался 30 апрѣля.

Человѣкъ многосторонне образованный и трудолюбивый А. И. писалъ много и придавалъ художественную форму своимъ статьямъ даже по спеціальнымъ вопросамъ. Мы не будемъ перечислять здѣсь его работъ по западно-европейской и русской литературѣ, отмѣченныхъ уже въ обстоятельныхъ статьяхъ Д. Д. Языкова (Историческій Вѣстникъ, 1903 г., № 6, 1014) и проф. Л. Шепелевича (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1903 г., № 8) [1]), остановимся кратко только на занятіяхъ К. исторіей искусства, тѣсно связанныхъ у него съ изученіемъ Византіи.

Занятія свои исторіей искусства К. началъ въ 1882 году, во время своей заграничной поѣздки, и прибѣгъ къ тому же пріему, какъ и ранѣе, когда началъ изучать византійскую литературу, именно, по его словамъ, «рѣшился сразу спеціализироваться на извѣстномъ вопросѣ, гдѣ чувствовалъ себя болѣе или менѣе свободно. Такимъ вопросомъ онъ избралъ культъ Богоматери и его выраженіе въ поэзіи и искусствѣ. Первая статья, относящаяся къ этому вопросу, напечатана имъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1883 г. «Сказанія о житіи Дѣвы Маріи и ихъ выраженіе въ средневѣковомъ искусствѣ» кн. VII, стр. 16—66).

[1]) Эти статьи перепечатаны въ настоящемъ Сборникѣ.

Статья эта представляетъ разборъ двухъ нѣмецкихъ изслѣдованій даннаго вопроса—Альвина Шульца и А. Ф. Ленера, и результаты самостоятельныхъ изученій рукописныхъ миніатюръ Вѣнской придворной библіотеки. Разборъ этотъ убѣдилъ К., что «сдѣлать историко-литературные выводы изъ извѣстнаго въ заграничной печати миніатюрнаго и иконописнаго матеріала можно будетъ только тогда, когда будетъ собрано достаточно фактовъ изъ исторіи русской иконописи и миніатюры, въ связи съ письменностью».

Увлеченный этой идеей, А. И. представилъ въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности обширную программу изслѣдованія «О Дѣвѣ Маріи въ поэзіи и искусствѣ»; программа эта была одобрена Отдѣленіемъ по отзыву академика Ѳ. И. Буслаева, находившаго, что задачи, предложенныя профессоромъ Кирпичниковымъ для рѣшенія въ его монографіи, оказываются вполнѣ настоятельными, потому что онѣ могутъ повести къ открытію новыхъ и существенныхъ данныхъ, недоступныхъ западнымъ ученымъ, изъ византійско-русской старины, въ такой сохранности удержавшихся въ нашихъ иконописныхъ преданіяхъ даже до XVIII вѣка. (См. Записки Имп. Акад. Наукъ, т. 49, стр. 51, гдѣ напечатана и программа К., стр. 47). Изслѣдованіе это въ полномъ видѣ не было напечатано А. И., но нѣкоторые его части были имъ обработаны и появились въ видѣ монографій, или же прочитывались въ видѣ рефератовъ въ ученыхъ засѣданіяхъ. Къ числу первыхъ относятся: «Успеніе Богородицы въ легендѣ и въ искусствѣ» (Труды VI-го археологическаго съѣзда, т. II), «Этюды по иконографіи Рождества Христова» (Записки Имп. Рус. Археолог. Общества, т. VII), «Къ иконографіи Сошествія св. Духа» (Древности. Труды Московскаго Арх. Общества, т. XV, вып. 1). «Историческій разборъ иконописныхъ изображеній Богоматери» (Журн. Мин. Нар. Просв., 1897, кн. 7). «Деисусъ на Востокѣ и Западѣ и его литературныя параллели» (Тамъ-же, 1893 г., кн. 11). Но все-же большая часть изслѣдованія не появилась въ печати; насколько послѣднее должно было быть обширно, можно судить по тому, что А. И. считалъ первую свою статью «Сказаніе о житіи Дѣвы Маріи» только тридцатою частью всего изслѣдованія. Во всѣхъ этихъ статьяхъ, кромѣ метода сравнительнаго изученія иконографическихъ сюжетовъ Востока и Запада, проводится мысль о взаимной связи между памятниками искусства и литературными; подробно положеніе это было развито К. въ докладѣ на VIII археологическомъ съѣздѣ—Взаимодѣйствіе иконописи и словесности народной и книжной (Труды съѣзда, т. II).

Изъ числа другихъ трудовъ А. И. Кирпичникова въ области византійской литературы и искусства весьма цѣнны: Zur byzantinischen Miniaturmalerei (Byzant. Zeitschrift, B. IV, 1, s. 109—124), трактующій о миніатюрахъ парижскаго и ватиканскаго кодекса богородичныхъ гомилій монаха Іакова Коккиноваѳскаго, гдѣ авторъ приводитъ много исправленій къ описаніямъ этихъ миніатюръ у Кондакова и Бордье. «Чудесныя статуи въ Константинополѣ» (Лѣтопись Историко-филологическаго Общества при Новороссійскомъ университетѣ IV. Византійское Отдѣленіе II. Одесса, 1894, стр. 23—47). Это разборъ сочиненія Стржиговскаго die Tyche von Konstantinopel, причемъ рецензентъ приводитъ нѣкоторыя легенды, которыя находятся у Никиты Акомината, Анонима Бандури и позднѣйшихъ путешественниковъ и относятся къ византійскимъ статьямъ. «Новая византійская повѣсть въ древне-русской литературѣ» (Труды VII-го Археологическаго съѣзда, т. II, 1—8). Статья передаетъ содержаніе открытой Кирпичниковымъ въ рукописи Григоровича повѣсти, подъ заглавіемъ «Слово ветхаго Алекса». По мнѣнію А. И. повѣсть эта сочинена въ Византіи, въ то время, когда еще были слышны отзвуки византійскаго эпоса; при анализѣ содержанія указаны нѣкоторыя западныя параллели.

«Гдѣ взять матеріалы для исторіи Византійской литературы»? (Журналъ Министерства Народн. Просв., 1889, кн. 5, стр. 23—31). Авторъ сводитъ здѣсь литературный матеріалъ, отмѣченный имъ при чтеніи византійскихъ историковъ Константина Багрянороднаго, продолжателя Ѳеофана (Theophanes continuatus), Симеона Магистра, Георгія Монаха и Никиты Хоніата и видитъ въ немъ черты общія съ произведенія и въ русской народной словесности. Послѣдними работами К. по византологіи были «Аѳинскій Великій Синаксарь» (Ж. М. Н. Пр. 1902, кн. 10) и «Тимаріонъ или объ его страданіяхъ» (Тамъ-же, 1903, кн. 3).

Человѣкъ рѣдкихъ душевныхъ качествъ, неутомимый труженикъ, весьма скромный, выдающійся спеціалистъ, талантливый лекторъ и опытный педагогъ Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ въ своей жизни, можно не преувеличивая сказать, самъ былъ такимъ же идеальнымъ профессоромъ, какъ тотъ, образъ котораго онъ такъ хорошо нарисовалъ въ своихъ статьяхъ. («Виз. Врем.» т. X).

С. Д.

XIII.

Памяти проф. А. И. Кирпичникова [1].

I.

Тяжелый долгъ выпалъ на мою долю, долгъ, о которомъ я боялась когда-либо и помыслить и тѣмъ не менѣе онъ всталъ передо мною такъ скоро, такъ внезапно: мнѣ приходится посвящать свои слова памяти безвременно скончавшагося А. И. Всѣ члены Общества несомнѣнно сознаютъ всю тяжесть утраты, которую понесли они въ лицѣ такого выдающагося ученаго и знатока древностей, какимъ былъ А. И.; для меня же лично потеря моего незабвеннаго начальника и наставника въ дѣлѣ изученія древностей незамѣнима.

Заслуги А. И. въ области науки налицо предъ всѣмъ свѣтомъ, и не мнѣ въ моей настоящей краткой рѣчи пытаться разъяснить ихъ и давать какую-либо характеристику его ученой дѣятельности: это дѣло всего ученаго міра, нѣсколькихъ поколѣній; объ нихъ мы будемъ слышать рѣчи и на сегодняшнемъ засѣданіи, объ нихъ не перестанутъ говорить еще и наши потомки. Я хочу только сказать, когда для всѣхъ насъ такъ еще живо впечатлѣніе утраты, какой это былъ идеальный человѣкъ, неутомимый труженикъ и неоцѣнимый наставникъ для всякаго, нуждающагося въ его помощи.

Судьба дала мнѣ, хотя и не надолго, смѣло могу такъ выразиться, великое счастье—служить подъ начальствомъ А. И. и, благодаря тому, близко узнать этого рѣдкаго человѣка, познакомиться съ его трудами, такъ сказать, методомъ его работы и пользоваться его указаніями. Онъ производилъ на окружающихъ прямо чарующее впечатлѣніе: подкупали

[1]) Рѣчи, произнесенныя въ засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, посвященномъ чествованію памяти проф. А. И. Кирпичникова, 16 мая 1904 г.. Рѣчи г-жи Л. Воронцовой и В. Н. Щепкина напечатаны въ Древностяхъ, Трудахъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, т. XX, вып. II, 1—4, 22—26. Тутъ же (5—22) помѣщена статья г-жи Л. Д. Воронцовой «А. И. Кирпичниковъ, какъ изслѣдователь русской иконографіи и его заслуги въ этой области». Въ настоящемъ Сборникѣ напечатана сходная по темѣ статья Е. К. Рѣдина: Обзоръ трудовъ А. И. Кирпичникова по христіанскому искусству и археологіи (См. стр. 63—80).

его необыкновенно свѣтлые взгляды на міръ, на долгъ человѣка, его необычайная доброта, готовность во всякую минуту служить, чѣмъ могъ, всѣмъ и каждому, чуткость, способная понять всякое ваше душевное движеніе. Къ нему всегда можно было смѣло итти и разсказать свое затрудненіе или горе, въ полной увѣренности, что онъ пойметъ васъ, сердечно отнесется къ вамъ и дастъ краткій и дѣльный совѣтъ. Товарищъ А. И., проф. Андреевъ, вѣрно охарактеризовалъ его въ своей рѣчи: «онъ былъ слугою для всѣхъ» и «человѣкомъ долга». Долгъ, заключавшійся въ вѣчномъ служеніи наукѣ и общему благу, былъ для покойнаго выше всего въ мірѣ; ради него онъ не задумывался жертвовать собою, собственнымъ спокойствіемъ и даже своимъ здоровьемъ. Просить А. И. позаботиться прежде всего о собственномъ благополучіи и потомъ уже о пользѣ другихъ—значило навлечь на себя его явное неудовольствіе. Отдавая всѣ свои силы на служеніе людямъ, этотъ, исполненный чистаго альтруизма, человѣкъ свершалъ свое дѣло вполнѣ просто, не придавая значенія своему подвигу, и не задаваясь мыслію, всегда ли люди заслуживали такого самоотверженнаго служенія. Да и не было у него дѣленія людей на «заслуживающихъ» и «незаслуживающихъ». Онъ любилъ весь міръ и всѣхъ людей со всѣми ихъ недостатками. Я не помню случая, когда бы А. И. о комъ-нибудь отозвался какъ о плохомъ человѣкѣ, и если ему случалось подмѣчать въ комъ несимпатичныя ему черты, онъ сейчасъ же старался подыскать имъ извиненіе. «Я очень вспыльчивъ, говорилъ онъ о своемъ, кажущемся только ему одному, недостаткѣ, могу наговорить человѣку много непріятныхъ словъ и обидѣть его, а потомъ пораздумаю и увижу, что вина вовсе не такъ ужъ велика». Вотъ почему онъ, всепрощающій, былъ чуждъ нетерпимости, партійности и ко всякому мнѣнію относился съ уваженіемъ.

Самъ идеально-честный, А. И. не допускалъ лжи и въ другихъ и съ трудомъ признавалъ наконецъ обманъ. Онъ былъ сама правда, свѣтлая, незапятнанная, и, стоя предъ нимъ, не приходила и мысль, не хватало духа покривить душей или что-либо утаить. Благодаря такимъ высокимъ нравственнымъ своимъ качествамъ, чрезвычайно рѣдко встрѣчающимся въ нашъ вѣкъ, подобная свѣтлая личность однимъ своимъ примѣромъ имѣла громадное нравственно-воспитательное значеніе для юношества, среди котораго протекла вся жизнь покойнаго.

Снисходительный и мягкій къ другимъ, А. И. былъ строгъ и педантиченъ къ самому себѣ. Все его время было распредѣлено и занято работой, оставлять которую онъ не позволялъ себѣ ни при какихъ обстоятельствахъ. Здѣсь въ работѣ, въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей

онъ обладалъ неутомимою энергіей и желѣзною волею. Меня всегда удивляло, когда, бывало, А. И. говорилъ, что онъ не успѣлъ что-либо сдѣлать, имѣя въ своемъ распоряженіи только 3 или 2 минуты. Потомъ скоро я поняла, что подобная строгая отчетность во времени необходима, чтобы успѣвать выполнить всю ту массу работъ, которыя предпринималъ А. И. Даже въ случаѣ нездоровья или какихъ-нибудь непріятностей онъ не бросалъ своего дѣла, не позволялъ овладѣвать собою слабости и не прощалъ этой безхарактерности и другимъ; «несчастный тотъ человѣкъ, говаривалъ онъ, кто не умѣетъ взять себя въ руки». Та-же точность въ распредѣленіи времени позволяла ему вести параллельно нѣсколько работъ, не увлекаясь одной въ ущербъ другой. Напротивъ, такая совмѣстность, по его взгляду, спасала отъ утомленія и способствовала успѣху, и онъ всегда совѣтовалъ «разнообразить свою работу». Смѣло можно сказать, что у А. И. ни одинъ день не проходилъ даромъ для него и для общей пользы и въ теченіе его онъ успѣвалъ потрудиться не для одного общества или учрежденія и двинуть впередъ не одну свою научную работу. Продолжительное, кропотливое сидѣніе надъ одной книгой или тетрадью было противно его дѣятельной, кипучей натурѣ.

Производительность и быстрота труда А. И. меня всегда изумляли. При его громадномъ запасѣ знаній и матеріаловъ по вопросамъ литературы или искусства, ему было легко сгруппировать данныя и обобщить ихъ выводами; такимъ образомъ, изъ подъ его пера быстро, почти безъ поправокъ, получался цѣнный научный трудъ.

Неустанно работая самъ, онъ съ величайшимъ интересомъ слѣдилъ за каждымъ вновь выходящимъ трудомъ по занимавшимъ его вопросамъ, ждалъ его появленія въ свѣтъ и затѣмъ разсматривалъ его съ чисто юношескою любознательностью.

Не чуждо также ему было юношеское увлеченіе всякимъ дѣломъ имъ начинаемымъ. Онъ никогда не могъ относиться къ своимъ обязанностямъ пассивно, предоставляя всему итти разъ заведеннымъ порядкомъ, а брался за дѣло съ жаромъ, съ горячею преданностію, увлекаясь идеей. Въ примѣръ я могу привести его музейскую службу, какъ наиболѣе знакомую мнѣ. Сколько было задумано имъ для отдѣленія древностей научныхъ трудовъ, изданій, описей, новыхъ способовъ систематизаціи, различныхъ пріобрѣтеній. Каждая, сколько нибудь останавливающая на себѣ вниманіе, вещица очень часто вызывала въ немъ мысль о необходимости какого-либо изслѣдованія, или о пріобрѣтеніи по данному вопросу спеціальной книги для библіотеки отдѣленія, или слѣпковъ фотографій съ подобныхъ же предметовъ и т. д. Такимъ образомъ, изу-

чая свой отдѣлъ, А. И. постепенно и незамѣтно намѣтилъ для своихъ, по выраженію его, «наслѣдниковъ по музею» цѣлую программу будущихъ начинаній и работъ. Изъ всѣхъ этихъ предположеній А. И-ча, при жизни его, удалось довести почти до конца только одно: описаніе всѣхъ коллекцій отдѣленія и положить основаніе спеціальной библіотеки изъ книгъ, имъ же пожертвованныхъ. Остальныя же мысли не суждено было ему привести въ исполненіе, и теперь остается недоконченной его работа, необходимость которой давно сознана археологами,—это составленіе археологическаго словаря. Въ послѣднее время А. И. оставилъ любимое имъ отдѣленіе, перейдя въ библіотеку музея, и принялъ на себя болѣе сложныя обязанности единственно опять ради общаго блага: желая послужить и принести пользу всей читающей Москвѣ. И тамъ онъ также неутомимо работалъ, не забывая при томъ и своихъ прежнихъ занятій, работалъ не смотря на свое все ухудшающееся здоровье. Такъ за письменнымъ столомъ съ книгой и перомъ въ рукахъ и поразилъ его острый припадокъ болѣзни, приведшій его къ роковому концу.

Всякое дѣло, которымъ завѣдывалъ А. И., выигрывало вдвойнѣ. во-первыхъ, оно находилось въ рукахъ преданнаго ему и опытнаго знатока, а во-вторыхъ, онъ своей энергіей пробуждалъ усердіе и въ другихъ, окружавшихъ его работникахъ. А. И. былъ идеалъ начальника: о какомъ либо начальническомъ деспотизмѣ, при его мягкомъ характерѣ, конечно, не могло быть и рѣчи; онъ былъ совѣтникъ, опытный руководитель, авторитетъ котораго ненарушимъ. Онъ никогда не требовалъ, не дѣлалъ замѣчаній, а только совѣтовалъ, не затрудняясь поступиться своимъ мнѣніемъ и согласиться съ другимъ въ случаѣ справедливости послѣдняго. Если что не удовлетворяло его въ работѣ, онъ высказывалъ свое желаніе объ исправленіи или дополненіи ея.

Но каждое его желаніе могло почитаться закономъ; во всякомъ словѣ чувствовался знатокъ своего дѣла, и безъ его редакціи трудъ казался незаконченнымъ. При этомъ всѣ подобныя замѣчанія А. И. дѣлалъ такъ мягко, нисколько не давая чувствовать превосходства своихъ знаній, не ставя стѣснительныхъ границъ, что казалось выслушиваешь совѣты не отъ ученаго наставника, а отъ товарища. Онъ всегда предоставлялъ занимающемуся полную свободу дѣйствій и неограниченное довѣріе, никогда заранѣе не предъявляя своихъ требованій; не въ его правилахъ было тоже отклонять трудъ, какъ бы онъ ни казался въ его глазахъ мало значащимъ или, наоборотъ, слишкомъ сложнымъ; А. И. непремѣнно поощрялъ приняться за него, исходя изъ взгляда, что подобный путь

свободнаго опыта и постепеннаго уясненія собственныхъ ошибокъ есть наиболѣе вѣрный къ достиженію истины.

Помимо совѣтовъ и указаній источниковъ, громадное значеніе имѣла для всякаго занимающагося, и особенно, для новичка, попутно сообщаемая А. И. масса свѣдѣній изъ его личной практики. Изучивъ богатства западныхъ библіотекъ, ознакомившись на мѣстѣ съ древностями Византіи, Аѳона, онъ сообщалъ такіе интересные факты и выводы, что десятки спеціальныхъ сочиненій, говорю это по собственному опыту, не могли бы такъ ярко освѣтить предметъ, какъ краткіе разсказы А. И—ча.

Я никогда бы не кончила, если бы стала вспоминать всѣ особенности, всѣ рѣдкія душевныя свойства этой замѣчательной личности. А. И. былъ такъ богато одаренъ всѣмъ, что есть только свѣтлаго, лучшаго въ природѣ человѣка, что о немъ можно говорить до безконечности. Я только имѣла въ виду указать на болѣе выдающіяся идивидуальныя черты его и, хоть отчасти, выразить тѣмъ чувство глубокаго уваженія и удивленія, питаемыя мною всегда къ А. И.

Память о немъ переживетъ долгіе и долгіе годы; онъ будетъ еще жить въ своихъ трудахъ, въ имѣющихся совершиться своихъ начинаніяхъ, которыя, я увѣрена, друзья и почитатели его не замедлятъ привести къ желанному концу. А. И. всегда пугала мысль оставить послѣ себя неразработанный сырой матеріалъ.

То, чего онъ боялся, и случилось. Послѣднее время онъ работалъ надъ упомянутымъ уже археологическимъ словаремъ. Я почитаю своею нравственною обязанностью, по мѣрѣ силъ, продолжить этотъ трудъ, который А. И. и предназначалъ преимущественно для своихъ «наслѣдниковъ» по музею. Не пожелаетъ ли кто изъ моихъ сочленовъ, въ память А. И—ча, помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ и способствовать скорѣйшему и болѣе успѣшному осуществленію его желанія?

Л. Воронцова.

II.

Утрата, понесенная нашимъ Обществомъ, такъ свѣжа, что мы еще не можемъ дать обстоятельной оцѣнки всему, что оставляетъ намъ покинувшій насъ сочленъ.

На друзьяхъ и на ученикахъ А. И. Кирпичникова лежитъ обязанность собрать труды покойнаго по русской археологіи и освѣтить его заслугу предъ нашей наукой, которой самъ онъ давалъ широкій объемъ.

Но дѣятельность А. И—ча протекла среди насъ. Его ученыя работы, его доклады послѣднихъ лѣтъ, его участіе въ реставраціи древнихъ памятниковъ художества—еще у всѣхъ на памяти. Мы еще слышимъ его научный голосъ, мы еще чувствуемъ его научную личность. У насъ достаточно данныхъ для общей характеристики тѣхъ путей, которые избралъ себѣ покойный изслѣдователь.

Мнѣ незачѣмъ повторять, что гуманность и культура были свойствами его личности. Это признано общимъ мнѣніемъ. Мнѣ незачѣмъ подробно говорить о томъ, что вступая въ Московскій университетъ, будущій изслѣдователь встрѣтилъ тамъ человѣка, широко служившаго тѣмъ же началамъ, задатки которыхъ приносилъ съ собою его будущій ученикъ и послѣдователь. Духовная связь установилась между ними легко и естественно, преемство интересовъ и изученій стало ея результатомъ.

Мы знаемъ, что въ эпоху славянофиловъ и западниковъ оба лагеря затруднялись вопросомъ, куда отнести Буслаева? Дарованіе Буслаева было чуждо исключительности; оно не становилось подъ знамя одной, хотя бы безкорыстной, но предвзятой идеи. Буслаевъ носилъ въ себѣ сочувствіе къ работѣ духа во всемъ ея объемѣ. Онъ отдавался ея изученію съ той жаждой, которая свойственна честному уму, съ тѣмъ талантомъ, который исходитъ отъ теплаго сердца. Изучая, онъ воскрешалъ древность, чтобы жить ея лучшей стороной. Его не пугали темныя или чудовищныя формы, въ которыя облекалось развитіе народовъ; его не раздражала гибель прекрасныхъ формъ. Изъ своихъ изученій онъ выходилъ не судьей, а внимательнымъ другомъ древности. Для современности онъ не выносилъ изъ нихъ старыхъ сброшенныхъ цѣпей, а только забытыя сокровища и цвѣты, которые охотно растутъ на развалинахъ. Буслаевъ прежде всего сочувствовалъ добру и вѣрилъ, что оно торжествуетъ въ міровомъ процессѣ. Злобный призракъ случайнаго, разрушающаго разумную работу духа, не отравлялъ ему труда. Отсюда его глубокое вниманіе къ человѣческимъ вѣрованіямъ, отсюда сочувствіе къ массамъ, ищущимъ свѣта, отсюда широта его изученій, обнимавшихъ Востокъ и Западъ и народы византійской культуры, поставленные на рубежѣ между тѣмъ и другимъ.

Господа, вы согласитесь, что эти основы, руководившіе Буслаевымъ, никогда не были забыты Александромъ Ивановичемъ.

Человѣкъ съ широкими литературными свѣдѣніями, очень развитой, много видѣвшій, А. И. хорошо зналъ Западъ и Византію въ ихъ современномъ и прошломъ развитіи—историческомъ и художественномъ.

Но величавая картина византійской культуры, неизмѣняемой и элементарной какъ природа, не подавила изслѣдователя; она не приковала его волшебными узами къ созерцанію одного этого явленія. А неисчерпаемые дары западнаго духа не развили въ немъ пренебреженія къ судьбамъ менѣе счастливыхъ расъ. Русское чувство влекло его къ изученію родного народа, но никогда не заставляло утрачивать общій горизонтъ.

Духъ дышетъ, гдѣ захочетъ, и эту мысль покойный не забывалъ вносить въ свои изученія. Я позволю себѣ указать здѣсь на одну археологическую статью А. И—ча—«О чудесныхъ статуяхъ въ Константинополѣ»,—она служитъ живымъ подтвержденіемъ только что сдѣланной оцѣнки.

Одна изъ ученыхъ диссертацій А. И—ча посвящена изслѣдованію культа любимаго народнаго святаго—Георгія. Въ позднѣйшихъ статьяхъ по агіографіи онъ также обращался прежде всего къ открытію живой народной стихіи подъ традиціонными формами. Другой трудъ, котораго покойный не покидалъ всю жизнь, долженъ былъ обнять огромную, важную сферу народнаго византійскаго духа—развитіе культа Богоматери.

Изслѣдователь уже приступалъ къ печатнымъ обработкамъ этого труда, который обѣщалъ дать много цѣннаго и для русско-византійскаго искусства, прежде всего—для самой оригинальной его отрасли—иконописи.

По складу своихъ интересовъ А. И. могъ дать особенно много въ этой области. Наша религіозная живопись кажется такой опредѣленной въ своихъ конечныхъ формахъ; но какой сложный историческій процессъ скрывается подъ этой внѣшностью. Какое тѣсное сліяніе началъ античныхъ, восточныхъ и западныхъ, христіанской догматической мысли и народной фантазіи; какой необычный процессъ ассимиляцій этихъ элементовъ; какая своеобразная связь технической стороны съ творческой; какая загадочная простота результатовъ. Корни иконописи поразительно разнообразны. Они скрываются въ глубинѣ, и горе изслѣдователю, который судитъ это растеніе по одной надземной его части или считаетъ главнымъ одинъ изъ корней его.

Символико-догматическое объясненіе иконописи, столь распространенное у питомцевъ нашихъ духовныхъ училищъ, обращаетъ въ универсальный методъ одно изъ орудій изслѣдованія. Такой пріемъ не полагаетъ никакихъ преградъ личной изобрѣтательности, всегда находящей оправданіе въ готовыхъ формулахъ, допускающихъ увлекательную и опасную игру; подкупаетъ легко доступными результатами, оно слишкомъ

удобно, чтобы не отразиться невыгодно на природной пытливости и не охладить искренность мысли.

Историко-литературный методъ, слѣдящій связь искусства съ общими судьбами народа и его письменности, не заключаетъ такой очевидной опасности. Однако, въ неразгаданныхъ образахъ иконописи онъ незамѣтно пріучаетъ видѣть только отраженіе дошедшихъ или недошедшихъ до насъ событій и вѣрованій, онъ не проникаетъ въ самобытный тайникъ ея техники. А между тѣмъ изученіе техники нашего искусства часто открываетъ намъ, что творческія новообразованія иконописи возникли въ ней самой и обусловлены тѣми механическими пріемами, которыми такъ широко и такъ своеобразно владѣетъ иконопись.

Этими пріемами иконопись незамѣтно вознаграждала недостающій ей принципъ свободнаго личнаго творчества. Въ самомъ дѣлѣ, то самое, что въ другихъ разрядахъ искусства возникало въ фантазіи художника, въ иконописи протекало внѣ его, на глазахъ непритязательнаго мастера: иконопись, подобно природѣ, движимая механическимъ процессомъ, подобно ей таитъ себѣ способность безсознательнаго творчества. Иконописецъ, ищущій простого сокращенія или расширенія композиціи становится создателемъ новыхъ образцовъ; даже изъ недоразумѣній или неправильностей вырастаютъ новыя художественныя формы, полныя какого-то тайнаго содержанія. Чувство даетъ имъ смыслъ, ремесло вводитъ ихъ въ оборотъ народнаго сознанія. Изъ иконописи новые образы переходятъ въ вѣрованія.

Изслѣдователю иконописи необходимъ и однообразный палеографическій методъ,—терпѣливое собираніе датъ для оцѣнки недатированнаго. Этотъ путь располагаетъ къ себѣ полезностью своихъ выводовъ, но въ концѣ концовъ онъ развиваетъ въ изслѣдователѣ холодный взглядъ анатома, которому нѣтъ дѣла до духовной стороны изучаемаго.

Работы А. И.—ча говорятъ о широтѣ его руководящихъ пріемовъ. Статьи его, большія и малыя, разсѣянныя въ изданіяхъ ученыхъ обществъ и учрежденій, посвященныя общимъ и частнымъ вопросамъ, часто только въ видѣ экскурсовъ касающіяся древняго искусства, имѣютъ одну особенность: онѣ лишены ремесленной односторонности метода.

Авторъ влагаетъ въ изслѣдованіе все разнообразіе своихъ историко-литературныхъ свѣдѣній и находчиво пользуется самыми сухими датами. Въ изученіи иконописныхъ композицій онъ всегда умѣетъ ясно и осторожно оріентироваться. Онъ безъ натяжекъ установляетъ формулы развитія, различаетъ наслоенія эпохъ; онъ скорѣе готовъ отказаться отъ опредѣленности вывода, чѣмъ достигнуть его насильственно. Онъ такъ ясно представляетъ себѣ особый механическій путь, ведущій иконопись къ

творчеству, что слѣды того-же процесса открываетъ и внѣ ея—въ литературѣ. У него естть личное эстетическое отношеніе къ иконописи, которое у большинства устанавливается только къ созданіямъ отдѣльныхъ художниковъ. На общемъ фонѣ иконописи онъ умѣетъ уловить личность иконописца. Изслѣдователь не играетъ оружіемъ и не увлекается техническими удобствами какого-нибудь одного метода,—всѣ они на лицо въ его научномъ сознаніи, онъ владѣетъ ими всѣми. Онъ не теряетъ широкой перспективы изслѣдованія и въ оцѣнкѣ чужихъ работъ, прежде всего требуетъ этой перспективы.

Его статьи, взятыя въ цѣломъ, имѣютъ развивающее значеніе и кромѣ теплаго интереса всегда свидѣтельствуютъ о ясной и дѣятельной мысли.

В. Щепкинъ.

III

Первое мое знакомство съ А. И. Кирпичниковымъ совпало съ моимъ первымъ экзаменомъ. Хорошо помню, каъ Ѳ. Ѳ. Миллеръ, инспекторъ 5-ой гимназіи, въ то время (1869 г.) еще помѣщавшейся въ одномъ зданіи съ 1-ой гимназіей, добрѣйшій человѣкъ, подвелъ меня въ актовой залѣ къ столику, за которымъ сидѣлъ высокій, худой и блѣдный господинъ, въ черномъ сюртукѣ, диктовавшій что-то мальчику, постарше меня. Съ замираніемъ сердца подошелъ я къ столику и растерянно оглянулся назадъ, вслѣдъ уходившему инспектору. Мой безпомощный и растерянный видъ, вѣроятно, не ускользнулъ отъ вниманія блѣднаго господина. Нѣсколько ободряющихъ словъ съ его стороны, и я чувствую себя совершенно по-другому: откровенно сознаюсь, что знаю и чего «не проходилъ» по этимологіи Кирпичникова и Гилярова. Задается разборъ «предложенія.» Нѣсколько вопросовъ, удачно мною рѣшенныхъ, придаютъ мнѣ духу; я уже настолько освоился съ учителемъ, что во время диктанта извиняюсь за свой некрасивый почеркъ, поясняя, что писалъ до сихъ поръ только по двумъ линейкамъ, а не по одной, какъ былъ разграфленъ листъ, данный мнѣ для диктанта. Диктантъ насъ окончательно сблизилъ съ учителемъ: онъ даже поставилъ мой письменный отвѣтъ въ примѣръ великовозрастному моему соратнику, державшему въ 3-й классъ и надѣлавшему въ диктантѣ грубыхъ ошибокъ.

Надо ли говорить, что экзаменаторъ мой былъ незабвенный А. И. Кирпичниковъ, авторъ уже тогда мнѣ извѣстной этимологіи? Остальные экзамены сошли благополучно, я былъ принятъ въ 1-ый классъ Москов-

ской 5-ой гимназіи, и въ первый же учебный день узналъ въ преподавателѣ русскаго языка моего добраго экзаменатора.

А. И. Кирпичниковъ преподавалъ у насъ русскій и латинскій языкъ въ 1-мъ и 2-мъ классахъ, онъ былъ моимъ любимымъ учителемъ, да кажется, и большинства класса.

Остроумный, энергичный онъ интересно и живо велъ свои уроки; онъ зорко слѣдилъ за вниманіемъ класса и возвращалъ разсѣянныхъ къ дѣйствительности неожиданными вопросами. Способныхъ лѣнтяевъ онъ донималъ насмѣшками, дѣйствовалъ на самолюбіе и достигалъ этимъ хорошихъ результатовъ. Быть можетъ нѣсколько жестоко доставалось отъ него лѣнтяямъ-тупицамъ, отъ которыхъ онъ остроумно скомбинированными вопросами добивался нелѣпыхъ отвѣтовъ, заставлявшихъ хохотать весь классъ и ярко рисовавшихъ глупость отвѣчавшихъ. Но вѣдь и то сказать: гимназія не богоугодное заведеніе, и чѣмъ скорѣе такіе ученики сознавали свою неспособность, тѣмъ для нихъ и для ихъ родителей было лучше. Надо сказать, что въ молодые годы А. И. Кирпичниковъ, самъ умница, тупости не переносилъ и безъ излишняго сердоболія указывалъ тупицамъ ихъ мѣсто, чѣмъ конечно спасалъ ихъ отъ болѣе позднихъ, а потому и болѣе горькихъ разочарованій. Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ житейскихъ испытаній онъ сталъ гораздо снисходительнѣе...

Въ общемъ А. И. относился къ своимъ ученикамъ очень сердечно. Бывали, правда, дни, когда онъ приходилъ видимо усталымъ и нѣсколько раздраженнымъ. Тогда надо было держать ухо востро и не провиняться, а то застыдитъ на весь классъ. Обычное же его добродушно—шутливое отношеніе никого не запугивало, а напротивъ привлекало и укрѣпляло сердечную связь между учителемъ и учениками. Какъ впослѣдствіи я узналъ, утомленность и нѣкоторая раздражительность происходили отъ чрезмѣрныхъ занятій. По окончаніи университетскаго курса самымъ сильнымъ желаніемъ его было поѣхать заграницу для научныхъ работъ и окончанія диссертаціи. Почему-то ему не удалось получить заграничной командировки на казенный счетъ, и вотъ теперь онъ всячески старался скопить средства на заграничную поѣздку. Для этого онъ принужденъ былъ сверхъ гимназическихъ уроковъ брать и частные, правда, хорошо оплачиваемые, но вмѣстѣ съ тѣмъ и уносившіе много силъ и досуга. Въ то же самое время онъ много писалъ: составлялъ записки по разнымъ педагогическимъ вопросамъ, двѣ изъ которыхъ были приложены къ циркулярамъ попечителя по Московскому округу въ 1868 г. (О разборѣ образцевъ иностранной литературы въ нашихъ гимназіяхъ и нѣкоторые методы обученія ороографіи), написалъ нѣсколько монографій и

издалъ, кромѣ этимологіи и сантаксиса русскаго языка, исторію русской литературы въ объемѣ гимназическаго курса. Въ свободные промежутки между уроками и этими литературными работами А. И. находилъ еще время бѣгать въ рукописное отдѣленіе Румянцевскаго Музея, гдѣ занимался по предмету своей магистерской диссертаціи. Хранителемъ рукописнаго отдѣленія въ то время былъ А. Е. Викторовъ, извѣстный ученый и палеографъ, влюбленный въ рукописи и старопечатныя книги, строгій труженикъ, не позволявшій себѣ въ служебное время иныхъ занятій кромѣ какъ надъ рукописями и требовавшій того же отъ читателей рукописнаго отдѣленія. А. И. хорошо зналъ Викторова по кружку Буслаева, котораго Викторовъ называлъ своимъ учителемъ, а Буслаевъ Викторова считалъ своимъ другомъ.

И вотъ А. И., писавшій въ то время о поэмахъ Ломбардскаго цикла, о которыхъ ничего не найдешь въ рукописяхъ Румяцевскаго Музея, припужденъ былъ продѣлывать такую невинную хитрость: «спросишь, бывало, разсказывалъ онъ, какую-нибудь рукопись, раскроешь ее, а въ качествѣ пособій къ ней, что допускалось А. Е.-чемъ, наберешь изъ библіотеки нужныхъ для диссертаціи книгъ и ихъ читаешь».

Дорожилъ занятіями въ рукописномъ отдѣленіи А. И. вотъ почему. Во-первыхъ, тамъ народу было немного, не развлекали, а во-вторыхъ, придя въ отдѣленіе, онъ всѣ книги свои находилъ на столѣ, тамъ, гдѣ въ предыдущій разъ оставилъ, не терялось стало-быть времени на подачу а то и новую выписку книгъ изъ библіотеки.

Возвращусь къ прерванному разсказу.

Только два года, въ первомъ и во второмъ классѣ, преподавалъ намъ А. И. Кирпичниковъ. При переходныхъ экзаменахъ въ третій классъ рядомъ съ нашимъ дорогимъ учителемъ сидѣлъ новый, Ѳ. А. Гиляровъ, другъ и товарищъ Кирпичникова, которому тотъ, уѣзжая заграницу, передавалъ свои уроки. При отвѣтахъ нашихъ на экзаменѣ А. И. что-то тихо говорилъ Гилярову; какъ я понялъ изъ словъ, сказанныхъ при моемъ отвѣтѣ, онъ сообщалъ преемнику свои замѣчанія о каждомъ изъ насъ.

Вскорѣ потомъ—это было въ 1871 году—А. И. уѣхалъ заграницу слушать лекціи въ Берлинѣ и Вѣнѣ, написалъ магистерскую диссертацію «Опытъ сравнительнаго изученія западнаго и русскаго эпоса. Поэмы Ломбардскаго цикла». По защитѣ диссертаціи онъ былъ назначенъ профессоромъ въ Харьковскій университетъ.

Долгое время потомъ я не встрѣчался съ своимъ любимымъ учителемъ. Слѣдующія встрѣчи мои съ нимъ были лѣтъ черезъ десять въ гостепріимной семьѣ нашего съ нимъ общаго профессора Ѳ. И. Буслаева.

Будучи студентомъ, я издавалъ лекціи Буслаева и подъ этимъ предлогомъ часто посѣщалъ Ѳ. И. и тотъ нерѣдко дарилъ меня своими драгоцѣнными бесѣдами. Буслаевъ считалъ Кирпичникова однимъ изъ лучшихъ своихъ учениковъ. Не разъ говаривалъ онъ мнѣ; «Вотъ, мои ученики, Веселовскій, Кондаковъ, Кирпичниковъ, —всѣ они обогнали меня, такъ и слѣдуетъ. Меня радуетъ, что это мои ученики».

Помню, какое удовольствіе доставляло Ѳ. И. Буслаеву извѣстіе, что въ Москву пріѣдетъ Кирпичниковъ. Объ этомъ тотчасъ же сообщалось всѣмъ намъ, постояннымъ посѣтителямъ. Кирпичниковъ пріѣзжалъ, останавливался, конечно, въ квартирѣ Буслаева и въ ближайшій пріемный день его всѣмъ показывали. Въ это время все вниманіе Ѳ. И—ча бывало устремлено на Кирпичникова: съ нимъ онъ бесѣдуетъ, споритъ, а намъ, младшимъ ученикамъ, оставалось только слушать и поучаться.

Во мнѣ, каюсь, это возбуждало нѣкоторую ревность, хотя я любилъ и того и другого. Но если у Буслаева Кирпичниковъ былъ однимъ изъ любимыхъ учениковъ, то для Кирпичникова Буслаевъ былъ самымъ любимымъ учителемъ, которому онъ стремился во всемъ подражать. Сравните ихъ ученую и педагогическую дѣятельность. Та-же любовь къ западной литературѣ и сравнительное съ нею изученіе русской, то-же пониманіе Византіи, занятія русской иконописью сравнительно съ византійской, наконецъ тѣ-же самые научные и педагогическіе пріемы, которые такъ хорошо охарактеризовалъ А. И. Кирпичниковъ въ своемъ отзывѣ о Ѳ. И. Буслаевѣ и которые съ равнымъ правомъ могутъ быть отнесены къ нему самому: «Онъ былъ, говоритъ А. И., о Буслаевѣ, первымъ ученымъ и по глубинѣ и по широтѣ своего умственнаго кругозора, и по горячей преданности дѣлу, а въ то же время оставался живымъ и искуснымъ педагогомъ, который старается не только о томъ, чтобы излагаемое имъ было наиболѣе полной истиной, но также и о томъ, чтобы эта истина была наиболѣе пригодною для данной аудиторіи и чтобы она могла быть усвоена ею вполнѣ и съ наибольшей пользой.» Подобные отзывы объ А. И. Кирпичниковѣ мы недавно слышали на его могилѣ изъ устъ его учениковъ.

С. Долговъ.

XIV.

Памяти проф. А. И. Кирпичникова.

(Изъ личныхъ воспоминаній о немъ) [1].

Мнѣ выпала грустная честь и горькая отрада помянуть нашего высокоуважаемаго предсѣдателя и моего незабвеннаго учителя, Александра Ивановича Кирпичникова, котораго мы всѣ такъ внезапно, такъ рано потеряли.

Наступалъ конецъ шестидесятыхъ годовъ. Я только что поступилъ въ одинъ изъ младшихъ классовъ въ 5-ой Московской гимназіи.

Она помѣщалась тогда вмѣстѣ съ 1-ою, на Волхонкѣ, противъ Храма Спасителя, въ то время еще строившагося.

Какъ теперь помню первое появленіе у насъ преподавателя русскаго языка.

Въ нашъ классъ вошелъ высокій, худощавый и блѣдный молодой человѣкъ, съ красными пятнами на лицѣ и рукахъ, отъ осенняго холода. Онъ выглядалъ болѣзненнымъ и грустнымъ, чтобы не сказать, угрюмымъ. Послѣднему впечатлѣнію способствовали еще синіе очки, черезъ которые онъ посматривалъ на насъ, не безъ строгости.

Этотъ молодой человѣкъ былъ никто иной, какъ Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ.

Нашъ новый преподаватель оставался и послѣ всегда сосредоточеннымъ и серьезнымъ у насъ въ классѣ. Никогда намъ не удавалось подмѣтить на лицѣ его улыбки. Никогда намъ не случалось услышать отъ него шутки или остроты, какими нѣкоторые педагоги задабриваютъ своихъ учениковъ. Мы никогда не встрѣчали съ его стороны никакихъ поблажекъ или заигрываній, которыми легко завоевывается популярность среди воспитанниковъ.

---

[1]) Сообщеніе А. К. Энгельмейера, прочитанное въ чрезвычайномъ собраніи членовъ Русскаго Библіографическаго Общества въ память покойнаго предсѣдателя Об-ва А. И. Кирпичникова—19 Ноября 1903.

Здѣсь не было ничего подобнаго. Тихо, серьезно и со вниманіемъ проводили мы часы его уроковъ. Никто изъ насъ, учениковъ, не позволялъ себѣ ни шалостей, ни вольностей передъ нимъ. Хотя нашъ молодой преподаватель и никогда не проявлялъ особой строгости, мы, тѣмъ не менѣе, не только уважали, но даже побаивались его. Ученики чувствовали, глядя на своего серьезнаго и сосредоточеннаго учителя, что онъ не потерпитъ ни глупостей, ни легкомыслія, ни неуваженія къ себѣ.

Въ особенности же затихало все у насъ въ классѣ, когда нашъ молодой преподаватель принимался самъ читать намъ.

Къ моему сожалѣнію, я теперь не могу уже подробно припомнить выбора произведеній, какой онъ дѣлалъ для своихъ чтеній. Мнѣ приходитъ на память лишь весьма немногое въ этомъ отношеніи, напримѣръ, Сонъ Обломова, Добрый день Степана Михайловича и т. п. Но и по этому, однако, уже можно видѣть, что выборъ его чтенія былъ весьма удаченъ. И на самомъ дѣлѣ, мы слушали эти чтенія съ глубокимъ, захватывающимъ интересомъ. Даже величайшіе и безнадежнѣйшіе шалуны и лѣнтяи между нами въ такихъ случаяхъ почти превращались въ слухъ.

Что касается до меня, то эти чтенія мнѣ представляются теперь самыми свѣтлыми мгновеніями, изъ проведенныхъ мною въ гимназіи, въ то отдаленное теперь время. Они были для меня полны свѣта и какого-то очарованія, среди окружающей сухости и тьмы, которыя и тогда уже сильно омрачали наши учебныя заведенія, въ особенности среднія. Чтенія изъ великихъ, образцовыхъ авторовъ,—это незамѣнимое, могущественное средство въ рукахъ преподавателя словесности, средство, какого лишены, къ сожалѣнію, преподаватели другихъ предметовъ. Средство это облагораживаетъ учениковъ. Оно будитъ ихъ мысли. Оно затрагиваетъ у нихъ лучшія струны души и сердца. Оно чаруетъ ихъ слухъ и возвышаетъ ихъ фантазію. Оно привлекаетъ ихъ къ преподавателю и заставляетъ полюбить его.

По крайней мѣрѣ за эти минуты отрады и свѣта среди сухихъ занятій, за эти проблески жизни среди сумерокъ тогдашняго ученья, мы любили нашего неразговорчиваго и строгаго учителя.

Александра Ивановича мнѣ случалось время отъ времени встрѣчать еще и въ общественныхъ мѣстахъ. Это именно на симфоническихъ вечерахъ, которые вмѣстѣ съ Консерваторіею были тогда еще новостью въ Москвѣ. То и другое, при своемъ возникновеніи, было въ большой модѣ въ то время и возбуждало къ себѣ не мало интереса у публики. Въ особенности въ модѣ тогда были именно симфоническіе вечера. Люди свѣтскіе, люди культурные, и даже люди воображавшіе себя тѣмъ или другимъ,

считали своимъ долгомъ хоть иногда показаться на вышеозначенныхъ вечерахъ.

Я, разумѣется, какъ тогда еще мальчикъ, попадалъ на эти серьезные концерты только изрѣдка, какъ-нибудь случайно.

Вотъ тамъ то я и встрѣчалъ нашего педагога. Разумѣется, тамъ онъ выглядѣлъ иначе, нежели у насъ, въ гимназіи. Тамъ онъ былъ одѣтъ уже не въ докучный для насъ учительскій вицъ мундиръ. На немъ былъ изящный, черный суртукъ. И самъ онъ выглядѣлъ изящнымъ, свѣтскимъ молодымъ человѣкомъ, не столь мрачнымъ какъ у насъ въ классѣ, хотя и все же серьезнымъ.

Очевидно, этотъ человѣкъ уже рано пережилъ свою весну. Очевидно, не смотря на свои еще молодые годы, онъ уже позналъ тягости жизни, онъ уже потерялъ ея иллюзіи.

Черезъ два или три года, послѣ всего вышеизложеннаго, мнѣ пришлось уѣхать за границу, жить тамъ и учиться нѣсколько лѣтъ. Такимъ образомъ я надолго потерялъ изъ вида Александра Ивановича.

Прошло много лѣтъ. Сколько людей, сколько цѣлыхъ поколѣній смѣнилось на землѣ за этотъ промежутокъ времени. Какъ мало уцѣлѣло и учениковъ и преподавателей изъ упомянутой мною выше гимназіи. А тѣ, которые и уцѣлѣли, какъ измѣнились, какъ отцвѣли они. Изъ нихъ въ послѣдующей моей жизни судьба привела мнѣ увидѣть только очень немногихъ. Между ними мнѣ случилось встрѣтить и нашего бывшаго преподавателя словесности, Александра Ивановича Кирпичникова.

Онъ былъ уже выдающимся, виднымъ ученымъ, талантливымъ лекторомъ и писателемъ. Въ то время онъ занималъ каѳедру при Московскомъ университетѣ, раньше-же читалъ лекціи въ двухъ нашихъ южныхъ университетахъ, именно, Харьковскомъ и Одесскомъ.

Насколько я знаю, на югъ его гнало слабое здоровье.

Встрѣтился я съ своимъ бывшимъ учителемъ въ одномъ изъ ученыхъ засѣданій, въ Москвѣ. При этомъ мнѣ пришлось ему напомнить о себѣ.

Эта мѣра оказалась весьма умѣстной, потому что онъ еле узналъ меня. Да, впрочемъ, и онъ самъ уже немало измѣнился. Сразу было видно, что жизнь и его не пощадила. Онъ какъ то поблекъ и выглядѣлъ болѣзненнѣе прежняго. Грусть и серьезность въ его лицѣ и во взорѣ, уже не закрытомъ болѣе очками, теперь показались мнѣ выраженными еще болѣе, нежели то было прежде, во дни его молодости.

Въ этотъ разъ, о которомъ я здѣсь разсказываю, Александръ Ивановичъ только что недавно переселился опять въ Москву, куда я наѣз-

жалъ изъ деревни, гдѣ обыкновенно живу. Отчасти по этому, отчасти и по другимъ причинамъ, намъ приходилось послѣ упомянутаго случая встрѣчаться съ Александромъ Ивановичемъ не часто и при томъ, попрежнему, лишь въ общественныхъ мѣстахъ.

Впрочемъ и такія наши свиданія съ покойнымъ скоро опять прервались. По крайней мѣрѣ, прошло еще нѣсколько лѣтъ, въ которые мы съ нимъ нигдѣ даже не столкнулись.

За этотъ промежутокъ времени Александру Ивановичу пришлось пережить не мало тяжелаго. Судьба и ему напомнила о себѣ жестокими испытаніями.

Въ одну изъ послѣднихъ нашихъ встрѣчъ въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности, я былъ положительно пораженъ перемѣною въ немъ. Онъ сильно постарѣлъ, какъ то весь ослабъ и уже плохо владѣлъ ногами. Однако при всемъ этомъ мнѣ бросилось въ глаза, что хотя онъ и выглядѣлъ теперь печальнѣе и слабѣе, нежели прежде, что хотя теперь онъ, какъ казалось, не мало страдалъ физически, тѣмъ не менѣе выраженіе его лица, характерный взоръ, этотъ взоръ какъ будто бы въ даль, сдѣлались привлекательнѣе у него, нежели прежде.

Въ немъ проглядывала какая то новая кротость, какая то новая доброта.

Повидимому, терніи жизни не очерствили, не озлобили этого человѣка. Опи его какъ будто бы сдѣлали даже лучше, человѣчнѣе. Очевидно, эти качества души, заложенныя въ немъ отъ природы, теперь развились и разрослись въ немъ окончательно, подъ вліяніемъ прожитого.

Все это такъ меня увлекло, показалось до того симпатичнымъ, до того привлекательнымъ, что я рѣшилъ такъ или иначе нѣсколько приблизиться къ нему, къ этому человѣку, съ которымъ жизнь меня, къ сожалѣнію, съ самаго начала какъ то разобщала и вела различными путями.

И я не раскаялся въ такомъ своемъ намѣреніи.

Кто не узналъ его любезности, его деликатности въ обращеніи съ людьми? Кто не испыталъ его готовности, его склонности одолжить другого, помочь ему; въ особенности помочь своимъ компетентнымъ совѣтомъ, своимъ солиднымъ знаніемъ? Кому не случалось видѣть его лазающимъ, иногда почти ползающимъ передъ своимъ богатымъ книгохранилищемъ, не взирая на его болѣзненность и слабость; это дѣлалось, когда нужно было снабдить посѣтителя какою - нибуть полезною книгою. Послѣднія онъ, по примѣру многихъ выдающихся коллекціонеровъ и любителей, усердно подбиралъ и у букинистовъ и на рынкахъ.

А какъ охотно онъ поощрялъ людей на какую-нибудь задуманную ими работу, въ особенности, если она касалась его спеціальности, какъ напримѣръ исторіи литературы, всеобщей литературы, западной литературы и т. п.

Мнѣ припоминается, между прочимъ, какое сочувствіе и интересъ выказалъ покойный къ моему замыслу напомнить читающей публикѣ Оссіана, эти чудныя поэмы, извѣстныя людямъ подъ такимъ поэтичнымъ и благозвучнымъ именемъ, почти оставленныя теперь и позабытыя. Помню, какъ онъ сожалѣлъ вмѣстѣ со мною, что эта прелестная, оригинальная и съ невыясненнымъ до сихъ поръ происхожденіемъ поэзія, совершенно игнорируется современниками.

Между прочимъ, Александръ Ивановичъ сообщилъ мнѣ, что одинъ изъ его товарищей хотѣлъ взять темою для диссертаціи Оссіановы поэмы. Но осуществиться этому помѣшалъ, кажется, недостатокъ матеріала.

Быть можетъ, эта далекая, подернутая туманомъ вѣковъ поэзія, поэзія тоски и грусти по утраченномъ и невозвратномъ, поэзія, въ которой такъ часто звучитъ скорбь объ ушедшей молодости, о потери друзей и милыхъ, была по сердцу задумчивому и грустному Александру Ивановичу.

Однако, не смотря ни на что, въ немъ не угасала бодрость къ дѣятельности, интересъ къ жизни, къ общественности. Въ немъ не потухало сочувствіе къ другимъ, къ ихъ нуждамъ. Все это было въ особенности, симпатично въ человѣкѣ, достигшемъ уже, повидимому, многаго въ жизни, въ карьерѣ, въ положеніи, въ каковыхъ условіяхъ нерѣдко люди какъ-будто бы деревенѣютъ и уходятъ въ себя.

Мы знаемъ его заслуги и извѣстность, какъ ученаго, какъ учителя и какъ общественнаго дѣятеля. Казалось бы, онъ могъ почить на лаврахъ, подобно многимъ, и сдѣлаться глухимъ къ окружающему, а между тѣмъ, мы видимъ его постоянно дѣятельнымъ, работающимъ и доступнымъ для интересовъ другихъ людей, для запросовъ вѣчно живого пульса жизни.

Если бы меня спросили, какихъ убѣжденій, какого направленія былъ покойный, еслибы мнѣ пришлось причислять его къ какому нибудь лагерю, то я бы по истинѣ затруднился это сдѣлать. Я бы даже не рѣшился сказать, былъ ли онъ консерваторомъ или либераломъ, выражаясь банально. Я бы могъ лишь утвердительно заявить, что человѣкъ этотъ былъ чрезвычайно благороднаго, прогрессивнаго, человѣчнаго образа мыслей. И такого рода направленіе онъ высоко цѣнилъ и въ другихъ.

За послѣднее время здоровье Александра Ивановича постепенно, но замѣтно ухудшалось. Онъ все труднѣе и труднѣе держался на ногахъ. Дома въ кабинетѣ его случалось застать и задремавшимъ.

Наконецъ къ веснѣ истекшаго года съ нимъ случилась какая-то серьезная, острая болѣзнь. Быть можетъ это было осложненіе, вспышка его прежнихъ страданій, только я засталъ его уже въ лежачемъ положеніи на кушеткѣ, въ халатѣ.

Встрѣтилъ онъ меня и тутъ, какъ встрѣчалъ всегда всѣхъ, любезно и ласково. Между прочимъ, онъ даже освѣдомился у меня о нашихъ печальныхъ уѣздныхъ дѣлахъ. Онъ зналъ, что я ими очень озабоченъ, что я о нихъ сильно сокрушаюсь. Мало того, онъ даже старался пошутить. Но все это выходило такъ грустно, такъ печально у этого какъ будто-бы уже сломленнаго человѣка. Было видно по выраженію его утомленнаго и осунувшагося лица, что ему самому не до шутокъ, не до смѣха.

Это было моимъ послѣднимъ свиданіемъ здѣсь, на землѣ, съ Александромъ Ивановичемъ. Онъ вскорѣ отошелъ туда, откуда нѣтъ возврата.

Все, здѣсь мною сказанное, есть лишь скудное и блѣдное воспоминаніе о незабвенномъ Александрѣ Ивановичѣ.

Мы не въ состояніи найти оправданія такой преждевременной утратѣ столь симпатичной и богато одаренной личности, каковою намъ представляется нашъ покойный. И намъ приходится лишь поневолѣ покорно смиряться передъ этою грозною необходимостью, передъ необходимостью потерять такую свѣтлую личность, и притомъ въ такое время, когда зло на землѣ, какъ будто разростается, когда море крови и слезъ, какъ будто бы хочетъ затопить все, когда неправда и злоба глядятъ отовсюду своими змѣиными убійственными глазами и, кажется, все готовы отравить или поглотить.

Зато въ утѣшеніе намъ остается то, что его вспоминаютъ теперь многія общества, многіе люди; а главное, что его есть чѣмъ помянуть, есть чѣмъ вспомнить.

А. Энгельмейеръ.

XV.

Воспоминанія объ А. И. Кирпичниковѣ.

Я не пишу ни біографію покойнаго Александра Ивановича, ни его некрологъ... Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ извѣстія о его смерти я лишь хочу сказать о немъ нѣсколько словъ—передать тѣ чисто личныя чувства и воспоминанія, которыя остались во мнѣ отъ знакомства съ нимъ въ очень давнее время, когда онъ былъ только еще на первомъ курсѣ филологическаго факультета въ Московскомъ университетѣ.

Это было сорокъ лѣтъ назадъ, въ самомъ началѣ 1863 года. Въ качествѣ вольнослушателя, я посѣщалъ тогда лекціи названнаго университета. Не имѣя въ Москвѣ никого изъ близкихъ людей, я жилъ въ то время, какъ и большинство учащихся студентовъ, въ дешевыхъ меблированныхъ комнатахъ, и это житье такъ опостылѣло мнѣ на первыхъ же порахъ, что я вывѣсилъ однажды у дверей подъ правою аркою новаго зданія университета коротенькую записку, въ которой изъявлялъ желаніе взять небольшую комнату въ семейномъ домѣ, со столомъ и прислугой. Желающаго предложить мнѣ такую комнату я просилъ обратиться къ швейцару университета, котораго предупредилъ объ этомъ. И вотъ, однажды, когда я выходилъ съ лекціи профессора гражданскаго судопроизводства К. П. Побѣдоносцева, ко мнѣ подошелъ высокій, стройный и очень красивый юноша, лѣтъ 18-ти на видъ, блондинъ, съ румянцемъ во всю щеку, съ чрезвычайно добрымъ и симпатичнымъ лицомъ. Онъ разыскалъ меня въ студенческой толпѣ очень легко, такъ какъ въ то время я былъ единственный человѣкъ, посѣщавшій лекціи университета въ военной офицерской формѣ (состоя, впредь до выхода въ отставку, въ 11-ти мѣсячномъ отпуску); студенты же носили тогда статское платье.

— Я прочелъ вашу записку,—сказалъ подошедшій студентъ,—и швейцаръ объяснилъ мнѣ, кто ее вывѣсилъ...

Затѣмъ, я узналъ, что этотъ студентъ, по фамиліи Кирпичниковъ, живетъ вмѣстѣ съ матерью, на Никитскомъ бульварѣ, что они снимаютъ

небольшую квартиру, и у нихъ есть одна свободная комната. Я записалъ адресъ и въ тотъ же день къ нимъ отправился.

Я засталъ дома и студента, и его матушку. На видъ это была пожилая женщина, средняго роста, одѣтая очень чисто, но просто. Я пробылъ у Кирпичниковыхъ недолго, такъ какъ комната оказалась для меня не подходящей: она выходила своимъ единственнымъ окномъ на какую-то лѣстницу и была, повидимому, темна. Это и было началомъ моего знакомства съ покойнымъ Александромъ Ивановичемъ. Потомъ, встрѣчаясь иногда въ университетѣ, мы раскланивались и разговаривали. И вотъ, однажды, я прочелъ въ газетахъ, что нѣкто П. А. Безсоновъ, секретарь общества любителей россійской словесности и издатель пѣсенъ «Калики-перехожіе», принялъ на себя новый трудъ—закончить обширный «Сборникъ пѣсенъ» Кирѣевскаго, редактированный въ началѣ Якушкинымъ [1]). При этомъ, дѣлалось обращеніе къ любителямъ и знатокамъ этихъ пѣсенъ, приглашавшее ихъ, чтобы они высылали тексты и варіанты пѣсенъ къ нему, Безсонову, по такому-то адресу, и что онъ, собиратель пѣсенъ, будетъ уплачивать гонораръ за каждую, которою воспользуется для сборника. Встрѣтившись въ тотъ же день въ университетѣ съ Кирпичниковымъ, я сообщилъ ему объ этомъ и прибавилъ, что хочу на досугѣ заняться этимъ дѣломъ, такъ какъ, живя ранѣе въ нѣсколькихъ великороссійскихъ и поволжскихъ губерніяхъ, и именно въ деревняхъ и селахъ, очень любилъ слушать пѣсни и многія изъ нихъ запомнилъ.

— А какую массу народныхъ пѣсенъ знаетъ моя матушка!—отвѣчалъ мнѣ на это А. И., и на этомъ мы тогда и закончили нашъ разговоръ.

На другой день, въ одной изъ аудиторій, ко мнѣ подошелъ Александръ Ивановичъ и сообщилъ, что онъ передалъ нашъ разговоръ своей матушкѣ, и что она тоже пожелала воспользоваться приглашеніемъ г. Безсонова и хотѣла бы соединить свой трудъ съ моимъ. Я согласился и отправился въ квартиру Кирпичниковыхъ еще разъ. Тамъ мы и условились въ порядкѣ работъ: въ недѣлю разъ или я долженъ былъ приходить къ нимъ, или же Александръ Ивановичъ съ пѣснями, записанными за недѣлю его матушкой, долженъ былъ прійти ко мнѣ,—и мы рѣшили свѣрять записанныя нами пѣсни и затѣмъ составить изъ нихъ одинъ общій сборникъ. Деньги, которыя мы должны были получить,

---

[1]) Въ сочиненіяхъ покойнаго Якушкина (издан. 1884 г.), на стран. 462 и слѣд., въ статьѣ «Кое-что объ изданіи народныхъ стиховъ и пѣсенъ», подробно расказывается исторія интриги, благодаря чему трудъ Якушкина попалъ въ руки Безсонову, который и объявился, такимъ образомъ, и редакторомъ «Сборника пѣсенъ» Кирѣевскаго.

рѣшено было раздѣлить пополамъ. А чтобы пѣсенъ было побольше, и я, и покойная г-жа Кирпичникова написали къ нѣкоторымъ своимъ знакомымъ, проживавшимъ въ глуши селъ и деревень, прося ихъ записать и выслать намъ мѣстныя пѣсни: я просилъ знакомыхъ мнѣ лицъ въ Тамбовской, Пензенской и Саратовской губерніяхъ, а г-жа Кирпичникова написала въ Орловскую губернію, откуда она была родомъ. И тутъ я узналъ, что они купеческаго рода, изъ города Мценска.

Составляли мы нашъ сборникъ мѣсяца два слишкомъ, сходясь по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ; всю масленую недѣлю 1863 года мы работали ежедневно, такъ какъ лекцій въ эту недѣлю тоже не было. Работа у насъ шла дружно и гладко: мы провѣряли записываемыя пѣсни съ пріобрѣтенными нами пѣсенниками и исключали изъ своего сборника тѣ, что уже были напечатаны; такимъ образомъ, къ апрѣлю того же 1863 года, мы закончили свой трудъ, внеся въ наше «собраніе» болѣе 150-ти различныхъ бытовыхъ народныхъ пѣсенъ—степныхъ, приволжскихъ и пр.; я принялъ на себя и дальнѣйшія хлопоты—пристроить нашъ сборникъ пѣсенъ и получить за него деньги.

Я разыскалъ П. А. Безсонова и передалъ ему «для просмотра» нашъ трудъ... Онъ назначилъ мнѣ зайти «черезъ недѣльку»... Но мнѣ, однако, довелось быть у Безсонова нѣсколько разъ, прежде чѣмъ этотъ предпріимчивый «собиратель пѣсенъ» далъ, наконецъ, отвѣтъ. А отвѣтъ былъ очень печальный и для насъ неутѣшительный.

— Общество наше (т. е. любителей россійской словесности) признаетъ нѣкоторый интересъ въ вашемъ трудѣ,—говорилъ Безсоновъ,—но въ виду уже израсходованныхъ на этотъ предметъ суммъ не можетъ уплатить вамъ за него деньги: оно предлагаетъ вамъ и студенту Кирпичникову, въ видѣ вознагражденія за ваши труды по составленію сборника, званіе членовъ, и въ случаѣ вашего согласія мы выбаллотируемъ васъ на первомъ же засѣданіи.

Такая неудача очень огорчила и меня, и Александра Ивановича: мы оба въ то время нуждались и разсчитывали, прежде всего, заработать что нибудь, мечтали получить, по крайней мѣрѣ, рубля по три за каждую пѣсню... А лестное званіе членовъ почтеннаго общества любителей россійской словесности насъ въ то время не особенно прельщало.

— Въ члены общества я могу попасть и послѣ,—говорилъ Александръ Ивановичъ,—а вотъ деньги-то за нашъ трудъ намъ нужнѣе.

Я предложилъ ему отправиться къ Безсонову лично. Онъ это исполнилъ, но остался очень недоволенъ пріемомъ собирателя пѣсенъ, который принялъ его, юнаго студента, не пригласивъ даже сѣсть...

Кончилось дѣло тѣмъ, что я едва-едва могъ выручить отъ Безсонова нашъ сборникъ послѣ многократныхъ къ нему хожденій и, главнымъ образомъ, благодаря лишь письму Θ. И. Буслаева, къ которому Александръ Ивановичъ и я, бывавшіе у этого всѣми любимаго профессора на его студенческихъ собраніяхъ по пятницамъ,—обратились. Но сильно было наше огорченіе и изумленіе, когда потомъ, въ началѣ 1864 года, мы узнали, что изъ нашего сборника вошло нѣсколько десятковъ пѣсенъ въ сборникъ, изданный Безсоновымъ.

Въ Москвѣ мы пробовали, потомъ, найти издателя для своего сборника, но не нашли. Въ маѣ мѣсяцѣ 1864 года я долженъ былъ уѣхать изъ Москвы. Александръ Ивановичъ оставилъ сборникъ у меня, поручая пристроить его куда нибудь въ Петербургѣ, гдѣ я думалъ пробыть съ мѣсяцъ. Но и въ Петербургѣ я ничего не устроилъ и не нашелъ издателя. Годъ спустя, въ маѣ 1865-го года, я, проѣзжая черезъ городъ Борисовъ, Минской губерніи, въ Могилевскую, куда былъ назначенъ мировымъ посредникомъ, остановился въ этомъ городѣ на нѣсколько дней у проживавшаго тамъ своего родственника, П. А. Рахманина. 10-го мая, утромъ, во время страшной бури, Борисовъ былъ подожженъ одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ; сгорѣло $^{9}/_{10}$ всего города, а въ томъ числѣ и квартира моего родственника, у котораго я остановился. Квартира эта была на городской площади, гдѣ былъ расположенъ соборъ (деревянный) и еврейскія лавки и торговые ряды. Мы и наша прислуга стали второпяхъ выносить вещи и наши чемоданы внутрь церковной ограды; но порывомъ вѣтра огонь внезапно перекинулся на ветхую гонтовую крышу церкви, и она быстро вспыхнула, а за нею и церковь сгорѣла до тла; тутъ же погорѣли и всѣ наши вещи, а въ числѣ ихъ и сборникъ пѣсенъ—совмѣстный трудъ г-жи Кирпичниковой, Александра Ивановича и мой. Страшнаго пожара, происшедшаго тогда въ Борисовѣ, никто даже не пытался тушить, такъ какъ пожарныя трубы сгорѣли въ самомъ началѣ бѣдствія вмѣстѣ съ лошадьми... Мы сами спѣшили спастись за рѣку Березину, по мосту, который, къ счастью, успѣли отстоять солдатики Малоярославскаго пѣхотнаго полка, квартировавшаго въ то время въ Борисовѣ [1]).

Я написалъ тогда Александру Ивановичу о судьбѣ, постигшей нашъ сборникъ, но увидѣться съ нимъ лично мнѣ не довелось очень долгое время...

---

[1]) Это бѣдствіе было описано мною тогда же, въ маѣ 1865 года, въ газетѣ «Голосъ», въ фельетонѣ, озаглавленномъ «Борисовскій пожаръ», а затѣмъ болѣе подробно я говорилъ объ этомъ пожарѣ въ статьѣ «Воспоминанія о службѣ въ Бѣлоруссіи» («Историческій Вѣстникъ», 1884 года, кн. за мартъ и апрѣль).

Въ сгорѣвшемъ сборникѣ были пѣсни, которыхъ я никогда—ни прежде, ни послѣ—не встрѣчалъ ни въ пѣсенникахъ, ни въ другихъ собраніяхъ русскихъ народныхъ пѣсенъ. Особенною поэзіей и прелестью отличались пѣсни лирическія и бытовыя, сообщенныя г-жею Кирпичниковой. Вотъ, напримѣръ, одна изъ такихъ пѣсенъ, поскольку она сохранилась въ моей памяти. Въ немногихъ строкахъ, въ ней разсказывается цѣлая драма разставанія двухъ, любящихъ другъ друга, людей, изъ коихъ одинъ «задумалъ жениться»—и, повидимому, «на вдовицѣ». Вотъ эта пѣсня;

«Ужъ ты, садъ ли мой, садочекъ виноградый—
Ужъ ты, другъ ли мой, дружечекъ ненаглядный!
Какъ задумалъ другъ сердечный мой жениться,
Заѣзжалъ ко мнѣ навѣки онъ проститься...
Я далеко сваво дружка провожала:
Черезъ темные лѣса—со свѣчами,
Черезъ быстрыя рѣки—съ кораблями...
Я и всѐ про всѐ съ милымъ говорила,—
Про единое словечко позабыла...
Я съ дороги сваво друга ворочала,
Я во слѣдъ сваму милому кричала:
—«Не женися, милый другъ мой, на вдовицѣ!
Какъ у вдовушки обычай не дѣвичій:
Постелюшку стелетъ—слезно плачетъ,
Возголовьице кладетъ—возрыдаетъ,
Свое прежнее любо вспоминаетъ:
«Охъ, ты, свѣтъ мой, мое прежнее любо!»...

Шли годы.. Я жилъ вдали отъ Москвы и лишь узнавалъ изъ газетъ, что Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ, по окончаніи университетскаго курса на филологическомъ факультетѣ, былъ вначалѣ учителемъ въ одной изъ московскихъ же гимназій; затѣмъ командированъ былъ заграницу и вскорѣ получилъ каѳедру въ Харьковскомъ университетѣ, а послѣ въ Новороссійскомъ. Наконецъ былъ переведенъ въ Московскій университетъ, гдѣ, имѣя уже званіе «заслуженнаго профессора», состоялъ деканомъ филологическаго факультета, а въ послѣднее время помощникомъ ректора. Я зналъ, что изъ А. И. выработался ученый—въ самомъ лучшемъ и высокомъ значеніи этого слова. Какъ профессоръ иностранной литературы, онъ много потрудился въ этой области высшаго образованія.

Въ то же время онъ оказалъ немалую услугу въ разработкѣ древней и новой россійской словесности. Очень серіознымъ его трудомъ представляется также окончаніе начатой Коршемъ (В. Ѳ.) «Всеобщей исторіи литературы». Александру Ивановичу принадлежатъ собственно III и IV томы этого обширнаго труда. Наконецъ, его «Этимологія» и «Синтаксисъ» русскаго языка имѣли чрезвычайно широкое распространеніе въ средней школѣ, а солидное ученое изысканіе о «Егоріи Храбромъ» и о знаменитомъ «Англійскомъ Милордѣ» дали ему почетное имя въ средѣ русскихъ ученыхъ филологовъ.

Пріязнь и симпатіи людей, съ которыми сводила его судьба, онъ пріобрѣталъ, главнымъ образомъ, благодаря своему мягкому и благородному характеру и необыкновенной скромности. Когда судьба, спустя цѣлыхъ 37 лѣтъ, свела меня однажды чисто случайно съ покойнымъ А. И., вновь онъ явился въ моихъ глазахъ тѣмъ же самымъ милымъ, добрымъ и симпатичнымъ человѣкомъ, какимъ я зналъ его въ тѣ далекіе годы: тотъ же ласковый и умный взглядъ добрыхъ голубыхъ глазъ, тотъ же веселый, добродушный смѣхъ, та же чрезвычайная скромность, и также онъ былъ худъ и тонокъ... Только сѣдина въ волосахъ, согбенный станъ да морщины на лицѣ, обросшемъ уже сѣдѣющею бородой, измѣняли внѣшній обликъ того цвѣтущаго юноши, котораго я зналъ прежде; да необыкновенная бѣлизна его лица исчезла совсѣмъ...

Эта вторая моя встрѣча съ покойнымъ А. И. произошла весною 1901 года въ редакціи «Русской Старины».

Войдя въ переднюю, я увидѣлъ, что редакторъ журнала, Н. Ѳ. Дубровинъ, провожаетъ какого-то господина, который, простившись, вышелъ изъ дверей. Я прошелъ въ кабинетъ Н. Ѳ. и спросилъ, кто это ушелъ сейчасъ.

— Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ,—отвѣчалъ Н. Ѳ.

Я извинился, быстро вышелъ на парадную лѣстницу и, видя, что А. И. еще не успѣлъ уйти на улицу, громко назвалъ его... А. И. остановился, и затѣмъ, увидя, что я, какъ былъ, безъ шляпы и верхняго пальто, торопливо спускаюсь внизъ, и самъ онъ повернулся назадъ и сталъ подниматься вверхъ.

— Узнаете меня, или нѣтъ?—спросилъ я.

Александръ Ивановичъ долго всматривался въ меня—и не узналъ.

— Вѣдь и я васъ не узналъ,—сказалъ я ему:—а мнѣ Николай Ѳедоровичъ сказалъ.

Затѣмъ я назвалъ себя... Мы проговорили минутъ 20, если не больше. Въ редакцію мимо насъ проходили и уходили обратно новые

посѣтители... Въ концѣ разговора А. И. самъ вспомнилъ о безцеремонномъ поступкѣ Безсонова съ нашимъ сборникомъ пѣсенъ.

— Онъ потомъ продѣлалъ со мною еще болѣе нехорошую вещь,— добавилъ А. И., не объясняя, впрочемъ, что именно, а говорить подробно было некогда [1]). Наконецъ, мы простились. А. И. сказалъ, что уѣзжаетъ въ тотъ же день съ вечернимъ поѣздомъ, и просилъ быть у него въ Москвѣ, когда я буду проѣзжать черезъ этотъ городъ. Но, заѣхавъ къ нему въ Москвѣ, недѣли двѣ-три спустя, я уже не засталъ его на городской квартирѣ: онъ жилъ на дачѣ. Потомъ, я проѣзжалъ Москву, не останавливаясь въ ней, и, такимъ образомъ, не могъ воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ А. И. посѣтить его.

Однажды какъ-то, годъ назадъ, днемъ, въ третьемъ часу, я шелъ по Невскому. Смотрю, ѣдетъ на извозчикѣ А. И., держитъ въ рукахъ сакъ-вояжъ, а у извозчика въ ногахъ лежитъ его чемоданъ. Ѣхалъ онъ къ Знаменской площади, и я понялъ, что онъ ѣдетъ на Николаевскій вокзалъ. Я взялъ перваго попавшагося извозчика и поѣхалъ туда же. Но А. И., пріѣхавшаго раньше меня, я нашелъ не скоро. На вокзалѣ была страшная суетня и масса народа—отходилъ почтовый поѣздъ, и съѣзжалась, кромѣ того, публика слѣдующаго поѣзда, отходившаго въ $3^1/_2$ часа. Я рѣшилъ искать А. И. въ вагонахъ. И дѣйствительно вскорѣ же и нашелъ его въ спальномъ вагонѣ II-го класса. Оказалось, что онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ лишь на три дня—въ засѣданія коммиссіи бывшаго министра Ванновскаго, по реформѣ средней школы.

Александръ Ивановичъ еще разъ пригласилъ меня побывать у него въ Москвѣ, взялъ мой петербургскій адресъ, обѣщая, если пріѣдетъ сюда, завернуть ко мнѣ, и на этомъ мы и разстались. Свиданіе заняло минуты двѣ-три, не болѣе. Это былъ послѣдній разъ, когда я видѣлся съ Алекандромъ Ивановичемъ...

Да будетъ вѣчный покой праху этого прекраснаго человѣка, добрая память о которомъ сохранится навсегда въ наукѣ и въ сердцахъ всѣхъ, кто зналъ его!.. (Изъ «Историч. Вѣстн.», 1903, VI).

Ив. Захарьинъ (Якунинъ).

---

[1]) Въ 1870-хъ годахъ, когда я вновь жилъ въ Москвѣ, я встрѣчался съ Безсоновымъ въ артистическомъ кружкѣ, гдѣ онъ былъ даже нѣсколько мѣсяцевъ старшиною. Въ то же время онъ служилъ начальникомъ отдѣленія во вновь учрежденномъ страховомъ обществѣ «Якорь». Зэтѣмъ, съ 1879 года этотъ «дѣлецъ» былъ профессоромъ въ Харьковѣ, въ тамошнемъ университетѣ, занимая каѳедру славянскихъ нарѣчій. Кажется, въ Харьковѣ же онъ и умеръ.

XVI.

Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ.

Въ минувшемъ году Московскій Публичный и Румянцевскій Музеи лишились одного изъ своихъ наиболѣе выдающихся и полезнѣйшихъ дѣятелей, проф. А. И. Кирпичникова, занимавшаго въ Музеяхъ должности хранителя доисторическихъ, христіанскихъ и русскихъ древностей, а затѣмъ библіотекаря.

А. И. началъ службу въ Музеяхъ вскорѣ послѣ своего перехода изъ Одессы въ Москву въ 1898 г. Заступивъ въ качествѣ хранителя отдѣленія древностей мѣсто такого знатока русскихъ древностей, какъ Г. Д. Филимоновъ, А. И. болѣе чѣмъ кто-либо былъ подготовленъ продолжать дѣло своего именитаго предшественника.

Его занятія археологіей, главнымъ образомъ исторіей искусства и иконографіей, цѣнные ученые труды по этимъ отдѣламъ науки и лекціи, читанныя имъ по древне-христіанскому искусству въ Новороссійскомъ университетѣ, все это давало Музеямъ полное право ожидать особо плодотворной дѣятельности отъ вступившаго въ ихъ корпорацію новаго члена. И дѣйствительно, А. И. Кирпичниковъ вполнѣ оправдалъ возлагавшіяся на него надежды. Если Г. Д. Филимоновъ основалъ въ Музеяхъ отдѣленіе древностей и положилъ значительное начало упорядоченію всѣхъ собранныхъ имъ коллекцій и ихъ первоначальной описи, то со вступленіемъ проф. Кирпичникова въ должность хранителя начинается для отдѣленія новая эра—научная разработка собранныхъ обширныхъ коллекцій предпринимается полная каталогизація предметовъ и систематическое ихъ описаніе, причемъ, хранитель стремится оживить прежнія работы и поднять значеніе отдѣленія для науки. Далеко не всѣ намѣренія удалось выполнить А. И. въ продолженіе его кратковременнаго, длившагося всего четыре года, завѣдыванія Отдѣленіемъ. Но и то, что было имъ сдѣлано, и цѣлый рядъ плановъ, завѣщанныхъ имъ своимъ преемникамъ, вполнѣ достаточны для того, чтобы указать Отдѣленію дальнѣйшій путь его научной дѣятельности.

Съ живѣйшимъ интересомъ относился А. И. къ этому дѣлу, внимательно изучая каждый предметъ во всѣхъ его деталяхъ, не пропуская незамѣченной ни одной сколько-нибудь отличительной его черты. Заботами А. И.: 1) была закончена опись собраній отдѣленія въ главныхъ своихъ частяхъ; 2) составленъ подробный инвентарь всего почти отдѣленія, и 3) изданы путеводители по собраніямъ христіанскихъ и русскихъ древностей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ А. И. обратилъ особое вниманіе на хранящіеся въ Отдѣленіи, совершенно почти неизслѣдованные Севастьяновскіе портфели съ многочисленными гравюрами и снимками съ памятниковъ искусства и письменности. Портфели эти, несмотря на то, что были собраны не мало лѣтъ назадъ, до сихъ поръ возбуждаютъ живой интересъ ученыхъ, для которыхъ цѣнность ихъ еще болѣе увеличивается между прочимъ и тѣмъ, что многіе изъ снимковъ являются въ настоящее время униками, вслѣдствіе измѣненій или полной утраты подлинниковъ. Ясно понимая весь интересъ, представляемый Севастьяновскими портфелями, А. И. Кирпичниковъ предпринялъ полное описаніе ихъ, предполагая сдѣлать его вполнѣ научнымъ и снабдить подробными справками и указаніями на источники. Ему довелось видѣть этотъ трудъ доведеннымъ до половины и разобрать самому главную его часть—иконографію.

Такъ какъ всѣ, подобныя вышеизложеннымъ, занятія требуютъ постоянныхъ пособій и справокъ въ научныхъ изданіяхъ и монографіяхъ, А. И. основалъ при Отдѣленіи спеціальную библіотеку, почти исключительно изъ книгъ, имъ пожертвованныхъ. Къ нынѣшнему году библіотека Отдѣленія достигла почти 400 томовъ.

А. И. горячо любилъ Музейское дѣло, отдыхалъ за нимъ отъ другихъ своихъ сложныхъ обязанностей и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ дѣйствительно зналъ его, и эта опытность знатока безошибочно подсказывала ему работы наиболѣе полезныя для науки и для Музеевъ.

Принимая во всѣхъ работахъ непосредственное участіе, онъ одновременно былъ занятъ мыслями объ археологическихъ изданіяхъ, стоявшихъ въ связи съ дѣятельностью его по отдѣленію древностей. Такъ, имъ начато составленіе археологическаго словаря, предназначавшагося преимущественно для пользованія «его наслѣдникамъ по Музею». Въ будущемъ предполагалось изданіе библіографическаго указателя статей и монографій по археологіи и т. д.

Заботясь, главнымъ образомъ, о постановкѣ научной дѣятельности Отдѣленія, А. И. не забывалъ и внѣшней стороны его; въ особенности пользовался онъ всякимъ случаемъ сдѣлать обозрѣніе коллекцій болѣе

удобнымъ для публики и открыть для нея всѣ, безъ исключенія, предметы, имѣющіеся въ Отдѣленіи. Такъ, въ періодъ его завѣдыванія былъ устроенъ особый польскій отдѣлъ изъ портретовъ польскихъ дѣятелей и нѣкоторыхъ предметовъ, поступившихъ въ 60-хъ годахъ изъ Виленскаго музея и остававшихся долгое время неразобранными.

Въ высшей степени плодотворна для Музеевъ была дѣятельность А. И. какъ ученаго, но не меньше значенія имѣла его нравственная личность и оказываемое ею вліяніе на окружающихъ. Человѣкъ гуманный, идеально честный, горячо преданный своему дѣлу, онъ и въ своихъ сотрудникахъ необходимо долженъ былъ возбуждать энергію и желаніе неустанно работать исключительно изъ любви къ дѣлу и ради общей пользы. Оттого лица, подчиненныя ему, видѣли въ немъ только старшаго товарища, опытнаго руководителя и совѣтника, готоваго каждую минуту помочь своими глубокими познаніями.

Послѣдніе 6 мѣсяцевъ своей службы въ Музеяхъ А. И. Кирпичниковъ посвятилъ библіотекѣ, занявъ должность библіотекаря съ октября 1902 г. И здѣсь въ теченіе этого недолгаго срока А. И. былъ одушевленъ тѣмъ же безкорыстнымъ служеніемъ дѣлу и стремленіемъ принести возможно большую пользу каждому въ его научныхъ нуждахъ.

Пусть благодарная память объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ и выдающемся служителѣ науки навсегда сохранится въ лѣтописяхъ Музеевъ!

(Изъ «Отчета Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ за 1903 годъ»).

XVII.

А. И. Кирпичниковъ.

30-го апрѣля скоропостижно скончался проф. Московскаго Университета А. И. Кирпичниковъ, корреспондентъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ съ 1894 года; одинъ изъ послѣднихъ учениковъ Ѳ. И. Буслаева, пользовавшійся его особой, можно сказать, семейной симпатіей. Отъ него онъ унаслѣдовалъ и его научную программу, обнимавшую, вмѣстѣ съ русской литературой, и западныя, Византію и исторію христіанскаго искусства, по мѣрѣ того какъ работалъ во всѣхъ этихъ областяхъ. Посланный загра-

ницу для приготовленія къ каѳедрѣ всеобщей литературы, на которую направилъ его Ѳ. И., онъ занимался въ Вѣнѣ и Парижѣ, и его первая диссертація (Поэмы ломбардскаго цикла, 1873 г.) обратила вниманіе вѣнскаго германиста проф. Гейнцеля, давшаго о ней прекрасный отзывъ. Уже въ этой работѣ къ изученію германскаго эпоса привлечены данныя русскихъ былинъ; докторская диссертація, защищенная въ Петербургѣ (Св. Георгій и Егорій Храбрый, 1879 г.), построена въ значительной мѣрѣ на русско-славянской почвѣ, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ лучшихъ трудовъ по сравнительному изученію международнаго письменнаго и устнаго преданія. Общіе курсы по исторіи европейскихъ литературъ, читанные А. И. въ Харьковѣ и Одессѣ собрали въ его рукахъ богатый матеріалъ, которымъ онъ могъ воспользоваться, когда принялъ на себя руководство по составленію обширной «Исторіи всеобщей литературы», начатой подъ редакціей В. Ѳ. Корша. Вмѣстѣ съ тѣмъ шли работы по излюбленнымъ спеціальнымъ вопросамъ, среди которыхъ, къ концу жизни, новая русская словесность начинаетъ занимать первенствующее мѣсто. Покойному принадлежатъ нѣсколько статей о Пушкинѣ, Жуковскомъ, Писемскомъ, Достоевскомъ, Погорѣльскомъ, Мельгуновѣ, Кургановѣ и т. д.; работа о Гоголѣ появилась на страницахъ Извѣстій 2-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, для котораго А. И. никогда не отказывался разбирать сочиненія, представленныя на ученыя преміи. Такіе разборы, какъ посвященные стихотворнымъ переводамъ Нибелунговъ и Пѣсни о Роландѣ, требовали соединенія знаній, не всегда совмѣщаемыхъ спеціалистами по исторіи русской литературы.

Ту же общую просвѣтительную задачу преслѣдовалъ покойный профессоръ въ своихъ занятіяхъ по археологіи, главнымъ образомъ, по отдѣлу иконографіи христіанскаго, въ частности русско-византійскаго искусства. Не становясь присяжнымъ археологомъ и предоставляя спеціалистамъ историческую разработку памятниковъ, А. И. сосредоточился на обще-легендарномъ и частно-апокрифическомъ содержаніи средневѣковаго и византійскаго искусства, въ формѣ отдѣльныхъ этюдовъ по иконографіи Рождества Христова, Сошествія св. Духа, Воскресенія, Успенія Богородицы, а также по объясненію миніатюръ различныхъ греческихъ лицевыхъ рукописей. Изъ своей большой работы по Сказаніямъ о житіи Св. Дѣвы Маріи и памятникамъ искусства, ихъ воспроизводящимъ, покойный успѣлъ напечатать только нѣсколько статей.

Многочисленные отзывы о покойномъ его товарищей по университету и учениковъ характеризуютъ его не только, какъ профессора, но и какъ человѣка трудового, дѣйствительно любившаго науку, общественно

благонастроеннаго, всегда готоваго, какъ бы онъ ни былъ заваленъ работой, отозваться на чужія нужды. (Изъ Отчета о дѣятельности отдѣленія Русскаго Языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ за 1903 г.).

Н. Кондаковъ.

XVIII.

Памяти А. И. Кирпичникова.

Сегодня съ глубокимъ, искреннимъ прискорбіемъ весь московскій ученый міръ провожаетъ въ могилу скромнаго, добраго и благороднаго подвижника науки, Александра Ивановича Кирпичникова.

Не знатнаго былъ онъ рода: купеческій сынъ города Мценска, но теперь знаютъ его во всѣхъ городахъ Россіи, и даже широко извѣстно имя его за границею.

Большую часть своей жизни ему суждено было прослужить въ Харьковѣ и Одессѣ, но связанный съ Москвою и среднимъ, и высшимъ своимъ образованіемъ, онъ неизмѣнно тянулъ къ ней своею душею, часто навѣщалъ ея научныя сокровища, наконецъ рѣшилъ посвятить ей послѣднія свои силы, — и вотъ нынѣ въ ней же сложилъ онъ свои кости.

Не развлекалась душа его явленіями текучей общественной жизни и всегда была чужда политической партійности: задачи строгой науки и ученая часть—вотъ тѣ интересы, коими билось его сердце, и тотъ воздухъ, коимъ дышалъ онъ въ своей ученой кельѣ.

Это была выдающаяся ученая сила, создавшая много трудовъ первостепенной научной важности.

Въ нравственномъ существѣ почившаго отличительною и самою характерною чертою была его *желѣзная воля*, способная къ самому продолжительному напряженію и не знавшая никакихъ препятствій въ достиженіи намѣченной цѣли. Не разъ былъ онъ предметомъ удивленія въ этомъ отношеніи для своихъ товарищей и сослуживцевъ.

Онъ былъ слушателемъ профессоровъ, знаменитыхъ въ исторіи московскаго университета; то были: *Соловьевъ*, *Бодянскій*, *Буслаевъ* и *Тихонравовъ*.

Даровиты были и его товарищи, уже стяжавшіе нынѣ славную извѣстность; какъ-то: *В. О. Ключевскій* и *М. С. Дриновъ*, бывшій ми-

нистромъ просвѣщенія въ Болгаріи, нынѣ профессоръ харьковскаго университета; талантливъ былъ также покойный другъ его *Ө. А. Гиляровъ*, раздѣлявшій съ ними труды по составленію и изданію учебныхъ руководствъ.

Это было то содружество, которое записывало всѣ профессорскія лекціи и редактировало ихъ по всѣмъ предметамъ и для всѣхъ студентовъ. За необыкновенную воспріимчивость и талантливость, за неустанность въ работѣ, за благородство характера почившій Александръ Ивановичъ еще на студенческой скамьѣ пользовался любовью и уваженіемъ среди всѣхъ своихъ товарищей.

Изъ профессоровъ-же самымъ излюбленнымъ былъ для него *Ө. И. Буслаевъ*, какъ человѣкъ самый сердечный и задушевный. У него продолжалъ онъ учиться и по окончаніи университетскаго курса и до конца его жизни не прерывалъ съ нимъ самыхъ искреннихъ отношеній.

Подъ его руководствомъ и по его указаніямъ почившимъ были составлены «*Этимологія*» и «*Синтаксисъ*» русскаго языка, чѣмъ объясняется научная высота этихъ учебныхъ руководствъ и широкое потому ихъ распространеніе.

Буслаевымъ дана была и тема для магистерской диссертаціи: «*Поэмы Ломбардскаго цикла*», докторская диссертація: «*Святый Егорій и Егорій Храбрый*» также была написана не безъ его указаній.

Какъ профессоръ иностранныхъ литературъ, Александръ Ивановичъ чрезвычайно много дѣлалъ въ этой области для высшаго россійскаго образованія; но онъ въ то-же время никогда не оставлялъ интереса къ разработкѣ древней и новой русской словесности. Мы не можемъ на нашихъ страницахъ исчислять всѣхъ его ученыхъ трудовъ, а тѣмъ болѣе входить въ ненужную ихъ оцѣнку. Замѣтимъ только, что всѣ они блещутъ или оригинальностью взгляда, или новыми данными.

Замѣчательно, что онъ не любилъ органичиваться студенческою аудиторіей, но охотно читалъ то публичныя лекціи, то преподавалъ на высшихъ женскихъ курсахъ, или въ консерваторіи, или въ училищѣ живописи, ваянія и зодчества,—вездѣ, гдѣ открывалась возможность.

Какъ разнообразна была его научна дѣятельность, на это указываетъ то, что онъ состоялъ: членомъ—корреспондентомъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, Московскаго археологическаго общества, любителей древне-русской письменности и общества любителей россійской словесности.

Всюду онъ принималъ дѣятельное участіе и читалъ доклады строго-научнаго достоинства.

Въ послѣднее время А. И. сдѣлался библіотекаремъ Румянцескаго музея, и утрата его, при широтѣ его литературныхъ и историческихъ знаній, рѣшительно незамѣнима. («Моск. Лист.», 2 мая).

Е. Барсовъ.

XIX.

Памяти А. И. Кирпичникова.

Надъ свѣжею могилой любимаго и очень хорошаго человѣка трудно сообразить въ первыя минуты все значеніе потери: оно выяснится постепенно, самою жизнью. А между тѣмъ такъ страстно хочется еще разъ воскресить въ памяти его еще недавно полный жизни образъ. И прежде всего мнѣ вспоминается одна мысль, высказанная Александромъ Ивановичемъ въ его лекціи о Викторѣ Гюго: «Наши прадѣды, стоя на конечной грани XVIII столѣтія, назвали его вѣкомъ просвѣщенія. Какъ назовутъ наше XIX столѣтіе..? Если судить по тому, какимъ ореоломъ окружено въ глазахъ нашихъ имя Виктора Гюго, горячаго и искренняго проповѣдника любви къ людямъ, нашъ вѣкъ можетъ гордиться именемъ *вѣка гуманности*». Эта мысль была характерна для ея автора. Кажется, что въ ней выразилось все содержаніе его жизни и души. Вмѣстѣ съ прирожденнымъ глубокимъ благородствомъ натуры идея эта придавала его личности то неуловимое своеобразное, что не повторяется въ другихъ и составляетъ собственность только даннаго лица и образуетъ впечатлѣніе отъ него на окружающихъ. «Онъ умѣлъ дѣлать жизнь», «онъ прожилъ и умеръ молодцомъ, какъ дай Богъ всякому»! — сказалъ въ надгробной рѣчи одинъ изъ его учениковъ. Да, это глубоко вѣрно, но онъ умѣлъ дѣлать не только свою жизнь, но умѣлъ помогать въ этомъ и другимъ людямъ. Немало есть лицъ, которыхъ онъ воспиталъ какъ другъ и чуткій, даровитый педагогъ и создалъ ихъ умственно и нравственно, давъ имъ все что есть лучшаго, завѣтнаго и счастливѣйшаго въ жизни ихъ. Александръ Ивановичъ перенесъ не одно глубокое несчастье въ жизни, и надо было быть поистинѣ молодцомъ, обладать въ высшей степени здоровой нравственно натурой, чтобы справиться съ собой и вновь съ прежнею энергіей обратиться лицомъ къ жизни и работѣ.

У него былъ одинъ губительный для него же недостатокъ: онъ не зналъ и не любилъ отдыха. Каждая минута его жизни отдана была на-

учному или общественному труду. «У насъ меньше культурности, чѣмъ на Западѣ, и печатное слово сравнительно слабо развито. Въ Россіи надо писать возможно больше, популяризировать знанія въ разнообразныхъ кругахъ общества и въ народѣ. Не бѣда, что не все въ этомъ писаніи будетъ самымъ лучшимъ, что можно только дать на ту или другую тему. Одинъ проложитъ путь, другой пройдетъ по этому пути уже съ меньшимъ усиліемъ и съ большимъ успѣхомъ»,—говорилъ мнѣ разъ А. И. И онъ писалъ и бѣглыя замѣтки, и впечатлѣнія, и воспоминанія, и критику, и статьи для сборниковъ, и очерки для журналовъ, и солидныя научныя спеціальныя изслѣдованія. Мало кто изъ русскихъ ученыхъ оставилъ послѣ себя такое богатое литературно-научное наслѣдство, мало кто содѣйствовалъ въ такой степени распространенію знаній по литературѣ въ массахъ. А въ столахъ его лежатъ еще обильные матеріалы и, какъ намъ извѣстно, неоконченный капитальный, почти необходимый для русской археологіи трудъ. Значеніе его научной дѣятельности, результаты его работы, несомнѣнно, скоро выяснятъ спеціалисты въ различныхъ областяхъ, которыхъ онъ касался, и его друзья. Но невольно спросишь: гдѣ хватало силъ на всю эту массу пережитаго, сдѣланнаго, передуманнаго и написаннаго? Конечно, онъ черпалъ ихъ въ своей богато одаренной натурѣ. Но великими помощниками были для него и его любимые друзья—книги, поэты, ученые и мыслители всѣхъ вѣковъ, короче говоря,—его наука, исторія литературы, которая составляла для него все и давала силы для жизни.

Другимъ фокусомъ его привязанностей, родственнымъ съ наукой, былъ университетъ. А. И. Кирпичниковъ принадлежалъ къ тому уже рѣдѣющему типу людей, для которыхъ слово «университетъ» было святымъ словомъ. Никакія отрицательныя явленія въ жизни русскихъ университетовъ, въ обществѣ студентовъ или профессоровъ не могли разрушить этого храма его религіи, ослабить силы этого глубокаго дорогаго слова. Этотъ монументальный храмъ идей долженъ стоять незыблемо, не смотря на всѣ паденія, раздоры и слабости его поклонниковъ, потому что въ немъ осуществляется принципъ знанія для гуманности. А сколько сердца, страданій и усилій спасти все, что можно и опять объединить подъ знаменемъ науки, потратилъ этотъ человѣкъ! Такіе люди не живутъ долго, потому что такое отношеніе къ страстно любимому не проходитъ имъ даромъ. Но они живутъ не даромъ. «Онъ ревностно служилъ тремъ университетамъ», — сказалъ про А. И. проф. Андреевъ. Можно сказать, что онъ служилъ всѣмъ университетамъ Россіи, всю жизнь свою наполнивъ служеніемъ самому принципу, самой идеѣ русскаго универ-

ситета, какъ источника всего свѣтлаго и лучшаго въ родной странѣ. Вотъ отчего и нашъ московскій университетъ такъ глубоко чувствуетъ эту утрату и учащіеся въ немъ студенты такъ сплотились около его гроба. Вотъ отчего такъ долго не хотѣлось расходиться съ его могилы! Изъ университетскихъ. («Рус. Вѣд.», 4 мая).

XX.

Памяти А. И. Кирпичникова.

Со смертью А. И. Кирпичникова московскій университетъ лишился талантливаго профессора и гуманнаго администратора; наука—извѣстнаго ученаго; общество—одного изъ самыхъ замѣтныхъ и энергичныхъ своихъ дѣятелей, а студенты—стараго друга и своего вѣрнаго заступника и ходатая.

Это былъ одинъ изъ самыхъ гуманнѣйшихъ людей. Гуманность его была не только естественнымъ слѣдствіемъ выработанныхъ имъ въ юности убѣжденій, которымъ онъ до конца оставался вѣренъ;—она коренилась въ самой натурѣ его.

Уваженіе къ человѣческой личности и интересъ къ ней проявлялись и въ его отношеніяхъ къ людямъ и даже въ его историко-литературныхъ работахъ. Біографіи писателей, выясненіе ихъ жизни и духовнаго развитія занимали его никакъ не менѣе, чѣмъ ихъ произведенія. И по отношенію къ студентамъ, приходившимъ къ нему, онъ не только старался узнать ихъ научные интересы, но прежде всего хотѣлъ понять и приблизить ихъ къ себѣ, какъ людей. Поэтому къ нему обращались по самымъ разнообразнымъ нуждамъ, за помощью или за совѣтомъ. Иной прибѣгалъ къ его содѣйствію при поискахъ уроковъ, другой, чтобы уладить недоразумѣніе съ университетскимъ начальствомъ или съ кѣмъ-нибудь изъ экзаменаторовъ, или съ какимъ-нибудь непонятнымъ параграфомъ университетскаго устава; третій, окончившій уже курсъ, искалъ поддержки при вступленіи на самостоятельное поприще. Александръ Ивановичъ съ полной готовностью и доброжелательствомъ выслушивалъ каждаго и никогда не ограничивался выраженіемъ пассивнаго сочувствія и соболѣзнованія, а старался оказать помощь на дѣлѣ, жертвуя своимъ временемъ, силами и спокойствіемъ.

Среди враждующихъ сторонъ и обострённыхъ отношеній онъ всегда умѣлъ пустить примирительную струю. Миролюбивый и снисходительный по натурѣ, простой и обходительный въ отношеніяхъ ко всѣмъ, знакомымъ и незнакомымъ, совершенно чуждый того олимпійскаго величія, которое присуще бываетъ многимъ изъ жрецовъ науки—онъ всѣмъ былъ дорогъ и вездѣ былъ нуженъ. Если къ тому же принять во вниманіе его необыкновенную отзывчивость, широкій кругъ его интересовъ, присутствіе вѣрнаго такта, организаторскія и административныя способности и, наконецъ, то обстоятельство, какъ мало у насъ людей, способныхъ къ инціативѣ и энергичныхъ въ общественной дѣятельности,—становится вполнѣ понятно, отчего присутствіе Александра Ивановича въ качествѣ предсѣдателя или одного изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ было почти незамѣнимо во всѣхъ ученыхъ обществахъ Москвы, сколько-нибудь филологическаго, литературнаго или педагогическаго характера.

Какъ студентъ-филологъ недавняго прошлаго, я живо до малѣйшихъ подробностей помню появленіе Ал. Ив. на каѳедрѣ нашего старѣйшаго университета, куда онъ перешелъ изъ Одессы. Помню нетерпѣливые предварительные толки.... и, наконецъ, день его вступительной лекціи, когда А. И. Кирпичниковъ, бывшій до этихъ поръ для меня только составителемъ русской грамматики въ красномъ переплетѣ, по которой я въ дѣтствѣ учился, и авторомъ многихъ важныхъ статей и изслѣдованій по литературѣ, съ которыми я ознакомился въ юности, сталъ, наконецъ, для меня и другихъ моихъ товарищей живымъ лицомъ, опредѣленной конкретной личностью. Какъ рады были словесники объявленному имъ курсу по новой русской литературѣ, которая до этихъ поръ была у насъ совершенно въ загонѣ, скромно стушевываясь передъ древней! Какъ очарованы были студенты его простымъ товарищескимъ и въ то же время гуманнымъ и деликатнымъ обхожденіемъ! Въ этомъ отношеніи онъ ближе всего подходилъ къ покойному Н. Я. Гроту, бывшему въ мое время однимъ изъ самыхъ любимыхъ профессоровъ. И какъ русская наука не забудетъ заслугъ Ал. Ив. Кирпичникова въ области исторіи литературы, такъ мы всѣ, ученики, знавшіе его близко, навсегда сохранимъ въ душѣ своей образъ этого талантливаго профессора и гуманнѣйшаго человѣка. («Курьеръ» 3 мая).

Одинъ изъ учениковъ.

XXI.

Памяти Александра Ивановича Кирпичникова.

Смерть Александра Ивановича Кирпичникова—тяжелая и скорбная утрата для тѣхъ, кто его зналъ, для тѣхъ, кто ему былъ чѣмъ-либо обязанъ. А людей, ему обязанныхъ, много.

Рѣдко широкая популярность человѣка покоится на такомъ прочномъ фундаментѣ, какъ это было въ отношеніи Александра Ивановича. Исключительная доброта и отзывчивость къ нуждамъ всякаго просящаго и нуждающагося были его отличительнымъ и рѣдкимъ достоинствомъ. Широкій, разносторонній умъ, обширная эрудиція, неустанная работа и въ сферѣ научной, и въ сферѣ общественной, простота и истинно интеллигентная деликатность въ обращеніи со всякимъ, хотя бы совершенно посторотнимъ человѣкомъ,—все это выдвигало Александра Ивановича въ ряды лучшихъ людей нашего времени. Ученый гуманистъ, кабинетный труженикъ и просвѣщенный общественный дѣятель, хранитель лучшихъ традицій своей юности—шестидесятыхъ годовъ,—Александръ Ивановичъ былъ однимъ изъ достойнѣйшихъ членовъ старѣйшаго университета. Нелицемѣрный другъ студенчества, онъ, несомнѣнно, оставитъ по себѣ добрую и прочную память среди своихъ многочисленныхъ учениковъ, для которыхъ онъ всегда дѣйствительно оставался «профессоромъ-другомъ» и «печальникомъ» студенческихъ горя и нуждъ.

Дорогую жертву беретъ сегодня могила.

...«О жизни поконченъ вопросъ;
Больше не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ»...

Но нужна благодарная и долгая память о такихъ людяхъ, какъ Александръ Ивановичъ, потому что только такими, богатыми духомъ людьми созидается свѣтлое будущее и красится настоящій сѣрый день. («Русск. Вѣд.» 2-го мая).

В. Стражевъ.

XXII.

А. И. Кирпичниковъ.

I.

Сегодня опускаютъ въ могилу тѣло Александра Ивановича Кирпичникова.

Вспомните, гдѣ вы впервые услышали эту фамилію? Не встало ли передъ вашими глазами ваше дѣтство, ваше прошлое, школьная скамья, уроки русскаго языка?

Въ началѣ 70-хъ годовъ, когда всѣ говорили о новой школѣ, о новой системѣ преподаванія, лишенной сухой, черствой схоластики, появился учебникъ Кирпичникова и Гилярова. Александръ Ивановичъ любилъ разсказывать исторію возникновенія этой книги. Онъ былъ въ то время совсѣмъ молодымъ человѣкомъ. Вмѣстѣ съ нимъ преподавалъ въ одной школѣ юный педагогъ Гиляровъ. Молодые люди, полные энергіи съ не удержимою силою стремившіеся къ идеаламъ новой школы, видѣли насколько неудовлетворительны всѣ существующіе учебники грамматики. И вотъ они начали преподавать вовсе безъ учебника. Оба, и Гиляровъ и Кирпичниковъ; частенько сходились по вечерамъ и бесѣдовали на свою любимую тему: какъ оздоровить преподаваніе русскаго языка. Въ результатѣ этихъ бесѣдъ у юныхъ педагоговъ вспыхнуло твердое рѣшеніе создать свой учебникъ. Немедленно принялись за составленіе его и скоро учебникъ былъ готовъ. Но гдѣ было достать денегъ на изданіе? Издатели недовѣрчиво пожимали плечами въ отвѣтъ на просьбу издать книжку. Издавать учебникъ составителей безъ имени—это у нихъ считалось не только рискомъ, но прямо безуміемъ. Несмотря на то, что молодые составители такъ вѣрили въ свои силы, такъ краснорѣчиво убѣждали «книжниковъ» издать хоть совсѣмъ даромъ, издателей не нашлось. И вотъ составители рѣшили издать учебникъ на свой счетъ. Но какой можетъ быть «счетъ» у молодого учителя! Цѣлый годъ они отказывали себѣ во всемъ, жили въ отвратительныхъ меблированныхъ комнатахъ, бѣгали по урокамъ, чтобы скопить нужную сумму. И вотъ, наконецъ, «сумма» скоплена. Издатели-авторы истратили на книжку все до копеечки. Книжка вышла къ концу весны. И тутъ у нихъ впервые родилось сомнѣніе. А что какъ книга не пойдетъ? Они поручили учебникъ швейцару номеровъ, гдѣ жили, а сами уѣхали на дачу. «И чуть не каждый день мы навѣдывались поочередно у швейцара: спрашивали ли нашу книгу. Онъ неукоснительно отвѣчалъ: «нѣтъ». И мы возвращались къ себѣ «на дачу»

хмурые, сумрачные. Всѣ деньги были истрачены на книгу. Нечѣмъ было платить даже за ту скромную комнату, которую мы называли «дачей». но вотъ въ одинъ радостный день моей жизни Гиляровъ вернулся ликующимъ! Швейцаръ продалъ 20 учебниковъ!.. Съ этого дня и пошло благополучіе...» Книга встрѣтила прочное сочувствіе и устойчивый спросъ, въ теченіе тридцати почти лѣтъ. Этотъ учебникъ сразу составилъ имя молодому филологу. Дальнѣйшіе труды его на педагогическомъ поприщѣ сдѣлали это имя еще почетнѣе и извѣстнѣе.

Но извѣстность и популярность Александра Ивановича росла не въ мѣру однихъ только ученыхъ заслугъ. Въ немъ рано пробудилась любовь и жажда къ общественной дѣятельности. Онъ самъ разсказывалъ о фактѣ, который былъ толчкомъ, заставившимъ его посвятить всю жизнь одной идеѣ. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ А. И. слушалъ лекціи заграницей и готовился къ своей диссертаціи. Какъ-то ему пришлось нѣсколько мѣсяцевъ прожить на одной и той же квартирѣ. «И вотъ,—разсказывалъ онъ,—однажды приходятъ ко мнѣ и заявляютъ, что я обязанъ отдать свою дочь (А. И—чъ за границей былъ со своей старшей дочерью) въ школу! Что *я не имѣю право ее* держать у себя и не учить! Вотъ это идеальное проведеніе въ жизнь принципа всеобщей обязанности образованія! И съ болью въ сердце я подумалъ, какая пропасть лежитъ въ этомъ отношеніи между Россіей и Западомъ».

И съ тѣхъ поръ въ душу А. И—ча запало страстное желаніе посвятить себя всецѣло дѣлу народнаго образованія. Въ Одессѣ онъ съ головой погружается въ общественную дѣятельность, и на поприщѣ внѣшкольнаго образованія «литературными вечерами для рабочихъ» онъ быстро достигъ такихъ поразительныхъ успѣховъ, что слава о немъ дошла до Москвы. И когда онъ, въ качествѣ профессора, былъ переведенъ въ московскій университетъ, комитетъ грамотности, въ которомъ работали кн. Шаховской, Штевенъ, Чупровъ, Милюковъ и другія уважаемыя свѣтлыя личности, обратился къ Александру Ивановичу съ просьбой устроить въ Москвѣ что-нибудь подобное. Первый же рефератъ А. И—ча—«Литературные вечера для народа» вызвалъ пылкій обмѣнъ мнѣній, вызвалъ къ жизни комиссію по устройству этихъ вечеровъ, и дѣло закипѣло горячо.

А. И. работалъ безъ устали надъ приведеніемъ въ жизнь своей завѣтной мечты—народнаго образованія. Работалъ вплоть до 1896 года, когда страшное горе оторвало его отъ общественной дѣятельности. Въ Москвѣ рѣкѣ утонула любимая дочь его... За одну ночь А. И. постарѣлъ и осунулся на нѣсколько лѣтъ. Можно было серьезно опасаться

за его здоровье. Но онъ пережилъ свое горе. Только отъ общественной дѣятельности ушелъ на нѣсколько лѣтъ.

Но, когда горе остыло, онъ снова вернулся къ ней.

Работы въ комиссіи Ванновскаго по реформѣ средней школы, гдѣ онъ принималъ участіе въ качествѣ члена, работы на поприщѣ общества народной трезвости, народныя библіотеки и т. д., и т. д.

Разнообразна его дѣятельность, но она всегда сводится къ одной цѣли—просвѣщать простой народъ. А. И. любилъ разсказывать, какъ онъ инкогнито замѣшивался въ самую гущу рабочихъ, присутствовавшихъ на чтеніяхъ, какія впечатлѣнія онъ выносилъ оттуда. Онъ любилъ простой народъ. Онъ изучалъ литературу простого народа, лубочныя картины, грошевыя книжки. У него есть цѣлое солидное изысканіе о «Егоріи Храбромъ» и о знаменитомъ «Англійскомъ Милордѣ». Онъ доказалъ, что русская лубочная литература имѣетъ связь съ западной и что «Милордъ», напримѣръ, отражаетъ въ себѣ черты средневѣкового романа.

Любимымъ занятіемъ его лѣтомъ была—рыбная ловля. А зимой—книги. Трудно было представить себѣ А—ра И—ча безъ книги. Если онъ даже и гулялъ, то непремѣнно «по книжной части». Онъ любилъ рыться у букинистовъ, отыскивая тамъ недостающіе томы для своей богатѣйшей библіотеки. Сердечный человѣкъ, прекрасный семьянинъ, неутомимый труженикъ, идеалистъ и словомъ и дѣломъ, онъ производилъ на всѣхъ самое отрадное впечатлѣніе. Намъ, журналистамъ, когда онъ предсѣдательствовалъ въ нашемъ комитетѣ по юбилею печати, А. И. казался положительно человѣкомъ не отъ міра сего. Мы были такъ партійны, такъ разрозненны, такъ бурны. А онъ такъ объективенъ, такъ безпристрастенъ, такъ деликатенъ. И вотъ онъ въ гробу... Другъ Гаршина, другъ Урусова, другъ Духовскаго—въ гробу... Миръ праху его.

Н. Шебуевъ.

2.

Я узналъ Кирпичникова—не профессора, а просто Кирпичникова—съ восьмилѣтняго возраста, съ тѣхъ поръ, какъ узналъ, что на свѣтѣ есть существительное, прилагательное и другія части рѣчи.

Мы, я и мои товарищи «учились по Кирпичникову». По Кирпичникову мы получали пятерки, за Кирпичникова же насъ, подчасъ, оставляли безъ обѣда.

Кирпичниковъ для насъ, малышей, былъ чѣмъ-то отвлеченнымъ; онъ предстоялъ нашему духовному взору почти миѳомъ; это имя звучало

для насъ такъ же, какъ имена, ну, хотя бы древнихъ еврейскихъ пророковъ, съ которыми мы тогда знакомились по Ветхому завѣту, какъ всѣ имена, о которыхъ упоминалось при изученіи наукъ.

Это было въ Харьковѣ и въ Харьковѣ же былъ въ то время А. И. Кирпичниковъ, состоя экстраординарнымъ профессоромъ Харьковскаго университета. Но кабинетный ученый, показывавшійся лишь на различныхъ ученыхъ собраніяхъ, оставался для насъ такимъ же далекимъ, какъ если бы онъ жилъ въ другой части свѣта и былъ окруженъ таинственностью какого-то, если можно такъ выразиться, отвлеченнаго существа.

Затѣмъ, подростая, я сталъ «писать по Кирпичникову».

Увидѣлъ я уже личнаго, матеріализованнаго Кирпичникова, профессора Александра Ивановича Кирпичникова, здѣсь, въ Москвѣ, въ засѣданіяхъ юбилейнаго комитета печати, гдѣ онъ предсѣдательствовалъ.

Я съ жадностью сталъ смотрѣть на моего стараго-стараго знакомаго и мнѣ показалось, что онъ именно таковъ, какимъ долженъ быть, какимъ я его себѣ и представлялъ.

Это былъ яркій представитель типа русскаго ученаго.

Это очень хорошій типъ. Отъ ученыхъ другихъ странъ его отличаетъ необыкновенная скромность, простота и нѣкоторая неприспособленность къ практической жизни.

Въ лицѣ насъ, журналистовъ, вѣчно кипящихъ въ котлѣ общественной жизни, вѣчно готовыхъ устремиться въ бой, и въ лицѣ этого кабинетнаго ученаго, привыкшаго къ тишинѣ, спокойствію, солидному, неторопливому обсужденію явленій, на нашихъ юбилейныхъ засѣданіяхъ встрѣтились люди двухъ категорій, и мнѣ все время казалось, что А. И., сидя на предсѣдательскомъ стулѣ, чувствовалъ себя, какъ будто въ чуждой ему атмосферѣ: и любитъ и уважаетъ онъ этихъ работниковъ торопливаго, нервнаго газетнаго листа, и чужды они ему своей экспансивностью, своею легкой возбудимостью, неумѣніемъ заключить себя въ строго корректныя, академическія формы.

Такъ ясно, такъ очевидно было, что это ученый. Очень отзывчивый, принимающій участіе во многихъ проявленіяхъ жизни, но тамъ, гдѣ она создается въ храмѣ, и чувствующій себя чужимъ въ гущѣ ея.

Я былъ на панихидѣ по Александрѣ Ивановичѣ. Когда я вошелъ, небольшой кабинетъ, гдѣ лежалъ въ гробу А. И., былъ уже переполненъ; былъ переполненъ и корридоръ, ведущій въ этотъ кабинетъ, и мнѣ виднѣлась только часть стѣны, вся отъ низу до верху заставленая книгами. Черезъ нѣсколько времени, продвинувшись ближе, я увидѣлъ другую стѣну—и на ней тоже были книги, книги и книги...

Я смотрѣлъ на нихъ и мнѣ казалось, что въ этихъ спокойныхъ, серьезныхъ книгахъ въ темныхъ, скромныхъ переплетахъ я вижу душу покойнаго. Это то, что онъ наиболѣе любилъ, то, съ чѣмъ наиболѣе часто бесѣдовалъ, то, что творилъ, то, въ чемъ онъ остался жить и послѣ смерти.

И чѣмъ-то сурово-торжественнымъ и въ то же время хорошимъ вѣяло отъ этой строгой, печальной картины. Книги тѣсной, печальной толпой и теперь окружали своего усопшаго друга.. («Рус. Слово» 2 мая).

С. Яблоновскій.

XXIII.

Чествованіе памяти проф. А. И. Кирпичникова въ Одессѣ.

Вѣсть о неожиданной кончинѣ профессора А. И. Кирпичникова вызвала глубокое сожалѣніе въ Одессѣ, гдѣ покойный жилъ продолжительное время и работалъ на пользу многочисленныхъ просвѣтительныхъ и ученыхъ обществъ и учрежденій. Немедленно по полученіи этого горестнаго извѣстія въ Новороссійскомъ университетѣ была отслужена панихида, на которой присутствовали профессора и студенты. Отъ городского общественнаго управленія, университета, славянскаго благотворительнаго общества, публичной библіотеки и др. учрежденій посланы телеграммы въ Москву съ выраженіемъ соболѣзнованія и возложены вѣнки. Среди многисленныхъ учениковъ покойнаго возникла мысль увѣковѣчить память А. И. Кирпичникова путемъ учрежденія при Новороссійскомъ университетѣ стипендіи его имени. Необходимый капиталъ, изъ процентовъ котораго составится стипендія, будетъ собранъ по подпискѣ между бывшими учениками покойнаго. Если средства позволятъ, то вторая стипендія будетъ учреждена при другомъ высшемъ учебномъ заведеніи.

Въ церкви Одесскаго Коммерческаго училища прот. о. А. Чепуринымъ была отслужена панихида по проф. А. И. Кирпичниковѣ. Почтить память покойнаго собрались: г. одесскій городской голова и предсѣдатель одес. общ. вспомоществ. литераторамъ и ученымъ П. А. Зеленый, предсѣдатель съѣзда мир. судей д. с. с. С. И. Знаменскій, члены Славянскаго общества, нѣкоторые профессора университета, бывшіе слушатели покойнаго и много знакомыхъ его.

XXIV.

Памяти почившаго учителя.

Скорбнымъ чувствомъ отзовется въ душѣ каждаго, кто зналъ Александра Ивановича Кирпичникова, внезапная вѣсть о его кончинѣ. А кто не зналъ его у насъ, въ Одессѣ, гдѣ онъ двѣнадцать лѣтъ профессорствовалъ, умѣя въ теченіе всего этого времени сочетать серьезную научную работу изслѣдователя и университетскаго преподавателя съ широкою и неутомимою общественною и просвѣтительною дѣятельностью? Человѣкъ большого и остраго ума, огромной и разносторонней начитанности, живого и неослабѣвающаго интереса ко всему, что связано съ наукой и образованіемъ, несокрушимой, желѣзной энергіи и смѣлой иниціативы,—это былъ вмѣстѣ и человѣкъ, одаренный чуткимъ, отзывчивымъ сердцемъ, тонкимъ тактомъ и истинною гуманностью...

Какъ ученикъ покойнаго по харьковскому университету, какъ его близкій товарищъ по одесскому, я не могу отказать себѣ въ печальномъ утѣшеніи почтить его дорогую для меня память настоящими немногими строками. Мнѣ вспоминается, какъ мы, студенты, цѣнили въ Александрѣ Ивановичѣ не только талантливаго лектора, не только профессора съ широкимъ энциклопедическимъ образованіемъ, но и добраго, привѣтливаго наставника, котораго мы уважали за честность и независимость его образа мыслей, которому мы вѣрили и который всегда охотно и умѣло помогалъ каждому, кто къ нему обращался, своими совѣтами и указаніями. Проходили года, десятки лѣтъ,—онъ не утомлялся, не измѣнялся. Въ немъ оставалась та же простота и обходительность въ обращеніи, также любовь къ учащейся молодежи, то же радушіе, то же стремленіе пробудить въ каждомъ «искру Божію», каждаго поддержать, направить, наставить. Въ немъ продолжала жить та же пытливость, та же бодрость мысли, та же чуткость къ запросамъ жизни и науки...

И вотъ его не стало! Multis ille bonis flebillis occidit! («Одес. Листокъ» Май).

А. Деревицкій.

XXV.

Профессоръ А. И. Кирпичниковъ.

Жизнь русскаго ученаго, вслѣдствіе особыхъ условій нашей жизни, во многомъ отличается отъ жизни ученыхъ западно-европейскихъ. Тамъ никто не упрекнетъ профессора за то, что онъ замкнулся въ своемъ ученомъ кабинетѣ, потому что для популяризаціи науки, для общественной дѣятельности есть достаточно людей, кромѣ него. Въ Россіи, сравнительно съ Западомъ, многое еще находится въ зачаточномъ состояніи, и, за недостаткомъ подготовленныхъ людей, одному часто приходится замѣнять многихъ. У насъ негодуютъ и упрекаютъ профессора въ равнодушіи къ общественному дѣлу, если онъ уклоняется отъ практической жизни, отъ чтенія публичныхъ лекцій, писанія статей въ газетахъ и журналахъ, участія въ безчисленныхъ коммиссіяхъ и обществахъ. Блаженъ, кто можетъ все это вмѣстить, но есть предѣлъ человѣческимъ силамъ. Завиденъ жребій ученаго, котораго уважаютъ не одни спеціалисты, котораго послѣ смерти оплакиваетъ общество, но всегда-ли сознаетъ общество, какою цѣною куплено ученымъ его расположеніе?

Эти мысли приходятъ въ голову по поводу безвременной кончины профессора Александра Ивановича Кирпичникова. Одесса хорошо знаетъ, что онъ служилъ не только университету и наукѣ. Одесская пресса, одесская дума помнитъ, что онъ не уклонялся отъ популяризаціи науки и отъ городскихъ дѣлъ. Москва, куда онъ переѣхалъ въ послѣднее время, скоро узнала его, какъ неутомимаго дѣятеля въ мірѣ педагогическомъ, журнальномъ и ученомъ. И вотъ человѣкъ, физически крѣпкій, надорвалъ свои силы непомѣрнымъ трудомъ и сошелъ въ могилу всего 58 лѣтъ отъ роду.

А. И. Кирпичниковъ получилъ свою ученую закваску и духовную организацію въ московскомъ университетѣ, давшемъ Россіи такъ много выдающихся людей.

Вмѣстѣ съ академиковъ Веселовскимъ и профессоромъ Стороженкомъ, вышедшими изъ того же университета, онъ является у насъ основателемъ каѳедры исторіи всеобщей литературы. Вмѣстѣ съ ними онъ пользовался научнымъ руководствомъ Буслаева, о которомъ до конца жизни сохранилъ благоговѣйное воспоминаніе, какъ объ идеальномъ человѣкѣ и профессорѣ. Его кругъ научныхъ занятій, пріемы изслѣдованія и симпатіи носятъ слѣды вліянія учителя. Какъ и Буслаевъ, А. И.

Кирпичниковъ занимался главнымъ образомъ средневѣковой литературой, рукописями, языкомъ, эпическими сказаніями, религіозными легендами (его диссертаціи: 1) «Поэмы лонгобардскаго цикла., 2) «Св. Георгій и Егорій Храбрый»). Какъ и Буслаевъ, онъ былъ прирожденый педагогъ. Что бы ни говорили критики элементарныхъ учебниковъ, «этимологіи русскаго яз.» и «синтаксиса русскаго яз.», составленныхъ имъ вмѣстѣ съ Ѳ. Гиляровымъ, нужно обладать большимъ педагогическимъ тактомъ, способностью къ простому, ясному и общедоступному изложенію, чтобы составить эти книжки, разошедшіяся въ десяткахъ изданій по всей Россіи. Педагогическій даръ сказывался у А. И. Кирпичникова въ руководствѣ студенческими занятіями и въ многочисленныхъ его статьяхъ по школьному дѣлу (о преподаваніи языка и словесности, о внѣкласномъ чтеніи и др.). Вліяніе Буслаева можно видѣть и въ томъ, что А. И. Кирпичниковъ много труда посвящалъ изслѣдованіямъ по исторіи и археологіи христіанскаго искусства, особенно циклу литературныхъ и иконописныхъ сюжетовъ, связанныхъ съ жизнью Богородицы.

Пересматривая длинный списокъ его ученыхъ работъ, удивляешься ихъ обилію и разнообразію. А. И. Кирпичниковъ не былъ спеціалистомъ въ узкомъ смыслѣ. «Спеціализація, говорилъ онъ, прекрасное дѣло; только одна она даетъ возможность подбирать съ такою скоростью и съ такою отчетливостью въ работѣ цѣнный научный матеріалъ. Но, чтобы воспользоваться этимъ матеріаломъ, чтобы обобщить его, привести въ систему и сдѣлать доступнымъ для всѣхъ, кто интересуется успѣхами историческихъ наукъ, необходимо почаще заглядывать въ чужія, но сродныя области».

Энергіи А. И. Кирпичникова мы обязаны тѣмъ, что имѣемъ теперь свою общирную «Всеобщую исторію литературы», составленную по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ, при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ (начата въ 1880 г. подъ редакціей В. Ѳ. Корша). Этотъ совмѣстный трудъ, который онъ редактировалъ и въ которомъ самъ участвовалъ, показываетъ, что изученіе всеобщей литературы въ нашихъ университетахъ, благодаря трудамъ основателей этой каѳедры, развивается и крѣпнегъ.

Его публичныя лекціи и рѣчи, проникнутыя просвѣтительнымъ и гуманизирующимъ духомъ (Жоржъ-Зандъ, Гейне, В. Гюго, Вальтеръ-Скоттъ, исторія книги, Достоевскій и Писемскій, Пушкинъ и др.) носятъ всегда черты автора—ученаго и педагога: онѣ просты, ясны, общедоступны и дѣйствуютъ на чувство.

Русская наука послѣ смерти А. И. Кирпичникова потеряла неутомимаго работника, русское общество — отзывчиваго на его нужды человѣка. Наука не останется передъ нимъ въ долгу и сумѣетъ сохранить съ почетомъ его имя въ своихъ лѣтописяхъ. Чѣмъ отблагодаритъ общество русское и особенно одесское А. И. Кирпичникова, который, быть можетъ, потому и сошелъ преждевременно въ могилу, что не жалѣлъ себя на служеніе ему—этому требовательному обществу? Дайте же доказательство русскимъ ученымъ, что если они не уклоняются отъ общественнаго служенія, то и вы умѣете быть благодарными къ ихъ памяти не только на словахъ! («Ю. С.»)

В. Лазурскій.

XXVI.

Памяти А. И. Кирпичникова.

(Рѣчь, произнесенная въ одесской городской аудиторіи, 11 мая 1903 г.).

Лучшіе люди всѣхъ странъ давно уже стремятся къ тому, чтобы образованіе было доступно всякому безразлично, какъ доступны всѣмъ воздухъ и солнце. Всѣ двери школъ—и низшихъ и высшихъ—должны быть широко распахнуты рѣшительно для всѣхъ, жаждущихъ свѣта, знанія. Образованіе есть солнце и воздухъ, безъ которыхъ жить нельзя. Истинное образованіе, поставленное широко и разносторонне, ставящее цѣлью подготовлять людей для жизни, а не выпускать недоучекъ, какъ теперь, и воспитывать въ нихъ чувства христіанскаго, человѣколюбія, справедливости, полной вѣротерпимости, любви и уваженія ко всякой національности, чувства солидарности и единенія, сознанія общей связи людей, чувства нравственной отвѣтственности всѣхъ за счастье каждаго и каждаго за счастье всѣхъ,—такое образованіе въ состояніи произвести чудеса.

Въ жизнь людей надо вносить побольше свѣта: нужно давать не только знаніе, обогащать умъ, нужно развивать, обогащать, воспитывать сердце на идеалахъ прекраснаго, нужно, словомъ, просвѣщать массу въ широкомъ и глубокомъ значеніи этого слова. Широкое просвѣщеніе, проникая во всѣ углы, гдѣ только пріютился человѣкъ, разливаясь повсюду обильно, въ силахъ будетъ сотворить именно чудо—показать до очевидности ясно, какимъ великимъ разумомъ, какимъ глубочайшимъ сердцемъ одарилъ Творецъ человѣка. Теперь мы такое чудо видимъ въ геніяхъ, въ тѣхъ свѣточахъ человѣчества, которые, подобно яркимъ, ослѣпительнымъ зигзагамъ молніи, пронизываютъ царящій мракъ и указываютъ людямъ свой путь, хотя пройденный ими съ трудомъ, но приведшій ихъ за то ближе къ цѣли—къ познанію Творца и къ сознанію въ себѣ той силы, какой надѣлилъ ихъ Творецъ. Путь этотъ нами уже проложенъ, вступайте на этотъ путь,—говорятъ они людямъ,—и вы

станете богами. Но какъ мало такихъ, которые могутъ понять этихъ геніевъ, какъ мало такихъ, которые, понявши, могутъ найти этотъ путь и пойти по немъ смѣло, рѣшительно, не оглядываясь по сторонамъ, нигдѣ не останавливаясь!.. Какъ неизмѣримо много такихъ, которые совсѣмъ не имѣютъ никакого представленія даже о существованіи геніевъ человѣчества, не знаютъ ихъ подвиговъ, тѣхъ идеаловъ, къ которымъ они стремились, тѣхъ безсмертныхъ трудовъ, которые они оставили на благо другимъ!.. Если бы вся эта масса просвѣтилась этимъ божественнымъ даромъ, сколько бы новыхъ геніевъ она выдѣлила изъ своей среды, теперь такъ безслѣдно исчезающихъ, какъ высоко поднялся бы общій уровень развитія всѣхъ, какихъ «америкъ» не открыли бы новые геніи, во всеоружіи накопленнаго вѣками знанія, какъ все человѣчество въ цѣломъ и въ лучшихъ своихъ представителяхъ шагнуло бы впередъ по пути развитія культуры, какъ измѣнилась бы самая жизнь людей, какимъ бы благомъ она имъ показалась, какой бы въ ней нашли всѣ смыслъ и счастье! Это—задача всѣхъ наукъ и искусствъ широкая, грандіозная.

Смѣю думать, таковы были и общественные идеалы Александра Ивановича.

Не скоро еще наступитъ такое время для Россіи. Во всей Японіи нѣтъ ни одного неграмотнаго, въ Германіи 1 *неграмотный* приходится на 100 человѣкъ, а въ Россіи 1 *грамотный* приходится на 100 человѣкъ.... Недалеко еще то время, когда въ Россіи боялись образованія, какъ какой-то чумы или заразы. Лѣтъ 25 назадъ Щедринъ писалъ: «Что наша провинція *слѣпа*—это даже очень хорошо, потому что если бы всѣ люди были зрячіе, то, пожалуй, и на солнцѣ замѣтили бы пятна»...

Слава Богу, времена уже не тѣ! Народъ давно освобожденъ отъ крѣпостной зависимости. Необходимость освобожденія массы отъ вѣковѣчной тьмы и невѣжества съ каждымъ днемъ сознается все настоятельнѣй и настоятельнѣй.

Число школъ замѣтно растетъ. Поднятъ даже вопросъ о всеобщемъ обученіи. Открываются новыя высшія учебныя заведенія, откуда распространится новый свѣтъ въ темную массу. Повсемѣстно распространяются народныя чтенія, народныя библіотеки, народные театры, доступныя лекціи, воскресныя школы для взрослыхъ; издаются въ огромномъ количествѣ дешевыя полезныя книги.

Много еще нужно сдѣлать, чтобы полная безграмотность и тьма русская отошли въ вѣчность, но хорошо и то, что дѣло просвѣщенія не стоитъ на мѣстѣ, а ежедневно растетъ, крѣпнетъ, развивается.

Свои мысли и чувства человѣкъ можетъ выражать устнымъ и письменнымъ словомъ, мимикой, музыкой, живописью, скульптурой, но изъ всѣхъ этихъ способовъ наисовершеннѣйшій—*живое* устное слово, драгоцѣннѣйшій Божій даръ, рѣзко отличающій человѣка отъ животныхъ. Всѣ другіе способы,—не исключая и лучшаго изъ нихъ, письменнаго слова,—лишь суррогаты живого слова, замѣняющіе его либо по условіямъ пространства и времени, когда непосредственное общеніе физически невозможно, либо по инымъ условіямъ и требованіямъ, когда живую рѣчь необходимо замѣнить и закрѣпить въ наиболѣе выразительной формѣ. Живое устное слово охватываетъ языкъ со всѣхъ сторонъ, въ полномъ объемѣ; письменная же форма—лишь блѣдное отраженіе живой рѣчи, неполный объемъ языка.

«Слово писанное,—говоритъ преосвященный Амвросій,—въ лучшемъ своемъ значеніи, есть озеро воды, собранной вѣками и заготовляемой для будущаго; слово же устное есть ключъ живой воды, бьющій прямо изъ источника, журчащій и сверкающій передъ глазами путника и съ особенною силою манящій его къ утоленію жажды».

Если живое слово имѣетъ такое огромное значеніе вообще, то это значеніе неизмѣримо увеличивается въ неграмотной Россіи,—это наиболѣе дѣйствительная форма распространенія знаній въ массѣ. Вотъ почему аудиторіи, гдѣ можно дѣйствовать на массу именно путемъ живого слова, могутъ сослужить огромную службу въ дѣлѣ просвѣщенія этой массы.

Мы всѣ сегодня собрались почтить память замѣчательнаго человѣка, собрались въ зданіи, которое по справедливости можетъ быть названо будущимъ народнымъ университетомъ, для всѣхъ одинаково доступнымъ. Возникло оно не сразу, а имѣетъ свою исторію. Его настоящее есть *зерно* прошлаго и въ то же время зерно *будущаго* развитія. Мы всѣ оплакиваемъ утрату одного изъ тѣхъ замѣчательныхъ русскихъ людей, которыми такъ бѣдна Россія, одного изъ тѣхъ свѣточей знанія, имя котораго должно быть вписано на страницы исторіи русскаго самосознанія и истиннаго просвѣщенія.

Профессоръ всеобщей литературы А. И. Кирпичниковъ провелъ въ Одессѣ съ 1885 по 1897 г., т. е. 12 лѣтъ, и за это время успѣлъ сдѣлать для просвѣщенія темной массы въ Одессѣ столько, сколько не сдѣлали за это время сотни другихъ общественныхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ. Въ дѣлѣ созиданія будущаго народнаго университета онъ сыгралъ исключительную роль. Безъ его инициативы и дѣятельности мы не имѣли бы ни этихъ аудиторій—здѣсь и на Слободкѣ-Романовкѣ,—ни той серьезной постановки дѣла въ видѣ систематическаго курса лекцій

по разнымъ отраслямъ знанія, какую мы имѣемъ сейчасъ. Близкая утрата такого дорогого для нашей аудиторіи руководителя не даетъ возможности теперь же спокойно и безошибочно опредѣлить ни той тяжести утраты, ни того значенія, какое онъ имѣлъ для развитія аудиторскаго дѣла. Да простятъ мнѣ поэтому слушатели тѣ невольные недостатки и пробѣлы въ дальнѣйшемъ изложеніи, которые неизбѣжны въ такія минуты. Мнѣ хотѣлось бы возстановить передъ вами хоть въ слабой степени тотъ чарующій образъ А. И., какой навсегда и глубоко запечатлѣлся въ моей памяти, выразить слабымъ словомъ то счастье, какое я испытывалъ при встрѣчахъ и совмѣстной работѣ съ нимъ... Съ первой встрѣчи и до послѣдней минуты мнѣ представлялся онъ какимъ-то свѣтлымъ геніемъ, всегда зовущимъ на общественную работу, всею своей жизнью говорящимъ, что всѣ мы отвѣтственны за счастье каждаго и каждый за счастье всѣхъ. Не зная отдыха, не соразмѣряя своихъ силъ, онъ всю жизнь свою посвятилъ народному просвѣщенію въ широкомъ и глубокомъ значеніи этого слова, всегда готовый на посильную помощь тѣмъ, которые желали послужить этому великому дѣлу. Всю свою жизнь онъ свято выполнялъ заповѣдь Христа: «кто изъ васъ большій, пусть будетъ всѣмъ слуга».

Для того, чтобы опредѣлить значеніе А. И. для нашей аудиторіи, нужно разсказать хоть вкратцѣ ея исторію.

Въ 1882 году при одесскомъ славянскомъ обществѣ, по инициативѣ И. В. Карвацкаго, образовался небольшой кружокъ лицъ, рѣшившій положить основаніе будущему народному университету. Каждый членъ кружка внесъ заимообразно на общее дѣло свою лепту и такимъ образомъ образовался фондъ приблизительно въ 1000 руб. на пріобрѣтеніе фонаря, картинъ, тогда очень дорогихъ и пр. У администраціи было получено разрѣшеніе на открытіе въ Одессѣ народныхъ чтеній со входной платой въ 5 коп. Чтенія начались по воскресеньямъ въ Массовскомъ ночлежномъ пріютѣ и сразу привлекли всеобщее вниманіе. Спросъ на эти чтенія увеличился на столько, что помѣщеніе не вмѣщало всѣхъ желающихъ и многимъ приходилось отказывать. Само собою разумѣется, что помѣщеніе, предназначенное совершенно для другихъ цѣлей, не удовлетворяло ни гигіеническимъ, ни акустическимъ требованіямъ... Черезъ два года, благодаря субсидіи города, чтенія стали устраиваться въ наемномъ и приспособленномъ для этого помѣщеніи, по Ямской ул., вблизи кирхи. По сравненію съ прежнимъ оно показалось великолѣпнымъ. Предназначено оно было на 500 душъ, но часто вмѣщало до 800. Осенью 1885 г., по окончаніи университета, и я прим-

кнулъ къ числу постоянпыхъ сотрудниковъ этой новой аудиторіи. Читать можно было только то, что было одобрено, и число такихъ чтеній не превышало 50, изъ коихъ чуть ли не половина никуда не годилась. Хорошее чтеніе приходилось повторять въ теченіе одного года по 2—3 раза. «Нельзя было не замѣтить,—говоритъ А. И. въ своамъ докладѣ объ общедоступныхъ литературныхъ вечерахъ и лекціяхъ въ Одессѣ, читанномъ имъ въ московскомъ комитетѣ грамотности 25 января 1895 года,—что любимое чтеніе даже при любимомъ аудиторіей чтецѣ, повторялось въ одинъ и тотъ же сезонъ 2—3 раза, если и собирало попрежнему слушателей, то слушатели эти—контингентъ ихъ приблизительно былъ одинъ и тотъ же,—относились къ читаемому далеко не съ такимъ вниманіемъ, какъ въ первый разъ, и, казалось, недалеко то время, когда аудиторія вслѣдствіе постоянныхъ повтореній одного и того же лишится именно наиболѣе интересующихся и подготовленныхъ своихъ посѣтителей. А въ то же время коммиссіи народныхъ чтеній понадобились деньги на устройство и поддержаніе второй аудиторіи, болѣе огромныхъ размѣровъ, въ одномъ изъ пригородовъ Одессы, на слободкѣ-Романовкѣ, гдѣ населеніе такъ бѣдно, что о платѣ, хотя бы въ 5 коп., нечего было и думать». Такой кризисъ стала переживать аудиторія особенно въ 1886 году. Въ это время у нѣкоторыхъ дѣятелей возникла мысль объ устройствѣ общественныхъ и литературныхъ вечеровъ и утръ. По мысли иниціаторовъ матеріаломъ для чтеній должны были послужить художественныя произведенія русскихъ и иностранныхъ классиковъ, не входящія въ программы для народныхъ чтеній. Для такого дѣла нуженъ былъ опытный и авторитетный руководитель. О, если бы согласился быть такимъ руководителемъ А. И., въ то время читавшій въ Новороссійскомъ университетѣ свой курсъ лишь второй годъ, но уже успѣвшій пріобрѣсти искреннюю любовь и уваженіе учащейся молодежи, всегда такъ чутко умѣющей оцѣнить достойнаго избранника! Такое пожеланіе зародилось у всѣхъ.

Рѣшено было пригласить А. И. къ участію въ общемъ дѣлѣ и просить его принять на себя руководство. Я былъ уполномоченъ обратиться къ нему съ такой просьбой отъ имени вновь возникшаго кружка Какъ сейчасъ помню, это было въ октябрѣ 1886 года. Я узналъ, что А. И. по дѣламъ принимаетъ у себя въ воскресныя утра. Явился я къ нему въ такое утро въ 10 часовъ утра и перешагнулъ порогъ его скромной квартиры съ нѣкоторой робостью и опасеніемъ услышать стереотипную въ такихъ случаяхъ фразу: „дѣло—то хорошее и я ему искренне сочувствую, но къ сожалѣнію, не имѣю досуга принять въ

немъ активное участіе". Сильно волнуясь, я вошелъ въ его кабинетъ и отрекомендовался, а затѣмъ въ краткихъ словахъ объяснилъ ему причину и цѣль своего прихода. Понявъ, въ чемъ дѣло, онъ привѣтливо улыбнулся и, не задумываясь, сказалъ: «я радъ принять живое участіе въ такомъ симпатичномъ дѣлѣ, но научите меня, какъ это сдѣлать, объясните подробнѣе, какъ стоитъ дѣло сейчасъ, вообще, познакомьте меня со всѣми деталями и введите въ курсъ дѣла. Послѣ этого обсудимъ дѣло и набросаемъ планъ дѣйствій». Эти слова, сказанныя удивительно просто и сердечно, съ искреннимъ желаніемъ придти на помощь новому дѣлу, сразу привлекли всѣ мои симпатіи къ А. И.

Выслушавъ внимательно мой разсказъ о положеніи всего дѣла, А. И. отвѣтилъ: «Да, вашъ кружокъ хочетъ дѣло чтеній расширить, но обсудимъ-ка, какъ бы его еще и *углубить*. Устраивать лекціи для вашей публики, какъ я вижу, еще слишкомъ рано, но мы попробуемъ перекинуть мостикъ къ нимъ, попробуемъ не только читать художественныя произведенія русскихъ и иностранныхъ классиковъ, но еще дѣлать къ нимъ небольшія вступленія и объясненія, начнемъ пробуждать мысль слушателей и подготавливать ихъ постепенно къ умѣнью слушать доступныя лекціи. Въ видѣ опыта изрѣдка начнемъ и лекціи читать, хотя бы примѣрно такъ: полъ-вечера займемъ характеристикой автора, а затѣмъ будемъ читать и произведенія этого автора. Дѣло хорошее, и я весь къ услугамъ вашего кружка. Найдется ли только достаточно сотрудниковъ? Съ своей стороны, я приглашу кой-кого изъ профессоровъ. Пригласите-ка на этой недѣлѣ всѣхъ вашихъ сотрудниковъ, и мы совмѣстно обсудимъ окончательный планъ дѣйствій. Моя квартира всегда къ услугамъ вашего кружка. Я берусь исхлопотать разрѣшеніе у попечителя, а вы поскорѣе сдѣлайте меня членомъ Славянскаго Общества».

Наша бесѣда длилась болѣе двухъ часовъ. Необыкновенная привѣтливость, простота, скромность, искренность и задушевность А. И. настолько были новы для меня и полны очаровательнаго обаянія, что я увидѣлъ въ немъ не чопорнаго профессора, свысока смотрящаго на всѣхъ простыхъ смертныхъ, а *студента-друга*, лишь старшаго по возрасту и развитію. Это первое впечатлѣніе еще болѣе окрѣпло при дальнѣйшемъ съ нимъ сотрудничествѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, *инымъ* я не могу даже представить себѣ А. И.

Вѣсть о предложеніи А. И. не только расширить программу чтеній, но и поставить эти чтенія совершенно иначе, глубже по замыслу, дать слушателямъ нѣчто въ родѣ лекцій и подготовить ихъ постепенно къ настоящимъ лекціямъ, вѣсть о согласіи А. И. стать руководителемъ такого

новаго дѣла, о какомъ мы раньше и не мечтали, вѣсть эта всѣхъ членовъ кружка привела въ неописанный восторгъ.

Въ условленный день всѣ члены нашего кружка,—насъ было тогда шесть человѣкъ,—собрались у гостепріимнаго А. И. Мы набросали программу чтеній на весь годъ, обсудили характеръ вступленій и объясненій и рѣшили открыть чтенія немедленно послѣ разрѣшенія. Каждый обязался обдумать темы и намѣтить авторовъ для чтенія. А. И. предложилъ участникамъ собираться у него для составленія каждой программы для прочтенія не только намѣченныхъ произведеній, но и всѣхъ вступленій и объясненій къ нимъ.

А. И. исхлопоталъ у попечителя широкою программу чтеній больше, чѣмъ на одинъ годъ, и первый вечеръ былъ назначенъ на 11 января 1887 года. Живо вспоминаю эти счастливыя минуты! А. И. сумѣлъ всѣхъ насъ объединить и воодушевить такъ, что мы какъ одинъ человѣкъ, дружно принялись за работу. Программа перваго вечера была составлена такъ: А. И. взялся прочесть баллады Шиллера «Кубокъ» и «Перчатка», Г. Е. Афанасьевъ—«Приговоръ» Майкова, П. К. Борзаковскій—поэму Лермонтова «Мцыри», а я—разсказъ Гаршина «Четыре дня» и стихотвореніе Майкова «Поля». Программу эту составили мы сообща и каждый подготовилъ вступленія. При репетиціи, по предложенію А. И., каждый записывалъ дѣйствительныя или мнимыя ошибки чтеца и по окончаніи чтенія высказывалъ свои замѣчанія. Замѣчанія эти обсуждались и принимались къ свѣдѣнію исполнителемъ. Въ поэмѣ «Мцыри» рѣшили сдѣлать нѣкоторыя купюры, но что именно можно было не читать? Больше часа мы обсуждали этотъ вопросъ. Безъ общаго согласія не былъ выброшенъ ни одинъ стихъ. Обсудили мы и вступленія. А. И. почти каждому сдѣлалъ свои замѣчанія съ удивительной деликатностью. Всѣ замѣчанія были поразительны мѣтки и глубоки. Всѣ мы ушли съ сознаніемъ, что о лучшемъ руководителѣ нельзя и мечтать.

О вечерѣ было объявлено только афишами. Начинали мы дѣло скромно, безъ рекламъ, надѣясь, что самое дѣло привлечетъ симпатіи публики.

Тутъ нужно сказать, что дакеко не всѣ члены Славянскаго Общества, ведущіе народныя чтенія, раздѣляли наши надежды Многіе утверждали, что наше дѣло провалится, такъ какъ публика совсѣмъ не подготовлена къ серьезнымъ литературнымъ вечерамъ, носящимъ характеръ полулекцій.

Каково же было удивленіе скептиковъ, когда первый же вечеръ ясно доказалъ, что начато хорошее дѣло и находится въ опытныхъ ру-

кахъ. Не говорю о матеріальномъ успѣхѣ—всѣ билеты были распроданы и понадобились приставные стулья—нѣтъ, внутренній успѣхъ вечера былъ внѣ всякаго сомнѣнія. Многіе заявляли искреннюю благодарность участникамъ, говорили, что помимо пользы и удовольствія, провели вечеръ какъ-бы въ доброй, хорошей семьѣ, спрашивали, когда будетъ слѣдующій вечеръ, нѣкоторые тутъ же заявляли желаніе принимать участіе въ дальнѣйшихъ вечерахъ. Наши скептики были побѣждены и *повѣрили* въ наше дѣло.

Не буду утомлять вашего вниманія изложеніемъ устройства послѣдующихъ вечеровъ. Кто изъ одесситовъ ихъ не помнитъ? Своимъ успѣхомъ эти вечера всецѣло обязаны А. И., который руководилъ ими постоянно и сталъ ихъ душою. Ни одинъ вечеръ не проходилъ безъ его указаній и вліянія. Мы, мелкіе работники, вдохновляемые А. И., работали дружно и пользовались малѣйшимъ его указаніемъ. Вечера эти имѣли огромное культурное значеніе въ Одессѣ и послужили прямой дорогой къ тѣмъ лекціямъ, которыя теперь устраиваются въ этой аудиторіи. А. И. указалъ этотъ путь и повелъ по этому пути насъ, работниковъ, и публику, посѣщавшую эти вечера. Въ этомъ его неоспоримая заслуга. Безъ этихъ вечеровъ немыслимы были-бы никакіе курсы лекцій.

То, что А. И. сказалъ въ первую минуту, онъ проводилъ послѣдовательно и систематически до конца. Уже въ первый годъ существованія вечеровъ стали устраиваться эпизодическія лекціи. Читали эти лекціи А. И. Афанасьевъ и др. проф. Успѣхъ этихъ лекцій ясно показывалъ, что назрѣваетъ пора для устройства систематическаго ихъ курса.

Въ первый же годъ ихъ дѣятельности А. И. былъ избранъ товарищемъ предсѣдателя Славянскаго Общества. Не интересуясь различными другими дѣлами общества, онъ всецѣло отдался просвѣтительной его дѣятельности.

Матеріальный успѣхъ вечеровъ, не смотря на низкую входную плату, далъ возможность устроить аудиторію на Слободкѣ-Романовкѣ и вести народныя чтенія въ обѣихъ аудиторіяхъ безплатно. Этотъ успѣхъ оказалъ также большое вліяніе на увеличеніе оборотовъ книжной торговли при аудиторіи.

Въ теченіе 2 — 3 лѣтъ дѣятельности успѣхъ литературныхъ вечеровъ настолько былъ великъ, что аудиторія не могла вмѣщать всѣхъ желающихъ. На эти вечера часто приходила публика въ двойномъ количествѣ по сравненію со вмѣстимостью аудиторіи. Безплатныя народныя чтенія тоже привлекали огромныя массы. Все это заставляло думать о новомъ помѣщеніи, которое соотвѣтствовало-бы существующему спросу.

И тутъ А. И. пришелъ на помощь. Пользуясь огромнымъ авторитетомъ среди профессоровъ и представителей городского общественнаго управленія, своимъ вліяніемъ онъ помогъ быстрому рѣшенію вопроса о постройкѣ нынѣшняго зданія аудиторіи. Его слово въ этомъ вопросѣ было рѣшающимъ для гласныхъ и представителей общественнаго городскаго управленія.

Наша аудиторія всегда должна помнить А. И., какъ руководителя и иниціатора того дѣла, которому мы сейчасъ служимъ. Кто знаетъ, во что превратились-бы народныя чтенія безъ его авторитетнаго руководства,—быть можетъ, эти чтенія и совсѣмъ прекратились-бы,—кто знаетъ, въ какомъ помѣщеніи пришлось-бы вести дѣло въ той или иной формѣ. Имя А. И. для нашей аудиторіи одно изъ самыхъ дорогихъ и памятныхъ. Хочется думать, что лекціонный комитетъ не ограничится сегодняшними поминками, а увѣковѣчить память дорогого учителя какимъ-либо хорошимъ дѣломъ, достойнымъ его имени. Хочется думать, что и городское общественное управленіе придетъ этому на дѣлу помощь.

10 октября 1893 г. наша аудиторія была открыта.

Въ день открытія А. И. произнесъ рѣчь о знаменитомъ Н. И. Новиковѣ, такъ много потрудившемся для русскаго просвѣщенія. Въ концѣ своей рѣчи А. И. высказалъ пожеланіе, «чтобы зданіе аудиторіи эксплоатировалось не только для народныхъ чтеній, но и для различныхъ общедоступныхъ лекцій по прикладнымъ знаніямъ, особенно для фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ». Какъ видите, это пожеланіе А. И. исполнилось въ полной и даже большей мѣрѣ.

И въ новой аудиторіи А. И. принималъ живѣйшее участіе не только въ чтеніи и устройствѣ лекцій и литературныхъ вечеровъ, но помогалъ и устройству спектаклей, намѣчая ихъ репертуаръ. Его отзывчивая душа на все откликалась. Всякое просвѣтительное дѣло, въ какой бы формѣ оно ни выражалось, было его *роднымъ* дѣломъ. Для такого дѣла онъ не зналъ устали и отнималъ у себя то время, которое необходимо было для подкрѣпленія его ослабѣвшихъ силъ.

Маленькій фактъ, ярко рисующій, какъ серьезно онъ относился къ нашему дѣлу. По поводу устройства одного вечера назначено было засѣданіе въ 7 часовъ вечера въ моей квартирѣ, такъ какъ А. И. не могъ принять у себя. За часъ до засѣданія онъ прислалъ мнѣ записку о томъ, что придетъ на засѣданіе въ 7½ часовъ и просилъ начать засѣданіе безъ него... Поучительный фактъ для многихъ и многихъ общественныхъ дѣятелей.

Въ 1895 году А. И. переѣхалъ въ Москву на одинъ годъ, а въ декабрѣ 1897 года покинулъ Одессу навсегда. Въ моментъ его отъѣзда маленькое дѣло народныхъ чтеній разрослось до небывалыхъ размѣровъ. Онъ покидалъ уже не ямскую аудиторію, а обширное зданіе, вмѣщающее 1000 слушателей, зданіе, въ которомъ чего только не было: и народныя чтенія, и литературно-музыкальные вечера, постепенно превратившіеся въ систематическіе курсы лекцій, и спектакли. Дѣло лекцій настолько разрослось, что потребовалось образованіе особаго лекціоннаго комитета. Въ 9 лѣтъ А. И. поставилъ дѣло такъ, какъ оно не стояло даже въ столицахъ. Онъ такъ всѣхъ сплотилъ, что за успѣхъ дальнѣйшій нечего было опасаться. Не даромъ онъ, пріѣхавъ въ Москву, прочелъ цѣлый рефератъ въ московскомъ комитетѣ грамотности о постановкѣ въ Одессѣ общедоступныхъ литературныхъ вечеровъ и лекцій. Закончилъ онъ свой рефератъ такъ: «Вы, конечно, понимаете, что все это сообщаю я не «къ свѣдѣнію» и не для того, чтобы похвалиться успѣхами одесскаго славянскаго общества на поприщѣ распространенія высшей грамотности. Если юная, разноплеменная, сравнительно съ Москвой, маленькая, узкопромышленная, какъ многіе ее считаютъ, Одесса, съ своимъ маленькимъ 25-лѣтнимъ университетомъ въ 500 человѣкъ, могла создать и поставить на ноги такое благое дѣло, какъ народные литературные вечера и лекціи для народа, можно-ли думать, чтобы старая Москва съ массой интеллигентныхъ народолюбцевъ, съ 4000-мъ университетомъ, матерью всѣхъ университетовъ русскихъ, не нашла бы возможности устроить въ 10—20 пунктахъ подобныя полезныя и умныя развлеченія для народа? Я долженъ признаться, что не успѣлъ еще осмотрѣться здѣсь; можетъ быть, такіе общедоступные вечера и лекціи съ дешевой платой, оттягивающіе по праздникамъ посѣтителей отъ кабаковъ и трактировъ, здѣсь и существуетъ. Но если ихъ нѣтъ или недостаточно, и нашъ комитетъ возьмется за устройство ихъ, я убѣжденъ, что поведетъ ихъ шире и лучше, нежели славянское благотворительное общество въ Одессѣ, тѣмъ болѣе, что онъ можетъ воспользоваться опытомъ послѣдняго». Какъ видите, А. И. и въ Москвѣ продолжалъ наше дѣло.

Въ 1897 году съ осени до декабря А. И. былъ въ послѣдній разъ въ Одессѣ. Въ это время небольшой кружокъ лицъ, бывшихъ дѣятелей ямской аудиторіи, затѣялъ изданіе «Литературной христоматіи для всѣхъ», имѣющей цѣлью подѣлиться опытомъ устройства литературныхъ вечеровъ съ тѣми, которые пожелаютъ устраивать ихъ въ другихъ городахъ. И на это дѣло А. И. откликнулся съ свойственной ему сердечностью. Уѣхавъ изъ Одессы, онъ прислалъ для христоматіи характеристики Пуш-

кина и Гоголя и множество вступленій къ отдѣльнымъ литературнымъ произведеніямъ. Онъ постоянно писалъ мнѣ письма и давалъ цѣнны для улучшенія изданія. Для второго выпуска, въ виду приближенія гоголевскаго юбилея, мы хотѣли непремѣнно получить отъ А. И. характеристику Гоголя, между тѣмъ А. И. былъ обремененъ тогда всевозможными дѣлами и къ тому же чувствовалъ себя почти больнымъ. Не смотря на все это, онъ согласился дать статью о Гоголѣ, но просилъ указать крайній срокъ, прибавляя шутливо въ письмѣ: «Вы знаете, что я, какъ русскій человѣкъ, умѣю работать только къ крайнему сроку». Такой срокъ мы назначили 15 іюня 1901 года, но къ этому сроку я не получилъ статьи. Я понялъ, что только серьезная причина могла помѣшать А. И. исполнить свое обѣщаніе. 20 іюня я получаю вдругъ отъ него изъ Алушты телеграмму: «Посылаю Гоголя». Вслѣдъ затѣмъ я получилъ и самое статью въ два пріема. Въ письмѣ отъ 26 іюня А. И. пишетъ: «Посылаю конецъ! Такъ мнѣ и пришлось дописывать все лежа! Каллиграфія сильно пострадала, авось смыслъ менѣе, но вамъ придется глаза испортить надъ корректурой».

Можете судить, какъ всѣ мы были тронуты такимъ удивительнымъ отношеніемъ къ общему дѣлу. Совсѣмъ больной,—мы и не знали объ этомъ,—посланный докторами въ Крымъ для полнаго отдыха, А. И. не внялъ требованіямъ докторовъ и *лежа* писалъ для хрестоматіи статью о Гоголѣ... Онъ зналъ, что близится юбилей Гоголя и хрестоматія нуждается въ его статьѣ...

Перебирая всѣ свои воспоминанія объ А. И., я не могу себѣ его представить *не работающимъ*... Ѣдетъ онъ за-границу въ Эмсъ (въ 1900 г.) по предписанію докторовъ и здѣсь онъ не можетъ остаться безъ работы. И тутъ онъ читаетъ, пишетъ, словомъ, дѣлаетъ все то, что ему запрещаютъ доктора...

Передъ отъѣздомъ въ Эмсъ А. И. прислалъ для хрестоматіи характеристику Пушкина. Въ письмѣ отъ 28 мая 1900 года онъ говоритъ: «Внѣшнимъ образомъ я исполнилъ все мнѣ указанное: здѣсь есть и главные факты біографіи, и историко-литературное значеніе Пушкина, и указанія на основныя идеи его важнѣйшихъ произведеній, но внутренно, боюсь, вы будете очень мало довольны моимъ писаніемъ. Да это и естественно: я не могъ брать этой работы съ собою за границу, ибо она все же требуетъ книгъ и бумагъ, а тутъ я писалъ въ послѣдніе дни, среди засѣданій, экзаменовъ и, главное перевозки съ квартиры. При такихъ условіяхъ чего нибудь даже споснаго, согласитесь, ожидать трудно... 1 іюня ѣду».

Боюсь, что мнѣ не удалось дать вамъ хоть слабое представленіе объ А. И., этомъ удивительномъ труженикѣ на поприщѣ русскаго просвѣщенія. Вся его жизнь—сплошной трудъ, безъ необходимаго для организма отдыха, трудъ до роковой минуты... Какъ вы знаете, смерть застигла А. И. во время занятій въ Румянцевскомъ музеѣ. Въ безсознательномъ состояніи въ креслѣ онъ былъ перенесенъ въ квартиру, а черезъ три дня его не стало... Вѣчно бодрый духъ А. И. пересталъ работать лишь тогда, когда лишился тѣлесной оболочки... Кто зналъ А. И., тотъ можетъ сказать, что А. И. не могъ умереть иначе... Онъ не покинулъ своего поста до послѣдней минуты и завѣщалъ намъ высокій примѣръ *просвѣтителя-гуманиста*...

Вся недолгая и свѣтлая жизнь А. И. мнѣ представляется какой-то чудной симфоніей. Смерть—точно послѣдній звукъ, послѣдняя замирающая нота сыгранной симфоніи. Симфонія эта кончена, а послѣдняя нота все звучитъ и звучитъ и тихо гдѣ-то замираетъ, точно уносясь куда-то отъ земли. Мы перестаемъ ее слышать, наше грубое ухо не можетъ уловить едва замѣтныхъ колебаній эфира, а нота все-таки звучитъ и звучитъ... Она такъ хороша, что ей позавидуетъ всякій и, если-бы эта нота могла снова зазвучать въ нашихъ ушахъ и перейти въ свѣтовыя колебанія эфира, мы увидѣли-бы такой тихій и радостный свѣтъ и услыхали-бы такую лучезарную мелодію, что многимъ изъ насъ съ нашей *жизнью* стало-бы завидно на эту *смерть*.

Вѣчная тебѣ память, дорогой учитель!

(«Одесск. Лист.» 13 мая).

М. Тимофеевъ.

XXVII.

А. И. Кирпичниковъ и Одесская публичная библіотека.

30 апрѣля 1903 года скончался бывшій попечитель ея, профессоръ Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ (въ Москвѣ). Должность попечителя нашей библіотеки А. И. занималъ (въ бытность свою профессоромъ Новороссійскаго Университета) съ 1888 года по 15 декабря 1897 года.

Обладая разностороннимъ и широкимъ образованіемъ и будучи любителемъ и знатокомъ книжнаго дѣла, А. И., проводившій цѣлые дни въ библіотекѣ за своей ученой работой, былъ прекраснымъ руководителемъ ея администраціи въ дѣлѣ пріобрѣтенія новыхъ книгъ и ихъ систематизаціи, такъ какъ постоянно дѣлалъ много весьма важныхъ и полезныхъ указаній. Высоко ставя значеніе библіотеки, какъ просвѣтительнаго центра, А. И. на пользу ея употреблялъ всѣ свои обширныя связи въ ученомъ мірѣ, благодаря чему, библіотека наша вступила въ сношенія со многими учрежденіями, которыя и понынѣ продолжаютъ высылать ей свои изданія.

Память о покойномъ А. И. Кирпичниковѣ, безкорыстно служившемъ на пользу нашей библіотекѣ *не словомъ, а дѣломъ* и бывшемъ, несмотря на массу личной работы, истиннымъ попечителемъ ея, а не числившимся имъ только,—сохранится въ исторіи Одесской Публичной Библіотеки навсегда, такъ какъ плоды его дѣятельности будутъ благотворно сказываться въ жизни нашего книгохранилища.

По полученіи печальнаго извѣстія о смерти А. И. Кирпичникова супругѣ его была отправлена слѣдующая телеграмма:

«Служащіе въ Одесской Публичной Библіотекѣ искренно оплакиваютъ смерть незабвеннаго Александра Ивановича и шлютъ вамъ пожеланія силъ и крѣпости перенести горестную утрату».

Кромѣ того, служащими въ библіотекѣ было собрано 30 рублей, которые были отправлены въ редакцію «Одесскаго Листка» при слѣд. письмѣ:

М. г., г. редакторъ! Служащіе въ Одесской Публичной Библіотекѣ, прилагая при семъ собранные между собой 30 рублей, просятъ васъ пе-

редать ихъ въ память объ Александрѣ Ивановичѣ Кирпичниковѣ—учрежденному имъ *Одесскому обществу вспомоществованія литераторамъ и ученымъ*. Пусть эта скромная лепта будетъ, вмѣсто надгробнаго вѣнка, знакомъ сердечной признательности тому, кто своимъ безкорыстнымъ трудомъ, своимъ безхитростнымъ отношеніемъ къ людямъ всегда и вездѣ приносилъ много пользы и училъ *не словомъ, а дѣломъ*, какъ нужно работать на благо общества. (Изъ отчета Одесской Городской Публичной Библіотеки за 1903 г.)

XXVIII.

Памяти А. И. Кирпичникова.

«Приступать къ воспитанію ребенка съ убѣжденіемъ въ испорченности его природы, такъ же нелѣпо и дико, какъ вести противъ непріятеля армію съ убѣжденіемъ, что она вся состоитъ изъ подлыхъ трусовъ. Надо вѣрить въ чистоту дѣтской натуры, въ добрые инстинкты; надо довѣрять ребенку, показывать (не лицемѣря) уваженіе къ его человѣческому достоинству, и онъ не обманетъ довѣрія, у него разовьется чувство чести (зачатки котораго даны самой природой), самый сильный рычагъ въ великомъ дѣлѣ воспитанія будущаго человѣка» [1]).

Неправда-ли, эти слова могъ сказать только очень умный и очень хорошій человѣкъ, обладающій глубокимъ пониманіемъ натуры ребенка и исполненный гуманнымъ чувствомъ.

Такимъ именно умнымъ и хорошимъ человѣкомъ былъ скончавшійся 30 минувшаго апрѣля профессоръ московскаго университета Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ. Онъ представлялъ собою, рѣдкій въ наши дни, типъ педагога-человѣка, онъ отличался необыкновенной чуткостью и отзывчивостью на всѣ запросы учащейся молодежи и пользовался заслуженнымъ уваженіемъ со стороны всѣхъ знавшихъ его.

Приведенныя выше слова его составляютъ отрывокъ изъ рѣчи, произнесенной имъ на актѣ харьковскаго университета, въ январѣ 1881 г.

Двадцать два года минуло съ тѣхъ поръ, но и въ наши дни слова эти звучатъ чѣмъ-то необычнымъ, новымъ, здоровымъ и свѣжимъ, какъ дыханіе весенняго утра.

---

[1]) Профессоръ А. И. Кирпичниковъ. «Диккенсъ какъ педагогъ». Рѣчь, читанная на актѣ Имп. харьковскаго университета 17 января 1881 года, стр. 67—68.

Много воды утекло и много хорошаго унесло съ собой въ страну забвенія.

Мы какъ-то слишкомъ скоро и основательно умѣемъ забывать наше прошлое.

За это мы упреки
Слыхали ужъ не разъ:
Исторіи уроки
Минуютъ какъ-то насъ.

Въ настоящее время среди педагоговъ все рѣже и рѣже встрѣчаются люди, подобные А. И. Кирпичникову.

Кто не помнитъ безсмертный образъ педагога старой дореформенной школы, очерченный немногими яркими штрихами геніальной рукой автора «Мертвыхъ душъ»:

«Надобно замѣтить, что учитель (Чичикова) былъ большой любитель тишины и хорошаго поведенія и терпѣть не могъ умныхъ и острыхъ мальчиковъ: ему казалось, что они непремѣнно должны надъ нимъ смѣяться. Достаточно было тому, который попалъ на замѣчаніе со стороны остроумія, достаточно было ему только пошевилиться или какъ нибудь ненарокомъ мигнуть бровью, чтобы попасть вдругъ подъ гнѣвъ. Онъ его гналъ и наказывалъ немилосердно. «Я, братъ, изъ тебя выгоню заносчивость и непокорность!—говорилъ онъ:—я тебя знаю насквозь, какъ ты самъ себя не знаешь. Вотъ ты постоишь у меня на колѣняхъ; ты у меня поголодаешь [1])»!

Кто не знакомъ съ этими проявленіями человѣконенавистничества, кто не страдалъ отъ нихъ въ годы школьнаго ученія, когда юное сердце такъ чутко ко всѣмъ впечатлѣніямъ.

Неизгладимыми чертами врѣзываются въ память незаслуженныя обиды, ненужныя издѣвательства надъ душой со стороны тѣхъ, которые должны были-бы являться охранителями дѣтскаго чувства, руководителями первыхъ проявленій сознательнаго отношенія къ окружающимъ явленіямъ.

— За что-ты сегодня былъ оставленъ въ классѣ?—спрашиваетъ отецъ мальчугана—приготовишку...

— За *лазсужденіе!*...

«Не разсуждать—повиноваться»!—вотъ излюбленная формула нашихъ педагоговъ.

---

[1]) «Мертвыя души». Глава XI.

Скажите мнѣ, почему большинство нашихъ педагоговъ (за немногими, рѣдкими, свѣтлыми исключеніями) не заслужили себѣ ни уваженія, ни любви, ни довѣрія со стороны ихъ учениковъ? Почему они не пользуются симпатіями въ обществѣ родителей?.. Откуда пошла эта рознь между наставниками и воспитанниками, между школой и семьей, между педагогіей и жизнью?

. . . .

Теперь вошли уже въ обычай различныя школьныя экскурсіи и прогулки. Какая благодарная почва для сближенія наставниковъ съ учениками, для обмѣна мыслями и чувствами, для совмѣстнаго отдыха и веселья.

Видѣлъ я одну такую прогулку и лишній разъ имѣлъ случай убѣдиться въ полной розни, во взаимномъ непониманіи и недовѣріи учащимся и наоборотъ.

Группы прогуливавшейся молодежи нашли себѣ развлеченія по вкусу, правда не особенно изысканныя, но все-же искренно,—хотя и нѣсколько дико,—веселились и отдыхали.

Педагоги все время были въ сторонѣ, отдыхали и веселились—сами по себѣ.

Невольно вспоминаются опять высоко гуманныя мысли недавно скончавшагося умнаго и хорошаго человѣка: «имѣть благотворное вліяніе на школу или классъ можетъ только тотъ педагогъ, которымъ руководятъ правда, и честность, и любовь къ своему дѣлу; воспитатель, видящій въ своей дѣятельности только средство для наживы денегъ, не внушитъ дѣтямъ уваженія и довѣрія; только страхомъ можетъ онъ поддержать свой кредитъ...

Искусство, энергія, опытность могутъ замѣстить недостатокъ честности (въ высокомъ значеніи этого слова) въ какой угодно сферѣ человѣческой дѣятельности, но не въ сферѣ воспитанія.

Истинный педагогъ долженъ быть идеально честенъ и справедливъ; денежный или другой матерьяльный разсчетъ не долженъ играть для него никакой роли; учитель, солгавшій въ присутствіи своихъ учениковъ передъ директоромъ, или директоръ, солгавшій передъ ревизоромъ, совершаютъ въ обширныхъ размѣрахъ преступленіе Каина. Учитель или директоръ, обращающійся иначе съ сыномъ высокопоставленнаго лица и иначе съ сыномъ сапожника, грязнятъ души своихъ питомцевъ. Педагогъ дѣйствуетъ на дѣтей не столько тѣмъ, что онъ говоритъ, сколько тѣмъ, что онъ дѣлаетъ...

Администраторскія способности стоятъ на первомъ мѣстѣ въ другихъ сферахъ общественной дѣятельности, а въ школѣ цѣннѣе всѣхъ ихъ— способность внушить любовь и уваженіе»... [1]).
(Сѣвер. Край, 7 мая 1903 г.)

XXIX.

Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ.

(Библіографическій очеркъ).

Московскій университетъ и многія научно-литературныя учрежденія Москвы утратили извѣстнаго энергичнаго дѣятеля, профессора Александра Ивановича Кирпичникова, скончавшагося 30 апрѣля.

Покойный, какъ намъ извѣстно изъ документальныхъ свѣдѣній, родился 18 августа 1845 года въ купеческомъ семействѣ, жившемъ въ городѣ Мценскѣ (Орловской губерніи). Девятилѣтнимъ мальчикомъ онъ поступилъ въ 1-ю Московскую гимназію, изъ которой въ 1861 году, награжденный при выпускѣ золотою медалью, поступилъ въ студенты Московскаго университета по историко-филологическому факультету. Его студенчество совпало съ «эпохою великихъ реформъ», съ введеніемъ новаго университетскаго устава (1863 года) и съ полнымъ расцвѣтомъ профессорской дѣятельности такихъ ученыхъ, какъ Ѳ. И. Буслаевъ и Н. С. Тихонравовъ. И эти добрыя вѣянія шестидесятыхъ годовъ, и образцовое руководство названныхъ профессоровъ наложили отпечатокъ на всю послѣдующую карьеру А. И. Кирпичникова. Особенно сильное вліяніе на него оказалъ Буслаевъ: по его указанію, покойный писалъ кандидатское сочиненіе на тему «Калевалла, финскій народный эпосъ», пользовался его совѣтами, приготовляясь къ ученой дѣятельности, и затѣмъ до могилы благоговѣйно чтилъ память своего незабвеннаго руководителя.

По окончаніи университетскаго курса первымъ кандидатомъ (1865 года), А. И. Кирпичниковъ началъ недолгую педагогическую службу: онъ состоялъ только одинъ годъ преподавателемъ исторіи въ родной ему 1-ой Московской гимназіи, а съ 1866 года до весны 1871 года учителемъ русскаго языка въ новооткрытой 5-й Московской гимна-

---

[1]) А. И. Кирпичниковъ. «Диккенсъ какъ педагогъ». Стр. 68—69.

зіи. Наряду съ уроками молодой педагогъ началъ и свои первые научно-литературные труды. Къ этому шестилѣтнему періоду относятся слѣдующія его статьи, помѣщенныя въ «Циркулярѣ по Московскому учебному округу»: «Методы обученія орѳографіи» (1868 года, № 2), «О разборѣ образцовъ иностранной литературы въ нашихъ гимназіяхъ» (№ 4), «Внѣклассное чтеніе» (№ 7) и «О преподаваніи синтаксиса» (1869 года, № 2), въ «Педагогическомъ Обозрѣніи»—«Разборъ Очерковъ изъ всеобщей исторіи» профессора Петрова (1869 года, № 1); въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія»: «Письма темныхъ людей», эпизодъ изъ исторіи эпохи Возрожденія (1869 года, книга 5) и «О преподаваніи отечественнаго языка и словесности въ нѣмецкихъ гимназіяхъ» (1870 года, кн. 5); тогда же отдѣльно напечатаны: «Очерки изъ исторіи средневѣковой литературы» (М., 1869 года, VIII 279 стр.), «Исторія русской литературы для учащихся» (М., 1869 года), «Русская хрестоматія для низшихъ классовъ гимназій» (М., 1869 года) и «Историческая хрестоматія для старшихъ классовъ» (М., 1869 года); наконецъ, впервые вышли извѣстные учебники—«Этимологія русскаго языка» (М., 1868 года) и «Синтаксисъ русскаго языка примѣнительно къ правописанію» (М., 1869 года), выдержавшіе съ тѣхъ поръ болѣе тридцати изданій [1]).

Но, какъ ни были плодотворны педагогическія занятія, А. И. Кирпичникова манила къ себѣ ученая дѣятельность, привлекала профессорская каѳедра. Вотъ почему онъ весною 1871 года вышелъ въ отставку и, напутствуемый совѣтами Буслаева, отправился заграницу. Сначала молодой ученый, по его собственнымъ словамъ, слушалъ въ Берлинѣ лекціи профессоровъ Милленгофа, Тоблера, Штейнталя и Пипера, а зимній семестръ 1871—1872 года провелъ въ Вѣнѣ, гдѣ занимался въ придворной библіотекѣ и у профессоровъ Муссафіи, Вильгельма Шерера и Ашбаха. Среди этихъ занятій покойный напечаталъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ»: разборъ изслѣдованія «Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ» (1872 г., кн. 8) и переводъ съ испанскаго: «Синьора Корнилія, новелла Сервантеса» (кн. 9), а также успѣлъ приготовить диссертацію, подъ заглавіемъ «Опытъ сравнительнаго изученія западнаго и русскаго эпоса: Поэмы ломбардскаго цикла» (М., 1873 г., XII+208 стр.), которая, послѣ защиты весною 1873 года, доставила ему степень магистра исторіи всеобщей литературы и профессорскую каѳедру по тому же предмету въ Харьковскомъ университетѣ. Названная диссертація, на-

[1]) Надо отмѣтить, что изъ указанныхъ книгъ «Русская хрестоматія» и «Этимологія русскаго языка» были составлены А. И. Кирпичниковымъ вмѣстѣ съ преподавателемъ Ѳ. А. Гиляровымъ, умершимъ 4-го августа 1895 года.

писанная на основаніи серіознаго изученія подлинныхъ рукописей въ библіотекахъ Вѣны и Берлина, высказавшая основательное знакомство автора съ германскими нарѣчіями и давшая изслѣдованіе цѣлаго ряда нѣмецкихъ народно-поэтическихъ сказаній, явилась цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для русской литературы, тѣмъ болѣе, что изслѣдователю удалось указать на связь между нѣмецкимъ и русскимъ эпосомъ.

Профессорская служба въ Харьковѣ, продолжавшаяся до 1884 г., за исключеніемъ командировокъ въ Парижѣ (лѣтомъ 1874 года) для занятій подъ руководствомъ Гастона Париса и въ Петербургѣ (1876—1879 гг.) для работы надъ докторскою диссертаціей, явилась первою плодотворною эпохою въ научной дѣятельности А. И. Кирпичникова, какъ показываетъ списокъ его трудовъ [1]).

Къ этому же «харьковскому періоду» принадлежало появленіе «Учебника нѣмецкаго языка» (М., 1875 г.), составленнаго Н. Фогтомъ вмѣстѣ съ А. И. Кирпичниковымъ, и «Теорія словесности», съ приложеніемъ стилистическихъ задачъ и переводовъ изъ Лессинга и Шиллера (М., 1878 г.)—послѣдніе отзвуки педагогическихъ занятій покойнаго для средней русской школы.

Проводя 1884 годъ въ новой научной командировкѣ, среди петербурскихъ книгохранилищъ и ученыхъ учрежденій, А. И. Кирпичниковъ не переставалъ печатать журнальныя статьи, какъ, напримѣръ: «Забытый талантъ—А. В. Дружининъ» («Истор. Вѣстн.», 1884 г., кн. 4), разборъ сочиненія Фойга: «Возрожденіе классической древности» («Журналъ Мин. Нар. Просв.», 1884 г., кн. 4), «Далеко ли ушли мы отъ миѳическаго міросозерцанія» («Новь», 1884 г., кн. 1), «О переводахъ Пушкина и Лермонтова» (кн. 1) и о «Переводѣ Нестора на французскій языкъ» (кн. 2), а затѣмъ, послѣ кончины В. Ѳ. Корша, по порученію книгопродавца Риккера, продолжалъ и докончилъ подъ своею редакціей изданіе «Всеобщей исторіи литературы» (Спб., 1884—1892 гг., выпускъ XVI—XXVIII).

Среди первыхъ работъ по этому монументальному предпріятію А. И. Кирпичниковъ съ 1885 года былъ переведенъ ординарнымъ профессоромъ въ Новороссійскій университетъ на каѳедру исторіи западныхъ литературъ и, находясь въ Одессѣ, одновременно съ лекціями велъ оживленную учено-литературную дѣятельность [2]).

---

[1]) Приводимые въ спискѣ труды обозначены въ печатаемомъ далѣе спискѣ, составленномъ М. Г. Попруженко—подъ №№ 24, 25, 28, 27, 30, 31, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 44, 45. А потому перечень сочиненій этого списка и послѣдующихъ опускается. Е. Р.

[2]) Указываемые далѣе труды въ спискѣ М. Г. Попруженко отмѣчены подъ №№ 62а, 57, 58, 59, 60, 61, 62,, 64, 67, 72, 73, 74, 69, 70, 79, 80, 84, 88, 87, 92, 95, 95а, 100, 99. 112, 107, 114, 118, 128, 134, 131, 136, 141, 142.

Одновременно съ перечисленными трудами шло сотрудничество покойнаго въ «Критико-біографическомъ словарѣ» Венгерова (съ 1889 г.) и въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгауза (съ 1890 г.), въ которыхъ онъ помѣстилъ рядъ біографическихъ статей и замѣтокъ о русскихъ и иностранныхъ писателяхъ.

Наконецъ, съ 1898 года въ жизни А. И. Кирпичникова наступилъ третій и уже «предсмертный» періодъ дѣятельности. Покойный переселился въ Москву и, можно сказать, съ первыхъ же дней въ знакомой ему издавна столицѣ принялся за непрерывную работу. Московскій университетъ, въ которомъ онъ съ 22 сентября 1898 г. открылъ курсъ новѣйшей русской литературы, затѣмъ состоялъ деканомъ историко-филологическаго факультета, а съ 1 февраля текущаго года—помощникомъ ректора, Румянцовскій музей, гдѣ А. И. занималъ должность то хранителя древностей (1898—1902 гг.), то библіотекаря (съ 1902 года), Археографическая комиссія при Московскомъ археологическомъ обществѣ и Русское библіографическое общество при университетѣ, считавшіе покойнаго своимъ предсѣдателемъ, общество любителей россійской словесности, при которомъ онъ числился въ званіи товарища предсѣдателя, такія общества, какъ археологическое, исторіи и древностей, грамотности, педагогическое и народныхъ развлеченій, такія учебно-художественныя заведенія, какъ московская консерваторія и училище живописи, а также литературно-театральный комитетъ,—всѣ эти просвѣтительныя учрежденія послужили широкимъ поприщемъ для разнообразныхъ трудовъ почившаго дѣятеля [1]). Среди должностныхъ обязанностей и массы административныхъ дѣлъ, покойный, однако, не прервалъ своей учено-литературной дѣятельности. Напротивъ, точно предчувствуя приближающуюся смерть, онъ быстро и ретиво работалъ до послѣднихъ своихъ дней, какъ свидѣтельствуютъ его печатные труды [2]).

Вотъ какими трудами отмѣтилъ свою жизнь А. И. Кирпичниковъ и тѣмъ убѣдительно показалъ свою неустанную работу ради русскаго просвѣщенія... (Изъ «Истор. Вѣстн.», 1903, VI).

Дим. Языковъ.

---

[1]) Императорская академія наукъ еще въ 1894 году избрала А. И. Кирпичникова членомъ-корреспондентомъ по отдѣленію русскаго языка и словесности.

[2]) Указываемые труды въ статьѣ М. Г. Попруженко отмѣчены подъ №№: 144. 146, 148, 149, 150. 151, 152, 153. 154, 155, 156, 157, 158, 161, 159, 162, 163, 164, 160, 165, 166, 158, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173.

XXX.

Библіографическій обзоръ трудовъ

А. И. Кирпичникова.

1. Методы обученія ороографіи (Циркуляръ по Московск. Учебн. Округу 1868 г. № 2).

2. О разборѣ образцовъ иностранной литературы въ нашихъ гимназіяхъ (Циркуляръ по Моск. Учебн. Округу 1868 г. № 4).

3. Внѣклассное чтеніе (Журн. Мин. Народ. Пр. 1869, кн. 4).

4. О преподаваніи синтаксиса (Цирк. по Московск. Уч. Округу 1869, 2).

5. Письма темныхъ людей (Журналъ. Минист. Народн. Просв. 1869 г. № 5).

6. Рецензія «Очерковъ изъ всемірной исторіи»—М. Н. Петрова (Педагогическое Обозрѣніе 1869 г. № 1).

7. Очерки изъ исторіи средневѣковой литературы (Москва 1869 г.).

8. Исторія русской литературы для учащихся (Москва 1869 г.).

9. Русская христоматія для низшихъ классовъ гимназіи (М. 1869 г.).

10. Историческая христоматія для старшихъ классовъ (М. 1869 г.).

11. Этимологія русскаго языка (М. 1869 г.[1]).

12. Синтаксисъ русскаго языка (М. 1869 г.).

13. О преподаваніи отечественнаго языка и словесности въ нѣмецкихъ гимназіяхъ (Жур. Мин. Нар. Просв. 1870 г. № 5).

14. Къ вопросу о программѣ русской словесности въ нашихъ гимназіяхъ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1871 г. № 8.).

15. Изъ Берлина (Берлинская Публичная Библіотека). (Современная Лѣтопись 1871 г. № 35).

16. Пятидесятилѣтіе докторскаго юбилея Дица (Московскія Вѣдомости 1872 г. № 111).

17. Синьора Корнелія (новелла Сервантеса) переводъ съ испанскаго (Русскій Вѣстникъ 1872 г. № 9).

---

[1]) Изъ отмѣченныхъ здѣсь учебныхъ книгъ А. И. «Русская христоматія» и «Этимологія» составлены совмѣстно съ покойнымъ Ѳ. А. Гиляровымъ. Особый успѣхъ пріобрѣли «Этимологія» и «Синтаксисъ», которые выходятъ и нынѣ новыми изданіями ежегодно («Этимологія» въ 1904 году вышла 38 изданіемъ, а «Синтаксисъ» 33 изданіемъ).

18. Вѣнскія библіотеки (Московск. Вѣд. 1872 г. № 75.).

19. Рецензія на соч. А. Н. Веселовскаго—Славянскія сказанія о «Соломонѣ и Китоврасѣ»—(Русскій Вѣстникъ 1872 г. № 8).

20. Рецензія на книгу Ральстона «The Songs of the Russian people» (Русскій Вѣстникъ 1872 г. № 5) [1]).

21. О стихотвореніяхъ Рылѣева (Московск. Вѣдомости 1872 г.).

22. Опытъ сравнительнаго изученія западнаго и русскаго эпоса: Поэмы ломбардскаго цикла (Москва 1873 г.); (диссертаціи на степень магистра).

23. Академія новыхъ языковъ въ Берлинѣ (Московскія Вѣдомости 1874 г. № 131).

24. Кудруна, національная поэма нѣмцевъ (Харьковъ 1874 г.).

25. Бодмеръ и Готшедъ, и ихъ отношенія къ родной старинѣ (Русскій Вѣстникъ 1874 г. № 7).

26. Славянскій вопросъ въ Парижскомъ лингвистическомъ обществѣ (Московск. Вѣдомости 1874 г. № 158.).

27. Европейскіе классики въ русск. перев. подъ ред. П. И. Вейнберга Спб. 1874 г. (А. И. принадлежатъ статьи о Данте, о Шиллерѣ).

28. П. Мейеръ—Современное состояніе романской филологіи, переводъ съ предисловіемъ (Филологическія Записки 1875; были и оттиски).

29. Notre siècle dans les chansons russes historiques (Revue critique 1875 г. № 21).

30. Греческіе романы въ новой литературѣ,—повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ (Харьковъ 1876 г.).

31. Источники нѣкоторыхъ духовныхъ стиховъ (Жур. Мин. Нар. Просв. 1877 г. № 10).

32. Zur Frage über die ausländischen Elemente in den russ. Volksmärchen (Arhiv. für slav. Phil. 1878 г., стр. 715).

33. Теорія словесности съ приложеніемъ стилистическихъ задачъ и переводовъ изъ Лессинга и Шиллера (М. 1878 г.).

34. Св. Георгій и Егорій Храбрый,—изслѣдованіе литературной исторіи христіанской легенды (Спб. 1879); (дисертаціи на степень доктора).

35. Духовные стихи. Глава въ исторіи русской словесности Галахова (Спб. 1880, I, стр. 194—281).

36. Разборъ исторіи русской словесности Галахова (Журн. Мин. Нар. Пр. 1880 г. № 3).

37. Рецензія на «Эсхатологическія сказанія Сахарова» (Критическое обозрѣніе 1880 г. № 11, 12).

---

[1]) Рецензія подписана буквой С.

38. Диккенсъ, какъ педагогъ (Харьковъ 1881).

39. Разборъ соч. Н. Ѳ. Сумцова—«О свадебныхъ обрядахъ» (Жур. Мин. Нар. Просв. 1881, № 7).

40. Студенческія ученыя общества въ Германіи (Заграничный Вѣстникъ 1882 г. № 1).

41. Письма изъ Вѣны (Заграничный Вѣстникъ 1882, № 8).

42. Московскія Вѣдомости 1789 г. и начало французской революціи (Историческій Вѣстникъ 1882, № 9).

43. Программа сочиненія «Легенды о Дѣвѣ Маріи въ литературѣ и искусствѣ» (Зап. Имп. Акад. Наукъ 1883 г., изложено также въ— Bulletin de la société nationale des antiquiares de France, 1892, Paris).

44. Похвала глупости Эразма Роттердамскаго, переводъ и предисловіе (Москва 1884, первоначально (съ пропусками въ Заграничномъ Вѣстникѣ за 1883 г. № 2, 3).

45. Древне-христіанскія катакомбы, съ шестью рисунками (Историческій Вѣстникъ 1883, № 11).

46. Сказанія о житіи Дѣвы Маріи и ихъ выраженіе въ средневѣковомъ искусствѣ (Журналъ М. Н. Просв. 1883, № 6).

48. Миніатюры часослововъ Импер. Публичной Библіотеки по отношенію къ легендѣ о Мадоннѣ (Художественныя Новости 1883 г. (т. I).

49. Рафаэль Санціо (Русская Мысль 1883, № 7).

50. Забытый талантъ—А. В. Дружининъ (Историческій Вѣстникъ 1884, № 4).

51. Далеко-ли мы ушли отъ миѳологическаго міросозерцанія? (Новь 1884 г. № 1).

52. Что сдѣлано по части народныхъ развлеченій (Новое Время 1884 г. 14 ноября).

53. О переводахъ Пушкина и Лермонтова (Новь 1884, № 1).

54. Переводъ Нестора на французскомъ языкѣ (Новь 1884, № 2).

55. Замѣтки по педагогической гимнастикѣ (Новое Время 1885 г. 7 марта).

56. Что мы знаемъ достовѣрнаго о личныхъ божествахъ славянъ? (Жур. М. Н. Просв. 1885 г. № 9).

57. Новая эстетика на старыхъ началахъ (Новь 1885, № 7).

58. О книгѣ В. Ѳ. Корша—«Этюды» (Новь 1885, № 8).

59. Педагоги прошлаго вѣка (Историч. Вѣстникъ 1885, № 9).

60. О книгѣ Н. Ѳ. Сумцова—«Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ» (Новь 1885, № 11).

61. О переводахъ соч. Некрасова на нѣмецк. яз. (Новь 1885 № 15).

62. Разборъ книги—«Исторія нѣмецкаго искусства» (соч. д-ра Боде) (Новь, 1885, 17).

62а. Разборъ книги Фаминцына: «Божества древнихъ славянъ» (Историч. Вѣстн.. 1885, кн. 7).

63. Два слова объ И. С. Аксаковѣ («Одесскій Вѣстникъ» 1886 г. № 35).

64. Всеобщая литература въ нашихъ университетахъ (Историческій Вѣстникъ 1886 г. № 2).

65. Первое представленіе «Ревизора» (Одесскій Вѣстникъ 1886 г. № 106).

67. Двѣ біографіи:—Жоржъ Зандъ и Гейне. (Москва 1886).

68. Переживаніе и символизмъ въ жизни современнаго общества (Основа, 1887, № 804)

69. Иконографія «Вознесенія Христова» (Труды VI археологич. съѣзда, Одесса 1887 г., I т.).

70. Успеніе Богородицы въ легендѣ и въ искусствѣ (тамъ же т. II, Одесса 1888).

71. Греческій разсказъ о дуэли Пушкина (Одесскія Новости 1887 г. № 717).

72. Пушкинъ, какъ европейскій поэтъ (Одесса 1887 [1]).

73. Рецензія на книгу Буслаева «Народная поэзія» (Журн. Мин. Нар. Просв. 1887 г. № 6).

74. Кургановъ и его «Письмовникъ» (Историческій Вѣстникъ 1887 г. № 9).

75. «Женитьба» Гоголя (Одесскія Новости 1887 г. № 868).

76. Три письма съ археологическаго съѣзда въ Ярославлѣ (Одесскія Новости 1887 г., августъ).

77. Двѣ недѣли на островѣ Халки (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1887 г. № 9).

78. Исторія французской литературы, в. I (IX—XV в.) составлено по Demogeot и др. (Спб. 1887 г, составлена Кирпичниковымъ вмѣстѣ съ Болдаковымъ, но на заглавномъ листѣ они не названы).

78а. Пѣсни западныхъ славянъ Пушкина (лекція въ пользу голодающихъ черногорцевъ) Новороссійскій Телеграфъ 1888 г. № 4099

79. Очеркъ исторія книги (двѣ публичн. лекціи, читанныя въ Одессѣ), (Пантеонъ Литературы 1888, т. III и отдѣльно Спб. 1888).

---

[1]) Это оттискъ изъ брошюры: «Память пятидесятилѣтія смерти Пушкина. Рѣчи въ торжественномъ собраніи Новороссійск. Университета—1 февраля 1887 г.». (Од. 1887 г.).

80. Очеркъ исторіи Херсонеса и его участіе въ крещеніи Руси (Историч. Вѣстникъ 1888 г. № 9).

81. А. Н. Афанасьевъ (Критико-біографическій словарь Венгерова т. I. (Спб. 1889).

82. Памяти Ор. Ѳед. Миллера (Одесскій Вѣстникъ 1889 № 162)

83. Памяти М. Е. Салтыкова—рѣчь 11 мая 1889 г. въ засѣданіи Одесскаго Славянск. Общества (Одесскій Вѣстникъ 1889 г. май; перепачатана въ Пантеонѣ Литературы и въ Русскихъ Вѣдомостяхъ).

84. Одесса и Пушкинъ, рѣчь при открытіи памятника Пушкину въ Одессѣ (Историческій Вѣстникъ 1889 г. № 6 [1]).

85. Гдѣ взять матеріалы для исторіи византійской литературы? (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1889, № 5, статья переведена на греческій языкъ Дестунисомъ въ журналѣ «Δελτίον» 1891 г. т. III)

86. Изъ колыбели европейской цивилизаціи (Одесса 1890, изъ Одесскаго Вѣстника).

87. Особый видъ творчества въ древне-русской литературѣ (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1890 г. № 4).

88. Педагогическіе очерки 1867—1888 (М. 1890; перепечатаны педагогическія статьи, помѣщенныя въ различныхъ журналахъ по 1888 годъ).

89. Къ вопросу о птицѣ Страфиль (Жур. Мин. Нар. Просв. 1890 г. № 6.)

90. Викторъ Гюго (публичная лекція въ Одессѣ). (Одесса 1890—первоначально въ «Одесскомъ Вѣстникѣ»).

91. Отзывъ о переводѣ «Нибелунговъ»—Кудряшева (Отчетъ о 6 присужд. Пушкинск. преміи, Зап. Имп. Акад. Наукъ т. 66).

92. Антоній Погорѣльскій—А. А. Перовскій (Историч. Вѣстникъ 1890 г. № 10).

93. Къ вопросу о древне-русскихъ скоморохахъ (Зап. Имп. Акад. Наукъ 1891 г. и отдѣльно).

94. Вальтеръ Скоттъ и Викторъ Гюго (Пантеонъ Литературы 1891 г. и отдѣльно).

95. Викторъ Гюго, критико-біографическій очеркъ (Новь 1891 г. № 1).

95а. Истор.—лит. значеніе Байрона (публичн. лекція въ Одессѣ)—(Русское обозрѣніе 1891 г. № 4.)

96. Новая византійская повѣсть въ древне-русской литературѣ (1892, Пам. Общ. Люб. Др. Письмен.).

---

[1]) Рѣчь эта напечатана также въ брошюрѣ—«Открытіе памятника-фонтана Пушкину въ Одессѣ 16-го апрѣля 1889 г.» (Одесса 1890).

97. Изъ «Вѣчнаго города» (Одесскій Вѣстникъ 1892 г. № 84).

98. Reimprosa im 5. Jahrhundert (Byzant. Zeitschrift 1892).

98a. Eine Volksthümliche Kaiserchronik (въ томъ-же журналѣ 1892 г.).

99. В. И. Григоровичъ и его значеніе въ исторіи русской науки (Историческій Вѣстникъ 1892 г. № 12[1])

100. Книжное дѣло за границей (Библіографическія Записки, изд. Шибановымъ—за 1892 г. №№ 2, 6.)

101. Наши молодые ученые за-границей. Южный сборникъ въ пользу пострадавшхъ отъ неурожая (Одесса 1892 г.).

102. Женское образованіе въ Баваріи (Русская Школа 1892 г. № 12).

103. Рѣчь при освященіи пристройки къ зданію Одесской Публичной Библіотеки (Отчетъ Одесской Публичной Библіотеки 1892).

104. Любопытная лицевая рукопись Парижской Національной Библіотеки (Жур. Мин. Нар. Просв. 1892 г. № 8).

105. Византійскій Журналъ, издаваемый Крумбахеромъ (Byzant. Zeitschrift) (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1893 г. № 7[2]).

106. Деисусъ на востокѣ и западѣ и его литературныя параллели (Жур. Мин. Нар. Просв. 1893 г. № 11).

107. Къ иконографіи Сошествія св. Духа (Москва 1893,—оттискъ изъ т. XV «Древностей)».

108. Письма монаха Іакова (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1893 г. № 3) и въ Лѣтописи историко-филологическ. Общ. при Новороссійск. Унив. т. II стр. 255 и др. Подъ заглавіемъ: «Переписка монаха Іакова съ императрицей»; были и оттиски).

109. Н. И. Новиковъ, рѣчь при открытіи народной аудиторіи въ Одессѣ (Новороссійскій Телеграфъ 1893 г. октябрь).

110. Zum byzantinischen Miniaturmalerei (Byzant. Zeitschrift B. IV.)

111. Чудесныя статуи Константинополя (Лѣтопись историко-фил. общества при Новороссійск. Унив., визант. отд. в. 2, были и оттиски (Одесса 1893).

112. Достоевскій и Писемскій,—опытъ сравнительной характеристики (Двѣ лекціи) (Одесса 1894,—первоначально въ Запискахъ Новороссійск. Унив.).

---

[1]) Это рѣчь, сказанная при открытіи памятника Григоровичу въ Елисаветградѣ; она напечатана также въ III т. Лѣтописей Истор.-Фил. Об-ва при Новор. Унив. (Одесса 1894) стр. 68 и слѣд.; были оттиски.

[2]) Отзывъ объ этомъ журналѣ, занимающій больше двухъ печатныхъ листовъ,—написанъ совмѣстно съ Ѳ. И. Успенскимъ.

113. Сужденіе дьявола противъ рода человѣческаго (Памятники древней письменности № CV, Спбургъ 1894).

114. Столѣтіе Одессы (Историческій Вѣстникъ 1894 г. № 8, съ нѣкоторыми измѣненіями эта статья вошла въ отдѣлъ о духовной жизни Одессы, составленный А. И. для книги «Одесса 1794—1894» (Од. 1895; стр. 569 и др.).

115. Знаемъ-ли мы Крылова? (Одесскія Новости 1894 г. № 3166).

116. Рецензія на сборникъ апокрифическ. текстовъ James'a (Византійскій Временникъ, т. I.)

117. Воспоминанія о профессорѣ Н. С. Тихонравовѣ (Историческ. Вѣстникъ 1894 г. № 2,—статья подписана С(тарый) М(осковскій) С(тудентъ).

118. Критическія и библіографическія замѣтки о Крыловѣ («Починъ» сборникъ общества любителей русской словесности, Москва 1895).

119. Этюды по иконографіи Рождества Христова (Записки Имп. Русск. Археологическаго Общ. т. VII).

120. Очерки по миѳологіи XIX вѣка (Москва 1894, изъ Этнографическаго Обозрѣнія кн. XXIII).

121. Отзывъ о сочиненіи Н. В. Покровскаго: «Евангеліе въ памятникахъ иконографіи» (С.-Петербургъ 1895—изъ Записокъ Имп. Русск. Археологическаго Об-ва т. VII.).

122. Московское общество въ изображеніи Грибоѣдова и графа Л. Н. Толстого (Историческій Вѣстникъ 1895 г. № 6).

123. Взаимодѣйствіе иконописи и словесности народной и книжной (Труды VIII археологическ. съѣзда въ Москвѣ, т. I (Москва 1895).

124. Памяти И. С. Некрасова (Одесскія Новости 1895 г. № 3454).

125. Баронесса Крюднеръ (Историческій Вѣстникъ 1895 г. № 9, —статья эта подписана А. К-въ).

126. Н. В. Гоголь, біографическій очеркъ (Одесса, 1895, первоначально (съ сокращеніями) эта общедоступная лекція въ народной одесской аудиторіи напечатана въ Новороссійскомъ Телеграфѣ за 1894 г. —январь).

127. Рецензія на соч. Диля (Diehl)—«L'art byzantin dans l'Italie méridionale» (Византійскій Временникъ 1895 г.).

128. Очерки по исторіи новой русской литературы (Спб. 1896,—собрана часть статей—изъ указанныхъ выше).

129. Отзывъ о книгѣ С. В. Соловьева—«Къ легендамъ объ Іудѣ предателѣ» (Записки Имп. Новороссійск. Унив. 1896 г.).

130. Рецензія о книгѣ Тикканена (Tikkanen)—Die Psalterillustration im Mittellalter» (Византійскій Временникъ 1896 г.).

131. П. Я. Чаадаевъ (по новымъ документамъ) (Русская Мысль 1896 г. № 4).

132. Новые матеріалы о П. Я. Чаадаевѣ (Извѣстія отд. русскаго яз. и словесности Имп. Ак. Наукъ т. I (1896 г., были оттиски).

133. Разборъ перевода П. И. Вейнберга трагедіи Шиллера—«Марія Стюартъ» (С.-Петербургъ 1896,—извлеченъ изъ «отчета объ XI присужденіи премій Пушкина»).

134. Русское сказаніе о Лоретской Богоматери (М. 1896,—оттиски изд. «Чтеній въ Имп. Обществѣ Исторіи и Древностей при Моск. Унив.»).

135. Къ литературной исторіи русскихъ лѣтописныхъ сказаній (Спб. 1897—изъ Извѣстій отд. русск. яз. и слов. Императорск. Акад. Наукъ т. II стр. 54—64).

136. Историческій обзоръ иконописныхъ изображеній Богоматери (Журн. Мин. Н. Просв. 1897 г. № 7).

137. Ѳ. И. Буслаевъ (въ критико-біографическомъ словарѣ Венгерова, т. V.) (Спб. 1897 г.).

138. Рецензія на книгу Ламброса (Lambros)—«Catalogue of the greek manuscripts on mount Athos» (Византійскій Временникъ 1897 г.).

139. Изъ бумагъ П. Я. Чаадаева (письма кн. П. А. Вяземскаго) (Старина и Новизна 1897 г. кн. 1).

140. Н. М. Коншинъ 1793—1859,—эпизодъ изъ исторіи русскаго романтизма (Русская Мысль 1897 г. № 5).

141. Очеркъ исторіи романа XIX ст. (Сѣверный Вѣстникъ 1897 г. № 10, 11).

142. Открытое письмо ученикамъ Ѳ. И. Буслаева—о преміи его имени (Новое Время 1897 г. № 7743).

143. Первый день въ университетѣ (Историческ. Вѣстникъ 1897 г. № 6).

144. Памяти Ѳ. И. Буслаева (Историческій Вѣстникъ 1898 № 5).

145. Воспоминанія о Г. Д. Филимоновѣ (Археологическ. Изв. и Замѣтки т. VI (М. 1898 г.).

146. «Идеальный профессоръ 60-хъ годовъ» и «Буслаевъ, какъ основатель исторіи всеобщей литературы» (Сборникъ «Памяти Ѳ. И. Буслаева»—М. 1898).

147. Судъ присяжныхъ въ русской литературѣ тридцатыхъ годовъ (Историческій Вѣстникъ 1897 г. № 8).

148. Между славянофилами и западниками.—Н. А. Мельгуновъ (Русская Старина 1898 № 11, 12).

149. Объ изученіи Пушкинскаго періода русской словесности (Историческій Вѣстникъ 1898, № 12).

150. «Допетровская Русь въ ея литературѣ»—по лекціямъ Буслаева Великому Кн. Николаю Александровичу (Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. 1899).

151. Къ вопросу о подготовкѣ преподавателей (Русская Школа 1899, № 2).

152. Мелкія замѣтки о Пушкинѣ и его произведеніяхъ (Русская Старина 1899, №№ 2, 5).

153. Новые матеріалы для исторіи Арзамаса (Русская Старина 1899 № 5).

154. Пушкинъ и московскій университетъ (Русскія Вѣдомости 1899 № 145).

155. Учительскіе курсы въ Рязани (Педагогическій Листокъ 1899 № 5).

156. Очеркъ исторіи студенческихъ общежитій въ Западной Европѣ и у насъ (Русская Старина 1899 № 11).

157. Богородица въ народныхъ вѣрованіяхъ (Сборникъ въ честь В. Ѳ. Миллера, М. 1900).

158. Сомнѣнія и противорѣчія въ біографіи Гоголя (Изв. отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. наукъ 1900, 1902 г. г. т. V и VII,—были оттиски).

159. А. С. Пушкинъ (характеристика) (Литературная хрестоматія для всѣхъ т. I (Одесса 1901, стр. 93 и слѣд.).

160. Н. В. Гоголь (характеристика) (та-же хрестоматія стр. 691)[1]).

161. Разборъ перевода «Chanson de Roland» графа де-ла-Барта (Сборникъ по отдѣленію русск. яз. и слов. Академіи Наукъ Спб. 1900 т. LX).

162. М. П. Погодинъ и Н. В. Гоголь (Русская Старина 1901 г. № 1).

163 Письмо Н. М. Рожалина С. П. Шевыреву (Русская Старина 1901 г. № 2).

---

[1]) Въ хрестоматіи этой за подписью А. И. К.—помѣщены также пояснительныя предисловія къ слѣд. отдѣльнымъ произведеніямъ: стр. 221—«Эолова арфа»—Жуковскаго, стр. 184 –«Дума», «Три Пальмы»—Лермонтова, стр. 213 къ отрывку изъ соч. Вальтера Скотта, стр. 232 «Кубокъ», стр. 238 «Перчатка» Шиллера, стр. 611–къ отрывку изъ соч. Диккенса.

164. По поводу разсказа объ отношеніи Пушкина къ Дантесу (Русская Старина 1901 г. № 4).

165. Гоголь и Бѣлинскій лѣтомъ 1847. (Сборникъ въ честь Н. И. Стороженко — «Подъ знаменемъ науки» — Москва 1902).

166. Опытъ хронологической канвы къ біографіи Н. В. Гоголя (Москва 1902—отдѣльные оттиски (изъ «Полнаго собранія сочиненій Н. В. Гоголя», изд. т-вомъ И. Д. Сытина подъ редакціей проф. А. И. Кирпичникова) [1]).

167. Послѣдніе годы и дни В. А. Жуковскаго—рѣчь въ торжественномъ засѣданіи Московскаго Университета (Извѣстія отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ т. VII (1902).

168. В. А. Жуковскій, какъ поэтъ воспитатель (М. 1902, оттиски изъ журнала Вѣстникъ Воспитанія).

169. Аѳинскій великій синаксарь, какъ цѣнный археологическій и историческій источникъ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1902 № 10).

170. Жуковскій, какъ редакторъ «Вѣстника Европы» (Русское Слово 1903 № 27).

171. Тимаріонъ или объ его страданіяхъ,—византійское хожденіе по загробному міру XII вѣка (Журн. Мин. Нар. Просв. 1903 г. № 3).

172. Разборъ книги А. С. Лебедева—«Бѣлгородскіе архіереи» (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1903 № 4).

173. Очерки по исторіи новой русской литературы (Изд. 2-е (въ двухъ томахъ) Москва 1903).

Выше въ хронологической послѣдовательности я привелъ списокъ трудовъ А. И.: списокъ этотъ однако не выдаю за безусловно полный, такъ какъ въ немъ, напримѣръ, не указаны довольно многочисленныя замѣтки по театральному дѣлу, которыя покойный ученый, какъ мнѣ извѣстно, печаталъ въ одесскихъ газетахъ за подписью С. С., т. е. Старый Студентъ [2]). Замѣтки эти розыскать нынѣ почти не представляется возможнымъ безъ какихъ либо неоспоримыхъ (документальныхъ) данныхъ; не беру на

[1]) Изданій соч. Гоголя подъ ред. Кирпичникова было два— 1) въ одномъ томѣ и 2) въ трехъ томахъ (оба въ 1902 г.); во второмъ помѣщена «Канва»; оба изданія снабжены примѣчаніями редактора.

[2]) Объясненіе этой подписи дано мнѣ было въ свое время А. И., который говорилъ мнѣ, что это его давнишній псевдонимъ; очень, можетъ быть, что за подписью С. С. имъ были помѣщены статьи и въ другихъ какихъ либо изданіяхъ, кромѣ одесскихъ. Статей безъ полной подписи А. И.—не указываетъ ни Д. Д. Языковъ въ своемъ библіографическомъ очеркѣ (Историческій Вѣстникъ 1903 г. № 6), ни проф. Л. Ю. Шепелевичъ (Записки Харьковскаго Университета 1897 г. № 1).

себя смѣлости назвать здѣсь и тѣ статьи по нѣкоторымъ текущимъ вопросамъ, которыя, между прочимъ и въ одесскихъ изданіяхъ, А. И. помѣстилъ безъ подписи; я знаю, что такія статьи были, но для ихъ указанія у меня также нѣтъ данныхъ, а полагаться на свою память не рѣшаюсь.

Не регистрирую здѣсь особо всѣхъ помѣщенныхъ А. И. рецензій въ Историческомъ Вѣстникѣ (обыкновенно за подписью А. К., [1]) изрѣдка А. К-въ); рецензій этихъ за періодъ съ 1885 года по годъ смерти очень много, и ихъ безъ труда можно найти по ежегоднымъ указателямъ къ названному журналу, редакція котораго съ образцовой точностью подъ фамиліей сообщаетъ всѣ названія книгъ, на которыя были даны рецензіи.

Не регистрированы также мной въ хронологической послѣдовательности статьи, помѣщенныя въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгауза и Эфрона; статей этихъ очень много, и я приведу перечень лишь главнѣйшихъ изъ нихъ:

Готшедъ, Готфридъ Страсбургскій, В. И. Григоровичъ, Гофманъ, Гриммы, Достоевскій, Духовные стихи, Карамзинъ, Клопштокъ, Книга, Коцебу, Крыловъ, Кн. Курбскій, Легенды, Миннезингеры и Мейстерзингеры, Мелетій Смотрицкій, Миллеръ (Всеволодъ). Мистерія, Нибелунги, Нѣмецкая литература, Пушкинъ.—Извѣстное изданіе—«Всеобщая исторія литературы», начатое подъ редакціей В. Ѳ. Корша въ 1880 году, съ XVI выпуска стала выходить подъ редакціей А. И. Кирпичникова, который и закончилъ его въ 1892 году [2]). Въ этой «Всеобщей исторіи литературы»—А. И. написаны слѣдующіе отдѣлы:

1. Средневѣковые литературы западной Европы (почти весь второй томъ).
2. Вѣкъ возрожденія въ Италіи.
3. Итальянская литература XV в.
4. Гуманизмъ въ Германіи.
5. Испанія и Португалія въ эпоху возрожденія
6. Франція въ эпоху возрожденія.
7. Французская литература въ эпоху псевдоклассицизма.
8. Нѣмецкая литература въ вѣкъ псевдоклассицизма.
9. Вѣкъ ложнаго классицизма въ Италіи и на Пиренейскомъ полуостровѣ (№ 2-9 въ III томѣ).
10. Французская литература XVIII в.

---

[1]) За подписью А. К. покойный помѣщалъ рецензіи и въ другихъ изданіяхъ, напр. въ «Лѣтописи историко-фил. Общ. при имп. Новорос. унив.» т. IV въ обзорѣ новѣйшей литературы по Византиновѣдѣнію.

[2]) СПбургъ изд. К. Риккера.

11. Нѣмецкая литература во второй половинѣ XVIII в.

12. Вѣкъ просвѣщенія въ Италіи.

13. Время Гете и Шиллера.

14. Очеркъ исторіи Нидерландской литературы.

15. Очеркъ исторіи литературы XIX вѣка (№№ 10—15 въ IV томѣ).

Въ заключеніе обзора литературныхъ трудовъ А. И. назову извѣстныя мнѣ изданія и книги, которыя вышли въ свѣтъ подъ редакторствомъ его или снабжены его предисловіями:

1. Въ издававшемся въ концѣ 1881 г. и въ началѣ 1882 г. (въ Харьковѣ) — политическомъ, литературномъ, ученомъ и экономическомъ журналѣ «Миръ» (ред. А. П. Шимковъ. изд. В. А. Сыхра) А. И.— принималъ дѣятельное участіе въ качествѣ редактора литературнаго отдѣла и составителя библіографіи. Въ этомъ журналѣ онъ помѣстилъ за подписью *А. Орловскій* повѣсть «Поздняя любовь».

2. Въ 1898 и 1899 годахъ—«Археологическія извѣстія и замѣтки» (изд. Имп. Моск. Арх. Общ).—выходили подъ редакціей А. И. Кирпичникова (совмѣстно съ Д. Н. Анучинымъ); въ этомъ изданіи за указанные года покойнымъ А. И. помѣщенъ рядъ замѣтокъ и рецензій за подписью А. К. и С. С.

3. Въ изданномъ въ Одессѣ (1890 г). «Обзорѣ книгъ для дѣтскаго чтенія примѣнительно ко всякому возрасту» (составлено рекомендательнымъ бюро при одесской комиссіи народн. чтеній)—А. И. написано предисловіе и рядъ рецензій.

4. Отчеты Одесской публичной библіотеки, въ которой А. И. состоятъ попечителемъ, за періодъ съ 1888 года по 1896 годъ редактировались Ал. Ив. и были отпечатаны за его подписью.

5. Ал. Ив. принималъ участіе въ редактированіи составленнаго Л. М. де-Рибасомъ сборника статей «Изъ прошлаго Одессы» (Одесса 1894)

6. Въ 1894 году въ Одессѣ издано «Полное собраніе басенъ Крылова» подъ ред. А. И—ча.

7. Къ составленному И. К. Сперандео (Sperandeo)—«Руководству итальянскаго языка» (Одесса 1896)—А. И-чемъ написано предисловіе.

8. Дж. Морлей—Вольтеръ;—переводъ съ нѣмецкаго исполненъ подъ ред. А. И. Кирпичникова (М. 1889).

9. Къ «Каталогу книгъ, принадлежащихъ Одесскому славянск. благотв. Обществу» (Одесса 1890) предисловіе написано А. И.

10. Въ 1889 году въ Одессѣ вышелъ составленный А. И. Цомакіонъ біографическій очеркъ А. С. Пушкина; редакція очерка принадлежитъ А. И—чу.

11. А. С. Пушкинъ, его публицистическая и журнальная дѣятельность, очеркъ Кузьминскаго, изданъ подъ ред. Кирпичникова (М. 1901).

12. Въ редактированіи матеріала для вышедшей въ Москвѣ въ 1904 году «Книги для чтенія по Русской исторіи» подъ ред. М. В. Довнаръ—Запольскаго, какъ видно изъ предисловія, принималъ дѣятельное участіе А. И. Кирпичниковъ.

М. Г. Попруженко.

Одесса. Октябрь, 1904 г.

Одинъ изъ памфлетовъ на эпоху крѣпостного права.

Въ 1894 году я купилъ случайно у одного книгоноши, продающаго книги на ярмаркахъ и базарахъ, тетрадку въ 8-ю долю листа сѣрой писчей бумаги. Дѣло было въ Могилевѣ на Днѣпрѣ. Тетрадка содержитъ 24 страницы, изъ которыхъ 1—22 страницы заняты текстомъ, а послѣдній листикъ (23—24 страницы) составляетъ обложку тетрадки. Первая страница нашей рукописи обведена рамкой въ 2 ряда: одинъ рядъ рамки выведенъ красными чернилами, а другой—черными. На 24-й страницѣ выведена тоже рамка красными и черными чернилами, при чемъ она болѣе замысловата, чѣмъ рамка на первой страницѣ, и посрединѣ ея стоятъ слова: «*Цѣна 10 коп.*». Текстъ начинается съ первой же страницы, при чемъ первыя буквы первой страницы выведены красными чернилами, весь же остальной текстъ написанъ черными чернилами. Вся тетрадка написана почеркомъ малограмотнаго человѣка: писавшій ее, повидимому, не имѣетъ большого навыка въ писаніи и старательно выводилъ буквы. Почеркъ крупный, особенно на первыхъ страницахъ и не совсѣмъ твердый. Вотъ, такъ сказать, палеографическое описаніе рукописи, по поводу которой я хочу сказать нѣсколько словъ. При этомъ считаю нужнымъ оговориться, что я не представлю здѣсь ни комментарія къ заключающемуся въ этой рукописи произведенію, ни оцѣнки его, такъ какъ не могу признать себя спеціалистомъ въ тѣхъ областяхъ знанія, которыя могутъ вѣдать подобныя вещи. Здѣсь привожу свои соображенія о времени и мѣстѣ написанія его и тѣ побужденія, которыми я руководствовался, представляя это произведеніе на судъ болѣе компетентныхъ судей, чѣмъ я. Перехожу къ выполненію своей задачи.

Время написанія нашей рукописи опредѣляется словами, находящимися на 19-й страницѣ: «1884 года Фѣвраля 20-го дня», хотя эта дата не даетъ возможности опредѣлить точно, поставлена ли она авторомъ или переписчикомъ. Но во всякомъ случаѣ можно утверждать положительно, что тетрадка эта написана послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, и при этомъ написана она черезъ много

лѣтъ послѣ этого событія, потому что авторъ ея упоминаетъ молодое поколѣніе крестьянъ, которое не знаетъ крѣпостной эпохи: «*вы всѣ молодые рѣбята*, говоритъ онъ, *позабыли трудное врѣмя и своего брата*». На мѣсто составленія нашей тетрадки указываютъ слова, слѣдующія непосредственно за указанной выше датой написанія ея: «*мѣстѣчко Княжичи*». Послѣднее названіе принадлежитъ многимъ селеніямъ въ Западной Россіи, но мѣстечко съ такимъ названіемъ мнѣ извѣстно лишь въ Могилевской губерніи и уѣздѣ, и я склоненъ признать, что моя тетрадка составлена именно тамъ. По моему крайнему разумѣнію, на это указываетъ прежде всего фактъ покупки этой тетрадки въ Могилевѣ, находящемся весьма близко отъ Княжичъ, а кромѣ того, данныя языка ея (твердыя согласныя *р*, *ж*, *ш*, 3 л. ед. ч. прош. вр. на *въ*=у и т. д.), обличающія бѣлорусское происхожденіе автора, ближе всего подходятъ къ особенностямъ говора могилевскихъ бѣлоруссовъ [1]). Сюда же можно отнести и нѣсколько словъ, большею частью обозначающихъ различныя повинности крѣпостныхъ крестьянъ, при чемъ нѣкоторыя изъ этихъ словъ употреблялись въ Бѣлоруссіи издавна, судя по стариннымъ актамъ, таковы прыгонъ, [2]) згонъ, гвалты, [3]) варта, [4]) фольварокъ, слово характерное и до сихъ поръ для Бѣлорусскихъ губерній, и др. Конечно, говоря объ языкѣ моей рукописи, я принялъ во вниманіе, что авторъ ея, хотя и крестьянинъ, что явствуетъ изъ текста, но уже знакомъ немного съ книжной рѣчью, а это обстоятельство въ сильной степени повліяло на его языкъ и придало ему нѣкоторую оригинальность и своеобразность, но зато сгладило весьма многія особенности мѣстнаго говора. Хотя по складу стиха она сильно напоминаетъ мнѣ малороссійскія сатирическія пѣсни, напр. о мѣщанкѣ и др.

Моя тетрадка представляетъ собою сборникъ, значительная часть котораго (страницы 1—19) занята описаніемъ быта крестьянъ въ эпоху крѣпостной зависимости. Своему произведенію авторъ старался придать стихотворную форму, но обнаружилъ, само собой разумѣется, свою полнѣйшую несостоятельность въ этомъ отношеніи и только сдѣлалъ рѣчь тяжелѣе и своеобразнѣе. Вотъ это примитивное литературное произве-

---

[1]) Ср. *Соболевскаго*, Опытъ русской діалектологіи. В. I. Спб. 1897, с. с. 69—73, 80 82 и *Носовича*, Словарь бѣлорусскаго нарѣчія. Спб. 1870.

[2]) Ср. о пригонныхъ людяхъ у *Любавскаго*, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго Статута. М. 1892, с. 320.

[3]) *Горбачевскій*, Словарь древняго литовскаго языка Сѣверо-Западнаго края и Царства Польскаго. Вильна. 1874, с. 147.

[4]) *Носовичъ*, op. c., s. l.

деніе и составляетъ предметъ настоящей моей замѣтки, въ концѣ которой я прилагаю и текстъ его. Конечно, оно заинтересовало меня не съ точки зрѣнія литературной, потому что въ этомъ отношеніи оно представляетъ, какъ мнѣ кажется, слишкомъ слабый интересъ. Впрочемъ, я далекъ отъ того, чтобы лишать это произведеніе всякаго значенія, для историка литературы. Уже одно то обстоятельство, что письменныя произведенія нашего сельскаго люда такъ рѣдко и трудно достаются интересующимся ими, что они почти неизвѣстны ученому міру, придаетъ извѣствую цѣнность тѣмъ образцамъ, которые удается достать. Но я далеко не компетентенъ въ вопросахъ литературы, а потому предоставляю другимъ судить о значеніи произведенія, предлагаемаго вниманію читателей, въ послѣднемъ отношеніи, меня же оно заинтересовало съ точки зрѣнія этнографіи и исторіи, какъ изображеніе крестьянскаго быта въ эпоху крѣпостной зависимости, какъ выраженіе взглядовъ народа на это время и отношеніе къ нему. При этомъ особенно цѣннымъ является то обстоятельство, что крѣпостной бытъ изображенъ въ этомъ произведеніи крестьяниномъ. Вообще, свидѣтельства самихъ крестьянъ объ ихъ бытѣ во времена крѣпостной зависимости не такъ часто попадаются въ нашихъ научныхъ изданіяхъ, особенно же это относится къ Сѣверо-Западному краю, гдѣ возникло разсматриваемое произведеніе. Правда, при чтеніи его можетъ явиться мысль, что авторъ немного сгустилъ краски въ нарисованной имъ картинѣ, что онъ нѣсколько мрачно смотритъ на времена крѣпостного права и далеко не всегда безпристрастно говоритъ о нихъ, вслѣдствіе чего я и рѣшился назвать его произведеніе памфлетомъ. Впрочемъ, я считаю нужнымъ оговориться, что не отношу сказанное выше безусловно къ винѣ автора: нѣтъ сомнѣнія, что картина вышла слишкомъ мрачной независимо отъ его воли. Если вспомнить, что и теперь еще число помѣщиковъ-католиковъ весьма велико въ губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края, [1]) то раньше почти всѣ помѣщики были изъ поляковъ или вполнѣ ополячившихся туземцовъ, которые были столь же чужды для крестьянъ, какъ и первые. Такой составъ помѣщичьяго класса отразился любопытнымъ образомъ въ нашемъ произведеніи: анонимный авторъ его отождествляетъ термины «помѣщикъ» и «католикъ» и постоянно употребляетъ второй вмѣсто перваго. Все сказанное выше даетъ возможность заключить а priori, что житье-бытье крестьянъ, принадлежавшихъ не къ тому народу, изъ котораго происходили ихъ владѣльцы, говорившихъ другимъ языкомъ, исповѣдывавшихъ

[1]) Ср. *Дембовецкаго*, Опытъ описанія Могилевской губерніи. Могилевъ на Днѣпрѣ, кн. III, с. с. 46—259.

иную религію, не могло быть особенно сладкимъ. Но это подтверждается цѣлымъ рядомъ документальныхъ свидѣтельствъ и прежде всего тѣми законами и распоряженіями русскаго правительства, которые регламентируютъ отношенія крестьянъ и помѣщиковъ въ Западной Россіи. Достаточно будетъ напомнить правительственныя распоряженія о мѣрахъ противъ жестокаго обращенія съ крестьянами католическаго духовенства, [1]) чтобы согласиться съ тѣмъ, что авторъ могъ допустить въ крайнемъ случаѣ лишь слабое преувеличеніе, которое, вѣроятнѣе всего, явилось у него невольно. Прежде всего авторъ старался изобразить бытъ своихъ собратьевъ въ эпоху крѣпостной зависимости возможно полнѣе, вслѣдствіе чего стремился собрать всѣ тѣ факты, которые были ему извѣстны. При этомъ мы нигдѣ не находимъ указаній на то, чтобы всѣ описанные имъ факты имѣли мѣсто во владѣніяхъ одного какого-нибудь землевладѣльца, такъ какъ встрѣчающіяся въ текстѣ фамиліи помѣщиковъ Гонипровскаго и Булгака еще не указываютъ на то, что бы все это происходило въ имѣніи того или другого изъ нихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ можно даже допустить, что эти фамиліи относятся къ одному опредѣленному факту, и нѣтъ нигдѣ указаній на то, чтобы и остальные примѣры, приведенные въ разбираемомъ произведеніи, тоже относились къ имѣніямъ того или другого изъ упомянутыхъ владѣльцевъ. При этомъ я считаю нужнымъ отмѣтить, что фамиліи, подобныя приведеннымъ, встрѣчаются и теперь въ землевладѣльческомъ классѣ Могилевской губерніи, [2]) вслѣдствіе чего фактъ, съ которымъ связаны эти фамиліи, какъ мнѣ кажется, можетъ быть принятъ за достовѣрный. Это соображеніе не теряетъ силы и въ томъ случаѣ, если мы допустимъ, что авторъ писалъ вполнѣ или отчасти на основаніи разсказовъ другихъ лицъ о временахъ крѣпостного права, разсказовъ, которые и теперь еще можно услышать среди нашего сельскаго люда. Дѣйствительно, въ самомъ началѣ своего произведенія онъ говоритъ, что «*Тарасовицкій Данило помнитъ всѣ, какъ прѣждѣ было*». Такимъ образомъ можно признать весьма возможнымъ, что авторъ почерпнулъ или всѣ или нѣкоторыя свѣдѣнія о бытѣ крестьянъ во времена крѣпостного права изъ разсказовъ упомянутаго выше Данилы. Наконецъ, замѣтная страстность въ тонѣ можетъ быть объяснена, какъ мнѣ кажется, и тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ писалъ свое произведеніе подъ вліяніемъ тѣхъ чувствъ, которыя возникли у него при воспоминаніи о событіяхъ, совершившихся 19 февраля, такъ какъ разсматриваемое произведеніе помѣчено 20-мъ февраля. Во

---

[1]) См. II Полное Собраніе Законовъ, т. XIV, годъ 1839, № 119540.

[2]) *Дембовецкій*, ор. с., с. с. 46, 48, 106, 152, 178, 198.

всякомъ случаѣ это примитивное литературное произведеніе представляетъ, какъ мнѣ кажется, нѣкоторый научный интересъ, сообщая много бытовыхъ чертъ, вслѣдствіе чего я и рѣшился его представить на судъ болѣе компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ, чѣмъ я [1]). При этомъ замѣчу въ заключеніе, что г. Богоявленскій, лаборантъ при Юрьевскомъ университетѣ, сообщилъ мнѣ, что въ Бѣлоруссіи онъ встрѣчалъ въ селахъ много рукописныхъ стихотвореній, совершенно схожихъ по своему характеру съ издаваемымъ ниже стихотвореніемъ и трактующихъ, какъ и оно, о разныхъ вопросахъ, интересующихъ сельскій людъ, каковы, напримѣръ, панская корчма, арендаторъ и т. д. и т. д. Такимъ образомъ, весьма возможно, что наше стихотвореніе является только однимъ изъ представителей той, можетъ быть, многочисленной рукописной литературы памфлетовъ, которая возникаетъ и циркулируетъ среди нашего грамотнаго простонародья, не выходя изъ его среды.

Въ издаваемомъ ниже стихотвореніи мною допущены слѣдующія отступленія отъ правописанія подлинника: 1) текстъ расположенъ мною такъ, какъ пишутся стихи, хотя въ подлинникѣ все написано въ сплошную строку; 2) мною разставлены знаки препинанія, насколько это было возможно въ подобномъ произведеніи; 3) я отдѣлилъ предлоги отъ слѣдующихъ за ними словъ, когда это требовалось современнымъ правописаніемъ, а когда нужно было, то соединилъ ихъ со слѣдующими за ними словами. Во всемъ остальномъ я сохранилъ правописаніе подлинника.

Послушайтѣ, громада,
Какая намъ была бѣда!
Тарасовицкій Данило
Помнитъ всё, какъ прѣждѣ было.
Противъ прѣжнихъ врѣмёнъ
Тепѣръ много пѣрѣменъ:
Что было назадъ 40 лѣтъ,
Ничего уже тепѣръ нѣтъ.
До 1854-го года (sic)
Была жизнь намъ тяжкаго рода:
До того всѣ котолики
Были сильны и вѣлики,
Всѣ они были панами,
Начяльниками надъ нами.
Они были и за суддей,
Насъ нѣ чтили за людей,
Крѣпосными насъ имѣли,
Сами смашно пили, ѣли,

---

[1]) Для сравненія съ данными этого памятника отмѣчу «Воспоминанія подольскаго старожила о временахъ крѣпостного права» (въ Кіевской Старинѣ», г. 1898, февраль с. с. 47—51), а также разсказы 100-лѣтняго старца, приведенныя въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1901 годъ, гдѣ они заимствованы изъ «Новаго Времени».

Роскошничали, гуляли,
Насъ на скотину мѣняли:
Гонипровскій Булгаку
3 души далъ за собаку.
И всѣ мы въ большёй нуждѣ жыли,
Панамъ прыгонъ служыли
По 3 дни въ нѣдѣлю съ души.
Одни ѣли куляшы,
А хлѣбъ ѣли съ одной мякины.
Мучили насъ хуже скотины:
Нѣ было бѣрезки,
Съ которой бы нѣ ломали розги,
На нашу то грѣшну спину
Ломали лозу и осину.
Эконома, Старосты и Войта
Мы боялись хужѣ чёрта.
Прыпомнить тепѣрь, ажъ дивно!
Они, бывало, безпрѣрывно
Бичями на насъ махали,
Никогда мы не отдыхали.
Наготой, голодомъ морыли,
Постоянно говорыли:
«Т. е. пшѣкленто кровь хамска,
«Нѣхъ кажды зна воля паньска!»
Вмѣсто борьщя ѣли спытки;
Мужикъ нѣ имѣвъ цѣлой свитки;
Сорочки грубы, какъ рогожки,
А что косаѣться сапогъ,
Мужыкъ и думать о ихъ нѣ могъ,—
Ноги ихъ вѣчно у лаптяхъ гнили;
Тѣла грѣшнаго нѣ мыли.
Кромѣ тяжкаго прыгону,
Служыли панамъ еще згону,
Да еще служыли гвалту,—
По очерѣди на варту
Фольварокъ стерѣчь ходили
И всю ночь дрова рубили
У кухню и паньскія пѣчи.
Спать нѣльзя было прилѣгчи:
Съ пригону домой,
А тутъ плочь и вой,—
Дѣти повстрѣчяютъ,
Плачутъ и голосятъ,
Пищи себѣ просятъ.
Имъ сказала Мать,
Что нѣтъ чего дать,
Пока пошлётъ сына
Взять изъ магазина.
И такъ дѣти сохнутъ,
Животныя дохнутъ:
Голодная кошка
Кричитъ, смотря въ окошко.
Но нѣ успѣетъ сести
Пищи постной сьѣсти,
По закатѣ солнця,
Войтъ стучитъ въ оконцѣ:
«Мужчины съ цѣпами,
«Женщины съ серпами,
«Завтра на пригонъ!
«Гаситѣ огонь!»
Вставай до зары,
Обѣдать вары,—
Нѣкогда прясти нитки
На сорочки и свитки,
Думай чемъ одѣваться,
И гдѣ отъ бѣды дѣваться.
Съ голоду болѣвшы,
Рубище надѣвшы,
Водицы напись,
На прыгонъ торопись,
До солнця приди
И цѣпомъ крути.
А тутъ Войтъ Эконому
Покажетъ солому,
Чуть зѣрно найдётъ,
Драть кожу кладетъ.
Всѣ, что на прыгопъ опоздали,
По одной сотнѣ палокъ достали.

Сѣрея волъ захромалъ,—
2-вѣ сотни за то попалъ.
Павлюка заболѣли глаза,
И ѣму дали 123 раза.
Савки свинью волки схвотили,
И за то лозой колотили.
40 лозъ дали Дѣнису,
Что продавъ корову лысу.
Грышка посѣкъ 5 бѣрезъ,—
50 дали лозъ,
И 120 лозъ дали Харламу,—
На поли вырывъ яму.
Хмѣльному бывшы Михалку,
Поломали на спинѣ палку.
300 дали Емѣльяну,
Что нѣскоро снялъ шапку пану.
Данило поздно явился,—
Ободъ колѣса сломился,—
Зато ѣму на томъ жѣ мѣстѣ
Улѣпили палокъ 200.
Бѣрѣменныя жѣнщины на прыгонъ ходили,
Пока тамъ жѣ и родили.
А отъ тута, накрывшы полой,
Тащи, больная, домой,
А изъ дому до нѣдели
Таскай дитя въ колыбѣли.
А въ нѣдѣлю окрѣсти,
Да и нужно пану отнѣсти
Курыцу, или яицъ,
Или поляницъ
Корѣцъ, а нѣ то хоть полотенца,
Да и запиши у книги младенца.
Но на эту жѣ душу
Нѣ прибавитъ куляшу,
А жветъ ѣму Мать картошку,
У ротъ суетъ понѣмножку,
А чуть подростетъ,—
У пана свиннѣй пасетъ.
Бѣзъ вины били, карали,
Насильно замужъ отдавали:
Хоть какъ дѣвица нѣ хочетъ,
Съ кимъ захочетъ,
Обвѣнчаетъ. Молодые паничи
Брали дѣвокъ для ночи.
Чуть только 15 лѣтъ,
Каждая сама идетъ.
А ѣсли сама не явиться,—
Имѣя надъ нѣю власть,
Разовъ 1-ну сотню за то дасть.
Замужнію, когда захочетъ,
Каждую къ себѣ волочетъ,
Мучитъ её цѣлою ночь,
А мужа отгоняетъ прочь.
За то мужья и молодки
Носили на ногахъ колодки,
И въ жѣлѣзы еще ковали,—
Такъ то сильно горѣвали!
Трудно было подъ панами:
Смѣялись они надъ нами,
Терпѣли отъ боя боли,
На рукахъ были мозоли,
Нѣ было изъ насъ человѣка,
Чтобъ безъ бою доживъ вѣку.
Бывало, въ кровавомъ потѣ,
Въ сильный холодъ на болотѣ,
Мѣжъ купья, въ водѣ по колѣно
Для пановъ косили сѣно,
А бабы и дѣвки рядами
Згрѣбали сѣно за нами.
Гдѣ лѣсъ рубили и косили,
Дѣти обѣдъ туды носили,
Вёрстъ за 5-ть или за 7-мь,
Голодныя и холодныя совсѣмъ.
Тамъ волки ихъ пожирали
И, заблудившысь, умирали.
Бывало, стараго колѣка
И слабаго человѣка,

Послѣдняго работника съ хаты,
Кого хотя, здаютъ въ солдаты,—
Къ спасѣнію нѣ было надежды.
Голодныя, безъ одѣжды
Зимой дрова панамъ возили,
Руки и ноги морозили.
И какъ ничтожныя рабы,
Збирая ягоды и грыбы,
Лѣтомъ ими себя питали.
Объ одеждѣ хлопотали,
А для пищи во всю зиму
Давали гарцы съ могазину,
Въ который сами жѣ мы и сыпали,
А паны оннымъ насъ питали,
И только почти за это
Трудились имъ зиму и лѣто.
Тогда мы были дурны,
Хаты были курны,
И въ горькомъ дыму
Корьчились въ дому.
Пановъ боялись хужѣ чёрта:
Отъ ихъ, бывало, безъ паспорта,
Куды видно, удѣрёшъ,
За трудъ платы нѣ бѣрёшъ,
Но какъ безъ письменнаго вида,
Просишъ шляхтица или жида:
«Прими работать, паночекъ,
«Хотя за хлѣба кусочекъ!»
Но скоро паны найдутъ,
Сотни 3 за то дадутъ.
Нѣ снимали закона и вѣры,
А жыли хужѣ, чемъ звѣры,
Ибо и звѣры во всякомъ родѣ
Имѣли пріятность на
Пока Алѣксандръ 2-й Государъ
Здѣлавъ намъ вѣликій даръ:
Всё мученье удаливъ,
Землею насъ надѣливъ.
А вы всѣ, молодые рѣбята,
Позабыли трудное врѣмя и своего
брата.
Конѣцъ и Богу слава!
1884-го года Фѣвраля 20-го дня
мѣстѣчко Княжичи.

В. Е. Данилевичъ.

16 мая 1899 года.
Г. Юрьевъ, Лифляндской губерніи.

Іоаннъ Вильгельмъ Людвигъ Глеймъ.

(По поводу столѣтія со дня смерти его).

Іоаннъ Вильгельмъ Людвигъ Глеймъ родился 2-го апрѣля 1719 г. въ Эрмслебенѣ, маленькомъ городкѣ, въ княжествѣ Гальберштадтѣ, гдѣ жили его родители, люди добродѣтельные и честные. Отецъ служилъ сборщикомъ податей и пошлинъ. Они умерли слишкомъ рано, оставивъ 12 дѣтей: 9 сыновей и 3 дочерей. Любимца Вильгельма уже на четвертомъ году его жизни родители отдали ректору Шуману въ Эрмслебенѣ для обученія; на восьмомъ и девятомъ году мальчикъ долженъ былъ помогать отцу въ качествѣ писаря, въ особенности во время поѣздокъ по деревнямъ, относившимся къ его округу. На десятомъ году отецъ отвезъ Вильгельма въ пансіонъ пастора Цабеля въ Обербёрнекѣ (деревня въ княжествѣ Гальберштадтѣ). Какъ ни хорошо было преподаваніе въ этомъ частномъ заведеніи, но отецъ предпочелъ отдать своего сына въ общественное училище и помѣстилъ его въ городское училище въ Вернигероде. Здѣсь подъ руководствомъ хорошихъ педагоговъ, Евстафія Шютце и брата его Генриха, Глеймъ основательно изучилъ латинскихъ и греческихъ классиковъ. У перваго, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и ректоромъ училища, жилъ Вильгельмъ. Правитель графства Вернигероде, графъ Христіанъ-Эрнстъ Штольбергъ заботился о процвѣтаніи городского училища. Однажды, посѣтивъ училище, онъ обратилъ вниманіе на Вильгельма Глейма. Юноша ему такъ понравился, что графъ взялъ его съ собою въ замокъ и, когда узналъ о его страсти писать стихи, то заставилъ его написать нѣсколько стихотвореній въ свою записную книжку. Кромѣ графа, Вильгельмъ пріобрѣлъ здѣсь еще и другихъ покровителей: тайнаго совѣтника Людвига Рейнгарта и государственнаго совѣтника Рюдигера, которые стали о немъ заботиться. Между тѣмъ какъ Вильгельмъ прилежно занимался въ училищѣ, дома заболѣлъ его

отецъ, и сынъ просилъ начальство училища позволить ему съѣздить домой. Сперва ему не давали отпуска, но когда его другъ, сынъ ректора училища, Готфридъ Шютце, попросилъ за него, Вильгельму позволили поѣхать домой, но только въ сопровожденіи Готфрида. Когда онъ подходилъ къ родному городку, услышалъ колокольный звонъ, и на вопросъ о причинѣ этого звона, ему отвѣтили, что хоронятъ сборщика податей Глейма. Мать недолго пережила своего мужа; она скончалась черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Тогда Вильгельмъ снова возвратился въ Вернигероде заниматься науками. Весной 1738 г. онъ поступилъ въ университетъ въ Галле, гдѣ между его преподавателями особенно выдавались: Іоаннъ Людвигъ, Гейнекціусъ, Бёмеръ, Александръ Баумгартенъ и нѣкоторые другіе. Молодой студентъ, который послѣ своего ухода изъ училища находился въ большой нуждѣ, имѣлъ счастье, тотчасъ по своемъ пріѣздѣ, случайно познакомиться съ старымъ канцлеромъ Людвигомъ, который почтилъ его порученіемъ составить каталогъ его огромной библіотеки. Составитель пріобрѣлъ этимъ большое знаніе книгъ, и ему пришла въ голову мысль открыть торговлю книгами, которая впослѣдствіи сдѣлалась для него очень выгодной. Кромѣ того, онъ въ самомъ началѣ своего студенчества подружился съ Уцемъ, Рудникомъ и Николаемъ Гётцемъ, которые отдѣлились отъ школы Готшеда и примкнули къ школѣ Бодмера. Вмѣстѣ съ ними онъ особенно любилъ читать легкія пѣсни Анакреона, которыя побудили его написать подобныя-же и на нѣмецкомъ языкѣ Первый печатный сборникъ стихотвореній Глейма состоялъ изъ стихотвореній легкаго характера и былъ изданъ въ 1744 г. подъ заглавіемъ «Versuch in scherzhaften Liedern» т. е. «Опытъ въ сочиненіи легкихъ, забавныхъ стиховъ» Это маленькое академическое общество весною 1740 г. распалось. Благодѣтель Глейма, Рейнгартъ, Фридрихомъ Вильгельмомъ I былъ приглашенъ въ качествѣ министра финансовъ въ Данію, куда Глеймъ долженъ былъ сопровождать его, какъ секретарь, состоящій на датской службѣ. Но Рейнгартъ вскорѣ внезапно умеръ, и тогда Глеймъ поѣхалъ въ Берлинъ, а оттуда вскорѣ въ Потсдамъ въ качествѣ домашняго учителя полковника фонъ-Шульца, камандовавшаго королевской лейбгвардіей. Здѣсь онъ познакомился съ поручикомъ Эвальдомъ фонъ-Клейстомъ, извѣстнымъ впослѣдствіи поэтомъ. Клейстъ, вскорѣ раненый на дуэли, высоко цѣнилъ то, что Глеймъ не только часто навѣщалъ его, но и декламировалъ ему свои «Забавныя стихотворенія», которыя въ то время уже доставили ему нѣкоторую извѣстность. Когда въ 1744 г. началась вторая силезская война, Глеймъ сдѣлался секретаремъ принца Вильгельма, сына маркграфа Альбрехта въ Шведтѣ. Уступая убѣдительнымъ прось-

бамъ Глейма, принцъ дозволилъ ему сопровождать себя на войну, изъ которой принцу не суждено было вернуться. Онъ палъ въ сраженіи, и его секретарь сильно горевалъ по немъ. Въ 1745 г. секретарь покойнаго принца былъ прикомандированъ секретаремъ штаба къ князю Дессау, но вскорѣ отказался отъ своей службы и, по ходатайству фонъ-Берга, отправился въ качествѣ секретаря капитула канониковъ въ Гальберштадтѣ. Между 1743--1745 г. Глеймъ пробовалъ свои силы и въ драматическомъ искусствѣ, въ духѣ его «Забавныхъ (шуточныхъ) стихотвореній» Первое, что появилось въ этомъ родѣ, былъ: «der blöde Schäfer» т. е. «Застѣнчивый пастухъ», написанный риомованнымъ александрійскимъ стихомъ. Произведеніе это имѣло большой успѣхъ на берлинской сценѣ, такъ какъ не отличалось отъ буколическихъ французскихъ стихотвореній, почитавшихся тогда за образцовыя. Но вскорѣ онъ измѣнилъ свой вкусъ, перестал подражать французамъ, а слѣдовательно школѣ Готшеда. Въ это время больше всего обратили на себя вниманіе его 4 сатирическихъ стихотворенія: «Die Schäferwelt» т. е. «Пастушескій міръ», «die Bürgerwelt» т. е. «Міръ гражданъ», «Das Glück der Schpitzbuben», т. е. «Счастье мошенниковъ» и «das Sendschreiben an das Pflanzstädtlein zu Herrnhut», т. е. «Посланіе маленькой колоніи въ Гернгутѣ». Появившіеся вскорѣ романсы были первыми въ этомъ родѣ произведеніями, написанными на нѣмецкомъ языкѣ. При сочиненіи этихъ романсовъ онъ желалъ попасть въ народный тонъ и вложить въ уста уличныхъ пѣвцовъ лучшіе стихи. Мѣстная хроника городовъ Берлина и Лейпцига составляла содержаніе этихъ романсовъ, которые стали очень любимыми благодаря простотѣ, искренности и національному колориту.

Очень ласково принятый въ Гальберштадтѣ членами капитула, Глеймъ, благодаря своему веселому и живому характеру и такту, вскорѣ получилъ доступъ во всѣ круги общества. Плодами дѣятельности его веселой музы были два сборника прелестныхъ пѣсенъ, которыя появились въ печати въ 1749 г., (при чемъ одинъ изъ сборниковъ имѣлъ своимъ девизомъ: «Frui paratis et valido mihi», а другой явился съ девизомъ: «Cantamus vacui».) Весной 1750 г. Глеймъ предпринялъ путешествіе въ Лангензальцу и Лейпцигъ, гдѣ между прочимъ познакомился съ Клопштокомъ, Шмидтомъ и Геллертомъ, изъ которыхъ два первые слѣдующее лѣто провели у него въ Гальберштадтѣ. Съ тѣхъ поръ Клопштокъ нѣсколько разъ былъ гостемъ Глейма въ Гальберштадтѣ и заключилъ искреннюю дружбу съ нимъ, при чемъ воспѣваетъ его въ одной одѣ, посящей его имя и изображающей его, какъ личность, достойную имени въ потомствѣ. Вообще дружба въ жизни Глейма играла большую роль. Онъ,

казалось, не былъ способенъ любить. Дружба поглощала всецѣло Глейма и какъ-бы отвлекала его мысли отъ любви. Но зимой 1752—1753 гг. въ Бланкенбургѣ Глеймъ познакомился съ младшей дочерью горнаго совѣтника Мейера, Софіей, къ которой впервые воспылалъ искренней любовью. Его любовь встрѣтила взаимность, и счастливый женихъ надѣялся 2-го мая отпраздновать свою свадьбу. Но суждено было случиться другому; именно отецъ ревновалъ свою дочь и часто упрекалъ ее за то, что она съ тѣхъ поръ, какъ полюбила своего жениха, перестала любить его. Упреки зашли такъ далеко, что дочь объявила, какъ бы въ припадкѣ сумасшествія о слѣдующемъ: чтобы доказать противное, она лучше подвергнется величайшему несчастью и даже величайшему позору, чѣмъ выйдетъ замужъ за своего жениха. Послѣдній, ничего не подозрѣвая, открываетъ отцу, что произошло между его невѣстой и имъ, но вмѣсто того, чтобы найти въ немъ поддержку, встрѣчаетъ упреки въ томъ, что онъ похитилъ было у него любовь дочери; и вотъ Господь далъ ей сознать свой грѣхъ и возвратилъ ее своему отцу. Всѣ доводы противъ этого ничего не помогли. Во второй половинѣ апрѣля пріѣхалъ въ Гальберштадтъ Клейстъ для того, чтобы отпраздновать свадьбу своего друга, но нашелъ его въ величайшемъ огорченіи. Всѣ старанія Клейста возвратить ему невѣсту были тщетны. Это была первая и послѣдняя любовь поэта. Тѣмъ горячѣе стала съ этихъ поръ его жажда дружбы; въ ней онъ нашелъ смыслъ жизни. «Такъ какъ жили такіе люди, какъ вы, и были моими друзьями, то поэтому безсмертіе также неоспоримо, какъ то, что я вашъ другъ!» писалъ онъ однажды осенью того-же 1753 г. вскорѣ послѣ разлуки съ Софіей Мейеръ. Глеймъ взялъ къ себѣ дочь своего старшаго брата, и съ тѣхъ поръ Софія Доротея Глеймъ, умная и развитая, заботливо и любовно ухаживала за нимъ. Зимой 1754 г. Глеймъ по дѣламъ капитула ѣздилъ въ Берлинъ, и здѣсь познакомился съ Лессингомъ, котораго вскорѣ могъ причислить также къ своимъ друзьямъ. Посѣщая свою родственницу, вдову капитана Петри, которая была воспитательницей молодого прусскаго принца, Глеймъ часто встрѣчался и съ принцемъ. Однажды послѣдній показалъ ему рисунки къ баснямъ Лафонтена и спросилъ его о томъ, можетъ ли онъ также писать басни. «Нѣтъ», отвѣтилъ поэтъ, «нѣтъ ничего тяжелѣе, какъ писать басни». Однако мысль объ этомъ побудила его попытаться перейти къ этого рода творчеству и это трудное дѣло вполнѣ удалось ему. Эти басни услаждали самому Глейму тѣ годы, въ которые онъ сильно страдалъ ипохондріей, а также увеличили его популярность. Лучшія изъ этихъ басенъ: «Стрекоза и муравей», «Старикъ и смерть», «Садовница и пчела». Въ 1750 г. герцогское нѣ-

мецкое общество въ Гельсештедтѣ избрало его въ члены, а въ 1752 г. онъ получилъ дипломъ почетнаго члена королевскаго великобританскаго нѣмецкаго общества въ Гёттингенѣ, въ 1755 г. дипломъ дѣйствительнаго члена королевскаго нѣмецкаго общества въ Кенигсбергѣ. Въ 1756 г. началась семилѣтняя война, которая пробудила Глейма къ новой жизни и еще глубже вселила въ его сердце любовь къ отечеству. Въ своихъ «Preussische Kriegslieder von einem Grenadier», т. е. «Прусскія боевыя пѣсни, написанныя гренадеромъ» оптимистъ Глеймъ, глубоко вѣря въ побѣду правды надъ зломъ, воспѣваетъ славу Фридриха Великаго. Его прозвали германскимъ Тиртеемъ. Когда пѣсни въ первый разъ появились въ печати, только самые близкіе друзья Глейма знали, что авторъ ихъ, гренадеръ,—онъ. Въ то время, когда Клейстъ, который участвовалъ въ войнѣ, стоялъ въ Лейпцигѣ, Глеймъ посѣтилъ его, чтобы вмѣстѣ съ нимъ провести Пасху. Въ сентябрѣ 1757 г. Гальберштадтъ также сдѣлался мѣстомъ непріятельскихъ дѣйствій. Побѣда при Росбахѣ вскорѣ заставила великую армію отступить на зимнія квартиры, чему Глеймъ радовался тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ французами исчезли и его опасенія за жизнь Клейста. Вскорѣ послѣ выступленія непріятеля, Глеймъ въ послѣдній разъ видѣлъ своего Клэйста въ Бёренбургѣ, куда Клейстъ былъ посланъ для военной экзекуціи, а 12 августа 1759 г. Клейстъ палъ въ битвѣ при Кунерсдорфѣ. Глеймъ съ ужасомъ узналъ, что его тяжело раненный другъ въ Франкфуртѣ на Одерѣ попалъ въ плѣнъ къ русскимъ. Онъ поспѣшилъ туда, но уже въ Магдебургѣ услышалъ, что Клейстъ умеръ отъ ранъ. Безутѣшное горе овладѣло Глеймомъ, и даже муза долго не доставляла ему утѣшенія. Когда 15 марта 1763 г. былъ подписанъ Губертсбургскій миръ, для провинцій Пруссіи настали радостные дни, въ которые «прусскій гренадеръ» пѣлъ свои анакреонтическія пѣсни. Всѣ онѣ дышатъ любовью къ веселой жизни и къ тому, что для его жизни всегда было самымъ дорогимъ—именно Фридриху и друзьямъ. Въ то же время были написаны: «die Petrarchischen Gedichte,» т. е. «Стихотворенія въ духѣ произведеній Петрарки», которыя вѣрнѣе слѣдовало бы назвать: «Minnigliche Gedichte», т. е. «Любовными стихотвореніями», потому что они были написаны подъ вліяніемъ изданныхъ Бодмеромъ древне-нѣмецкихъ пѣсенъ миннезингеровъ. Глеймъ занимался переложеніемъ въ стихи драмъ, выходившихъ въ прозѣ, такъ, наприм. онъ переложилъ въ стихи «Philotas» Лессинга и «Смерть Адама» Клопштока, чтобы этимъ водворить на сценѣ болѣе благородный языкъ. Въ періодъ, послѣдовавшій тотчасъ за войной, Глеймъ рѣже получалъ письма отъ своихъ друзей, чѣмъ обыкновенно, на что горько жалуется. Причи-

ной этому было то, что занятія его друзей сдѣлались болѣе серьезны и потому меньше оставалось времени для частыхъ писемъ. Для него, конечно, было непонятно, какъ, наприм. Клопштокъ можетъ такъ серьезно, такъ сухо заниматься размѣромъ стиха древне-нѣмецкаго языка и миѳологіей. Самъ-же онъ жилъ, наслаждаясь жизнью: его пѣсни, его друзья, его отечество, его король наполняли радостью его сердце. Большимъ горемъ для Глейма былъ разрывъ съ лучшимъ другомъ Рамлеромъ. Это горе совпало съ серьозною болѣзнью поэта; не надѣясь выздоровѣть, онъ составилъ себѣ эпитафію: «дружба убила меня». Нѣсколько лѣтъ спустя, геній дружбы, казалось, не одинъ разъ хотѣлъ вознаградить Глейма за потерянную дружбу съ Рамлеромъ, такъ какъ привелъ къ нему новыхъ трехъ друзей; это были: Якоби, Михаэлисъ и Іэнсъ, изъ которыхъ два послѣднихъ, къ сожалѣнію, вскорѣ умерли. Когда Глеймъ приводилъ въ порядокъ бумаги покойнаго Михаэлиса, онъ нашелъ много писемъ отца къ сыну, и въ нихъ Глеймъ увидѣлъ его страшную бѣдность. Онъ принялъ горячее участіе въ родителяхъ своего друга и старался по мѣрѣ силъ помогать имъ.

Въ 1772 г. появилось въ первый разъ собраніе «Пѣсенъ для народа» его собственнаго изданія. Глеймъ при сочиненіи этихъ «Пѣсенъ для народа» чувствовалъ такое-же сильное и радостное воодушевленіе, какъ и при сочиненіи «Боевыхъ пѣсенъ». Онъ былъ созданъ для подобныхъ пѣсенъ; его любовь къ простому образу жизни трудящагося народа дѣлала его истиннымъ другомъ народа. Въ октябрѣ того-же года Глейму удалось доставить мѣсто домашняго учителя въ Гальберштадтѣ высокоодаренному молодому человѣку, по имени Вильгельму Гейнзе, который былъ ему рекомендованъ Виландомъ. Съ этихъ поръ Глеймъ сталъ отечески заботиться о немъ и подружился съ юношей. О сердечной любви, съ какою Глеймъ былъ привязанъ къ Гейнзе, объ отеческой заботливости, какую онъ питалъ къ нему всю жизнь, свидѣтельствуетъ его переписка съ нимъ. Глеймъ помолодѣлъ за это время. Онъ увлекался пѣснями древне-нѣмецкихъ миннезингеровъ, изданными Бодмеромъ; нѣкоторыя изъ нихъ были переложены имъ на современный ладъ и напечатаны въ пользу двухъ бѣдныхъ дѣвушекъ, сестеръ двухъ молодыхъ его друзей.

Въ 1773 г. цѣлый рядъ большихъ непріятностей повергъ Глейма въ мрачное расположеніе духа. Отъ мизантропіи и крайняго пессимизма его спасли только завѣты матери, внушившей ему глубоко любовь къ Библіи. Спустя годъ появилось нѣсколько пѣсенъ, которыя онъ издалъ подъ заглавіемъ: «Галладатъ», или «Красная книга». Поводъ къ нимъ

подалъ совѣтникъ консисторіи Бойзенъ въ Кведлинбургѣ: онъ тогда былъ занятъ переводомъ Корана на нѣмецкій языкъ и сообщилъ Глейму образцы этого перевода. Глеймъ юношески увлекся Кораномъ и пытался переводить его. Онъ послалъ Бойзену стихотвореніе серьезнаго, религіознаго содержанія, которое теперь находится въ Галладатѣ подъ заглавіемъ: «der Zweifler», т. е. «Скептикъ». Друзья встрѣтили «Красную книгу» съ большимъ энтузіазмомъ, но для посторонней публики она осталась неизвѣстна. Такъ какъ «Галладатъ» приходится на средину исторической жизни Глейма, то на него можно смотрѣть, какъ на концентръ его идеальной жизни въ «Галладатѣ».

Въ 1775 г. Глеймъ, во время путешествія въ Пирмонтъ, познакомился съ Гердеромъ, съ которымъ переписывался уже съ 1765 г.. Искренность и остроуміе, съ какими Гердеръ въ своихъ «Фрагментахъ о нѣмецкой литературѣ» высказывалъ свое мнѣніе о «Боевыхъ» и «Забавныхъ пѣсняхъ» Глейма, привлекли послѣдняго къ благородному юношѣ. Два года спустя появился новый сборникъ романсовъ Глейма. Это собраніе было въ другомъ духѣ, болѣе свободнаго тона и содержанія. Когда весною 1778 г. Фридрихъ повелъ свои войска противъ Іосифа, для защиты Баварскаго курфюрста, престолонаслѣдію котораго угрожала опасность, боевая пѣснь гранадера гордо и смѣло раздалась съ новой силой:

Von Mann zu Mann auf Feld u. Flur
Schleicht sich ein bös Gerücht!
Greif, o du Kaiser, greif doch nur
Nach diesem Lorbeer nicht.
Von diesem, der sein graues Haupt
So fest umschlungen hat,
Von diesem Lorbeer nimmt und raubt
Dein Schwert ihm nicht ein Blatt!

т. е. «По полямъ и нивамъ отъ одного человѣка къ другому передается недобрая молва!—Не старайся, о императоръ, отнять этотъ лавровый вѣнокъ! Отъ этого вѣнка, который такъ крѣпко обвилъ его голову, убѣленную сѣдиной, твой мечъ не возьметъ и не похититъ ни одного листа!»— Эти сборники боевыхъ пѣсенъ, какъ и другія, Глеймъ дарилъ своимъ друзьямъ, посылалъ ихъ и въ армію, гдѣ тогдашній полковой священникъ Людеке особенно заботился о распространеніи ихъ между солдатами. За этими боевыми пѣснями непосредственно послѣдовали «Пѣсни любви». Гердеръ подалъ поводъ къ нимъ, и Глеймъ послалъ ему первый экзем-

пляръ со слѣдующими словами:... «Онѣ (пѣсни) написаны въ теченіе двухъ безсонныхъ ночей. Ты, мой братецъ, былъ Аполлономъ этихъ пѣсенъ.» Въ 1783 г. Глеймъ издалъ свои «Посланія.» Объ этомъ онъ опять пишетъ Гердеру, что онъ, прежде чѣмъ отправиться къ праотцамъ, желаетъ воздвигнуть своимъ друзьямъ, какъ усопшимъ, *такъ и еще живущимъ въ этомъ мірѣ*, маленькій памятникъ, написавши каждому изъ нихъ по одному посланію. 22 мая 1785 г. Глеймъ потерялъ своего возлюбленнаго, высокоуважаемаго декана капитула канониковъ, Эрнеста фонъ-Шпигеля, многократно воспѣтаго имъ, какъ друга музъ и человѣчества, который обезсмертилъ себя славой доброты и благоволенія. Онъ дѣйствительно былъ искреннѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ другомъ и покровителемъ Глейма. Когда приближалась смерть, Штигель продиктовалъ послѣднія строки, исполненныя любви къ Глейму и собственноручно подписалъ свое имя и слова: «Больше я не могу!» Преемникомъ Штигеля былъ избранъ графъ-Штольбергъ-Вернигероде. Избраніе достойнаго графа деканомъ капитула было самымъ радостнымъ событіемъ въ жизни Глейма, такъ какъ онъ съ дѣтства былъ тѣсно связанъ съ домомъ Штольберговъ и всегда чувствовалъ себя тамъ какъ-бы роднымъ; всѣ члены дома почитали его и называли «дядей.» Зимой 1785 г. Глеймъ по дѣламъ капитула былъ опять въ Берлинѣ. Уже давно самымъ горячимъ желаніемъ «прусскаго гренадера» было лично узнать великаго Фридриха, которому онъ всегда поклонялся. Его друзьямъ, особенно маркизу Лукезини, удалось доставить Глейму аудіенцію у короля, и 22 декабря Глеймъ былъ приглашенъ во дворецъ. Къ сожалѣнію, объ этой аудіенціи не сохранилось никакихъ указаній въ бумагахъ Глейма. Что аудіенція дѣйствительно состоялась, мы узнаемъ отъ самого маркиза Лукезини, который расказываетъ, что король за столомъ сказалъ: «Каноникъ Глеймъ мнѣ чрезвычайно понравился, и я еще никогда не говорилъ съ ученымъ, въ которомъ я замѣтилъ-бы столько прямодушія и такую благородную, непринужденную манеру, какъ у него.»

Въ 1786 г. Глеймъ издалъ полное собраніе «Басенъ и разсказовъ» и «Золотыя изреченія». Въ сентябрѣ 1786 г. умеръ Фридрихъ Великій, прославленіе котораго было любимой темой пѣснопѣній Глейма. Только что основанное литературное общество въ Гальберштадтѣ устроило торжественное засѣданіе въ память великаго человѣка; Глеймъ произнесъ стихотвореніе, въ которомъ живо и задушевно были выражены его глубокая скорбь и его безграничное почитаніе. Со смертью Фридриха энтузіазмъ Глейма къ великому королю превратился *въ горячее рвеніе и страсть* самому лично по возможности способствовать общему благу

отечества. «Гренадеръ» отступилъ на задній планъ, а на первый выступилъ ревностный «патріотъ» въ лучшемъ значеніи этого слова. Въ томъ же году Глеймъ, по предложенію профессора Мюллера въ Берлинѣ, былъ избранъ членомъ королевской академіи наукъ и искусствъ въ Берлинѣ. Когда Глеймъ узналъ объ этомъ, онъ остался очень недоволенъ и между прочимъ писалъ Мюллеру слѣдующее: «На что мнѣ въ моемъ возрастѣ почетные титулы? Я за нихъ только долженъ платить благодарственными письмами, комплиментами. Нѣтъ, умоляю васъ, отвратить отъ меня это несчастье. Если наши музагеты, т. е. предводители музъ, 20 лѣтъ тому назадъ не могли видѣть меня собственными глазами, то пусть теперь и не увидятъ меня своими увеличительными стеклами»... Осенью 1790 года Глеймъ во время путешествія сильно заболѣлъ въ Ашерслебенѣ, такъ что его жизнь въ теченіе нѣсколькихъ недѣль была въ величайшей опасности. Онъ самъ ожидалъ только смерти и въ одномъ стихотвореніи прощался со своими многочисленными друзьями. Благодаря постоянной заботливости и уходу со стороны его близкихъ, у которыхъ онъ лежалъ больнымъ, и его сильной натурѣ, жизнь побѣдила смерть, и онъ, полный новаго свѣжаго здоровья, возвратился въ Гальберштадтъ. Возвратившись къ жизни, онъ былъ свидѣтелемъ ужасовъ французской революціи. Онъ видѣлъ страшную опасность, которая изъ этого гигантскаго водоворота приближалась къ Германіи. Поэтому онъ во всѣхъ своихъ пѣсняхъ и письмахъ проповѣдывалъ борьбу съ революціей, при правильномъ усвоеніи понятій объ отечествѣ, свободѣ и равенствѣ. Онъ обращался въ нихъ не только къ государямъ и властямъ, но и къ гражданамъ, чтобы противодѣйствовать яду необузданной свободы и равенства. Такъ появились на свѣтъ въ 1787 г. «Солдатскія пѣсни» Глейма, которыми онъ, главнымъ образомъ, пытался возбудить національную гордость среди деревенской молодежи. За этими «Солдатскими пѣснями» послѣдовали также его «Прусскія походныя пѣсни», при чемъ тѣ и другія появились подъ заглавіемъ: «Современныя стихотворенія». Кромѣ французской революціи, которая привлекала къ себѣ вниманіе Глейма въ связи съ судьбой его собственнаго отечества, онъ, какъ истинный гражданинъ міра, принималъ живѣйшее участіе въ судьбѣ Польши и ея короля Станислава-Августа. Нѣсколько маленькихъ стихотвореній, обращенныхъ къ польскимъ князьямъ и польскому королю попались польскому посланнику въ Берлинѣ Заблоцкому, который вскорѣ послѣ того прислалъ Глейму письмо и брилльянтовый перстень съ вензелемъ своего короля. Старику было чрезвычайно пріятно то, что онъ не совсѣмъ напрасно возвысилъ свой голосъ, и онъ отправилъ чрезъ посланника королю экземпляръ «Совре-

менныхъ пѣсенъ», въ которомъ находились и стихотворенія, посвященныя королю съ такою собственноручною надписью:

Wenn dich, du kleines Buch, der beste König liest,
Und wenn er findet dich geschrieben
Nur für die Könige, die ihre Menschheit lieben,
Dann rühm'es, dass du glücklig bist!

т. е. «Когда тебя, маленькая книжка, прочтетъ лучшій изъ королей и найдетъ, что ты написана только для тѣхъ королей, которые любятъ человѣчество, тогда хвались тѣмъ, что ты счастлива!».

Свои произведенія, явившіяся въ его собственномъ изданіи, онъ или дарилъ друзьямъ, или отсылалъ въ книжные магазины съ просьбою, насколько возможно больше распространять ихъ, чѣмъ онъ надѣялся способствовать благу отечества. И дѣйствительно, онъ оказалъ этимъ обществу такую-же великую услугу, какъ Гердеръ своими письмами «о споспѣшествованіи гуманности» и Клопштокъ своей «Мессіадой».

Новый сборникъ пѣсенъ Глейма «Таламъ» отличался особымъ характеромъ. Здѣсь были только веселыя пѣсни.

Въ 1797 г. Глеймъ оставилъ мѣсто секретаря капитула каноников, которое занималъ въ теченіе 50-ти лѣтъ. Въ это долгое время онъ оказалъ капитулу чрезвычайно важныя услуги, какъ благодаря своимъ необыкновеннымъ талантамъ, такъ и благодаря тому, что онъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ самыми важными членами министерства, при этомъ онъ въ совершенствѣ зналъ всѣ уставы и обычаи капитула, такъ что каноники въ спорныхъ случаяхъ нерѣдко прибѣгали къ его совѣту. Послѣдніе годы 18-го столѣтія Глеймъ провелъ очень пріятно. Послѣ тяжкой болѣзни, перенесенной въ Ашерслебенѣ, физическая природа Глейма какъ бы обновилась, онъ читалъ и писалъ по ночамъ, какъ въ молодые годы; работалъ охотно и энергично, и всегда готовъ былъ принимать участіе во всякой радости. Его жизнь наполняли также регулярныя посѣщенія его друзей, которые жили въ другихъ мѣстахъ, какъ Жанъ-Поль-Фридрихъ Рихтеръ, Фоссъ и Гердеръ. Въ началѣ 19-го столѣтія зрѣніе Глейма постепенно стало слабѣть. Хотя онъ, для того чтобы продолжать переписку со своими друзьями, писалъ самъ, но писалъ большими латинскими буквами и очень немного. Зейме, между прочимъ, говоритъ: «Послѣднее письмо, написанное его рукой, было для меня однимъ изъ грустнѣйшихъ фактовъ; буквы были крупны, безпорядочны и неясно сливались другъ съ другомъ, и все было какъ бы затянуто двойнымъ флёромъ.» Но вѣчно юный душою Глеймъ не унывалъ и хотя порою и вздыхалъ, по прежнему жилъ дружбой и любовью къ родинѣ.

Прогрессировавшая слѣпота вынудила Глейма подвергнуться операціи. Операція прошла благополучно, но надежда на выздоровленіе все больше и больше покидала его, и въ декабрѣ онъ писалъ Клопштоку: «Надежда не сбылась. Проколотый глазъ еще ничего не видитъ, кромѣ легкаго тумана; другой-же глазъ видитъ лишь настолько, что я могу ходить по комнатѣ взадъ и впередъ. Послѣ операціи у меня не было ни одного хорошаго дня, и было сто тридцать три безсонныхъ ночи. Мое состояніе настолько печально, что даже Клопштокъ не могъ-бы описать его». Но и въ этихъ тяжкихъ страданіяхъ муза не оставляла его, и въ 1801 г. онъ снова на свой счетъ издалъ три сборника «Современныхъ стихотвореній». Бóльшую часть этихъ стихотвореній онъ въ безсонныя ночи диктовалъ своему слугѣ Іоанну Штаманну. Во второмъ изъ этихъ сборниковъ находится нѣсколько стихотвореній, адресованныхъ къ русскому Императору Александру I, они были посланы имъ русскому посланнику въ Берлинѣ, фонъ-Крюденеру, «въ доказательство того, что онъ уже давно принимаетъ живѣйшее участіе въ Россіи и ея народонаселеніи». Крюденеръ отвѣтилъ Глейму: «Такъ какъ мой Государь знаетъ нѣмецкій языкъ и читаетъ нѣмецкія произведенія, и такъ какъ даже тѣ, которые не знаютъ нѣмецкаго языка и не читаютъ на немъ, все-таки знаютъ и уважаютъ стараго Глейма, то я счелъ своей обязанностью послать Императору 2 экземпляра». И уже въ слѣдующемъ мѣсяцѣ старецъ получилъ отъ посланника золотую табакерку, осыпанную бриллiантами, а также слѣдующее письмо: «Императоръ поручилъ мнѣ передать Вамъ прилагаемую табакерку, какъ доказательство его высокаго уваженія къ Глейму, мудрецу и поэту, и какъ ничтожный знакъ своей признательности за удовольствіе, которое доставили ему ваши послѣднія стихотворенія» и т. д. Почетный подарокъ молодого Императора доставилъ Глейму большую радость.

Въ 1802 г. Глеймъ напечаталъ еще два сборника подъ заглавіемъ: «Ночныя стихотворенія». Это были плоды многихъ безсонныхъ ночей въ годы страданія слѣпотою. Долгая привычка писать стихи по ночамъ почти изгнала ночной сонъ. Онъ теперь часто жаждалъ его, и, такъ какъ сонъ не приходилъ, то онъ писалъ:

Nein, sprach der Gott, mit bitterm Lachen:
Dass meinen besten Schlaf du dir
Oft aus den Augen riebst, dafür,
Gottloser, sollst du ewig wachen!

т. е. «Нѣтъ, сказалъ Богъ съ горькимъ смѣхомъ, за то что ты мой лучшій сонъ часто сгонялъ съ глазъ, ты, безбожникъ, будешь вѣчно бодр-

ствовать». Съ марта того-же года жизнь уже не имѣла для него ничего привлекательнаго, и онъ сталъ молить смерть, чтобы она наконецъ появилась. Онъ простился со своими друзьями и продиктовалъ послѣднія письма къ Леопольду Штольбергу, Гердеру и Клопштоку. Его духъ не считалъ достойнымъ труда бороться со смертью, онъ тихо и добровольно отдавалъ ей эту ничтожную добычу. До послѣдней минуты онъ остался вѣренъ своей привычкѣ никого не отягощать. Наконецъ, 18 февраля 1803 г. въ 6 часовъ вечера Глеймъ скончался. Племянница, безотступно находившаяся у смертнаго одра, остававшаяся ему вѣрною до конца жизни, не замѣтила кончины дяди. Черезъ три дня останки этого нѣкогда жизнерадостнаго, задушевнаго и добраго человѣка, были заключены въ гробъ. Подъ печальное пѣніе хора капитула друзья, весь составъ офицеровъ гарнизона, члены земства и литературнаго общества, проводили останки поэта. Согласно его желанію, онъ былъ погребенъ въ его собственномъ саду. Въ своихъ послѣднихъ письмахъ къ друзьямъ онъ распорядился относительно погребенія: вокругъ могилы должны быть поставлены урны, на которыхъ надлежитъ выгравировать имена и дни смерти до него умершихъ друзей; могилу-же прежде всего слѣдуетъ обсадить цвѣтами и кустарниками, пока болѣе счастливое время позволитъ воздвигнуть памятникъ надъ сводомъ, гдѣ прежде стояла его любимая бесѣдка съ его собственною стихотворною надписью:

Die Blüme blühet und verblüht
Zu ihres Schöpfers Ruhme!
Wer heut, noch ihre Schönheit sieht,
Ist morgen wohl wie sie verblüht:
Der Mensch ist eine Blume!
Und wie die Blume wiederblüht
Wenn Gottes Auge nieder
Auf sie von Seinem Himmel sieht,
Und unter ihr die Erde glüht:
So blüht der Mensch auch wieder!

т. е. «Цвѣтокъ цвѣтетъ и отцвѣтетъ во славу своего Творца! Кто сегодня еще видитъ его красоту, завтра, можетъ быть, отцвѣтетъ такъ, какъ и онъ: человѣкъ—цвѣтокъ! И, какъ цвѣтокъ снова зацвѣтетъ, когда Господне око взглянетъ на него съ неба, и подъ нимъ согрѣется земля, такъ и человѣкъ снова зацвѣтетъ!»

Г. Ирмеръ.

Изданія Историко-Филологическаго Общества.

СБОРНИКИ.

1-й томъ «Сборника» заключаетъ въ себѣ «Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.», собранные *Д. И. Багалѣемъ*. *Цѣна 2 р.*

2-й томъ содержитъ слѣдующія статьи: а) Отчеты о засѣданіяхъ Общества и прочитанныхъ на нихъ рефератахъ; б) Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Харьковской и сос. Курской и Воронежской губ., собранные *Д. И. Багалѣемъ*; в) Сказки, пословицы и т. п., записанныя въ Екатеринославской и Харьковской губ. *И. И. Манжурою*; г) Игры крестьянскихъ дѣтей въ Купянскомъ уѣздѣ Харьковской губ., собранныя *П. Ивановымъ* (съ предисловіемъ Н. Ѳ. Сумцова). *Цѣна 4 р.*

3-й томъ. Отчетъ о дѣятельности Историко-Филологическаго Общества въ 18⁹⁰/91 академическомъ году, составленный секретаремъ общества *Н. Ѳ. Сумцовымъ*, и отчетъ объ архивѣ Общества съ 1-го октября 1899 г. по 1-е октября 1890 года. *В. Саввы.* О времени и мѣстѣ крещенія русской великой княгини Ольги (опытъ историко-критическаго разбора). *М. Плохинскаго.* Матеріалы для исторіи внутренней жизни лѣвобережной Украйны. Бобровники. Стрѣльцы (съ приложеніемъ документовъ). *П. Иванова.* Народные разсказы о вѣдьмахъ и упыряхъ (матеріалы для характеристики міросозерцанія крестьянскаго населенія Купянскаго уѣзда). *Н. Ѳ. Сумцова.* Колдуны, вѣдьмы и упыри. *Д. И. Багалѣя.* Сочиненія, матеріалы, статьи и замѣтки относящіеся къ исторіи Слободской украйны (критико-библіографическій очеркъ). Выпускъ 2-й. 1885—1890 года. Часть 1-я: обзоръ источниковъ. *В. П. Бузескула.* Библіографическая замѣтка о книгахъ, изданныхъ въ Харьковѣ. ***Мелкія замѣтки***: 1) Къ біографіи В. Н. Каразина. (*Д. И. Багалѣя*). Челобитная острогожскихъ старшинъ Императрицѣ Екатеринѣ II-й (*Д. И. Багалѣя*). Раскопка кургановъ въ Изюмскомъ уѣздѣ Харьк. г., произведенная И. М. Бичъ-Лубенскимъ. *(Д. И. Багалѣя).* Замѣтка о консистентахъ въ Малороссіи (*Н. Н. Бакая*). О доставкѣ фруктовъ изъ Малороссіи къ царскому двору *(М. Плохинскаго).* Описаніе графскаго диплома гетмана Разумовскаго *(М. Плохинскаго).* О гетманскихъ рыболовныхъ озерахъ *(М. Плохинскаго).* Письма студента Харьковскаго университета И. Я. Тросницкаго 1824—1827 г. (*Н. Ѳ. Сумцова*). Три письма В. Н. Каразина (*Н. Ѳ. Сумцова*). *Цѣна 2 р.*

4-й томъ. Сборникъ статей объ А. А. Потебнѣ. Отчетъ о дѣятельности Общества и Историческаго Архива 1891—1892 г. Уставъ Педагогическаго отдѣла Историко-Филологическаго общества. *Николай Бакай.* Къ исторіи колонизаціи лѣвобережной Украйны въ XV—XVI в. *М. М. Плохинскій.* Гетманъ Мазепа въ роли великорусскаго помѣщика. *П. В. Иванова.* Народные разсказы о долѣ. *А. А. Русовъ.* Нѣкоторые документы, касающіеся Густынскаго и Мгарскаго монастырей. *А. С. Лебедевъ.* Вотчинный бытъ монастырей Курско-Знаменскаго и Бѣлгородскаго-Николаевскаго, по архивнымъ документамъ. *Н. Ѳ. Сумцовъ.* Къ сорокалѣтнему юбилею служебной и учено-литературной дѣятельности М. И. Сухомлинова. *М. Е. Халанскій.* Пушкинъ и г-жа Ризничъ. *А. С. Лебедевъ.* Синодскій указъ 1766 г. по поводу самовластія епископа Бѣлгородскаго Порфирія. *Н. Ѳ. Сумцовъ.* Заговоры. Библіографическій указатель. *П. П. Короленко.* Черноморскіе заговоры. *М. Гавриловъ.* Заго-

воры изъ Черниговской губерніи (доставлены П. С. Ефименкомъ). *И. А. Семенцова.* Заговоры изъ Черниговской губерніи (доставлены П. С. Ефименкомъ). *М. Д. Линда* и *И. Ѳ. Любицкій.* Нѣсколько заговоровъ. *А. Н. Деревицкій.* Литература по вопросу о заговорахъ, заклинаніяхъ и т. п. въ древней Греціи. *Цѣна 3 руб.* Къ этому тому приложенъ сборникъ статей объ А. А. Потебнѣ.

5-й томъ. Отчетъ о дѣятельности Историко-Филологическаго общества въ 1892—1893 акад. году, составленный Н. Ѳ. Сумцовымъ. Отчетъ объ историческомъ архивѣ Общества, составленный Д. И. Багалѣемъ и М. М. Плохинскимъ. Два отчета о пожертвованіяхъ на премію имени А. А. Потебни. *М. М. Плохинскій.* Поселеніе грузинъ въ Малороссіи въ XVIII в. *П. В. Ивановъ.* Народные разсказы о домовыхъ, лѣшихъ, водяныхъ и русалкахъ. *В. И. Савва.* Къ исторіи духоборцевъ Харьковской губерніи. *С. А. Чернявская.* Обряды и пѣсни с. Бѣлозерки Херсонской губ. *Д. И. Багалѣй.* О новыхъ матеріалахъ для исторіи Слободской украйны. *Н. Ѳ. Сумцовъ.* Дополненіе къ библіографіи заговоровъ. Объ изданіяхъ Общества любителей древней письменности и Русскаго историческаго общества, поступившихъ въ библіотеку Историко-Филологическаго общества. *М. М. Плохинскій.* Опись дѣлъ историческаго архива. Объявленія отъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Труды Педагогическаго отдѣла. Вып. I. *Цѣна 3 руб.*

6-й томъ. Отчеты о дѣятельности И.-Ф. Общества и Педагогическ. Отдѣла. *Свящ. В. Спиcивцевъ.* Случайныя археологическія находки. *Е. П. Трифильевъ.* Изъ исторіи промышленности Слободской украины. *Я. П. Новицкій.* Сборникъ малорус. народ. пѣсенъ, преимущественно историческихъ. *И. И. Манжура.* Малорус. народныя сказки. *Ф. Л. Германъ.* Врачебное сословіе древняго Рима. *А. С. Лебедевъ.* Къ исторіи школъ въ Бѣлгородской епархіи въ XVIII в. *Д. П. Миллеръ* и *М. М. Плохинскій.* Книга справъ поточныхъ Стародубскаго магистрата XVII в. *М. М. Плохинскій.* Опись дѣлъ Историческаго архива. Труды Педагогическаго Отдѣла. Вып. II. *Цѣна 3 руб.*

7-й томъ. *Сочиненія Г. С. Сковороды*, съ приложеніемъ портрета, вида могилы, снимковъ съ почерка, біографіи, состав. его другомъ Ковалинскимъ, и критико-библіографической статьи проф. Д. И. Багалѣя. *Цѣна 4 руб.*

8-й томъ. *А. Н. Стояновъ.* Памяти И. М. Собѣстіанскаго. *Н. Ѳ. Сумцовъ.* Памяти И. М. Собѣстіанскаго. *А. Н. Стояновъ* и *Н. О. Куплеваскій.* Надгробныя рѣчи. *М. С. Дриновъ.* Обзоръ ученой дѣятельности И. М. Собѣстіанскаго. *А. Д. Левандовскій.* Н. Ф. Одарченко (некрологъ). *Н. Ѳ. Сумцовъ.* Отчетъ о дѣятельности Историко-Филологическаго Общества и Педагогическаго отдѣла въ 1894-95 г. *Д. И. Багалѣй* и *М. М. Плохинскій.* Отчетъ объ историческомъ архивѣ. 1) Правила о преміи имени А. А. Потебни. Предложенныя въ 1895 г. темы. Первое присужденіе преміи. Отзывы о сочиненіяхъ Н. Грунскаго и В. Рогачевскаго. 2) Записка проф. Г. В. Левицкаго. Къ вопросу объ организаціи раскопокъ кургановъ и городищъ Харьковской и смежныхъ губерній. 3) Научныя чтенія для женщинъ весной 1895 г. Программы чтеній. Временная организація. Статистическія данныя. 4) Юбилейное чествованіе памяти Г. С. Сковороды 13 ноября 1895 года. *А. С. Лебедевъ.* Г. С. Сковорода, какъ богословъ. *Ѳ. А. Зеленогорскій.* Г. С. Сковорода, какъ философъ. *Д. И Багалѣй.* Г. С. Сковорода, его жизнь, ученіе и значеніе. *Н. И. Алякритскій.* Памяти Н. С. Тихонравова. *А. І. Лященко.* Циркуляръ попечителя З. Я. Карнѣева и письмо В. Н. Каразина по поводу его къ гр. В. П. Кочубею. *Ѳ. Е. Коршъ.* Нѣсколько замѣчаній къ греческой фонетикѣ Бругмана. *Д. П. Миллеръ.* Очерки изъ исторіи и юридическаго быта старой Малороссіи. Суды земскіе, городскіе и подкоморскіе въ XVIII столѣтіи. *В. А. Мякотинъ.* Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Переяславскаго полка. *М. М. Плохинскій.* Путешествіе Тарасія Каплонскаго въ Италію въ концѣ XVII столѣтія. *Н. Ѳ. Сумцовъ.* Сказанія о провалившихся городахъ. *Н. Ѳ. Сумцовъ.* Къ библіографіи старинныхъ малорусскихъ религіозныхъ сказаній. *М. Д. Линда.* Историческія преданія о селѣ Рублевкѣ Богодуховскаго уѣзда. *М. М. Плохинскій.* Списокъ книгъ, присланныхъ И.-Ф. Обществу въ даръ академіей наукъ. Приложеніе. *М. М. Плохинскій.* Опись историческаго архива. *Цѣна 3 руб.*

9-й томъ. *Д. И. Багалѣй.* О. Николай Лащенко (некрологъ) съ приложеніемъ портрета. *М. А. Масловъ.* Д. А. Матовъ (некрологъ). *А. В. Ветуховъ.* Памяти Р. І. Кашпиренинова (некрологъ). Отчетъ о дѣятельности Историко-Филологическаго общества въ

18⁹⁵/96 ак. г. *С. А. Рѣзниковъ.* О текстѣ договора Мстислава Давыдовича съ нѣмцами. *В. И. Савва.* О чинѣ царскаго вѣнчанія. *М. А. Остроумовъ.* О происхожденіи Синопсиса. *А. С. Лебедевъ.* Өеоктистъ Мочульскій. *Н. А. Лищенковъ.* Е. И. Станевичъ. *Н. Ө. Сумцовъ.* Личные обереги отъ сглаза. *Б. М. Ляпуновъ.* Д-ръ Ватрославъ Облакъ. *Н. Ө. Сумцовъ..* Литературная родня разсказа гр. Л. Н. Толстого «Чѣмъ люди живы». *П. П. Короленко.* Матеріалы по исторіи Войска Запорожскаго. *Н. Ө. Сумцовъ.* Пожеланія и проклятія. *Н. И. Алякритскій.* Обзоръ трудовъ Н. С. Тихонравова съ 1859—1874 (продолженіе). *Н. Ө. Сумцовъ.* Опытъ историческаго изученія малорусскихъ пословицъ. *Н. Ө. Сумцовъ.* Жаба и лягушка въ народныхъ повѣрьяхъ и сказаніяхъ. *М. М. Плохинскій.* Опись Историческаго Архива (продолженіе). *Цѣна 2 руб.*

10-й томъ. Отчетъ о дѣятельности Историко-Филологическаго общества въ 18⁹⁶/97 акад. году. *Ө. Ю. Зелинскій.* О заговорахъ. *Н. Ө. Сумцовъ.* Пѣсни о Травинѣ. *Г. Ю. Ирмеръ.* Латышская этнографическая выставка на X археологическомъ съѣздѣ въ Ригѣ 1896 г. *Н. И. Алякритскій.* Памяти Н. С. Тихонравова (окончаніе). *В. П. Милорадовичъ.* Сборникъ малорусскихъ пѣсенъ Лубенскаго уѣзда Полтавской губерніи. *Цѣна 2 руб.*

11-й томъ. 1) Денежный отчетъ Историко-Филологическаго общества. 2) Протоколы засѣданій. *Е. К. Рѣдинъ.* Памяти Ле-Блана. *Н. Ө. Сумцовъ.* Памяти Ө. И. Буслаева. *Н. А. Алякритскій.* Памяти Ө. И. Буслаева. *М. Е. Халанскій.* Памяти Ө. И. Буслаева. *Е. К. Рѣдинъ.* Памяти Ө. И. Буслаева. *В. И. Харціевъ.* Памяти Ө. И. Буслаева. *Н. Ө. Сумцовъ.* Раскольническій сборникъ. *В. И. Савва.* О посольскомъ обрядѣ Московскаго государства. *Н. А. Максимейко.* Проектъ новаго уложенія законодательной комиссіи 1754—1766 года. 3) О собираніи историко-этнографическихъ матеріаловъ. 4) Темы на соисканіе преміи имени А. А. Потебни въ 1898 г. 5) Организація иногороднихъ чтеній. 6) Книги, поступившія въ библіотеку И.-Ф. О. 7) Отчетъ объ Историческомъ Архивѣ 18⁹⁷/98 г. 8) Отчетъ о дѣятельности Педагогическаго отдѣла И.-Ф. О. въ 18⁹⁷/98 г. 9) Отчетъ о дѣятельности Лекціонной Комиссіи. 10) Списокъ свѣтовыхъ картинъ, пріобрѣтенныхъ И.-Ф. О. въ 18⁹⁷/98 г. 11) Списокъ членовъ И.-Ф. О. и Педагогическаго Отдѣла. 12) Рѣчь проф. *Н. Ө. Сумцова* по поводу пятилѣтія Педагогическаго Отдѣла. *Е. К. Рѣдинъ.* Ө. И. Буслаевъ. Обзоръ трудовъ его по исторіи искусства. *А. С. Лебедевъ.* Разъѣзды Бѣлгородскихъ архіереевъ по епархіи. *А. П. Пельтцеръ.* Происхожденіе анекдотовъ въ русской народной словесности. *Н. Ө. Сумцовъ.* Разысканія въ области анекдотической литературы. Анекдоты о глупцахъ. Экстрактъ о изнеможеніи слободскихъ полковъ. *Цѣна 3 р.*

12-й томъ. Отчетъ и протоколы Историко-Филологическаго общества за 18⁹⁸/99 г. *Н. Ө. Сумцовъ.* Памяти П. А. Лавровскаго. *М. Е. Халанскій.* Я. П. Полонскій въ его поэзіи. *А. С. Лебедевъ.* Іосафъ Горленко, епископъ Бѣлгородскій и Обоянскій. *Е. К. Рѣдинъ* и *Н. А. Федоровскій.* Могильникъ кургана слоб. Сеньково Купянскаго уѣзда. *Н. Ө. Сумцовъ.* Леонардо-де-Винчи (со множ. рисунковъ). Приложеніе: экстрактъ о изнеможеніи слободскихъ полковъ (продолж.). Опись историческаго архива (продолж.). *Цѣна 3 р.*

13-й томъ. (Труды Харьковскаго Предварительнаго Комитета по устройству XII археологическаго съѣзда, т. II, ч. I и II). 1) Черниговскіе архивы *Ю. В. Татищева.* 2) Обзоръ рукописныхъ памятниковъ по исторіи Слободской Украйны, хранящихся въ Военно-Учебномъ Архивѣ въ С.-Петербургѣ. *И. Катаева.* 3) Къ исторіи торговыхъ сношеній въ Московскомъ Государствѣ въ XVII в. *К. Ө. Бѣлявскаго.* 4) Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ архивахъ духовнаго вѣдомства въ губерніяхъ Курской и Харьковской. *А. С. Лебедева.* 5) Архивы Харьковской губерніи. *Д. П. Миллера.* 6) Изъ этнографическихъ экскурсій *Н. Ө. Сумцова.* 7) Къ вопросу о толковомъ словарѣ Украинской народной терминологіи. *В. Василенко.* 8) Очеркъ поселеній и построекъ Полтавской губерніи. *М. Русова.* 9) Кобзари и лирники Харьковской губерніи. *Е. Криста.* 10) Кобзари Харьковской губерніи. 11) Опытъ толковаго словаря народной технической терминологіи по Полтавской губерніи. *Б. К. Василенко.* 12) Лирники Полтавской и Черниговской губерніи. *С. Маслова.* 13) Донецкое и Хорошевское городища. *В. Е. Данилевича.* *Цѣна 3 руб.*

Труды Харьковскаго Предварительнаго Комитета т. I. 1) О подземныхъ ходахъ г. Харькова. 2) О нѣкоторыхъ мѣстныхъ древностяхъ *Е. Г. Ходской.* 3) Памятники церковныхъ древностей Харьковской губерніи. *Е. К. Рѣдина.* 4) Экскурсы въ область древнихъ рукописей

и старопечатныхъ изданій. *М. Г. Халанскаго.* 5) Древности окрестности с. Райгородка Изюмскаго уѣзда *Н. А. Федоровскаго.* 6) Памятники старины въ Ахтырскомъ уѣздѣ *И. Ш-съ.* 7) О городищахъ Харьковской губ. *Ю. И. Морозова.* 8) Отчетъ о поѣздкѣ по Старобѣльскому уѣзду. *Е. П. Радаковой.* 9) Икона «Недреманное Око». *Е. К. Рѣдина.* 10) Каменныя бабы въ Харьковской губерніи. *Г. С. Чирикова.* 11) Краснополянскій «голубецъ» какъ памятникъ побѣды, одержанной курянами надъ татарами въ 1628 г. *М. Г. Халанскаго.* 12) О Путивльскомъ Преобрраженскомъ соборѣ и о тѣхъ церквахъ и монастыряхъ, кои имѣли связь съ соборомъ *И. М. Рябинина.* 13) По поводу одного погребенія, вырѣзаннаго съ землей *В. Е. Данилевича.* 14) Нѣсколько стоянокъ и случайныхъ находокъ каменнаго вѣка въ Ахтырскомъ и Богодуховскомъ уѣздахъ, Харьковской губ. *В. Е. Данилевича.* 15) Древности Дмитріевскаго уѣзда Курской губерніи и церквей г. Дмитріева. *Н. И. Алякритскаго.* 16) Матеріалы Комитета о кобзаряхъ и лирникахъ. *А. В. Ветухова.* 17) Этнографическія наблюденія А. Ф. Музыченка надъ болгарскими колонистами Ѳеодосійскаго уѣзда. Проф. *М. С. Дринова.* 18) Объ «Острой Могилѣ» въ Славяносербскомъ уѣздѣ Екатеринославской губ. *Г. Еленева.* 19) О писанкахъ. *А. В. Ветухова.* 20) Раскопки *В. А. Городцова.* въ Изюмскомъ уѣздѣ въ 1901 году. 21) Козакъ на картинахъ малорусскихъ живописцевъ первой половины XIX вѣка. *П. В. Иванова.* 22) О лицевыхъ синодикахъ, поступившихъ въ распоряженіе Харьковскаго Предварительнаго Комитета по устройству XII археологическаго съѣзда *Е К. Рѣдина.* 23) Восточныя металлическія зеркала изъ Харьковской и Екатеринославской губерній. *Н. Катанова* и *Д. Айналова.* 24) Къ панегирикамъ Д. Е. и С. Д. Ефремовымъ. *А. Попова* 25) Слобода Алексѣевская Крѣпость Зміевского уѣзда, Харьковской губ. *П. А. Константинова.* 26) О бронзовомъ водолеѣ западно-европейской работы, найденномъ въ Харьковской губ., и другихъ подобныхъ находкахъ въ предѣлахъ Россіи. *И. Я. Смирнова* 27) Анатомическое изслѣдованіе костей, найденныхъ при раскопкахъ кургановъ въ Харьковской губ. Проф. *М. А. Попова.* *Цѣна 3 руб.*

Труды Педагогическаго Отдѣла Историко-Филологическаго Общества. Вып. I-й.

Отчетъ о дѣятельности Педагогическаго Отдѣла за первое полугодіе. *М. С. Дриновъ.* Рѣчь при открытіи отдѣла. *Н. Ѳ. Сумцовъ.* Рѣчь при открытіи отдѣла. *М. Е. Халанскій.* О методѣ обученія писанію сочиненій въ средне учебныхъ заведеніяхъ. *Н. С. Протопоповъ.* Къ вопросу о сочиненіяхъ. *С. А. Новицкій.* Чтеніе и языкъ сочиненій. *А. Г. Левандовскій.* Рѣчь въ засѣданіи отдѣла 13 декабря. *А. Г. Левандовскій.* О классномъ чтеніи древнихъ авторовъ. *А. В. Ветуховъ.* Янъ Амосъ Коменскій. *Н. И. Алякритскій.* А. В. Кольцовъ. *И. М. Собѣстіанскій.* Отчетъ г. попечителя Кавказскго. учебнаго округа за 1891 годъ. *Г. Ѳ. Шульцъ.* Julius Keller. Die Grenzen der Uebersetzungskunst 1892 г. *В. П. Бузескулъ.* По поводу новыхъ учебниковъ по всеобщей исторіи (проф. П. Виноградова и К. А. Иванова). *Н. И. Алякритскій.* П. А. Висковатовъ. Сжатый обзоръ исторіи новой литературы 1892 г. *Н. Ѳ. Сумцовъ.* М. Л. Песковскій: К. Д. Ушинскій 1892 г. *Н. Ѳ. Сумцовъ.* А. Д. Твердохлѣбовъ. Столѣтіе Ахтырскаго уѣзднаго училища. 1893 г. *Б. А. Краевскій.* Объяснительная замѣтка къ таблицамъ спряженія и склоненія въ нѣмецкомъ языкѣ. *Цѣна 1 руб.*

Труды Педагогическаго Отдѣла Историко-Филологическаго Общества. Вып. II-й.

Уставъ Педагогическаго Отдѣла И.-Ф. общества. *Д. И. Багалѣй.* Объ элементарной методикѣ исторіи. *Н. И. Алякритскій.* О классномъ и внѣклассномъ чтеніи. *М. П. Знаменскій.* Греческій optativ (опытъ преподаванія въ IV классѣ). *В. И. Харціевъ.* О преподаваніи грамматики русскаго языка низш. классахъ гимназіи. *М. И. Демковъ.* О задачахъ серіозной педагогической литературы. *И. Н. Стефановскій.* О грамматическ. разборѣ на урокахъ русск. языка. *С. А. Новицкій.* Путь къ обновленію школьной грамматики. *И. М. Собѣстіанскій.* «Объ отчетѣ Тифлисской 1 гимназія 1893 г.». *А. В. Ветуховъ.* О книгѣ Д. В. Аверкіева о драмѣ. *Н. Ѳ. Сумцовъ.* О лекціяхъ А. А. Потебни о баснѣ. *Цѣна 1 рубль.*

Труды Педагогическаго Отдѣла Историко-Филологическаго Общества. Вып. III-й.

Отчетъ о дѣятельности П. О. Х. И.-Ф. О. въ 18⁹⁵/96 акад. году. Н. Ѳ. Сумцовъ. Организація общественныхъ и школьныхъ библіотекъ. *Н. С. Иваницкій.* Организація домаш-

няго чтенія и литературныхъ вечеровъ въ гимназіяхъ. *А. В. Ветуховъ.* Основные вопросы литературной критики. *В. К. Валтеръ.* Французскій языкъ въ коллегіи Роллена и въ Сорбоннѣ. *С. В. Соловьевъ.* В. Гюго и Диккенсъ, какъ проповѣдники гумманности и друзья дѣтей. *Е. П. Трифильевъ.* Н. И. Новиковъ, какъ педагогъ. *И. Н. Стефановскій.* Къ вопросу о грамматическомъ разборѣ на урокахъ русскаго языка въ средне-учебныхъ заведеніяхъ (обстоятельственныя слова). *Н. Ѳ. Сумцовъ.* 1) Гюйо, «Искусство съ точки зрѣнія соціалогіи». Спб. 1891. 2) Смирновъ, А. И. «Эстетика» Казань. 1894. 3) Прельсъ «Эстетика». Спб. 1895. 4) Жизнь замѣчательныхъ людей, Павленкова. «Ломоносовъ». *Д. В. Гутниковъ.* 1) Куницкій. Значеніе и изученія словесности для нравственнаго воспитанія юношества, Кіевъ, 1894. 2) Минскій, «Иліада» Гомера, М. 1896. 3) Ланге, Художественное воспитаніе въ дѣтской, М. 1895. 4) Кейръ, Воображеніе и память, Спб. 1896.

Труды Педагогическаго Отдѣла Историко-Филологическаго Общества. Вып. IV-й.

Отчетъ о дѣятельности Педагогическаго Отдѣла Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества за 18⁹⁶/97 академ. годъ. *Н. Ѳ. Сумцовъ.* Эдуардъ Лабулэ и Жюль Мишле, какъ педагоги и друзья дѣтей. *В. И. Харціевъ.* Объ организаціи ученическихъ экскурсій. *М. А. Остроумовъ.* Августъ Германъ Франке. *В. К. Вальтеръ.* О связываніи словъ во французскомъ языкѣ. *Н. Ѳ. Сумцовъ.* Къ вопросу о составленіи руководства для студентовъ Императорскаго Харьковскаго университета. Харьковская педагогическая хроника: открытіе новыхъ университетскихъ клиникъ. *Н. Ѳ. Сумцовъ* и *Е. К. Рѣдинъ.* Опытъ организаціи образовательныхъ чтеній преимущественно для учащихся. *В. И. Харціевъ.* Дѣтская колонія въ Березовскихъ минеральныхъ водахъ. *Н. Ѳ. Сумцовъ* и *А. Я. Ефимовичъ.* Докладъ коммиссіи о способахъ умноженія городскихъ школъ. Выставка воскресныхъ школъ. Музыкальный кружокъ. Проектируемая народная аудиторія. *Н. Ѳ. Сумцовъ.* Къ вопросу объ организаціи въ Харьковѣ дѣтскихъ общественныхъ игръ. *Б. А. Краевскій* и *В. И. Харціевъ.* Объ устройствѣ библіотеки учебниковъ при обществѣ попеченія о бѣдныхъ ученикахъ 2-й Харьковской гимназіи. *Н. А. Власенко.* Субботняя школа. Библіографія: *К. И. Турчаковскій.* Baumeyster, Handbuch der Erziehungs und Unterrichtslehre für höhere Schulen 1895 г. *Г. Ю. Ирмеръ.* Людвигъ Шейнъ, психическое происхожденіе и соціальный характеръ языка. *В. А. Лезинъ,* Шереметевскій В. П. сочиненія 1897 г. *Н.* С. Софоклъ, трагедія «Электра», перев. съ греческаго языка подъ редакціей П. М. Григоровскаго. *Н. С-въ.* Николаевъ, Переселенка съ острова Андроса (Andria) Теренція. *Н. С-въ.* Отчеты объ ученическихъ поѣздкахъ на Нижегородскую выставку. Изъ газетъ и журналовъ: О гимназическихъ отмѣткахъ. Заботы о выразительномъ чтеніи. Лекція о школьныхъ завтракахъ. Надѣленіе школъ землей и лѣсомъ. Защита дѣтей. Справочное педагогическое бюро Курскаго губернскаго земства. Поминка умершаго учителя Сумской мужской гимназіи И. В. Кривенка. *Цѣна 1 руб.*

Труды педагогическаго отдѣла Историко-Филологическаго Общества. Вып. V-й.

М. Г. Халанскій. Памяти Ѳ. И. Буслаева. Взгляды Ѳ. И. Буслаева на преподаваніе русскаго языка и словесности въ средней школѣ. *В. И. Харціевъ.* О нѣкоторыхъ пріемахъ обученія правописанію *В. В. Лапинъ.* Императрица Екатерина II, Бецкій и ихъ учрежденія для образованія женщинъ. *А. В. Ветуховъ.* О новой наукѣ сематикѣ Бреаля. *С. В. Соловьева.* Провансальская поэзія. *Н. В. Шеметова.* О задачахъ средняго образованія. *В. И. Харціевъ.* Новый трудъ по исторіи языка и мысли А. А. Потебни (посмертное изданіе). *С. А. Немолодышевъ.* Изъ исторіи педагогическихъ теорій словъ. Песталоцци, его жизнь и дѣятельность. *Е. К. Рѣдинъ.* Памяти В. Г. Бѣлинскаго. Мѣстная педагоческая хроника. *Н. Ѳ. Сумцовъ.* Отчетъ объ иногороднихъ публичныхъ лекціяхъ весной 1899 года. *М. А. Масловъ.* Отчетъ о поѣздкѣ въ Острогожскъ.

Сборникъ статей объ А. А. Потебнѣ (съ портретомъ), *цѣна 1 р.* рекомендовано Уч. Комитетомъ М. Н. Пр. для фундам. библ. средн. учебн. заведеній). Сборникъ статей объ И. М. Собѣстіанскомъ (съ портретомъ), *цѣна 20 коп.* Сборникъ статей о Н. Ф. Одарченко

(съ портретомъ) *цѣна 40 коп.* Сборникъ статей объ А. И. Кирпичниковѣ ц. 1 р. 30 к.. Сборникъ статей объ И. П. Миклашевскомъ, ц. 50 коп. *Двадцатипятилѣтіе* Историко-филологическаго Общества (1877—1902), ц. 75 к.

Пособіе для устройства научныхъ и литературныхъ чтеній *цѣна 1 руб.*, на лучшей бумагѣ *2 руб.* I и II изданія. *Первое изданіе «Пособія» рекомендовано* Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія особому вниманію педагогическихъ совѣтовъ средне-учебныхъ заведеній для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія старшаго возраста библіотеки, а также для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ (Ж. М. Н. П. 1896 III). Содержаніе: 1) Святки. 2) Небо и земля. 3) Море. 4) Горы. 5) Степи. 6) Лѣса. 7) Царство пернатыхъ. 8) Хлѣбные злаки и земледѣльческій трудъ. 9) Родство и дружба. 10) Музыка. 11) Поэзія. 12) Наука.

Основы поэтики, *цѣна 20 коп.* (рекомендовано).

Тетрадь для записыванія прочитанныхъ книгъ, *ц. 5 коп.* (рекомендована въ качествѣ необязательнаго учебнаго пособія).

Ивановъ. Народные разсказы о долѣ (матеріалы для характеристики міросозерцанія крестьянскаго населенія Купянскаго уѣзда). *40 коп.* *Черняевская.* Обряды и пѣсни села Бѣлозерки Херсонской губерніи. *Цѣна 40 коп.* Каталогъ выставки XII археологическаго съѣзда въ гор. Харьковѣ ц. 2 руб. *Южно-Русскій народный орнаментъ.* Черниговская губ. Вып. 2-й, собрала и составила П. Я. Литвинова, съ предисловіемъ предисловіемъ проф. Е. К. Рѣдина. Ц. 3 руб.

Изъ числа книгъ, пожертвованныхъ И.-Ф. Обществу въ значительномъ числѣ экземпляровъ, продаются:

Короленко. Чорноморцы. Спб. 1874. *Цѣна 1 р.*

Автобіографія Степана Лукича Геевскаго (1813—1862 г.). Кіевъ 1894. *Ц. 50 к.*

Н. Сумцовъ. Очеркъ исторіи южнорусскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ, 1888. *1 р. 50 к.*

Пересылка безплатная, а при выпискѣ на сумму не менѣе *20 руб.* 30% уступки.

Складъ изданій: 1) Харьковъ: Университетъ, Историко-Филологическое Общество; 2) въ С.-Петербургѣ, у члена Общества: Л. М. Шахъ-Пароніанца, Малая Конюшенная, д. № 12.